

СЛОВА ПРЕПОДОБНАГО СИЖЕОНА

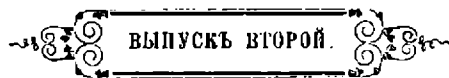
НОВИГО БОГОСЛОВА.



ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ СЪ НОВОГРЕЧЕСКАГО

ЕПИСКОПА ТЕОФАНА.

Издание второе Афонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ П. БЕРНОВА. БОЛЬШАЯ ПЯТИМАНКА, ДОМЪ СМЕРНОВОЙ.

1890.

С Л О В А

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА НОВАГО ВОГОСЛОВА.

ИЗ ПЕРЕВОДА СЪ НОВОГРЕЧЕСКАГО ПРЕСВИТЕРИЯТШАГО ЕПИСКОПА ФЕОФАНА.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ.

1) О любви, и о томъ, какова жизнь и каковы дѣла добродѣтельныхъ мужей.

2) И ублаженіе тѣхъ, кои имѣють сердечную любовь.

1. Братія мои возлюбленные! Хочу бесѣдовать съ вами о душеспасительныхъ предметахъ, и стыжусь (свидѣтель мнѣ Христосъ—истина!) любви вашей, зная мое недостоинство. Потому желалъ бы (какъ вѣдомо то Господу) всегда молчать, и очей своихъ не поднимая, чтобы возрѣть на лице человѣка, такъ какъ обличаетъ меня совѣсть моя, что опредѣленъ, не будучи того достоинъ, быть руководителемъ всѣхъ васъ, какъ будто знаю путь добродѣтели—я, который не знаю даже того, что подъ ногами моими, и еще не вступалъ на путь Божій. Почему много скорблю, что я смиренный присужденъ руководить васъ честнѣйшихъ меня, которыхъ самому мнѣ надлежало бы имѣть своими руководителями, потому что я ниже всѣхъ васъ и не имѣю слова свидѣтельствуемаго и подтверждаемаго моими дѣлами и жизнію моею, чтобы дѣйствовать на васъ, вспоминая вамъ о законѣ Божіемъ и о святой волѣ Его. Ибо знаю:

что никогда ничего не дѣлалъ изъ того, что хочу сказать вамъ, а мнѣ хорошо очень извѣстно, что Господь и Богъ нашъ не того ублажаетъ, кто только учить, но того, кто прежде творить, а потомъ учить. *Иже, говорить Онъ, сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствѣи небесныхъ* (Мѡ. 5, 19). Потому что и тѣ, которые слушаютъ такого учителя, бывають готовы подражать ему, не столько получая пользы отъ словъ его, сколько будучи подвигаемы и понуждаемы дѣлами его дѣйствовать подобно ему. Этого я не имѣю, и совѣсть моя свидѣтельствуешь, что нѣтъ во мнѣ ничего добраго. Но прошу и молю васъ, братія мои возлюбленные, не смотрите на мою нерадивую жизнь, а на повелѣніе Христа Господа и наставленія святыхъ отцевъ; такъ какъ эти богопросвѣщенные отцы наши никакого не предали намъ правила, котораго не исполнили бы напередъ сами.

Итакъ, заповѣди Христовы да будутъ единымъ общимъ для всѣхъ насъ путемъ, который вель бы насъ на небеса и къ самому Богу. Хотя слово объявляетъ много путей, много указываетъ способовъ, могущихъ привести человѣка въ царство небесное, но въ самомъ дѣлѣ путей немного, а одинъ путь, только онъ раздѣляется на многіе пути, сообразно съ силою и произволеніемъ каждаго. Ибо каждый изъ насъ начинаетъ особыми дѣлами и дѣланіями, какъ-бы мы начинали движеніе изъ разныхъ мѣстъ и городовъ, стремясь однакожь придти въ одно и то же мѣсто, т.-е. въ царство небесное. Когда слышимъ о дѣланіяхъ и путяхъ тѣхъ людей, кои жительствоуютъ по Богу, то должны разумѣть подъ этимъ духовныя ихъ добродѣтели. И тѣ, которые начали шествовать ими, должны всѣ одно имѣть въ виду и къ одной стремиться цѣли, чтобы всѣмъ изъ разныхъ странъ и мѣстъ собраться въ одинъ городъ, т.-е.

въ царство небесное, и сподобиться соцарствовать Христу, покорствуя единому Царю, т.-е. Богу и Отцу.

Итакъ, одинъ указали мы городъ; идущіе же въ него хотя идутъ изъ разныхъ странъ, но путь каждого одинаковъ со всѣми другими: это любовь. Мы имѣемъ святую и нераздѣльную троицу добродѣтелей — вѣру, надежду и любовь, и послѣдняя—первая есть, и большая всѣхъ, какъ предѣль добротъ (нравственныхъ). Ею устроено строится вѣра наша, на ней основана надежда и безъ ней ничто изъ сущаго не происходило и никогда не произойдетъ. У этой любви много именъ и дѣлъ много, и признаковъ ея преобильно, и свойствъ премногое множество. Но существо ея одно и для всѣхъ совершенно непостижимо, и для ангеловъ и для людей, и для всякой другой твари, намъ, можетъ быть, еще невѣдомой. Она неизъяснима словомъ, неприступна въ славѣ, неизслѣдима въ совѣтахъ. Она и вѣчна, ибо безвременна. И незрима она, ибо умопредставляется, но не постигается. Много красоть у ней, нерукотвореннаго и святаго Сіона, которая какъ только начнетъ кто узрѣвать, престааетъ уже утѣшаться привлекательными видимостями міра и любить славу его.

2. Позвольте же, братіе, мнѣ побесѣдовать нѣсколько съ сею любовію и привѣтствовать ее, чтобъ, сколько смогу, удовлетворить тѣмъ приверженность мою къ ней. Ибо привелъ я себѣ на умъ красоту непорочной любви, и внезапно возсіалъ свѣтъ ея въ сердцѣ моемъ, и отъ сладости ея сталъ я восхищеннымъ внѣ себя; престоало дѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ моихъ, вышелъ я мысленно изъ настоящей жизни и забылъ о всемъ, что есть въ мірѣ семъ. Но не знаю, какъ она опять отступила отъ меня, и оставила меня одного оплакивать немощь свою. О любовь превозделѣнная! Блаженъ, кто возлюбилъ тебя, потому что такой не восхоцетъ уже

полюбить страстно никакой красоты человѣческой. Блаженъ, кто сошелся съ тобою божественнымъ вожделѣніемъ, потому что такой отречется отъ всего міра и со всякимъ сближаясь человѣкомъ, не осквернится. Блаженъ, кто плѣнился красотою твоими и наслаждался ими полнымъ желаніемъ, потому что такой освятится въ душѣ пречистою кровію и водою, кои сочатыся и каплютъ изъ тебя. Блаженъ, кто облобызалъ тебя всѣмъ сердцемъ, потому что такой измѣнится добрымъ измѣненіемъ въ духѣ своемъ и возрадуется душею своею, такъ какъ ты сама—неизреченная радость. Блаженъ, кто стяжалъ тебя, потому что такой не будетъ уже во что-либо сгавить всѣ сокровища міра, такъ какъ ты сама—воистину богатство, никогда не оскудѣвающее. Блаженъ и треблаженъ тотъ, кому подала ты десницу свою, потому что такой, при всемъ видимомъ безславіи, будетъ славнѣе всѣхъ славныхъ и честнѣе всѣхъ чтимыхъ. Похваленъ, кто тебя ищетъ, прехвальнѣе, кто тебя обрѣтетъ, но блаженнѣе всѣхъ тотъ, кто возлюбленъ будетъ тобою, кого посадишь ты одесную себя, кто наученъ будетъ тобою, кто обитать будетъ въ тебѣ, кто напитаенъ будетъ отъ тебя безсмертною пищею, т.-е. Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

О любовь божественная! Гдѣ держишь ты Христа? Гдѣ скрываешь Его? Для чего взяла ты Избавителя міра, и отдала Его отъ насъ? Отверзи немного и для насъ дверь свою, да узримъ и мы Христа, за насъ пострадавшаго, и возуповаемъ на милость Его, потому что коль скоро узримъ Его, то уже не умремъ никогда. Отверзи намъ—ты, содѣлавшаяся для Него дверію къ воплощенному Его домостроительству, и понудившая непонуждаемая, а сами по себѣ богато изливающимися утробы щедротъ Владыки нашего подъять грѣхи и немощи всѣхъ человѣковъ, — и не отгоняй насъ, говоря:

не вѣмъ васъ. Прииди къ намъ и познай насъ, такъ какъ мы невѣдомы тебѣ. Возобитай въ насъ, чтобъ ради тебя пришедши Господь посѣтилъ и насъ смиренныхъ, срътаемый тобою, такъ какъ сами мы нimalo того недостойны,—чтобъ, пришедши, Онъ пребылъ немного, бесѣдуя съ тобою, а между тѣмъ позволилъ бы и намъ грѣшнымъ припасть къ пречистымъ стопамъ Его, ты же замолвила бы притомъ доброе о насъ слово и исходатайствовала отпустить намъ долгъ грѣховъ нашихъ, да сподобимся чрезъ тебя опять поработать и послужить Ему, Владыкѣ нашему. И Онъ воспріять бы попеченіе о насъ и пропиталъ насъ.

О святая любовь! Когда бы намъ получить отпущеніе ради тебя и сподобиться вкусить благъ Владыки нашего, коихъ сладости безъ тебя никто не можетъ опытомъ дознать. Кто не возлюбилъ тебя, какъ должно, и кто не возлюбленъ тобою, какъ подобаетъ, тотъ, можетъ быть, и течетъ, но еще не постигъ. О томъ, кто течетъ, сомнительно еще, постигнетъ ли, прежде чѣмъ кончится теченіе. Но кто тебя постигъ, или кого ты постигла, о томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, успѣхъ его вѣренъ. Ибо ты — конецъ закона, ты, объемлющая меня, согрѣвающая меня и воспаменяющая сердце мое къ безмѣрному возлюбленію Бога и братій моихъ. Ты наставница Пророковъ, сшественица Апостоловъ, сила мучениковъ, вдохновеніе Отцевъ и учителей, совершенство всѣхъ святыхъ и самого меня усопособленіе къ настоящему служенію.

Но простите мнѣ, братіе, что я немного отступилъ отъ предмета слова сего. Приверженность моя къ любви побудила меня къ тому. Вспомнилъ я объ ней, — и пораздовалось сердце мое, и я устремился къ пѣнію чудесъ ея. Прошу же и вашу любовь, взыщите ее, сколько силъ есть, съ вѣрною теките въ слѣдъ ея, да по-

стигнете, и даромъ не пропадетъ надежда ваша. Ибо всѣ труды и подвиги, которые начала и конца своего не имѣютъ въ любви съ духомъ сокрушеннымъ, тщетны и бесполезны. Ученика Христова нельзя познать ни по какой другой добродѣтели, кромѣ какъ по любви, какъ говоритъ Самъ Христосъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Иоан. 13, 15). По любви Богъ сдѣлался человѣкомъ и пожилъ съ нами. По любви претерпѣлъ Онъ волею всѣ животворныя страсти, чтобы избавить человѣка отъ узилищъ ада и возвестъ на небеса. По любви Апостолы совершили свое непрерывное теченіе и, сѣтію слова уловивъ всю вселенную, извлекли ее изъ глубины идолослуженія на берегъ царствія небеснаго. По любви мученики пролили кровь свою, чтобы не потерять Христа. По любви съ готовностію жертвовали жизнію своею за святую соборную и апостольскую Церковь богоносные отцы наши и учителя вселенныя. По ней и я, вступивъ въ предстоятельство надъ вами, подвизаюсь учить васъ божественнымъ словесамъ, да явлюсь подражателемъ оныхъ учителей Церкви нашей, сколько это подъ силу мнѣ, съ готовностію подъять всякой трудъ и все претерпѣть, чтобы только сдѣлать съ своей стороны все, что служить ко благу и назиданію вашему, и представить васъ на мысленную трапезу Христову, какъ жертвы совершенныя и всесоженія разумныя. Вы—чада Божіи, и Онъ предалъ мнѣ васъ, какъ малыхъ дѣтей на воспитаніе. Почему вы—утробы мои, очи мои. Вы—похвала моя и печать моего учительства, говоря словами Апостола.

Восподвигаемся же, возлюбленные о Христѣ братія мои, о томъ, чтобы, какъ другими добродѣтелями благоугождаемъ мы Христу Господу, такъ благоугодить Ему и любовію, какую надлежитъ имѣть намъ между собою

другъ къ другу, да радуется Богъ нашему согласію и совершенству въ любви; да радуюсь и я - смиренный, видя всегда ваше преспѣяніе въ жизни по Богу, что она простирается все на лучшее и лучшее въ вѣрѣ, чистотѣ, въ страхѣ Божіи, въ благоговѣнствѣ, въ духѣ сокрушенія и смиренія, въ болѣзнованіи сердца со слезами, коими очищается душа и вся исполняется божественнымъ свѣтомъ и Духомъ Святымъ. И да будетъ сія радость моя въ благословеніе вамъ и приложеніе вѣчнаго и блаженнаго живота, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О совершенной любви, — какое дѣйствіе ея?

2) И о томъ, что если не попечемся пріять благодать Святаго Духа здѣсь, въ настоящей жизни, то невозможно намъ быть вѣрными и христіанами; не будемъ мы также чадами Божіими.

1. Если тотъ, кто будучи злонравенъ, держитъ предъ глазами міра видъ человѣка добродѣтельнаго, чтобъ прельстить и погубить многихъ; если, говорю, такой человѣкъ окаянень предъ Богомъ, мерзокъ и достоинъ всякаго осужденія предъ людьми: то явно, что тотъ, кто, будучи безстрастенъ, кажетъ себя міру страстнымъ (какъ яблдали многіе изъ древнихъ отцевъ, чтобъ послужить многимъ во благо и спасеніе, — прехваленъ и преблагенъ. Ибо какъ діаволь, — который отдалилъ человѣка отъ Бога и лишилъ его всѣхъ благъ рая, тѣмъ, что, скрывшись въ змія, посовѣтовалъ ему по видимости доброе и полезное, во истинѣ же смертоносное, — оказался богоборцемъ и человѣкоубійцею: такъ напротивъ тотъ, кто предъ очами міра кажетъ себя не добрымъ и говорить илкія слова, по видимости лукавыя, имѣя въ виду узнать діавольскія дѣла тѣхъ, кои кажутся лишь

добродѣтельными и благоговѣйными, чтобъ обратить ихъ на путь покаянія и спасенія, поистинѣ есть подражатель Христовъ, споспѣшникъ волѣ Божіей, спаситель и избавитель человѣковъ.

Это впрочемъ могутъ дѣлать только тѣ, кои не привязаны къ міру сему и никакого не имѣютъ пристрастія къ привлекательнымъ видимостямъ его, но совершенно отчуждившись отъ всякаго мірскаго пристрастія, всецѣло соединились съ Богомъ и имѣютъ внутри себя всего Христа, и дѣломъ, и искусомъ, и чувствомъ, и вѣдѣніемъ, и созерцаніемъ. Худо конечно подсматривать за кѣмъ и любопытно развѣдывать, что говоритъ и что дѣлаетъ ближній нашъ; но это тогда только, когда кто дѣлаетъ это съ худою цѣлію, чтобъ охулить его, или обезчестить, или ославить, повсюду разглашая, что видѣлъ или слышалъ. Но если кто дѣлаетъ это съ доброю цѣлію, чтобъ исправить погрѣшности ближняго своего, съ любовію къ нему, благоразуміемъ и знаніемъ дѣла, молясь притомъ Богу о спасеніи его отъ всей души и со слезами, то это не худо. Знаю я человѣка, который употреблялъ многіе способы и разные приемы, чтобъ узнать, что дѣлаютъ жившіе съ нимъ, но дѣлалъ это не для того, чтобъ вредъ имъ какой причинить, но для того, чтобъ потомъ поспособствовать имъ оставить худыя дѣла свои и злые помыслы, привлечь къ себѣ кого словомъ, кого какимъ либо подаркомъ, кого другимъ какимъ образомъ; и иногда плакалъ то объ одномъ, то о другомъ, иногда билъ себя въ лице и въ грудь за спасеніе кого-либо, иногда самъ принималъ лице согрѣшившаго словомъ или дѣломъ и воображая себя самого согрѣшившимъ грѣхомъ брата, исповѣдалъ грѣхъ сей Богу и молилъ о прощеніи, обильныя проливая слезы. Зналъ и другаго, который такъ много радовался о подвизающихся, исправляющихъ всякую добродѣтель и пре-

успѣвающихъ въ добрѣ, какъ бы увѣренъ былъ, что получить воздаяніе за ихъ добродѣтели и подвиги, паче ихъ самихъ подвижающихся; и опять о тѣхъ, кои согрѣшили словомъ, или дѣломъ, и оставались въ грѣхѣ, такъ сильно скорбѣлъ и сокрушался, какъ бы не сомнѣвался, что онъ одинъ имѣетъ дать отвѣтъ за всѣхъ ихъ и быть вверженнымъ во адъ. Знаю я и такого, который такъ сильно желалъ спасенія братій своихъ, что много разъ съ теплыми слезами умолялъ Бога, чтобъ или и они спасены были, или и онъ вмѣстѣ съ ними преданъ былъ мукамъ. Движимый богоподражательною теплою любовію, онъ никакимъ образомъ не хотѣлъ спасенъ быть одинъ безъ братій своихъ. Ибо такъ соединился съ ними духовно, союзомъ святой любви, въ Духъ Святомъ, что и въ царство небесное не желалъ вникти, отдѣляясь отъ нихъ. О единеніе святое! О союзъ святой! О неизъяснимая сила души любомудренной, или лучше сказать. Богоносной, совершенной въ любви къ Богу и ближнему!

2. Кто не достигъ еще въ мѣру такой любви и не видитъ въ душѣ своей никакихъ признаковъ оной, тотъ еще по земному и на землѣ живетъ, или, лучше сказать, такой еще подъ землею кроется, какъ кротъ: ибо подобно этому кроту, и онъ слѣпъ, и только слухомъ слышитъ тѣхъ, кои говорятъ поверхъ земли. Какое несчастіе! Рождены мы отъ Бога во святомъ Крещеніи, содѣлались безсмертными, сподобились именоваться небеснымъ именемъ, и быть наслѣдниками Богу, соваслѣдниками же Христу, и гражданами небесными,—и еще не приняли чувствомъ, и не познали искусомъ толикихъ благъ. Но какъ не чувствуетъ желѣзо, какъ полагаютъ его въ огонь,—какъ не чувствуетъ бездушная кожа, какъ ее окрашиваютъ,—таковы же и мы, когда, такими Божіими обложены бывъ благами, исповѣдуемъ, что никако-

го о нихъ не имѣемъ чувства. Представляя изъ себя христіанъ, показываемъ міру, что мы вѣрные и совершенные христіане, хвалимся вѣрою своею и столькими благами, отъ Бога въ ней полученными; но на дѣла вѣры остаемся неподвижными, и живемъ жизнію, поистинѣ окаянною и жалости достойною. Въ этомъ отношеніи мы похожи на актеровъ театральныхъ, которые принимаютъ образъ царей и другихъ великихъ людей, сами въ себѣ будучи самыми бѣдными и ничтожными, или походимъ на блудницъ, которыя отъ природы некрасивы, но поднарядившись и подкрасивъ себя румянами, воображаютъ себя красавицами. Характеристическія же черты и признаки христіанъ, рожденныхъ отъ Бога, не таковы. — Но какъ дитя, выпедши изъ чрева матери, чувствуетъ воздухъ сей, не зная того, и тотчасъ само-собою начинаетъ кричать и плакать: такъ и тотъ, кто, бывъ рожденъ благодатію всесвятаго Духа, выходитъ изъ міра сего, какъ изъ мрачной нѣкоей утробы и входитъ въ мысленный и небесный свѣтъ, и нѣкоторымъ образомъ проникаетъ нѣсколько въ божественный оный свѣтъ, — въ то же время вдругъ исполняется неизреченною радостію и испускаетъ слезы безъ печали, помышляя о томъ, изъ какого рабства ты освободился онъ, и въ какой блистательный свѣтъ сподобился войти. Таковъ начало христіанства! Тѣ же, которые не видѣли и не испытали такого блага или испытавши потеряли, а взыскать снова его не взыскали отъ Бога, въ терпѣніи и долгомъ злостраданіи, въ плачѣ и слезахъ, чтобъ, очистившись дѣлами покаянія, т.-е. постомъ, бдѣніемъ, молитвою, сердечнымъ сокрушеніемъ и прочимъ подобнымъ, опять улучшить оное потерянное благо, то-есть, благодать Св. Духа и соединиться съ нимъ, — таковые какъ могутъ, скажи мнѣ, даже именоваться христіанами, когда они совсѣмъ не таковы, какими слѣдуетъ быть христіанамъ?

Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть. Тотъ же, кто родился отъ Духа и сталъ мужемъ совершеннымъ, и однакожь никогда не подумалъ, какую благодать потерять по причинѣ недоброй жизни своей и не сознать, что долгъ имѣетъ обновиться духовно чрезъ покаяніе и снова пріять божественную благодать для измѣненія жизни своей, и никакой о томъ не поимѣлъ заботы и попеченія,—таковой какъ можетъ быть духовнымъ чадомъ Божиимъ? Или какъ можетъ быть причисленъ къ истиннымъ христіанамъ, кои суть духовныя чада Божіи? Развѣ самъ собою тайкомъ виѣшается онъ въ среду чадъ свѣта и сядетъ вмѣстѣ съ ними за царскую трапезу? Но за это изгонять его вонъ, какъ не сына свѣта, а плоти и крови, и, связавъ руки и ноги, ввергнуть въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. И праведно. Ибо того, кто получилъ область быть чадомъ Божиимъ и наслѣдникомъ царства небеснаго и вѣчныхъ благъ, и всякими способами наученъ, какъ, какими добродѣтелями и какихъ заповѣдей Божіихъ исполненіемъ можетъ достигнуть сей чести и славы, но презрѣлъ все сіе, предпочетши земное и тлѣнное небесному нетлѣнному и привременную славу поставивъ выше вѣчной, — какъ не отдѣлить такого отъ прочихъ вѣрныхъ?

Посему умоляю васъ, братія мои возлюбленные, пока имѣете время и въ настоящей еще находитесь жизни, подвизайтесь. Потщитесь содѣлаться сынами Божіими и чадами свѣта,—что даруетъ намъ рожденіе, свѣше бывающее чрезъ покаяніе; возненавидьте міръ и все, что въ мірѣ; возненавидьте плоть и страсти, отъ нея раждающіяся; возненавидьте всякую похоть злую и лихонманіе, даже до малѣйшей вещи. И это все легко будетъ намъ сдѣлать, если будемъ одержать въ мысли, какую великую славу, радость и упокоеніе имѣемъ мы получить чрезъ то. Ибо скажите мнѣ, прошу васъ, что другое на

землѣ или на небѣ можетъ быть больше, какъ быть сыномъ Божиимъ, наслѣдникомъ Богу, сонаслѣдникомъ же Христу? Поистинѣ ничего нѣтъ. Мы же, предпочитая земное и привременное, не ища небесныхъ благъ и не любя ихъ отъ всей души, явно показываемъ тѣмъ, которые видятъ насъ, во первыхъ,—что мы невѣрные, какъ написано: *како можете въровати, славу другъ отъ друга приѣмлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите?* (Іоан. 5, 44), потомъ—что мы поработились страстямъ и прилѣпились къ землѣ и земному, совсѣмъ не хотимъ возвестъ ума своего къ небу и Богу, но, бессмысленно преступая заповѣди Его, испадаемъ отъ всыновленія Ему. И что, скажи мнѣ, можетъ быть бессмысленнѣе того, кто оказываетъ преслушаніе Богу и не подвизается быть сыномъ Его? Кто вѣруеть, что Богъ есть, тотъ помышляетъ о Немъ все великое и преславное, исповѣдуя, что Онъ одинъ есть Владыка, Господь и Творецъ всяческихъ, и что есть безсмертенъ, вѣченъ, нетлѣнъ, непостижимъ и неизреченъ. Кто это знаетъ и вѣруеть, что Богъ есть таковъ, тому какъ возможно не возлюбить Его? Или какъ возможно не предать себя на подвиги (благоугожденія Ему) до готовности самую жизнь принести Ему въ жертву, по любви къ Нему, чтобъ сподобиться быть, не скажу, сыномъ Его и наслѣдникомъ, но хоть однимъ изъ вѣрныхъ рабовъ Его, стоящихъ близъ Него?

Если всякій подвизающійся и соблюдающій ненарушимо заповѣди Христовы бываетъ сыномъ и чадомъ Божиимъ, то, конечно, онъ бываетъ и вѣрнымъ и предъ всѣми обнаруживаетъ, что онъ христіанинъ. Мы же, презирая заповѣди Божіи и преступая законы Его, за которые Онъ самъ сотворитъ намъ отмищеніе, когда опять придетъ со славою многою и силою страшною, дѣлами своими показываемъ, что мы—не вѣрные и вѣрные толь-

ко на словахъ. Не льститеся. Вѣра никакой не принесетъ намъ пользы безъ христіанскихъ дѣлъ; потому что въ такомъ случаѣ она мертва, а мертвымъ невозможно пріять жизнь иначе, какъ если они взыщутъ ее исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. Черезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ возвращается внутрь насъ, какъ нѣкій многочастный плодъ, любовь, милостыня, благоутробіе къ ближнимъ, кротость, смиреніе, терпѣніе искушеній, непорочность и чистота сердца, посредствомъ которой сподобляемся зрѣть Бога. И въ чистомъ уже сердцѣ возсіяваетъ благодать и просвѣщеніе Святаго Духа, который возраждаетъ насъ, дѣлаетъ сынами Богу, облачаетъ во Христа, возжигаетъ свѣтильникъ въ душѣ нашей, дѣлаетъ насъ чадами свѣта, освобождаетъ души наши отъ тмы, и отселѣ еще, въ этой жизни дѣлаетъ причастными вѣчной жизни, хотя мы того и не знаемъ. Почему да не дерзаемъ основывать упованіе спасенія своего на частныхъ нѣкоторыхъ, являемыхъ нами, добродѣтеляхъ, какъ-то, на постѣ, бдѣніи и *спаніи на голой землѣ, и другихъ разныхъ злостраданійхъ тѣлесныхъ*, съ небреженіемъ о показанномъ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, въ той мысли, что можемъ и безъ него спастись съ одними этими тѣлесными добродѣтелями, потому что это невозможно, невозможно. Можетъ удостовѣриться въ этомъ всякъ изъ примѣра пяти дѣвъ юродивыхъ и тѣхъ, кои творили чудеса и знаменія именемъ Христо-вымъ, но какъ не имѣли въ душѣ своей любви и благодати Святаго Духа, то услышать нѣкогда отъ Христа Господа: *не вѣмъ васъ, откуда есте, отступите отъ Мене длгательіе неправды* (Лук. 13, 27). Можно удостовѣриться въ этомъ и изъ примѣра многихъ другихъ христіанъ, которые въ жизни достойной имени своего не показали, ни дѣлъ христіанскихъ не совершили, ни чадами Божіими не сдѣлались, но суть плоть и кровь, такъ какъ поте-

ряли благодать, полученную чрезъ св. Крещеніе, но не взыскали и не приложили попеченія опять воспріять ее чрезъ покаяніе. Таковыя никакъ не могутъ побѣдить ни похотей плотскихъ, ни страстей душевныхъ; не могутъ они и ни одной добродѣтели совершить, какъ того хочетъ Богъ, т.-е., благоугодно и совершенно, какъ сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. Но умоляю васъ, братіе мои, приложимъ, сколько можемъ, стараніе и подвигъ, чтобъ сподобиться получить благодать Святаго Духа въ настоящей жизни и чрезъ то достойными содѣлаться благъ вѣчныхъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ.

1) О тѣхъ, кои причастны бывають благодати Святаго Духа.

2) И о томъ, что любящій славу человѣческую никакой пользы не получить отъ прочихъ добродѣтелей, хотя бы всѣ ихъ исправилъ.

1. Если предстоящіе земному царю рады бывають этому, и какъ сами почитають то за великую славу и честь и хвалятся тѣмъ, такъ и другими хвалими бывають за то и ублажаемы: то сколько болѣе мы, содѣлавшіеся воинами Царя небеснаго и воспріяшіе на себя служеніе Ему, имѣемъ долгу радоваться и веселиться, что сподобились сопричисленными быть къ рабамъ Его и призваны работать во славу имени Его! Если же удостоимся когда-либо узрѣть и лице Его и стать въ чинъ предстоящихъ Ему, то какой похвалы и какого ублаженія не превосходитъ это? Но ежели кто еще содѣлается и другомъ Его вѣрнымъ и удостобенъ будетъ слышать бесѣду Его и гласъ Его владычній, то какой человѣческій умъ и какой языкъ можетъ изобразить величіе такой славы и такого достоинства? Если блага, угото-

ванные отъ Бога любящимъ Его, коихъ око не видало, о коихъ ухо не слыхало, и кои на сердце челоуѣку не всходили,—невозможно понять челоуѣческому уму, потому что они выше всѣхъ видимыхъ благъ; то тѣмъ паче недомыслимъ, выше ихъ есть Богъ, уготовавшій ихъ. Но тѣ, которые сподобились видѣть Его, предстоять Ему и бесѣдовать съ Нимъ, и содѣлались общниками и сопричастниками божества Его и славы, всеконечно суть выше тѣхъ благъ, которые уготованы имъ отъ Бога, такъ какъ они восприняли въ себя Самого Господа, уготовавшаго такія блага. Что такіе люди были и бывають доселѣ, не говорю послѣ смерти, но и въ настоящей еще жизни, въ этомъ удостовѣряетъ все Божественное Писаніе, о семъ свидѣлствуютъ всѣ святые, подтверждая то собственною жизнію и въ числѣ ихъ и блаженный Симеонъ Студитъ (когого память совершаемъ нынѣ). Свидѣлствуютъ также о семъ и тѣ, кои прославляютъ святыхъ въ похвальныхъ о нихъ словахъ.

Сей преподобный отецъ нашъ Симеонъ столько просіялъ богоугодною жизнію, что высокою добродѣтелей своихъ и сверхсильными подвигами своими превзошелъ не только жившихъ въ его время, но и многихъ древнихъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ. Почему и сдѣлался достойнымъ многихъ похвалъ и величаній, прославляется и убажается нами, сколько это подѣ силу намъ. Похвалу и убаженіе святыхъ составляютъ двоя сія—православная вѣра и добродѣтельное житіе, и третье—дары Всесвятаго Духа. Первымъ двумъ—вѣрѣ и дѣламъ, спослѣдуетъ и третье—дары. Когда кто поживетъ богоугодно при православномъ мудрованіи, и облагодастствуется и прославится Богомъ благодатію Святаго Духа, тогда ему бываетъ похвала и убаженіе отъ всей Церкви вѣрныхъ и отъ всѣхъ учителей ея. Но если кто не имѣетъ непогрѣшительной вѣры и добрыхъ дѣлъ, на

того никакъ невозможно низойти благодати святаго и поклоняемаго Духа. Если же не внидетъ въ какого человѣка благодать Святаго Духа, чтобъ обитать въ немъ явно и завѣдомо, то такого никакъ не слѣдуетъ именовать духовнымъ человѣкомъ. А тому, кто не содѣлался духовнымъ, какъ можно быть святымъ? И кто не сталъ святымъ, того за какое другое дѣло, или за какой подвигъ ублажать стать? Блаженъ единъ Богъ, и тотъ, кто непричастенъ Бога, или лучше сказать, кто не имѣетъ въ себѣ Бога, какъ будетъ блаженъ? Мнѣ кажется, что этому никакъ нельзя быть. Солнце безъ свѣта, какъ можетъ называемо быть солнцемъ? И человѣкъ, не имѣющій Духа Святаго, какъ можетъ именоваться святымъ? Господь сказалъ: *святѣ будите, яко азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). Этимъ побуждаетъ Онъ насъ грѣшниковъ сущихъ, сколько возможно, подражать Ему посредствомъ добрыхъ дѣлъ, и нѣкоторымъ образомъ говорить какъ бы намъ: бѣгайте всякаго зла и творите всякое добро, всякую проходите добродѣтель и будьте святѣ, сколько возможно, если желаете имѣть общеніе со Мною. Ибо Я святъ есмь, то-есть, чистъ и непороченъ, и это, — то есть, чистота и непорочность, есть во Мнѣ естественно. А вы сдѣлаетесь святыми, если исполняя заповѣди Мои, очистите себя отъ скверны грѣховъ своихъ и примете отъ Меня благодать Всесвятаго Духа. Это именно и означаютъ слова: *святѣ будите*. Человѣкъ тогда бываетъ святъ, когда уклоняется отъ зла и творитъ благо, не потому чтобы освящаемъ былъ добрыми дѣлами, ибо отъ дѣлъ закона не оправдится ни одна душа, а потому, что чрезъ дѣланіе добрыхъ дѣлъ приусваются и приуподобляются святому Богу. Слова: *будите святѣ, яко азъ святъ есмь*, вѣрую, что Господь сказалъ къ тѣмъ наипаче, которые получили благодать всесвятаго Духа. Ими Онъ предостере-

гаетъ ихъ, чтобъ, надѣясь на благодать Святаго Духа, не предавались безпечности и по причинѣ безпечности не возвратились опять на худыя дѣла,—говоря какъ бы: ты, духовный человѣкъ, получившій благодать Святаго Духа и чрезъ благодать сію пріавшій и Меня, не предавайся бездѣйствію и безпечности: ибо бездѣйствіе порождаетъ лукавство (самоугодіе), а отъ лукавства рождается всякаго рода зло. Итакъ пребудь святъ чрезъ непрестанное исполненіе заповѣдей Моихъ, если желаешь, чтобъ я всегда былъ въ тебѣ и съ тобою, а ты во Мнѣ и со Мною. Поелику умъ нашъ приснодвиженъ и не можетъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, то надлежитъ ввести его въ попеченіе и ревность объ исполненіи заповѣдей Христовыхъ. Жизнь человѣческая объята заботами и попеченіями, и нѣтъ возможности совершенно упроднѣться отъ всѣхъ ихъ, хотя многіе всерусильно подвизались преуспѣть въ этомъ. Человѣкъ такимъ созданъ и въ началѣ, какъ видится: ибо Адамъ въ раю получилъ заповѣдь дѣлать и хранить. Слѣдовательно, намъ естественно дѣланіе добрыхъ дѣлъ, и тѣ, которые предаются бездѣйствію и лѣности, какъ бы ни были они до того духовны и святы, ввергаютъ себя въ неестественную страстность (самоугодіе).

2. Какъ источникъ, изъ котораго течетъ вода, если перестанетъ источать воду, уже не бываетъ болѣе источникомъ, а сухою порою или ровкомъ: такъ и тотъ, кто всегда очищаетъ себя дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ, если, послѣ того, какъ очистится и освятится Богомъ, умалитъ нѣсколько дѣланіе заповѣдей, тотчасъ соразмѣрно съ тѣмъ умалается и въ совѣсти. Кто же вслѣдствіе того сознательно поработится какому-либо, хотя бы то одному грѣху, тотъ совершенно теряетъ и самую чистоту, подобно тому, какъ сосудъ полный чистой воды весь оскверняется и отъ малаго количества

кала. Грѣхъ же здѣсь разумѣю я не тотъ, который и тѣломъ совершается, но всякое страстное влеченіе, бывающее невидимо въ душѣ, съ которымъ душа сослагается. И не попустите себѣ, братія мои, не повѣрить слову моему, но вѣдайте, что, хотя бы мы исправили всякую добродѣтель и не оставили ни одной заповѣди Христовой, ни большой ни малой, хотя бы творили чудеса, но если потомъ возлюбимъ только одну славу человѣческую и възыщемъ ее, то погубимъ мзду всѣхъ прочихъ нашихъ добродѣтелей. Ибо ища славы человѣческой и предпочитая ее славѣ Божіей, мы подлежимъ суду, какъ идолопоклонники, поколику служимъ твари паче Творца. Но и тотъ кто не ищетъ, а только принимаетъ съ радостію и самоуслажденіемъ славу міра сего и, когда ему даютъ ее, сердце его радуется о ней, будетъ осужденъ, какъ блудникъ. Такой похожъ на человѣка, который желая сохранить дѣвство, чуждается женщинъ, не ходитъ къ нимъ и не заводитъ съ ними знакомства, но, когда къ нему придетъ какая женщина, принимаетъ ее съ радостію и насыщается сластію смѣшенія. Тоже самое бываетъ и при всякой другой похоти и страсти. Въ зависть ли кто вдается, или въ сребролюбіе, или въ ненависть, или въ другую какую худобу, невозможно ему получить вѣнецъ правды. Ибо Богъ праведенъ и не попускаетъ имѣть общниками неправедныхъ, Онъ безстрастенъ и не сближается со страстными, святъ и не входитъ въ душу оскверненную и злую. Золь же всякъ, кто принимаетъ въ душу свою сѣмя злаго діавола, плодотворяющее въ немъ тернія и волчцы грѣха, сіи предвозженія вѣчнаго огня адскаго. Таковы зависть, ненависть, злопамятство, сердитость, самомнѣніе, тщеславіе, гордость, лукавство, подозрительность, клевета, и вская другая срамная и низкая страсть, оскверняющая душу, какъ говоритъ Христосъ Господь.

Намъ же, братіе, не буди никогда принять по нерадѣнію своему внутрь сердца сѣмя злаго діавола, плодоносящее такіе плевелы; но да приносимъ всегда Христу Господу плоды отъ того, что сѣется и воздѣлывается въ насъ благодатию Святаго Духа, да приносимъ то въ тридесять, то въ шестьдесятъ, то во сто, каковы: любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. И при этомъ да питаемъ себя хлѣбомъ вѣдѣнія и да возвращаемъ добродѣтелями, стремясь придти въ мужа совершенна, въ мѣру возрастa исполненія Христова, Коему всякая слава, честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ.

О вѣрѣ, и къ тѣмъ, которые говорятъ, что живущему въ мірѣ невозможно достигнуть совершенства въ добродѣтеляхъ. Въ началѣ слова—многополезная повѣсть.

Доброе дѣло проповѣдать предъ всѣми милость Божию и возвѣщать братіямъ своимъ великое Его благоутробіе и неизреченную благодать, какую имѣетъ Онъ къ намъ.—Знаю я человѣка, который ни долгихъ и великихъ постовъ не держалъ, ни бдѣній не совершалъ, ни на голой землѣ не сыпалъ, ни другихъ подобныхъ особенно тяжелыхъ подвиговъ на себя не налагалъ; но приведши на память грѣхи свои, позналъ свое окаянство, и, осудивъ себя, смирился,—и многоблагоутробный Господь за это одно спасъ его, какъ говорить божественный Давидъ: *смирися и спасе мя* (114, 5). Короче сказать: повѣрилъ онъ словесамъ Бога, и за эту вѣру Господь пріялъ его. Стыжеть смиреніе много есть препятствій, преграждающихъ путь къ нему; но увѣровать словесамъ Бога, нѣтъ никакого препятствія, которое бы ставило преграду къ тому. Какъ только захотимъ отъ всей души нашей, тотчасъ и увѣ-

руемъ. Ибо вѣра есть даръ всеблагаго Бога, который (даръ) далъ Онъ намъ имѣть естественно (вложилъ въ естество), употребленіе его подчинивъ самовластію произволенія нашего. Почему и скины и варвары естественно имѣютъ вѣру и вѣрятъ словамъ одинъ другаго. Но чтобы показать вамъ на опытъ дѣйствіе вседушной вѣры, послушайте, я расскажу вамъ въ подтвержденіе сказаннаго нѣкую повѣсть.

Жилъ въ Константинополѣ нѣкто, по имени Георгій, юноша возрастомъ лѣтъ двадцати. Это—въ наши дни, на нашей памяти. Онъ былъ красивъ лицомъ, и въ его походкѣ, въ манерѣ держать себя и въ приемахъ обращенія было нѣчто показливое: такъ что по сей причинѣ дѣлали о немъ разныя недобрыя предположенія тѣ, которые смотрятъ на одну внѣшность, и не зная, что сокрыто внутри каждаго, судятъ о другихъ ошибочно. Онъ познакомился съ нѣкимъ монахомъ, жившимъ въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей, человѣкомъ святымъ, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказалъ и то, что сильно жаждетъ спасенія души своей. Честный старецъ, поучивъ его, какъ слѣдовало, и давъ ему небольшое правило къ исполненію, далъ еще и книжицу св. Марка-подвижника, гдѣ онъ пишетъ о духовномъ законѣ. Юноша принялъ эту книжицу съ такою любовію и съ такимъ благоговѣніемъ, какъ бы она была послана ему отъ самого Бога, и сильную возымѣлъ къ ней вѣру, надѣясь получить отъ нея великую пользу и великій плодъ. Почему читалъ ее съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ, и, прочитавъ всю, великую получилъ пользу отъ всѣхъ главъ ея. Но изъ всѣхъ главъ три наипаче запечатлѣлись въ сердцѣ его; первая: „Ища врачеванія, пекись о совѣсти (внимай ей); и что она говоритъ тебѣ. слѣлай то, и получишь пользу (глав. 69)“. Вторая: „Ищущій (чающій получить) дѣйственности Свята-

го Духа, прежде дѣланія заповѣдей, подобенъ купленному за деньги рабу, который въ то же время, какъ его только что купили, ищетъ, чтобъ вмѣстѣ съ уплатою за него денегъ подписали ему и свободу“ (гл. 64 о хотящ. оправ. отъ дѣлъ). Третья: „Молящійся тѣлесно и не имѣющій еще духовнаго разума подобенъ слѣпцу, который взывалъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя* (Мар. 10, 48). Другой же нѣкто прежде слѣпый, когда прозрѣлъ и увидѣлъ Господа, уже не называлъ его сыномъ Давидовымъ, но исповѣдалъ Его Сыномъ Божиимъ (Іоан. 9, 35—38)“ (гл. 13. 14 о дух. зак.). Эти три главы очень ему понравились, и онъ повѣровалъ, что чрезъ вниманіе къ своей совѣсти, какъ внушаетъ первая глава, онъ получитъ уврачеваніе (немощей душевныхъ); чрезъ исполненіе заповѣдей достигнетъ дѣйственности Святаго Духа, какъ учить вторая глава, и благодатію Святаго Духа прозритъ умно и узритъ неизреченную красоту Господа, какъ общаетъ третья глава.—И уязвился онъ любовію къ красотѣ сей, и хотя еще не видѣлъ ея, сильно возжелалъ ея и усердно взыскалъ, въ надеждѣ узрѣть ее наконецъ.

При всемъ томъ однакожь онъ ничего особеннаго не дѣлалъ (какъ увѣрядъ меня съ клятвою), кромѣ того, что каждый вечеръ неопустительно исправлялъ то небольшое правило, которое далъ ему старецъ, и не иначе, какъ исправивъ уже его, ложился въ постель и засыпалъ. Но со временемъ совѣсть начала ему говорить: положи и еще нѣсколько поклоновъ, прочитай сколько-нибудь другихъ псалмовъ, проговори, сколько можешь, большее число разъ и: Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Онъ охотно слушался своей совѣсти, и что она внушала ему, дѣлалъ безъ размышленія все такъ, какъ бы то повелѣвалъ ему самъ Богъ; и ни разу не ложился онъ спать такъ, чтобы совѣсть обличала его, говоря: для чего не сдѣлалъ ты того и того? Такъ всегда слушал-

ся онъ совѣсти своей, никогда не оставляя безъ исполненія того, что сдѣлать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала къ обычному его правилу, и въ немногіе дни вечернее его молитвословіе возрасло въ великое послѣдованіе. Днемъ онъ находился въ палатахъ одного Патрікія, и на немъ лежало попеченіе о всемъ потребномъ для людей жившихъ тамъ. Вечеромъ же каждый день онъ уходилъ оттуда, и никто не зналъ, что дѣлалъ онъ у себя. Онъ же и слезы проливалъ изъ очей своихъ обильныя, и колѣнопреклоненій дѣлалъ многое множество, падая лицомъ на землю; когда стоялъ на молитвѣ, ноги держалъ вмѣстѣ тѣсно одну къ другой, и стоялъ неподвижно; и къ Пресвятой Богородицѣ читалъ молитвы съ болѣзнію сердечною, воздыханіями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падалъ къ пречистымъ ногамъ Его, какъ бы Онъ тѣсно присутъ былъ ему, и умолялъ Его умилосердиться надъ нимъ, какъ нѣкогда надъ слѣпымъ, и даровать прозрѣніе душевнымъ очамъ его. Поелику каждый вечеръ увеличивалась молитва его, то онъ наконецъ простаивалъ, молясь, до самой полночи; и однакъ во все время молитвы, ни разлѣненія себѣ не позволялъ, ни до нерадѣнія себя не допускалъ, ни членовъ тѣла своего не распускалъ, ни очей не обращалъ по сторонамъ или вверхъ, чтобъ взглянуть на что, но такъ стоялъ неподвижно, какъ столпъ какой или какъ безтѣлесный.

Однажды, какъ онъ стоялъ такимъ образомъ на молитвѣ и говорилъ умомъ паче нежели устами: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному, — внезапно низшло на него свыше божественное осіяніе пресвѣтлое и исполнило все то мѣсто. Тогда забылъ уже юноша сей что находится въ комнатѣ и подъ кровлею, потому что во всѣ стороны видѣлся ему одинъ свѣтъ, не зналъ даже, попираетъ ли

онъ землю ногами своими; ни о чемъ мірскомъ не имѣлъ уже онъ попеченія, и не приходило тогда на мысль ему ничто изъ того, что обыкновенно бываетъ на умѣ у тѣхъ, кои носятъ плоть человѣческую; но былъ весь срастворенъ съ невещественнымъ онымъ свѣтомъ и ему казалось, что и самъ онъ сталъ свѣтомъ; забылъ онъ тогда весь міръ и исполнился слезъ и радости неизреченной. Потомъ умъ его востекъ на небеса, и онъ увидѣлъ тамъ другой свѣтъ, болѣе свѣтлый чѣмъ тотъ, который былъ окрестъ его. И показалось ему, къ изумленію его, что вскрай свѣта того стоитъ помянутый выше святой оный и равноангельный старецъ который далъ ему небольшую ту заповѣдь о молитвѣ и книжицу св. Марка подвижника. Услышавъ это отъ юноши, я подумалъ, что ему много содѣйствовала молитва старца и что Богъ устроилъ такое видѣніе, чтобъ показать юношѣ, на какой высотѣ добродѣтели стоялъ старецъ оный. Когда прошло видѣніе то, и юноша пришелъ въ себя, то нашелъ себя (какъ говорилъ послѣ) всего исполненнымъ радости и изумленія, и плакалъ отъ всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостію великою. Наконецъ, легъ онъ въ постель; но тотчасъ запѣлъ пѣтухъ, и показалъ, что была уже полночь. Немного спустя заблагоговѣстили въ церкви и къ утрени; и юноша всталъ, чтобъ прочесть, по обычаю своему, послѣдованіе утрени. Такъ онъ совсѣмъ не спалъ въ ту ночь: сонъ и на умъ ему не приходилъ.

Случилось это какъ, вѣдаетъ Господь, Который и содѣлалъ сіе, имиже вѣсть судьбами. Юноша же тотъ ничего особеннаго не дѣлалъ, кромѣ того что съ крѣпкою вѣрою и несомнѣнною надеждою всегда вѣрно исполнялъ слышанное имъ отъ старца правило и вычитанное въ книжицѣ наставленіе. И никто не говори, что онъ дѣлалъ это для испытанія. Это и на умъ ему не приходило.

Кто испытываетъ, тотъ не имѣетъ твердой вѣры; но юноша тотъ, отложивъ всякій страстный и самоугодливый помысль, такъ много заботился о вѣрномъ исполненіи того, что внушала ему совѣсть, что никакого уже сочувствія не имѣлъ къ вещамъ міра сего, даже пищи и питія не вкушалъ въ сладость или вдоволь.

Слышали, брагія мои, что можетъ сдѣлать вѣра въ Бога, свидѣтельствуемая добрыми дѣлами? Поняли, что ни юность нисколько не вредитъ, ни старость не пользуется, когда нѣтъ разума и страха Божія? Познали, что ни міръ и житейскія дѣла не мѣшаютъ исполнять заповѣди Божіи, когда имѣется ревность и вниманіе? Ни безмолвіе и удаленіе отъ міра не пользуется, когда властвуютъ лѣность и нерадѣніе? Всѣ мы, слыша о Давидѣ и удивляясь ему, говоримъ: одинъ былъ Давидъ и другаго такого не было; но вотъ смотрите, въ юношѣ этомъ проявилось нѣчто больше, чѣмъ въ Давидѣ. Давидъ пріялъ свидѣтельство отъ Бога, помазанъ въ царя и пророка, получилъ Духа Святаго и многія имѣлъ о Богѣ удостовѣренія. Почему, когда согрѣшилъ, и потерялъ благодать Святаго Духа и даръ пророческій, и отчужденъ былъ отъ обычнаго собесѣдованія съ Богомъ, — что дивнаго, если, вспомнивъ о благодати, отъ коей изпалъ, опять разыскалъ онъ отъ Бога потерянные блага? Но этотъ юноша ничего такого не имѣлъ, а былъ связанъ мірскими дѣлами, заботился только о временномъ, а о чемъ-либо высшемъ земли и подумать не имѣлъ времени, — и однакожь — дивны судьбы Господни! — лишь только услышалъ малое нѣчто отъ онаго святаго старца и вычиталъ тѣ три главы у аввы Марка, тотчасъ несомнѣнно повѣрилъ слышанному и написанному и съ непоколебимою надеждою ввелъ то въ дѣло, — и съ небольшимъ тѣмъ дѣланіемъ, которое совершалъ вслѣдствіе того, сподобился возвысить умъ свой до небесъ, подвигъ на милость Матерь Господа, Ея

молитвами умиловивилъ Бога и привлекъ на себя благодать Святаго Духа, которая съ такою силою осѣнила его, что онъ сподобился увидѣть свѣтъ, который видѣть многіе желаютъ, но немногіе сподобляются. Этотъ юноша ни постовъ долгихъ не держалъ, ни на землѣ не спалъ, ни власяницы не носилъ, ни изъ міра не выходилъ тѣлесно, а только духовно—душевнымъ настроеніемъ,—и съ небольшимъ бдѣніемъ, которое совершалъ, явился высшимъ дивнаго онаго Лота, бывшаго въ Содомѣ, или, лучше сказать, явился ангеломъ въ тѣлѣ человѣческомъ,—человѣкомъ по видимости и ангеломъ по умному строю. За что и сподобился увидѣть сладчайшій оный свѣтъ мысленнаго Солнца правды, Господа нашего Іисуса Христа, каковъ свѣтъ удостоивилъ его, что онъ имѣлъ воспріять и будущій свѣтъ. И праведно: ибо любовь и сердечное его къ Богу прилѣпленіе сдѣлали его изступленнымъ, отторгли духъ его и отъ міра сего, и отъ собственнаго естества, и отъ всѣхъ вещей и сдѣлали его всего свѣтомъ отъ Святаго Духа, при всемъ томъ, что онъ и жилъ среди города, и правилъ цѣлымъ домомъ, и пекся о рабахъ и свободныхъ, и дѣлалъ все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого въ похвалу юношѣ, и для того, чтобы подвигнуть и васъ придти въ такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтобъ я сказалъ вамъ и другое что большее, чего, можетъ быть, и слухъ вашъ пріять не сможетъ? Впрочемъ, что можетъ быть больше и совершеннѣе страха Божія? Конечно, ничего нѣтъ. Св. Григорій Богословъ сказалъ: „начало премудрости—страхъ Господень. Ибо гдѣ страхъ, тамъ заповѣдей соблюденіе; гдѣ заповѣдей соблюденіе, тамъ очищеніе плоти,—этого облака, облегающаго душу и не дающаго ей чисто видѣть божественный свѣтъ; гдѣ очищеніе, тамъ осіяніе, а осіяніе есть исполненіе желанія божественнаго“. Го-

воря такъ, онъ показаль, что освѣщеніе Духомъ есть некончаемый конецъ всякой добродѣтели, и кто достигнетъ такого освѣщенія Духомъ, тотъ покончилъ со всѣмъ чувственнымъ и началъ пребывать сознаниемъ въ одномъ духовномъ. Это, братія мои, суть дивности Божіи И Богъ для того изводитъ въ явь сокровенныхъ рабовъ Своихъ, чтобъ подражали имъ добротолубивые и благіе, а злонравные остались безотвѣтными. Ибо и тѣ, которые вращаются въ многолудствѣ, и проводятъ жизнь въ тревоженіяхъ міра, если ведутъ себя какъ должно, обрѣтаютъ спасеніе и сподобляются отъ Бога великихъ благъ ради вѣры, которую показываютъ къ Нему, чтобъ въ день суда ничего не имѣли сказать въ оправданіе свое тѣ, которые не обрѣтаютъ спасенія по причинѣ лѣности своей и нерадѣнія. Такъ истиненъ Тотъ, Кто обѣтоваль даровать спасеніе ради вѣры въ Него! Итакъ, братія мои возлюбленные, попечальтесь о себѣ самихъ и о мнѣ, любящемъ васъ и многократно проливающимъ слезы о васъ. Ибо благодутробный и милостивый Богъ повелѣлъ и намъ быть благодутробными и милостивыми. и печалиться какъ о себѣ самихъ, такъ и другъ о другѣ. Вѣруйте отъ всей души въ Господа, ненавидьте міръ сей, какъ подобаетъ, и не печитесь о временныхъ и невѣрныхъ благахъ его, но приступите къ Богу и прилѣпите къ Нему. Ибо пройдетъ еще немного времени, и настанетъ конецъ міра сего и настоящей жизни; и горе тѣмъ, которые изпадутъ отъ царствія Божія. Меня душатъ слезы, и я плачу и скорблю отъ всего сердца, когда помышляю, что,—имѣя такого великодаровитаго и челоуѣколюбиваго Владыку, Который за одну, искренно являемую къ Нему, вѣру даруетъ намъ столь великія и дивныя блага, и умъ, и слухъ, и чаяніе превосходящія,—мы не подумавши, подобно безсловеснымъ животнымъ, предпочитаемъ всему тому землю и земное, которое, по благо-

утробію Божию, даровано намъ на потребу тѣла нашего, чтобъ, между тѣмъ какъ оно было бы тѣмъ питаемо умѣрен-но, душа безпрепятственно совершала теченіе свое къ премірному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею отъ благодати Св. Духа, по мѣрѣ очищенія ея и обновленія. Ибо для того мы, люди, созданы отъ Бога разумными, чтобъ прославляли Его, благодарили и любили за невеликія блага, дарованныя Имъ для настоящей жизни, и такимъ образомъ сподоблялись получить въ будущей жизни блага великія и вѣчныя. Но горе намъ, что не имѣя совершенно никакого попеченія о будущемъ, мы пребываемъ неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонамъ, или, лучше сказать, являясь хуже ихъ. За это справедливо большему, чѣмъ они, должны мы подлежать мученію. Ибо мы больше облагодѣтельствованы, чѣмъ они: содѣлались христіанами, получили столько духовныхъ даровъ, вѣруемъ въ Бога, Который содѣлался ради насъ человѣкомъ и претерпѣлъ такія страданія и крестную смерть, чтобъ избавить насъ отъ заблужденія прелести и грѣха. Но что скажу на все это? Увы намъ! На словахъ только вѣруемъ мы въ Бога, а дѣлами отвергаемся Его. Не во всякомъ ли мѣстѣ именуется Христосъ,—въ городахъ, селахъ, киновіяхъ и горахъ? Не всюду ли находятся христіане? Но розыщи, если это кажется тебѣ благословнымъ, и разслѣдуй до точности, исполняютъ ли они заповѣди Христовы, и поистинѣ среди столькихъ тысячъ и миріадъ съ нуждою найдешь одного, который и дѣломъ и словомъ есть христіанинъ. Не сказалъ ли Христосъ и Богъ нашъ: *втрули въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ?* (Ин. 14, 12). Но кто изъ насъ дерзнетъ сказать: я творю дѣла Христа и вѣрую право во Христа? Не видите ли посему, братія мои, какъ въ день суда мы имѣемъ оказаться невѣрными, и быть преданы

горшимъ мукамъ, чѣмъ тѣ, кои совсѣмъ не знали Христа, т.-е. невѣрныя? Одно изъ двухъ необходимо, или намъ быть наказанными больше невѣрныхъ, или Христу оказаться невѣрнымъ слову Своему, что невозможно.

Написаль я это не для того, чтобъ помѣшать кому удалиться отъ міра, и не потому, чтобъ предпочиталь безмолвію жизнь среди міра, но чтобы удостовѣрить всѣхъ, которые будутъ читать настоящее сказаніе, что желающій творить добро, получаетъ отъ Бога силу творить оное во всякомъ мѣстѣ, и среди міра, и въ безмолвіи. Напротивъ предметъ сего сказанія таковъ, что еще болѣе долженъ подвигать къ отшельничеству. Ибо если тотъ, кто вращался среди міра и не думаль никогда ни объ отреченіи отъ міра, ни о нестяжательности, ни о послушаніи, такую милость получилъ отъ Бога за то одно, что отъ всей души повѣрилъ и призвалъ Бога; то какія блага получить подобаеть надѣяться тѣмъ, которые, оставляя весь міръ и всѣхъ людей, предають и самую жизнь свою на смерть за заповѣдь Божию, какъ Онъ повелѣлъ? Впрочемъ кто начнетъ творить добрыя дѣла съ вѣрою несомнѣнною и съ усердіемъ великимъ и чувствовать пользу отъ сего бывающую, тотъ самъ собою познаеть, что забота мірская, пребываніе и вращаніе среди міра служатъ великимъ препятствіемъ для тѣхъ, которые желаютъ жить по Богу. Бывшее съ юношею тѣмъ, какъ мы сказали, есть нѣчто дивное и необычайное; и мы не слыхали, чтобъ подобный добрый случай былъ съ другимъ кѣмъ. Но если и былъ съ немногими какими, или будетъ послѣ, да вѣдають они, что если не удалятся отъ міра, то скоро очень потеряють полученное благо.

О томъ юношѣ послѣ я узналъ отъ него же самого еще и слѣдующее. Я встрѣтилъ его, когда уже онъ сталъ монахомъ и провелъ въ монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я зналъ его

очень хорошо: мы отъ юности были друзьями и воспитывались вмѣстѣ. Такъ онъ и разсказалъ мнѣ еще слѣдующее: „послѣ онаго дивнаго видѣнія и измѣненія бывшаго по мнѣ, немного прошло дней, какъ со мною случились многія искушенія мірскія, по причинѣ которыхъ, во время совершенія мною тѣхъ сокровенныхъ по Богу дѣланій, я увидѣлъ въ себѣ, что мало-по-малу лишаюсь блага онаго, и сильное возымѣлъ желаніе удалиться отъ міра и въ уединеніи искать Христа, мнѣ являшагося.— Ибо вѣрую, брате, что для того Онъ и благоволилъ явиться мнѣ, чтобъ взять къ Себѣ и меня недостойнаго, отдѣливъ отъ всего міра. Но какъ я не могъ этого исполнить тогда же, то мало-по-малу забылъ все, что пересказывалъ тебѣ прежде, и впалъ въ совершенное омраченіе и нечувствіе, такъ что не помнилъ уже ничего изъ того, что сказывалъ тебѣ, ни малаго ни большаго, до самаго дѣйшаго движенія мысли, или чувства. Затѣмъ, впалъ я еще въ большія зла, чѣмъ прежде, и пришелъ въ такое состояніе, какъ бы никогда не слышалъ словъ Христовыхъ и не понималъ ихъ; но и на Святаго онаго, который такъ милостивъ былъ ко мнѣ, и далъ мнѣ малую заповѣдь и книжицу святаго Марка, смотрѣлъ я какъ на одного изъ случайныхъ людей, нисколько не помышляя о томъ, что видѣлъ относительно его.—Это я сказываю тебѣ подробно, говорилъ онъ далѣе, для того, чтобъ ты зналъ, въ какую глубину пагубы низпалъ я, окаянный, по нерадѣнію своему, и подивился неизреченной благодати Божіей, явленной на мнѣ потомъ. Не умѣю тебѣ сказать, какъ безъ моего вѣдома остались въ бѣдномъ сердцѣ моемъ любовь и вѣра къ оному святому старцу; но думаю, что ради ихъ послѣ столькаго времени челоуколюбивый Богъ, по молитвамъ его, умилился надо мною, и опять чрезъ негоже исхитилъ меня изъ прелести и исторгъ изъ глубины золь. Я недостойный не совѣмъ отдалялся

отъ этого старца, но когда бывалъ въ городѣ, часто заходилъ къ нему въ келью и исповѣдывалъ ему бывающее со мною, хотя не исполнялъ заповѣдей его безсовѣстный. Теперь же, какъ видишь, милосердый Богъ презрѣлъ многое множество грѣховъ моихъ и устроилъ мнѣ сдѣлаться монахомъ отъ того самаго старца и сподобилъ всегда пребывать съ нимъ вмѣстѣ мнѣ, поистинѣ недостойному. Послѣ чего съ великимъ трудомъ и съ обильными слезами, при рѣшительномъ отчужденіи и отдѣленіи отъ міра, совершенномъ послушаніи и отсѣченіи своей воли, многихъ другихъ дѣлахъ и приемахъ строгаго самоумерщвления и неудержимомъ стремленіи ко всему доброму, удостоился я опять увидѣть, хотя нѣкоторымъ образомъ примрачно, малый лучъ сладчайшаго онаго и божественнаго свѣта. Но такого видѣнія, какъ то, которое видѣлъ тогда, даже доселѣ не сподобился еще я увидѣть опять“.

Это и многое другое говорилъ онъ мнѣ со слезами. Я же, бѣдный, слушая такіа святыя слова его, подумалъ, что онъ весь былъ исполненъ божественной благодати и былъ премудръ, при всемъ томъ, что не былъ наученъ внѣшней мудрости. Получая вѣдѣніе отъ дѣланія и опыта, стяжалъ онъ точнѣйшее познаніе духовныхъ вещей. Почему я просилъ его сказать мнѣ, что это за вѣра, которая можетъ производить такіа дивныя явленія, и преподать мнѣ то письменно, съ приемомъ учительскимъ. Онъ тотчасъ началъ говорить мнѣ о томъ, и что говорилъ, то и писать не полѣнился. Что именно, то, чтобъ не удлиннить безъ мѣры теперешняго моего слова, я напишу въ другихъ словахъ, въ обрадованіе и услажденіе тѣхъ, которые любятъ читать такого рода писанія съ вѣрою.

Итакъ прошу васъ, братія мои, потечемъ съ усердіемъ и себѣ путемъ заповѣдей Христовыхъ,—и лица наши не постыдятся. Но какъ тому, кто толчетъ съ терпѣніемъ, Господь отверзаетъ двери царствія Своего, по обѣтованію

своему, и тому, кто ищетъ, даетъ Духа всесвятаго, и невозможно тому, кто ищетъ отъ всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: такъ и вы несомнѣнно получите дивныя блага отъ Него, какія угодовалъ Онъ любящими Его,—здѣсь отчасти, какъ укажетъ мудрость духовная, а въ будущемъ вѣкѣ всецѣло, со всѣми отъ вѣка святыми, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ.

1) О страшномъ днѣ Господнемъ и о будущемъ судѣ; какой это день Господень и кому открывается?

2) Онъ дѣйствуетъ въ насъ и прежде смерти, и открывается тѣмъ, въ коихъ дѣйствуетъ въ настоящей жизни.

3) Вѣра во Христа одна не можетъ насъ спасти, если не получимъ сошнательно благодати Святаго Духа.

4) Какъ можно познать, что благодать Св. Духа получена? И толкованіе словъ: *въ началѣ бы Слово*.

5) Ублаженіе тѣхъ, которые получили благодать Святаго Духа.

1) Велико и неудобобизьяснимо слово о будущемъ судѣ; такъ какъ касается не настоящихъ и видимыхъ вещей, но будущихъ и невидимыхъ. Почему и мнѣ, хотящему бесѣдовать о семъ и вамъ, имѣющимъ слушать бесѣды мои потребны многія молитвы, великое тщаніе и чистота ума, чтобъ могли мы,—я хорошо познать сей предметъ и изложить его вамъ въ бесѣдѣ, а вы со вниманіемъ выслушать, что будетъ говорено.

Предметъ настоящаго слова есть страшный день Господень, который называется днемъ Господнимъ, не потому что есть послѣдній день дней сихъ, и не потому что въ него имѣетъ прийти Господь, какъ говоримъ мы о дняхъ настоящаго времени: день Пасхи, день Пятидесятницы, день царскій, въ который царь имѣетъ выйти и дѣлать то и то. Но и днемъ суда называется онъ, не потому что въ него имѣетъ быть судъ. Не будетъ тогда такъ,—чтобъ

инымъ чѣмъ-то былъ день тотъ, и инымъ Тотъ, Кто имѣетъ пріити въ него. Но Владыка и Богъ всяческихъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ имѣетъ возсіяť тогда сіяніемъ Божества, и блистаніемъ Владычнимъ закроется это чувственное солнце, такъ что его совсѣмъ не будетъ видно, померкнутъ звѣзды, и все видимое свѣтсѧ, какъ свитокъ, т.-е. отстранится, давая мѣсто Творцу своему. И будетъ одинъ Онъ—и день вмѣстѣ и Богъ. Тотъ, Кто теперь для всѣхъ невидимъ и живетъ во свѣтѣ непреступномъ, тогда для всѣхъ явится такимъ, каковъ есть во славѣ своей, и все исполнитъ свѣтомъ своимъ, и станетъ для Святыхъ своихъ днемъ не вечернимъ и нескончаемымъ, преисполненнымъ непрестающей радости, а для грѣшниковъ и не радивыхъ, подобно мнѣ, пребудетъ совершенно непреступнымъ и незримымъ. Такъ какъ они, когда жили въ настоящей жизни, не потщились очиститься, чтобъ узрѣть свѣтъ славы Господа и Его самого пріять внутрь себя; то и въ будущемъ вѣкѣ по всей справедливости Онъ будетъ имъ непреступенъ и незримъ.

Ибо въ началѣ всеблагій Богъ, желая сдѣлать, чтобы благое было дѣломъ и собственно нашимъ, даровалъ прародителямъ нашимъ самовластіе (а чрезъ нихъ и всѣмъ намъ), чтобъ они исполняли заповѣди Божіи не съ печалію, или по необходимости, но по охотному произволу, съ радостію и усердіемъ, отъ любви къ Богу, и соблюдали ихъ со всѣмъ вниманіемъ, дабы потомъ было сочтено, что они стяжаютъ добродѣтели собственными своими трудами, принося ихъ Владыкѣ Богу, какъ собственные дары, и посредствомъ ихъ стараясь достигнуть совершеннаго образа и подобія Божія и приблизиться къ непреступному Богу, не бывъ пожжены и не умерши. Но поелику первозданные первые послушались врага діавола вольною волею и сдѣлались преступниками заповѣди Божіей; то не только лишились надежды высшаго и боль-

наго, именно, приблизиться къ самому неприступному и немерцающему свѣту, но по причинѣ грѣха подпали тлѣнію и смерти, впади въ мрачнѣйшій мракъ и сдѣлались рабами князя тьмы, діавола. Потомъ и мы, потомки ихъ, подчинились и поработились этому тиранну, не по принужденію какому или насилію, но по собственному желанію: что ясно показали тѣ, которые прежде Христа благоугодили Богу, предавъ волю свою Ему, Владыкѣ своему, а не діаволу.

Человѣколюбивый же Богъ, желая избавить отъ рабства діаволова всѣхъ тѣхъ, которые благоугодили Ему и прежде Христа и послѣ Христа, которые имѣютъ благоугодить до скончанія вѣка, благоволилъ содѣлать это самъ, Богъ всемогущій и вселюбивый. Того, кого создалъ собственными своими невидимыми руками по образу и подобию Своему, восхотѣлъ Онъ возстановить въ то состояніе, изъ коего онъ испалъ, не чрезъ другого кого, а чрезъ Себя самого, содѣлавшись человѣкомъ подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, чтобъ почитать и прославить паче родъ человѣческій. О, неизреченное человѣколюбіе и благодать! Не только не предалъ Онъ вѣчнымъ мукамъ насъ, преступившихъ заповѣдь Его, но какими мы содѣлались чрезъ преступленіе, такимъ благоволилъ содѣлаться и Онъ, т.-е. человѣкомъ тлѣннымъ и смертнымъ — Онъ, сый нетлѣнный и безсмертный, и явился среди людей съ плотію обоженной, а не единымъ Божествомъ. И по какой причинѣ? По той, что пришелъ, *не да судитъ мірови, но да спасетъ Имъ міръ*, какъ говоритъ это самъ Онъ во святомъ Евангеліи своемъ (Ин. 3, 17; 12, 47). Ибо явленіе Божества Его бываетъ судомъ для тѣхъ, кому являемо бываетъ. И никакая плотъ не могла бы снести славы Божества Его, еслибы Оно явилось одно безъ человѣческаго естества, не бывъ, т.-е., соединено съ Нимъ неизвѣстнымъ образомъ. Еслибы Божество явилось одно, то вся тварь исчезла бы совершенно;

потому что тогда всѣ почти были погружены въ невѣріе. Божество же никому никогда не являлось безъ вѣры. Но еслибы и явилось Оно иногда кому безъ нея, то будетъ страшно и трепетно; ибо въ такомъ случаѣ Оно не просвѣщаетъ, а сожигаетъ, не животворитъ, а мучитъ. И это видно изъ того, что пострадалъ блаженный Павелъ: не просвѣтился онъ сіяніемъ онаго непреступнаго свѣта, облиставшаго его на пути, но омрачился паче, и потерялъ даже естественный свѣтъ очей своихъ, и не сталъ видѣть. Дивный Павелъ, имѣвшій быть великимъ учителемъ Церкви Христовой, который изрекъ потомъ: *Богъ рекъ изъ тмы сатту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ*;— и опять: *имамы же сокровище сіе* (т.-е. возсіяніе въ сердцахъ),— въ то время не могъ узрѣть и самомалѣйшаго луча онаго свѣта.

2. Изъ сего вѣрно научаемся, что для тѣхъ, коими обладаютъ невѣріе и страсти, благодать Святаго Духа непреступна и незрима. Но для тѣхъ, которые показываютъ достойное покаяніе и начинаютъ исполнять заповѣди Христовы съ вѣрою, и вмѣстѣ со страхомъ и трепетомъ, она открывается и бываетъ зримою, и сама собою производитъ въ нихъ судъ несомнѣнно такой, какой имѣетъ быть, или лучше сказать, она бываетъ для нихъ днемъ божественнаго суда. Кто всегда сіяетъ и освѣщается сею благодатію, тотъ истинно видитъ себя самого,— что онъ такое есть, и въ какомъ жалкомъ состояніи находится,— видитъ тонкочастью всѣ дѣла свои, которыя совершалъ тѣломъ, и какія дѣйствовались только въ душѣ его. При этомъ онъ судится и возсуждается и божественнымъ огнемъ; вслѣдствіе чего напояемый водою слезъ, орошается по всему тѣлу, и мало-по-малу крещается весь, душею и тѣломъ,—божественнымъ онымъ огнемъ и Духомъ, становится весь чистымъ, весь—непорочнымъ, сыномъ свѣта и дня, и болѣе не сыномъ человѣка смерт-

наго. Почему таковой не будетъ уже судимъ на будущемъ судѣ, такъ какъ уже былъ судимъ прежде, ни отличаемъ онымъ свѣтомъ, потому что освѣтился имъ здѣсь прежде, и не увидеть въ оный огонь, чтобъ быть жегимымъ вѣчно, потому что вошелъ въ него здѣсь прежде и былъ судимъ, и думать не будетъ, что тогда только явился день Господень, потому что давно уже сталъ весь день свѣтлымъ и блестящимъ отъ соображенія и бесѣды съ Богомъ и пересталъ находиться въ мірѣ или съ міромъ, но весь всецѣло сталъ внѣ его. Такъ говоритъ Христосъ Господь во святомъ Евангеліи: *Азъ избрахъ вы отъ міра сего* (Ин. 15, 19); и божественный Павелъ: *аще быхомъ себе ризсуждали, не быхомъ осуждени были: судими же отъ Господа наказуемъ, да не съ міромъ осудимъ* (1 Кор. 11, 31); и опять въ другомъ мѣстѣ: *якоже чада свѣта ходите* (Еф. 5, 9).

Итакъ, которые содѣлались чадами свѣта и сынами будущаго дня, и могутъ всегда какъ во дни ходить благообразно, для тѣхъ никогда не придетъ день Господень, потому что они всегда съ нимъ и въ немъ находятся. Ибо день Господень явится не для тѣхъ, которые уже осіяваются божественнымъ свѣтомъ; но онъ внезапно откроется для тѣхъ, которые находятся во тмѣ страстей, живутъ въ мірѣ помірски и любятъ блага міра сего; для нихъ явится онъ вдругъ, внезапно и покажется имъ страшнымъ, какъ огонь нестерпимый и невыносимый.

Огонь сей явится не весь духовно, но, какъбы сказать, бестѣлесно-тѣлесно,—такъ, какъ являлся Христосъ ученикамъ своимъ по воскресеніи. Евангелистъ говоритъ, что, когда вознесся Господь на небеса, ангелы говорили ученикамъ: *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ, имже образомъ увидите его идуща на небо* (Дѣян. 1, 11). Если не будетъ такъ, то какъ возможно увидѣть Его грѣшникамъ, невѣрнымъ, еретикамъ и духоворцамъ,

которые слѣпы душею и имѣють очи души своей загражденными скверною невѣрія и грѣха? О семь св. Павелъ такъ писалъ къ Солунянамъ: *о лѣтѣхъ и о временихъ, братіе, не требъ есть вамъ писани: сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень якоже татъ въ нощи, тако приидетъ. Егда бо рекутъ: миръ и утверждение, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревъ имущей, и не могутъ избѣжати. Вы же, братіе, нѣсте во тмѣ, да день васъ, якоже татъ постигнетъ: вси бо вы сынове свѣта есте и сынове дне: нѣсмы нощи, ниже тмы. Тъмѣ же убо да не спимъ якоже и прочіи, но да бодрствуемъ и трезвимся. И нѣсколько ниже: яко не положи насъ Богъ въ зньвъ, но въ полученіе спасенія, да аще бдимъ, аще ли спимъ, купно съ Нимъ живемъ* (1 Сол. 5, 1—6. 9. 10).

3. Но, возлюбленне, слыша: *сынове есте свѣта и сынове дне*, не скажи въ помыслѣ своемъ, что мы, крещенные во имя св. Троицы, вѣрующіе во Христа и поклоняющіеся Ему, яко Богу, всеконечно есмы сыны свѣта и дня, во всякомъ случаѣ, хотя бы не чувствовали и не сознавали того въ себѣ въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, брате, не думай такъ, какъ я сказалъ, и не проводи остальнаго времени жизни твоей въ нерадѣніи. Но испытай себя самого съ точностію и помысли, сколько заповѣдей Господнихъ преступилъ ты послѣ крещенія, и сколько надѣлалъ грѣховъ, по причинѣ которыхъ отступила отъ тебя благодать Святаго Духа, и ты изъ сына свѣта и дня содѣлался сыномъ нощи, и сидишь во тмѣ. И скажи въ себѣ самомъ: если теперь, когда я еще нахожусь въ мірѣ семъ, не вижу я свѣта божественной благодати и пребываю во тмѣ; то навѣрное и послѣ смерти имѣю пребыть во тмѣ же; и всеконечно, какъ татъ въ нощи, придетъ на меня день Господень, и тогда внезапно обьетъ меня вѣчная пагуба. Такъ воистину есть, братія

мои; пусть никто не обольщает васъ суетными словами, и никто не надѣйся на одну вѣру во Христа. Слушайте, что говоритъ Апостоль Іаковъ: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* *Якоже бо тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 20. 26). Тѣ, которые исповѣдуютъ, что Христосъ истиненъ есть, и не соблюдаютъ заповѣдей Его, будутъ почтены не только отвергшимися Христа, но и презрѣвшими Его, и праведно будутъ осуждены паче тѣхъ, кои совѣмъ не вѣдали Христа. Кто безчестить отца своего, какъ можетъ быть почитаемъ сыномъ ему? И кто удаляется отъ свѣта, какъ можетъ пребывать во свѣтѣ, какъ во дни? Нѣтъ, братіе мои, нельзя сему быть. Если кто станетъ говорить, что никто не можетъ исполнить всѣхъ заповѣдей, то да вѣдаетъ онъ, что ложно клевететь на Бога, будто Онъ заповѣдалъ намъ невозможное. Таковой будетъ осужденъ, какъ тотъ, кто сказалъ: *видѣхъ тѣ, яко жеститъ еси человекъ: жнеши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси* (Мѡ. 25, 24),— и какъ дѣволъ, сказавшій Евѣ: вѣдалъ Богъ, что въ какой день вкусите вы отъ древа познанія, подобны Ему станете, того ради заповѣдалъ вамъ не вкушать отъ него (Быт. 3, 5). Ибо и онъ почитаетъ Бога лжецомъ, обманщикомъ и завистливымъ. Лжецомъ,—потому что, когда Господь сказалъ: *яко мое благо и бремя мое легко есть*, онъ не только говорить, что оно не легко, но еще утверждаетъ, что оно даже неподѣятно, —обманщикомъ и завистливымъ, потому что, сошедши на землю, наобѣщавъ намъ многое, но дать ничего не хочетъ, а завидуетъ спасенію нашему, почему заповѣдалъ намъ соблюдать и дѣлать дѣла невозможныя, чтобъ мы не могли ихъ исполнить, и Онъ имѣлъ будто благословный предлогъ лишить насъ тѣхъ благъ, какія обѣщавъ. Но горе говорящимъ такое, если не покаются! Владыка нашъ Христосъ ни-

чего не заповѣдалъ намъ тяжкаго и неудобоисполнимаго, но всѣ заповѣди Его удобны и легки. Объясню вамъ это слѣдующимъ примѣромъ.

Нѣкто служилъ врагу и отступнику царя христіанскаго, одержалъ много побѣдъ надъ слугами сего царя, и былъ въ большой славѣ и чести у отступника онаго и у воинства его. Царь христіанскій посылалъ къ нему, приглашая возвратиться къ себѣ и обѣщая великія милости даже до принятія его въ соучастіе въ царствованіи; но тотъ не только не соглашался перейти къ царю а напротивъ устраивалъ еще сильнѣйшія нападенія на него. Съ продолженіемъ однакожъ времени, въ одинъ день пришелъ онъ въ себя самого. раскаялся во всемъ содѣланномъ, и принялъ намѣреніе бѣжать и самому по себѣ придти къ царю, разсуждая съ собою, что хотя доселѣ не слушался царя, приглашавшаго меня придти къ нему, при всемъ томъ вѣрую, что если приду къ нему теперь, то онъ не вѣнчитъ мнѣ, что я столько времени запоздалъ приходомъ къ нему; ибо онъ, какъ слышу, очень снисходителенъ и человеколюбивъ, почему навѣрное проститъ и меня и исполнитъ все, что обѣщалъ прежде. Какъ задумалъ онъ это въ своемъ умѣ, такъ и дѣломъ совершилъ: тотчасъ поднялся и пошелъ къ царю, и пришедши припалъ къ ногамъ его, со слезами прося прощенія. Тогда добрѣйшій тотъ царь принялъ его, паче чаянія его, съ величайшею радостію, дивясь переменѣ его и смиренію, что вмѣсто того, чтобъ представиться съ притязаніями и требовать почестей за то, что показалъ такую къ нему любовь и вѣру, онъ, оставя его врага и пришедши къ нему, самъ лежитъ у ногъ его, плача и сокрушаясь сердцемъ, что такъ поздно возвратился и надѣлалъ прежде столько золъ. Почему, поднявъ его, палъ на выю его и долго цѣловалъ его и очи его полныя слезъ, потомъ повелѣлъ принести вѣнецъ,

царскую одежду и обувь, — все какъ у него самого, и одѣвъ во все это самъ его, прежняго врага своего и противника, — совершенно ни за что не упрекалъ онъ его изъ того, что онъ надѣлалъ, но радовался и веселился съ нимъ день и ночь, обнималъ его и цѣловалъ въ уста, и такую возымѣлъ къ нему любовь, что даже и когда спать отходилъ, не разлучался съ нимъ, но ложился вмѣстѣ съ нимъ, отъсюду окутывая его царскими покровами и блюдя его, какъ зеницу ока. Подобно сему и то, что дѣлаетъ съ нами Богъ; подобнымъ же образомъ и человеколюбивый Богъ пріемлетъ и возлюбяетъ тѣхъ, которые каются отъ всей души, бѣгутъ отъ міра прелестнаго и отъ міродержителя діавола и приходятъ къ Нему, истинному царю и Богу, обнажившись отъ всѣхъ вещей міра сего. И все сіе совершается легко. Если бываетъ что тяжело тутъ для иныхъ, такъ это — оставить врага Божія діавола и всѣ сатанинскія дѣла его, со всеми злыми благами міра сего, коими онъ прельщаетъ ихъ быть вмѣстѣ съ нимъ. Но тутъ совсѣмъ нѣтъ и слѣда возвращенія къ Богу. Вотъ я, повѣрьте слову моему, когда прибѣгъ къ Богу Спасителю моему, не встрѣтилъ ничего скорбнаго, или тяжкаго и неподъятнаго; но, — если уже говорить вамъ правду и открыть любви нашей то, что я не хотѣлъ никому открывать, чтобъ доставить нѣкоторымъ изъ васъ хотя малую какую пользу, — когда имѣлъ я скорбь, тѣсноту и такъ именуемое мученіе, тогда наипаче ощущалъ, что все это производило мнѣ вящую радость и отраду, чрезъ откровеніе и явленіе при семь лица Божія, — такъ что во мнѣ совершалось то, что говоритъ св. Павелъ: *легкое печали нашей тяготу славы содѣлываетъ намъ* (2 Кор. 4, 17), и что говоритъ Давидъ: *въ скорби распространилъ мя ти* (Пс. 4, 2). Отъ этой радости я ни во что вмѣнялъ скорби и искушенія, находившія на меня, взирая не на

будущую, но на настоящую славу Господа нашего Иисуса Христа, какая проявлялась тогда тотчасъ во мнѣ благодатию Святаго Духа. Отъ созерцанія и причастія сей славы ни во что вмѣнялъ я самыя смертельныя боли и всякую другую скорбь, болѣе несносную изъ всего, что можетъ найти на человѣка съ болѣзнованіемъ и страданіемъ многимъ, забывая всякое мучительное томленіе тѣла моего. Отъ сего же созерцанія и причастія славы Христовой сталъ я почитать бремя заповѣдей легкимъ и иго Христова благимъ. Печаль же великую и невыносимую имѣлъ я только о томъ,—повѣрьте мнѣ,—что не находилъ благословной причины умереть любве ради Христовы.

Итакъ, братіе мои возлюбленные, оставимъ все и побѣжимъ нами, прибѣгнемъ ко Владыкѣ Христу и, припадши къ стопамъ Его, восплачемся предъ благостынею Его, чтобы и Онъ, видя вѣру нашу и смиреніе, принялъ насъ также и даже лучше, чѣмъ сказанный царь своего врага, почтилъ насъ и украсилъ собственною одеждою и вѣнцемъ своимъ, т.-е. славою своею, и сдѣлалъ достойными небеснаго брачнаго чертога своего. Ибо убѣжать отъ царя тлѣннаго, и опять возвратиться къ другому царю тлѣнному же и удостоиться получить часть въ царствованіи земномъ, неодинаково съ тѣмъ, что я говорю, т.-е., съ тѣмъ, чтобы взойти отъ земли на небо, получить славу вѣчную и царство нетлѣнное, и содѣлаться общникомъ Бога и сонаслѣдникомъ царства Его, и не только царемъ, но и Богомъ по благодати, и вѣчно радоваться съ Богомъ. Не будемъ же, братіе, просить васъ, предпочитать сему ничего временнаго и земнаго, чтобы не лишиться славы и утѣшенія Христова, но поревнуемъ очистить себя, чтобы еще здѣсь пріять залогъ царствія небеснаго или, лучше сказать, поревну-

омъ стяжать самого Бога, Царя всяческихъ, въ коемъ всякое для всѣхъ благо.

4. Посему надлежитъ намъ съ точностію испытать самихъ себя, стяжали-ль мы Господа Иисуса Христа внутрь себя, дабы уразумѣть, дана ли и намъ, получена ли и нами отъ Него *власть*, какъ говорить Іоаннъ Богословъ, *чадами Божиими быти* (Ів. 1, 12). И да внимаетъ всякъ словесамъ святыхъ Писаній, да вникаетъ добръ и въ самого себя, чтобъ не подпасть тщетной лести, и не стать почитать себя вѣрнымъ, а послѣ не оказаться невѣрнымъ. Ибо возможно, почитая себя имѣющимъ въ себѣ Христа, выдти изъ настоящей жизни пустымъ отъ Него и быть осуждену, какъ ничего не имѣющему, съ лишеніемъ и того, еже мнится имѣти и ввержену въ огнь геенскій. Но откуда можемъ узнать, имѣемъ ли мы въ себѣ Христа, и какъ можемъ изслѣдовать самихъ себя въ семъ отношеніи до точности? Такъ: возьмемъ слова божественнаго Писанія, положимъ ихъ предъ душами нашими, какъ зеркало, и станемъ сличать съ ними во всемъ самихъ себя; тотчасъ и познаемъ, что такое мы воистиннѣ. Но внимайте, прошу васъ, и съ помощію Бога, дающаго слово во отверженіе устъ моихъ, я изъясню вамъ нѣсколько, какимъ образомъ можемъ мы узнать, имѣемъ ли мы въ душахъ своихъ Христа?

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тьма быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ Томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ челоукомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма его не объятъ (Ів. 1, 1—5). Говоря такъ, Іоаннъ Богословъ открываетъ таинство нераздѣльныхъ Троицы, и Богомъ называетъ Отца, Словомъ—Сына, живію—Духа Святаго, Который есть и свѣтъ; и опять всѣ три лица Отецъ, Сынъ и Духъ суть единый свѣтъ, который свѣтитъ во тмѣ, т.-е. въ мірѣ семъ. Ибо Богъ присущъ всюду:

во всей цѣлости бытія, и будучи свѣтомъ, все просвѣщаетъ, и тьма его не объемлетъ, т.-е. нечистота грѣховная отнюдь не приближается къ Нему. Міръ не препятствуетъ Ему свѣтити и просвѣщать, но и не позналъ Его, и не обрѣлъ Его, и не узрѣлъ Его. Почему Іоаннъ Богословъ, чтобъ яснѣе это представить, прибавляетъ далѣе: *бгъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человека грядущаго въ міръ. Въ міръ бгъ, и міръ Тъмъ бысть, и міръ Его не позна* (— —9. 10). Отъ начала, говорить, былъ всюду Богъ, который просвѣщаетъ и животворитъ всякаго человека, грядущаго въ міръ. И прежде созданія міра былъ Онъ. И все было у Бога, прежде проявленія въ бытіи. Потомъ, когда создалъ Богъ чувственный міръ сей, то не отдалился отъ него мѣстомъ, потому что есть вездѣ сый и вся исполняй; но изъ всего сущаго въ мірѣ, ничто не приблизилось къ Нему по естеству и славѣ божества Его. Богъ, будучи не отдаленъ отъ всего сущаго, явно есть во всемъ, и однакожъ никто не знаетъ Его, какъ говорить Господь нашъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и елиже волитъ Сынъ открыти* (Мѡ. 11, 27). Итакъ Богъ, который былъ въ мірѣ и не былъ познаваемъ отъ него, пришелъ, говорить, *во своя, и свои Его не пріяма*. Своими называетъ Онъ міръ и людей, сущихъ въ мірѣ, и потому, что есть Творецъ и Владыка ихъ, и по сродству, въ какое вступилъ съ людьми чрезъ свое вочеловѣченіе. Размысли же добрѣ о томъ, что мы сказали, и познай что Богъ-Слово, въ началѣ сый у Бога и Отца, имѣющій жизнь въ Себѣ и все создавшій, и сущій свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человека, Онъ самый, который былъ прежде бытія міра и создалъ міръ, который есть въ мірѣ и не познается міромъ и не объемлется имъ,—Онъ пришелъ въ міръ и содѣлался человекомъ, да явится яко Богъ и познается, какъ есть, тѣмъ, кои пріемлютъ Его, яко Бога, съ вѣрою и соблюдаютъ заповѣди Его. Почему

св. Евангелистъ и говорить: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. И Слово плоть бысть, и вселися во ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Ів. 1, 12—14). На-те! Вотъ вамъ зеркало, о коемъ я сказалъ прежде, — эти самыя слова! И посмотрите, прошу васъ, какая точность въ словахъ Евангелиста! Какъ ясно обозначаетъ онъ признаки, по коимъ познаются вѣрные, чтобъ мы и самихъ себя могли познавать, и ближнихъ своихъ! *Елицы же, говоритъ, пріяша Его*, разумѣется, посредствомъ вѣры, и исповѣдали Его Богомъ, а не человекомъ только, *даде имъ область* чрезъ крещеніе *чадами Божиими быти*, освободивъ ихъ отъ тиранства діавола; такъ чтобъ они не только были вѣрными, но, если восхотятъ жить и по заповѣдямъ Его, чтобъ къ вѣрѣ притяжали и святость чрезъ дѣланіе заповѣдей Его, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Господь: *святѣ будите, яко Азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). И опять: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36). Потомъ Евангелистъ показываетъ и способъ, какъ таковые дѣлаются чадами Божиими, говоря: *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася*. Рожденіемъ здѣсь называетъ онъ духовное измѣненіе, совершающееся и узрѣваемое чрезъ крещеніе Духомъ Святымъ, какъ говоритъ самъ неложный Господь: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). Посему крещаемые Духомъ Святымъ бывають, какъ свѣтъ во свѣтѣ, и знаютъ Родившаго ихъ, потому что видятъ Его. А что рожденные благодатію Святаго Духа имѣють нужду быть питаемыми и святымъ причащеніемъ пречистаго тѣла и честныя крови Господа нашего, о семъ послушай, что говоритъ Еванге-

листъ: и *Слово плоть бысть и вселися въ ны*. И что слова сіи говорятъ о пречистыхъ тайнахъ, послушай Господа, который говоритъ: *ядый Мою плоть и пійй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Ин. 6, 56). Когда же родимся мы духовно благодатию Святаго Духа, и содѣлаемся чадами Божиими, и чрезъ причастіе пречистаго тѣла и честныя крови Господа вселится въ насъ и станетъ обитать, какъ Свѣтъ, Христосъ, Сынъ и Слово Бога воплотившееся; тогда послѣдуетъ и сіе: *видѣхомъ славу Его, славу, яко Единороднаго отъ Отца*. Ибо когда родимся мы духовно отъ Него, когда Онъ вселится въ насъ чрезъ тайны и мы станемъ сознательно пребывать въ Немъ; тогда въ тотъ самый часъ, какъ будетъ сіе въ насъ, вдругъ узрѣваемъ мы славу божества Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, т.-е. такую, какой никто другой не имѣетъ, ни ангель, ни человѣкъ. И поелику Отецъ и Сынъ Его едиnorodный едино суть, то явно, что и слава Ихъ обоихъ едина есть, каковая открывается и познается (вѣдомою дѣлается) всѣмъ, кому хоцетъ Сынъ, открыти чрезъ Святаго Духа, отъ Отца исходящаго.

Итакъ, братія мои, пусть всякій добрѣ вникнетъ въ силу словъ сихъ, и по нимъ испытаетъ себя самого,—пріять ли Бога-Слово пришедшаго въ міръ, и содѣлался ли чадомъ Божиимъ,—точно ли родился не отъ плоти только и крови, но и отъ Бога, позналъ ли, что воплотившійся Богъ-Слово вселился въ него, и увидѣлъ ли славу Его, *славу яко Единороднаго отъ Отца*. Въ комъ все сіе совершилось, тотъ воистину христіанинъ есть; онъ видитъ себя вновь рожденнымъ свыше, и знаетъ Отца, родившаго его не словомъ только, но и дѣломъ благодати и истины. Станемъ, братія мои, предъ симъ зеркаломъ истины, и будемъ избѣгать вреднаго и еретическаго ученія тѣхъ, которые говорятъ, что нынѣ не открывается въ насъ вѣрующихъ слава Господа Іисуса Христа благо-

дацію Св. Духа. Ибо благодать дается съ откровеніемъ симъ; и откровеніе сіе дѣйствуется благодатию. Почему ни Духа Святаго не пріемлетъ никто безъ того, чтобъ Духъ не открывался и не зримъ былъ умными очами, ни откровенія такого не узрѣваетъ никто, не бывъ просвѣщенъ благодатию Святаго Духа. Даже и вѣрнымъ не можетъ называться тотъ, кто не получилъ благодати Св. Духа. Христосъ Господь говорилъ самарянынь: *пійи отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждетъ во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Ин. 4, 14). Сіе же, — какъ замѣчаетъ Евангелистъ, по случаю слова Господа о питіи воды отъ Него въ другомъ мѣстѣ, — *рече Господь о Дусѣ, екоже хощу пріимати вѣрующіи во имя Его* (Ин. 7, 39). Видишь ли, что тѣ, которые не имѣютъ Духа Святаго, такъ чтобъ Онъ дѣйствовалъ и глаголалъ внутри ихъ, не суть вѣрные? Ибо неложень Христосъ, который грѣха не сотворилъ и въ устахъ котораго не обрѣтется ложь. Почему если Христосъ говорить, что дастъ Духа вѣрующимъ въ Него, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что не имѣющіе Духа не суть вѣрующіе въ Него отъ чистаго сердца.

Если же кто станетъ говорить, что каждый изъ насъ вѣрующихъ получилъ и имѣетъ Духа, хотя не сознаетъ и не чувствуетъ того, таковой богохульствуетъ, такъ какъ представляетъ лживымъ Христа, который сказалъ: *будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный*, — и еще: *вруни въ мя, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 38). Итакъ, если источникъ ключъ бьетъ, то навѣрное рѣка, исходящая изъ сего источника и текущая, видима бываетъ для имѣющихъ очи. Но если и это (будемъ говорить въ тонъ тѣхъ, которые такъ мудрствуютъ) дѣйствуется въ насъ, а мы ничего такого не чувствуемъ и не сознаемъ въ себѣ, то явно, что мы со-

всѣмъ не будемъ чувствовать и жизни вѣчной, которая бываетъ слѣдствіемъ того, и не увидимъ свѣта Духа Святаго, но пребудемъ мертвы, слѣпы, безчувственны и въ будущей жизни, какъ пребываемъ въ настоящей. Такимъ образомъ выйдетъ, что надежда наша тщетна и теченіе наше — попусту, если мы все еще въ смерти, т.-е. остаемся мертвы духомъ и не воспринимаемъ чувства вѣчной жизни. Но не такъ есть во истинѣ, не такъ. Но что я говорилъ не разъ, скажу и еще, и не перестану говорить: свѣтъ Отецъ, свѣтъ Сынъ, свѣтъ Духъ Святыи; тріе сіи едины свѣтъ, безвременныи, нераздѣльный, неслианныи, вѣчныи, несланныи, нескладываемый, неизмѣримый, невидимый, поколику есть и помышляется сущимъ внѣ и превыше всего,—котораго ни одинъ человекъ не могъ никогда увидѣть, прежде очищенія, и не могъ получить прежде узрѣнія. Ибо прежде надлежитъ увидѣть его, и потомъ многими подвигами стяжать, такъ какъ многіе видали, но не стяжали, подобно тѣмъ, которые удостоиваются увидѣть великое и безмѣрное богатство въ царскихъ сокровище-хранительницахъ, и потомъ отходятъ ни съ чѣмъ, какъ и прежде были. Въ началѣ многократно находить божественное просвѣщеніе и осіяніе на тѣхъ, которые каются съ теплотою сердца, но скоро и отходить. И если они вдадутъ себя всѣхъ всецѣло въ подвиги даже до смерти, и взыщутъ сего просвѣщенія съ болѣзнію сердечною, и представляютъ себя Христу Господу достойными, чистыми, непорочными во всѣхъ дѣлахъ, то снова получаютъ его, и оно придетъ опять къ нимъ болѣе совершеннымъ. Если же они вознебудятъ и не захотятъ вдатъ себя въ большіе труды по причинѣ животолубія и покоелубія своего, то бываютъ недостойны такого дара и не входятъ въ животъ вѣчный (не воспріемлютъ начатковъ его) теперь, пока еще въ тѣлѣ находятся; не вошедши же теперь, — явно, не

сподобятся сего и по смерти, въ другой жизни. Если тотъ, кто, получивъ талантъ, скрылъ его, подвергся осужденію за то, что не преумножилъ его; то сколь большому подпадетъ осужденію. тотъ, кто не только не преумножилъ, но и совсѣмъ потерялъ полученное имъ по нерадѣнію своему? Итакъ здѣсь, какъ говоритъ Божественное Писаніе, торжище, здѣсь подвиги и состязанія. Здѣсь даются побѣдителямъ, какъ залогомъ вѣнцы побѣдныя; равно какъ и для побѣжденныхъ здѣсь полагается начало ихъ посрамленію и мученію.

Приведи себѣ на память сорокъ мучениковъ и всѣхъ другихъ страдальцевъ за Христа. Они подтверждаютъ то, что я говорю. Сорокъ мучениковъ, еще находясь въ озерѣ, получили изъ рукъ Христовыхъ вѣнцы мученическіе; а тотъ, вошедшій въ баню, тотчасъ будто растопился отъ тепла, и пошелъ въ огнь вѣчный на мученія. Также св. Евстратій, предивный въ добродѣтеляхъ мужъ, когда былъ мучимъ за любовь Христову, говорилъ: теперь я позналъ, что храмъ Божій есмь, и Духъ Божій живетъ во мнѣ. Отойдите отъ меня дѣлатели беззаконія! А къ мучителю, судившему его, сказать: еслибъ ты былъ здравъ умомъ и душа твоя не была вся—земля и персть, но причинѣ страстей, я показалъ бы тебѣ, что сей распятый Христосъ есть Спаситель, Искупитель и Благодѣтель нашъ. Видишь ли, какъ сей святой, когда вошелъ въ подвиги мученичества и началъ переносить терзанія въ борьбѣ своей, тогда позналъ себя самого, что онъ есть храмъ Божій, и сталъ видѣть умными очами души своей, что Духъ Божій ощутительно обитаетъ въ немъ. Какое другое свидѣтельство могло бы быть яснѣе этого? Если иные скажутъ, что то были мученики, претерпѣвшіе такія и такія страданія за Христа, и намъ какъ можно уподобиться имъ? то скажу и я такимъ,—что и вы сами, если захотите, можете каждодневно про-

ходить подвигъ мученичества, подобно мученикамъ, можете страдать и терпѣть за Христа каждый день, каждую ночь и каждый часъ. Какъ же это можетъ быть? Если и вы установите брань съ мысленными врагами нашими—демонами, и будете всегда противостоять грѣху и страстной волѣ своей. Тѣ противостояли мучителямъ, а вы противьтесь демонамъ и пагубнымъ страстямъ плотскимъ, кои тираннически устремляются на душу нашу, каждый день, каждую ночь и каждый часъ, и понуждаютъ насъ дѣлать то, что несообразно съ Богочестіемъ и чѣмъ прогнѣвается Богъ. Итакъ, если и мы противостоянемъ всему такому, не послушаемся совѣтовъ лукавыхъ демоновъ и не станемъ творить волю плоти и помысленій и питать ее удовольствіемъ ея безчинныхъ похотѣній, то по всей справедливости будемъ и мы мучениками, противовоюющими грѣху. И если, противясь діаволу, будемъ охотно переносить всякій трудъ ради заповѣдей Христовыхъ, какъ мученики, противясь мучителямъ, переносили за Христа нестерпимыя страданія, и при этомъ, приводя на память мученія и раны, подъятыя мучениками, будемъ стѣня въздыхать изъ глубины сердечной, помышляя, какъ далеки мы отъ подвиговъ ихъ, и скорбя, что не удостоены подобно имъ пострадать за Христа: то несомнѣнно удостоимся получить вѣнцы, подобные ихнимъ, по великой благодати Бога, которую Онъ всегда являлъ и являетъ намъ отъ начала и доселѣ. Ибо хотя при этомъ мы не будемъ подобны имъ въ мужествѣ, но всячески можемъ уподобиться имъ въ терпѣніи и благодушii, съ какими переносить будемъ труды и болѣзни, испытываемыя въ видахъ соблюденія заповѣдей Христовыхъ. Они освятились подвигами мученичества, а мы надѣемся спасены быть ради добрыхъ дѣлъ и подвиговъ, какіе проходимъ для стяжанія добродѣтелей,—всецѣло по челоуѣколюбію и благо-

дати Божіей; они освятились мученическими потами и болѣзнями, а мы—слезами и подвигами покаянія; они—черезъ изліяніе крови своей, а мы—черезъ отсѣченіе воли своей и рѣшимость на смерть, по коей готовы были бы каждочасно умереть ради заповѣди Господа, не допуская себя преступить какую-либо изъ нихъ даже единымъ словомъ.

Посему и мы всѣ, братія мои, должны презрѣть настоящее, какъ и мученики, потому что никому невозможно получить нетлѣнное, если онъ не вмѣнитъ въ уметы тлѣнное, ни стяжать вѣчное, если онъ прилѣпленъ къ премежнему; никто также изъ обладаемыхъ въ сердцѣ какою-либо страстію, хотя бы то малѣйшею, не можетъ имѣть живущимъ въ себѣ Христа благодатію св. Духа: ибо Богъ свѣтъ есть, какъ говоритъ самъ Онъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Если, можетъ быть, ты думаешь, что Христосъ есть свѣтъ по плоти, то, по твоему, выйдетъ, что когда Христосъ вознесся на небо и скрылся, тогда и свѣтъ отдалился отъ учениковъ Его, а следовательно и отъ насъ, и весь міръ остался во тмѣ. Если же исповѣдуешь, что Онъ есть свѣтъ міра по Божеству, то какъ думаешь, что Онъ въ тебѣ есть, и говоришь, что не видишь Его? Если скажешь, что Духъ Святый въ тебѣ заслоняется страстями то дѣлаешь Бога описуемымъ и преодолеваемымъ отъ зла и тмы, существующихъ въ тебѣ: ибо злоуміе и страсти и безъ дѣлъ грѣхонныхъ суть тма. Итакъ, кто говоритъ, что имѣетъ въ сердцѣ своемъ свѣтъ покрытымъ тмою страстей и потому не видитъ его, тотъ утверждаетъ, что свѣтъ (Божій) преодолевается тмою (человѣческою), и доказываетъ, что не имеетъ Духъ Святый, который говоритъ чрезъ Евангелиста Іоанна: *и свѣтъ во тмѣ свѣтитсѣя, и тма его не обнимтъ*. Духъ Святый говоритъ, что свѣтъ не преодолевается тмою, а ты говоришь, что онъ въ тебѣ покрывается

ся тмою страстей? Познай же ты, говорящій сіе, кто бы ты ни былъ, что явно грѣшишь въ вѣдѣніи; ибо, если сознаешься, что тма страстей покрываетъ находящійся въ тебѣ свѣтъ, то прежде всего другаго себя самого обличаешь, самъ о себѣ удостовѣрительно говоря, что сидишь во тмѣ и состоишь подъ властію страстей, и при всемъ томъ, что пріялъ область чадомъ Божиимъ быть, т.-е. чадомъ свѣта и сыномъ дня, лежишь въ праздности и бездѣйствиіи во тмѣ страстей, не хочешь восподвизаться въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ и разогнать тму страстей, но презираешь Христа, съ небесъ сошедшаго и ради твоего спасенія содѣлавшагося человекомъ, и оставляешь Его лежать въ нечистомъ сердцѣ твоёмъ, какъ въ нѣкоемъ блатѣ. Посему вотъ что говорить тебѣ свѣтъ, т.-е. Христосъ: отъ устъ твоихъ сужду тя, рабъ лукавый. Я, непрístupный и для Ангеловъ, пришелъ,—какъ ты говоришь,—и вселился въ тебя; и ты это знаешь, а между тѣмъ оставляешь Меня лежать погруженнымъ во тму твоихъ страстей и грѣховъ, какъ самъ же опять говоришь. Столько времени я терпѣлъ ожидая, что вотъ-вотъ покаешься и начнешь творить заповѣди Мои, а ты до самаго конца не восхотѣлъ ни разу взискать Меня и ни однажды не сжалился надо Мною, потопляемымъ и утѣсняемымъ въ тебѣ, и не далъ Мнѣ, возжегши свѣтъ Мой въ тебѣ, обрѣсть тебя,—драхму потерянную, и сдѣлать, чтобъ ты узрѣлъ Меня, какъ Я взираю на тебя, но оставилъ меня всегда быть покрытымъ страстями твоими. Отойди же отъ Меня, дѣлатель беззаконія, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Я алкалъ обращенія твоего и покаянія, но ты не далъ Мнѣ вкусить сего и удовлетворить желанію Моему,—т.-е. не раскаялся въ злыхъ грѣхахъ своихъ. Былъ Я нагъ отъ добродѣтельныхъ дѣяній твоихъ, и ты не одѣлъ Меня ими. Былъ Я въ тѣсной, нечистой

и мрачной темницѣ сердца твоего, и ты не восхотѣлъ посѣтить Меня и извести Меня на свѣтъ. Видѣлъ ты, какъ Я лежалъ въ болѣзни собственного нерадѣнія твоего и бездѣйствія, и не пришелъ послужить Мнѣ добрыми дѣлами своими. Отойди же отъ Меня.

Вотъ что скажетъ Господь, вотъ что говоритъ Онъ и теперь тѣмъ, которые говорятъ, что имѣютъ въ себѣ Духа Святаго, только Онъ сокрытъ и закрытъ тмою страстей ихъ, и не зрится умными очами души ихъ. Къ тѣмъ же, которые говорятъ, что знаютъ Христа, но не видятъ свѣта божества Его, говоритъ Христосъ: если вы познали Меня, то конечно познали, какъ свѣтъ; ибо Я есмь воистину свѣтъ міра. Но горе тѣмъ, которые говорятъ: когда придетъ день Господень?—и не подвизаются постигнуть его здѣсь въ настоящей жизни; ибо пришествіе Господне и пришло, и приходитъ всегда въ вѣрныхъ, и присуще во всѣхъ желающихъ. И если Христосъ есть свѣтъ міра, и общалъ Апостоламъ своимъ быть съ нами до скончанія вѣка, то какъ Сущій съ нами имѣетъ прийти? Нѣтъ, не имѣетъ Онъ прийти къ намъ, потому что мы не сыны тмы и ночи, чтобъ пришелъ къ намъ свѣтъ, но сыны свѣта и дня Господня. Почему, и пока живемъ въ настоящей жизни, пребываемъ съ Господомъ, и когда умремъ, будемъ жить чрезъ Него и съ Нимъ, по божественному Павлу (Рим. 14, 8). И св. Григорій Богословъ говоритъ: „что для чувственныхъ солнце, то для мысленныхъ (духовныхъ) Богъ. Онъ будетъ и будущій вѣкъ, и невечерній день, и царство небесное, и брачный чертогъ, и земля кроткихъ, и божественный рай. и царь и послужитель, какъ самъ сказалъ: *блажени раби тѣи, ихже приидеъ Господь обрящетъ бдящихъ. Аминъ, глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ и приступивъ послужитъ имъ*“ (Лук. 12, 37). Всѣмъ этимъ, и еще многимъ большимъ этого,—

чего и исчислить никому нельзя,—бываетъ Христосъ для вѣрующихъ въ Него,—не въ будущей только жизни, но прежде въ настоящей, а потомъ въ будущей, только здѣсь въ меньшей мѣрѣ, а тамъ въ полной. Впрочемъ вѣрные отселѣ еще предзрять ясно будущія блага, и пріемлютъ залого (или зачатки) ихъ. Какъ не думаютъ они, что получаютъ здѣсь всѣ обѣтованія: такъ опять не такую питаютъ себя надеждою, что имѣютъ получить ихъ всѣ только тамъ, а здѣсь въ настоящей жизни бываютъ лишены и совсѣмъ непричастны будущимъ благъ. Но поелику Богъ удомостроилъ посредствомъ смерти своей и своего воскресенія даровать намъ царство, нетлѣніе и вѣчную жизнь, то отселѣ еще безъ сомнѣнія сподобляемся мы быть душою причастниками будущихъ благъ, т.-е. быть по душѣ нетлѣнными и безсмертными, быть сынами Божиими, сынами свѣта и дня и наследниками царства небеснаго, поколику имѣемъ внутри себя сіе самое царство небесное. Все сіе дѣйствительно отселѣ еще получаемъ, не безъ чувства и вѣдѣнія души, если мы не безыскусны въ вѣрѣ и не скудны дѣланіемъ заповѣдей Божіихъ. Но тѣлесно еще не получаемъ того, потому что это тѣло наше тлѣнно, какъ было и тѣло Христово до воскресенія. И поелику душа наша объемлется такимъ тѣломъ и имъ свяжется, то мы не можемъ теперь воспріять въ душу свою всю божественную славу, открываемую намъ; но видя, какъ въ зеркалѣ, необъятное море оной славы, думаемъ, что видимъ одну каплю того моря славы. Почему и говоримъ, что видимъ нынѣ какъ въ зеркалѣ и въ гаданіи. Впрочемъ видимъ при семъ и то, что духовно, т.-е., по душѣ мы подобны Тому, кого видимъ и кто насъ видитъ; по воскресеніи же пріимемъ и тѣло духовное. Какъ Христосъ божественною своею силою сдѣлалъ тѣло свое инымъ, то-есть духовнымъ, и такъ воскресилъ его отъ гроба:

такъ и мы, сдѣлавшись прежде здѣсь подобными Христу по душѣ, тогда станемъ подобны Ему и по тѣлу,—человѣки по естеству и боги по благодати, какъ и Христосъ, будучи Богъ по естеству, содѣлался человѣкомъ, какъ есть человѣкъ, по великой своей благодати. Зная павѣрное сіе таинство, какъ можемъ не возжелать смерти, когда, какъ говоритъ Апостолъ, суще въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ, откровенія чая сыновъ Божиихъ? (Рим. 8, 19—22).

Но если праведные не бываютъ причастны вѣчныхъ благъ и не получаютъ благодати Божіей еще здѣсь, еще въ настоящей находясь жизни, то Христосъ только пророкъ есть, а не Богъ, и все, о чемъ говоритъ Евангеліе, не есть даръ благодати, а пророчество о будущихъ дарованіяхъ; равнымъ образомъ и Апостолы получили пророчество, а не исполненіе прореченнаго: и сами они ничего не получили, и другимъ ничего не преподали. Увы! Какое нечувствіе и какая слѣпота у тѣхъ, кои держатся такого мнѣнія! Ибо если такъ есть, какъ они говорятъ, то будетъ слѣдовать, что вѣра наша—одни слова, коимъ нѣтъ соответствующаго дѣла. Но если благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ, явилась словомъ только, а не дѣломъ, и если мы думать станемъ, что таинство вѣры нашей есть именно таково, то кто будетъ окаяннѣ насъ? Если свѣтъ міра есть Христосъ и Богъ, а мы вѣровать будемъ, что ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ Его, то кто другой будетъ болѣе невѣрующъ, чѣмъ мы? Если Христосъ есть свѣтъ, а мы говоримъ, что не чувствуемъ Его, когда облекаемся въ Него, то чѣмъ будемъ отличаться мы отъ мертвыхъ? Если Онъ есть лоза виноградная, а мы—вѣтви, и однакожь не сознаемъ единенія, какое имѣемъ съ Нимъ, то явно, что мы бездушны и бесплодны,—сухія дерева, гожія только для вѣчнаго огня. Если, по божественному слову, тѣ, которые вку-

шаютъ плоть Господа и пѣютъ кровь Его, имѣютъ животъ вѣчный, а мы, когда причащаемся, не чувствуемъ, чтобъ при семъ было въ насъ что-либо паче того, что бываетъ отъ обыкновенной пищи, и не сознаемъ, что получаемъ иную жизнь, то очевидно, что мы причащаемся только хлѣба, а не Бога. Ибо если Христосъ есть Богъ и человѣкъ, то и святая плоть Его не есть плоть только, но плоть и Богъ нераздѣльно и несліянно, и поколику плоть, т.-е. поколику она есть подъ видомъ хлѣба,—видится тѣлесными очами, а по Божеству не видится тѣлесными очами, но видится мысленными очами души, т.-е. умомъ. Посему Господь и говорить: *ядый Мою плоть и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ во Немъ* (Ин. 6, 56). Не сказалъ: Онъ пребываетъ съ ними (т.-е. съ плотию и кровію), а они съ Нимъ; но—пребываетъ со Мною, т.-е. съ Моею славою, съ Моимъ свѣтомъ и съ Моимъ божествомъ; какъ и въ другомъ мѣстѣ говорить: какъ Я во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ, такъ Я въ васъ, и вы во Мнѣ (Іоан. 14, 20). Итакъ, если мы думаемъ, что все сіе бываетъ въ насъ безъ того, чтобъ мы то сознавали и чувствовали чувствомъ души нашей; то кто возможесть, какъ должно, оплакать нечувствіе наше? Воистину никто.

5) Но блаженны тѣ, которые пріяли Христа, пришедшаго, какъ свѣтъ, въ нихъ, бывшихъ во тмѣ, потому что они стали сынами свѣта и невечерняго дня. Блаженны тѣ, которые облеклись въ свѣтъ Его въ настоящей жизни, потому что облеклись уже въ одѣяніе брачное и не будутъ связаны по рукамъ и ногамъ и ввержены въ огонь вѣчный. Блаженны тѣ, которые, будучи еще въ тѣлѣ, увидѣли Христа. Треблаженны тѣ, которые увидѣли Его и поклонились Ему мысленно и духовно, потому что во вѣкъ вѣка не увидятъ они смерти. Блаженны тѣ, которые каждодневно вкушаютъ Христа, съ такимъ созерцаніемъ и вѣдѣніемъ, какъ пророкъ Исаія—уголь горящій, по-

тому что они очистятся отъ всякой скверны душевной и тѣлесной. Блаженны тѣ, которые каждочасно очами ума приѣмлютъ неизреченный свѣтъ, потому что они какъ во дни благообразно ходить будутъ и все время жизни своей проживутъ въ духовномъ радованіи. Блаженны тѣ, которые еще здѣсь познали свѣтъ Господень, какъ Его самого, потому что въ будущей жизни они представутъ предъ лицомъ Его съ дерзновеніемъ. Блаженны тѣ, которые всегда пребываютъ во свѣтѣ Господнемъ, потому что они и въ настоящей жизни суть, и въ будущей жизни будутъ всегда братіями и сонаслѣдниками Его. Блаженны тѣ, которые въ настоящей жизни возгли въ сердцахъ своемъ свѣтъ и сохранили его неугасимымъ, потому что они во время смерти срѣтять жениха Христа, будучи свѣтлыми и свѣтлосіятельными, и вмѣстѣ съ Нимъ внидутъ въ брачный чертогъ Его съ возженными свѣтильниками. Блаженны тѣ, которые никогда не допускали мысли, будто люди въ продолженіи настоящей жизни не получаютъ удостовѣренія въ своемъ спасеніи, но—въ концѣ сей жизни или послѣ смерти, потому что восподвизаются получить здѣсь такое удостовѣреніе въ своемъ спасеніи. Блаженны тѣ, которые не сомнѣваются ни въ чемъ сказанномъ и не подозрѣваютъ, чтобъ тутъ было что ложное, потому что они, если не имѣютъ ничего такого,—что да не будетъ,—навѣрное возревнуютъ стяжать то. Блаженны тѣ, которые отъ всей души ищутъ внити во свѣтъ (Христовъ), презрѣвъ все прочее, потому что они, если и не успѣютъ, пока въ настоящей находятся жизни, внити въ сей свѣтъ, всячески отъидутъ отселѣ съ благими надеждами и внидутъ въ него, по мѣрѣ своей. Блаженны тѣ, которые всегда горько плачутъ о грѣхахъ своихъ, потому что ихъ осѣнитъ наконецъ свѣтъ и горькія слезы ихъ предложитъ въ сладость. Блаженны тѣ, которые просвѣщаются божественнымъ свѣтомъ, и видятъ немощность

свою, и постигаютъ срамоту души своей, потому что они будутъ плакать во всю жизнь свою и охотятся слезами своими. Блаженны тѣ, которые приблизились къ свѣту божественному, и вошли въ него, и соединились съ нимъ и стали всѣ свѣтъ, потому что они совершенно совлеклись оскверненной одежды грѣховъ своихъ и не будутъ уже плакать горькими (но бесполезными) слезами. Блаженны тѣ, которые видятъ, что одѣяніе души ихъ свѣтлосіянно, какъ Христось, потому что они каждочасно будутъ исполняемы неизреченною радостію, и, удивляясь сему и изумляясь, будутъ сладчайшія проливать слезы, сознавая, что стали уже сыны и сопричастниками воскресенія. Блаженны тѣ, которые всегда имѣютъ отверзтымъ мысленное око душевное, и во время каждой молитвы своей видятъ свѣтъ, потому что они стали равночестны съ ангелами. — Если же они таковы, еще въ сей находясь жизни, еще будучи связаны тлѣнною плотію, то каковыми же будутъ они по воскресеніи, послѣ того, какъ воспріимутъ духовное оное и нетлѣнное тѣло? Конечно, они будутъ тогда не ангеламъ только подобны, но самому Владыкѣ ангеловъ, Христу Господу, какъ написано: *вѣмы, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Иоан. 3, 2). Блаженъ тотъ христіанинъ, который предстоить Богу въ молитвѣ такъ, что его видитъ Богъ, и онъ видитъ Бога, и чувствуетъ, что сталъ внѣ міра, въ тѣлѣ ли, или кромѣ тѣла; потому что онъ услышитъ неизреченные глаголы, *иже не лѣтъ есть человѣку глаголати*, и увидитъ то, чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало и что на сердце человѣку не восходило. Блаженъ тотъ, кто видитъ, что въ немъ вообразился Христось — свѣтъ міра, потому что онъ наречется матерію Христа, имѣя въ себѣ Христа какъ плодъ чрева, какъ самъ Онъ неложнѣйшій обѣтоваль, говоря: мать Моя и братья Мои, и друзья Мои сіи суть. — слышащія слово Божіе и тво-

рящии его (Мат. 12, 48. 49),—такъ что тѣ, которые не хранятъ заповѣдей Божіихъ, сами своею волею лишаютъ себя такой благодати; такъ какъ дѣло сіе и было, и есть, и будетъ возможно,—и бывало, и бываетъ, и не перестанетъ бывать во всѣхъ тѣхъ, кои творятъ заповѣди Господни.

Впрочемъ, чтобъ не оставить сказаннаго нами безъ свидѣтельства и не навлечь на себя подозрѣнія, будто говоримъ что-либо отъ самихъ себя; а не отъ Божественнаго Писанія, выставляя возможнымъ невозможное,—приведемъ свидѣтельство о семъ опять тогоже блаженнаго Павла, который есть уста Христовы и говорить: *чадна моя, илиже паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Но въ какомъ мѣстѣ, или въ какой части тѣла, думаете, полагаетъ онъ. что вообразится Христосъ? Въ лицѣ, или въ груди? Нѣтъ; въ сердцѣ нашемъ воображается Онъ и не тѣлесно, а безтѣлесно и какъ подобаетъ Богу. Впрочемъ. какъ женщина, имѣющая во чревѣ, знаетъ о томъ ясно, такъ какъ младенецъ во чревѣ ея дѣлаетъ нѣкоторыя движенія (—взыграся), и нельзя ей не знать, что имѣетъ плодъ во чревѣ: такъ и тотъ, кто имѣетъ вообразившимся въ себѣ Христа, знаетъ движенія Его и взыграція, то-есть осіяніе и облистаніе Его, и видитъ внутри себя воображеніе Христа. Какъ въ зеркалѣ видится свѣтъ свѣтильника: такъ видится въ немъ Христосъ, однакожъ не призрачно и не несущественно, каково то, что видится въ зеркалѣ но въ немъ видится Христосъ, какъ свѣтъ, всуущественно, невидимо видимымъ и недомыслимо постигаемымъ, во образѣ безобразномъ и въ видѣ безвидномъ.

Такъ, братія, постигается непостижимое въ вѣрѣ нашей! Такъ зрится и несомнѣнно умопредставляется Отецъ и Сынъ съ Духомъ Святымъ тѣми христіанами, къ кото-

рымъ приходятъ Отецъ и Сынъ съ Духомъ Святымъ, и обитель себѣ въ нихъ творять, какъ говоритъ Господь, въ единомъ нераздѣльномъ свѣтѣ познаваемые, какъ мы сказали. Впрочемъ какъ тотъ, кто гонится за убѣгающимъ отъ него, хотя думаетъ, что уже очень близокъ къ нему, хотя кажется ему, что вотъ—вотъ сейчасъ схватить его, даже будто касается уже его концами пальцевъ своихъ, однакожь схватить его онъ никакъ не можетъ, пока, по общей поговоркѣ, будетъ между ними разстояніе хоть на одинъ волосъ: такъ и мы, если по нерадѣнію нашему имѣемъ хотя малый нѣкій помысль или раздуніе невѣрія, или двоедушія, или боязни (за себя), или другую какую страсть, или имѣемъ пристрастіе къ чему-либо временному, то конечно не удостоимся имѣть въ душѣ своей обитателемъ Бога и не взойдемъ на высоту такой славы. Ибо какъ для того, кто гонится за другимъ, и малѣйшее разстояніе, хотя бы на одинъ волосъ, бываетъ причиною, что онъ не можетъ схватить его: такъ и въ отношеніи къ духовнымъ вещамъ, самомалѣйшая страсть бываетъ причиною того, что мы не удостоиваемся прійти въ созерцаніе тайнъ Божіихъ. И если мы не презримъ совершенно самой жизни своей и тѣла своего, съ готовностію на самое мученичество, на то, чтобы предать всецѣло себя и жизнь свою на всякое мученіе и всякую смерть, совсѣмъ изгнавъ изъ памяти все, что служить къ поддержанію жизни тлѣннаго тѣла сего, то невозможно намъ быть друзьями и братьями Христа, ни сопричастниками и наследниками Его, и не придемъ мы никогда въ созерцаніе и опытное познаніе сказанныхъ тайнствъ Божіихъ. Посему, кто не сподобился еще достигнуть сего и получить такія блага, тотъ пусть обвиняетъ себя самого, а не говоритъ, какъ *пениющийся вины о грѣсахъ*, что это невозможно, или хотя и возможно и бываетъ, но помимо нашего сознанія, то-

есть такъ, что мы не знаемъ того. Да удостовѣрится онъ изъ Божественныхъ Писаній и да вѣдаетъ, что дѣло сіе возможно и истинно бываетъ и совершается завѣдомо намъ, такъ что мы не можемъ не знать о немъ; но по причинѣ опушенія и неисполненія заповѣдей Христовыхъ, каждый соразмѣрно съ тѣмъ самъ себя лишаетъ таковыхъ благъ, каковыя когда бы сподобиться получить всѣмъ намъ, такъ чтобы вкусить ихъ еще въ настоящей жизни и уразумѣть, яко благъ Господь, и тамъ узрѣть сего Господа всего и сорадоваться съ Нимъ въ безконечные вѣки. Аминь

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ.

- 1) О любви и вѣрѣ. Какъ стяжать въ душѣ своей любовь къ Богу?
- 2) О возсіянїи и созерцанїи свѣта и о таинственной бесѣдѣ Духа.

1) Послушаемъ, братіе, Спасителя нашего и Бога, который явно говоритъ намъ во святомъ Евангелїи: *не придохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. 12, 47); въ другомъ же мѣстѣ Евангелїе показываетъ и способъ спасенія, говоря: *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сыни своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣруя въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Итакъ, кто вѣруетъ сему отъ всей души и убѣжденъ, что Христосъ пришелъ не судить его а спасти не за добрыя его дѣла или труды и поты, но ради одной вѣры въ Него, тому какъ можно не любить Его отъ всей души своей и отъ всего помышленія своего? Особенно когда услышитъ, что Онъ претерпѣлъ такіа страсти для спасенія его и всѣхъ людей,—т.-е., какъ Онъ, Сынъ Божій и Богъ, равночестный и единосущный Отцу, сый превыше небесъ, содержащій всю тварь державною рукою силы

своя, снизшелъ съ небесъ, вошелъ въ утробу Дѣвы и Богородицы, пребылъ въ ней девять мѣсяцевъ и содѣлался человѣкомъ, и какъ Онъ, сый со Отцемъ своимъ горѣ на небесахъ, благоволилъ долу на землѣ содѣлаться плодомъ чрева, проходя по порядку весь чинъ естества нашего,—и когда помыслить о прочихъ таинствахъ воплощеннаго домостроительства Его, и о страстяхъ, какія претерпѣлъ за людей Онъ, безстрастный по естеству,—т.-е. какъ неизреченно родился въ вертепѣ, какъ повить былъ пеленами и положенъ бѣдно въ ясляхъ безсловесныхъ животныхъ царь всяческихъ, какъ принесенъ былъ въ храмъ, принятъ Симеономъ на руки и благословленъ имъ, какъ одинъ изъ простыхъ людей, какъ бѣжалъ въ Египетъ и оттуда опять возвратился въ Назаретъ и повиновался родителямъ своимъ, какъ крестился отъ Іоанна въ Іорданѣ рѣкѣ, какъ искушаемъ былъ диаволомъ въ пустыни, какъ совершилъ такія чудеса,—и между тѣмъ не былъ за то предметомъ удивленія, а паче предметомъ зависти былъ поносимъ и осмѣиваемъ злыми и нечестивыми людьми, которыхъ безстыжія уста могъ заградить и тайно и явно, и иссушить языки ихъ, и советѣмъ истинить голоса ихъ,—какъ преданъ былъ Іудею ученикомъ своимъ, какъ былъ взятъ и связанъ какъ злодѣй какой, какъ пріять удареніе въ ланиту отъ одного раба, какъ преданъ Пилату, какъ какой виновный, какъ осужденъ на смерть, какъ бичеванъ, осмѣянъ, поруганъ, одѣянъ въ багряную хламиду, держалъ въ рукахъ трость, которою принималъ отъ богоубійцъ Іудеевъ удары по пречистой главѣ своей, какъ былъ увѣнчанъ терновымъ вѣнцемъ, какъ распятъ на крестѣ, который и несъ Самъ, носящій вслеческая словомъ своимъ, какъ вышелъ изъ Іерусалима и шелъ на лобное мѣсто, какъ окружали Его воины и убійцы оныя съ бесчисленнымъ множествомъ народа, слѣдовавшаго за Нимъ видѣти кончину, какъ ужасались тому Ангелы съ

небесъ, какъ Богъ и Отецъ взиралъ на единосущнаго и сопрестольнаго Сына своего, претерпѣвавшаго все сіе отъ нечестивыхъ Іудеевъ, какъ висѣлъ Онъ нагій на крестѣ, бывъ пригвожденъ гвоздми по рукамъ и ногамъ, какъ напоенъ желчію съ уксусомъ,—и все сіе претерпѣлъ съ великодушіемъ неслыханнымъ моляся безначальному Отцу своему—простить тѣмъ, которые распяли Его.

Когда человѣкъ помыслить о всемъ этомъ, какъ возможно, чтобы онъ не возлюбилъ Господа отъ всей души своей? Ибо когда вспомнить онъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, будучи Богъ безначальный, Сынъ безначальнаго Отца, сосущій и единосущный Всесвятому и поклоняскому Духу, сошелъ съ небесъ, воплотился, сдѣлался человѣкомъ и пострадалъ по любви къ нему все то, о чемъ мы сказали предъ симъ, и другое большее того, чтобы избавить его отъ тлѣнія и смерти, и сдѣлать сыномъ Божиимъ и Богомъ, подобнымъ Ему; то,—пусть онъ будетъ жестче камня и хладнѣе кристалла,—возможно ли, чтобы не умягчилась душа его и не согрѣлось сердце его любовію къ Богу? Я утверждаю, и такъ есть воистину, что если кто повѣритъ всему этому отъ всей души и изъ глубины сердца, то тотчасъ стяжетъ въ сердце своемъ и любовь къ Богу. Ибо какъ говорятъ, что, когда раскроется маргаритная раковина и въ нее войдетъ роса небесная и лучъ блистанія молнійнаго, тогда въ ней тотчасъ производится маргаритъ: такъ, разумѣй, зараждается и любовь къ Богу внутри насъ. Когда душа услышитъ о сказанныхъ выше страстяхъ Христовыхъ, и мало-по-малу повѣритъ всему, тогда въ силу вѣры воспринятой раскрывается, бывши прежде заключенною по причинѣ невѣрія, и какъ только раскроется, тотчасъ входитъ внутрь сердца, какъ роса небесная, любовь къ Богу вмѣстѣ съ неизреченнымъ свѣтомъ, какъ блистаніемъ молніи, и бываетъ какъ маргаритъ свѣтлый и блестящій—

ся,—о коемъ говорить Господь, что обрѣтшій его купецъ пошелъ, продалъ все имѣніе свое и купилъ его. Итакъ, кто сподобится увѣровать такъ. какъ мы сказали и обрѣсти внутри себя умный маргаритъ любви къ Богу, тотъ не можетъ не презрѣть всего и не раздать бѣднымъ, что ни имѣть, чтобы сохранить любовь къ Богу твердою, полною и всецѣлою. Ибо когда онъ всему предпочитаетъ любовь Божию, тогда и она день ото дня множится въ душѣ его, и бываетъ въ немъ чудомъ чудесъ неизреченнымъ и неизъяснимымъ, котораго ни умъ понять не можетъ, ни слово высказать. И бываетъ онъ въ изступленіи подѣ дѣйствіемъ этого непостижимаго и неизреченнаго чуда, имѣя умъ свой весь прилѣпленнымъ къ нему, и исходитъ всецѣло весь внѣ міра сего, не тѣломъ, но всѣми чувствами своими,—такъ какъ и они вмѣстѣ съ умомъ устремляются къ тому, что созерцается внутри души,—и приходитъ въ откровенія и видѣнія Господни, и слышитъ неизреченные глаголы.

2) Итакъ, тотъ, кто сподобится увидѣть и услышать таковое и взойти до созерцанія Бога, тому возможно ли послѣ сего оставаться въ соображеніи съ людьми, или внимать тому, что представляютъ чувства его и помышленія? Если удостоившійся иной разъ предстать предъ лице смертнаго царя и бесѣдовать съ нимъ забываетъ все прочее, и бываетъ весь поглощенъ вниманіемъ только къ словамъ царя, сколь паче естественно быть таковымъ тому, кто сподобится,—сколько это возможно для человека, —увидѣть Бога Творца, Владыку и Господа всѣхъ и бесѣдовать съ Нимъ, и слышать голосъ Того, Кто имѣетъ судить живыхъ и мертвыхъ? Возможно ли такому не быть изступленну, и не изыти, воистину, внѣ міра сего и самой плоти своей? Возможно ли, чтобы онъ не возжелалъ навсегда пребыть съ симъ Царемъ небеснымъ и согласился отдалиться отъ Него и спуститься

къ мірскимъ заботамъ и попеченіямъ о вещахъ тлѣнныхъ и исчезающихъ? Не вѣрю, совершенно не вѣрю, чтобы кто-нибудь изъ разумныхъ людей позволилъ себѣ это. Ибо явно, что блага міра сего обыкновенно сопровождаются печальми и трудами мучительными и болѣзненными, а та жизнь, коей живетъ кто въ Богѣ: бесѣдуетъ съ Нимъ и созерцаетъ неизреченныя оныя блага, превосходитъ всякое блаженство, и есть выше всякой славы, счастья, радости и утѣшенія, поколику есть выше всякой чести, всякихъ утѣхъ, и всѣхъ видимыхъ благъ настоящей жизни. Сколько упокоеніе на дорогой и мягкой постелѣ превосходитъ лежаніе на какой-либо жесткой и неровной доскѣ: столько же превосходитъ всякое веселіе и наслажденіе настоящей жизни радость и отрада, почерпаемая душою въ общеніи и бесѣдѣ съ Богомъ. Почему многократно бываетъ, что, когда кто по невѣдѣнію или нерадѣнію оставитъ Бога и божественныя созерцанія и перейдетъ къ заботамъ и суетностямъ мірскимъ, то, какъ только почувствуетъ горечь, какую имѣютъ дѣла міра, и безмѣрный вредъ, какой причиняютъ они душѣ, спѣшитъ какъ можно скорѣе возвратиться опять къ Богу, отъ коего отдалился было, осуждая себя самого безъ жалости за то, что увлекся земнымъ, ринулся въ тернія міра и въ огонь, поядающій души человѣческія; почему бѣжитъ отсюда и прибѣгаетъ опять къ Богу, Владыкѣ своему. И если бы Господь нашъ не былъ человеколюбивъ и не принималъ насъ, когда возвращаемся къ Нему, еслибъ Онъ не былъ незлобивъ, и гнѣвался, а не хвалилъ насъ за возвращеніе наше, то воистину не спаслась бы никакая душа ни святаго, ни тѣмъ паче всякаго другаго. Почему всѣ, скончавшіеся въ святости и добродѣтели, даромъ спасены, а не за добрыя дѣла и добродѣтели свои, и не они только, но и тѣ, которые скончались послѣ сего, всѣ даромъ спасены будутъ.

Поелику, такимъ образомъ, спасеніе подается намъ вѣрнымъ не ради добрыхъ дѣлъ нашихъ, да не похвалится кто о себѣ, какъ говоритъ Апостолъ, то совѣмъ не слѣдуетъ намъ полагаться на дѣла. разумѣю, — на посты, бѣднія, спаніе на голой землѣ, алчу и жажду, ношеніе веригъ, или умученіе тѣла власяницами; потому что все это само по себѣ — ничто. Многіе злонравные люди, большею частію изъ бѣдныхъ, переносятъ это, но все остаются такими же, не оставляя своей худости и не дѣлаясь хорошими. Полезно бываетъ и это для нѣкоторыхъ тѣмъ, что смиряетъ тѣло и умаляетъ его живость и возбудительность; но Господь не этого только требуетъ, а сердца сокрушеннаго и смиреннаго,—того, чтобъ сердце наше всегда взывало къ Нему со смиреннымъ помышломъ: кто есмь азъ, Господи мой Боже, что Ты благоволилъ сойти на землю, воплотиться и умереть за меня, чтобъ избавить меня отъ тлѣнія и смерти и сдѣлать общникомъ и наслѣдникомъ Твоей славы и Божества? Когда будешь имѣть такое смиренное мудрованіе и будешь въ такихъ упражнять помыслахъ въ умѣ своемъ, то тотчасъ придетъ къ тебѣ Господь, обмыетъ тебя и облобызаетъ, даруетъ Духъ правый въ сердце твое, Духъ избавленія и прощенія грѣховъ твоихъ, увѣнчаетъ тебя дарами Своими и сдѣлаетъ славнымъ мудростию и вѣдѣніемъ. Ибо что другое такъ любезно и благопріятно Богови, какъ сердце сокрушенное и смиренное и мудрованіе самоуничиженное? Въ таковомъ-то смиренномудріи души обитаетъ и почиваетъ Богъ,—и всякій навѣтъ врага противъ нея остается безуспѣшнымъ; всѣ грѣховныя страсти исчезаютъ въ ней и напротивъ множатся плоды Духа Святаго, какъ-то: любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, смиренномудріе и воздержаніе отъ всѣхъ страстей; за симъ потомъ слѣдуетъ божественное вѣдѣніе, премудрость

Слова, бездна сокровенныхъ помышленийъ и тайнъ Христовыхъ. Кто достигнетъ до такого состоянія и окачествуется такъ, тотъ изиѣняется благимъ измѣненіемъ и бываетъ земнымъ ангеломъ; тѣломъ соображается онъ съ людьми въ міръ семя, а духомъ ходитъ на небесахъ и соображается съ ангелами, и отъ неизреченной радости распространяется въ любви Божіей, къ которой никто никогда не можетъ приблизиться если прежде не очиститъ сердца своего покаяніемъ и многими слезами, и не достигнетъ глубины смиренномудрія, чтобъ пріять въ душу свою Святаго Духа, благодатию и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ.

- 1) Всякому христіанину необходимо причастну быть благодати Святаго Духа.
- 2) Невозможно, чтобъ дѣла добродѣтели были тверды и прочны иначе, какъ благодатию Святаго Духа, безъ коей никто не можетъ ни успѣшно шествовать путемъ добродѣтели, ни пользоваться другихъ, ни принимать и разрѣшать чужіе помыслы.
- 3) Тріипостасное Божество по всему равно (то-есть всѣ лица по всему равны).

1. Какъ свѣтильникъ, хотя и елеемъ полонъ, и фитиль имѣетъ, но если не зажженъ огнемъ, остается весь темнымъ: такъ и душа, повидимому украшенная всѣми добродѣтелями, если не сдѣлается причастною свѣта и благодати Святаго Духа, есть еще погашенная и омраченная, и дѣла ея еще не тверды; ибо надобно, чтобъ оны были обличены и явлены свѣтомъ (Еф. 5, 13). Итакъ, у кого свѣтильникъ души еще погашенъ и темень, для того потребенъ божественный свѣтъ, который засвѣтилъ бы въ немъ свѣтильникъ души его и научилъ его обсуждать дѣянія свои, испрашивать прощенія въ погрѣшеніяхъ посредствомъ исповѣданія и исправлять každочасно, что сдѣлаетъ неправого и худого. Ибо какъ невоз-

можно не спотыкаться тому, кто идетъ въ темную ночь: такъ невозможно не погрѣшать тому, кто не увидѣлъ еще божественнаго свѣта, какъ говорить Христосъ Господь: *еще кто ходитъ во дни, не поткнется: яко свѣтъ міра сего видитъ. Аще же кто ходитъ въ нощи, поткнется, яко нѣсть свѣта въ немъ* (Іоан. 11, 9. 10). Говоря: *нѣсть свѣта въ немъ*, указалъ на божественный и невещественный свѣтъ, потому что чувственнаго свѣта никто не можетъ стяжать и имѣть въ себѣ.

2. Итакъ, какъ нѣтъ совершенно никакой пользы тому, кто идетъ во тмѣ, держать въ рукахъ много не зажженныхъ, хотя исправныхъ, свѣтильниковъ; потому что и съ ними онъ все же не можетъ видѣть ни себя самого, ни другаго кого: такъ и тотъ, кто думаетъ, что имѣеть въ себѣ всѣ добродѣтели (если это возможно), но не имѣеть свѣта Всесвятаго Духа, не можетъ ни видѣть хорошо и какъ подобаешь дѣла свои, ни вполнѣ удостовѣриться, что они угодны Богу; не можетъ также онъ другихъ руководить и указывать имъ, въ чемъ для нихъ воля Божія; недостойнъ онъ и принимать чужіе помыслы и исповѣдывать другихъ, пока не стяжаетъ свѣта Святаго Духа, который бы свѣтилъ внутри его. Христосъ Господь говоритъ: *ходите, дондеже свѣтъ имаете, да тма васъ не иметъ: и ходяи во тмѣ не вѣсть, камо идетъ* (Іоан. 12, 35). Итакъ, если тотъ, кто ходитъ во тмѣ, самъ не знаетъ, куда идти, то какъ можетъ онъ другимъ указывать дорогу? Если кто поставитъ незажженный свѣтильникъ на свѣщникъ, на коемъ нѣтъ другаго свѣта, который бы свѣтилъ, то что пользы? Никому не слѣдуетъ такъ дѣлать, но надлежитъ поступать такъ, какъ опредѣлилъ Богъ всяческихъ въ святомъ Евангеліи: *никтоже свѣтильника вжеть, въ скровь полагаетъ, ни подъ спудомъ, но на свѣщникъ, да входящии свѣтъ видятъ* (Лук. 11, 33). Сказавъ это, Онъ указываетъ и признакъ,

по которому можно узнать, кто сталъ свѣтомъ и имѣеть свѣтъ въ себѣ, говоря: *свѣтильникъ тѣлу есть око* (—34). Какое другое разумѣть Онъ здѣсь око, кромѣ ума? Сіе око не можетъ быть просто, если не видитъ простаго (чистаго) свѣта. Свѣтъ же простой (чистый) есть Христось. Итакъ, кто имѣеть въ себѣ свѣтъ Христовъ, который бы свѣтилъ въ умѣ его, о томъ говорится, что онъ имѣеть умъ Христовъ. Когда око твое, т.-е. умъ твой простъ, т.-е. свѣтелъ, тогда и безтѣлесное тѣло твое, т.-е. всѣ части души твоей будутъ свѣтлы; и наоборотъ, когда умъ твой лукавъ, т.-е. омраченъ и погашенъ тогда и вся душа твоя будетъ темна. Итакъ разсуди добрѣ, не тма ли и свѣтъ, который въ тебѣ? Вникни также добрѣ, не думается ли тебѣ, что имѣешь то, чего еще не стяжалъ? Добрѣ размотри это, чтобъ не обмануться и не подумать, что въ тебѣ свѣтъ, тогда какъ это не свѣтъ, а тма.

Внемлите же себѣ, братія мои, чтобъ не случилось и съ вами того, что, тогда какъ думаете, что вы—съ Богомъ и имѣете общеніе съ Нимъ, потомъ окажется, что вы внѣ, отдалены отъ Него, по той причинѣ, что не зрите въ настоящей жизни свѣта Его. Ибо если бы божественный свѣтъ возжегъ свѣтильники ваши, т.-е. души ваши, то онъ сіялъ бы въ васъ явно, какъ сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христось,—что если умъ твой свѣтлъ, то и душа твоя не будетъ имѣть ни одной части темной, но будетъ вся свѣтла, подобно какъ когда свѣтильникъ освѣщаетъ тебя свѣтомъ своимъ. Какое еще другое свидѣтельство, большее этого, могу я привести тебѣ для убѣжденія тебя? Если не повѣришь Владыкѣ Христу, то какъ, скажи мнѣ, повѣришь мнѣ, сорабу твоему?

Но что сказать мнѣ тѣмъ, которые любятъ быть славными и именитыми, состоять іереями, игуменами, учителями и духовниками, желаютъ принимать чужіе помыслы

и говорить, что достойны того, чтобъ имѣть власть вязать и рѣшить, — когда вижу, что они ничего не знаютъ, что необходимо въ порядкѣ жизни по Богу, и другихъ тому не учать и не вводятъ ихъ въ свѣтъ вѣдѣнія, чтобъ они знали и разумѣли, что необходимо требуется для спасенія ихъ? Что другое скажу кромѣ того, что говорить Христосъ законникамъ: *горе вамъ законникамъ, яко взяте ключъ разумѣнія: сами не внидосте и входящимъ возбранисте* (Лук. 11, 52). — Поистинѣ же ключъ разумѣнія что есть другое, какъ не благодать Святаго Духа, подаемая вѣры ради? Сія благодать отверзаетъ заключенный и омраченный умъ нашъ и сообщаетъ ему истинное вѣдѣніе и познаніе божественнаго просвѣщенія.

3. Дверь есть Сынъ, какъ говоритъ самъ Онъ: *Азъ есмь дверь* (Іоан. 10, 8). Ключъ къ двери сей есть Духъ Святой: *примите, говоритъ, Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 23). А домъ — Отецъ: *въ дому Отца моего, говоритъ, обители мнози суть* (Іоан. 14, 2). Внемлите же тщательно силѣ слова. Если ключъ не отверзетъ (почему Самъ говоритъ: *сему дверникъ отверзаетъ*, Іоан. 10, 3), дверь не отворится; а если дверь не отворится, то никто не войдетъ въ домъ Отца, какъ говоритъ Христосъ: *никтоже придетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. 14, 6). А что Духа Святой прежде отверзаетъ умъ нашъ и научаетъ насъ объ Отцѣ и Сынѣ, объ этомъ опять самъ Христосъ сказалъ: *егда же придетъ Утѣшитель, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствууетъ о Мнѣ,—и наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. 15, 26; 16, 13). Видишь, что Отецъ и Сынъ познаются чрезъ Духа, и, лучше сказать, въ Духѣ. И опять говорить Господь: *еще не иду Азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ* (Іоан. 16, 7). А когда придетъ, *вспоминетъ вамъ вся* (Іоан. 14, 26). И еще говорить: *еще*

любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте, и Азъ умолю Отца, и много Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины. И немного ниже прибавляетъ: *въ той день (когда т.-е. придетъ Духъ Святой въ васъ) уразумѣете вы, яко Азъ во Отца моего, и вы во Мя, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 15. 16. 20). И опять говоритъ: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). И необходимо такъ: ибо кто не окрестится Духомъ Святымъ, тотъ не можетъ быть ни сыномъ Божиимъ, ни сонаслѣдникомъ Христовымъ. Вотъ и Петру Апостолу говоритъ Господь: *дамъ ти ключи царства небеснаго* (Мѣ. 16, 19). Конечно, не то сказать Онъ, что дастъ ему ключи мѣдные или серебряные, но ключи достойные дома онаго, то-есть Духа Святаго. Если желаешь знать, каковъ домъ оный, послушай, что говоритъ святой Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею: *блаженный, и единый сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтъ живой непреступнымъ* (1 Тим. 6, 15. 16). Если такимъ образомъ домъ оный есть свѣтъ непреступный, явно, что и дверь дома того также есть непреступна. И ключъ никакъ не можетъ отверзть дверь, если и онъ не непреступенъ и не тогоже естества съ нею, но будетъ сожженъ дверію, какъ и дверь будетъ сожжена домою, если не будетъ тогоже съ нею естества. И будетъ, что домъ оный останется для всѣхъ непреступнымъ и не-входнымъ. Тогда и вѣра наша престанетъ, если Святая Троица раздѣляется на приступное и непреступное, на большее и меньшее.

Вникните же получше въ сказанное мною, и, слыша прииѣры, взятые мною отъ вещей чувственныхъ и вещественныхъ, какъ-то: домъ, дверь, ключъ, не печатлѣйте въ умѣ своемъ никакого тѣлеснаго образа, чтобъ не впасть въ недостойныя Бога помышленія, могущія по-

ходить на богохульство, но представляйте все сіе въ себѣ самихъ боголѣпно, возвышаясь до созерцанія сокровеннаго въ томъ смысла. Если же не можете понимать сего боголѣпно, то принимайте все одною вѣрою, не позволяя себѣ слишкомъ много пытаться о сихъ предметахъ. Почему Духъ Святой называется ключемъ? Потому, что чрезъ Него и въ Немъ впервые просвѣтляется умъ нашъ, и мы, приходя въ раскаяніе, очищаемся отъ всякаго грѣха; послѣ чего получаемъ свѣтъ вѣдѣнія, крещаемся свыше, возрождаемся и дѣлаемся чадами Богу, къ Коему и приедемъ дерзновеніе взывать: *Авва Отче!* какъ говорятъ Апостолъ: *самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8, 26). И еще: *посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша вопіюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6). Сей-то Духъ показываетъ намъ дверь, открывая, что она есть свѣтъ. И опять дверь научаетъ насъ, что обитающій въ домѣ есть также свѣтъ неприступный. Впрочемъ не есть инъ Богъ, обитающій во свѣтѣ, и инъ свѣтъ—домъ Его, какъ не есть инъ свѣтъ Божества, и инъ Богъ, но одинъ и тотъже есть и домъ, и обитающій въ немъ, какъ одинъ и тотъже есть и свѣтъ, и Богъ. Богословски же называется домохъ и Сынъ, какъ говоритъ самъ Онъ: *Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ во тебѣ* (Іоан. 17, 21). И еще: *Азъ во Отцѣ моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ во васъ* (Іоан. 14, 20). И Духъ Святой равно называется также домохъ. Ибо тамъ, гдѣ говоритъ Господь нашъ: *Я и Отецъ къ нему (любящему Мя и соблюдающему слово мое) придемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23), явно доразумѣвать надлежитъ, что это бываетъ чрезъ Духа Святаго, о Коемъ говоритъ Апостолъ, что Онъ устрояетъ себѣ въ душахъ вѣрующихъ обитель: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ?* (1 Кор. 3, 16). Говоритъ также Апостолъ: *Господь же Духъ есть* (2

Кор. 3, 17), не потому, что Духъ есть Сынъ,—прочь такое хуленіе!—но потому, что Сынъ Божій видится и созерцается въ Духѣ Святомъ. Но если Духъ есть Господь, то явно, что и въ отношеніи къ Нему, какъ и къ Господу, можно говорить: Отецъ въ Немъ, и Онъ въ насъ; и опять равно—мы въ Немъ, какъ Онъ съ Богомъ Отцемъ, и Богъ—Отецъ въ Немъ.

Выражаясь точнѣе и съ большею опредѣленностію, скажу: что есть одно лице Святыя Троицы, тоже суть и другія два лица; ибо лица Святыя Троицы тождественны и созерцаются въ единомъ ествѣ, и существѣ, и царствѣ. Почему чѣмъ именуется одно лице, тѣмъже по естеству созерцаются и другія два лица, кромѣ того, что суть Отецъ, Сынъ и Святыи Духъ, яко лица, т.-е. кромѣ свойства раждать Сына и изводить Духа, принадлежащаго Отцу, — свойства рождаться, принадлежащаго Сыну, и свойства исходить, принадлежащаго Духу Святому. Эти только особенности имѣютъ неизреченнымъ образомъ мѣсто во Святой Троицѣ, т.-е. эти свойства принадлежать особо каждому лицу. И никакъ нельзя иначе помышлять или говорить о нихъ, или перемѣнять имена ихъ. По нимъ распознаются три лица, и нельзя ни Сына полагать прежде Отца, ни Духа Святаго прежде Сына, но надлежитъ говорить вмѣстѣ такъ: Отецъ, Сынъ и Духъ Святыи, не дѣлая никакого пресѣченія въ нихъ, ни даже до самоналѣйшей части времени или мгновенія: ибо вмѣстѣ съ Отцемъ тотчасъ же есть и Сынъ рожденный и Духъ исходящій отъ Отца. Въ отношеніи же ко всему прочему одно и тоже имя или свойство созерцается и въ каждомъ лицѣ, и во всѣхъ трехъ. Такъ, напримѣръ, если назовешь—свѣтъ, то и каждое лицо есть свѣтъ, и всѣ три опять суть едины свѣтъ,—жизнь вѣчная, и каждое лицо равно есть жизнь, то-есть и Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святыи, и всѣ три опять суть

едина жизнь. Богъ есть и Отецъ, Богъ есть и Сынъ, Богъ есть и Духъ Святой,—каждое лицо отдѣльно, и опять всѣ вмѣстѣ три лица суть единый Богъ,—Творецъ всяческихъ, какъ говорить и ветхозавѣтное Писаніе: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ*. Подъ словомъ *Богъ* разумѣется здѣсь Отецъ (не паче ли—Богъ, единый въ тріехъ?). И св. Давидъ говорить (уже раздѣльно о каждомъ лицѣ): *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. 32, 6). Подъ Словомъ разумѣется здѣсь Сынъ, а подъ Духомъ устъ—Духъ Святой (подъ Господомъ же—Богъ Отецъ). Также Іоаннъ Богословъ говорить во святомъ Евангеліи: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово*,—очевидно, Сынъ. *Вся Тьма быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1. 3). Познайте же, прошу васъ, все сіе, вы, именующіеся чадами Божиими и кажущіеся быть христіанами,—вы, учащіе другихъ пустыми словами и думающіе, что вы выше другихъ, — вы, міряне, говорю, и монахи, и іереи, соберитесь всѣ вмѣстѣ съ любовію къ Богу, спросите вѣдающихъ и опытныхъ мужей, и вызывайте первѣе узнать все сіе съ рѣшимостію испытать все то и дѣломъ; а потомъ къ сему приложите ревностное стараніе достигнуть того, чтобъ отверзлись наконецъ очи души вашей—узрѣть Бога, и вы стали во истину чадами Божиими, подобными Богу и Отцу вашему дѣлами и искусомъ, не словами только, внѣшнимъ видомъ и одеждами. Когда сдѣлаетесь таковыми и познаете добръ тайнства Божіи, тогда принимайте и духовныя достоинства (церковныя чины), чтобъ иначе не слышать: увы! и горе! Примите сіе во вниманіе вы, которые, прежде чѣмъ познаете тайны Божіи, съ великимъ рвеніемъ стремитесь взойти на степени достоинствъ чуждыхъ вамъ, которыя приличны другимъ, т.-е., совершеннымъ.

а не вамъ несовершеннымъ. *Горе иже мудри въ себя самихъ и предъ собою разумни! Горе полагающимъ тму сътъ и сътъ тму* (Ис. 5, 21. 20).

Итакъ, возлюбленные во Христъ братіе мои, всѣхъ васъ прошу, во первыхъ положите доброе основаніе подъ зданіе добродѣтелей, т.-е. смиреніе, потомъ подвигами благочестія и добродѣтелей созидайте домъ вѣдѣнія таинъ Божіихъ, взыщите просвѣтитися божественнымъ свѣтомъ и чистымъ умомъ узрѣть, — сколько сіе доступно для людей, — Бога, и отъ Бога научиться совершеннѣйше таинствамъ царства небеснаго. И тогда уже съ симъ вѣдѣніемъ, которое свыше отъ Отца свѣтовъ подается достойнымъ, научайте и другихъ братій нашихъ христіанъ, что есть воля Божія, благая, совершенная и угодная, и ученіемъ своимъ припосите народъ избранный Богу, который благодатію Святаго Духа поставилъ васъ духовными отцами и учителями Церкви своей, чтобъ не быть вамъ изгнанными изъ брачнаго чертога Христова, какъ небрежникамъ, не позаботившимся одѣться въ одѣяніе брачное, — но да явимся мудрыми домостроителями, добръ раздающими духовное житомѣріе соклеветамъ своимъ. Но прежде всего позаботимся исправить жизнь свою и жить богоугодно, чтобъ беспрепятственно могли войти въ брачный чертогъ Христовъ свѣтлыми, просвѣщенными чистымъ жительствомъ и вѣдѣніемъ небеснымъ и исполненными Святаго Духа, и соцарствовать съ Нимъ въ царствіи Бога и Отца во Святомъ Духѣ. Ему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТИДЕСЯТОЕ.

Первое богословское слово противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Отецъ есть прежде Сына.

Говорить о Богѣ, изслѣдовать яже о Немъ, покушаться яснымъ представлять неуленимое и понятнымъ непостижимое для всѣхъ, свойственно человѣку самонадѣльному и дерзкому. Между тѣмъ въ эту погрѣшность впадаютъ не только тѣ, которые говорятъ что-либо о Богѣ отъ самихъ себя, но и тѣ, которые съ пытливостію изслѣдуютъ и изучаютъ, что сказали и написали противъ еретиковъ богословы Церкви нашей, не для того, чтобъ получить отъ того нѣкую пользу духовную, но чтобъ стяжать похвалу отъ слушателей своихъ и именоваться богословами. Это очень печалить меня, печалить до изнеможенія. Ибо я думаю, что сіе покушеніе страшно, и что тѣ, которые дерзаютъ на него, будутъ осуждены Господомъ.

А что дерзаютъ они говорить противно божественнымъ догматамъ, есть слѣдующее: по тому, говорятъ, одному Отецъ больше Сына, что Онъ есть виновникъ существованія Сына. Если кто спроситъ ихъ, какъ понимаете вы: Отецъ больше Сына? они отвѣчаютъ: Отецъ больше Сына, т.-е. прежде Его, потому что Сынъ рождается отъ Отца. Вотъ что говорятъ новые суесловы и нескладные богословы; потому что не знаютъ причины, по которой говорили такъ богословы противъ еретиковъ. Не разумѣя мысли и цѣли написаннаго, они суесловствуютъ, и то, что неправо говорятъ, почитаютъ вѣрнымъ и истиннымъ. Къ таковымъ скажу я, какъ и должно, не отъ себя, но будучи научаемъ отъ Того, кто научаетъ всякаго человѣка разуму: братія мои! если Пресвятая Троица, все создавшая изъ не сущаго во еже быти, была, есть и будетъ всегда нераздѣльною, то кто научилъ васъ, или кто придумалъ у васъ, что въ Ней есть мѣры и степеней? Первое и второе? большее и меньшее? Кто дерзнулъ опредѣлять такъ въ томъ, что незримо, непостижимо и совершенно неизслѣдованно и недомыс-

лимо? Въ томъ, что всегда пребываетъ соединенно и всегда есть равно одинаковымъ образомъ, невозможно быть одному прежде другаго. Если же ты будешь настаивать, что Отецъ прежде Сына, такъ какъ Сынъ родился отъ Отца, котораго потому называшь и большимъ, то скажу тебѣ и я, что Сынъ прежде Отца, потому что еслибы не былъ уже Онъ, то Отецъ не назывался бы Отцемъ. Если ты полагаешь, что Отецъ былъ прежде Сына, и предбывшимъ называшь Его, поколику Онъ есть виновникъ рожденія Сына; то я этого не принимаю, т.-е., что Отецъ есть виновникъ Сына (въ такомъ значеніи, яко предбывшій). Ибо чрезъ это ты подаешь мысль, что Сына не было прежде чѣмъ родился, и что хотя или не хотя родился Сынъ, и притомъ хотящу или не хотящу Отцу. Видиши, въ какія неумѣстности чтобъ не сказать—хуленія, впадася мы отъ такихъ изысканій? Итакъ, или не говори, что Отецъ прежде Сына,—тогда и я охотно приму, что Отецъ виновникъ Сына, или если будешь говорить, что Отецъ прежде Сына, то и я, *устрояя* слово свое на *судъ* (Пс. 111, 5), не приму въ такомъ случаѣ, что Отецъ виновникъ Сына. Ибо, какъ мы сказали, между тѣми, кои всегда едино суть и суть равно одинаковымъ образомъ, одно не можетъ быть причиною другаго. Не думай же, что Отецъ былъ прежде Сына какое-либо время, и не говори, что Отецъ есть первѣйшій или большій Сына. Отецъ ни насколько не былъ прежде Сына, потому что Сынъ совѣченъ и собезначаленъ Отцу, и Отецъ все есть во всемъ, равночестномъ Ему, Сынъ, какъ и Сынъ есть во всемъ, единосущномъ Ему, Отцѣ. Какъ же можно говорить, что Отецъ прежде совѣчнаго Ему Сына? Если ты говоришь (просто), что Отецъ виновникъ Сына, то говорю тоже и я; только не держи и не подавай мысли, что Богъ и Отецъ былъ одинъ какое-нибудь время, въ какое время

не было Сына, и что Онъ родиль Его послѣ и сталъ виновникомъ существованія Его. Это одно отдаляетъ тебя отъ Бога и отъ истины, какъ нечестиваго, и дѣлаетъ подобнымъ тѣмъ еретикамъ, которые говорятъ, что Сынъ созданъ отъ Отца. Это въ умъ только свой вложить есть дѣло нечестивѣйшее и безбожнѣйшее. Въ тѣлесномъ рожденіи людей мы говоримъ, что отецъ прежде сына; но къ божественному всегда сущему существованію и нерожденному рожденію, непостасной (не начинающей быть впостасію) впостасности и пресущественной существенности,—ужь и незнаю какъ бы еще сказать иначе,—это совсѣмъ непрilожимо. Обычно бываетъ такъ, что кто скажетъ—*первое*, тому необходимо потомъ назвать *второе* и *третье*. Но въ отношеніи къ Пресвятой Троицѣ говорить такъ совершенно неумѣсто. Измѣрять неизмѣримое, напрягаться выразить словомъ неизреченное, и изъяснить неизъяснимое есть дѣло крайне скользкое и многобѣдственное. Итакъ о божественномъ и неизреченномъ рожденіи Сына и Слова говоримъ, что Отецъ есть виновникъ Сына, какъ говоримъ, что умъ есть виновникъ слова, источникъ—потока, корень—вѣтвей; но никакъ не говоримъ, что Онъ прежде Сына, чтобъ не размножить единаго Бога, раздѣляя единое нераздѣльное Божество на три Бога. Въ отношеніи къ нераздѣльной и несліянной Троицѣ невозможно ни помыслить, ни сказать: первое, второе, третье, или большее или меньшее. Что есть и каково божественное и пресущественное естество, это совершенно неизреченно, неизглаголавно и недомыслимо; уму человѣческому невозможно понять этого.

Если хочешь, поведемъ рѣчь и другимъ образомъ, чтобъ убѣдиться, сколь непостижимъ Богъ Творецъ всѣхъ вещей. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ въ святомъ Евангеліи: *Духъ есть Богъ*, т.-е. Отецъ (Іоан. 4

24). А блаженный Павел—уста Христовы—говорить: *Господь же, т.-е. Сынъ, Духъ есть* (2 Кор. 3, 17). Итакъ, если Духъ есть Богъ, и Духъ есть Сынъ, то гдѣ же отчество и сыновство? И скажи мнѣ теперь, что же первое и что большее въ божескомъ непостижимомъ естествѣ, такъ какъ ты, новенькій и суесловный богословъ, приписываешь сіе ему и говоришь такъ о немъ? Если положишь, что Духъ прежде Сына и Отца, то вмѣстѣ съ Духомъ найдешь и всего Отца и всего Сына, такъ какъ три сіи единосущны и нераздѣльны. Приди же, хоть послѣ сего, къ мысли, что божественное естество непостижимо и недомыслимо для насъ человѣковъ. Еще,—Іоаннъ Богословъ сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово*, а не Отецъ. Ты же глубже самого Іоанна постигъ премудрость Божию, и говоришь намъ и всему міру: первый есть Отецъ, чтобъ дать разумѣть, что Сынъ есть второй по Отцѣ, и опять третій по Немъ Духъ Святый, проповѣдуя иное Евангеліе—богохульства, какъ иной богословъ, глубочайшій Іоанна, болѣе его близкій къ Сыну и Слову Божию. Но скажи мнѣ ты, проповѣдующій льстиво и лукаво догматъ требожія, по какой причинѣ наперсникъ Христовъ Іоаннъ Богословъ не сказалъ: *въ началѣ бѣ Отецъ*, но сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово*? Вотъ по какой: чтобъ научить насъ, что ни Богъ Слово никому не былъ вѣдомъ, яко Сынъ, прежде снисшествія своего на землю и воплощенія, ни Богъ не былъ вѣдомъ, яко Отецъ,—не потому, чтобъ Божество, создавшее міръ, не было тріипостасно, но потому, что Оно не было еще познаваемо таковымъ, такъ какъ не совершилось еще воплощенное домостроительство Христово. Ибо уже послѣ вочеловѣченія Бога Слова, Богъ и Отецъ познался намъ истиннымъ Отцемъ, и Богъ Слово, воплотившійся для спасенія нашего познался Сыномъ Божиимъ, по слову Отца, съ небесъ изреченному: *Сей есть Сынъ мой возлюбленный. Того послу-*

найте; и по слову Сына сказавшаго: Отче праведный, и миръ Тебе не позна, Азъ же Тя познахъ (Іоан. 17, 25), — и опять: *сказихъ имя Твое человекомъ* (—26), и еще: *Отче, прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ Тя* (—1), — также: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30). Вникни, прошу тебя, въ силу словъ Господа. Онъ говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма*. Себя поставилъ прежде Отца. Для чего? Чтобы показать равночестность и единославіе, какія имѣеть Онъ во всемъ со Отцемъ, и то, что ни Отецъ не есть первый, хотя и есть виновникъ Сына, ни Сынъ не есть второй, хотя и родился отъ Отца, ни Духъ Святый не есть третій, хотя и исходитъ отъ Отца. Ибо такъ какъ Троица есть едино изъ начала, и сіе едино именуется Троица по вѣпостасямъ, то слѣдуетъ, что изъ сихъ трехъ вѣпостасей или лицъ ни одно не можетъ быть первымъ предъ другимъ. И ни одно изъ нихъ не было прежде другаго, чтобъ тому, которое было прежде, быть первымъ предъ тѣмъ, которое отъ него возсіяло. Единая Троица есть едино Божество. Троицею Оно называется по лицамъ, или вѣпостасямъ; и поелику Богъ нераздѣльно раздѣляется на три лица, неслитно соединенныя во едино, то и называется Богъ—Троица. И ни одна изъ сихъ трехъ вѣпостасей не была прежде другой отнюдь. Ни Отецъ не былъ прежде Сына, ни Сынъ—прежде Отца, ни Отецъ и Сынъ—прежде Духа Святаго, чтобъ одинъ кто былъ первымъ предъ другимъ. Всѣ три лица равно безначально сосущи и совѣчны.

Итакъ, Святая Троица есть единый Богъ, неизреченный, безначальный, несозданный, непостижимый, нераздѣлимый. И невозможно намъ ни умомъ постигнуть Его, ни достойно опредѣлить словомъ. Но чтобъ намъ совѣтъ не забыть Бога, и храня о Немъ полное молчаніе не казаться живущими, какъ какіе-нибудь безбожники, для того снисходительно позволено намъ говорить о Богѣ и божествен-

номъ, сколько сіе подъ силу человѣческому естеству, говорить такъ, какъ научены мы божественными Апостолами и богодухновенными отцами нашими, чтобъ, вспоминая о Немъ часто, славили мы Его благодѣль и человеколюбивое домостроительство, совершенное Имъ для насъ. Но мы, какъ бы свѣдѣнія не имѣя о томъ, что земля есмь и пепель, выходимъ за предѣлы мѣры своей и не трепеща изслѣдуемъ, пытаемъ, гадаемъ, надумываемъ и въ воображеніи своемъ произвольно построиваемъ то, что недомыслимо и неизреченно для самихъ ангеловъ и для всѣхъ небесныхъ чиновъ, — произвольно мудрствуемъ о Богѣ и говоримъ о томъ безъ всякаго благоговѣнія и страха, какъбы какіе невѣрные, нисколько не наученные тайнамъ Божиимъ. Скажи наконецъ мнѣ ты, брате, который безъ стыда позволяешь себѣ изслѣдовать и пытаться, что касается божескаго естества, вѣруешь ли, что Богъ тріипостасный безначаленъ, неизреченъ, неизслѣдимъ, невидимъ, ни для ума непостижимъ, ни для слова неизглаголанъ? И что Онъ не имѣлъ начала, ни двей, ни лѣтъ, ни вѣковъ, по бытъ всегда, и всегда пребывалъ таковымъ же? — Да, говоришь. вѣрю. Итакъ, если ты вѣруешь тому, что Святая Троица всегда была, какъ и воистину была, Богъ единъ, Который, когда восхотѣлъ, привелъ изъ несущаго въ бытіе небо и землю и все, что въ нихъ, прежде того создавъ всѣ небесныя воинства ангельскія, послѣ же всѣхъ тварей сотворивъ и человѣка, — такъ что нѣтъ ничего ни на небѣ, ни на землѣ, ни въ преисподнихъ, что не было бы создано изъ несущаго, — одинъ же только тріипостасный Богъ, Творецъ и Создатель всяческихъ, есть безначаленъ и не-созданъ, присно сый и прежде всѣхъ сый, — если вѣруешь сему, то чего ради не заграждаешь самъ себѣ устъ своихъ, со страхомъ и трепетомъ покланяясь Творцу всяческихъ, какъ дѣлаютъ сіе всѣ воинства ангельскія,

сущія на небесахъ, но оставивъ разсматривать и изслѣдовать себя самого, дерзкою и самоувѣренною душою любопытствуешь о непостижимомъ естествѣ Бога? Не трепещешь, человѣче, какъ бы не низпала съ неба какая-либо стрѣла молнійная и не попалила тебя?!

Если Богъ, тріипостасно единый, несозданъ есть и безначаленъ, былъ всегда и прежде всего, видимаго и невидимаго отѣлесеннаго и безтѣлеснаго, познаваемого нами и не познаваемого, — что все получило бытіе отъ единосущной и нераздѣльной Троицы, единаго Божества, то скажи мнѣ, какимъ способомъ твари могутъ познать Творца, начавшія бытіе — Всегда-сущаго, созданнаго — Несозданнаго? Какъ онѣ, отъ Него послѣ получившія бытіе, могутъ познать Его — безначальнаго? Какъ могутъ онѣ повѣсть, каковъ Онъ и коликъ, и какъ есть? Нѣтъ, нѣтъ, никакъ не могутъ онѣ повѣсть ничего изъ этого развѣ только насколько восхоцетъ самъ Творецъ, Который какъ даетъ всякому человѣку дыханіе, и жизнь, и душу, и умъ, и слово, такъ благоволитъ человѣколюбно даровать и познаніе о Себѣ, да вѣдаютъ Его, сколько подобаеть. Иначе же твари, получившей бытіе отъ Бога, никакъ невозможно постигнуть Творца своего. Впрочемъ и это вѣдѣніе, какое Онъ даетъ намъ, вѣрующимъ въ Него, даетъ Онъ намъ ради вѣры нашей, чтобъ знаніе подтверждало вѣру, которая бываетъ безъ знанія, и такимъ образомъ посредствомъ знанія утверждался въ вѣрѣ всякой, оглашенный словомъ, и убѣждался, что есть Богъ, въ Котораго увѣровалъ онъ по одному словесному ученію.

Такое вѣдѣніе получаютъ вѣрующіе посредствомъ многообразныхъ и многоразличныхъ знаменій, гаданій, зеркалъ, таинственныхъ и неизреченныхъ дѣйствій, божественныхъ откровеній сокровеннаго, созерцанія тварей, и посредствомъ другаго многоаго, помощію чего каждодневно возрастаетъ вѣра таковыхъ вѣрныхъ и восходитъ

въ любовь и пламенное желаніе Бога. И не только это, но ихъ еще Богъ удостовѣряетъ, какъ и Апостоловъ, чрезъ апостольское присѣщеніе Святаго Духа; и они совершеннѣе просвѣщаемы и научаемы бывають свѣтомъ Духа Святаго, что Богъ непостижимъ, неизреченъ, не-созданъ, вѣченъ и присносущъ. Отъ Духа Святаго научаются они всякому разумѣнію и познанію, и всякому слову премудрости и вѣдѣнія таинственнѣйшаго; сверхъ того получаютъ силу творить чудеса, даръ пророчества, роды языковъ и сказанія языковъ — даръ заступленія и управленія городовъ и народа, познаніе будущихъ благъ, вкушеніе царствія небеснаго, сыноположеніе и самое облаченіе во Христа, съ вѣдѣніемъ тайнъ Христовыхъ и наипаче тайны домостроительства Его во спасеніе наше. И вообще говоря, все сіе и многое другое подобное, чего не знаютъ невѣрные, мы, сподобившіеся содѣлаться вѣрными, можемъ знать, мудрствовать о томъ и говорить, будучи научаемы и просвѣщаемы благодатію Пресвятаго Духа.

Симъ же способомъ удостовѣряемся и утверждаемся въ убѣжденіи, что Богъ, создавшій всяческая, Онъ же создалъ и насъ, перстъ вземъ отъ земли, и даровалъ намъ умъ, слово и душу мысленную, сотворилъ насъ по образу и подобію Своему, отгналъ отъ насъ тму невѣдѣнія. И благоволилъ показать намъ, хотя примрачно и нѣкоторымъ образомъ какъ бы въ тѣни, — то, что выше насъ, изъясняя сіе помощію того, что видится въ насъ самихъ. Такъ узнали мы, видимъ и вѣруемъ, что какъ Богъ, создавъ тѣло, сотворилъ потомъ вмѣстѣ (за разъ) и душу, и умъ, и самое внутреннѣйшее слово наше (ибо Писаніе, — говоря, что Богъ создалъ человѣка, перстъ вземъ отъ земли, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу, — показываетъ, что вмѣстѣ съ душею были и умъ нашъ и слово, ни

одно изъ нихъ не было прежде другихъ, такъ какъ всѣ три вмѣстѣ едино суть и дарованы намъ въ единомъ дыханіи жизни), какъ, говорю, въ сихъ трехъ ни одно не было прежде другаго, такъ какъ всѣ три одинаго суть естества и существа; такъ и въ святой, единосущной и едивочестной Троицѣ ни одно лице не было прежде другаго. Богъ Творецъ образа, т.-е. человѣка, вынугрѣпостасень сый, никогда не имѣлъ ни одного изъ трехъ лицъ, которое было бы прежде другихъ; но три лица вмѣстѣ суть единъ Богъ, и опять сіе единое, т.-е. Богъ, равнымъ образомъ всегда есть въ трехъ лицахъ.

Итакъ, исповѣдуемъ, вѣруемъ, свидѣтельствуемъ и утверждаемъ, предъ тѣми особенно, которые не почитаютъ дерзкихъ испытывать относящееся до непостижимаго Божества, что Пресвятая Троица, въ которую мы крепы, есть Богъ трѣпостасный, Отецъ, Сынъ и Духъ Святы, какъ благодатію Святаго Духа удостовѣрились мы изъ самаго божественнаго Евангелія; но какъ есть и что есть Святая Троица, все создавшая, сего мы, создаемые отъ Ней, не вѣдаемъ. И если сего не вѣдаемъ, какъ и поистинѣ не вѣдаемъ, а между тѣмъ дерзаемъ говорить и толковать о томъ, чего не вѣдаемъ, то сколько стрѣламъ молніинымъ праведно низпасть на насъ, чтобъ поглотить насъ? Въ самомъ дѣлѣ, то, что непохоже ни на что изъ сотвореннаго, ни видимое ни невидимое, но есть выше всего. какъ можемъ познать мы, твари тѣлныя, чувственныя, слѣпыя и непросвѣщенныя? И особенно когда грѣхи наши, какъ стѣна, стоятъ между нами и Богомъ и отдѣляютъ насъ отъ Него?—Какую стѣну грѣховъ нашихъ, если не разоримъ мы покаяніемъ или не преидемъ, то не только Бога не возможемъ познать, но не познаемъ даже и того, что мы человѣки. Ибо пока стоитъ эта стѣна и преграда грѣховъ нашихъ и насъ отдѣляетъ отъ свѣта, какъ возмож-

но намъ, пребывая во тмѣ, познать самихъ себя, или понять истинно. что мы такое, откуда взяеъ начало, приходимъ въ міръ сей, куда идемъ и какого рода твари есмы? Не зная же самихъ себя, не тѣмъ ли паче не можемъ познать Того, Кто несравненно выше насъ? Если бъ мы познавали самихъ себя, то не стали бы съ такою дерзостію говорить о Богѣ. Говоря же о Богѣ и божественныхъ вещахъ, мы, не просвѣщенные и Духа Святаго не имѣющіе, тѣмъ самымъ показываемъ, что не знаемъ самихъ себя. Если бъ мы знали самихъ себя, какъ слѣдуетъ, то никогда не подумали бы, что достойны даже на небо воззрѣть и видѣть этотъ чувственный свѣтъ міра или попираеть ногами эту землю. Почему что можетъ быть нечистѣе того, кто въ гордостномъ самомнѣніи покушается учить о тѣхъ, яже Духа суть, безъ Духа? И что сквернѣе того, кто, не хотя покаяться и предочистить себя, но минуя сіе, приступаетъ богословствовать съ однимъ лжеименнымъ знаніемъ и внѣшнею мудростію и разсуждать съ дерзостію и самоувѣренностію о сущемъ, и сущемъ всегда неизмѣнно одинаково? Таковой, если бъ не сдѣлалъ никакого другого грѣха,—хотя это и невозможно, — за это одно дѣлаетъ себя повиннымъ вѣчному мученію. Ибо всякій высокосердый нечистъ въ очахъ Божіихъ. Нѣкоторые же изъ такихъ до такого доходятъ несмыслія, что начинаютъ говорить и думать, будто никакого не имѣютъ грѣха. О безуміе! Никого нѣтъ безъ грѣха, кромѣ единого Бога. *Вси согрѣшивши и лишени суть славы Божіа*, говоритъ божественный Апостолъ (Рим. 3, 23). Если же, по сему божественному слову, всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, и никого потому нѣтъ безъ грѣха, кромѣ единого Бога, то говорящій о себѣ, что не согрѣшилъ, и самъ того не чувствуя, равнымъ себя творить Богу, будучи въ дѣйствительности равенъ деѣвицѣ, велерѣчившему: вы-

ше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему.

Кто исповѣдуетъ себя грѣшникомъ, тотъ дѣломъ показываетъ искреннее покаяніе, чистое исповѣданіе грѣховъ своихъ, вѣру къ духовному отцу, пріившему помыслы его, покорность и послушаніе въ принятіи на себя низкихъ и презрѣнныхъ дѣлъ, послуженіе меньшимъ братіямъ, помоганіе немощнымъ, и при всемъ томъ вседушное смиреніе, и нравъ непритворный, нелукавый и нелицемѣрный. Если и ты, отъ всей души и отъ всего сердца, ижеешь себя скуднѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ паче всѣхъ людей, — съ каковыхъ расположеніемъ въ неразрывной состоятъ связи всегдашнее сокрушеніе и радостотворныя слезы, отъ которыхъ и съ которыми ревностному подвижнику прибываютъ очищеніе души и познаніе тайнъ Божіихъ, — то берись говорить о божескихъ и человѣческихъ дѣлахъ, и я увѣренъ, что всѣ оцуютъ силу словесъ твоихъ. Все сказанное мною есть дѣло и плодъ покаянія; и оно-то разгоняетъ невѣдѣніе наше и приводитъ насъ сначала къ познанію человѣческихъ вещей, самихъ себя и своего состоянія, а потомъ къ познанію и того, чтѣ выше насъ, — вещей божескихъ, тайнъ вѣры нашей, недозримыхъ и недовѣдомыхъ для не кающихся. Этого познанія никто не можетъ стяжать, не исправивъ напередъ сказанныхъ мною добродѣтелей, хотя бы былъ первымъ философомъ въ мірѣ. А кто не стяжетъ такого познанія, тотъ всю жизнь свою проведетъ въ глубочайшей тмѣ невѣдѣнія. Ибо хотя о божескихъ вещахъ писано въ книгахъ Писанія, и всѣ о томъ читаютъ, но не всѣмъ то открывается, а только тѣмъ, кои покались отъ всей души и добръ очистились чистымъ и безхитростнымъ покаяніемъ. Въ силу покаянія и по мѣрѣ стяжаемаго ими очищенія, получаютъ они откровеніе, и имъ явны бываютъ даже глубины Духа. Отъ таковыхъ-то

источается слово вѣдѣнія и премудрости Божіей и потопляетъ мудрованія противныхъ враговъ, какъ какая-нибудь многоводная рѣка. Другимъ же всѣмъ это остается невѣдомымъ и сокровеннымъ, не бывая открываемо имъ отъ Того, Кто разверзаетъ умы вѣрныхъ къ постиженію Божественныхъ Писаній. Они же между тѣмъ, не видя, думаютъ, что видятъ и не слыша внятно, думаютъ, что слышатъ, и не понимая читаемаго, воображаютъ, что понимаютъ, неразумные. Такъ и всякій невѣрный думаетъ, что мудрствуетъ и вѣруетъ право, при всемъ томъ, что и мудрствуетъ и вѣруетъ неправо; ему кажется, что знаетъ, при всемъ томъ, что не знаетъ совершенно ничего; хотъ онъ и знаетъ что-нибудь, но знаетъ не добръ, что хуже всякаго невѣдѣнія. Таковы же, думаю, и тѣ. Почитая себя мудрыми, они воистину сдѣлались безумными, какъбы изъ ума вышедшими, и проводятъ, бѣдные, дни жизни своей, не зная, какъ должно, ни одной изъ тайнъ Христовыхъ. Отъ ихъ самомнѣнія и гордыни да избавитъ насъ Богъ Израилевъ, и да сподобитъ насъ быть подражателями своими!

Кто соступилъ со стези блаженнаго смиренія и шествіе творить внѣ ея, по правую или лѣвую сторону, а не слѣдуетъ прямо за Господомъ нашимъ и Богомъ Иисусомъ Христомъ, тотъ какъ можетъ войти въ брачный чертогъ Христовъ, вмѣстѣ со Христомъ? Если же онъ не войдетъ туда, то какъ можетъ увидѣть славу Христову? А если не увидитъ ея, какъ можетъ возвѣщать о ней и явною ее творить другимъ? Или какъ дерзнетъ онъ говорить что-либо о томъ, чего не знаетъ, и чего не видѣлъ никогда? Если же покусится учить о такихъ вещахъ, то найдется ли въ мірѣ другой человѣкъ, болѣе его несмысленный? И не будетъ ли онъ безсловеснѣе самыхъ безсловесныхъ? Ибо, какъ видите, безсловесныя животныя сохраняютъ природу свою и

чинъ свой, и ни одно изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ своихъ. Но онъ, созданный руками Божиими и почтенный достоинствомъ разумности и самовластіемъ, не какъ должно употребилъ полученное имъ достоинство, не позналъ немощности своей, не пребылъ въ благахъ, дарованныхъ отъ Бога естеству его, и не устоялъ въ предѣлахъ своихъ, не познавъ мѣры своей. Какъ денница, или послѣ него и Адамъ, вышли изъ предѣловъ своихъ и, возгордившись предъ Творцемъ своимъ Богомъ, восхотѣли и сами стать богами: такъ. — увы! — поступилъ и онъ, вышелъ изъ предѣловъ естества своего, возжелалъ того, что выше мѣры его, не захотѣлъ восходить на высоту духовнаго вѣдѣнія путемъ смиренія и хриstopодражательнаго житія, но съ великою гордостію набралъ оттуда и отсюда, какъ плывоувъ, словесъ лжеименнаго знанія, затвердилъ ихъ частымъ повтореніемъ и сталъ износить предъ другими съ славолубіемъ, чловѣкоугодіемъ и великимъ самомнѣніемъ, мечтая, что стяжалъ столпъ богословія и духовнаго вѣдѣнія, и воображая, что находится на небесахъ, или даже выше еще небесъ, стоитъ тамъ и разглагольствуетъ о Творцѣ неба и земли и всего, что въ нихъ. Такого кто станетъ называть чловѣкомъ, или ставить наравнѣ съ животными, или думать, что онъ имѣетъ хоть какое-либо чувство? Если Адамъ, созданный по образу Божию и сподобившійся жить жизнью равноангельною и бессмертною, за преступленіе одной заповѣди Божіей, не только потерялъ то ангельское жительство, но праведно лишенъ и жизни вѣчной, и осужденъ на смерть, тлѣніе и клятву: то что постраждутъ всѣ тѣ изъ происходящихъ отъ него, которые, нося еще образъ его — перстнаго, — прежде чѣмъ очистятся. — покушаются богословствовать?

Но скажи мнѣ, прошу тебя, кто бы ты ни былъ, не желающій учиться тому, что касается Бога и божес-

ственныхъ вещей, а покушающійся паче учить о томъ,— скажи мнѣ, вышелъ ли ты изъ ада, т.-е. изъ грѣха и вступилъ ли на поверхность земли? Также, какъ случилось тебѣ выйти изъ сего ада, по какимъ ступенямъ восходилъ ты оттуда и кто были твои помощники и споспѣшники? Былъ ты смраденъ и источалъ тлѣніе или, лучше скажу, смерть господствовала въ тебѣ и ты былъ мертвъ.—скажи же мнѣ, какимъ способомъ ожилъ ты? Какъ побѣдиль ты смерть грѣховную и убѣждалъ изъ рукъ ея? И опять послѣ того, какъ вышедши изъ ада вступилъ ты на землю, скажи, какимъ способомъ избавился ты отъ тлѣнія и клятвы? И еще, какъ поднялся ты съ земли и востекъ на небо? На какую колесницу возсѣлъ ты, или какое облако взяло тебя отъ земли? Открой намъ все это и Расскажи; и тогда мы примемъ тебя, если и о Богѣ будешь вести бесѣду со страхомъ, мѣрно и сдержанно. Если же безъ того, о чемъ я сказалъ (что все таинственно всегда происходитъ съ тѣми, кои возшли въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова), и прежде исполненія заповѣдей Христовыхъ, дерзостно покусишься ты бесѣдовать о Богѣ, то мы отвратимся отъ тебя, какъ отъ вышедшаго изъ ума и бѣсноватаго. Ибо и пророкъ Ілія не безъ огненной колесницы взять съ тѣломъ на небо, и Владыка нашъ Христосъ не безъ облака вознесся отъ земли. Хотя и Ілію Богъ могъ предложить отъ земли на небо безъ огненной оной колесницы, и Владыка нашъ Христосъ могъ взойти на небеса безъ облака и сопровождавшихъ его Ангеловъ; однакожъ не сдѣлали этого, чтобъ тѣмъ научить насъ, что умъ нашъ всеконечно имѣетъ нужду въ иномъ нѣкоемъ, кто бы возвелъ его на небеса, показать тамошніе виды и открыть тайны Божіи. Ибо какъ птицѣ нельзя летать безъ крыльевъ, такъ и уму нашему невозможно востечь въ тѣ области, изъ коихъ

онъ низпалъ, если не имѣеть Духа Святаго, который бы возвелъ его туда и спешествовалъ ему. Кромѣ того, Илія взять на небо огненною колесницею, и Господь вознесся на облакъ съ Ангелами, еще для того, чтобъ какъ свое вознесеніе, такъ и вознесеніе раба своего Иліи подтвердить не словами только, но и дѣлами, и тѣмъ научить и насъ не прельщаться одними словами, и не всякому вѣрить челоуѣку, который называетъ себя духовнымъ, но удостовѣряться прежде изъ жизни его и отъ дѣлъ его, согласны ли слова его и дѣла его съ ученіемъ св. отецъ; и тогда уже принимать его и слушать слова его, какъ слова Христовы. Если же слова его и дѣла несогласны съ ученіемъ св. отецъ; то не слѣдуетъ принимать его, а напротивъ отвращаться отъ него, хотя бы онъ воскрешалъ мертвыхъ и иныя многія творилъ чудеса; особенно когда увидимъ, что онъ не принимаетъ никакихъ внушеній, коими хотятъ убѣдить его—измѣнить свое неправое мудрованіе, а остается упорно въ своей прелести, воображая, будто жителство свое имѣеть на небесахъ. Богодуховенному ученію мы отъ начала научены Апостолами Христовыми и божественными отцами нашими; почему отвергаемъ всѣ пустыя и безполезныя суесловія тѣхъ, которые все время свое проводятъ въ питаніи и изслѣдованіи того, что непостижимо для самыхъ Ангеловъ, и держимъ исповѣданіе вѣры нашей сохранны невредимымъ и неколеблемымъ,—такъ, какъ приняли его въ началѣ отъ самихъ Апостоловъ. Мы вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу несліянную и нераздѣльную, въ которую крестились, коею живемъ и отъ коей въ зависимости состоимъ и здѣсь и въ вѣчныя вѣки. Отъ сей Святой Троицы имѣемъ мы какъ бытіе, такъ и благобытіе. Когда бы съ Нею перейти намъ и въ другую жизнь, туда, гдѣ всѣхъ веселящихся жилище и хоръ выну празднующихъ духовнымъ праздни-

ствомъ. Сей Троицѣ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ.

Богословское второе. Противъ тѣхъ, которые покушаются богословствовать, не имѣя благодати Св. Духа.

Кто получилъ отъ Бога благодать выпну имѣть хвалу Божию во устахъ своихъ, и кто отверзаетъ уста свои и привлекаетъ,—пріемлетъ,—Духъ жизни, тотъ подвизается каждый часъ дѣлать это въ большихъ и большихъ размѣрахъ, чтобы тѣмъ обильнѣе воспринимать и слово жизни, которое есть хлѣбъ животный, сходящій съ неба, и о которомъ Богъ сказалъ чрезъ Давида: *расшири уста твоя и исполню я* (Пс. 80, 11). Кто сподобленъ отъ Бога быть таковымъ и всегда читаться и укрѣпляться хлѣбомъ животнымъ, тотъ можетъ имѣть во владычественномъ (*умъ*) души добрѣ воображеннымъ и нѣкоторымъ образомъ напечатлѣннымъ помышленіе о Богѣ, такъ что оно всегда пребываетъ въ душѣ, можетъ, какъ говорить блаженный Павелъ, всегда радоваться непрестанно молиться, о всемъ Бога благодарить (1 Сол. 5, 16). Такой ѣсть ли, пьетъ ли, все творитъ во славу Божию, будучи всегда питаемъ и укрѣпляетъ хлѣбомъ животнымъ. У такого человѣка сердце бдитъ, когда онъ спитъ, и когда онъ не спитъ, сердце его ни на одно мгновеніе не отдаляется отъ Бога. Объ этомъ свидѣтельствуешь св. Павелъ, тамъ, гдѣ говоритъ: *прилипая къ Господу, единъ духъ есть съ Господомъ* (1 Кор. 6, 17). Ибо *Духъ есть Богъ: и уже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинъ кланяться* (Ин. 4, 24). Кто такимъ образомъ соединился съ Богомъ и сталъ едино

съ Нимъ, тотъ не можетъ уже болѣе грѣшить, будучи всегда съ Богомъ. Такъ говорить св. Іоаннъ Богословъ: *вѣсте яко Онъ (Сынъ Божій) явился, да грѣхи наши возметъ: и грѣха въ немъ нѣсть. Всякъ, иже въ Немъ пребываетъ, не согрѣшаетъ: всякъ согрѣшавшій, не видѣ Его, ни позна Его* (1 Іоан. 3. 5. 6). И еще: *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ* (— — 9), будучи чадомъ Его.

Почему удивляюсь я тѣмъ, немалочисленнымъ людямъ, которые прежде рожденія отъ Бога и прежде вступленія въ чадство Ему, не трепещутъ богословствовать и бесѣдовать о Богѣ. Когда слышу, какъ многіе, не понимая божескихъ вещей, философствуютъ о нихъ и, будучи исполнены грѣховъ, богословствуютъ о Богѣ и о всемъ Его касающемся.—безъ благодати Св. Духа, дающаго смыслъ и разумъ; трепещеть, ужасается и нѣкоторымъ образомъ изъ себя выходитъ духъ мой, помышляя, что, тогда какъ Божество для всѣхъ непостижимо, мы, не знающіе ни самихъ себя, ни того, что предъ очами нашими, съ дерзостію и безстрашіемъ Божиимъ приступаемъ философствовать о томъ, что непостижимо для насъ, особенно будучи пусты отъ благодати Св. Духа, просвѣщающаго и научающаго всему. Грѣшимъ мы даже тѣмъ самымъ, что допускаемъ при такомъ положеніи своемъ желаніе говорить что либо о Богѣ. Ибо если трудно познать самого себя, и въ настоящее время, въ родѣ семъ, весьма и весьма немногіе знаютъ себя и могутъ потому философствовать,—такъ какъ любовь къ истинной философіи изсякла по причинѣ нерадѣнія, овладѣвшаго нами, и по причинѣ мірскихъ заботъ, господствующихъ въ насъ, предпочитающихъ небесному и вѣчному земное, привременное и ничтожное, и даже со-всѣмъ не сущее, т.-е. грѣхи, если, говорю, трудно познать себя самого, не тѣмъ ли паче трудно познать Бо-

га? Это не только трудно, но даже совсѣмъ неразумно и безсмысленно пытаться и изслѣдовать естество и существо Божіе. Чего же ради вы, о человѣки, не заботитесь паче о томъ, чтобъ увидѣть себя въ лучшемъ состояніи, но, небрежа о своемъ исправленіи, пытаете то, что касается Бога и божескихъ вещей? Намъ надобно прежде перейти отъ смерти въ животъ, пріять въ себя свыше сѣмя Бога живаго, родиться отъ Него духовно, стать чадами Ему, воспріять въ души свои благодать Святаго Духа,—и тогда уже, подъ дѣйствіемъ просвѣщенія отъ Святаго Духа, приступать бесѣдовать о томъ, что касается Бога, сколько то доступно для насъ, и сколько просвѣщаемы будемъ отъ самого Бога.

Между тѣмъ ты, желающій богословствовать именно такимъ образомъ, вѣруй отъ всей души въ Бога единого, Который не получилъ бытія отъ другаго кого, потому что прежде Его не было ничего, ни самъ Себя не сотворилъ, какъ думали нѣкоторые крайне несмысленные, потому что невозможно тому, что не существуетъ, произойти отъ себя самого. Вѣруй въ Бога единого въ трехъ ипостасяхъ, Отца, Сына и Св. Духа, Который безначально былъ прежде всѣхъ вѣковъ, всегда есть и будетъ присно во вѣки вѣковъ. Кто православствуетъ и истинномудрствуетъ, тотъ не можетъ сказать объ ипостасномъ и тріипостасномъ Богѣ, что Онъ не ипостасенъ, т.-е. безъ ипостасей есть. Но будучи и отъ того, что въ себѣ самомъ видитъ, научаемъ, и отъ того, что выше его, вразумляемъ, чтить поклоненіемъ и славить едино Божество въ трехъ едносущныхъ лицахъ. Ибо кто не омрачилъ и не разстроилъ въ себѣ страстями еже по образу, дарованное ему Богомъ, тотъ во первыхъ знаетъ и повинаетъ себя самого, именно, что отъ Бога Творца получилъ душу живую и ипостасную, и что она въ немъ тріечастна, т.-е. душа, умъ и слово, и такимъ образомъ отъ

себя самого заключая, умою своимъ мудрымъ и свѣтлымъ домышляется и о томъ, что касается Бога. Кроме того и отъ Духа Святаго, свыше просвѣщающаго, просвѣщается онъ и научается, что Богъ Отецъ все изъ несущаго создавшій Словомъ своимъ и силою Духа своего содержащій, безвременно и безначально раждаетъ единосущнаго Ему и отъ Него нимало не отдѣляющагося Сына своего, вмѣстѣ съ коимъ исходитъ и Духъ Святой, который есть единосущенъ съ Сыномъ изъ единосущнаго Отца. Такимъ образомъ добръ мудрствуя и исповѣдуя о Богѣ, показываетъ онъ, что воистину есть по образу создавшаго его Бога, поколику имѣетъ душу разумную, мысленную и безсмертную, одаренную умомъ и словомъ. Кто же не мудруетъ такимъ образомъ, тотъ навѣрное обличаетъ себя самого, что безуменъ и безсловесенъ, т.-е. не имѣетъ ни ума, ни слова. Ибо если онъ отступается отъ исповѣданія божескихъ тѣхъ особенностей, то по какимъ другимъ характерамъ будетъ онъ по образу создавшаго его Бога? Если же исповѣдуетъ и утверждаетъ, что эти три—душа, умъ и слово, есть въ немъ, Творца же своего Бога безсловесно и безумно лишаетъ того, что мы сказали о Немъ, то, мнѣ кажется, онъ въ такомъ случаѣ ничѣмъ не разнится отъ язычника и идолопоклонника. Я же вѣрую, что какъ душа не была и не есть прежде ума, ни умъ прежде слова, раждающагося отъ него, но въ одинъ моментъ всѣ три имѣютъ бытіе отъ Бога, и умъ раждаетъ слово, и чрезъ него изводитъ и являетъ внѣ желаніе души: такимъ же образомъ и Богъ Отецъ не былъ прежде Сына и Духа Святаго, но какъ умъ есть въ душѣ и имѣетъ близъ себя слово, такъ и Богъ Отецъ есть во всемъ Святомъ Духѣ, и имѣетъ въ себѣ всего Бога Слово, рожденнаго изъ Него. И какъ невозможно въ человѣкѣ быть слову или уму безъ души, такъ невозможно

полагать Сына со Отцемъ безъ Святаго Духа. Ибо какъ возможно Богу живому быть безъ жизни? Духъ же Святый есть жизнь.

Итакъ, надлежитъ тебѣ исповѣдывать о Богѣ Отцѣ, что Онъ раждаетъ Сына, но не былъ прежде Сына; и о Сынѣ, что Онъ рождается отъ Отца, но не такъ, чтобъ проявился послѣ Отца; и о Духѣ Святомъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, но и самъ есть совѣченъ и единосущенъ Отцу и Сыну. И покланяйся всему Духу Св. во всемъ собезначальномъ Отцѣ, и всему Отцу во всемъ совѣчномъ Сынѣ, и всему Сыну во всемъ единосущномъ Духѣ, единому, тріипостасному, совѣчному и сосущному, нераздѣльному и несліянному существу и естеству, какъ единому началу всего сущаго и единому Богу, Творцу всяческихъ,—да научишься познанію того, что выше тебя отъ того, что есть въ тебѣ самою, и не забываешь образа, какой сподобился ты получить отъ Бога. Ибо и собственный твой духъ, или душа твоя вся есть во всемъ умѣ твоємъ, и весь умъ твой — во всемъ словѣ твоємъ, и все слово твое во всемъ духѣ твоємъ, нераздѣльно и несліянно. Сіе есть образъ Божій и симъ обогащены мы свыше, т.-е. чтобъ быть намъ подобными Богу и Отцу, и имѣть въ себѣ образъ Того, Кто создалъ насъ. Посему и когда дѣлаемъ какому-либо человѣку поклонъ, то единое почтеніе свидѣтельствуемъ ему, какъ имѣющему умъ, душу и слово, не раздѣляя ихъ и не предпочитая одно что либо изъ сихъ трехъ преимущественнымъ почтеніемъ; но какъ онъ имѣетъ въ себѣ сіи три нераздѣльно и несліянно, то кланяемся ему и почтеніе воздаемъ, не какъ сущему три сія, но какъ единому человѣку, по общему образу Творца Бога. Такимъ же образомъ должно тебѣ относиться и къ Богу, даровавшему тебѣ сіи свойства, и благочестно покланяться святой, единосущной и собезначальной Троицѣ, яко единому Бо-

гу, помышляя, какими благами почтилъ тебя Богъ, создавшій тебя по образу Своему.

Исповѣдуемъ равночестнаго, равномошнаго и единосущнаго Отца съ Сыномъ и Духомъ. Троицу Святую. какъ единое начало, власть и господство: подобно какъ и собственный нашъ умъ равночестенъ, равномощенъ и единосущенъ съ словомъ и душею, поколику есть одного съ ними естества и существа. Сіе есть честь. дарованная намъ отъ Бога, да познаваемъ Бога и благоговѣйно чтимъ Его, яко Отца и Творца, коимъ рождены и созданы. Теперь, если человѣкъ лишится одной какой изъ показанныхъ трехъ принадлежностей, то уже не можетъ быть человѣкомъ. Отыми у человѣка умъ,—отымешь вмѣстѣ съ умомъ и слово,—и выйдетъ человѣкъ безумный и безсловесный. Отыми у него душу,—отымешь вмѣстѣ съ нею и умъ и слово. Также если отымешь одно внутреннее слово, то разстроишь все естество человѣческое. Умъ, который не раждаетъ слова, не можетъ и отынуды принять слова; ибо какъ возможно отынуды услышать слово тому, кто самъ сталъ глухъ и безсловесенъ, и выступилъ изъ чина естества своего? Какъ естественно имѣемъ мы въ себѣ духъ дышущій, коимъ дышемъ и живемъ, такъ что пресѣкись дыханіе, мы тотчасъ умремъ: такъ и умъ нашъ естественно имѣетъ въ себѣ силу словесную, которою раждаетъ слово, и если онъ лишень будетъ естественнаго ему порождающаго слова,—такъ, какъбы онъ раздѣленъ и разсѣченъ былъ съ словомъ, естественно въ немъ сущимъ, то этимъ онъ умерщвленъ будетъ и станетъ ни къ чему негодимъ. Такъ умъ нашъ получилъ отъ Бога естественную ему принадлежность всегда раждать слово, которую имѣетъ нераздѣльною и всегда съ собою соединенною. Если ты отымешь слово, то вмѣстѣ съ словомъ отымешь и умъ, породителя слова. Теперь помысли о первообразѣ сво-

емъ, и по сему примѣру съ точностію уразумѣешь, что кто отрицается отъ Сына Божія, тотъ отрицается и отъ Отца, родившаго Его. Кто же отрицается Отца и Сына, тому возможно ли не отрещись и Духа Святаго, хотя бы и не хотѣлъ того?

Итакъ, кто называетъ одно какое-либо изъ трехъ лицъ большимъ или меньшимъ другихъ, тотъ еще не извлекъ ума своего изъ глубины страстей, чтобъ мочь умными очами узрѣть и познать себя самого, и по себѣ самому уразумѣть, что какъ въ немъ самомъ умъ не больше и не меньше души, душа — ума, слово — ума и души, такимъ же образомъ не больше и не меньше Отецъ Сына, Сынъ—Отца, Св. Духъ—Отца и Сына, но собесѣдательны суть и равночестны. Больше и меньше и на мысль не слѣдуетъ никому принимать въ отношеніи къ Святой и равночестной Троицѣ. О, человѣче! Ты почетенъ отъ Бога паче всѣхъ другихъ тварей достоинствомъ разума, которымъ властвуешь и царствуешь надъ ними; почему надлежитъ тебѣ то, что выше тебя, уразумѣвать изъ того, что есть собственно въ тебѣ самомъ, изъ того, что есть въ тебѣ образъ Божій, коимъ былъ ты удостоенъ. Какъ умъ человѣческій познается чрезъ посредство слова (хорошо повторять одно и то же, чтобъ крѣпче утвердиться тебѣ въ мысляхъ и добрѣ, познать сокрытыя въ тебѣ тайны царства небеснаго), а душа опять познается чрезъ посредство ума и слова: такъ и Богъ Отецъ познался и познается намъ вѣрнымъ чрезъ Единороднаго Сына своего, и Духъ Святой—чрезъ соприисусущныхъ Ему Отца и Сына. Какъ, когда умъ рождаетъ слово то вмѣстѣ съ тѣмъ явнымъ дѣлается для слышащихъ — чрезъ живое слово, или чрезъ письмена, и желаніе души, какъ общее обоимъ, и уму и слову — и три сія—умъ, слово и душа—не сливаются въ едино и не разсѣкаются на три, но всѣ три вмѣстѣ и каждое

особо зрятся въ единой сущности: такъ надлежитъ благочестно помышлять и въ отношеніи къ Святой, единосущной и нераздѣльной Троицѣ, и исповѣдать, что Отецъ неизреченно и недомыслимо раждаетъ Сына и Слово, которое имѣлъ въ началѣ въ Себѣ и которое нераздѣльно имѣетъ и по рожденіи,—что Сынъ рождается отъ Отца, съ Коимъ всегда есть нераздѣльно и соприисусущно, и никогда не отдѣляется отъ Него,—и что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и есть соединенъ и срасленъ съ единосущными Ему Отцемъ и Сыномъ, съ Коими и спокланяемъ и прославляемъ есть отъ всея твари,—и еще. — что три сіи лица Пресвятыя Троицы имѣютъ одну волю. Такъ познается и открывается Пресвятая Троица благодатию Святаго Духа, по благоволенію Отца, чрезъ Сына, всѣмъ просвѣщаемымъ свыше. При семъ надлежитъ вѣровать, что пресущная сущность единого Божества сихъ трехъ лицъ (повторяю опять тоже: въ освященіе себя такимъ поминаніемъ и словомъ) есть тріипостасна, и вѣруя такъ, явно вмѣстѣ съ нами исповѣдать, что три ипостаси ея, соединены бывъ естественно, ни во едино не сливаются, ни на три не раздѣляются. Въ каждомъ изъ сихъ трехъ лицъ мысленно созерцаются и другія два, въ единомъ существѣ, естествѣ и славѣ,—и три сіи лица есть единый Богъ, Творецъ и Вседержитель всего видимаго и невидимаго.

Кто вѣруетъ, что Богъ есть Творецъ всѣхъ тварей, изъ несущаго создавшій все, небесное, земное и преисподнее, тотъ, зная Творца своего, пребываетъ въ предѣлахъ своихъ и, отъ красоты тварей восходя умомъ своимъ къ Создателю, воспѣваетъ и славословитъ Его, какъ Творца всего сущаго, и не пытается постигнуть непостижимое естество Божіе. О себѣ самомъ знаетъ оны, что есть твореніе Его, подобное всѣмъ другимъ, какъ мы сказали; о самомъ же Творцѣ всего Богъ зна-

еть, что Онъ несозданъ, безначаленъ, непостижимъ, неизъяснимъ, неизслѣдимъ, всегда сый и прежде всего сый; ибо не было времени, въ которое не было бы Бога, потому что Онъ создалъ времена и вѣки и былъ прежде всякаго начала; въ отношеніи къ Нему ни начало не мыслится, ни конецъ не узрѣвается, но Онъ есть безначаленъ и начало всего сущаго, и имѣетъ быть присно въ безконечные и нескончаемые вѣки. Онъ неприступенъ, невидимъ, неизглаголанъ, недомыслимъ для всѣхъ, отъ Него созданныхъ тварей, небесныхъ и земныхъ. Его не знали и мы, прежде заблуждавшіе и вѣрившіе во многихъ боговъ, служившіе твари и поклонявшіеся идоламъ. Но Онъ, какъ человеколюбивый и многомилостивый, сжалился надъ невѣжествомъ нашимъ и настолько снизшелъ къ немощи нашей, сколько требовалось, чтобы мы познали, что Святая Троица есть единый Богъ совершенный, Коему подобаешь благочестно поклоняться во Отца, и Сына, и Святою Духъ.

Но что есть по существу, въ Троицѣ воспѣваемое, Божество, каково по виду, въ какомъ мѣстѣ есть, каково по величію, и какъ есть по единенію, сего не только люди не могли домыслить, но и сами Ангелы не могли постигнуть непостижимое и пресушное естество. Не указывая мнѣ на наши богословія, потому что въ нихъ на основаніи Слова Божія изложили богословы нашей Церкви только то, что служить къ обличенію еретическихъ нелѣпостей, а не то, что изъясняло бы Божеское естество. Почему содержи въ мысли паче то, что поелику Божеское естество неприступно, то конечно и непостижимо, а что непостижимо, то и неизглаголаемо. Сколько разъ бываетъ, что и то, что понимаемъ, не можемъ выразить словомъ, какъ должно? То же, о чемъ все Божественное Писаніе свидѣтельствуетъ, что Оно невидимо и недомыслимо, какой человекъ или какой Ангелъ можетъ

изъяснить и описать понятно? Конечно никакой. Никакъ невозможно человѣческому уму понять и окачествовать какимъ-либо именемъ то, что не есть что-либо изъ сущаго. И все Божественное Писаніе всѣми, содержащимися въ немъ, о Богѣ мыслями и рѣченіями представляетъ только, что Богъ есть, а не то, что Онъ есть. И то еще явно открываетъ оно о Богѣ, что Онъ всегда есть,—и что Богъ сый и присно сый есть тріипостасенъ, всемогущъ, Вседержитель, Всевидѣцъ, Творецъ и Промыслитель всяческихъ, вседовольный, преестественный,—и что Онъ столько познается нами, сколько можетъ кто увидѣть безбрежнаго моря, стоя на краю его ночью съ малою въ рукахъ зажженною свѣчею. Много ли, думаешь ты, увидеть этотъ изъ всего того безбрежнаго моря? Конечно малость нѣкую, или почти ничего. При всемъ томъ онъ хорошо видитъ воду ту, и знаетъ, что предъ нимъ море, что море то безбрежно, и что онъ не можетъ его все обнять взоромъ своимъ. Такъ есть дѣло и въ отношеніи къ нашему Богопознанію.

Представлю вамъ и другой примѣръ къ уясненію сего предмета. Предположимъ, что найдется какой либо человѣкъ, который никогда не видѣлъ воды и не пилъ ея, почему и не знаетъ, что такое есть вода, а ты рассказываешь ему о водѣ, живописуя ему источники, рѣки и моря. Слушая это, онъ конечно попроситъ тебя сказать ему, какова природа воды, каковъ видъ ея, каково качество и количество ея, откуда беретъ она начало, какъ течетъ, и какъ, непрестанно текучи, никогда не истощается. Скажи же мнѣ теперь, что бы ты отвѣтилъ ему? Я думаю, что, хотя бы ты былъ очень высокаго ума и очень многосвѣдущъ, но никакъ не можешь тому, кто никогда не видѣлъ и не пилъ воды, растолковать и дать понять, что такое вода, откуда она беретъ начало и какъ течетъ. Если же мы не можемъ ничего

опредѣленнаго сказать о текущемъ ествѣ воды, которую и видимъ, и пьемъ, и осязаемъ, и вопрошающимъ насъ не можемъ растолковать, какова природа воды, откуда она, изъ какихъ стихій слагается; то какой Ангелъ или какой святой можетъ научить тѣхъ, кои не знаютъ Бога и свойствъ Его,—что есть сей Богъ, создавшій всяческая, каково существо Его и слава? Никто не можетъ это разъяснить, совершенно никто.

Впрочемъ тотъ, кто сподобился мало нѣкакo узнѣть Бога тѣмъ способомъ, о коемъ мы сказали прежде, не имѣетъ нужды въ наученіи отъ другаго, потому что имѣетъ всего Бога. Который обитаетъ, движется и глаголетъ внутри его и научаетъ его неизреченнымъ своимъ тайнамъ, по святѣйшему слову самого Бога, Который говорить: „тайна моя Мнѣ и моимъ.“ Да; иного способа къ тому, чтобы Богъ открылся въ комъ-либо, не можетъ быть, кромѣ точнаго исполненія заповѣдей Его, если, то-есть кто не будетъ нерадѣть объ нихъ и презирать ихъ, ни въ какомъ совершенно дѣлѣ, но будетъ хранить ихъ, соблюдать и исполнять со всѣмъ усердіемъ и ревностію. И тѣ, которые будутъ жительствоваы такимъ образомъ, не далеко будутъ отъ царствія Божія, но по мѣрѣ ревности и усердія, какія покажутъ въ исполненіи заповѣдей, воспріимутъ изду созерцанія Бога, большую или меньшую, скорѣйшую или медленнѣйшую, соотвѣтственно подъемаемымъ подвигамъ, и содѣлаются сынами Богу и богами по благодати во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ.

Богословское третье—о томъ, что что есть Отецъ, тоже есть и Сынъ, и что есть Сынъ, тоже есть и Духъ Святой,—и что три сѣи суть единый Духъ, единочестивый, единосущный и единопредстольный.

Богъ присновоспѣваемый и славимый, т.-е., безначальный Отецъ, собезначальный Сынъ Отца, и Духъ Святой соприсносущный и единосущный Отцу и Сыну, есть едино естество и слава, Троица единосущная, единое Божество, равночестная и тріипостасная сущность, начало всего сущаго, и вседѣтельная сила, единопредстольная и единославная, вседержительное господство и царство. Сей Богъ единый, когда созерцается и вѣруется въ единствѣ естества, единично и поклоняемъ бываетъ отъ насъ, яко Богъ единый; когда же исповѣдуются Троицею, тріично и отъ насъ воспѣвается, т.-е. въ трехъ раздѣльных лицахъ, какъ научены мы Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, единымъ изъ лицъ тріипостаснаго Божества, Который заповѣдуетъ апостоламъ своимъ крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа: — чѣмъ показываетъ, что иное лице Пресвятыя Троицы есть Отецъ, иное Сынъ, иное Духъ Святой. И опять, когда въ другомъ мѣстѣ Евангелія говоритъ Онъ: *Отецъ мой болѣе Мене есть* (Іоан. 14, 28), или: *о себѣ ничею творю* (Іоан. 8, 28), то тѣмъ показываетъ, что иное лице есть Отецъ, и иное Сынъ. Когда также говоритъ: *и Азъ умолю Отца моего, и иного Утѣшителя дастъ вамъ* (Іоан. 14, 16), *Духа истинны, иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26), то тѣмъ показываетъ, что Духъ Святой, яко иный Утѣшитель, есть лице иное отъ Отца и Сына. Но тѣми же словами Господа благодать Его даетъ намъ разумѣть всяческое единство тріипостаснаго и единосущнаго Божества и царства, торжество присносущнаго

жизни и нераздѣльное единство трехъ ипостасей: такъ что гдѣ воспѣвается Отецъ, тамъ есть и Сынъ со Святымъ Духомъ; гдѣ именуется Сынъ, тамъ есть и Отецъ съ Духомъ Святымъ; и гдѣ прославляется Духъ Святый, тамъ есть и Отецъ съ Сыномъ.

Будучи такимъ образомъ просвѣщены благодатію Духа Святаго, что три лица Пресвятыя Троицы единосущны суть и равночестны, т. е. что ипостаси ихъ неслиянно и нераздѣльно пребываютъ вкупѣ въ Божескомъ естествѣ и существѣ единомъ для всѣхъ ихъ, мы, когда возносимъ умъ свой къ Богу Отцу, благодатію Святаго Духа, восторгающаго насъ горѣ чрезъ Сына, Бога-Слова, и простираемъ къ Нему руки и очи свои, говоримъ: Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! И опять, когда приступаемъ воздать молитвы Единородному Сыну Отца благодатію Духа Святаго, подающаго намъ вѣдѣніе и разумѣніе, говоримъ: Единородный Сыне, соприисносущное Слово Бога и Отца, единый Сынъ изъ единого Отца, Богъ изъ Бога, Безначальный изъ Безначальнаго, Приисносущій изъ Приисносущаго, Вѣчный изъ Вѣчнаго, Свѣтъ изъ Свѣта, Жизнь изъ Жизни, Непреступный изъ Непреступнаго, Непостижимый изъ Непостижимаго, Неизреченный изъ Неизреченнаго, Неизмѣнный изъ Неизмѣннаго, Недомыслимый изъ Недомыслимаго, очисти грѣхи наши! Также, когда призываемъ Духа Святаго, говоримъ: Душе Святый, неслезанно отъ Отца исходящій и на насъ вѣрныхъ чрезъ Сына низходящій, Духъ жизни и вѣдѣнія, Духъ святости и совершенства Духъ благій, премудрый, человеколюбивый, утѣшительный, преславный, питающій вмѣстѣ и наполющій, милующій, просвѣщающій, укрѣпляющій, божественный Духъ терпѣнія, Духъ—податель радости, веселія, цѣломудрія, мудрости, вѣдѣнія, кротости, незлобія, безпеченія о мірскихъ вещахъ, созерцанія благъ небесныхъ, Духъ—

отгнатель лѣности, нерадѣнія, разсѣянности и лукавства, Духъ—показатель божественныхъ таинъ, обрученіе небеснаго царствія, источникъ пророчества, кратерь ученія, дверь покаянія, истребитель грѣховъ, Духъ любви. мира, вѣры, воздержанія,—пріиди и вселися въ вы и пребудь съ нами неотлучно и нераздѣльно, освяти, обнови, и просвѣти сердца наши, яко единосущный, равночестный и сопрестольный Сыну и Отцу, дѣлающій богами по благодати тѣхъ, кои пріемлють Тебя, истребляющій всякій грѣхъ и приносящій вмѣстѣ съ низшею твоимъ всякую добродѣтель, не отгнѣ имѣя приносимое Тобою, но естественно будучи всякое благо, и тѣхъ, коихъ избираешь въ обитель Себѣ, дѣлая существенно вмѣстителями всякаго добра.

Такъ приносимъ мы пѣснь тремъ лицамъ Святыя Троицы, не какъ раздѣляющіе на трехъ боговъ единое Божество, которое есть единый Богъ, нераздѣльный, но какъ поклоняющіеся вмѣстѣ со Отцемъ Сыну и Духу, вмѣстѣ съ Сыномъ Отцу и Духу, и вмѣстѣ съ Духомъ Отцу и Сыну. Прославляя сіи три лица, мудрствуемъ, что едино есть естество единого тріѣипостаснаго Божества, единосущное, равномошное, единовольное, соприносущное, собезначальное, неслиянное и нераздѣльное. Мы не раздѣляемъ нераздѣлимаго единства Божества, не помышляемъ, якобы въ Немъ есть нѣчто иное, и иное и иное, якобы Отецъ есть инаго естества, и Сынъ—инаго, и Духъ Святой—инаго, и не допускаемъ несмысленно сущностей и естествъ неподобныхъ и другъ-другу чуждыхъ, но вѣруемъ, что сіи три лица Божества—единъ есть Богъ, Который раздѣляется нераздѣльно по ѱпостасіямъ и единится неслиянно по единости единого естества,—весь единый въ трехъ ѱпостасіяхъ, и весь троимый въ пресущной единости. Одинъ и тотъже Богъ есть три по ѱпостасіямъ, и едино по единости существа и естества.

Такъ открылъ намъ самъ единородный Сынъ Отца Господь нашъ Іисусъ Христосъ, т.-е. что сей самый Сынъ со Отцемъ и Духомъ единосущны суть, и единосущны и сопредельны, говоря: *Азъ и Отецъ едино есма*, и въ другомъ мѣстѣ показывая, что и Духъ Святой неотлѣненъ отъ тогоже естества, когда говорилъ: *Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ*. Ибо какъ изъ источника воды исходить такая же вода, такъ и отъ Бога Отца исходитъ Богъ Духъ. Сказано: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинъ кланяться* (Ін. 4, 24). Итакъ, если Отецъ есть Духъ, явно, что и Сынъ, рожденный отъ Него, есть Духъ; почему св. Павелъ и говоритъ: *Господь же Духъ есть* (2 Кор. 3, 17). Духъ есть и Духъ Святой, исходящій отъ Отца, и чрезъ Сына подаемый намъ недостойнымъ. Мы говоримъ: посылается и дается Духъ Святой, не въ томъ смыслѣ, якобы самъ Онъ не хотѣлъ того, но въ томъ, что Духъ Святой чрезъ Сына, одно изъ лицъ Святыя Троицы, совершаетъ, какъ собственное свое хотѣніе, то, что благоугодно Отцу: ибо Троица Святая нераздѣльна по естеству, существу и хотѣнію, но по въпостасямъ именуется лично — Отецъ, Сынъ и Духъ Святой; и три сіи единъ есть Богъ, или же Ему — Троица. Онъ, будучи превыше всякаго именуемаго имени, слова и глагола, превышаетъ постиженіе всякаго ума, и не есть ничто изъ всего сущаго отъ Него, яко пресущественно изъятый изъ круга того.

Но помысли, какъ Святое Писаніе говоритъ, что три едино суть. Ибо хорошо говорить одно и то же, потому что помышленіе и бесѣда объ одномъ и томъ же услаждаетъ того, кто умѣетъ находить въ семъ боголѣзное удовольствіе, — и божественное слово освящаетъ душевные чувства его. — Духъ есть Богъ Отецъ, какъ говоритъ Господь нашъ. Духъ есть и Сынъ, какъ рожденный отъ Него. Если Богъ есть Духъ, и Духъ есть Господь, какъ

говорить Апостоль, и Господь въ Божественномъ Писаніи именуется Духомъ, то единъ Духъ есть Богъ, въ трехъ лицахъ познаваемый, какъ сказалъ о семъ Сынъ, показывая, что тріѹпостастный Богъ есть единый Духъ, равномошный, единопрестольный, единосущный; почему три сіи лица и наименованы единымъ Духомъ, чтобъ ты не думалъ, что между тремя лицами Св. Троицы есть какое-либо неравенство, что одно лице больше, а другое меньше, или что есть въ нихъ какое-либо раздѣленіе, такъ чтобъ одно лице было внѣ другаго. Богъ именуется тріѹпостаснымъ, — Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, не для того, чтобъ ты помышлялъ, будто есть какое-либо отъособленіе и неравенство во Святой Троицѣ, но чтобъ научить тебя сими наименованіями, что есть въ Богѣ три лица, или три сіи ѹпостаси,—и только. Послѣ же того, какъ познаешь сіе, будучи наученъ и просвѣщенъ, какъ мудрствовать о Богѣ, не ищи уже болѣе и не изслѣдуй ничего выше сего, но принявъ сіе съ вѣрою, стой въ томъ, содержа и исповѣдуя, что все другое, что выше сего, совершенно непостижимо.

Если хочешь вдаться въ размышленіе о томъ, что свойственно Божескому естеству, т.-е. какъ есть Богъ, что есть окрестъ Бога, что изъ Бога и что въ Богѣ, послушай, что скажу тебѣ. Богъ есть свѣтъ и свѣтъ безпредѣльный, и что въ Богѣ, свѣтъ есть, единимо будучи по единости естества и нераздѣльно раздѣляемо по лицамъ. Раздѣляя нераздѣльное, скажу тебѣ о каждомъ изъ сихъ лицъ особно. Отецъ есть свѣтъ, Сынъ свѣтъ, и Духъ Святый свѣтъ,—три—единъ свѣтъ, простой, несложный безвременный, соприсносущный, равночестный, равнославный. Также и то, что отъ Бога, свѣтъ есть, такъ какъ подается намъ отъ свѣта, именно—жизнь свѣтъ есть; безмертіе—свѣтъ; любви, истина, миръ, дверь царствія небеснаго, само сіе царствіе—свѣтъ есть; брачный

чертогъ, рай, сладость райская, земля кроткихъ, вѣнцы жизни, самыя ризы Святыхъ—свѣтъ есть; Христось Иисусъ, Спаситель и Царь всего—свѣтъ есть; хлѣбъ пречистаго тѣла Его—свѣтъ; воскресеніе Его—свѣтъ; лице Его—свѣтъ; рука, перстъ, уста, очи Его—свѣтъ; гласъ Его—свѣтъ, поколику исходитъ изъ свѣта; благодать всесвятаго Духа,—свѣтъ; Утѣшитель—свѣтъ; бисеръ, зерно горчичное, виноградъ истинный, квась, надежда, вѣра—свѣтъ есть. Все сіе и другое, что слышишь отъ Пророковъ и Апостоловъ о неизреченномъ и пресущномъ Божествѣ, есть существенно единое безначальное начало, въ единости троичнаго свѣта поклоняемое. Такъ надлежитъ тебѣ помышлять. Ибо единъ есть Богъ, во Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ, будучи свѣтъ неприступный и предвѣчный, который имѣетъ многія наименованія и именуется всѣмъ тѣмъ, что мы сказали, и не только именуется, но и дѣйственно производить то въ насъ, какъ научили насъ опытно тому наученные.

Желая показать тебѣ и другіе свѣты Божіи, на ряду съ тѣми, о коихъ сказано, говорю, что благодать Его свѣтъ есть, милость—свѣтъ, благоутробіе—свѣтъ, щелование Его свѣтъ, доброта—свѣтъ, жезлъ и утѣшеніе—свѣтъ. Хотя и о насъ говорится многое подобное, но о насъ говорится, какъ о людяхъ, а о Немъ, какъ о Богѣ. Не полѣнюсь пояснить тебѣ сіе примѣрами: Богъ именуется Отцемъ,—отцами называются и люди; Христось именуется Сыномъ Божіимъ,—сынами человѣческими называемся и мы; Духомъ Божіимъ именуется Святый Духъ,—духами называются и наши души. Богъ есть жизнь,—жизнь имѣемъ и мы; Богъ есть любовь,—любви имѣютъ между собою и многіе грѣшники. Итакъ что же? О любви человѣческой можешь ли ты сказать, что она есть Богъ? Да не будетъ. И миръ, какой имѣемъ мы между собою, когда не бранимся и не ссоримся изъ-за чего либо, мо-

жесть ты назвать миромъ, превосходящимъ умъ? Никакъ. Также и то, если не скажешь кому-либо ложнаго слова, Божіею истиною назовешь ты это? Конечно нѣтъ. Слова человѣческія текучи и пусты. Слово же Божіе есть живое и дѣйственное. Равнымъ образомъ и истина Божія есть паче ума и слова человѣческаго, Богъ непреложный, сый и живой. Наконецъ и вода сія, какую имѣемъ мы, не есть какъ оная вода живая, и хлѣбъ сей, какой обыкновенно вкушаемъ, не есть какъ оный хлѣбъ животный. Но, какъ сказали мы выше, все оное есть свѣтъ, и Богъ есть единый свѣтъ, и кто причащается сего свѣта, тотъ вмѣстѣ съ причащеніемъ его причащается и всѣхъ тѣхъ благъ, о коихъ поминали мы,—бываетъ кроткимъ и смиреннымъ и готовымъ на всякое добро, потому что и эти доброты вмѣстѣ съ другими свѣтъ суть, и кто возимѣлъ свѣтъ, тотъ вмѣстѣ съ свѣтомъ имѣетъ и сіи качества. Тогда Богъ подвигаетъ на всякое добро душу, въ которой обитаетъ, и бываетъ для нея всякихъ добромъ, и душа та, которая имѣетъ Бога обитателемъ въ себѣ, не скудѣетъ ни въ какомъ добрѣ, но бываетъ полна и преизбыточествуетъ всегда всѣми оными неизреченными благами Божіими, свеселясь и спребывая съ чинами небесныхъ силъ. Каковыя блага Божіи когда бы сподобились богато получить и всѣ мы, благодатию и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Косму слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ.

1) О тѣхъ, кои думаютъ, что имѣютъ Духа Святаго, безъ всякаго совершенно сознанія и чувства дѣйствія Его,—и о тѣхъ, которые говорятъ, что въ настоящія времена ни одинъ челоуѣкъ не можетъ узрѣть славы Святаго Духа.

2) О томъ, что у святыхъ нѣтъ ни малой зависти, когда и мы всячески стараемся преуспѣваніемъ въ добродѣтеляхъ сдѣлаться подобными имъ.

3) Какъ можно вѣрить Бога?

4) Кто достигъ такой мѣры, чтобы вѣрить, по возможности своей, Бога, тотъ еще въ настоящей жизни участвуетъ знать, какое блаженство будетъ даровано святымъ въ будущей жизни.

5) Что Пророки и Апостолы возвѣщали то, что видѣли, будучи просвѣщаемы Духомъ Святымъ, всегда съ ними пребывавшимъ.

6) Кто преступаетъ, или криво перетолковываетъ слова его, тотъ погрѣшаетъ противъ Духа Святаго.

1) Се опять хочу и бесѣдовать о тѣхъ, кои говорятъ, что имѣютъ Духа Святаго, безъ всякаго сознанія того, и думаютъ, что они приняли Его въ себя отъ божественнаго крещенія, почему утверждаютъ, что имѣютъ въ себѣ сокровище благодати, хотя познавая себя не могутъ не видѣть, что пусты отъ него. Именно, хочу бесѣдовать о тѣхъ, кои признаются, что совершенно ничего не возчувствовали во святомъ крещеніи, и между тѣмъ полагаютъ, что съ того времени возобитала внутри ихъ благодать Божіа и пребываетъ въ нихъ доселѣ; и не объ этихъ только, но и о тѣхъ, кои говорятъ, что никогда никакого не имѣли они явнаго и осязательнаго чувства благодати Св. Духа, а полагаютъ, что приняли и имѣютъ въ себѣ сію благодать, не по опыту, а по вѣрѣ единой, мысленно, какъ слышали и научились отъ Божественнаго Писанія. Они обыкновенно говорятъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся*, говоритъ Апостолъ. Такъ какъ мы крестились во Христа, то явно, что мы и облеклись во Христа. Я же говорю имъ: такъ какъ вы облеклись во Христа, то скажите мнѣ, что есть Христосъ? Онъ есть конечно Богъ истинный, содѣлавшійся человѣкомъ на тотъ конецъ, чтобъ насъ содѣлать богами. Но тотъ, кто облекается въ Бога, чувствуетъ конечно, во что онъ облекся. Какъ голый тѣломъ, когда надѣнетъ какую-либо одежду, чувствуетъ то и видить, что это за одежда: такъ и обнаженный душою, когда облекается въ Бога, чувствуетъ то и позна-

еть. Если облакающийся въ Бога не чувствуетъ, что есть то, во что онъ облекся, то слѣдуетъ, что онъ не живъ: ибо только мертвые не чувствуютъ, когда ихъ одѣваютъ. Почему боюсь, не мертвы ли и не голы ли истинно тѣ, которые говорятъ такъ.

Потомъ они предлагаютъ еще слѣдующее изреченіе Апостола Павла: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 18). Но говоря это, они не понимаютъ цѣли, для чего такъ сказано. Они умствуютъ; кто говоритъ другому кому: не угашай лампы, тотъ говоритъ это конечно не о не горящей лампадѣ, а о возженной и свѣтящей свойственнымъ ей свѣтомъ. На это мы говоримъ имъ: Духъ тотъ, о коемъ вы говорите, что Онъ возженъ въ васъ и свѣтитъ свѣтомъ своимъ, видите ли вы ясно возженнымъ и свѣтящимъ въ душахъ вашихъ, какъ сему само собою слѣдуетъ быть? Но они не только не отвѣчаютъ на это, но тотчасъ измѣняютъ лице свое и обращаютъ его въ другую сторону, какъ будто слышать какое богохульство, нестерпимое для нихъ. Потомъ, принявъ видъ болѣе кроткій, отвѣчаютъ, говоря: и кто же посмѣетъ сказать, что онъ видитъ, или когда-либо видѣлъ Св. Духа? Перестань богохульствовать, и не говори этого: ибо Писаніе Божественное говоритъ, что *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18).— О слѣпота и нечувствіе! Скажи мнѣ, человѣче, кто сказалъ это? *Единородный*, говоритъ, *Сынъ Божій сый въ лоно Отчи*, той сказалъ сіе. Правду говоришь ты, и истинно есть свидѣтельство твое, но оно идетъ противъ тебя. Ибо если я докажу, что сей самый Сынъ Божій и Богъ-Слово говоритъ, что это возможно, то что имѣешь ты тогда сказать? Слушай же, что говоритъ Христосъ: *видѣвый Мя, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). И это сказалъ Онъ не тому, кто смотрѣлъ на тѣло Христово, но тому, кто созерцалъ Божество Его. Ибо если подумаемъ, что Христосъ Господь сказалъ это тому,

кто смотрѣлъ на тѣло Его, то будетъ слѣдовать, что и распеншіе Христа видѣли Отца, поелику видѣли Христа по тѣлу; и не будетъ послѣ сего никакого различія между вѣрнымъ и невѣрнымъ, и никакого преимущества у перваго предъ послѣднимъ, но всѣ одинаково улучили желанное блаженство, всѣ увидѣли Бога. Но не такъ есть на дѣлѣ, не такъ,—какъ сказалъ опять тотъже Христосъ, когда бесѣдовалъ съ Евреями: *еще мя бысте овдали, и Отца моего овдали бысте* (Іоан. 8, 19).

А что возможно намъ видѣть Бога, сколько видѣть Его доступно человѣкамъ, послушай, что говоритъ самъ Христосъ: *блаженни чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрятъ* (Мѣ. 5, 8). Что скажешь ты на это? Но я напередъ знаю, что ты скажешь. Скажешь: да, точно узрѣть Бога чистые сердцемъ, но не здѣсь, а въ будущемъ вѣкѣ. Поелику ты не вѣришь въ тѣ блага, какія подаютъ намъ Богъ въ настоящей жизни и не имѣешь ревностнаго желанія получить ихъ и себѣ, то и прибѣгаешь къ мысли о будущемъ вѣкѣ. Но скажи мнѣ, возлюбленне, чающій въ будущемъ вѣкѣ узрѣть Бога, какъ возможно быть тому, о чемъ говоришь ты? Если Христосъ сказалъ, что при чистомъ сердцѣ узримъ мы Бога, то всеконечно слѣдуетъ, что во всякое время, какъ только очистить кто сердце свое, узрѣть онъ и Бога. Ты самъ, если очистишь когда-либо сердце свое, увидишь конечно Бога и познаешь истину словъ моихъ. Но какъ ты никогда не полагалъ въ умѣ своемъ сдѣлать это (очистить сердце), и не вѣрилъ, что истинно такъ бываетъ (что чистые сердцемъ узрѣваютъ Бога), то понебрегъ объ очищеніи сердца своего и не сподобленъ узрѣть Бога. Скажи мнѣ, возможно ли въ настоящей жизни сердцу стать чистымъ? Если возможно, то слѣдуетъ, что всякій чистый сердцемъ въ настоящей еще жизни узрѣваетъ Бога. Если же скажешь, что Бога узрѣваютъ только послѣ смерти,

то долженъ сказать, что и чистота сердца бываетъ только послѣ смерти. Такимъ образомъ съ тобою можетъ случиться, что не узришь Бога ни въ нынѣшнемъ, ни въ будущемъ вѣкѣ. Ибо послѣ смерти не будешь уже ты имѣть возможности дѣлать богоугодныя дѣла, чтобъ посредствомъ ихъ сдѣлать сердце свое чистымъ. Но и Господь намъ что говоритъ? *Имѣй заповѣди моя и соблюдай ихъ, той есть любилъ Мя. И Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21). Когда общается сіе явленіе Христа Господа, въ нынѣшней жизни или въ будущей? Явно, что въ настоящей жизни. Ибо гдѣ со тѣченіемъ исполняются заповѣди Божіи, тамъ бываетъ и явленіе Спасителя нашего Иисуса Христа. Послѣ сего явленія Спасителя приходитъ и совершенная любовь. Ибо если не будетъ явленія Христа въ насъ, то мы не можемъ ни вѣровать въ Него, ни любить Его, какъ должно.

Написано: *не любилъ брата своего, егоже видѣ, Бога егоже не видѣ, како можетъ любить?* (1 Іоан. 4, 20). Кто же не можетъ любить Бога, тотъ конечно не можетъ и вѣровать въ Него. Послушай, что говоритъ Апостоль Павелъ: *нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любви три сія, больше же сихъ любви есть* (1 Кор. 13, 13). Итакъ, поелику вѣра сочетана съ надеждою, а надежда сопутствуетъ любви, то явно, что кто не имѣетъ любви, не имѣетъ надежды, а кто не имѣетъ надежды, не имѣетъ и вѣры,—т.-е. кто не имѣетъ вѣры, тотъ и не надѣется, а кто не надѣется и не любитъ. Ибо какъ возможно быть любви, когда нѣтъ причинъ, ее производящихъ, т.-е. вѣры и надежды? Какъ невозможно, чтобъ держалась крыша безъ зданія, на которомъ бы она утверждалась, такъ невозможно, чтобъ въ душѣ человѣка обрѣлась любовь Божія, когда нѣтъ въ ней вѣры и упованія. А кто не имѣетъ любви, тотъ и отъ прочихъ добродѣ-

телей не получить никакой пользы, какъ утверждаетъ тотъ же Павелъ.

О томъ, что можно и какъ можно узрѣвать Бога въ настоящей жизни, послушай опять божественнаго Павла, который говоритъ: *видимъ нынѣ, якоже зеркаломъ въ заданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумью отчасти, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. 13, 12). Но тѣ, какъ только слышатъ это, говорятъ: то былъ Павелъ. Я же говорю имъ на это: не былъ развѣ и Павелъ человѣкъ во всемъ намъ подобострастный? Тѣ опять отвѣчаютъ: о, прегордый и самонадѣянный человѣкъ! Кто когда являлся подобнымъ Павлу? И ты дерзашь сравнивать съ Павломъ насъ грѣшныхъ!—Отвѣчая имъ на это, не я, а самъ же Апостоль Павелъ велегласно взываетъ и говоритъ: *Христосъ прииде въ міръ,—слушайте! грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ* (1 Тим. 1, 15). Итакъ, онъ первый изъ грѣшниковъ спасаемыхъ; стань и ты вторымъ, стань третьимъ, стань четвертымъ, стань десятымъ, стань однимъ изъ тысячъ и мириадъ спасаемыхъ,—и сопричислишь себя къ Апостолу Павлу, и тѣмъ почтишь Павла, какъ самъ онъ говоритъ: *подрожатели мои бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1), и еще въ другомъ мѣстѣ: *хочу, да вси человецы будутъ, якоже и азъ* (1 Кор. 7, 7).

2. Такимъ образомъ, если хочешь похвалить или почитать Павла, надлежитъ тебѣ подражать ему и стать подобнымъ ему въ вѣрѣ. Вотъ когда ты истинно почтишь его! И онъ приметъ тебя и будетъ хвалиться тобою, вмѣняя себѣ въ славу, что ты склонился на слова его и послѣдовалъ ему, и сталъ, какъ и онъ. Если же,—говоря, что было бы безчестіемъ для Павла—думать, что другой-кто можетъ стать, какъ и онъ,—ты презираешь спасеніе свое и нерадишь о немъ; то знай, что насколько ты прельщаешь себя такимъ образомъ, настолько отвра-

щается отъ тебѣ св. Павелъ и недоволенъ тобою. Хочешь ли, чтобъ я доказалъ тебѣ, что ты гораздо болѣе почтишь его и обрадуешь, и прославишь, если постарайся сдѣлаться болѣе великимъ и болѣе близкимъ къ Богу, чѣмъ онъ? Слушай, что говоритъ самъ Павелъ: *молился самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродниціхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 3). Видишь? Онъ предпочитаетъ самъ отлученъ быть отъ Христа, чтобъ только ты спасся; а ты говоришь, что онъ сочтетъ для себя безчестіемъ, если я захочу и возревную стать какъ онъ? Нѣтъ, брате мой, не такъ. Нѣтъ зависти у святыхъ Божиихъ. Не ищутъ они преждевозлежанія и большей предъ другими чести и славы. У нихъ,— у всѣхъ этихъ, отъ начала до конца вѣковъ, друзей и любителей Божиихъ, одно преждевозлежаніе, одно предпочтеніе, одна слава, услажденіе и упокоеніе—выну зрѣть Бога. Тѣ же, которые зрятъ Бога, чужды всякаго любопытства; они не могутъ отворотиться отъ лицезрѣнія Божія, чтобъ посмотрѣть на что-либо отъ міра сего, или на какого либо человѣка, или подумать о чемъ либо, несообразномъ съ ихъ устроеніемъ; но совершенно свободны отъ всякаго любопытства, и умъ ихъ не отходитъ къ чему-либо другому; почему они, пока таковы, пребываютъ непадательными и не возвращаются опять на худое.

3. Но прошу тебя сказать мнѣ: тѣ, которые написали о томъ, что сказано предъ симъ, откуда это узнали? Равно и тотъ, кто теперь пишетъ объ этомъ, откуда знаетъ то? Скажи ты, чье все это?—Конечно, говоришь, это человѣческое, дѣло человѣка суть слова сіи.—Но говоря такъ, показываешь, будто знаешь внутреннее состояніе души другаго человѣка. А св. Павелъ что говоритъ?—*кто вѣсть отъ человека яже въ человецѣхъ, точію духъ человека живущій въ немъ?* (1 Кор. 2, 11). Но

если трудно для человѣка знать съ точностію внутреннее человѣка, яко человѣка: то какъ возможно ему познать, что есть въ комъ божеское, т.-е. тѣ измѣненія и состоянія, какія бываютъ во святыхъ подѣйствіемъ созерцанія Бога? Съ другой стороны, если слова тѣ суть, какъ ты говоришь, дѣло человѣка, яко человѣка, то явно, что и мысли, содержащіяся въ тѣхъ словахъ, суть дѣло человѣческое. Но то, что содержитсяъ въ тѣхъ словахъ, не должно быть называемо мыслями (*νοηματα*, чѣмъ либо умозрительнымъ), а созерцаніемъ истинно сущаго: ибо мы говоримъ о томъ по созерцанію. Почему и сказываемое должно быть именуемо паче повѣствованіемъ о созерцаемомъ, а не помышленіемъ (*νοημα*). Помышленіемъ должно называть думаніе, раждаемое въ умѣ, по поводу какого-либо желанія, или дѣла, еще не сдѣланнаго, т.-е. думаніе о томъ, какъ сдѣлать какое-либо добро или худо, еще не сдѣланное, которое изъ думанія потомъ переходитъ и въ дѣло, такъ что помышленіе есть начало дѣла, какое имѣетъ быть совершено нами какъ и о Богѣ говоритъ Григорій Богословъ: „вопервыхъ, измышляетъ Богъ небесныя силы, и мысль стала дѣломъ“.—Итакъ удостовѣрься, что слова наши не о не сущемъ и не явленномъ говорятъ, но о томъ, что уже состоялось, и что отъ видѣнія и созерцанія сего заимствуется сказаніе, какое мы дѣлаемъ о томъ; подобно тому, какъ, когда кто хочетъ напримѣръ рассказывать о домѣ какомъ, или о полѣ, или о царскомъ дворцѣ, или о грѣблицѣ, надо напередъ видѣть и хорошо разсмотрѣть все такое, и потомъ уже съ знаніемъ дѣла рассказывать о томъ. Кто можетъ сказать что самъ отъ себя о какомъ либо предметѣ, котораго прежде не видалъ? И откуда ему взять сказать что либо о томъ, чего совсѣмъ не видалъ?—Да и всеконечное есть безсмысліе и невѣжество говорить о томъ, чего не видѣлъ и не знаешь. Если та-

кимъ образомъ о видимомъ и земномъ никто не можетъ сказать что-либо вѣрное, не видѣвъ того своими глазами; то какъ можно сказывать и извѣщать что-либо о Богѣ, о божественныхъ вещахъ и о святыхъ Божиихъ, т.-е. какого общенія съ Богомъ сподобляются святые и что это за вѣдѣніе Бога, которое бываетъ внутри ихъ и которое производитъ въ сердцахъ ихъ неизъяснимыя воздѣйствія,—какъ можно сказать о семъ что-либо тому, кто не просвѣщенъ напередъ свѣтомъ вѣдѣнія?

Но когда слышишь о свѣтѣ вѣдѣнія, не думай, что это есть только вѣдѣніе безъ свѣта; потому что это не называется сказаніемъ или словомъ вѣдѣнія, но свѣтомъ вѣдѣнія, или вѣдательнымъ свѣтомъ, поколику свѣтъ сей раждаетъ въ насъ вѣдѣніе: ибо невозможно инымъ способомъ познать кому-либо Бога, кромѣ созерцанія свѣта, посылаемаго отъ сего самаго свѣта (т.-е. Бога). Какъ тотъ, кто рассказываетъ другимъ о какой-либо странѣ, или какомъ человѣкѣ, рассказываетъ то, что видѣлъ и что знаетъ, а тѣ, которые слушаютъ его, не могутъ по одному слуху познать того человѣка или ту страну такъ, какъ знаетъ ихъ видѣвшій и рассказывающій: такъ и о небесномъ Іерусалимѣ, о Богѣ, невидимо въ немъ обитающемъ, о пресвѣтлой славѣ лица Его, о дѣйствіи и силѣ Святаго Духа, т.-е. свѣта, никто ничего не можетъ сказать вѣрнаго, если не увидитъ напередъ умными очами души своей сего свѣта и не познаетъ точно осіянія и дѣйствія его внутри себя самого. Тотъ же, кто слышитъ изъ Божественнаго Писанія о тѣхъ, кои видѣли Бога благодатію Св. Духа и говорятъ о Богѣ, тому одному научается, что видитъ написаннымъ въ Писаніи, почему не можетъ сказать о себѣ, чтобы познать Бога чрезъ одно слышаніе написаннаго. Ибо какъ можно познать того, кого не видишь? Если не можемъ мы чрезъ одно видѣніе познать человѣка, котораго видимъ, то какъ

возможно намъ познать Бога чрезъ одинъ слухъ? Свѣтъ есть Богъ, и созерцаніе Его есть какъ свѣтъ; почему чрезъ узрѣніе свѣта бываетъ первое вѣдѣніе, которымъ познается, что есть Богъ.

Какъ въ отношеніи къ человѣку, о коемъ сначала слышитъ кто, а потомъ видитъ его, бываетъ, что слышавшій тогда лишь, когда уже увидитъ его, познаетъ, что это тотъ самый человѣкъ, о коемъ онъ слышалъ,—или даже и этимъ способомъ не можетъ онъ удостовѣриться въ сказанномъ, потому что, сколько бы ни говорилъ тебѣ кто о другомъ, не можешь ты, увидѣвъ его, по одному этому слуху познать и увѣриться, что это тотъ самый человѣкъ, о коемъ ты слышалъ, но колеблешься и спрашиваешь или его самого, или другаго кого, кто его знаетъ, и тогда удостовѣряешься, что это тотъ самый: такъ точно бываетъ и въ отношеніи къ Богу, что когда увидитъ кто Бога, Ему явившагося, то видитъ свѣтъ и видя его дивится, но не узнаетъ тотчасъ, кто есть тотъ, кто явился ему, и не осмѣливается спросить Его: ибо какъ ему спрашивать Его, когда не можетъ очей своихъ поднять, чтобъ лучше разсмотрѣть, что это такое, но смотритъ съ великимъ страхомъ на стопы того, кто явился, зная лишь, что есть кто-то явившійся ему? Но если близко отъ него находится тотъ, кто прежде сказывалъ ему, что видѣлъ Бога, то идетъ къ нему и говоритъ: о, отче! я видѣлъ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ. Тотъ спрашиваетъ его: что ты видѣлъ, чадо мое? Видѣлъ я, отче, свѣтъ вѣкій сладчайшій; но что это была за сладость, не могу выразить. Когда говоритъ онъ это, сердце его трепещетъ отъ радости и ликуетъ, и пламенѣетъ любовію къ тому, кто явился ему. Потомъ опять начинаетъ онъ говорить со многими теплыми словами: какъ явился мнѣ, отче, свѣтъ оный, тотчасъ исчезла келлія моя, исчезъ міръ, отбѣгши, какъ кажется,

отъ лица того, кто явился мнѣ, и остался я одинъ со свѣтомъ онимъ,—и не знаю, отче, въ тѣлѣ ли я былъ тамъ тогда, или внѣ тѣла: тогда не понималъ я, былъ ли облеченъ въ это тѣло и носилъ ли его; впрочемъ сознавалъ, что я существую и что есть во мнѣ неизреченная радость, и любовь и пламенѣніе сердца великое, и слезы рѣкою текли у меня, какъ и теперь текутъ, какъ видишь. Тотъ говоритъ ему въ отвѣтъ: это Тотъ, о коемъ я говорилъ тебѣ;—и съ этимъ словомъ тотчасъ опять узрѣваетъ Его.—Съ сего времени болѣе и болѣе очищается онъ, и очищаясь пріемлетъ дерзновеніе и спрашиваетъ самого явившагося, говоря: ты—Богъ мой? Тотъ отвѣчаетъ: я Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ для тебя, чтобъ и тебя сдѣлать богомъ,—и вотъ, какъ видишь, сдѣлалъ и буду дѣлать. Если такимъ образомъ пребудеть онъ въ плачѣ и слезахъ, и въ смиренномъ къ Богу припаданіи, то начинаетъ мало-по-малу болѣе познавать, яже суть Божія, и, достигнувъ сего, уразумѣвать волю Божию святую, угодную и совершенную. Ибо если не узритъ кто Бога, то не можетъ и познать Его; а если не познаетъ Его, не можетъ познать и святую волю Его.

4. Когда приходитъ такимъ образомъ человѣкъ въ большую мѣру совершенства и наиболѣе приближается къ Богу, тогда изъ того, что совершаетъ въ немъ Богъ, познаетъ онъ и то, что совершалъ Онъ и во всѣхъ прежнихъ святыхъ, и что имѣетъ совершать въ послѣдующихъ,—познаетъ также, просвѣщаемъ будучи отъ самого Бога, что это за вѣнцы и что за воздаянія, какіе имѣютъ получить святые въ другой жизни, удостовѣряясь, что они превосходятъ всякій умъ и всякое слово человѣческое,—познаетъ еще и то, какими имѣютъ стать послѣ общаго воскресенія какъ онъ, такъ и всѣ святыя. Всего сего чаемаго святые не получаютъ однакожъ въ

настоящей жизни (хотя нѣкоторые злословятъ, будто я говорю, что святые все получаютъ здѣсь). Ибо если положить, что они здѣсь получаютъ всѣ блага Божіи, то, по слову ихъ, слѣдуетъ отречься и самаго воскресенія мертвыхъ, и суда и воздаянія, и самоохотно отвергнуть упованіе будущихъ благъ. Но я не только не имѣю такого мудрованія и не говорю такъ, но напротивъ анафематствую и тѣхъ, которые говорятъ это. Я говорю и исповѣдую, что въ настоящей жизни святые въ нѣкоей только мѣрѣ получаютъ залоговъ будущихъ благъ, все же обѣтованное вполнѣ имѣютъ они, уповаю я, получить послѣ смерти (и общаго воскресенія), какъ говоритъ божественный Павелъ: *нынѣ разумлю отчасти. Егда же прійдетъ совершенное, тогда еже отчасти упризидитъ* (1 Кор. 13, 12. 10); и Іоаннъ Богословъ: *нынѣ чада Божіи есмы, и не у явися, что будемъ: въмы же, яко, егда явится, подобни ему будемъ* (1 Іоан. 3. 2). Продолжу теперь свою рѣчь вопросоотвѣтно, и нѣкакo спрошу сказавшаго сіе: о возлюбленне и друже Христовъ! скажи мнѣ, откуда знаешь ты, что имѣешь быть подобенъ Богу? Отъ Духа, говоритъ, котораго Онъ далъ намъ,—отъ сего познаемъ, что мы чада Божіи есмы и самъ Христосъ въ насъ есть. Онъ самъ сказалъ мнѣ сіе таинственнымъ гласомъ (1 Іоан. 3, 24).

5. Но обратимся опять къ нашему предмету. Сказали мы, что помышленіемъ (λογισμός) называется, когда въ умѣ нашемъ родится слово или задуманіе какого-либо дѣла добраго или худаго—пріобрѣсть, напримѣръ, что-нибудь, или поблагодѣтельствовать кому-либо, или напротивъ сдѣлать зло; сказаніе же (διηγησις), а не помышленіе есть, когда рассказываемъ о томъ, что было, или что мы видѣли. Сказали мы также, что ничего вѣрнаго нельзя сказать о вещахъ, дѣлахъ, зрѣлищахъ, людяхъ, которыхъ мы не видѣли и не знаемъ,—нельзя сказать, каковы они

по свойствамъ, виду и положенію; если же и скажетъ кто что либо о нихъ, то справедливо назвать такого баснотворцемъ. — Итакъ, Пророки и Апостолы, сказавшіе намъ о днѣ Господнемъ, о преславномъ и страшномъ пришествіи Его, что онъ придетъ какъ тать въ нощи и какъ болѣзни раждающей, и что онъ огнемъ открывается, откуда узнали это и намъ сказали? Конечно, они или слышали то отъ кого, или сами видѣли: иначе какъ же они могли говорить о томъ, чего сами не видали и о чемъ ни отъ кого другаго не слышали? Если слышали, скажи, отъ кого слышали (я еще не говорю теперь, что они сами видѣли и сказали, а только что слышали)—скажи, если знаешь, откуда узнали они объ этомъ? Если ты не знаешь что на это сказать, то послушай и познай, что отъ Духа Святаго они это слышали и сказали, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ имъ: *Утѣшитель, Духъ Святый, егоже послетъ вамъ Отецъ во имя мое, Той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (Іоан. 14, 26). А что Духъ Святый, когда пришелъ, научилъ ихъ и сказалъ имъ даже и то, чего не сказывалъ Христосъ, объ этомъ послушай, что говоритъ опять Христосъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же придетъ Онъ Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину: не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать и грядущая возвеститъ вамъ* (Іоан. 16, 13). Понялъ ли ты теперь, откуда они узнали то, что написали о днѣ ономъ страшномъ, о второмъ пришествіи Господа и о томъ, что имѣеть послѣдовать за тѣмъ какъ для праведныхъ, такъ и для грѣшныхъ? Такъ и о всемъ другомъ, чего не видимъ мы, они написали, видѣвши то отъ просвѣщенія Духомъ Святымъ.

Но скажи мнѣ, прощу тебя, Духъ Святый что есть? Известно, что Онъ есть Богъ истинный, отъ Бога истин-

наго исходящій. Итакъ ты, послѣдуя догматамъ Церкви, говоришь, что Духъ Святой есть Богъ, какъ видишь написаннымъ въ писаніяхъ святыхъ; почему утверждаешь, что тѣ, которые имѣютъ Духа Святаго, имѣютъ въ себѣ Бога, всегда съ ними пребывающаго, какъ сказалъ Христосъ Апостоламъ: *еще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте. И Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во вѣкъ* (Ин. 14, 16). Знаешь теперь, что Духъ Святой и пребываетъ и обитаетъ (во святыхъ) въ вѣкъ вѣка: ибо Господь нашъ, говоря: *да будетъ съ вами во вѣкъ*, показываетъ, что Духъ Святой всегда, непрестанно и нескончаемо, есть и будетъ съ ними неразлучно и въ настоящей жизни, и въ будущей. А что Духа Святаго видѣли божественные Апостолы и всѣ другіе, сподобившіеся пріять Его, послушай, что вслѣдъ за приведенными словами говоритъ Христосъ: *Духъ истины, егоже миръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его: вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ и во васъ будетъ* (Ин. 14, 17). А что и Христа видятъ тѣ, которые любятъ Его и заповѣди Его соблюдаютъ, послушай о семъ опять самого Христа, который говоритъ: *имѣяй заповѣди моя и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ* (Ин. 14, 21).

6. Да вѣдаютъ же всѣ христіане, что Христосъ есть вѣлжнѣйшій и истинный Богъ, и воистину, по обѣтованію своему, является любящимъ Его и исполняющимъ заповѣди Его, и вмѣстѣ съ явленіемъ своимъ даруетъ имъ Духа Святаго, — и что опять чрезъ Духа Святаго пребываютъ съ ними и Отецъ и Сынъ. Такіе мужи — духоносцы, когда говорятъ, не сами отъ себя говорятъ, и кто говоритъ, что они сами отъ себя говорятъ, явно подаетъ мысль, будто человѣкъ можетъ знать что въ

другомъ человѣкѣ, и не только это знать, но и то, яже суть Божія. Если же и не говорятъ они этого, то всячески лжецами и баснословцами почитаютъ тѣхъ, кои говорятъ отъ Духа Святаго, полагая, что они сами отъ себя учатъ тому, чего не видѣли и о чемъ не слышали. Но да вѣдаютъ они, что хотя тѣ — духоносцы — говорятъ словами, сходными съ словами древнихъ богоносныхъ отцевъ, но несомнѣнно говорятъ отъ Духа, собственно въ нихъ пребывающаго; почему тѣ, которые не вѣрятъ имъ и хулятъ ихъ, грѣшатъ противъ Духа Святаго, говорящаго въ нихъ.

Уразумѣлъ ли ты наконецъ, о возлюбленне, что положено царствію небесному быть внутри тебя, и всѣмъ благамъ вѣчнымъ — въ рукахъ твоихъ. Восподвизайся же увидѣть, стяжать и пріять въ себя сіи блага вѣчныя, чтобъ не лишена быть ихъ и не быть пусто, думая, что имѣешь ихъ. Плачь, моли, припадай, какъ некогда слѣпецъ, и говори: помилуй мя, Сыне Божій, и отверзи очи души моей, да узрю Тебя Бога моего, — свѣтъ міра, и да содѣлаюсь и я сыномъ божественнаго дня. Не оставь меня, Благій, лишеннымъ божественной благодати Твоей, какъ недостойнаго. Яви мнѣ, Господи, Себя самого, да уразумѣю, что Ты любишь меня, яко хранящаго божественныя заповѣди Твои. Посли мнѣ, Благоутробне, Утѣшителя, да научить меня, яже о Тебѣ, и откроеть, яже суть Твоя. О, Боже всяческихъ! возсіяй во мнѣ свѣтъ истинный, да узрю славу Твою, которую имѣлъ Ты у Отца, прежде міръ не бысть. Пребуди, какъ обѣтовалъ Ты. и со мною, да буду и я достоинъ пребывать съ Тобою, и тогда да вниду въ Тебя разумно, и да стяжу Тебя внутри себя разумно, т.-е съ чувствомъ души моей. Восхоти, Невидимый, вообразиться внутри меня, да вижду красоту Твою и доброту Твою — несравненную, да ношу всегда единый образъ Твой, Пре-

чебесне, и забуду все видимое и земное. Даруй мнѣ, благоутробне Господи, славу, какую далъ Тебѣ Отецъ, да буду подобенъ Тебѣ, какъ были и всѣ рабы Твои, и да буду съ Тобою всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Ей, братъ мой возлюбленный, повѣрь мнѣ, что такъ есть воистину и что такова вѣра наша. Вѣрь, брате, что это и есть—возрождену быти и обновлену, и жить жизнию, яже о Христѣ. Не слышишь, что говоритъ св. Василій Великій въ словѣ своемъ на праздникъ Свѣтовъ (Богоявленія)? О, человѣче! Ужели не желаешь ты содѣлаться новымъ изъ ветхаго, каковъ ты, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *еще кто во Христѣ, нови тварь: древняя мимодоша, се быша вся нова?* (2 Кор. 5, 17). Что это—*вся нова?* скажи мнѣ. Или измѣнилось небо, земля, солнце, звѣзды, или другое что изъ видимаго, и стало ново? Но этого сказать ты не можешь потому что Апостолъ о насъ это говоритъ, что мы мертвы и возстаемъ, тлѣны и прелагаемъ въ нетлѣнныхъ, смертны и превращаемъ въ бессмертныхъ, земны и становимъ не бесными, плотски, отъ плоти раждаемые, и дѣлаемъ духовными, будучи возраждаемы и возсозидаемы благодатию Всесвятаго Духа. Вотъ что есть, брате мой, новая во Христѣ тварь, о коей говоритъ Апостолъ! И это каждый день совершается въ истинно вѣрующихъ и избранныхъ; и, какъ мы многократно говорили, истинные христіане сознательно причастны всего этого, хотя только отчасти, пока еще суть въ тѣлѣ, съ вѣрною однакожъ надеждою, что по смерти вполнѣ насладуютъ и преизобильно вкусятъ, и душою и тѣломъ, всѣ эти блага, которыхъ здѣсь причащаются только отчасти. Если, какъ учить насъ самъ Христосъ, мы вкушаемъ Христа, пиемъ Его, облакаемся въ Него, видимъ Его и видимы бываемъ отъ Него, — если Онъ пребываетъ въ

насъ и мы въ Немъ, такъ что Христосъ бываетъ обителемъ въ насъ, а мы въ Немъ, мы бываемъ обителію для Христа, и Онъ — для насъ, если мы сыны Его, и Онъ отецъ нашъ, если Онъ свѣтъ сіяющій во тмѣ, и мы видимъ Его, по слову Евангелія: *людіе судящіи во тмѣ видѣша свѣтъ велій* (Мѡ. 4, 16), — если, говорю, все сіе, какъ учить насъ Божественное Писаніе, бываетъ въ насъ въ настоящей жизни; то, если, какъ вы говорите, этого не бываетъ въ насъ въ жизни сей, или бываетъ таинственно, безъ того, чтобъ мы чувствовали то и сознавали,—чѣмъ разнимся мы отъ мертвыхъ?

Не будьте же, братія мои, столь невѣры и не впадайте въ такой ровъ пагубы. Но если доселѣ и не чаяли вы, что чувствомъ воспріимете такіа блага и сознательно получите ихъ въ сей жизни и потому не старались стяжать ихъ, то хотя отселѣ удостовѣрьтесь и повѣрьте, что это истинно и согласно съ Божественными Писаніями. Перечитайте все Писаніе со вниманіемъ и удостовѣрьтесь, что еще въ настоящей жизни дается намъ, сознательно для насъ, печать Святаго Духа. Когда же увѣритесь въ сему, тогда тако тецйте, да постигнете, и подвизайтесь, не яко воздухъ біющій (1 Кор. 9, 26), — т.-е. со всѣмъ усердіемъ старайтесь получить блага сіи, о коихъ мы сказали, и подвизайтесь не тщетно и не безплодно, но съ тою цѣлію, чтобы стяжать благодать Святаго Духа. Къ сему еще,—*просите и дастся вамъ, толцйте и отверзется вамъ* (Мѡ. 7, 7), — въ сей ли жизни, или въ будущей. Не стыдитесь также учиться сему у другихъ; еще—кайтесь, плачьте, поститесь, молитесь, воли своей отрицайтесь чрезъ послушаніе,—и, посредствомъ сего и подобнаго сему, теките, подвизайтесь, ищите, толцйте, просите и не обращайтесь сѣмо и овамо. пока не постигнете, пока не возьмете въ руки, пока не отверзется вамъ дверь, пока не внидете внутрь брачнаго

чертога, не узрите жениха Христа, не услышите: *добры, рабе благий и вѣрный, о малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю* (Мѡ. 25, 21), — пока не содѣлаетесь сынами свѣта и дня. Но прежде чѣмъ увидите, прежде чѣмъ получите, прежде чѣмъ испытаете все сіе, не обольщайте себя самихъ, въ прельщеніи полагая, что есте вѣчто, ничтоже сущее. Огъ сего нѣкоторые изъ васъ сидятъ спокойно и беззаботно, такъ какъ совѣсть не обличаетъ васъ за то, что, не получивъ Духа Святаго, думаете, будто вы — духовосцы, и течете несмысленно, — принимаете чужіе помыслы, исповѣдуете другихъ, дѣлаетесь, какъ не слѣдовало бы, іерелми, духовниками, игуменами, восхищаете священство съ презорствомъ и безстрашіемъ и употребляете безчисленные способы и хитрости, чтобъ завладѣть митрополіями, епископствами и игуменствами, чтобъ пасти народъ Господень. — Но внимайте, прошу васъ, мудрствуйте небесная, ищите божественнаго, стремитесь къ горнему и ничего другаго не заботьтесь стяжать кромѣ того. Ей, молю васъ, презримъ все видимое, отринемъ все человѣческое, отрѣжемъ все страстное, да получимъ настоящія и будущія блага силою Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкохъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

О богохульствѣ. Кто говоритъ, что въ нынѣшнія времена невозможно получить Духа Святаго, и кто хулитъ дѣйствія Святаго Духа, говоря, что такіа дѣйствія отъ діавола, тотъ вводитъ новую ересь въ церковь Божию.

Поелику Господь нашъ Иисусъ Христосъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *всякъ грѣхъ и злая отпустится че-*

*ловѣкомъ: а яже на Духа хула, не отпустится чело-
вѣкомъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Мѣ. 12, 31), то
надлежитъ намъ изслѣдовать и познать, что это за хула,
которая бываетъ на Духа Святаго? На Духа Святаго
хула есть, когда кто дѣйствія Духа Святаго приписы-
ваетъ діаволу, какъ говоритъ Василій Великій (Крат.
прав. 273). Когда кто видитъ, что какой-нибудь братъ
христіанинъ совершаетъ чудеса, или имѣетъ какое-либо
дарованіе Святаго Духа, какъ-то — сокрушеніе сердеч-
ное, или слезы, или смиреніе, или разумѣніе божескихъ
вещей, или другое что такое, что подаетъ Духъ Свя-
тый любящихъ Бога, и говоритъ, что это — прелесть
діавола, — тотъ хулитъ Святаго Духа. Также и тотъ, кто
говоритъ, что сподобляющіеся воадѣйствія Божествен-
наго Духа, какъ сыны Божіи, и исполняющіе повелѣнія
Бога и Отца ихъ, состоятъ въ прелести отъ діавола, —
и этотъ хулитъ Духа Святаго, дѣйствующаго въ нихъ,
какъ и евреи хулили Сына Божія, когда, видя, какъ
демоны были изгоняемы Христомъ, хульно говорили съ
великою продерзостію, что Онъ о веельзевулѣ, князѣ
бѣсовскомъ изгоняетъ бѣсовъ. Но иные, слыша сіе, не
слышать и, видя сіе, не видятъ, и о всемъ томъ, отно-
сительно чего Божественное Писаніе свидѣтельствуетъ
и удостовѣряетъ, что оно бываетъ отъ Духа Святаго и
отъ божественнаго воадѣйствія, какъ изъ себя вышед-
шіе и все Божественное Писаніе отвергшіе. и все вѣ-
дѣніе, подаемое симъ Писаніемъ, изъ ума извергшіе, не
трепещутъ говорить окаянные, что такіа дѣйствія бы-
ваютъ отъ опьяненія и демоновъ. Будто невѣрные и
совершенные невѣжды, не ученные божественнымъ тай-
намъ, они, когда услышатъ о божественномъ осіяніи или
освѣщеніи души и ума, или о созерцаніи и безстрастіи,
или о смиреніи и слезахъ отъ дѣйствія и благодати
Святаго Духа, тотчасъ, какъ бы не имѣя силъ стерпѣть

великаго блистанія и силы словесъ сихъ, омрачаются паче очами души своей, чѣмъ просвѣщаются, и съ великою продерзостію рѣшаютъ, что это отъ прелести бѣсовской, и не трепещутъ окаянныи ни суда Божія, ни вреда, причиняемаго тѣмъ, кои слышатъ ихъ. Мало того, они не колеблются утверждать, дерзкіе, что въ настоящія времена ничего такого не бываетъ отъ Бога ни въ комъ изъ вѣрующихъ; а это есть крайнее нечестіе, паче, нежели ересь. Ересь бываетъ, когда кто уклоняется отъ какого-либо догмата православной вѣры; но кто говоритъ, что теперь нѣтъ людей, которые бы любили Бога и сподоблялись пріять Духа Святаго и креститься отъ Него, т.-е. возродиться благодатію Святаго Духа и содѣлаться сынами Божиими, съ сознаніемъ, опытнымъ вкушеніемъ и узрѣніемъ,—тотъ низвращаетъ все воплощенное домостроительство Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и явно отвергаетъ обновленіе образа Божія или человѣческаго естества, растлѣннаго и умерщвленнаго грѣхомъ. Обновленіемъ я называю возсозданіе нашего естества, которое совершилъ Христосъ Господь, предложивъ его изъ тлѣнія въ нетлѣніе и изъ смертности въ безсмертіе.

Мы исповѣдуемъ, что какъ невозможно спастись никому, кто не крестится водою и Духомъ, такъ и тому, кто согрѣшаетъ по крещеніи, если не покается и опять не воспріиметъ благодати Святаго Духа и не будетъ возсозданъ и обновленъ свыше, невозможно спастись, какъ утверждаетъ сіе Господь, сказавъ Никодиму: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (Іоан. 3, 3), и опять Апостоламъ: *Іоаннъ убо крстилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). Итакъ, кто не позналъ (осоздательно) благодати Святаго Духа, которую пріять чрезъ св. крещеніе, когда былъ малымъ младенцемъ, и бывъ крещень

по вѣрѣ, осквернилъ себя безчисленными грѣхами, и потомъ отвращается и отъ втораго крещенія—покаянія,—того, говорю, которое дается свыше, по челоуѣколюбію Божію, благодатию Святаго Духа, тѣмъ, кои взыскиваютъ ее покаяніемъ; тому какъ возможно обрѣсти какимъ-либо образомъ спасеніе свое? Не обрѣтетъ онъ его никогда. Почему говорю вамъ, и не перестану говорить этого никогда: которые осквернили первое крещеніе преступленіемъ заповѣдей Божіихъ, подражайте покаянію Давида и всѣхъ святыхъ, и покажите истинное покаяніе со всѣмъ раченіемъ и всѣми добрыми дѣлами, да приидетъ опять въ душу вашу благодать Святаго Духа. Ибо если снизойдетъ на васъ благодать Святаго Духа, то это будетъ для васъ нѣкоею купѣлію свѣтовою, которая, какъ скоро приметъ васъ въ лоно свое таинственно и возродитъ благодатно, содѣлаетъ васъ нетлѣнными и безсмертными изъ тлѣнныхъ и смертныхъ, каковы вы, и изъ сыновъ челоуѣческихъ содѣлаетъ васъ сынами Божіими и богами по благодати, да будете сродниками святыхъ и сонаслѣдниками и вмѣстѣ съ ними внидете въ царство небесное,—тѣмъ содѣлался и преподобный отецъ нашъ Симеонъ Студитъ, благоговѣйникъ, молитвами котораго и вѣкоторые изъ учениковъ его сподобились получить Святаго Духа, по великой и неизреченной благодати Божіей. Это говорю я не по другой какой причинѣ, какъ для того, чтобъ воспроповѣдать готовую и ко всѣмъ вамъ благодать Божію, и расположить и васъ восподвизаться о полученіи такого же блага. Ибо знакъ любви по Богу есть не скрывать блага, но объявлять о немъ братіямъ своимъ и ихъ подвигать къ тому, чтобъ тогоже взыскали, обрѣли и стяжали. Почему, какъ видите, вопію къ вамъ, взывая словами пророка Давида: *приступите къ Нему и просвѣтитесь и лица совѣсти вашей не постыдятся* (Пс. 33, 6). Чего же ради, бра-

тія мои возлюбленные, низпали вы совсѣмъ въ нерадѣніе и лѣность, въ сласти и похоти плотскія, и говорите, что не можете очиститься отъ грѣховъ покаяніемъ, приблизиться къ Богу, получить благодать Святаго Духа, и чрезъ нее возродиться. сдѣлаться богоподобными и сынами Божиими по благодати? Нѣтъ, это не невозможно. Невозможно это было прежде воплощеннаго домостроительства Христова; но послѣ того, какъ благоволилъ Владыко всѣхъ и Богъ содѣлаться человѣкомъ, по всему намъ подобнымъ кромѣ грѣха, то содѣлать и все сіе для насъ возможнымъ и удобнымъ, и дать намъ власть быть сынами Божиими и сонаслѣдниками Ему,—Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ.

О покаяніи, и о томъ, что когда кто творитъ всѣ по сѣмъ рядъ заповѣди Божіи, то преуспѣваетъ въ добродѣтели и дѣлается совершеннымъ.

Тотъ человѣкъ, который, презрѣвъ все земное и самую жизнь свою, желаетъ приступить къ совершенію истиннаго покаянія по заповѣди Христовой, будучи увѣренъ, что самъ по себѣ не можетъ, какъ должно, совершить сіе спасительное дѣло, пусть взываетъ опытнаго отца духовнаго и нашедши припадетъ къ нему со страхомъ и трепетомъ, слушается его во всемъ, что онъ ни скажетъ ему, со всѣмъ вниманіемъ, отъ него научается, что слѣдуетъ дѣлать, проходя путь покаянія, научается и духовному дѣланію всякихъ добрыхъ дѣлъ. Я сказалъ, что ему надо имѣть страхъ и трепеть: это для того, чтобъ не лишиться ему того великаго блага, какое имѣетъ получить отъ него, и не быть осуждену въ вѣчный огонь адскій, какъ неуспѣшному и неискусному дѣлателью заповѣдей Божіихъ. Ибо если онъ слова духовнаго отца

своего будетъ принимать такъ, какъ бы они исходили изъ устъ самого Бога, съ увѣренностію, что отъ нихъ жизнь, если исполнить ихъ, и смерть, если преступить; то будетъ соблюдать ихъ съ точностію и вниманіемъ великимъ. Если такое положитъ онъ начало дѣлу своему и несомнѣнную будетъ содержать вѣру въ данныя намъ Богомъ обѣтованія; то станетъ преуспѣвать по Богу день отъ дня, и по чину шествуя путемъ заповѣдей, возрастать въ духовномъ жителствѣ, и по благодати Господа нашего Иисуса Христа содѣлается наконецъ мужемъ совершеннымъ.

Послушай же со вниманіемъ, какія обѣтованія даровалъ намъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ.—*Радость бываетъ на небеси*, говоритъ Онъ, *о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15, 10), и опять: *грядущаго ко мнѣ*, — симъ. разумѣется, путемъ покаянія, *не иждену вонъ* (Іоан. 6, 37); еще: *еще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ* (Іоан. 7, 37); и въ другомъ мѣстѣ — говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѣ. 11, 28); также: *любый зановѣди Моя и соблюдай ихъ, той есть любый Мя: а любый Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ*. — и къ нему, — Я и Отецъ чрезъ Духа, — *пріидемъ и обителъ у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21—23); и опять еще: *еще вы зли суще, умъете даянія благи даяти чадомъ вашимъ: кольми паче Отецъ, иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. 11, 13). На сіи-то обѣтованія Христовы надлежитъ надѣяться. какъ мы сказали, съ вѣрою несомнѣнною, и творить всѣ заповѣди Христовы съ великимъ и теплымъ усердіемъ. Первая заповѣдь Евангелія есть слѣдующая: *покайтесь, приблизися бо царствіе небесное* (Матѣ. 4, 17). Еще: *просите, и дастся вамъ: ищите, и обрящете: толкуйте, и отверзетъ вамъ. Всякъ бо просяй пріимлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзетъ* (Мѣ. 7, 7).

8). Желая же показать вамъ, какъ и какими дѣлами надлежитъ вамъ искать, да обрящемъ, Христосъ сказалъ вамъ: *иже хочетъ въ вѣсъ первый быти, буди оцѣмъ рабъ, оцѣмъ слуга и всѣхъ менѣйшій. Иже бо вознесется, смирится: и смиряйся вознесется* (Мѡ. 23, 12; Мр. 9, 35).

Итакъ, кто имѣетъ въ умѣ своемъ все сіе, сказанное нами, и все подобное сему. тѣтъ день и ночь занимается тѣмъ, обсуждаетъ, какъ что лучше сдѣлать, и дѣлаетъ то со всѣмъ усердіемъ и тщаніемъ, и такимъ образомъ мало-по-малу забываетъ міръ и яже въ мірѣ. -- деньги, имущества, родныхъ, -- и соотвѣтственно тому единится и сочетается съ духовнымъ, т.-е., чѣмъ болѣе отделяется отъ мірскаго, тѣмъ болѣе прилѣпляется къ духовному. Преуспѣвая же такимъ образомъ день ото дня, онъ замѣчаетъ, какъ мало-по-малу истощаются злые помыслы. прежде не дававшіе ему покоя. и отбѣгаютъ отъ него; потомъ познаетъ, какъ сердце его умягчается, сокращается. приходитъ въ смиреніе и раждаетъ смиренномудрые помыслы; а когда восчувствуетъ все сіе. тогда посредствомъ всего сего, и также чрезъ многія скорби и искушенія, приходитъ въ сокрушеніе и слезы; и чѣмъ болѣе смиряется. тѣмъ болѣе сокрушается. потому что смиреніе раждаетъ плачь. а плачь питаетъ мать свою, то-есть смиреніе, и возвращаетъ его. Когда же дѣланіе плача соединяется съ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, тогда оно омываетъ. -- о, чудо, -- и очищаетъ душу отъ всякой скверны и изгоняетъ изъ нея всякую страсть и всякую похоть плотскую и мірскую. Такимъ образомъ наконецъ человѣкъ дѣлается свободнымъ отъ всякаго мірскаго похотѣнія и отъ всѣхъ страстей какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ. Какъ человѣкъ, скинувъ одежды свои. дѣлается совершенно нагимъ: такъ и душа скидаетъ, будто одежду какую, перво-на-перво нечувствіе, которое божественный Павелъ называетъ покрываломъ: каковое

покрывало нечувствія не на сердцахъ только невѣрныхъ Евреевъ лежитъ. но и въ каждомъ человѣкѣ, со всѣмъ усердіемъ и всею силою не творящемъ заповѣдей Евангелія, находится это покрывало (т.-е. нечувствіе) и покрываетъ умъ его, такъ что онъ не можетъ подняться отъ земнаго и знать какъ должно, Сына и Слово Бога, т.-е. Христа. Далѣе какъ тотъ, кто обнажается тѣлесно, видитъ раны, если какія есть на тѣлѣ; такъ и этотъ видитъ тогда чисто страсти души своей, какъ-то: славолубіе, сребролюбіе, памятозлюбіе, братоненавидѣніе, зависть, завиствованіе, любопрительность, самоопіеніе и всѣ другія страсти — и на всѣ эти страсти душевныя налагаетъ заповѣди Христовы, какъ врачебныя вещества, а какъ прижиганіи выжигающія, налагаетъ искушенія и скорби. И такимъ образомъ смиряется, плачетъ, ищетъ помощи Божіей съ великимъ рвеніемъ; и тогда явно видитъ, какъ благодать Всесвятаго Духа приходитъ въ него, и искореняетъ и уничтожаетъ страсти одну за другою, пока не освободитъ души отъ всѣхъ ихъ; ибо благодать Святаго Духа не отъ одной или отъ двухъ страстей освобождаетъ душу, но совершенно отъ всѣхъ, чисто-на-чисто. Въместѣ со страстями, о коихъ мы сказали, она отгоняетъ и всякую лѣность, нерадѣніе и безпечность, всякое невѣдѣніе, забвеніе и чревоугодіе, всякое славолубіе и похотѣніе злое. И такимъ образомъ обновляетъ человѣка, и по душѣ и по тѣлу; такъ что таковой думаетъ, что не носитъ уже смертнаго и дебелаго тѣла, но нѣкое духовное и невещественное, способное восхищеннымъ быть на небо, подобно святому Павлу. И не это только совершаетъ въ немъ благодать Всесвятаго Духа, но не позволяетъ уже ему внимать чему-либо чувственному и мірскому, и дѣлаетъ то, что онъ видитъ все это, какъ бы не видѣлъ; ибо тогда умъ соединится съ мысленнымъ и божественнымъ, исходить

совершенно внѣ всего чувственнаго, при всемъ томъ, что будто смотреть на то.

Когда наконецъ приходитъ таковой въ это доброе состояние, о коемъ божественный Павелъ говоритъ: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Фил. 3, 20; — *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. 4, 18); тогда осіявается и просвѣщается, каждодневно возрастаетъ духовнымъ возрастаніемъ, отметаеъ все, свойственное младенческому несмысленному мудрованію, и преуспѣваетъ въ совершенствованіи себя, *дондеже достигнетъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). По мѣрѣ же возрастанія своего, т.-е. по мѣрѣ своего преуспѣянія въ добродѣтеляхъ, измѣняются и душевныя силы его и дѣйствія, — и онъ дѣлается мужественнѣйшимъ и сильнѣйшимъ въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ; и чѣмъ больше преуспѣваетъ въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, тѣмъ болѣе очищается, осіявается и просвѣщается, и сподобляется видѣть откровенія великихъ таинъ, коихъ глубины не видѣлъ никогда и совершенно не можетъ видѣть никто изъ тѣхъ, кои не восподвизались придти въ такую чистоту. Подъ таинствами разумѣю я то, что всѣ видятъ, но не постигаютъ. Но тотъ, кто просвѣщается Духомъ Святымъ, обновляющимъ всяческая, стяжаваетъ новыя очи и новыя уши, и не смотритъ уже просто, какъ человѣкъ, на чувственное чувственно, но, какъ ставшій выше человѣка, смотритъ на чувственное и тѣлесное духовно, какъ на образъ вещей невидимыхъ; и слушаетъ онъ не гласъ или гласы человѣковъ, но единое живое слово Бога, хотя оно изречается посредствомъ слова человѣческаго. Такая душа пріемлетъ чрезъ слухъ только живое слово Бога, какъ знаемое ей и желанное, и ему только позволяетъ войти внутрь себя, и когда оно войдетъ въ нее, лобызаетъ его съ радостію, какъ сказалъ Христосъ: *овцы мои гласа*

моего слушаютъ (Ин. 10, 27), чуждаго же гласа не знаютъ (—ст. 5). Прочія же всё человѣческія слова она хотя слышитъ, но не принимаетъ ихъ, и не позволяетъ имъ входить внутрь себя, но отвращается отъ нихъ и отгоняетъ ихъ заблаговременно, а иной разъ и совсѣмъ не чувствуетъ присутствія ихъ и ихъ толканія въ уши, но бываетъ для нихъ какъ глухая, ничего не слышащая, — не слышитъ ихъ и не принимаетъ, при всемъ томъ, что слышитъ.

Когда содѣлается онъ таковымъ, тогда вселяется въ него Богъ, и бываетъ для него все, чего ни желаетъ онъ, и даже паче того, что желаетъ. Ибо Богъ есть всякое благо, и въ какую душу вселяется, ту исполняетъ всякимъ благомъ, сколько возможно вмѣстить человѣческому естеству, — такимъ благомъ, коего око не видало, о коемъ ухо не слыхало, и которое на сердце человѣку не восходило, — человѣку тому, который не сдѣлался такимъ, какого изобразили мы выше. Когда Богъ вселится въ такого человѣка, то научаетъ его всему — и относительно настоящаго и относительно будущаго, не словомъ, а дѣломъ и опытомъ, практически. Онъ снимаетъ покрывало съ очей души его и показываетъ ему, чего хочетъ Самъ, и что полезно для него; о прочемъ же внушаетъ ему не изслѣдовать, не совопросничать и не любопытствовать. И того, что показываетъ ему Богъ, не можетъ онъ видѣть безъ глубокаго благоговѣнія и страха, но приникая и воззрѣвая въ глубину богатства премудрости и разума Божія, трепещетъ и ужасается, помышляя о себѣ, кто есть и какія тайны сподобился видѣть. Видя безмѣрное человѣколюбіе Божіе, приходитъ онъ въ изступленіе, сознавая и чувствуя, сколь недостойны смотрѣть на такія предивныя таинства; почему не дерзаетъ пытливо разсматривать ихъ, или изслѣдывать, что они суть; но лишь взываетъ съ великимъ страхомъ

и трепетомъ говоря: кто есмь азъ, Господи, и что — домъ отца моего, что Ты довѣриль мнѣ и благоволиль показать такія таинства мнѣ недостойному, и содѣлалъ паче чаянія, чтобъ я не только видѣлъ такія великія блага Твои, но и предивно, сталъ причастникомъ ихъ?

Такой человѣкъ, какъ ставшій выше всякой твари, не имѣетъ уже желанія возвратиться вспять и разсматривать твари. Стяжавъ и въ себѣ имѣя Владыку Ангеловъ, не любитъ уже онъ изслѣдовать сущности и естество Ангеловъ, служителей Божіихъ, зная притомъ, что Богу не угодно, чтобъ онъ любопытствовалъ о томъ, что превышаетъ силы человѣка: ибо если намъ повелѣно не пытаться разумомъ догматовъ Писанія, то тѣмъ паче со всѣмъ не подобаесть намъ любопытствовать о томъ, что выше написаннаго.

Такой человѣкъ зрить Бога, сколько это возможно для человѣческаго естества и сколько благоугодно Богу, подвизается зрѣть Его непрестанно здѣсь и молится, да сподобленъ будетъ выну зрѣть Его и по смерти своей; радъ онъ зрѣть только Его одного и не чувствуетъ потребности смотрѣть на что-либо другое. Почему и желанія не имѣетъ отрываться вниманіемъ отъ Владыки своего Бога, отъ коего преисполняется свѣтомъ и пріемлетъ жизнь вѣчную, и смотрѣть на подобныхъ себѣ рабовъ Его.

Таковой человѣкъ, поелику зримъ бываетъ, осіявается и просвѣщается Богомъ и самъ зритъ великую и всякій умъ превосходящую славу Божію, то и не желаетъ болѣе, чтобъ его видѣли другіе и догадывались, что такое онъ есть и въ какой находится славѣ. Души святія бываютъ свободны отъ тщеславія. Будучи украшены пресвѣтлою и царскою ризою Всесвятаго Духа и преисполнены преимущественно славою Божіею, онѣ не только не заботятся о славѣ человѣческой, но и когда окружаютъ

ею ихъ люди, никакого совершенно не обращаютъ на нее вниманія. Ибо душа, зрящая Богомъ и сама зрящая Бога, никакъ не пожелаетъ обратиться посмотрѣть на другаго какого человѣка, не пожелаетъ и того, чтобъ видѣть ее кто-либо другой.

Посему умоляю васъ, братія мои, будемъ не словами только одними изучать несказанныя блага Божіи,—что впрочемъ и невозможно, и для тѣхъ, которые учатъ и для тѣхъ, которые слушаютъ. Ибо ни тѣ, которые учатъ, не испытавъ дѣломъ, о мысленныхъ и божественныхъ вещахъ, не могутъ дать явныхъ доказательствъ и поясненій примѣрами и представить истину въ практическихъ примѣненіяхъ; ни тѣ, которые слушаютъ, не могутъ отъ однихъ только словъ понять, что имъ говорятъ. Но надлежитъ со многими болѣзнями и трудами подвизаться придти въ состояніе созерцанія тѣхъ невидимыхъ вещей и научиться понимать ихъ изъ дѣяній и опытовъ. Тогда, изъ такихъ опытовъ научимся мы и просвѣщены будемъ и относительно словесъ о сихъ благахъ; да прославится Богъ въ насъ ради такого божественнаго состоянія,—и мы посредствомъ знанія такихъ вещей да прославимъ Бога, и Богъ да прославитъ насъ, во Христѣ Богѣ нашемъ, Коему слава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ.

1) О покаяніи,—и что для очищенія души недостаточно одного раскаянія и мучительствъ, если не слѣдуетъ и плача.

2) Объ изгнаніи Адама изъ рая,—и что если бѣ онъ покался, по преступленіи заповѣди Божіей, то не былъ бы изгнанъ изъ рая.

3) Какое благо принесло ему покаяніе, и какое принесъ онъ по изгнаніи?

4) Что надлежитъ каяться тому, кто хочетъ истинно покаяться.

5) О второмъ пришествіи Господнемъ.

6) Обличіе тѣхъ, которые живутъ не худо, но не съ добрымъ расположеніемъ, а притворно.

1. Доброе дѣло—покаяніе и велика польза, бывающая отъ него. Вѣдалъ сіе Господь нашъ Іисусъ Христосъ Богъ, всяческая провидящій, и сказалъ: *покайтесь, приблизится царствіе небесное*. Желаете ли и вы научиться и познать, что безъ покаянія намъ невозможно спастись? Покаяніе же я разумю такое, которое бываетъ отъ всей души и отъ всего сердца. Послушайте Апостола, который говоритъ: *всякъ грѣхъ, егоже аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть, а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18). И опять въ другомъ мѣстѣ: *всѣмъ явится намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметь кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Но на это иной можетъ сказать: благодарю Бога, я не осквернилъ тѣла моего никакимъ срамнымъ дѣломъ (чего я, всякій грѣхъ содѣлавшій, сказать не могу),—и говоря такъ, имѣть нѣкое отъ сего утѣшеніе, что де чистъ отъ плотскаго грѣха. Но Владыка нашъ Христосъ въ притчѣ о пяти дѣвахъ юродивыхъ даетъ рѣшительное удостовѣреніе, что отъ одной чистоты тѣлесной никакой не получимъ мы пользы, если не будемъ имѣть и прочихъ добродѣтелей. Тѣ пять дѣвъ имѣли и немного елѣя въ сосудахъ своихъ, т.-е. нѣкоторыя внѣшнія добродѣтели, причастны были и нѣкоторыхъ дарованій. отъ чего и лампы ихъ горѣли нѣкоторое время; но за нерадѣніе свое, невѣжество (въ дѣлахъ духовныхъ) и лѣность были осуждены на вѣчное мученіе. Онѣ не позаботились очиститься отъ скрывавшихся въ душѣ ихъ страстей, которыя приводимы были въ движеніе бѣсами, и даже не познали ихъ какъ слѣдуетъ. Отъ того подъ бѣсовскими воздѣйствіями были растлѣваемы сердца ихъ чрезъ сосложеніе съ помыслами, съ которыми скрытно имѣли смѣшеніе. бывая плѣняемы ими и побѣждаемы.

Но какія это бѣсовскія дѣйствія? Страсти,—зависти, ревности, ссоры, спорливости, осужденія и клеветы, ненависти, гнѣва, огорченія, злопамятства, тщеславія, чело-вѣкоугодія, самоугодія, сребролюбія, плотской похоти, коею услаждались и посредствомъ сласти творили блудъ въ помыслахъ; къ сему еще—страсти невѣрія, безстрашія (предъ Богомъ) боязливости (не звать предъ чѣмъ), унынія, печали, противорѣчія, лѣности, сонливости, само-мнѣнія, высокоумдія, гордости, обьяденія, любоиманія, безнадежія, и все прочія тонкія и скрытныя страсти грѣховныя, приводимыя въ движеніе демонами.

Блаженный Апостолъ Павелъ вызываетъ подобно Христу и говоритъ: *миръ имѣйте* (дѣюхаете, гоните) *и святынню со всеми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. 12, 14). По какой причинѣ сказалъ онъ: *гоните*. т.-е. всегда ищите мира и святынни, непрестанно ищите? По той, что невозможно въ одинъ часъ содѣлаться намъ и стать святыми. Надобно начинать съ меньшаго и постепенно преуспѣвая восходить къ болѣе и болѣе совершенной святыннѣ и чистотѣ. И хотя бы мы прожили въ этой жизни тысячи лѣтъ, никакъ не возможемъ достигнуть полнаго совершенства святынни, но долгъ имѣемъ подвизаться ради ея непрестанно такъ, какъ бы теперь только положили начало. Это самое показываетъ св. Павелъ, когда о себѣ говоритъ: *гону, аще и постигну, о немже и постиженъ быхъ отъ Христа Иисуса* (Фил. 3, 12).

Посему умоляю васъ, братія мои, внимайте тому, что мною говорится вамъ, и послушайте словъ грѣшнаго брата вашего. Приидите, поклонимся и припадемъ къ благому и челоуѣколюбивому Богу нашему, предваримъ лице Его во исповѣданіи и восплачемся предъ Нимъ сотворшимъ насъ; ибо Онъ Господь нашъ, мы же люди Его и овцы пажити Его, и не отвратитъ Онъ лица своего отъ насъ. Только покаемся отъ всей души и отринемъ не злыя

только дѣла, го и самые лукавые и нечистые помыслы сердца нашего, уничтожимъ ихъ совершенно. Ибо Божественное Писаніе говоритъ: *расторгните сердца ваши, а не ризы ваши* (Іоиль 2, 13). Что пользы, скажи мнѣ, если мы будемъ раздавать бѣднымъ имущество свое, а отъ зла не отстанемъ и грѣха не возненавидимъ? Что также пользы, если мы дѣломъ не будемъ совершать какого-либо плотскаго грѣха, а въ сердцѣ будемъ питать срамные и нечистые помыслы, совершая такимъ образомъ грѣхъ тайно въ душѣ своей и обладаемы будучи нечистыми страстями душевными? Отринемъ же, молю васъ, вмѣстѣ съ серебромъ и златомъ и обычное намъ рабство страстямъ; не будемъ стоять въ нерадѣніи, какъ доселѣ, но воспримемъ подвигъ отмытъ скверну страстей слезами покаянія.

Какъ если царь какой, сидя на тронѣ своемъ, съ короною на главѣ и въ царскихъ одеждахъ, по своей волѣ возьметъ что-либо нечистое и своими руками вымажетъ тѣмъ свое лице и замажетъ чувства свои, до невозможности видѣть, слышать и обонять, а потомъ раскаявшись, что такъ сдѣлалъ, положить очиститься отъ этой скверноты, но не войдетъ тотчасъ въ жилище свое, чтобъ омыться водою и, отмывъ ту нечистоту, опять чистымъ, каковъ былъ прежде, возсѣсть на престолъ свой, а вмѣсто того, чтобъ отмытъ эту нечистоту, станетъ раздавать бѣднымъ сокровища свои и богатство свое; то хотя бы онъ раздалъ все движимое и недвижимое имущество свое, не получить отъ этого никакой пользы, если не отмоетъ водою нечистоты своей, и всѣ смотрящіе на него, когда онъ, имѣя на лицѣ своемъ такую нечистоту, обращается съ синклитомъ своимъ и съ князьями своими, будутъ имѣть его въ посмѣшище: такъ невозможно получить какую-либо пользу и тому, кто также раздастъ все богатство свое и сдѣлается совѣмъ нишимъ, если не оставитъ грѣха, не отвратится

отъ зла и не очистить души своей покаяніемъ и слезами. Пусть какой-либо человѣкъ, нагрѣшившій и чувства души своей закрывшій нечистотою грѣховныхъ сластей, раздастъ бѣднымъ все богатство свое и оставитъ славу чиновъ своихъ, великолѣпные дома, рабовъ, родныхъ, друзей и знаемыхъ, и обѣднѣвъ такимъ образомъ, нищимъ и ничего не имущимъ придетъ и сдѣлается монахомъ: но при всемъ томъ, ему, пока живъ, потребны и слезы покаянія, которыя совершенно необходимы, чтобъ омыть и очистить ими скверну грѣховъ, особенно если онъ, какъ и я, нечистъ не кое-какими, а большими и многими грѣхами.

Итакъ, если хотимъ очистить души свои отъ скверны грѣховныхъ, то для этого недостаточно только раздать бѣднымъ имущества свои, но потребно еще плакать и проливать слезы отъ всего сердца. Я такъ думаю о себѣ, что если не очищу скверны грѣховъ моихъ слезами моими, по отыду изъ настоящей жизни оскверненнымъ, то праведно буду предавъ поруганію и Богомъ и Ангелами, и ввергнуть въ неугасимый огонь вѣстѣ съ демонами. Да, братія мои, такъ есть воистину. Ничего не внесли мы въ вастоящую жизнь, чтобъ, когда согрѣшимъ, дать то Богу для искупленія грѣховъ нашихъ, какъ и Евангеліе говорить: *что дастъ человекъ измѣну за душу свою?* (Мѡ. 16, 26). Се судъ правый! Се праведное и истинное смиреніе, какъ говорить и Духъ Святый устами Давида: *не прииму отъ дому твоего тельцовъ, ниже отъ стада твоихъ козловъ. Яко мои суть вси звѣріе дубравни и проч.* (Псал. 49, 9. 10). И еще: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо: всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничтожитъ* (Пс. 50, 18. 19). Опять и Христосъ говорить: *не мните, яко придохъ разорити законъ или пророки: не придохъ разорити, но исполнити*

(Мѡ. 5, 17). Ибо ветхій законъ не могъ врачевать души отъ невидимой болѣзни страстей грѣховныхъ земными врачевствами, то-есть тѣлесными оправданіями, дарами, жертвами, всесожденіями и прочимъ. Почему и Предтеча Іоаннъ говоритъ: *се Агнецъ Божій, взямаый грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Также и Апостоль Павелъ: *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 8, 2).

Желаєте ли знать, какъ Христосъ исполнилъ законъ и пророковъ, какъ говоритъ самъ Онъ? Послушайте. Законъ говоритъ: не убій, а Христосъ: не гнѣвайся; законъ: не прелюбодѣйствуй, а Христосъ: не похотѣйствуй; законъ: не клянись ложно, а Христосъ: совѣмъ не клянись. Разсуди теперь: кто не гнѣвается, тому какъ возможно убить? Кто не допускаетъ похотѣствованія, тому какъ возможно соблудить? Тому, кто совѣмъ не клянется, какъ можно поклясться ложно? Итакъ, Христосъ Господь закономъ Духа, т.-е. Евангеліемъ, отсѣкаетъ отъ души корни грѣховъ; и это есть исполненіе закона, — то, чтобъ кто не за какое-нибудь дѣло оправдывалъ себя или считать себя праведнымъ, но чтобъ во всемъ и предъ всѣми былъ какъ мертвый, чтобъ ужь совершенно ничѣмъ не смущаться и не тревожиться, и не вздорить съ тѣми, которые опечаливаютъ его чѣмъ-либо прискорбнымъ, но жить вполнѣ по заповѣдямъ Христа Господа и исполнять ревностно Его повелѣнія. Всѣ заповѣди Христовы даны намъ въ противность грѣхамъ; въ этихъ заповѣдяхъ надлежитъ жить и ихъ ревностно исполнять всякому, кто желаетъ сподобиться царствія небеснаго; для всего же прочаго надо быть бездѣйственну и мертву. Христосъ Господь говоритъ: *аще пребудете во Мнѣ, и глаголы мои въ васъ пребудутъ, егоже аще хотите, просите и дастся вамъ* (Іоан. 15, 7). Послѣдуемъ же слову Христову съ усердіемъ и ревностію, пока достигнемъ того мѣста, гдѣ пребываетъ Христосъ. Христосъ

гдѣ самъ пребываетъ, туда влечетъ и послѣдующихъ Ему и помѣщаетъ ихъ во святомъ святыхъ, какъ великій архіерей,—тамъ, куда, какъ человѣкъ подобный намъ, Онъ вошелъ первымъ, какъ самъ говоритъ: *никтоже придетъ къ Отцу токмо Мною. Азъ есмь путь, истина и жизнь* (Іоан. 14. 6). И еще: *Отче, иже далъ еси Мнѣ, хошу, да иже есмь Азъ, и тѣ будутъ со Мною: да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ* (Іоан. 17, 24). Распнемся же и мы со Христомъ, т.-е. будемъ претерпѣвать всякое искушеніе, какое ни найдетъ на насъ, и умертвимся по любви къ Нему для всѣхъ удовольствій мірскихъ, чтобы жить съ Нимъ. Будемъ выѣсть съ Нимъ шествовать путемъ ведущимъ на небо, храня чистыми сердца свои; ибо когда будемъ шествовать путемъ заповѣдей Его и послѣдовать Ему, не обращаясь вспять, тогда никакого вреда не возможетъ причинить намъ врагъ нашъ діаволь, особенно если будемъ шествовать съ мудрымъ руководителемъ и добрыми спутниками. Убоимся примѣра безплодной смоковницы, проклятой Христомъ за безплодіе, и принесемъ Христу достойные плоды чрезъ покаяніе. Не дадимъ себѣ воздремать нерадѣніемъ души своей и не попустимъ влаяться туда и сюда въ прелесть міра, въ то время, когда надлежитъ трудиться въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, чтобы не погасить свѣтильника возженнаго и свѣтящаго подѣ дѣйствіемъ плодовъ покаянія и не уподобиться пяти юродивымъ дѣвамъ.— Но дѣлами добрыми и богоугодными будемъ приумножать талантъ благодати Христовой.

Ибо для всѣхъ вообще, не для монаховъ только, но и для мірянъ, возможно всегда каяться и плакать, молиться Богу и преуспѣвать во всѣхъ добродѣтеляхъ. А что то, что я говорю, истинно, подтверждаетъ слово мое и св. Іоаннъ Златоустъ, великій столпъ и учитель церкви, въ бесѣдѣ, въ коей истолковываетъ пятидесятый псаломъ,

гдѣ говорить, что и для того, кто имѣетъ жену и дѣтей, рабовъ и множество слугъ, большое богатство и почести, и кто великъ и славенъ по мірскимъ дѣламъ, возможно не только каждодневно плакать, молиться и каяться, но достигнуть и совершенства добродѣтели и пріять Святаго Духа, содѣлаться другомъ Богу и сподобиться созерцанія Его. Таковы были жившіе прежде Христа: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Лотъ, Моисей, Давидъ, — оставляю прочихъ, потому что ихъ было премного, а въ новой благодати во время воплощеннаго домостроительства Христа, Бога нашего, Апостолъ Петръ, рыбарь неученый, проповѣдавшій Христа по всей вселенной. Впрочемъ всѣхъ ихъ кто исчислить, когда они — паче песка морскаго? Много было царей, князей и лицъ властныхъ (не говоря уже о бѣдныхъ), которые съ большимъ иждивеніемъ строили города, дворцы, храмы Божиі, богадѣлни, страннопріимницы, сохраняющіеся доселѣ. Имѣя же все сіе при жизни, они пользовались тѣмъ благочестно и богоугодно, не какъ господа и властители, а какъ слуги Божиі, распоряжаясь тѣмъ, что далъ имъ Богъ, такъ, какъ было угодно Богу. Они пользовались міромъ, какъ говоритъ св. Павелъ, но не злоупотребляли. Почему, и живя въ мірѣ, они были славны и знамениты, и въ другой жизни въ царствіи небесномъ въ нескончаемые вѣки будутъ славнѣйшими и свѣтлѣйшими. Такъ и мы, еслибы не были нерадивыми и безпечными презрителями заповѣдей Божиихъ, но усердными, ревностными, и внимательными исполнителями ихъ, то не имѣли бы нужды оставлять имущества свои, удаляться отъ міра и дѣлаться монахами. Но чтобъ тебѣ лучше убѣдиться въ этомъ, послушай, что будетъ говорить далѣе.

2. Богъ въ началѣ создалъ человѣка царемъ всего земнаго, и не только земнаго, но и того, что находится

подъ кровомъ небеснымъ: ибо и солнце, и луна, и звѣзды созданы для человѣка. И такъ, будучи царемъ всего этого видимаго, человѣкъ терпѣлъ ли отъ этого какой-либо вредъ для добродѣтели? Нѣтъ, не терпѣлъ. Напротивъ, если бы онъ всегда благодарилъ за сіе Бога, создавшаго его, и все это Ему посвящать, то паче преуспѣвалъ бы въ добродѣтели. И если бъ онъ не преступилъ заповѣди Божіей, то конечно не потерялъ бы царства своего, какое имѣлъ, и не низпалъ бы отъ славы Божіей. Но какъ преступилъ заповѣдь Божию, то праведно изгнанъ изъ рая, и сталъ жить въ трудахъ и хлопотахъ, и умеръ въ изгнаніи.

И послушай, — скажу тебѣ нѣчто такое, чего никто еще не высказалъ съ полною ясностію. Говорить Божественное Писаніе: *сказалъ Богъ Адаму: Адаме гдѣ еси?* (Быт. 3, 9). Для чего говоритъ это Творецъ всяческихъ? Конечно для того, чтобъ расположить Адама придти въ чувство, сознать грѣхъ свой и покаяться. Для того и говорить: Адаме, гдѣ еси? Какъ бы говорилъ: Адаме войди въ самого себя, познай наготу свою и уразумѣй, какое одѣяніе и какую славу потерялъ ты; Адаме, гдѣ еси? Нѣкоторымъ образомъ Онъ какъ бы возбуждаетъ его и говоритъ: о Адамъ, приди въ себя, и исповѣдай со смиреніемъ грѣхъ свой. Выдь оттуда, гдѣ ты скрываешься. Отъ Меня ли думаешь укрыться? Скажи: согрѣшилъ. — Но онъ не говоритъ этого (или лучше сказать: я, бѣдный, не говорю этого, потому это собственная моя есть страсть); а что говоритъ? *Гласъ слышахъ Тебе ходяща въ рай, и убохся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (— — 10). Богъ же что сказалъ ему на это *Кто возвестилъ тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси?* (— 11). Видишь, возлюбленный, благоутробіе Божіе? Что когда Богъ сказалъ Адаму: гдѣ ты, и Адамъ не исповѣдалъ грѣха своего, а сказалъ: *гласъ слышахъ Тебе ходяща въ*

раи, и убохся, яко нагъ есмь и скрхся, — Онъ не разгнѣвался на него тотчасъ и не отвратился отъ него, но опять спрашиваетъ его, говоря: кто возвести тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единого не лсти, отъ него ялъ еси? — Понялъ ли ты глубину премудрости Божіей, — что когда Адамъ сказалъ: *нагъ есмь*, Богъ говоритъ ему: что говоришь ты, что нагъ, а грѣхъ свой скрываешь? Не думай, что Я вижу только тѣло твое, а сердца твоего и помысленій твоихъ не вижу. Ибо Адамъ обманулся и дѣйствительно подумалъ, что Богъ не зналъ о грѣхѣ его, въ которыхъ образомъ такъ говоря въ себѣ: скажу, что я нагъ; Богъ, не зная причины этого, спроситъ: отъ чего же ты нагъ сталъ? а я отвѣчу ему: не знаю. Такъ я обману Его и опять получу прежнее покровеніе. Если же и не получу сего, по крайней мѣрѣ Онъ не изгонитъ меня теперь же изъ рая и не вышлетъ въ другое мѣсто. Вотъ что подумалъ Адамъ, какъ и нынѣ дѣлають то многіе, и первый я самъ, скрывая грѣхи свои. — Но Богъ, не желая, чтобъ грѣхъ Адама отяжелѣвъ былъ этою не-сознательностію, говоритъ ему: откуда узналъ ты, что нагъ, еслибъ не вкусилъ отъ древа, отъ котораго запрещено было тебѣ вкушать? Онъ какъ бы такъ говорилъ ему: и ты думаешь укрыться отъ Меня? Не знаю будто Я, что ты сдѣлалъ? Чего же не говоришь: согрѣшилъ? Скажи несчастный: ей, Владыко! истинно согрѣшилъ я, преступивъ заповѣдь Твою, послушалъ совѣта жены своей и большой сдѣлалъ грѣхъ, поступивъ по слову ея и преступивъ Твое собственное. Помилуй мя, Боже, и прости. Но онъ не говоритъ этого, не смиряется, не сокрушается; сердце его ожесточено, каково и у меня, бѣднаго. Еслибъ онъ сказалъ это, то опять остался бы въ раю и не подвергся бы тѣмъ лишеніямъ, какія испыталъ

потомъ. Однимъ этимъ словомъ: согрѣшилъ, онъ искупилъ бы все множество лѣтъ, какіе пробылъ въ адѣ.

Вотъ что я обѣщаю тебѣ сказать! Но послушай еще и далѣе, и поймешь сколь истинно слово мое.—Богъ сказалъ Адаму: *въ онъже еще день съѣсте отъ него*,—отъ древа запрещеннаго,—*смертію умрете* (Быт. 2, 17),—смертію, т.-е. душевною;—что и совершилось тотчасъ,—человѣкъ сошелъ одежды безсмертія; и ни Богъ не сказалъ ничего болѣе (того опредѣленія), ни совершилось ничего послѣ того особеннаго. Богъ, провидя, что Адамъ имѣлъ согрѣшить, и желая простить его, если покается, не сказалъ ничего болѣе сказаннаго. Но Адамъ отрезался отъ грѣха своего и не покался, даже и будучи обличаемъ Богомъ; ибо сказалъ: *жена, юже далъ еси со мною*, та прельстила меня (Быт. 3, 12). Увы ослѣпленной душѣ его! Сказавъ такъ, онъ сказалъ какъ бы Богу. Ты самъ виноватъ, потому что меня прельстила жена, которую Ты далъ мнѣ. Что самое стражду нынѣ и я, бѣдный и несчастный, когда не желаю смириться и сказать отъ всей души, что самъ я виновенъ въ своей гибели; но говорю, что вонъ тотъ-то побудилъ меня сдѣлать или сказать то и то, онъ мнѣ посовѣтовалъ и сбиль съ пути. Увы бѣдной душѣ моей, говорящей такія слова, полныя грѣха! О, безстыднѣйшія и неразумнѣйшія слова души безстыдной и неразумной!—Итакъ послѣ того, какъ Адамъ сказалъ это, говорить ему и Богъ: *въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ, дондеже возвратиши въ землю, отъ неяже взятъ еси: яко земля еси и въ землю пойдеши* (Быт. 3, 19). Онъ какъ бы такъ сказалъ ему: Я говорилъ тебѣ покаяться, чтобъ остаться въ прежнемъ твоёмъ состояніи; но какъ ты жестокъ сердцемъ и нераскаянъ, то удались отъ Меня. Этого отдаленія тебя отъ Меня будетъ достаточно для твоего наказанія: ты земля, и въ землю пойдешь. Уразумѣлъ ли ты теперь,

что Адамъ за то, что не покался и не сказалъ: согрѣшила я, изгнанъ изъ рая, осужденъ проводить жизнь въ трудахъ и потахъ и отойти въ землю, изъ которой взять?— Потомъ, оставя его, Богъ подходитъ къ Евѣ, желалъ обнаружить, что и она праведно осуждается вмѣстѣ съ Адамомъ на изгнаніе, такъ какъ не хотѣла покаяться, и говоритъ ей: что это ты сдѣлала? чтобы хотѣла она сказала: согрѣшила я. Ибо по какой другой причинѣ сказалъ бы ей Богъ такія слова, кромѣ развѣ для того, чтобы побудить ее сказать: о Владыко, по неразумію моему сдѣлала я это, бѣдная и несчастная, и преслужала Тебя Господа моего, помилуй меня и прости мнѣ! Но она не сказала этого, а что? *Змій прельсти мя*. О, нечувствіе окамененное! И ты, Ева,—послѣ того, какъ согласилась бесѣдовать со змѣемъ, говорившимъ тебѣ слова, противныя Владыкѣ твоему и Богу, предпочла его Богу Творцу твоему, нашла лучшимъ заповѣди Господа твоего совѣтъ его и почла его болѣе истиннымъ, чѣмъ заповѣдь Божія,—не сознаешься, что сдѣлала худо и не каешься?!—Такъ, поелику и она не захотѣла сказать: согрѣшила я, то и она изгнана изъ рая сладости и отдалена отъ Бога.—Вникни же въ глубину тайнъ человеколюбиваго Бога и познай изъ сего, что если бѣ они покались, то не были бы изгнаны изъ рая и осуждены возвратиться въ землю, изъ коей взяты. Какъ же это? Послушай.

3. Поелику, будучи изгнаны изъ рая, они тотчасъ начали алкать и жадать, зябнуть и дрожать, вести труды и поты, и претерпѣвать всѣ тѣ тяготы и прискорбности, которыя претерпѣваемъ и мы нынѣ: то скоро возчувствовали, въ какое горькое низошли состояніе и какому великому подверглись бѣдствію. Тогда познали они и свое жестокосердіе и нераскаянность, и Божіе къ нимъ неизреченное снисхожденіе и благоутробіе. Почему, ходя

и сидя въ рай, они каялись и проливали слезы, били себя въ лицо и исторгали власы главы своей, оплакивая прѣжнее свое жестокосердіе. И это дѣлали они не одинъ, или два, или десять дней, но всю жизнь свою. Ибо какъ можно было не плакать, вспоминая онаго кроткаго и благоволительнаго Владыку, оную неизреченную сладость рая, тѣ неописанныя доброты и красоты цвѣтовъ райскихъ, ту безпечальную и безтрудную жизнь и соображеніе съ Ангелами? Какъ бываетъ въ мірской жизни, что слуги, приставленные какимъ либо именитымъ господиномъ служить ему, пока соблюдаютъ вниманіе, почтительность и послушаніе господину своему, имѣютъ предъ нимъ дерзновеніе, пользуются его благосклонностію и любовію и живутъ у него въ покоѣ и довольствѣ; а когда возгордятся и начнутъ отступать отъ воли господина своего и презирать сослуживцевъ своихъ, то не только теряютъ дерзновеніе свое предъ нимъ, но и его благосклонность и любовь, и по его приказанію изгоняются въ страну далекую, гдѣ подвергаются безчисленнымъ нуждамъ и скорбямъ, и чѣмъ болѣе страдаютъ и бѣдствуютъ, тѣмъ болѣе чувствуютъ горестъ своего положенія, вспоминая потерянное ими покойное и довольное житіе: такъ тоже самое пострадали и прародители наши, жившіе въ раю и наслаждавшіеся великими его благами. Они познали величіе сихъ благъ и цѣну имъ, когда потеряли ихъ, бывъ изгнаны изъ рая; тогда же познали они и всю великость понесеннаго ими зла. Почему непрестанно горевали и плакали, призывая благоутробіе Божіе.

Что же дѣлаетъ Богъ, скорый и готовый на милость и косный на наказаніе? Онъ провидѣлъ, что они наконецъ смирятся и раскаются, потому предопредѣлилъ и особый способъ къ отпѣненію своего на нихъ праведнаго приговора, но не тотчасъ привелъ въ исполненіе

сіе предопредѣленіе, а свои назначилъ для сего и время, и мѣсто, и образъ, чтобъ научить насъ любомудрствовать и не возставать противъ Творца своего и Бога. Какъ предопредѣлили, такъ потомъ и сдѣлалъ, и тѣмъ, которыхъ изгналъ изъ рая за продерзость предъ Нимъ и нераскаянное сердце, поелику смирились и оплакивали себя, устроилъ путь къ возвращенію потеряннаго. Именно: для сего самъ Единородный Сынъ и Слово безначальнаго Отца снизшелъ съ небесъ на землю и не только содѣлался человѣкомъ, подобнымъ имъ, но и благоволилъ понести смерть насильственную и позорную, потомъ низшелъ въ адъ, извелъ ихъ оттуда и возстановилъ. Итакъ Христосъ столько, какъ каждодневно слышишь, пострадавшій за нихъ, чтобъ возвратитъ ихъ изъ такого далекаго изгнанія, ужели бы не сжалился надъ ними, если бъ они покаялись тогда въ раю? Какъ можно, чтобы не сжалился надъ ними Тотъ, Кто по существу человеколюбивъ и благоутробенъ, и Кто создалъ ихъ для того, чтобъ они наслаждались благами рая и прославляли Благодѣтеля своего?

Но чтобъ тебѣ лучше познать сіе и повѣритъ слову моему, слушай и еще. Если бъ они покаялись тогда, когда находились еще въ раю, то получили бы опять только рай, и ничего болѣе. Но поелику, изгнаны бывъ изъ рая за нераскаянность, потомъ раскаялись, много плакали и бѣдствовали, то Владыка всяческихъ Богъ, за труды ихъ и поты, за бѣдствія, претерпѣнные ими и за доброе ихъ покаяніе, благоволилъ паче почитить ихъ и прославить, чтобъ заставить ихъ забыть все, понесенное ими, зло. И что же дѣлаетъ? Смѣтри, сколь велико человеколюбіе Его! Сошедши во адъ и изведши ихъ оттуда, Онъ не ввелъ ихъ опять въ тотъ же рай, изъ котораго они изгнаны, но возвелъ на небо небесе и когда возсѣлъ одесную Бога и Отца своего, спосадилъ

ихъ съ Собою. Помысли же, какою великою почтилъ Онъ честію Адама, который былъ рабъ Ему по естеству, и сподобился быть отцемъ Ему по благодатному домо-строительству? Видишь, на какую высоту вознесъ его Владыка нашъ Христосъ, за его покаяніе, смиреніе, плачь и слезы! О, сила покаянія и слезъ! О, море челоуѣколюбія неизъяснимаго и милосердія неизслѣдованнаго!

4. И не только Адама почтилъ Богъ и прославилъ, но и насъ сыновъ его, которые т.-е. возподражали его покаянію, слезамъ, плачу и всему, о чемъ сказали мы,—и даже доселѣ прославляетъ Онъ и чтить, какъ Адама, тѣхъ, которые каются, какъ слѣдуетъ, и дѣлаютъ то, что дѣлалъ Адамъ,—еще и тѣхъ, которые огньиѣ и напоследокъ будутъ такъ дѣлать и каяться, міряне ли они или монахи, будетъ Онъ прославлять, какъ его, какъ самъ сказалъ Онъ, истинный Богъ нашъ: „истинно говорю вамъ, не оставлю ихъ никогда, но какъ братій моихъ и друзей, отцевъ и матерей, сродниковъ и сонаслѣдниковъ моихъ, покажу ихъ, прославилъ и прославлю ихъ, и на небеси горѣ и на земли низу, и животу ихъ и радowanію и славѣ не будетъ конца.“

Скажи же мнѣ, братъ мой, какую пользу принесла прародителямъ нашимъ оная безтрудная и безпечальная жизнь, какую имѣли они въ раю, когда они вознерадѣли, презрѣли Бога невѣріемъ Ему и преступили заповѣдь Его? Ибо, если бѣ вѣрили Ему, то Ева не сочла бы змія вѣрнѣйшимъ Бога, Адамъ не повѣрилъ бы Евѣ паче Бога,—и они поостереглись бы вкусить отъ древа за-прещеннаго. Но вкусили и не покались, и за это изгнаны изъ рая.—Впрочемъ и отъ изгнанія опять они получили не вредъ, а великую пользу. Это въ силу домостроительства спасенія нашего. Ибо Владыка нашъ Христосъ снизшелъ съ небесъ, смертію своею разрѣ-

шилъ узы нашей смерти, и снялъ осужденіе, перешедшее на насъ отъ преступленія прародительскаго, силою святаго крещенія возродилъ насъ, возсоздалъ и избавилъ отъ сего осужденія и сдѣлалъ насъ въ мірѣ семь совершенно свободными, чтобы врагъ нашъ діаволъ уже не дѣйствовалъ въ насъ и на насъ насильственно и принудительно,—почтилъ насъ самовластіемъ, какое даровано было намъ въ началѣ, и далъ силу противъ врага, чтобы желающіе удобно побѣждали его, паче всѣхъ святыхъ, бывшихъ до воплощеннаго домостроительства Христова. Но и когда умираютъ такіе, не низходятъ во адъ, какъ древніе, а восходятъ на небеса и сподобляются получить тамъ упокоеніе и вѣчную радость,—теперь въ нѣкоей лишь мѣрѣ, а по общему воскресеніи вполнѣ и всецѣло.

Итакъ, пусть никто не выдумываетъ извиненій своимъ грѣхамъ и не говоритъ, что мы, въ силу преступленія Адамова, подлежимъ всецѣло дѣйствию (несопротивительному) діавола и принудительно влекомы бываемъ на грѣхъ. Которые думаютъ и говорятъ такъ, считаютъ вѣрно, что воплощенное домостроительство Владыки и Спасителя нашего Іисуса Христа было бесполезно и всеу,—каковое слово есть слово еретиковъ, а не православныхъ. Ибо по какой другой причинѣ низшелъ и воплотился Христосъ, и для чего другого пострадалъ Онъ, если не для того, чтобы разрѣшить осужденіе, происшедшее отъ грѣха, и освободить родъ нашъ отъ рабства діаволу и отъ дѣйствія въ насъ (властнаго) сего врага нашего? То и есть истинное самовластіе, чтобы никоимъ образомъ не быть властвуему отъ другого кого. Мы всѣ раждаемся грѣшниками отъ праотца нашего Адама согрѣшившаго, преступниками отъ преступника, рабами грѣха отъ раба грѣха, подклятвоными и мертвыми отъ подклятвоваго и мертваго, и изъ-за

Адама, пріявшаго дѣйствіе лукаваго діавола, его совѣтомъ подвигнутаго на грѣхъ, поработившагося ему и потерявшаго самовластіе, и мы, какъ чада его, подлежащѣмъ дѣйствию и властному господству діавола и бываемъ рабами ему. Для того Господь нашъ снизшелъ съ небесъ, воплотился и содѣлался человѣкомъ, подобнымъ намъ во всемъ кромѣ грѣха, чтобъ уничтожить грѣхъ,—зачать былъ и родился, чтобъ освятить зачатіе и рожденіе людей,—воспитываемъ былъ и возрасталъ мало-по-малу, чтобъ благословить всякій возрастъ,—началъ проповѣдывать, содѣлавшись уже совершеннымъ мужемъ, тридцатилѣтнимъ, чтобъ научить насъ — не забѣгать впередъ и не упреждать ни въ чемъ тѣхъ, кои больше насъ по уму и добродѣтели, то-есть, болѣе насъ разумны и добродѣтельны, особенно если мы еще молоды и несовершенны разсужденіемъ и добродѣтелію,—сохранилъ всѣ заповѣди Бога и Отца своего, чтобъ разрѣшить всякое преступленіе и насъ преступниковъ освободить отъ осужденія,—содѣлался рабомъ, пріимъ зракъ раба, чтобъ опять насъ, рабовъ діавола, возвестъ въ господское достоинство, и сдѣлать господами и властителями самаго діавола, прежняго тиранна нашего,—что и подтверждаютъ святые, изгоняющіе діавола, какъ слабаго и немошняго, и слугъ его, не только въ жизни, но и по смерти,—повѣшенъ былъ на крестѣ и сдѣлался клятвою, какъ говоритъ пророкъ: *проклятъ всякъ висѣй на древѣ* (Второз. 21, 23), чтобъ разрѣшить всю клятву Адамову,—умеръ, чтобъ умертвить смерть, и воскресъ, чтобъ уничтожить силу и дѣйство діавола, имѣвшаго власть надъ нами посредствомъ смерти и грѣха.

Такъ Господь нашъ, ввергну въ среду смертоноснаго яда грѣховнаго неизреченное и животворящее дѣйствѣ Божества своего и плоти своей, освободилъ родъ нашъ отъ дѣйства діаволова, и очищая насъ святымъ креще-

ніемъ и животворя причащеніемъ пречистыхъ тайнъ честнаго тѣла своего и крови, дѣлаетъ святыми и безгрѣшными,—но и опять оставляетъ имѣть намъ самовластіе, чтобъ не казалось, что мы служимъ Владыкѣ нашему Христу по принужденію, но по собственному нашему произволенію. Почему, какъ въ началѣ Адамъ въ раю былъ свободенъ и безгрѣшенъ, и по самовластной волѣ своей послушался врага, прельстился и преступилъ заповѣдь Божию, такъ напротивъ и мы, возраждаемые святымъ крещеніемъ, освобождаемые отъ рабства и дѣлаея свободными, если не послушаемся по своей волѣ врага нашего діавола, то этотъ лукавый никакимъ способомъ не можетъ поселить въ насъ какое-либо зло. Теперь, если прежде закона и пришествія Христова, безъ пособія тѣхъ средствъ, о коихъ мы сказали, многіе и очень многіе угодили Богу и явились непорочными, изъ которыхъ праведнаго Еноха Богъ почтилъ предложеніемъ, а Илію вознесъ на небо на огненной колесницѣ: то мы какое можемъ дать оправданіе, если послѣ явленія благодати, послѣ такого и толикаго благодѣянія, послѣ уничтоженія смерти и грѣха, не являемся святыми, если по возрожденіи святымъ крещеніемъ, какое мы получили, состоя подъ охраненіемъ святыхъ Ангеловъ, коими ограждены, и подъ дѣйствіемъ благодати Святаго Духа, коего сподобились, не оказываемся даже подобными тѣмъ, кои были прежде благодати, т.-е. прежде Христа, но пребываемъ въ нерадѣніи, презираемъ и преступаемъ заповѣди Божіи?—А что мы, если понерасудимъ о своемъ спасеніи, будемъ наказаны паче тѣхъ, кои грѣшили прежде Христа, это показалъ Апостоль Павелъ, говоря: *еще глаголанное Ангелы слово бысть извѣстно, и всякое преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ мздовоздадіе: како мы убѣжимъ о толикимъ нерадивомъ спасеніи* (Евр. 2, 2. 3).

5. Итакъ всякій изъ насъ, въ какое бы ни впалъ прегрѣшеніе, пусть не обвиняетъ Адама, но порицаетъ себя самого, и пусть показываетъ, подобно ему, истинное и достойное покаяніе, если желаетъ сподобиться царствія небеснаго. Если же не хотите всячески подвизаться, чтобъ соблюсть себя безгрѣшными и сохранить заповѣди Христовы, или, если, не сохранивъ ихъ и согрѣшивъ, не хотите каяться до конца жизни вашей и горько оплакивать грѣхи свои, но пребываете въ жестокосердой нераскаянности: то вотъ что говоритъ Господь къ тѣмъ, которые не хранятъ заповѣдей Его, или не каются тотчасъ, но отлагаютъ день отъ дня, которые не вѣрятъ и не слушаютъ словесъ Его, послѣ такихъ и толикихъ чудесъ, послѣ воплощеннаго домо-строительства и такого свѣта истины, распространеннаго по всему міру: „сотрясется подъ ними земля и расторгнется на многая, не терпя носить на хребтѣ своемъ неблагодарныхъ, жестоковѣрныхъ и непокорныхъ Мнѣ, и узрѣть они паденіе свое, приближающееся къ стопамъ ихъ, и вострепещутъ. Ибо когда земля потрясется, и небо подвижется и съ трескомъ какъ свитокъ свѣтается отъ страшныхъ ужасностей тѣхъ, тогда ужаснутся непреклонныя и безчувственныя сердца ихъ, какъ у зайца въ часъ закланія; померкнетъ свѣтъ, спадутъ звѣзды, солнце и луна угаснутъ надъ ними, а изъ огражденій (коры) земли выдетъ огонь преизливающійся, какъ волны морскія.“—Какъ во время потопа отверзлись хляби небесныя и низошла вода, и мало-по-малу покрыла все множество людей; такъ и тогда отверзутся основанія земли и выдетъ огонь, не мало-по-малу, а весь вдругъ, и покроетъ всю землю, подобно морю огненному. Тогда что будутъ дѣлать тѣ, которые говорятъ: оставили бы липъ меня въ настоящей жизни, и я царствія небеснаго не захотѣлъ бы? Что будетъ съ тѣми,

кои нынѣ смѣются и говорятъ такъ? Чѣмъ защититься имъ тогда? Могутъ ли они сказать, что не слышали, или что насъ никто не научилъ, или что мы не знали имени, власти, крѣпости и силы Владыки всяческихъ? Нѣтъ, не можемъ мы сказать ничего такого. Ибо на это скажетъ намъ Владыка нашъ Христосъ: о, окаянные! Сколько разъ Я возвышалъ вамъ волю Мою чрезъ про-роковъ, апостоловъ и всѣхъ почти рабовъ Моихъ? Я самъ сколько училъ васъ, открывая вамъ всякую истину? Не слышали вы развѣ моего Евангелія, которое гово-ритъ: *блаженнѣ плачущіи, яко тѣи утѣшатся*? (Мѣ. 5, 5). Я взывалъ, а вы не слушали. Я взывалъ: *блаженнѣ плачущіи*, а вы смѣялись, переглядывались, разговари-вали одинъ съ другимъ и дили празднословіе свое и затѣмъ звали другъ друга на пиры, работалъ чреву своему. Не говорилъ ли Я, что *тѣсенъ и прискорбенъ тутъ, вводящій въ животъ* (Мѣ. 7, 14), и что *нудится царствіе небесное и только нуждники восхваляютъ еѣ* (Мѣ. 11, 12). А вы разваливались на мягкихъ постеляхъ, и изобрѣтали всякаго рода упокоенія плоти своей. Не говорилъ ли Я, что хотящій быть первымъ пусть будетъ послѣднимъ и всѣмъ рабъ и слуга? А вы предпочитали предсѣданія и преждевозлежанія, власти и чины великіе, и не хотѣли со смиреніемъ послужить бѣдному, убогому и всѣмъ брошенному. Не говорилъ ли Я: *елика аще хотите, да творятъ вамъ человецы, и вы творите имъ такожде?* (Мѣ. 7, 12). А вы исполняли только свои хотѣнія и похоти, лихоимствуя, похищая, обижая, и вообще угождали только себѣ самимъ. Не гово-рилъ ли Я: *аще тя кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую?* (Мѣ. 5, 39). А изъ васъ одни только смѣя-лись, слушая это, а другіе даже и слышать этого не хотѣли, говоря, какъ нехорошо и несправедливо Я предписалъ это. Не говорилъ ли Я: *аще кто тя пойметъ*

по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два? (Мѡ. 5, 41). А вы, сами никогда этого не исполняя, заставляли только такъ дѣлать братій своихъ. Не говорилъ Я: *блаженнѣ есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, Мене ради?* (— —11). А вы не сносили даже слова нѣсколько суроваго, не только отъ равныхъ вамъ, но и отъ большихъ васъ. Не говорилъ Я: радуйтесь и веселитесь во время гоненій и скорбей? А вы любили паче похвалы, честь и славу, и когда случалось вамъ испытать скорбь какую, нерады бывали и самой жизни своей. Не ублажалъ ли Я нищихъ? А вы никогда отъ души не хотѣли сдѣлаться нищими. Не говорилъ ли Я, что кроткіе наследуютъ царствіе небесное? А вы были какъ звѣри дикіе въ отношеніи къ тѣмъ, которые не исполняли малѣйшихъ желаній вашихъ; когда же видѣли, что они не исполняли заповѣдей Моихъ, тогда сочувствовали имъ и были снисходительны и кротки, говоря, что Господь повелѣлъ быть снисходительными къ такимъ и кроткими. Не говорилъ ли Я вамъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть?* (Мѡ. 5, 44). А вы говорили, что это дѣло апостоловъ и великихъ святыхъ; ибо кто другой можетъ такъ дѣлать? Бѣдные и несчастные! почему же сами вы не дѣлались святыми? Не слышали развѣ, какъ Я говорилъ: *святѣ будите, якоже Азъ святъ есмь?* (1 Петр. 1, 16). А вы оставались въ грѣхѣ и въ нечистотахъ похотныхъ.

Женамъ же особо скажетъ Онъ: не слышали вы, какъ въ церкви читали жизнь и дѣянія св. Пелагіи, которая была прежде блудницею, а послѣ сдѣлалась святою? Жизнь и дѣянія преподобной Маріи Египетской, которая тоже была блудною и нечистою, а потомъ содѣлалась земнымъ ангеломъ? Жизнь святой Θεодоры, которая впала въ прелюбодѣйство, а потомъ явилась чудо-

творицею? Не слышали также жизнь Евфросиніи дѣвы, преобразившейся въ Смарагда? И еще жизнь Ксеніи, воистину странной и дивной? Не слышали, какъ онѣ оставили родныхъ, богатство и самыхъ обручниковъ своихъ, и Мнѣ послуживъ въ бѣдности и смиреніи, содѣлались святыми? Почему же и вы не подражали имъ, — блудницы блудницамъ, распугницы распутницамъ, замужнія замужнимъ, дѣвы дѣвамъ?

Опять и мужамъ,—царямъ и властителямъ скажетъ Онъ также: не слышали вы, какъ Давидъ согрѣшилъ, и когда пришелъ къ нему пророкъ Наѳанъ и обличилъ его, не противорѣчилъ ему, не разгнѣвался и не скрылъ грѣха своего, но тотчасъ всталъ съ престола своего и, падши на землю предъ всѣми, сказалъ: согрѣшилъ и предъ Господомъ моимъ, и во всю жизнь свою не переставалъ день и ночь плакать, проливать о томъ слезы? Не слышали, что тотъ же Давидъ говорилъ: *отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей. Уподобихся нелсыти пустынный. Пепелъ яко хлѣбъ ядохъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ?* (Псал. 101, 6—7. 10). И опять: *утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всякую ночь ложе мое, слезами моими постелю омочу?* (Пс. 6, 7). Не слышали, какъ еще говорилъ онъ: *Господи Боже мой, аще сотворишъ сіе, аще есть неправда въ руку мою, аще воздахъ воздающимъ ми зла: да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ, да поженетъ убо врагъ душу мою; и да постигнетъ и поперетъ въ землю животъ мой, и славу мою въ персть вселитъ?* (Пс. 7, 4—6). Почему же и вы не подражали ему и подобнымъ ему? Ужь не подумали-ль вы, что вы славнѣе и богаче его, и потому не восхотѣли смириться предо Мною? Бѣдные и несчастные! вы при всемъ томъ, что тлѣнны и смертны, хотѣли быть единодержавцами, и если гдѣ-либо оказывался кто такой, который не подчинялся вамъ, вы тотчасъ возставали на

него, какъ на ничтожнаго раба своего, при всемъ томъ, что онъ сорабъ вашъ и вы ничего не имѣете преимущественнаго предъ нимъ: какъ же вы не хотѣли работать и покоряться со страхомъ и трепетомъ Мнѣ, Творцу своему и Владыкѣ? И когда вы дѣлали зло тѣмъ, которые погрѣшали противъ васъ, то что подумывали о томъ, въ чемъ сами погрѣшили противъ Меня? — Что нѣтъ никого, кто бы взыскать кровь онеправдаваемыхъ вами? Или, что нѣтъ никого, кто бы видѣлъ все, что вы дѣлаете въ тайнѣ? Или забыли вы Меня, Творца своего и Бога и подумали, что ужъ никого нѣтъ больше васъ? Или не чаяли вы, что имѣете нѣкогда предстать предо Мною обнаженными и противъ воли своей? Не слышали вы, что Я говорилъ: *уже хочеть въ васъ слящій быти, да будетъ вамъ слуга: и, уже аще хочеть въ васъ быти первый, буди всѣмъ рабъ?* (Мѡ. 20, 26. 27). Какъ же не вострепегали вы и не пришли въ чувство, чтобъ сознать ничтожество свое и смириться, боясь пасть въ гордость отъ суетной славы міра сего, преступить заповѣдь Мою и преданными быть въ неугасимый огонь адскій? Не слышали развѣ вы, какъ Давидъ, когда поносилъ его Семей, называлъ убійцею, не только не разгнѣвался, но созналъ себя худшимъ его и запретилъ тѣмъ, которые хотѣли убить его?

Итакъ вотъ и Моисей, и Иисусъ Навинъ, и Давидъ, и многіе другіе прежде воплощеннаго домостроительства, и еще мвожайшіе послѣ него, нынѣ, какъ видите, прославляются вмѣстѣ со Мною. Многіе изъ нихъ были царями, властителями, богатыми, какъ и вы, но жизнь свою провели въ страхѣ Божіемъ, въ правдѣ и смирѣніи, не воздавая никому зломъ за зло, хотя многократно были безчестимы и презираемы не равными только себѣ, но и низшими, и Мнѣ оставляя сдѣлать за нихъ отмщеніе; а въ чемъ согрѣшали предо Мною, въ томъ

кались отъ всей души и плакали о томъ со страхомъ и трепетомъ всю жизнь свою: ибо слышали, что будетъ день втораго пришествія Моего и суда и вѣровали тому. Вы же презрѣли заповѣди мои, какъ какого-нибудь ничтожнаго и безсильнаго лица. Такъ съ тѣми, съ которыми вы предпочитали обращаться, которыхъ слова слушались, которыхъ дѣла дѣлали, и которымъ послѣдовали, съ тѣми вмѣстѣ получите и уготованное имъ, то-есть геенну огненную.

Такимъ же образомъ и грѣшнымъ патріархамъ противопоставить Онъ патріарховъ святыхъ, — Іоанна Златоустаго, Іоанна милостиваго, Григорія Богослова, св. Игнатія, Тарасія, Меѳодія и всѣхъ прочихъ, которые были образами и подобіями истиннаго Бога, не только словомъ, но и дѣломъ. И грѣшнымъ митрополитамъ противопоставить Онъ митрополитовъ святыхъ, — Василія Великаго, Григорія, брата Василіева, Григорія чудотворца, св. Амвросія, Николая — и, словомъ сказать, всякаго патріарха, всякаго митрополита и всякаго епископа грѣшнаго сопоставить Онъ съ апостолами и свят. отцами, просіявшими прежде ихъ въ тѣхъ же епархіяхъ, и, поставивъ всѣхъ ихъ, однихъ противъ другихъ, то-есть праведныхъ противъ грѣшныхъ, или, какъ сказано, овецъ одесную, а козлищъ ошуюю, скажетъ послѣднимъ: не въ тѣхъ же ли мѣстахъ проводили жизнь и вы, какъ и тѣ, мнѣ угрождавшіе и служившіе? Не на тѣхъ же ли кафедрахъ сидѣли и вы? — Почему же не подражали вы дѣламъ ихъ? Какъ не убоились вы держать и вкушать Меня, чистаго и непорочнаго, нечистыми руками и еще болѣе нечистыми душами своими? Какъ не ужасались и не трепетали вы, дѣлая сіе? Зачѣмъ тратили вы достояніе бѣдныхъ на собственныя свои удовольствія и на своихъ родныхъ? Зачѣмъ продавали вы Меня за серебро и золото, подобно Іудѣ? Зачѣмъ покупали вы Меня какъ какого

раба непотребнаго и Мною пользовались на удовлетвореніе пожеланій плоти вашей? Почему, какъ вы не почитили Меня, такъ и Я не попечалюсь о васъ. Отыдите отъ Меня, дѣлатели грѣха, отыдите!

Такъ-то наконецъ осуждены будутъ отцы отцами, рабы и свободные рабами и свободными, богатые и бѣдные богатыми и бѣдными, женатые женатыми, неженатые неженатыми, и просто сказать, всякій грѣшникъ, въ оный страшный день суда, увидитъ подобнаго себѣ противъ себя въ жизни вѣчной и въ неизреченномъ ономъ свѣтѣ, и будетъ осужденъ имъ. Какъ бы сказать, всякій грѣшникъ будетъ видѣть противъ себя подобнаго ему праведника, то есть царь царя, начальникъ начальника, блудникъ нераскаянный блудника покаавшагося, бѣдный бѣднаго, рабъ раба; и вспомнить, что и онъ былъ человѣкъ, и онъ имѣлъ душу и тѣло и все другое, какъ и тотъ имѣлъ въ настоящей жизни, такое же достоинство, такое же искусство, такой же промыслъ, однакожь не хотѣлъ подражать ему; и зажметъ ротъ свой, не имѣя ничего сказать въ защиту себѣ. Когда міряне грѣшники увидятъ въ царствіи небесномъ мірянъ праведныхъ, грѣшныя цари—царей праведныхъ, богатые и женатые грѣшныя—богатыхъ и женатыхъ святыхъ, и всѣ другіе грѣшники, имѣющіе находится въ адѣ, подобныхъ себѣ находящимися въ царствіи небесномъ: тогда покроются стыдомъ, подобно оному богачу, который, палимъ будучи огнемъ неугасимымъ, увидѣлъ бѣднаго Лазаря покоющимся на лонѣ Авраама.

Мы же монахи, такіе т.-е., которые, подобно мнѣ, лѣнивы, нерадивы и грѣшны, — что мы постраждемъ тогда? Какой стыдъ, какія муки обумутъ насъ, когда увидимъ тѣхъ, которые въ жизни сей имѣли женъ и рабовъ и рабынь, веселящимися въ царствіи небесномъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми своими? Когда увидимъ тѣхъ, ко-

торые исправляли разныя должности и обладали богатствомъ, угодившими Богу? Или, короче сказать, — когда увидимъ всѣхъ тѣхъ мірянъ, которые исправляли всякую добродѣтель и жизнь свою проводили въ покаяніи и слезахъ, со страхомъ Господнимъ, стоящими въ веселія свѣтлости праведныхъ? — Когда помыслимъ, что мы, которые оставили отцевъ и матерей, братьевъ и сестръ и весь вообще міръ, для спасенія душъ своихъ, — нѣкоторые же изъ насъ оставили чины, богатство и всѣ другія блага міра сего, — и удалившись изъ міра, сдѣлались нищими и монахами, для стяжанія царствія небеснаго, за свое нерадѣніе и лѣность и за поблажку худымъ похотямъ своимъ, сами себя довели до того, что насъ отбросили ошуюю вмѣстѣ съ блудниками и прелюбодѣями, и со всѣми жившими непотребно въ мірѣ семь: тогда, — увы намъ! — какой страхъ и трепеть, и какой стыдъ покроетъ насъ? Повѣрьте мнѣ, братіе, что этотъ стыдъ будетъ для насъ мучительнѣе всякаго мученія грѣшныхъ мірянъ. Когда я, отвергшійся міра и всего мірскаго стану на ряду съ грѣшными мірлянами, которые имѣли женъ и дѣтей и были озабочиваемы дѣлами мірскими, чтобъ равной вмѣстѣ съ ними подвергнуться мукѣ, а они, обратившись и увидѣвъ меня вмѣстѣ съ собою, скажутъ: и ты монахъ, оставившій міръ, здѣсь вмѣстѣ съ нами стоишь? Какъ же это, какъ? — тогда чѣмъ имѣю защититься предъ ними, и что сказать имъ? Кто можетъ, братія мои описать, какъ слѣдуетъ, словомъ, ту великую скорбь, какою я имѣю объять быть тогда? Конечно никто. Да и что сказать, и чѣмъ защититься?

Оставили мы, монахи, міръ и все что въ мірѣ, но не отвратились отъ него всею душою между тѣмъ то и есть истинно удаленіе отъ міра и всего мірскаго, когда кто, убѣгши отъ міра возненавидитъ все мірское.

И что есть міръ?—Послушай. Не есть онъ ни серебро, ни золото, ни лошади, ни мулы, ни яства, ни вино, ни хлѣбъ; потому что все, что необходимо для поддержанія тѣлесной жизни, употребляемъ и мы монахи, ѣдимъ и пьемъ, сколько потребно. Не есть онъ ни дома, ни поля, ни виноградники, ни загородныя жилища; а что же есть? Грѣхъ, пристрастіе къ вещамъ и страсти. А *лже въ міръ* что суть? Пусть это скажетъ намъ Іоаннъ Богословъ, возлюбленный ученикъ Христовъ: *не любите міра, ни лже въ міръ: яко все, еже въ міръ, похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть* (1 Іоан. 2, 15. 16). Почему, если мы, удалившись отъ міра и оставивши его, не соблюдаемъ этого, что намъ пользы отъ одного удаленія? Изъ какой бы части міра мы ни вышли, и въ какую бы страну ни переселились, вездѣ встрѣтимъ тѣже вещи и тѣже нужды; потому, будучи человѣками, куда ни поидемъ, нигдѣ не можемъ жить иначе, какъ живутъ человѣки, яко человѣки. Гдѣ бы мы ни находились, вездѣ намъ необходимо потребное для тѣла, и кромѣ того вездѣ встрѣтимъ женъ, дѣтей, вино, всякаго рода плоды и прочее. Такъ ужъ устроена жизнь наша. Итакъ отъ всего этого не убѣжишь; а отъ чего убѣжать можно? Отъ пристрастія къ сему. Тогда и отъ грѣха легко избѣжать. Если же мы имѣемъ похоть плоти, похоть очесъ и помысловъ, то какъ, находясь среди всего этого, избѣжать намъ грѣха и не подвергнуться узвлечію отъ стрѣлы его? Но я знаю очень хорошо, что многіе и въ древнія, и въ нынѣшнія времена сохраняли и сохраняютъ себя неузвлеченными отъ него, и, находясь среди вещей и дѣлъ мірскихъ, среди попеченій и заботъ житейскихъ, проводили и проводятъ жизнь въ совершенной чистотѣ и святости, слѣдуя указанію св. Павла, который говоритъ: *время сокращено есть прочее, да имущи жены, яко не*

имущіи будутъ... и купующіи, яко не содержаще: преходитъ бо образъ міра сего (1 Кор. 7, 29—31). Посему и о прочемъ разумѣвай, т.-е кого безчестятъ и обижаютъ и тѣмъ подвигаютъ на гнѣвъ, тотъ пусть не гнѣвается; кого хвалятъ, тотъ пусть не держитъ въ умѣ своемъ того, что говорятъ въ похвалу ему; кто побуждается сдѣлать кому отищеніе,—тотъ пусть будетъ въ мірѣ какъ мертвый всѣмъ сердцемъ своимъ, и прочее. Кто разъ сдѣлался таковымъ, тотъ прочее пусть усердно ревнуетъ о томъ, чтобъ ужъ и всегда соблюдать себя безпечальнымъ даже о самой жизни тѣла. Таковыми были и во всякое время бывають тѣ, которые усердно подвизаются.

Если мы не подвигаемся сдѣлаться такими и проводить такую жизнь, то что скажемъ тогда на будущемъ судѣ? Что презрѣли славу и богатство? Но Господь скажетъ намъ: но вы не оставили зависти, спорливости и задора. А что это отстраняетъ и отдѣляетъ насъ отъ Бога, объ этомъ говоритъ Апостоль Іаковъ: *аще зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ* (есть и доброе рвеніе, когда кто ревнуетъ другому съ доброю цѣлю, т.-е. чтобъ и самому дѣлать то добро, которое видитъ въ братѣ своемъ), *не хвалитесь, ни лжите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше низходящи, но земна, душевна, бѣсовска. Идѣже бо зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла вещь* (Іак. 3, 14—16). Немного послѣ опять говоритъ онъ: *просите, и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (—4, 3), и къ сему прибавляетъ: *прелюбодѣи и прелюбодѣйцы, не вѣсте ли, яко любы міра сего вражда Богу есть?* (—4). И подумай, не сказалъ онъ, что міръ только есть врагъ Богу, но и любы міра; потому что изъ-за ней бываемъ мы прелюбодѣями и прелюбодѣйцами. А что это истинно, послушай самого Христа Господа, Который говоритъ:

всякъ, иже воззрѣтъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ (Мѡ. 5, 28). И въ другомъ мѣстѣ сказано: *не пожелай, елика суть ближняго твоего* (10-я заповѣдь). Изъ сего явно, что не тотъ только удалется отъ Бога и бываетъ врагомъ Ему, кто дѣломъ совершаетъ грѣхъ, но и тотъ, кто любитъ его и похотно желаетъ какой-либо вещи, т.-е. имѣетъ пристрастіе и привязанность къ чему-либо земному и мірскому, потому что въ этомъ и состоитъ *любы міра*. Почему, пусть кто нагъ и лишенъ всего земнаго и мірскаго, и явно не дѣлаетъ никакого грѣха, но имѣетъ любовь и пристрастіе къ сему; то онъ врагъ Богу, какъ говоритъ и Іоаннъ Богословъ: *аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отци въ немъ* (1 Іоан. 2, 15). Но и Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всюю крѣпостію твоею, и всѣмъ помысленіемъ твоимъ* (Лук. 10, 27); такъ что кто имѣетъ расположеніе, пристрастіе и привязанность къ чему-либо другому, тотъ уже не исполняетъ сей заповѣди.

Мы же, бѣдные и несчастные, оставили то, что велико, славно и высоко въ мірѣ, а сдѣлавшись монахами, любимъ кто рясы свѣтлыя, кто другія одежды красивыя, кто пояса, кто обувь, кто яства и питія сладкія, кто ножи и прочія орудія, или другія вещи еще болѣе ничтожныя, изъ-за которыхъ отпадаемъ отъ любви къ Царю всѣхъ Христу и становимся врагами Ему, не чувствуя того. Почему если не покаемся въ этомъ, какъ должно, и не отторгнемъ отъ души нашей всякой злой похоти и всякаго лукавства, спорливости, задора и гордости, то всеконечно осуждены будемъ въ огонь вѣчный, вмѣстѣ съ мытарями, блудниками, грѣшниками и съ тѣми богачами, которые жили нечисто. Воспримемъ же подвигъ, братія мои, и начнемъ творить всякую добро-

дѣтель, всякое же худо и всякую страсть отвергнемъ отъ всей души, возненавидимъ всякую вещь, и большую и малую, которая подвергаетъ опасности души наши, и будемъ употреблять только такія, которыми не былъ бы занимаемъ умъ нашъ и не услаждалось сердце, чтобъ не попасть ошуюю вмѣстѣ съ грѣшными мірянами, изъ-за такихъ ничтожностей, и не увидѣтъ братій нашихъ и отцевъ стоящими одесную Бога и насъ осуждающими,—не увидѣтъ, говорю, грѣшнымъ игуменамъ каждаго монастыря игуменовъ, Богу угодившихъ въ тѣхъ же монастыряхъ, грѣшнымъ діаконамъ—такихъ, которые просіяли какъ свѣтила, въ такомъ же діаконствѣ, грѣшнымъ послушникамъ и рукодѣльникамъ—такихъ, которые, тѣмъ же занимаясь или проходя еще и нисшія послушанія, явились святыми и за то увѣнчаны наряду со святыми мучениками,—осквернившимъ юность свою плотскими грѣхами не увидѣтъ сохранившихъ сію юность въ чистотѣ,—мужамъ, падшимъ по нерадѣнію своему, не увидѣтъ такихъ, которые терпѣли брань плотскую отъ юности до престарѣнія, и однакожъ сохранили цѣломудріе свое,—старикамъ, до конца жизни творившимъ дѣла несмысленныхъ дѣтей, не увидѣтъ такихъ, которые въ старости покаялись, или даже сдѣлались монахами и въ короткое время, подъ дѣйствіемъ страха Божія, отсѣкли злой навъкъ, укоренившійся съ юношескаго возраста,—которые смѣялись—такихъ, которые плакали,—которые безвременно ѣли и пили до сытости и пресыщенія—такихъ, которые и въ опредѣленное время не вкушали вдоволь,—которые проводили время въ утѣхахъ и весельяхъ—такихъ, которые всегда были печальны и унылы, вспоминая страшный день суда и грѣхи свои,—которые, оставя богатство и славу, пришли и сдѣлались монахами и однакожъ нисколько не хотѣли подчиняться и смиряться—такихъ, которые пришли къ намъ отъ

бѣдноты, но прожили съ нами въ смиренномъ послушаніи и за смиреніе свое содѣлались свѣтлѣйшими и славнѣйшими многихъ царей и патріарховъ, стоящихъ тамъ же вмѣстѣ съ ними одесную

6. Что же, братія мои возлюбленные, поняли, что я сказать вамъ? Знаете теперь, какой стыдъ имѣеть тогда покрыть насъ? Напечатлѣли въ умѣ своемъ и воспріяли въ чувство часть оный? Или опять повторить мнѣ тоже самое въ собственную свою и подобныхъ мнѣ нерадивцевъ и лѣнивцевъ пользу? Вѣдь и съ нами тоже самое будетъ въ оный страшный день суда; многіе изъ братій нашихъ окажутся стоящими одесную Бога въ славѣ великой, а многіе окажутся стоящими ошуюю и будутъ осуждаемы ими. Да и какъ не быть имъ осужденными? Когда два человека, занимающіеся тѣмъ же мастерствомъ или два юноши, чистые отъ всякаго грѣха, и бѣдные, отвергшіеся міра, сдѣлаются монахами, а одинъ изъ нихъ, по собственному произволению, дѣлаеть всякую добродѣтель, а другой—всякое худо; то какъ перваго не одобрить, а втораго не осудить? И развѣ не видимъ, что это всегда почти бываетъ между нами? Одного видимъ послушнымъ, внимательнымъ, смиреннымъ, съ братіями обращается онъ какъ рабъ Бога, а не человѣковъ, служить братіямъ вѣрно и почтительно, мудрованіе имѣеть смиренное и сокрушенное, о себѣ же самомъ такъ судить и говорить: я, честный отче (мнѣ не разъ приходилось слышать это отъ таковыхъ), и въ мірѣ жилъ въ большой нуждѣ и тѣснотѣ, и съ большими трудами добывалъ себѣ пропитаніе, какъ же мнѣ не радѣть о послушаніи пришедши сюда и даромъ ѣсть хлѣбъ монастырскій? За это Богъ взыщетъ съ меня въ день суда. Но какъ я пришелъ сюда работать Богу то и буду трудиться, сколько могу, чтобы плодъ трудовъ мо-

ихъ превосходилъ трату на мое содержаніе; буду слушаться настоятеля моего и всѣхъ братій моихъ до смерти, безъ роптанія, такъ, какъ бы слушался самого Христа, и постараюсь ни въ чемъ не оказаться ослушникомъ предъ ними. Другаго же видимъ тщеславнымъ, невнимательнымъ, непослушнымъ, и съ собою разсуждаетъ онъ все противоположно первому и говоритъ: вотъ далъ мнѣ Богъ жилище, хлѣбъ, вино, яства разныя съ избыткомъ, сталъ я равенъ съ прежними, и первымъ предъ тѣми, которые имѣютъ придти послѣ меня; я братъ всѣмъ имъ, хотятъ ли они того, или не хотятъ; такъ буду ѣсть, пить, спать вдоволь, потому что какая мнѣ нужда трудиться и работать, чтобъ другіе получали пользу отъ моихъ трудовъ? А если прикажутъ мнѣ чтонибудь работать, я скажу имъ, что немогущъ не могу; и если будутъ принуждать къ тому, отвѣчу: хотѣ задушите меня, или выгонѣте, не могу работать, и нахмурюсь, будто плачу, вскрикну и скажу: вотъ колѣна подгибаются и въ глазахъ потемнѣло; по такой причинѣ, я получу разрѣшеніе ѣсть съ утра, какъ захочу; или буду ворчать, браниться, поперечить и роптать при всякомъ послушаніи, какое мнѣ ни дадутъ, и всячески они соскучатъ возить-ся со мною и оставлять меня въ покоѣ и не хотятъ; а если дадутъ мнѣ иной разъ какое небольшое послушаніе, то я совѣмъ не буду радѣть о немъ; сказать къ примѣру, если заставятъ меня смотрѣть за мулами, то сначала проговорю, что не умѣю ходить за ними, а потомъ нарочно буду оставлять ихъ безъ поила и корма; тогда по неволѣ или оставлятъ меня, или дадутъ мнѣ помощника, на котораго я и свалю весь трудъ, самъ же сдѣлаю что-нибудь для вида, и заяжу; если велятъ мнѣ быть хлѣбопекомъ, то я, чтобъ не показаться ослушникомъ, буду увѣрять ихъ притворно, что не умѣю печь хлѣбы, и скажу, что ни разу не видалъ, какъ печется

хлѣбъ, но пойду и испеку имъ такой хлѣбъ, что будетъ какъ камень, и они, не могши ѣсть его, не будутъ болѣе принуждать меня къ такому послушанію; если пошлютъ меня прислуживать на кухню, то я не послушаю игумена, и не поклонившись даже ему, скажу: Господи помилуй! Меня это ты, отче, изъ всѣхъ выбралъ, чтобъ приставить къ такому низкому послушанію? Развѣ нѣтъ другихъ братій въ монастырѣ? Такъ думаетъ онъ сказать, чтобъ отдѣлаться и отъ этого послушанія. Затѣмъ пересматриваетъ всѣ послушанія, и на всѣ заготовляется отвѣчать,—не умѣю, не могу, а если принудятъ, исполнять ихъ кое-какъ и портить. Какъ замышляетъ, такъ потомъ и дѣлаетъ,—или еще и хуже того.

Итакъ, вотъ имѣемъ мы предъ глазами своими двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ во всемъ покорствуется съ благодушнымъ послушаніемъ и съ сердцемъ смиреннымъ, безъ лѣности, ропота и лукавства, а другой поступаетъ совсѣмъ противоположно тому. Теперь, когда придетъ смерть и возьметъ ихъ обоихъ такими, какъ есть,—и въ день страшнаго суда, этотъ лукавый и лѣнивый, поставлень будучи ошуюю Владыки Христа нагимъ и связаннымъ, обратится и увидитъ одесную Его того собрата своего, собесѣдника и сотрудника, вмѣстѣ съ нимъ сдѣлавшагося монахомъ, что онъ весь одѣянъ свѣтомъ и славой, подобно самому Христу;—что имѣетъ онъ сказать тогда? Поистинѣ, братія мои, нечего ему будетъ сказать тогда; но стена и трясыйся и скрежеща зубами пойдетъ онъ въ вѣчный огонь адскій.

Такимъ же образомъ и каждый изъ насъ грѣшныхъ будетъ осужденъ своимъ святымъ,—невѣрные будутъ осуждены вѣрными, согрѣшившіе и непокаявшіеся будутъ осуждены согрѣшившими, можетъ быть, даже больше ихъ, но показавшими великое и теплое покаяніе. Почему прошу васъ всѣхъ, если знаете за собою, что сдѣла-

ли что худое, и въ чемъ либо согрѣшили и грѣхами своими уязвили и умертвили души свои, попекитесь отъ сего же часа исправиться, покажите достойное грѣховъ вашихъ покаяніе и всячески восподвизайтесь сдѣлаться достойными стать одесную Іисуса Христа, Спасителя нашего и Бога. Если хоть и малыя какія знаете за собою погрѣшности, отбросьте и ихъ сколько можно скорѣе, чтобъ за эти малости, какъ вамъ кажется, и вамъ не пришлось стать ошуюю. Не считайте эти малости малыми и ничтожными, но имѣйте ихъ за великія. Ибо кто погрѣшаетъ по своей волѣ въ маломъ и бережется отъ большаго, тотъ большому подпадетъ наказанію,—такъ какъ, побѣдивъ большее, побѣждать себя допустилъ меньшему. Ктому же и одной страсти достаточно, чтобъ ввергнуть насъ въ адъ, какъ сказали мы выше, приведши во свидѣтели самыхъ Апостоловъ—Іоанна и Іакова. Чтобъ подтвердить это еще и примѣромъ, спрошу васъ: кто имѣетъ брань съ десятью или двѣнадцатію врагами, если, когда начнется война, съ самаго начала побѣдитъ и убьетъ всѣхъ первѣйшихъ противниковъ своихъ наиболѣе мужественныхъ, но видя, что остались еще одинъ или два слабенькихъ и немощныхъ, выступающихъ противъ него съ робостію, не устремится на нихъ издали, и схвативъ не свяжетъ или не убьетъ ихъ, то не будетъ ли онъ убитъ ими? Если онъ, въ гордости своей сбросивъ оружія, завалится спать, презирая тѣхъ двухъ слабенькихъ, то не устремится ли на него эти двое, или даже и одинъ, чтобъ связать его и взять въ рабы себѣ, или и убить и сдѣлать посмѣшищемъ предъ всѣми людьми, которые праведно будутъ говорить: по дѣламъ ему, что попался въ рабство, или убить; это ему за гордость и безпечность? Я же скажу лучше, за неразуміе и бессмысліе его. Ибо не столько достоинъ онъ похвалы за мужественную въ началѣ борьбу и побѣду, одержанную надъ болѣе сильными

врагами, сколько порицанія, презрѣнія и отверженія за что, то попустилъ одолѣть себя тому одному слабому.

Такимъ же образомъ, братія мои возлюбленные, и мы никакой не получимъ пользы, если, побѣдивъ большія страсти, останемся побѣжденными отъ меньшихъ.—именно: если сохранимъ отъ оскверненія плоть свою, если не будемъ поддаваться гнѣву, зависти и корысти, но будемъ порабощены объяденію, винопитію, или сну, или лѣнности, или прекословію, непослушанію, или ропоту. Что пользы для насъ воздерживаться только отъ злыхъ дѣлъ, о коихъ мы сказали? Если мы возьмемъ тайкомъ лишь кусокъ хлѣба, или другое что, и съѣдимъ безъ благословенія настоятеля, или если по своей волѣ, безъ болѣзни и крайней нужды, не пойдемъ на службу церковную, кто можетъ сказать, что мы свободны отъ грѣха? Того, у кого все тѣло было въ ранахъ и потомъ вылечено, нельзя назвать совершенно здоровымъ, если у него осталась еще хоть одна небольшая ранка; но того слѣдуетъ называть надлежаще здоровымъ, кто изгладитъ, если возможно, самые знаки ранъ бывшихъ на тѣлѣ. Итакъ, перестанемъ считать малости малостями, во, слыша, что многіе были осуждены за нихъ и сильно наказаны, будемъ воздерживаться всѣми силами отъ нихъ, чтобъ избѣжать вреда, причиняемаго ими. Пусть никто изъ васъ, братія мои, не остается связаннымъ какою-либо изъ малостей, какъ и всякою другою страстію; но отнынѣ же пусть положить начало покаянію. Не стыдись никто обнаружить побѣду надъ собою, исповѣдавъ грѣхъ свой, если когда побѣжденъ будетъ какою страстію да посрамятся врагъ діаволъ и прекратитъ свои нападенія. Не дадимъ господствовать надъ собою ни зависти, ни гнѣву, ни ярости, ни вздорности, отъ которыхъ обыкновенно происходятъ срамословіе, и ругательство. Да не господствуетъ надъ нами тщеславіе, гордость

и высокоуміе чтобъ низвергнуть насъ во глубину ада. Далеко отъ себя отгонимъ все сіе, и вмѣсто того стяжемъ всякую добродѣтель.

Спросите, кто же можетъ усмотрѣть всѣ эти маленькія прегрѣшенія, чтобы воздерживаться отъ нихъ и не провиниться ни въ одномъ изъ нихъ, когда ихъ безчисленное множество? Я скажу вамъ, кто благодатію Божіею можетъ не провиниться въ нихъ. Кто всегда помнитъ грѣхи свои и помышляетъ о будущемъ судѣ, кается и плачетъ, тотъ преодолеваетъ и препобѣждаетъ всѣ вообще страсти. Ибо онъ подымается силою покаянія столь высоко, что никакая страсть не можетъ достать его и схватить душу его, парящую горѣ. Но если умъ нашъ не возвысится и не достигнетъ мѣры безстрастія покаяніемъ, слезами и духовнымъ смиреніемъ, происходящимъ отъ слезъ, то намъ невозможно быть свободными отъ сказанныхъ страстей. Мы будемъ уязвляемы непрестанно то одною, то другою страстію и снѣдаемы ими, какъ дикими звѣрьми, и здѣсь, и по смерти за нихъ не сподобимся царствія небеснаго, и ими же терзаемы будемъ всю вѣчность. Посему умоляю и не перестану умолять всѣхъ васъ, духовные братія мои, не нерадите о спасеніи своемъ, но подвизайтесь всячески приподняться немного отъ земли; потому что, если совершится надъ вами это чудо. что вы (духовно) какъбы повиснете въ воздухѣ надъ землею; то, восхитившись чудомъ симъ, вы уже не захотите болѣе сойти на землю или стоять на ней. Землею называю я мудрованіе плотское, воздухомъ — мудрованіе духовное. Сказанное мною значить, что когда умъ нашъ освободится отъ лукавыхъ помысловъ и страстей и мы, въ силу сего, вкусимъ свободу, какую даровать намъ Христосъ Богъ нашъ; тогда мы не захотимъ уже низойти въ прежнее рабство грѣха и плотскаго мудрованія. Но будемъ всегда бодренны

и трезвенны, и будемъ непрестанно молиться, какъ заповѣдалъ намъ Господь нашъ, говоря: *Бдите и молитесь* (Мѡ. 26, 41), — пока не ввидѣмъ въ блаженное царство небесное и не получимъ обѣтованныхъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, — Коему подобаетъ всякая слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ.

1) О покаяніи. Какой подвигъ душевный и какую болѣзнь сердечную имѣть тѣмъ, кто кается съ духомъ сокрушеннымъ и смиреннымъ?

2) Что говорить онъ, и какъ молится человеколюбивому Богу?

3) О страхѣ Божиѣмъ.

1) Есть ли въ мірѣ человекъ, который, будучи отравленъ смертоноснымъ ядомъ и терпя страшныя боли внутри, могъ бы приводить себѣ на умъ и заботиться о какой нибудь маленькой ранкѣ на кожѣ тѣла своего? Внутренняя боль естественно заглушаетъ у него всякую другую боль, и великое томленіе сердца не даетъ ему подумать о внѣшнихъ ранахъ или взглянуть на нихъ. Бываетъ даже, что онъ, отъ великой боли и несноснаго мученія, руками своими раздираетъ одежду свою и забывъ о ранахъ на тѣлѣ, ногтями своими еще больше разрываетъ ихъ, забываетъ родныхъ и друзей и не оборачивается, чтобъ посмотрѣть на человека, который бы случайно бранилъ его съ ожесточеніемъ, — не печется уже объ имѣніи и оставляетъ расхищать богатство свое всякому кто хочетъ, — даже хлѣба не ѣстъ и вина не пьетъ, по причинѣ безмірной боли своей, и тѣмъ, которые приглашаютъ его къ тому, съ гнѣвомъ отвѣчаетъ: подите всѣ прочь отъ меня: смерть сокрушаетъ душу мою, — еще немного, и, можетъ быть, ова совсѣмъ возьметъ ее отъ меня; да я и не хочу больше жить въ

настоящей жизни, потому что смерть лучше жизни, какою я теперь живу въ такихъ мученіяхъ. — Не имѣя покоя, катается онъ по постели своей, или сбрасывается на полъ съ большимъ крикомъ и рыданіями, не обращая вниманія на тѣхъ, которые смотрятъ на это безобразнычае, ни на тѣхъ, которые слышатъ крикъ его и осуждаютъ его; очи его — два ручья, — они больше изливаютъ слезъ, нежели сколько смотрятъ. Такой человекъ ублажаетъ всякаго человека, какъ Ангела, ублажаетъ и живыхъ, и умершихъ, и тѣхъ, кои еще не родились въ міръ сей, и всякое безсловесное животное и всякое пресмыкающееся, — все это ублажаетъ онъ, и говоритъ: воистину благословенны всѣ твари Божіи, потому что не имѣютъ моихъ страданій, но проводятъ жизнь въ здоровьи и радости. Я одинъ имѣю такую тяготу и такое бремя грѣховъ, за которые огнь уже осуждается въ огонь вѣчный и еще на землѣ сей испытываю несноснѣйшія мученія. Всякую другую душу почитаетъ онъ благочестною, и благоговѣтъ предъ нею, какъ предъ святою, — и сторонится отъ всѣхъ, какъ нечистый. Не различаетъ онъ праведнаго отъ неправеднаго, но всѣхъ равно имѣетъ святыми, и чистыхъ и нечистыхъ; только самого себя отчуждаетъ отъ всѣхъ тварей, сущихъ подъ небесемъ, сидитъ на гноищѣ безмѣрныхъ своихъ прегрѣшеній, какъ бы въ нѣкоей находясь тмѣ невѣдѣнія и печали, коей нѣтъ конца, — и очищаетъ нагноившіяся раны свои, не черепкомъ, какъ Іовъ, а ногтями рукъ своихъ, по причинѣ великой боли сердца своего. Іовъ хотя былъ пораженъ въ тѣлѣ, но душа его была подъ покровомъ и охраною Божіею, а у него и душа вмѣстѣ съ тѣломъ отравлена и уязвлена грѣхами; почему раны такого человека несравненно болѣзненнѣе ранъ Іова. Постѣ сего оставляютъ его родные по плоти, и всѣ други и знакомые, какихъ имѣлъ онъ въ мірѣ. Они, по-

сидѣвши съ нимъ немного и поплакавши, усматриваютъ безуспѣшность и безмѣрность печали его, и подумавъ, что онъ есть нѣкая мерзость, расходятся по домамъ своимъ. Тогда, оставшись одинъ и видя вокругъ пустоту и заброшенность свою, еще большею поражается онъ скорбію и болѣзнію сердечною, и отъ безмѣрной душевной боли начинаетъ плакать, и въ безнадѣжїи такъ вопіять ко Вседержителю Господу:

2) Ты все видишь, Господи, и ничего нѣтъ, чего бы не видѣлъ Ты. Я, хотя и есмь дѣло рукъ Твоихъ, однакожь дѣлъ по заповѣдямъ Твоимъ не дѣлалъ, но по нелѣпому неразумію своему дѣлалъ всякое худо, не помышляя, что Ты, Творецъ мой и Богъ, сколько благи, столько же и правосуденъ. Нынѣ же, приведши сіе на память, вострепеталъ я, и не знаю, что дѣлать. Чувствую осужденіе Твое, и слова оправданія не нахожу въ устахъ моихъ. Не имѣю я никакой добродѣтели, и не сдѣлалъ никакого дѣла покаянія, достойнаго того, чтобы за него простить мнѣ хоть одно праздное слово устъ моихъ. Ктому же, кто и всѣ имѣетъ добродѣтели и дѣлаетъ всякія добрыя дѣла, дѣлаетъ то, какъ рабъ и должникъ; за грѣхъ же свой никакого во всемъ этомъ не найдетъ онъ замѣненія: тутъ единая милость Твоя предваряетъ. Грѣхъ есть смерть, и кто изъ умершихъ чрезъ него можетъ воскреснуть самъ собой? Воистину никто. Одинъ Ты умеръ и воскресъ, потому что грѣха не сотворилъ и не обрѣтеся лести во устахъ Твоихъ. Такъ, Владыко Вседержителю, надѣлавши много злыхъ дѣлъ, каюсь я; но одно покаяніе несильно оправдать меня. Покаяніе есть познаніе грѣховъ своихъ; снимаетъ ихъ милость Твоя. Ты видишь, Вседержителю Господи, что я ничего теперь не имѣю кромѣ тѣла; но никакой нѣтъ для меня пользы отъ этого оставленія всякаго богатства. Я весь—одна рана; не осталось во мнѣ никакой надежды

спасенія — и адъ готовъ поглотить меня живаго. Ты Одинъ можешь спасти меня и уврачевать болѣзни сердца моего. Рука Твоя сильна на все; она досязаетъ до самыхъ глубинъ бездны. и все творится по мановенію Твоему. Не дерзаю говорить; помилуй мя. Господи! потому что недостойнъ милости Твоей, какъ праведно-достойный всякаго мученія. Ты же, Господи, знаешь все, и какъ знаетъ человѣколюбіе Твое, сотвори со мною, недостойнымъ и самой жизни.

Почему, благоутробный Богъ скоро услышитъ его, и безъ промедленія подастъ ему утишеніе болѣзней его, и свободу отъ скорби его. Ибо Богъ человѣколюбивъ и не терпитъ видѣть, чтобъ твореніе рукъ Его находилось въ такой великой нуждѣ, и въ такой нестерпимой печали. Съ такимъ человѣкомъ, который неопустительно дѣлаетъ все сказанное, равно какъ и съ тѣми, которые слышать сіе съ вѣрою и подражаютъ сему истинному образу покаянія, Богъ сотворитъ великую и неизреченную милость Свою, и измѣнитъ болѣзнь его въ радость, и печаль сердца его въ веселье, расположивъ излечить ядъ дракона, пожиравшій внутренность его. Съ сего времени и потомъ не вспомнитъ уже онъ прежнихъ трудовъ своихъ и болѣзней и ни одного изъ тѣхъ золъ, какія перестрадалъ,—не обратится также чтобъ взыскать денегъ, или вещей, какія оставилъ во время болѣзней покаянія своего, и ничего подобнаго не пожелаетъ. Всевышній Богъ дастъ ему здравіе, которое будетъ для него лучше всѣхъ сокровищъ земли. Это здравіе будетъ приносить сердцу его неизреченную радость, несравненно большую прежней скорби его; а радость сія опять будетъ отгонять отъ сердца его всякую болѣзненность, причиненную внѣшними прискорбностями. Человѣкъ этотъ познаетъ, что съ сего времени и потомъ сердце его не чувствуетъ ранъ тѣла своего и

что внѣшняя скорбь не приближается къ радости, которая бываетъ внутри сердца его. Узнавши же это, онъ еще болѣе возрадуется; между тѣмъ какъ сродники его и друзья, видя всѣ внѣшнія скорби его, и не зная пришедшей къ нему сокровенной радости, воздыхаютъ по немъ и говорятъ: „этотъ человѣкъ никогда не испытывалъ радости въ жизни своей; жизнь его полна скорби и печали, и дни его ничѣмъ не разнятся отъ дней осужденниковъ, которыхъ наказываютъ въ судилищахъ за злыя дѣла ихъ.“—Онъ одинъ, зная, что время жизни его стало полно радости и веселія, и что радость сердца его посмѣвается смерти, и адъ не одолѣетъ ея; потому что она не имѣетъ конца, радуется сему тьмами темъ разъ болѣе всѣхъ царей земли, и всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ здравіе и красоту тѣлесную, и всѣхъ богачей, облекающихся въ порфиру и виссонъ, и всѣхъ, которые ублажаются въ семь мірѣ устами, глаголющими лжу. Знаетъ человѣкъ тотъ, что бѣдность при радованіи ономъ лучше всего міра и благъ его; ибо все, что есть въ тѣлѣ его и въ мірѣ семь, покроетъ земля и поглотить смерть; а радости той, которую пріялъ онъ, по причинѣ здравія души своей, ничто такое не можетъ взять отъ него, потому что она не отъ міра сего. Эта радость породилась въ немъ не отъ славы человѣческой, ни отъ богатства многаго, ни отъ здравія тѣлеснаго, ни отъ похвалъ людскихъ, ни отъ другаго чего, сущаго подъ небесемъ, но уготовилась горькою болѣзнію души его и срѣтеніемъ дѣйства Святаго Духа Божія, сущаго превыше небесъ. Почему смерть не будетъ имѣть надъ нею власти; потому что въ ней не найдется ничего достойнаго укора но будетъ она какъ очищенное вино, которое противъ солнца свѣтится насквозь, и чистѣйше являетъ цвѣтъ свой, и радуется и осіяваетъ лице того, кто пьетъ его противъ солнца.

Впрочемъ въ томъ, что сказала я, одно кажется мнѣ неудобопонятнымъ,—не знаю, что больше радуешь меня, созерцаніе или услажденіе, т.-е. красота ли и радостотворное блистаніе чистыхъ лучей солнца, или питіе и вкушеніе вина, которое имѣю въ устахъ моихъ. Хочу смотрѣть на то, т.-е. на лучи солнца, а меня влечетъ это, т.-е. вино сокрушенія, кажущееся сладчайшимъ; и когда опять обращусь къ тому, т.-е. къ свѣту божественной благодати, опять большее ощущаю услажденіе отъ сладости вкушенія вина; не насыщаюсь ни зрѣніемъ тѣхъ лучей солнца, ни питіемъ сего вина. Когда кажется мнѣ, что насытился питіемъ, тогда красота ниспосылаемыхъ лучей заставляетъ меня еще больше жаждалъ, и я оказываюсь опять алчущимъ и жаждущимъ; и чѣмъ больше усиливаюсь наполнить утробу мою, тѣмъ въ десять разъ больше палимъ бываю жаждою, и возжелѣніемъ блестящаго питія того.

Такимъ образомъ всякій, судимый симъ добрымъ судомъ покаянія, не будетъ уже бояться никакого другаго суда или мученія, не будетъ страшиться и искушеній, находящихся на него, ибо жажданіе его (духовное) не престанетъ въ вѣкъ, и питіе оное сладкое, свѣтлое и блестящее не пресѣчется никогда; а эта сладость, подаваемая питіемъ, и это радостотворное блистаніе, исходящее отъ солнца, отгоняетъ отъ души всякую печаль и дѣлаетъ человѣка всегда радующимся; и никто не можетъ повредить ему, никто не можетъ воспрепятствовать ему напаяться вдоволь отъ источника спасенія. Міродержитель, господствующій надъ міромъ злобою своею, властитель земнаго, начальникъ тмы, лукавый діаволъ, царствующій надъ всѣми водами морскими и играющій міромъ, какъ иной играетъ малою птичкою, держимою въ рукахъ, не посмѣетъ и со всѣмъ воинствомъ своимъ, и со всею силою своею приблизиться къ нему и при-

коснуться даже къ пятѣ ноги его, а не только смѣло взглянуть на него. Ибо блистаніе вина, и лучи солнца сильно сіяють въ лицѣ того, кто пьетъ его, проходятъ во внутренности его, и передаются рукамъ, ногамъ и всѣмъ членамъ его, и дѣлають его всего огнемъ сильнымъ во всѣхъ частяхъ его, чтобъ опалять враговъ, приближающихся къ нему. И бываетъ онъ любимцемъ свѣта, другомъ Солнца и возлюбленнымъ ему сыномъ, въ силу чистаго и свѣтлаго вина того, изливающагося въ него подобно лучамъ солнца и свѣта. Питіе сего вина бываетъ для него питаніемъ и очищеніемъ скверны загнившихъ плотей его, а очищеніе сіе—совершеннымъ здравіемъ; здравіе же такое не позволяетъ ему вкусить другой какой либо вредной снѣди, но производитъ въ немъ нѣкое безмѣрное и теплѣйшее вождельніе пить одно то вино, чтобъ питіемъ такимъ очищать себя паче и паче и тѣмъ созидать свое здравіе: ибо красота здравія и благодать благообразія, приносимаго здравіемъ, не знаетъ насыщенія.

3) Таковымъ наконецъ дѣлается, чада мои возлюбленные, тотъ, кто согрѣшилъ предъ Вседержителемъ Богомъ и приходитъ въ чувство страха, т.-е. устрашается будущаго суда, отверженія и гнѣва Божія. Страхъ Божій и чувство праведнаго Его воздаянія истнивають плоть и сокрушаютъ кости, подобно камню, нѣкою машиною спускаемому и сильно давящему виноградъ, прежде истоптанный въ точилѣ. Ибо обыкновенно прежде ногами истоптываютъ виноградъ, а потомъ сдвливаютъ его камнемъ, чтобъ выжать послѣдніе соки его. Такъ и страхъ Божій дѣлаетъ то, что человѣкъ становится поправіемъ всѣхъ людей, а когда сотрется въ конецъ гордыня его и тщеславное мудрованіе плоти его, тогда низпадаетъ на него свыше мысленный камень, легчайшій и благій, т.-е. святое смиреніе, и выжимаетъ

изъ него всю сырость плотскихъ удовольствій и страстей, и дѣлаетъ благоугодною и добротною душу, такимъ образомъ смирившуюся и сокрушившуюся; при семъ орошаетъ ее слезами, истекающими, какъ рѣка, и ее самую дѣлаетъ источникомъ, источающимъ живую воду, врачующую раны грѣховъ и отмывающую смрадную кровь ихъ, и человека того всего дѣлаетъ бѣлѣйшимъ паче снѣга.

Блаженъ человекъ, слышащій слова сіи, принимающій ихъ съ вѣрою и творящій ихъ. Онъ обрѣтетъ великія блага, превосходящія и умъ, и слово, и помышленіе, и ублажить убогую руку мою, написавшую сіе, и прославить щедраго и милостиваго Господа, преподавашаго сіе посредствомъ сквернаго моего языка и нечистыхъ устъ моихъ, въ образецъ покаянія и обращенія и въ показаніе незаблуднаго и истиннѣйшаго пути тѣмъ, кои отъ всей души желаютъ спастись и наслѣдовать царство небесное, въ самомъ Богѣ и Спасителѣ нашемъ,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ.

- 1) О трехъ образахъ вниманія и молитвы.
- 2) О первомъ образѣ.
- 3) О второмъ.
- 4) О третьемъ.

1) Есть три образа вниманія и молитвы, коими душа возвышается и преуспѣваетъ, или низвергается и гибнетъ. Кто эти три образа употребляетъ въ свое время и какъ слѣдуетъ, тотъ преуспѣваетъ; а кто употребляетъ ихъ неразумно и не вовремя, тотъ низвергается.

Вниманіе такъ должно быть связуемо и неразлучно съ молитвою, какъ связано и неразлучно тѣло съ душою. Вниманіе должно идти впередъ и сторожить

враговъ, какъ нѣкій стражъ; оно первое пусть вступаетъ въ борьбу съ грѣхомъ и противостоитъ злымъ помысламъ, входящимъ въ душу, а позади вниманія пусть слѣдуетъ молитва, которая истребляетъ и побиваетъ тотчасъ всѣ тѣ злые помыслы, съ которыми предъ симъ вело брань вниманіе: ибо одно оно не можетъ ихъ побивать.

На этой брани вниманія и молитвы (съ помыслами) виситъ жизнь и смерть души. Если вниманіемъ хранимъ молитву чистою, то преуспѣваемъ; а если не внимаемъ, чтобъ хранить ее чистою, но оставляемъ неохраняемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываемъ непотребными и безуспѣшными.

Итакъ, поелику есть три образа вниманія и молитвы, то надлежитъ намъ показать отличительныя свойства каждаго образа, чтобъ любящій спасеніе избралъ лучшее.

2) О первомъ образѣ вниманія и молитвы.

Отличительныя свойства перваго образа таковы: когда кто, стоя на молитвѣ и воздѣвая на небо руки свои и очи свои, и умъ свой, держитъ въ умѣ божественныя помысленія, воображаетъ блага небесныя, чины ангеловъ и обители святыхъ, и кратко все, слышанное въ Божественныхъ Писаніяхъ, собираетъ въ умъ свой, и разсуждаетъ о томъ тогда—во время молитвы, зря на небо, и подвигаетъ тѣмъ душу свою къ возжеланію и любви Божіей, а иной разъ извлекаетъ даже слезы и плачетъ (то это будетъ первый образъ вниманія и молитвы).

Но при этомъ образѣ (молитвы если кто на немъ одномъ останавливается, бываетъ, что) мало-по-малу (молящійся такъ) начинаетъ кичиться въ сердцѣ своемъ, самъ того не понимая; ему кажется, что дѣлаемое имъ

есть отъ благодати Божіей въ утѣшеніе ему, и онъ молитъ Бога сподобить его всегда пребывать въ такомъ дѣланіи. А это (т.-е. такъ думать о семъ образѣ молитвы) есть знакъ прелести: ибо добро уже не добро, когда не бываетъ добрымъ образомъ и какъ слѣдуетъ.

Такой человѣкъ, если убезмолвится крайнимъ безмолвіемъ (т.-е. сдѣлается исихастомъ, у насъ—затворникомъ), то ему едвали можно не изступитъ изъ ума (будетъ онъ находиться въ крайней опасности пострадать сіе). Но если и случится, что не изступитъ онъ изъ ума, все же невозможно ему будетъ стяжать добродѣтели или безстрастіе. На этомъ пути стоя, прельщаются и тѣ, которые видятъ свѣтъ тѣлесными очами своими, обоняютъ благовонія обоняніемъ своимъ, слышатъ глашы ушами своими, и подобное. Нѣкоторые изъ такихъ възбѣсновались и въ безуміи ходятъ съ мѣста на мѣсто. Другіе прельстились, принявъ діавола, преобразившагося и явившагося имъ въ видѣ Ангела свѣта, а они того не распознали, и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совѣта ни отъ какого брата. Иные изъ такихъ сами себя лишили жизни, бывъ подвигнуты на то діаволомъ; иные бросились въ пропасть; иные удавились. И кто можетъ пересказать разныя прелести, какими прельщаетъ ихъ діаволь, когда они неисчислимы?

Изъ сказаннаго нами всякій разумный человѣкъ можетъ понять, какой вредъ происходитъ отъ сего перваго образа вниманія и молитвы (если почитать его послѣднимъ предѣломъ совершенства въ молитвѣ). Если же и случится кому изъ употребляющихъ сей образъ не пострадать никакого изъ тѣхъ золъ, о коихъ мы сказали, по причинѣ сожительства съ братьями (потому что имъ подвергаются особенно тѣ, которые живутъ

удивленно), то все же онъ всю жизнь свою проведетъ, не преуспѣвши (въ духовной жизни).

3) *О второмъ образѣ вниманія и молитвы.*

Второй образъ есть такой,—когда кто сводитъ умъ свой внутрь себя, отвлекая его отъ всего чувственного, хранить чувства свои собираетъ всѣ помыслы свои, чтобъ не скитались по суетнымъ вещамъ міра сего,—и то изслѣдуетъ помыслы свои, то вникаетъ въ слова читаемой молитвы, то возвращаетъ назадъ помыслы свои, если они, бывъ плѣнены діаволомъ, унеслись къ чему суетному и худому, то съ большимъ трудомъ и само понужденіемъ напрягается придти въ себя самого, если былъ возобладавъ и побѣжденъ какою либо страстію. Отличительная черта сего дѣла та, что оно происходитъ въ головѣ: мысли съ мыслями борются.

Имѣя такой подвигъ и такую брань съ самимъ собою, не можетъ онъ мирствовать въ себѣ никогда и не находитъ времени заняться дѣланіемъ добродѣтелей, чтобъ получить и вѣнецъ правды. Такой человекъ подобенъ ведущему брань съ врагами своими ночью въ темнотѣ, который слышитъ голоса враговъ своихъ и принимаетъ удары отъ нихъ, но не можетъ ясно видѣть, кто они такіе, откуда пришли, какъ и для чего быють его. Потому что самъ онъ пребываетъ въ головѣ, а помышленія злыя исходятъ изъ сердца. Онъ и не видитъ ихъ, такъ какъ не внимаетъ сердцу. Тьма, которая въ умѣ его, и буря, какую имѣетъ онъ въ помыслахъ своихъ, причиняють ему сей ущербъ (т.-е. не даютъ ему видѣть это), и вѣтъ ему возможности ускользнуть отъ враговъ своихъ демоновъ, чтобъ они не поражали его. Тщетно подвигъ трудъ, несчастный, и даже совѣтъ терлеть мзду свою, если при этомъ, и самъ не замѣчая того, возобладавъ бываетъ тщеславіемъ, воображая, что над-

лежаще внимаетъ себѣ. Въ гордости своей презираетъ онъ другихъ и осуждаетъ ихъ, а себя самого хвалитъ, мечтая при семъ, что достоинъ быть пастыремъ словесныхъ овецъ и руководить другихъ, и походить онъ на слѣпца, который берется водить другихъ слѣпцовъ.

Таковъ второй образъ (вниманія и молитвы)! И всякій, желающій себѣ спасенія, долженъ знать ущербъ, причиняемый имъ душѣ, и добръ внимать себѣ. Впрочемъ онъ лучше перваго, какъ лучше ночь лунная ночи темной, въ которую не свѣтитъ луна.

4) *О третьемъ образѣ вниманія и молитвы.*

Третій образъ воистинну дивенъ есть и неудобобизъяснимъ, и для тѣхъ, которые не знаютъ его опытно, не только неудобопонятенъ, но кажется даже невѣроятнымъ; и они не вѣрятъ, чтобъ подобная вещь бывала на дѣлѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ наши времена, сей образъ вниманія и молитвы встрѣчается не у множайшихъ, а у весьма немногихъ; и, какъ мнѣ думается благо сіе убѣгло отъ насъ вмѣстѣ съ послушаніемъ.—Послушаніе, если кто возьмѣтъ его къ духовному отцу своему въ совершенствѣ, дѣлаетъ его безпопечительнымъ относительно всего такъ какъ онъ всю печаль свою однажды навсегда возвергъ на духовнаго отца своего; почему, будучи далекъ отъ всякаго пристрастія мірскаго, онъ является способнымъ къ тому, чтобъ быть весьма ревностнымъ и вѣнностнымъ дѣлателемъ сего третьяго образа молитвы, если впрочемъ нападетъ и на духовнаго отца истиннаго, который самъ не состоитъ въ прелести. Ибо кто посвятилъ себя Богу и всю печаль свою возвергнетъ на Него и на духовнаго отца своего, такъ что по истинному послушанію перестанетъ уже жить своею собственною жизнію

и творить волю свою, но умереть для всякаго пристрастія мірскаго и для тѣла своего,—такой какою приременною вещью можетъ быть побѣжденъ и поработченъ? или какое попеченіе и какую заботу можетъ имѣть? Вслѣдствіе сего, этихъ третьимъ, бывающимъ вмѣстѣ съ послушаніемъ, образомъ вниманія и молитвы, всѣ козни и хитрости, какія бы ни употребляли демоны, чтобъ увлечь умъ его къ помысламъ многимъ и разнообразнымъ, бывають уничтожаемы и разсѣиваемы; ибо тогда умъ такого человѣка, будучи свободенъ отъ всего, имѣетъ благовременіе, безъ всякой помѣхи изслѣдовать наносимые демонами помыслы и съ великимъ удобствомъ отгонять ихъ, и чистымъ сердцемъ приносить молитвы свои Богу. Таково начало истинной жизни (духовной)! И которые не полагають такого начала, всеу трудятся, сами не зная того.

Начало сего третьяго образа не то, чтобъ возрѣвать на небо, воздѣвать руки свои горѣ, имѣть умъ свой въ томъ, что на небѣ: это, какъ мы сказали, есть принадлежность перваго образа и недалеко отъ прелести,—и не то, чтобъ хранить умомъ своимъ чувства и на это обращать все свое вниманіе, а на внутреннія брани душевныя, причиняемыя врагами, не смотрѣть (они смотрятъ и борются, но все въ головѣ, и не остерегаются ихъ): это принадлежность втораго образа, и кто употребляетъ это, попадетъ въ рабство демонамъ, и не можетъ сотворить отмищенія симъ поработителямъ своимъ, но враги и непрестанно борять его явно и тайно, и дѣлають его тщеславнымъ и гордымъ.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дѣло такимъ образомъ: послѣ (установленія въ сердцѣ) совершеннаго послушанія, какое, какъ мы сказали, должно тебѣ имѣть къ духовному отцу своему, и всѣ прочія дѣла свои дѣлай съ чистою совѣстію, какъ бы

ты былъ предъ лицомъ Бога: ибо безъ послушанія невозможно быть совѣсти чистой. Совѣсть же свою хранить чистою долженъ ты въ троякомъ отношеніи: въ отношеніи къ Богу, въ отношеніи къ духовному отцу своему и въ отношеніи къ прочимъ людямъ, также къ вещамъ и предметамъ міра (житейскимъ).

Въ отношеніи къ Богу долгъ имѣешь хранить совѣсть свою чистою, не позволяя себѣ дѣлать ничего такого, о чемъ знаешь, что оно не упокоиваетъ Бога и непріятно Ему.

Въ отношеніи къ духовному отцу своему, дѣлай одно то, что онъ заповѣдуетъ тебѣ, и ни больше, ни меньше того не позволяй себѣ дѣлать, но шествуй по намѣренію его и по волѣ его.

Въ отношеніи къ другимъ людямъ соблюдеши совѣсть свою чистою, не позволяя себѣ дѣлать имъ ничего такого, что самъ ненавидишь и чего не желаешь, чтобъ они дѣлали тебѣ самому.

И въ отношеніи къ вещамъ долгъ имѣешь хранить совѣсть свою чистою, употребляя ихъ всегда, какъ должно,—именно пищу, питіе, одежду.

И вкратцѣ, все дѣлай такъ, какъ бы ты былъ предъ лицомъ Бога, и ни въ какомъ дѣлѣ не допускай себя до того, чтобъ обличала и уязвляла тебя совѣсть, что ты не сдѣлалъ его хорошо.

Дѣйствуя такимъ образомъ, ты уравниаешь себѣ истинную и незаблудную стезю къ третьему образу вниманія и молитвы, который есть слѣдующій: умъ (былъ въ сердцѣ—отличительная черта сего третьяго образа молитвы) да хранитъ сердце въ то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, изъ глубины сердца да возсылаетъ молитвы къ Богу. (Въ этомъ все; трудись

такъ, пока вкусишь Господа). Когда же наконецъ умъ тамъ, внутрь сердца, вкусить и чувствомъ ощутить, яко благъ Господь, и усладится тѣмъ (нашъ трудъ; вкушеніе же сіе есть дѣйство благодати, въ смиренномъ сердцѣ), тогда не захочетъ уже онъ отдаляться отъ мѣста сердечнаго (тогда скажетъ и онъ тѣже слова, какія сказалъ Ап. Петръ: *добро намъ здѣ быти....*) и всегда уже будетъ взирать туда внутрь сердца и тамъ неисходно вращаться, отгоняя всѣ помыслы, всѣваемые діаволомъ (се третій образъ вниманія и молитвы, какъ ему слѣдуетъ быти!). Для тѣхъ, которые никакого не имѣютъ свѣдѣнія о семъ дѣлѣ и не знаютъ его, оно большею частію кажется трудноватымъ и утѣснительнымъ; но тѣ, которые вкусили сладости, какую оно имѣетъ, и усладились ею въ глубинѣ сердца своего,—эти вызываютъ съ божественнымъ Павломъ и говорятъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы* и проч. (Рим. 8, 35).

Почему св. отцы наши, слыша Господа говорящаго, что *изъ сердца исходятъ помысленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татѣбы, лжесвидѣтельства, хулы*, и что *сія суть сквернящая человека* (Мѣ. 15, 19. 20),—слыша также, что въ другомъ мѣстѣ Евангелія заповѣдуется намъ очищать внутреннее сткляницы, да будетъ и вѣншее чисто (Мѣ. 23, 26),—оставили всякое другое духовное дѣло и стали всецѣло подвизаться въ этомъ одномъ дѣланіи, т.-е. въ храненіи сердца, будучи увѣрены, что вѣнствѣ съ этимъ дѣланіемъ удобно стяжутъ и всякую другую добродѣтель, а безъ него не могутъ установиться ни въ одной добродѣтели. Это дѣланіе нѣкоторые изъ отцевъ называли сердечнымъ безмолвіемъ; другіе называли его вниманіемъ иные—трезвеніемъ и противорѣчіемъ (помысламъ), иные еще разсмотрѣніемъ помысловъ и храненіемъ ума. Они всѣ въ немъ

преимущественно упряжались, и имъ сподобились получить божественныя дарованія. Его разумѣть и Екклесіастъ, когда говоритъ: *веселися, юноше, въ юности твоей, и ходи въ путехъ сердца твоего непороченъ* (Екклес. 11, 9) и чистъ, удаляя сердце свое отъ помышлений злыхъ. О семъ же самомъ говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ,—что если найдетъ на тебя прилогъ діавольскій, то не позволяй ему войти въ мѣсто твое, разумѣя подъ мѣстомъ сердце (—10, 4). И Господь намъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *не возноситесь* (μη μεγαλίζετε, — не носитесь, какъ метеоры,—Лук. 12, 29), т.-е. не носитесь умомъ своимъ туда и сюда. И въ другомъ мѣстѣ Онъ же говоритъ: *блаженни нищии духомъ* (Μα. 5, 3), т.-е. блаженны тѣ, которые не стяжали въ сердцѣ своемъ никакого пристрастія къ міру, но бѣдны всякимъ помышломъ мірскимъ. И всѣ св. отцы много писали объ этомъ. Кто хочетъ, пусть читаетъ писанія ихъ и увидитъ; пусть прочитаетъ, что написалъ Маркъ подвижникъ, что сказали св. Іоаннъ Лѣствичникъ, преподобный Исихій, Филовей Синайскій, Ава Исаія, Варсанофій великій—и другіе многіе.

Однимъ словомъ, кто не внимаетъ себѣ и не хранитъ ума своего, тотъ не можетъ сдѣлаться чистъ сердцемъ, чтобъ сподобиться узрѣть Бога. Кто не внимаетъ себѣ, тотъ не можетъ быть нищъ духомъ, не можетъ сокрушаться и плакать, ни быть тихимъ и кроткимъ, ни алкать и жаждалъ правды, ни быть милостивымъ, или миротворцемъ, ни перенести гоненіе за правду. И обще говоря, нѣтъ возможности стяжать добродѣтели инымъ какимъ-либо способомъ кромѣ сего вниманія. Почему, паче всего другого о немъ надлежитъ тебѣ приложить стараніе, чтобы собственнымъ опытомъ извѣдать, что я говорю тебѣ. — Если желаешь научиться и тому, какъ слѣдуетъ это дѣлать, я скажу тебѣ объ этомъ.

Три вещи надлежитъ тебѣ соблюдать прежде всего другаго: *безпеченіе* о всемъ, даже благословномъ, а не только неблагословномъ и суетномъ, или иначе умертвиться всему, — *совѣсть чистую* во всемъ, такъ, чтобъ она не обличала тебя рѣшительно ни въ чемъ, — и совершенное *безпристрастіе*, чтобъ помысль твой не клонилась ни къ какой мірской вещи. Стой вниманіемъ внутри себя самого (не въ головѣ, а въ сердцѣ). *) Тамъ имѣй умъ свой, стараясь всячески обрѣсти мѣсто, гдѣ сердце, чтобъ обрѣтши его, тамъ уже всецѣло пребывалъ умъ твой. Умъ, подвизаясь въ семъ, улучшить мѣсто сердца. Это случится, когда благодать дастъ сладость и теплоту молитвенную. Съ сего же момента и потомъ, съ какой бы стороны ни возникъ и ни показался какой либо помысль, прежде чѣмъ войдетъ онъ внутрь и помыслится, или вообразится, умъ тотчасъ прогоняетъ его оттуда и уничтожаетъ именемъ Іисусовымъ, т.-е. Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Съ сего также времени, умъ человѣка начинаетъ имѣть злобу и ненависть къ демонамъ, поднимаетъ на нихъ непрестанную войну и поражаетъ. Прочее же, что обыкновенно послѣдуетъ за сими дѣланіемъ, съ Божіею помощію самъ изъ опыта узнаешь, посредствомъ вниманія ума, и держа въ сердцѣ Іисуса,

*) При семъ Св. Симеонъ указываетъ нѣкіе вѣдѣніе приемы, кои иныхъ соблазняютъ и отбиваютъ отъ дѣла, — а у другихъ покривляютъ само дѣланіе. Такъ какъ сіи приемы, по недостатку руководителей, могутъ сопровождаться не добрыми послѣдствіями, а между тѣмъ суть ни что иное, какъ вѣдѣніе приспособленіе къ внутреннему дѣланію, ничего существеннаго не дающее, то мы ихъ пропускаемъ. Существо дѣла есть — приобрести навыкъ стоять умомъ въ сердцѣ, — въ этомъ чувственномъ сердцѣ, но нечувственно. Надо умъ изъ головы свести въ сердце и тамъ его усадить, или, какъ нѣкто изъ старцевъ сказали, сочетать умъ съ сердцемъ. — Какъ этого достигнуть? Ищи и обращай. Удобнѣе сего достигнуть хожденіемъ предъ Богомъ и молитвеннымъ трудомъ, особенно хожденіемъ въ церковь. — Но, помнишь надо, что нашъ только трудъ, а само дѣло, т.-е. сочетание ума съ сердцемъ, есть даръ благодати, подаемый, когда и какъ хочетъ Господь. Лучшій примѣръ — Максимъ Капскаливъ.

т.-е. молитву Его — Господи Иисусе Христе, помилуй мя! И нѣкто изъ отцевъ говоритъ: „сиди въ келліи своей, и она научитъ тебя всему“.

Вопросъ: но почему же первый и второй образы вниманія и молитвы не могутъ доставить сего?

Отвѣтъ. Потому что мы не такъ употребляемъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Св. Іоаннъ Лѣстничникъ, уподобляя сіи образы, какъбы лѣствицѣ нѣкоей о четырехъ ступеняхъ, говоритъ: яныя укрощаютъ страсти и смиряются; иныя поютъ, т.-е. молятся устами; иныя упражняются въ умной молитвѣ; иныя восходятъ въ созерцаніе. Которые берутся восходить по симъ ступенямъ, не начинаютъ съ верхнихъ, чтобъ нисходить къ нижнимъ, а отъ нижнихъ идутъ къ верхнимъ, — ступаютъ на первую, потомъ на вторую, далѣе на третью и наконецъ на четвертую. И вотъ какиимъ образомъ можетъ, кто желаетъ, подняться отъ земли и взойти на небо: во-первыхъ нужно подвизаться умомъ и укротить страсти, во вторыхъ, упражняться въ псалмопѣніи, т.-е. молиться устами, потому что когда умалится страсти, тогда молитва уже естественно доставляетъ удовольствіе и сладость даже языку и влѣняется въ благоугодную предъ Богомъ, въ третьихъ, молиться умно, — и въ четвертыхъ, восходить въ созерцаніе. Первое свойственно новоначальнымъ, второе — преуспѣвающимъ, третье — подходящимъ къ послѣднимъ степенямъ преуспѣянія, а четвертое — совершеннымъ.

Итакъ, начало не другое какое есть, какъ умаленіе и укрощеніе страстей; а онѣ не другимъ какиимъ способомъ умалются въ душѣ, какъ храненіемъ сердца и вниманіемъ: ибо, какъ говорить Господь нашъ, отъ сердца исходятъ помышленія злыя, которыя скверняютъ человѣка; тамъ и потребны вниманіе и храненіе. Когда же страсти, посредствомъ сопротивленія имъ сердца, усмирятся совѣсть, тогда умъ приходитъ къ возжела-

нію Бога и ищетъ содружиться съ Нимъ, для чего умножаетъ молитву и въ ней преимущественно проводить время. Отъ сего возжеланія Бога и молитвы умъ дѣлается сильнымъ и прогоняетъ всѣ помыслы, которые вращаются вокругъ, чтобъ войти въ сердце, поражая ихъ молитвою. И тогда бываетъ брань,— съ великимъ шумомъ возстаютъ злые демоны и посредствомъ страстей производятъ мятежъ и бурю въ сердцѣ; но именемъ Иисуса Христа все сіе потребляется и разливается, какъ воскъ въ огнѣ. Однакожъ и бывъ изгнаны и вышедъ изъ сердца, они не успокоиваются, но опять покушаются возмутить умъ совнѣ чрезъ чувства; впрочемъ умъ и тутъ очень скоро восстанавливаетъ въ себѣ и начинаетъ чувствовать тишину, обычно въ немъ бывающую, потому что они не имѣютъ силы возмущать самую глубину ума, а возмущаютъ только поверхность его. Но совсѣмъ избавиться отъ брани и не быти боримымъ злыми демонами, умъ все еще не можетъ. Это—достояніе совершенныхъ,— тѣхъ, которые всецѣло отрѣшаются отъ всего и непрестанно пребываютъ во вниманіи сердечномъ.

Итакъ, кто проходитъ все сіе по чину, каждое въ свое время, тотъ можетъ, послѣ того какъ очистится сердце его отъ страстей, всецѣло весь и вдаваться въ псалмопѣніе, и противоборствовать помысламъ, и на небо воззрѣвать чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молиться чисто воистину, какъ подобаетъ.

Впрочемъ воззрѣвать на небо чувственными очами надо, сколько можно, рѣже, страха ради злыхъ, въ воздухѣ находящихся, демоновъ, которые потому и называются духами воздушными, многоразличныя прелести производящими на воздухѣ,—и намъ надлежитъ быть внимательными. Богъ одного отъ насъ требуетъ, того,

чтобъ сердце наше было очищаемо посредствомъ вниманія. А затѣмъ будетъ, по слову Апостола: „если корень святъ, то явно святы и вѣтви, и плодъ“ (Рим. 11, 16). Если же кто не въ такомъ порядкѣ, какъ мы сказали, станетъ возводить очи свои и умъ свой на небо, и воображать что либо мысленное, то онъ увидитъ мечтанія, что нибудь ложное, а не истинное, по той причинѣ, что сердце его нечисто. Такъ первый и второй образъ вниманія и молитвы, какъ мы не разъ говорили, не приводятъ человѣка въ преуспѣяніе. Почему, какъ желая построить домъ, мы не кровлю прежде возлагаемъ, а послѣ полагаемъ основаніе, потому что такъ нельзя, но прежде кладемъ основаніе, потомъ строимъ домъ, и тогда уже возлагаемъ кровлю: такъ надлежитъ намъ поступать и въ отношеніи къ духовному: прежде положимъ основаніе, т.-е. ставемъ хранить сердце и изгонимъ изъ него страсти, потомъ построимъ духовный домъ, т.-е. прогонимъ мятежъ, воздвигаемый въ насъ злыми духами посредствомъ внѣшнихъ чувствъ и навывкнемъ пресѣкать сію брань, какъ можно скорѣе, и тогда же возложимъ и кровлю, т.-е. совершенное отрѣшеніе отъ всего, чтобъ всецѣло предаться Богу, — и тѣмъ закончимъ духовный домъ свой во Христѣ Богѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ.

О покаяніи и началѣ добродѣтельной жизни; также о томъ, что должно дѣлать каждадневно тому, кто кается; еще — о сокрушеніи и слезахъ.

Братія мои возлюбленные, послушайте словъ моихъ. съ радостію примите совѣтъ мой, который даю я вамъ на благо вамъ, и со всякимъ усердіемъ постарайтесь исполнить то малое, что скажу въ общую для меня и

для васъ пользу: ибо исполняя то, что кажется малымъ, мало по малу преуспѣваемъ, восходимъ къ большему и дѣлаемся совершенными во Христѣ мужами. Цѣль же слова моего такая:

По выходѣ изъ церкви, не разсѣивайтесь умомъ своимъ по суетнымъ и бесполезнымъ вещамъ, чтобы діаволь, пришедши и нашедши васъ занятыми такою суетою, не похитилъ тотчасъ изъ сердець вашихъ памятованія слышанныхъ вами въ церкви душеполезныхъ словесъ, какъ птицы расхищаютъ сѣмена пшеницы, трудолюбно посѣянные на полѣ, но еще не сокрытыя въ землю,—и вы опять не остались пустыми отъ спасительнаго ученія. Но кто имѣетъ какое либо руководѣіе, или другое какое послушаніе, иди къ руководѣію своему, или на послушаніе свое, поникши взоромъ въ землю и себѣ внимая. Сидя же за руководѣіемъ, или исполняя послушаніе, говори самому себѣ: Увы мнѣ бѣдному! Сколько времени прожилъ я, носясь умомъ туда и сюда, предаваясь суетѣ, празднословію и смѣхамъ! Горе мнѣ! Чего ради такъ непотребствую? Чего ради такъ осужаюсь? Слушаю Божественныя Писанія, но даже доселѣ не далъ имъ принести мнѣ пользу, какую обычно приносятъ имъ. Какой плодъ принесла мнѣ настоящая жизнь? Столько и столько уже лѣтъ прошло жизни моей—и кто знаетъ, доживу ли до-завтра? Столько лѣтъ ѣлъ я и пилъ, наполнялъ чрево мое яствами, винами и всякими сластями, украшался свѣтлыми одеждами, предавался утѣхамъ и веселію во вредъ душѣ своей; столько и столько наживая денегъ, тратилъ ихъ на пустыя и ничтожныя вещи, часто ходилъ въ баня, намащался драгоценными мастями, ѣздилъ на дорого-убранныхъ коняхъ, давалъ много-расходные обѣды, завидовалъ ближнему своему, осуждалъ, падалъ въ плотскіе грѣхи, присвоивалъ чужое, лгалъ, между тѣмъ широкій имѣлъ

кругъ друзей и знаемыхъ, и славное себѣ стяжалъ имя въ мірѣ семъ, ложился на мягкихъ постеляхъ, всячески упокоевая сіе земное тѣло мое и спалъ безъ мѣры.— Что изъ всего этого принесло мнѣ доселѣ какую либо пользу? И какую имѣть принести пользу въ часъ смерти? Если Богъ, имѣющій власть всякой плоти, повелитъ мнѣ завтра умереть, поистинѣ никакой не принесетъ мнѣ пользы все сіе. Позабочусь же наконецъ хотя послѣдніе дни жизни моей не провести въ суетѣ, но отнынѣ положу начало своему исправленію, оставлю всѣ худыя дѣла свои и, какъ велятъ святые отцы, стану дѣлать противоположныя имъ дѣла добрыя: вмѣсто многояденія стану поститься, и притомъ такъ много, чтобъ отъ поста и говорить съ кѣмъ либо не имѣть силы; утѣсню чрево свое алчбою и жаждою, и тогда конечно самъ собою укротится и неукротимый языкъ мой, тогда поникнетъ голова, насушится взоръ, печалію покроется лице, и я избавлюсь отъ веудержимой продерзости въ словахъ и движеніяхъ, и отъ паренія помысловъ, и легко пресѣку злой навѣкъ носиться умомъ туда и сюда, шутить и смѣяться; одѣваться стану въ одежды смиренныя, а прежнія, многоцѣнныя и свѣтлыя, раздамъ бѣднымъ, раздамъ имъ и всѣ деньги, которыя имѣю въ рукахъ. Какая мнѣ нужда заботиться теперь объ этомъ, когда я рѣшаюсь всего себя посвятить Богу, питающему всѣхъ? Не стану болѣе ѣздить на коняхъ и мулахъ, отрекусь отъ друзей и сродниковъ; ибо кто любитъ другаго кого паче Христа, тотъ недостоинъ Его, какъ говоритъ самъ Онъ. Не буду болѣе ходить въ бани, не стану спать на мягкихъ постеляхъ, и буду со всѣмъ желаніемъ ложиться на землю, гдѣ сухо и жестко, чтобъ противъ воли поменьше спать, располагая себя къ такому лишенію то убѣжденіемъ, что, если и умру, не потерплю вреда, то помышленіемъ: да развѣ я достоинъ жить? Если стану

такъ поступать, то легко буду пробуждаться въ полночь и, припадая къ Богу, горько оплакивать грѣшную душу свою, взывая къ Нему со слезами и воздыханіями:

Владыко, Господи Іисусе Христе, Царь неба и земли! Знаю, что паче всякаго человѣка, даже паче всякаго неразумнаго животнаго и пресмыкающагося согрѣшилъ я предъ Тобою, страшнымъ и неприступнымъ Богомъ моимъ, и нѣсмь достоинъ обрѣсти какую-либо у Тебя милость. По сей причинѣ и не дерзнуль бы я прибѣгнуть и припасть къ Тебѣ, человѣколюбче Царю, если бы не слышалъ святаго гласа Твоего, глаголющаго: *хотѣиѣмъ не хотѣти смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іез. 18, 23; 33, 11), и еще: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лк. 15, 7).—и если бѣ не помнилъ притчи о блудномъ сынѣ, которую слышимъ отъ Тебя во святомъ Евангеліи,—именно, какъ Ты, прежде чѣмъ блудный сынъ, покаявшійся и шедшій къ Тебѣ, приблизился къ Тебѣ, истекъ къ нему, какъ благоутробный отецъ, и, падши на выю его, облобызавъ его. Вспомнивъ это, возмѣль и я дерзновенное упованіе на безмѣрное благоутробіе Твое, и пришедши палъ предъ Тобою, съ болѣзнію, печалованіемъ и стenanіями сердца моего. Злѣ изъявленъ я, омраченъ и обезчувственъ, и въ жалкомъ положеніи лежу въ безднѣ грѣховъ моихъ. Но отнынь даю обѣщаніе, что не оставлю Тебя, Господи мой, до послѣдняго издыханія моего, не возвращусь вспять къ прежнимъ грѣхамъ моимъ и не стану болѣе дѣлать злыхъ и суетныхъ дѣлъ моихъ. Ты же, Господи Боже мой, знаешь немощь мою и крайность, мое малодушіе и вкоренившіяся влеченія, которыя имѣють силу тиранствовать надо мною, томить и тѣснить меня. Молю убо Тебя, не оставь меня и помощи мнѣ. Не попусти, Бла-

гій, врагу нашему діаволу посмѣяться надо мною, ибо отнынѣ я рабъ Твой.

Вотъ о чемъ надлежить всегда помышлять, брате, тебѣ, восхотѣвшему покаяться, оставить прежнюю жизнь и положить начало шествію истиннымъ путемъ покаянія.—При этомъ и вотъ еще что надобно тебѣ соблюдать: не вкушай пищи до вечера. Когда же придетъ время и ты поѣшь немного, тогда, вошедши въ келлію свою, сядь на лавку и размышляй въ умѣ своемъ о всемъ, что сказано предъ симъ. Во первыхъ, поблагодари Бога, что сподобилъ тебя достигнуть конца дня и начала ночи; потомъ себя самого просмотри, вспоминая, сколько грѣшилъ ты предъ Богомъ Творцемъ своимъ, и сколько Онъ долготерпѣлъ на тебѣ, сохраняя твою жизнь, и подавая тебѣ все потребное для тѣла -- ястіе, питіе, одежду, кровъ и жилище, и какъ не прогнѣвался Онъ на тебя, не возгнушался тобою за грѣхи твои и не предалъ тебя смерти, или демонамъ на истребленіе. Когда же передумаешь все сіе добрѣ, постели рогожу твою на-зemi, положи небольшой камень въ возглавіе и приготовь такимъ образомъ мѣсто, гдѣ имѣешь лечь на сонъ.

Теперь послушай, — я открою тебѣ иной подвигъ теплаго покаянія, который въ короткое время породитъ въ тебѣ сокрушеніе и слезы, хотя бы ты былъ каменносердеченъ, жестокъ на плачь, неподатливъ на сокрушеніе.—Не почти однакожъ страннымъ и необычнымъ для вѣрующихъ то, что скажу тебѣ, прежде чѣмъ испытаешь то. Сіе вѣдай, что, кто сохранилъ себя по крещеніи не оскверненнымъ отъ грѣха, для того не требуется особый подвигъ покаянія, такъ какъ онъ не впалъ ни въ какой грѣхъ, но силою Божіею чистъ есть и нескверенъ. Но кто по крещеніи осквернилъ себя непотребными дѣлами и грѣхами, и тѣло свое, которое

есть храмъ Божій, блудно содѣлать жилищемъ похотей, страстей и демоновъ, для того потребенъ не тотъ только подвигъ покаянія, о которомъ я имѣю сказать тебѣ, но потребны и многіе другіе покаянные подвиги и приемы самоумерщвления и самоозлобленія, чтобъ умилистити Бога и возвратить себѣ то божественное достоинство, которое потерялъ по причинѣ своей грѣховной жизни. Да удостовѣритъ тебя въ этомъ слово о покаяніи св. отца нашего Іоанна лѣствичника, въ которомъ показано много такихъ подвиговъ.

Въ чемъ же состоитъ тотъ подвигъ покаянія, который я отечески совѣтую тебѣ? Слушай, брате мой, смысленно и не соблазняясь. Послѣ того, какъ приготовишь рогожу, какъ я сказалъ, на которой имѣешь лечь спать, ставъ на молитву, какъ какой осужденникъ и прочитай прежде *Трисвятое* и *Отче нашъ*,—что произнося, припомни, кто ты и кого именуешь отцемъ. Дошедши же до—*Господи помилуй*, и желая воздѣть руки горѣ, воззри на небо очами своими, взгляни потомъ на руки свои, и собравъ умъ свой внутрь себя, припомни, сколько злыхъ и срамныхъ дѣлъ надѣлалъ ты этими руками, и убойся, говоря въ себѣ самомъ: увы мнѣ нечистому и скверному! Не возрѣлъ бы Богъ немилостиво на то, что я такъ безстрашно простираю руки свои къ Нему, и вспомянувъ, сколько зла надѣлалъ я ими, огонь низвергнуши, не попалилъ меня? Почему обративъ руки свои назадъ, какъбы онѣ тамъ были связаны, какъ бываетъ у вѣдомаго на смерть осужденника, и воздыхая изъ глубины души, скажи жалостливымъ голосомъ: помилуй мя, Господи, не достойнаго жизни сей, а достойнаго всякаго мученія,—и другое, что сказать просвѣтитъ тебя благодать Божія. Воспомявая же при семъ злыя дѣла свои, бей себя, сколько можешь, безъ жалости, говоря: о, лукавый и трепокаанный! Какъ дерзнуть ты сдѣлать такіа

и такіа злыя дѣла?—И опять стой и молись, призывая помилованіе Божіе. Затѣмъ бей себя по лицу, дери себя за волосы, таская ихъ, какъбы они принадлежали другому кому, врагу твоему и навѣтнику. говоря: зачѣмъ надѣлалъ ты такіа и такіа злыя дѣла? Послѣ того, какъ ты такимъ образомъ достаточно отдерешь себя, стань смиренно, сложивъ руки свои предъ собою и прочитай со вниманіемъ два или три псалма. И опять начни размышлять о томъ, что сказали мы выше. И, можетъ быть, умиосердится надъ тобою Богъ и дастъ тебѣ слезы и сокрушеніе. Если дастъ, стой тогда на томъ-же мѣстѣ, пока не прекратятся слезы. Если же не придутъ слезы, пожалѣй о томъ и скажи себѣ: сокрушеніе и слезы даются достойнымъ, и тѣмъ, которые приготовились къ тому; ты же давно ли это сталъ молиться о томъ, или положилъ работать Господу? Или какими добрыми дѣлами приготовилъ себя къ принятію ихъ? Не довольно ли для тебя того одного, что тебѣ дается еще пожить? Скажи это и воздай благодареніе Богу. Потомъ запечатлѣй знаменіемъ честнаго креста лице свое и грудь свою и, припадши на рогожу, засни.

Когда проснешься, не переворачивайся на другой бокъ, но встань тотчасъ, и твори молитву тѣмъ образомъ, какой я тебѣ указалъ. Ложиться же опять совсѣмъ не ложись, но если останется время, почитай что нибудь, пока придетъ часъ службы церковной. Тогда иди вмѣстѣ съ другими въ церковь, и пришедши туда, стой со страхомъ и трепетомъ, какъбы ты стоялъ на небѣ между Ангелами, почитая себя недостойнымъ находиться вмѣстѣ съ братіями. Внимай добръ, чтобъ не озираться туда и сюда, и не подсматривать за братіями, какъ кто стоитъ, или поетъ, но внимай лишь себѣ самому, службѣ и грѣхамъ своимъ, воспоминаая при семъ и молитву, какую

творишь въ келліи своей, т.-е. Господи Іисусе Христе, и проч. Въ продолженіе службы не обращай ни къ кому съ какимъ-либо празднымъ словомъ и не выходи изъ церкви прежде отпуста. Если возможно, не садись даже и во время чтенія (изъ св. отцевъ), но отойди въ какое-либо скрытное мѣсто, стой и слушай, какъ-бы устами чтеца говорилъ къ тебѣ самъ, сый надъ всѣми Богъ. Если опредѣлять тебя совершать чтеніе, читай внятно и съ умиленіемъ, помышляя въ себѣ, что ты недостойнъ читать братіямъ богодохновенныя писанія. Когда же, кончивъ чтеніе, будешь класть обыкновенные поклоны на оба хора, не дѣлай этого небрежно и съ презорствомъ, но почитая всѣхъ братій какъ-бы сынами Божиими и Ангелами, такъ низко поклоняйся, чтобъ голова твоя доходила почти до пола, и говори тайно въ себѣ самомъ внутрь сердца своего: молитесь о мнѣ, святые Божіи, и простите меня грѣшнаго и недостойнаго неба и земли — Также, если велятъ тебѣ канонаршить, не канонарши небрежно и лѣнливо, а обдуманно и съ великимъ вниманіемъ, какъ-бы передавая гласомъ своимъ, какъ рукою, божественные глаголы братіямъ своимъ, предъ лицемъ Царя всяческихъ Христа. Бойся оказать презрѣніе къ какому-либо брату и не преподать ему животворнаго хлѣба, т.-е. слова Божія, чтобъ не быть, какъ презрителю, изгнану не только изъ церкви, но и изъ царства небеснаго. — По отпустѣ же, выйдя изъ церкви и направляясь къ келліи, готовься къ дѣламъ дня, и для того просмотри, какъ провелъ ты вчерашній день, и если окажется, что въ чемъ либо погрѣшилъ, исправь то нынѣ.

Если будешь ты всегда поступать такимъ образомъ, не прерывая, то Христосъ Господь не замедлитъ явить тебѣ милость Свою. Я ставлю тебѣ въ этомъ порукою благоутробнаго Бога, я, — хотя и очень дерзновенно го-

ворить такъ, —я обѣщаю тебѣ это отъ лица человеколюбиваго Бога. Пусть я умру, пусть преданъ буду вѣчному огню адскому вмѣсто тебя, если презрѣть тебя Господь и оставить. Только не дѣлай того, что я тебѣ сказалъ, съ раздумываніемъ и двоедушіемъ. Что это за раздумываніе и двоедушіе? Внимай и познаешь. Раздумываніе есть, когда кто помышляетъ въ умѣ своемъ и говоритъ внутри самъ себѣ: помируетъ ли меня Богъ, или нѣтъ? Это—или нѣтъ—есть признакъ невѣрія. Если же ты не вѣришь, что Богъ большую еще окажетъ тебѣ милость, нежели сколько чаешь, зачѣмъ и молишь Его о помилованіи? Двоедушіе есть, когда кто не всецѣло предаетъ себя на смерть для стяжанія царства небеснаго, но все еще попеченіе имѣетъ о тѣлѣ своемъ и о житейскомъ. Вотъ только чего должно оберегаться кающемся отъ всего сердца,—чтобъ не лишить себя какимъ-либо образомъ жизни и не сдѣлаться самоубійцею,—сказать къ примѣру, чтобъ не броситься съ какой стремнины, или другаго чего не сдѣлать разрушительнаго для жизни тѣлесной. О прочемъ же,—чѣмъ питаться, и чѣмъ поддерживать жизнь тѣла,—пусть совѣмъ пресѣчетъ всякую заботу, вѣря слову Спасителя, Который говоритъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 33). *Сія* вся—то, что необходимо для тѣла. Кто подвизается и проводитъ жизнь, какъ заповѣдуетъ святое Евангеліе, тотъ можетъ питаться всегда и жить однимъ хлѣбомъ и водою,—и быть при этомъ еще крѣпче и здоровѣе тѣхъ, которые ѣдятъ много разнообразныхъ яствъ. Почему и Апостолъ Павелъ говорилъ и говоритъ всегда: *имуще пишу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). И еще: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыхъ* (2 Кор. 1, 9).

Се, возлюбленный брате, я показаль тебѣ, какъ надлежитъ приступити къ Богу, и какой подвигъ покаянія надо показать предъ Нимъ. Не оставляй же ничего изъ того, что я сказалъ тебѣ, до послѣдняго твоего издыханія и не забывай добраго совѣта, мною грѣшнымъ тебѣ даннаго. Ибо хотя я и ничего не стоющій человекъ, но благодать Божія просвѣтила меня сказать то для спасенія твоего. Если ты съ помощію Божію исполнишь то, то познаешь и другія болѣе великія таинства, научаемъ будучи благодатію всесвятаго Духа; и за такія дѣла и подвиги дастся тебѣ не только источникъ слезъ, но и отчужденіе и отсѣченіе всѣхъ страстей. Кто, взясклавъ покаянія и сокрушенія, станетъ ревностно раз-узнавать, что способствуетъ и содѣйствуетъ сокрушенію, плачу и слезамъ, и исполнять то съ готовностію и тщаніемъ, и при этомъ не будетъ высоко себя ставить въ какомъ либо отношеніи, и творить какую-либо волю плоти; того такой образъ дѣйствованія скоро приведетъ къ преспѣванію, чистотѣ и безстрастію, сдѣлаетъ его достойнымъ пріять благодать Святаго Духа, и подобнымъ явиться великимъ отцамъ нашимъ: Антонію, Саввѣ, Евхимію.

Вотъ что подобаеъ тебѣ дѣлать, если любишь покаяніе и сокрушеніе! Если же не хочешь меня послушать и для стяжанія ихъ возьмишь всегдашнимъ и постояннымъ дѣломъ то, что я тебѣ сказалъ, по крайней мѣрѣ, не хули того ни ты, ни другой кто, говоря, будто это невозможно. Не говори также: я исповѣдался и исповѣданіемъ очистилъ грѣхи свои; я столько уже лѣтъ ищу спасенія; я столько изжилъ имущества и раздалъ денегъ на бѣдныхъ, питалъ алчущихъ, поилъ жаждущихъ и все свое достояніе расточилъ на нуждающихся; я ходилъ на святую гору (Аѳонъ), былъ у святаго гроба Господня, восходилъ на Елеонъ, посѣщалъ Синай, — и теперь живу особо въ уединен-

номъ мѣстѣ, держу постъ въ такіе и такіе дни, творю столько-то молитвъ и проч. За все это надѣюсь спас-
тися,—и довольно для меня.—Ни, о брате мой, кто бы
ты ни былъ говорящій сіе, — ни, не обольмай себя,
утѣшаясь такими суетными помышленіями, неразумно
сплетаемыми тобою. Все это хорошо, и очень хорошо.
Но знай, возлюбленный, что это только сѣмя.—И раз-
суди теперь самъ, что скажу тебѣ примѣрно: ты очистилъ
мѣсто, взоралъ, вдвоилъ и построилъ землю, и засѣялъ
ее; но прорасло ли сѣмя изъ глубины земли сердца тво-
его? Выросъ ли стебель и заколосился ли? Забѣлѣли
ли нивы душевной земли твоей и готовы ли къ жатвѣ?
Срывалъ ли ты колосья и теръ ли ихъ въ рукахъ сво-
ихъ, чтобъ видѣть, каковъ плодъ трудовъ твоихъ? Уви-
дѣвши его, вкусилъ ли? Вкусивши, насытился ли и под-
крѣпился ли? Если все это ты увидѣлъ, созналъ, испы-
талъ, почувствовалъ, — кланяюсь тебѣ, лобызаю ноги
твои и самые слѣды ногъ твоихъ, почитая себя недо-
стойнымъ поцѣловать тебя въ лице. Радуйся и весе-
лись, ибо явно, что ты пожинаешь съ великою радо-
стію, что посѣялъ съ немалымъ трудомъ и потомъ. Если
же не имѣешь и не чувствуешь въ себѣ ничего изъ
того, что я тебѣ говорю, и даже не знаешь, посѣялось
ли какое доброе сѣмя на землѣ сердца, твоего, то ка-
кая же, скажи мнѣ, прибыла тебѣ польза отъ того, что
ты окружилъ почти всю землю и достигъ до послѣднихъ
краевъ моря? Поистинѣ никакой не получилъ ты отъ
того пользы,—даже и отъ того, если притомъ разда-
валъ деньги. Ибо если я весь міръ помилую изъ того,
что не мое — скажу впрочемъ: пусть и мое, —
себя же самого оставлю нагимъ и скуднымъ внут-
реннею добротою духовною, и умерши предстану та-
кимъ предъ страшнымъ судилищемъ Спасителя. то ка-
кая мнѣ польза отъ всего прочаго? Намъ надлежить

выдти изъ міра и тѣла одѣянными и украшенными всякою духовною добротою, если желаемъ достойно возсѣдать за царскою трапезою на брачной вечери вмѣстѣ съ друзьями Царя. Что же это есть такое, во что я и всѣ вообще христіане должны облещися, чтобы не оказаться тогда нагими? Есть, братія мои Христосъ Богъ нашъ. Если же, опять скажу, я пройду всю землю, какъ одинъ домъ, и не оставлю ни одного села, города и церкви, не вошедши въ нее, не помолившись и не осмотрѣвши тщательно всего, что представится глазамъ моимъ, а потомъ лишень буду царствія небеснаго, то не лучше ли было бы для меня совсѣмъ не родиться, не дышать этимъ воздухомъ, и не видѣть этого солнца очами своими? Поистинѣ было бы лучше.

Что же мнѣ дѣлать, чтобы не лишиться царствія небеснаго? Если стану дѣлать все, о чемъ сказано выше, то получу Духа Святаго. Сей Духъ есть сѣмя Христа. Силою Его мы всѣ бѣдные и тлѣнные человѣки содѣлаваемся сродниками Христу. Сѣмя сіе, если падеть на добрую землю, то приносить приплодъ гдѣ въ тридцать, гдѣ въ шестьдесятъ, а гдѣ въ сто. И сей-то Духъ Святый есть царствіе небесное; все же прочее безъ Него ни къ чему не служить. Такимъ образомъ, брате мой, если мы не помилуемъ самихъ себя, если не сдѣлаемъ душъ своихъ очищенными покаяніемъ и преисполненными свѣта, то никакой не принесутъ намъ пользы всѣ другія дѣла, какъ говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *какая польза человеку, аще міръ весь приобрететъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человекъ измѣну за душу свою?* (Мѡ. 16, 26). И опять: *обрутъ душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Мѡ. 10, 39). Итакъ, если я не погублю души своей тѣмъ образомъ, о коемъ сказалъ, предавая себя на смерть изъ любви ко Христу,—и опять, если я об-

рѣту ее, любя настоящую жизнь и не ища жизни вѣчной, то какая мнѣ польза отъ всего прочаго, други мои и братія? Поистинѣ никакая. Никакой не принесетъ намъ это пользы, и отъ огня вѣчнаго не избавитъ, если не позаботимся о душѣ своей и не будемъ за нею присматривать, оставя все другое и всѣхъ другихъ людей. Какъ же слѣдуетъ заботиться о душѣ своей, объ этомъ я скажу въ другомъ словѣ, чтобъ настоящее не вышло безъ мѣры великимъ.

Ты же, Боже и Творче мой, благоволившій содѣлаться Учителемъ насъ грѣшныхъ, Самъ научи меня сказать, какъ должно, и для себя самого, и для братій моихъ, рабовъ Твоихъ, что потребно для спасенія души. Ибо Ты еси путеводитель и просвѣщеніе душъ нашихъ. Ты отверзаешь уста наши, и даешь слово съ силою мноюю намъ проповѣдующимъ Евангеліе Твое, и Тебѣ славу возсылаемъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМИДЕСЯТОЕ.

Какъ надлежитъ присматривать за собою и оникать въ свое состояніе, и какъ должно сличать дѣла свои съ заповѣдями Христа Господа?

Какъ я обѣщалъ вамъ сказать, какъ надлежитъ присматривать за собою, то и хочу нынѣ исполнить сей долгъ свой, считая себя притомъ обязаннымъ всегда доставлять любви вашей опредѣленную пищу слова.

Присматривать за собою значитъ вникать въ себя, примѣрно такъ разглагольствуя съ самимъ собою: не обладаетъ ли мною какая-либо страсть, большая или малая, а я о томъ и не думаю? Ибо, какъ слышу въ Божественныхъ Писаніяхъ, если кто хоть одну какую имѣетъ страсть, то онъ въ царствіе Божіе не внидетъ.

Такъ говорить св. Апостоль Іаковъ: *уже весь законъ соблюдеть, согрѣшитъ же во единомъ, бысть весьъ повиненъ* (Іак. 2, 10). Можетъ быть, я понерадѣлъ когда-либо о той или другой заповѣди, или и теперь нерадѣю о той и небрегу исполнять эту? А Христось Господь говорить: *уже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако чловѣки, мній наречется въ царствіи небесныхъ* (Мѣ. 5, 19). Также когда кто читаетъ или слушаетъ Божественное Писаніе, о себѣ самомъ пусть подумываетъ при томъ, и при помощи его, какъ зеркала духовнаго, тщательно разсматриваетъ душу свою, есть ли въ ней то, о чемъ говорить Писаніе. Такъ, скажемъ для примѣра, слыша, что Христось Господь говорить: *покайтесь, приблизился бо царствіе небесное* (Мѣ. 4, 17),—пусть опредѣлительно дознаетъ, покался ли искренно и хранить ли всегда покайныя чувства?—И еще при встрѣчѣ разныхъ случайностей пусть наблюдаетъ, что происходитъ въ душѣ его, и чрезъ то опредѣляетъ, какова она. Такъ, напримѣръ, наблюдал, что бываетъ у него на душѣ, когда бранятъ его или безчестятъ, или инымъ какимъ образомъ оказываютъ ему презрѣніе, онъ вѣрно познаетъ, есть ли въ немъ смиреніе, или нѣтъ. Ибо кто имѣетъ смиреніе, тотъ все скорбное переноситъ съ радостію, и сердце его нимало не уязвляется ничѣмъ такимъ. Смиренъ и тотъ, кто хотя уязвляется немного этимъ, но не допускаетъ себя до смущенія, и за это малое чувство уязвленія сердца оскорбленіемъ, т.-е. что опечалился немного, а не съ радостію принимать случившееся, осуждаетъ себя и укоряетъ; и вошедши въ келлію свою и себя самого разсуждал, сокрушается и плачетъ, и припадая къ Богу, исповѣдуется Ему какъбы погубившій всѣ труды свои.

Потомъ опять,—когда слышитъ: *блаженн плачущіи* (и разсудите, прошу,—не сказалъ: плакавшіе, но: *плачу-*

щѣи, то-есть тѣ, которые всегда, каждый день и каждый часъ плачутъ), долженъ подумать, плачетъ ли онъ каждый день: ибо если онъ смиренъ дѣйствиємъ покаянія, то конечно не пропуститъ ни одного дня, и ни одной ночи безъ слезъ, плача и сокрушенія.

Тоже пусть сдѣлаетъ, и слыша: *блажени кротцыи*. И кто можетъ слезить и плакать каждый день,—и оставаться гнѣвливымъ, а не быть кроткимъ и тихимъ? Ибо какъ пламя огненное погашается водою, такъ гнѣвъ душевный гаснетъ отъ плача и слезъ; а если кто долгое время пребудетъ въ плачѣ, то раздражительность души приходитъ въ совершенную неподвижность,—и душа тогда уже совсѣмъ не гнѣвается. Потому всякой долженъ и съ этой стороны осмотрѣть себя,—истинно ли онъ кротокъ. Истинно кроткій только преступленія заповѣдей Божіихъ не можетъ сносить ни въ какомъ человѣкѣ; но и при этомъ онъ плачетъ о преступающихъ сіи заповѣди и грѣшащихъ, и также искренно, какъ бы самъ грѣшилъ.

Опять и то пусть испытаетъ о себѣ, алчетъ ли онъ и жаждетъ правды Божіей. Ибо взыскавшему Бога нельзя не алкать и не жаждать правды, такъ какъ правда есть Богъ, Который, какъ слышишь, именуется солнцемъ правды. Итакъ, алчущій и жаждущій правды алчетъ и жаждетъ Бога, т.-е. Его единого желаетъ и къ Нему единому горитъ любовію; все же прочее, міръ и все, что въ мірѣ, *вмѣняетъ въ уметы* (Фил. 3, 8),—и чести человѣческія, и похвалы почитаетъ какъбы пристыженіемъ, не принимая ихъ въ умъ, и совсѣмъ ихъ не чувствуя.

Также слыша: *блажени милостивѣи*, пусть испытаетъ,—милостивъ ли онъ. Но кто такіе милостивые? Тѣ ли, которые раздаютъ бѣднымъ деньги и кормятъ ихъ? Нѣтъ,—не это одно дѣлаетъ милостивымъ; надобно,

чтобы при семь была милостивость сердечная. И тѣ милостивы, которые обвиняли изъ любви ко Христу, насъ ради обвинявшему, и не имѣють, что дать бѣднымъ, но вспоминая о бѣдныхъ, вдовахъ, сиротахъ и больныхъ, и нерѣдко, и видя ихъ, снѣдаются жалостію объ нихъ и плачуть,—ушодобляясь Іову, который говорить о себѣ: *азъ же о всякомъ немощнымъ восплакахся* (Іов. 30, 25). Они, когда имѣють что, съ искреннимъ радушіемъ помогаютъ нуждающимся, а когда не имѣють, даютъ имъ всеубѣдительныя наставленія о томъ, что способствуетъ спасенію души, повинаясь слову того, кто сказалъ: *нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю* (Прем. 7, 13).

Таковы истинно милостивые, ублажаемые Господомъ Іисусомъ Христомъ. Они такою милостивостію, какъ лѣствицею, восходятъ къ совершенной чистотѣ душевной. Почему и Господь нашъ, въ слѣдъ за ублаженіемъ милостивости, сказалъ: *блаженнѣ чистѣи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ*. Ибо, какъ Богъ и законоположникъ нашъ, Онъ знаетъ, что если душа не придетъ въ такое настроеніе, т.-е. не содѣлается милостивою, какъ мы сказали, не будетъ всегда плакать, не станетъ совершенно кроткою, не возжаждетъ Бога,—то она не можетъ избавиться отъ страстей и содѣлаться чистою, какъ чисто зеркало. Но если не содѣлается она такою, то никакъ не узритъ она чисто внутри себя лица Владыки и Бога нашего. Та же душа, которая содѣлается чистою, всеконечно зритъ Бога и содружается съ Нимъ; и бываетъ тогда миръ между Творцемъ нашимъ Богомъ и душою тою, тогда какъ прежде она враждебна была къ Нему. Почему послѣ сего она и ублажается Богомъ, яко миротворица.

Блаженнѣ миротворцы, яко тѣи сынове Божии нарекутся. То-есть, блаженны тѣ, которые сознательно со-

дружились со Христомъ, пришедшимъ дать миръ дальнимъ и ближнимъ, т. е. праведнымъ и грѣшнымъ, примирить съ Отцемъ своимъ насъ, враговъ Его, и совокупить во едино раздѣленное между собою,—для какой цѣли Онъ воспринялъ нашу человѣческую плоть, чтобы преподать намъ Духа Святаго. Итакъ явно, что тѣ, которые зрятъ Бога, содружились съ Нимъ, достигли желаемого мира и содѣлались сынами Божиими. Вотъ и смотри, содружился ли ты съ Богомъ? — Содружился, если любишь брата своего, и не содружился, если не любишь брата. Ибо если ты не любишь брата, котораго видишь, то какъ можешь любить Бога, Котораго не видишь? Если же не можешь любить Бога, явно, что ты и не содружился еще съ Нимъ. Почему, братія мои, восподвизаемся всею нашею силою узрѣть Бога, содружиться съ Нимъ и возлюбить Его вседушно, какъ Онъ заповѣдалъ.

Наконецъ слыша: *блажени изгнани правды ради*, испытывающій себя смотреть, потерпѣть ли онъ какое-либо гоненіе за заповѣдь Божию, такъ какъ, по Апостолу, *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусъ гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Господь нашъ говоритъ далѣе: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ злой глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ.* Чего же ради послѣ всѣхъ положилъ Онъ гонимыхъ и поносимыхъ, и властно повелѣваетъ имъ, говоря: *радуйтеся и веселитесь?* Того ради, что только тотъ кто покажетъ покаяніе, достойное грѣховъ его, а отъ покаянія сдѣлается смиреннымъ (повторю опять все тоже), ежедневно плачетъ, бываетъ кротокъ, отъ всей души алчетъ и жаждетъ солнца правды, бываетъ милосердъ и сострадателенъ до того, что всѣ страданія, скорби и болѣзни другихъ считаетъ какъбы

своими, очищается плачемъ и зрѣть Бога, содружается съ Нимъ, бываетъ воистину миротворцемъ и удостоивается наименоваться сыномъ Божиимъ,—только тотъ, кто сдѣлается таковымъ, можетъ, и когда бываетъ гонимъ, бѣемъ, поносимъ, оклеветаемъ и слышитъ всякой злой глаголъ про себя, съ радостію и неизреченнымъ веселіемъ претерпѣть все сіе. Зная сіе, Владыка нашъ и Богъ гонимыхъ ублажилъ послѣ всѣхъ и такъ рѣшительно сказалъ къ нимъ: *радуйтесь и веселитесь*. Кто же не сдѣлается таковымъ, ужели не можетъ снести все сіе? Нѣтъ, не можетъ.

Итакъ, братія мои, будемъ непрестанно испытывать и изслѣдовать себя самихъ, со всѣмъ вниманіемъ и тщаніемъ, каждый день, и каждый часъ. если возможно, и приводя на умъ заповѣди одну за другою, по каждой изъ нихъ осматривать и обсуждать себя самихъ. Если найдемъ, что исполнили какую, возблагодаримъ Господа Бога нашего и постараемся соблюдать ее и въ послѣдующее время. Если же окажется, что не исполнили какой, покаемся въ томъ и восподвигаемся исполнять ее, чтобъ иначе, презрѣвши ее, не нарешиися *меньшими въ царствѣи небесныхъ* (Мѣ. 5, 19). Если мы такимъ образомъ станемъ восходить, мало-по-малу, отъ одной заповѣди къ другой, какъ по лѣствицѣ, то навѣрное достигнемъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ христіанскаго совершенства, до самыхъ вратъ неба. гдѣ Христосъ Господь нашъ, срѣтивъ насъ, скажетъ намъ: *прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѣ. 11, 28). Когда достигнемъ мы сего и узримъ Господа, сколько возможно человѣку узрѣть Его, и воспримемъ отъ Него царствіе небесное, которое есть Духъ Святый, тогда всегда уже будемъ имѣть Его въ себѣ, какъ сказалъ самъ Онъ, и докончимъ жизнь свою въ вѣкъ семъ, какъ Ангелы Божіи, или лучше сказать, какъ сыны Божіи. Каковаго слад-

чайшаго блага буди сподобитися всімъ намъ благодатію и благоволеніемъ Бога, въ Троицѣ поклоняемаго,—Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ.

О новоначальныхъ монахахъ.

Монахъ новоначальный, недавно отрекшійся отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, и вступившій въ подвигъ монашескаго житія, если удалился изъ міра ради Бога, и истинно желаетъ научиться сему искусству искусствъ, а не хочетъ, чтобъ удаленіе его изъ міра оказалось тщетнымъ, долженъ съ самаго начала со всімъ усердіемъ и тщаніемъ творить дѣла добродѣтели. Въ руководство къ сему, я хочу дать нѣкое письменное начертаніе начатковъ сей науки наукъ, т. е. монашеской жизни, для новоначальныхъ, недавно оставившихъ міръ и вступившихъ въ обитель, въ это подвизалище, какъ въ школу какую. И вотъ какіе совѣты даю я имъ и ииѣющимъ придти послѣ нихъ, по преданію, которое и я принялъ отъ отцевъ нашихъ.

Надлежитъ вѣдать, что совлекшійся перстнаго чело-вѣка съ мудрованіемъ его, подѣ образомъ совлеченія мірскихъ одеждъ, и облекшійся въ чело-вѣка небеснаго, подѣ образомъ принятія монашескаго образа, долгъ имѣть, вставая въ полночь прежде утрени, совершать опредѣленное ему для сего молитвенное правило и потомъ идти въ церковь къ утрени, вмѣстѣ со всіми братіями, и тамъ великое имѣть вниманіе ко всему послѣдованію службы, внимая шестопсалмію, псалтири и положеннымъ чтеніямъ изъ отцевъ; при чемъ пусть не позволяетъ себѣ распускать члены тѣла своего, и стоять безчинно, или прислоняться къ стѣнамъ и колоннамъ; руки надобно ему имѣть впереди благоговѣнно сложив-

ши, и ногами стоять на полу обѣими равно, голову держать неподвижно, не обращая ее туда и сюда, но наклонивъ долу; умомъ пусть не разсѣивается, не любопытствуетъ, что дѣлаетъ тотъ или другой, и не подвигается къ нерадивцамъ, которые тайкомъ говорятъ и шепчутся между собою,—но пусть хранить очи свои и душу свою отъ блужданія туда и сюда и сколько можно напряженно внимаетъ одной молитвѣ, чтенію, поемымъ тропарямъ и читаемымъ словесамъ Божественнаго Писанія, не пропуская безъ пользы ни одного слова и забывая питать всѣмъ этимъ душу свою, чтобъ, пришедши въ сокрушеніе и смиреніе, воспріяла она просвѣщеніе отъ Св. Духа.

Еще, братія мои, и отцы, и чада, умоляю васъ всѣхъ вмѣстѣ и даю вамъ это, какъ душаспасительное правило, потщитесь положить начало такому дѣлу добродѣтели, или, лучше сказать, дѣлу Божію (за которое получимъ отъ Бога и воздаяніе по мѣрѣ трудовъ своихъ), чтобы, если возможно, ни одна служба не проходила безъ слезъ. Ибо если навикнешь ты, брате мой, это дѣлать, то въ короткое время преуспѣешь, возрастешь духомъ и достигнешь въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Когда станешь ты понуждать себя къ тому, чтобъ не проходило ни одной службы церковной безъ слезъ, то со временемъ такъ навикнешь сему добродѣльному дѣлу, что слезы сдѣлаются для тебя какъбы естественными. Тогда душа твоя начнетъ питаться и псалмами, какіе будешь читать или слушать, и тропарями, и воспринимать въ себя божественныя мысли ихъ, и умъ твой посредствомъ читаемаго восходить горѣ и возвышаться въ созерцаніе мысленнаго. Тогда станешь наконецъ плакать съ великою сладостію, и находясь въ церкви, чувствовать, что находишься будто среди святыхъ Ангеловъ.

Положи также для себя въ неизмѣнное правило,—никогда не выходить изъ церкви прежде, чѣмъ іерей скажетъ самую послѣднюю молитву (т. е. отпустъ—молитвами св. отецъ и проч.), безъ крайней какой нужды или потребности тѣлесной, но всегда съ терпѣніемъ проставивать до конца на своемъ мѣстѣ, какъ говоритъ Божественное Писаніе: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѡ. 10, 22). За это сначала будешь ты получать помощь отъ Бога, не чувствуя того самъ, потомъ со временемъ станешь ощущать сію Божию помощь и чувствомъ души твоей, а спустя немного послѣ этого будешь зрѣть ее въ божественномъ нѣкоемъ просвѣщеніи.

Когда кончится служба утренняя, ты, по выходѣ изъ церкви, не заводи праздныхъ разговоровъ съ тѣмъ или другимъ и умомъ своимъ не разсѣвайся туда и сюда, но спѣши прямо въ келлію свою, и тамъ совершивъ опредѣленную тебѣ для сего молитву, берись или за свое рукодѣлье, или за данное тебѣ послушаніе, или за чтеніе. Никогда не оставайся совершенно празднымъ въ келліи своей, чтобы праздность не научила тебя всякому злу, о которомъ не нахожу нужнымъ говорить тебѣ. Но и по монастырю не кружись, и не любопытствуй, какъ кто занимается своимъ рукодѣльемъ, или исполняетъ свое послушаніе. Храни молчаніе и отъ всѣхъ устранийся: что и есть истинное странничество. Сколько силъ есть, себѣ лишь внимай и рукодѣлію своему. Не ходи ни къ кому въ келлію, кромѣ развѣ духовнаго отца твоего и того, къ кому пошлетъ тебѣ настоятель, или другой какой распорядитель по монастырю. Но и при этомъ, ходя, куда посланъ, смотри не говори и не слушаешь ничего, не касающагося дѣла, за которымъ былъ посланъ, и кончивъ его, поскорѣе возвращайся назадъ. Если, переходя туда и обратно, увидишь, что гдѣ либо сидитъ братъ одинъ или вмѣстѣ съ другими, и они ведутъ

бесѣду не въ подобающее время, сдѣлай имъ поклонъ и пройди мимо молча, а къ нимъ не подходи и не садись вмѣстѣ съ ними, вспомянувъ слова псалмопѣвца Давида, который говорить: *блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста и ни сподальщи губителей не сяде.* Ибо таковыя поистинѣ суть губители, т.-е. тлетворные душевредители, какъ и св. Павелъ говорить: *тлѣтъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33). Такъ не садись, брате мой возлюбленный, съ тѣми, которые празднословятъ, и не говори имъ: дайте и мнѣ послушать, о чемъ вы говорите. Но, какъ я сказалъ, сдѣлавъ имъ поклонъ, проходи мимо, и иди далѣе по послушанію своему, храня молчаніе и странничество (держи себя въ чувствѣ и въ отношеніяхъ къ другимъ, подобно чуждому страннику). Молчаніе сохранишь, если будешь говорить самъ въ себѣ: и что хорошаго имѣю сказать я, столь малосмысленный и дурной, что и говорить-то недостойнъ, недостойнъ даже и къ людямъ причисляться? А странничество и то, чтобы устраниваться отъ другихъ, сохранишь, если будешь думать и говорить въ себѣ: кто я такой,—ничтожный, ни къ чему негожій, деревеньщина, бѣднякъ,—чтобы смѣть мнѣ пойти въ келлію къ кому-либо другому? И кто, увидѣвъ меня, не отвратится отъ меня и не возбрезгаетъ мною, какъ мерзостію? Развѣ, когда приду къ кому, не можетъ онъ сказать о мнѣ: чего хочетъ этотъ гадкій, келлію мою что ли пришелъ осквернить? Если положишь предъ собою грѣхи свои, то можешь отъ всей души думать и говорить о себѣ все это, какъ я сказалъ. Пусть вначалѣ и не сможешь ты отъ всей души говорить такъ въ себѣ о себѣ; но мало по малу, при помощи божественной благодати, достигнешь и этого, т.-е. чтобъ истинно таковымъ считать себя. Только послушай меня, смиреннаго, и начни съ Богомъ говорить и дѣлать, какъ я сказалъ, и Богъ не

оставить тебя, ибо Онъ много любитъ тебя и желаетъ, чтобъ ты пришелъ въ познаніе истины и спасся.

Такъ проводши время до литургіи, иди потомъ, брате мой, опять въ церковь, и стой тамъ, какъ я опредѣлилъ тебѣ стоять во время заутрени, не забывая и о плачѣ. Стой со страхомъ и трепетомъ, какъ бы ты очами своими видѣлъ, какъ Сынъ Божій воплощенный приносить Себя въ жертву за тебя,—и если ты достоинъ и получилъ позволеніе отъ своего духовника, приступи со страхомъ и вмѣстѣ съ радостію, и причастись Пречистыхъ Таинъ, а по отпустѣ иди вмѣстѣ со всѣми братіями въ трапезу.

Здѣсь, если тебѣ опредѣлено прислуживать, исполняй свое послуженіе съ такою чистою и нелицебною любовію, какъбы ты служилъ самому Христу, а не человѣкамъ; и имѣй всѣхъ братій, какъ святыхъ, или, какъ я уже сказалъ, какъ Самого Христа, и подавай имъ все потребное съ такою любовію, какъбы отдавалъ имъ душу свою и всего себя произволеніемъ, будучи убѣжденъ, что получаешь освященіе отъ послуженія, которое не есть для нихъ. Если же сядешь за трапезу вмѣстѣ съ другими, смотри, съ безчинною дерзостію не протягивай руки своей къ яствамъ прежде, чѣмъ начнутъ ѣсть старѣйшіе тебя, и прежде чѣмъ іерей благословитъ трапезу; начавши же ѣсть вмѣстѣ съ братіями и отцами твоими, соблюдай великую скромность и молчаніе и отнюдь ни съ кѣмъ не говори, но внимай чтенію, чтобъ, какъ питаешься тѣлесно яствами, такъ питаться и душевно божественными словесами святыхъ отцевъ; ибо какъ ты двоякъ, изъ души и тѣла состоишь, то надлежитъ тебѣ и питаться, какъ душевно, такъ и тѣлесно; тѣло свое, какъ чувственное и земное, питай чувственною и земною пищею, а душу, какъ духовную и божественную, питай божественною и духовною пищею словесъ Божіихъ. При этомъ не любопытствуй, какія положены на трапезѣ части, гдѣ боль-

пія и гдѣ меньшія; но какая дана будетъ тебѣ часть, ту и ѣшь съ благодареніемъ и воздержаніемъ, избѣгая полного насыщенія, и помышляя, что ты недостойнъ сидѣть за общемою трапезою братій, говори самъ въ себѣ: кто я нищій и ничего нестоющій, что удостоенъ садѣть и ѣсть вмѣстѣ съ такими святыми? Говоря же такъ, въ умѣ своемъ отъ всей души имѣй себя грѣшникомъ, и какъ какой либо бѣднякъ, одѣтый въ рубища, если попадетъ въ среду лицъ важныхъ, богатыхъ и пышно одѣтыхъ, стыдится и не смѣетъ подойти и приблизиться ни къ кому изъ нихъ, такъ всегда держи себя и ты среди братій,—выбирай всегда послѣднѣйшее мѣсто, стыдись сѣсть выше кого-либо, такъ какъ все другіе богаты добродѣтелями, и одинъ ты нагъ и бѣденъ всякою добродѣтелію, почему недостойнъ обращаться съ ними и даже смотрѣть на нихъ. Также, съ самаго начала, какъ только приступаешь ко вкушенію пищи, вспомни о грѣхахъ своихъ, и говори опять самъ въ себѣ: не будетъ ли мнѣ въ осужденіе ѣсть эти лежащія предо мною яства? Отъ юности моей я не сдѣлалъ ничего угоднаго Богу, создавшему ихъ и давшему ихъ намъ въ пищу, и святыхъ заповѣдей Его не исполнять, какъ же я, достойный всякаго осужденія, осмѣлюсь вкушать отъ благъ Его? Съ какимъ лицемъ стану ѣсть и пить, и соутѣшаться вмѣстѣ со святыми отцами сими я, злой и непотребный рабъ, отдалившійся отъ Владыки своего, прежде чѣмъ покаюсь и получу прощеніе отъ человеколюбиваго Бога, какъ ѣдятъ и пьютъ другіе, которые или совсѣмъ не грѣшили, или нагрѣшивши покаялись и получили отъ Бога прощеніе? Нѣтъ, -- не стану я ѣсть, какъ и они, но столько приму пищи и питія, чтобъ лишь жить и тѣмъ поутѣсню, поумучу и показню себя, чтобъ Богъ, свыше видя мое самоутѣсненіе и произвольную прискорбность, помиловалъ меня и простилъ

мнѣ многіе грѣхи мои. Такъ всегда разсуждай и помышляй въ умѣ своемъ. Опредѣли также себѣ правиломъ—никогда не наѣдаться досыта, но ѣсть гораздо меньше потребнаго,—и выдерживай положенное; равно опредѣли и мѣру воды для питья,—одну или двѣ чаши, и пей въ одинъ опредѣленный часъ дня. Когда сидишь за столомъ, не слушаай помысла, который будетъ внушать тебѣ принимать пищу по выбору, и сколько можно остерегайся протягивать руку къ тому, что кажется хорошимъ, но ѣшь то, что положено предъ тобою. Но опять если изъ того, что находится предъ тобою, будутъ ли то овощи или другое какое кушанье, тебѣ что либо особенно нравится, и помысль будетъ говорить тебѣ: возьми то и съѣшь, подвизайся, сколько можешь. не быть побѣждену такимъ помысломъ,—и не касайся того. Ибо Адамъ не за другое что изгнанъ изъ рая, какъ за то, что плодъ древа показался ему красивымъ и добрымъ для вкушенія,—и онъ вкусилъ его. Почему тѣ, которые желаютъ опять возвратиться въ тотъ рай, или лучше сказать, въ царство небесное, долгъ имѣють хранить воздержаніе, даже въ употребленіи овощей, безъ придумыванія предлоговъ къ противному, чтобъ иначе малопомалу отъ этихъ малыхъ не дойти и до великихъ вредныхъ похотѣній. Если сидящіе съ тобою братія будутъ предлагать тебѣ ѣсть и пить больше, ты ничего другаго не отвѣчай имъ, какъ сложивъ руки и голову наклонивъ, приподнимись и скажи кроткимъ и тихимъ голосомъ: простите мнѣ. И не въ этомъ только случаѣ, но и во всякомъ другомъ такъ отвѣчай. Такъ—ни самъ ты не давай другому кому отъ избытковъ твоихъ (остатковъ за столомъ), ни отъ другаго кого не бери ничего.

Если не пьешь вина, и не бери его, — даже подъ предлогомъ, дать его другому брату, исключая того случая, когда придетъ къ тебѣ по нуждѣ странникъ. Ни-

когда ни съ кѣмъ не позволяй себѣ вкушать прежде общей трапезы, или полдничать, или переуживать вновь, по какому-либо поводу, потому что отъ этого много худаго происходитъ, и это — діавольскія сѣти. которыя кажутся будто хорошими, но внутри содержатъ смертоносный ядъ. Этихъ сѣтей избѣжить тотъ, кто повѣритъ мнѣ и соблюдетъ слова мои. Съ помощію благодати Божіей онъ пребудетъ неискусимымъ и невредимымъ отъ діавола. Тѣ, которые любятъ жизнь мірскую подъ монашескою одеждою, низвергаются и падаютъ въ пропасти, сами того не чувствуя. Ты же, брате мой превозлюбленне, восхоти соблюсти сказанное мною, до готовности, если потребуетъ нужда, даже умереть за то. Ибо другимъ образомъ не возможешь ты избѣжать бѣса чревоугодія.

Знай впрочемъ и то, что когда станешь исполнять это, то діаволъ не спуститъ тебѣ этого, но подыметъ противъ тебя всѣхъ нерадивыхъ и лѣнивыхъ, которые и начнутъ осуждать тебя, поносить, пересмѣивать и причинять премногое множество всякаго рода непріятностей, чтобъ заставить тебя бросить доброе намѣреніе и прекратить такія дѣла, ведущія ко спасенію души. Но ты не смотри на это; ибо если ты будешь терпѣливо переносить все такое, то обрѣтешь великую помощь и обильное утѣшеніе отъ Бога и Спаса нашего.

Если. когда другіе сидятъ за столомъ и ѣдятъ, ты или прислуживаешь, или такъ сидишь, или другое что дѣлаешь, смотри, не забудь говорить себѣ въ умѣ своемъ: если бѣ и я покался, какъ слѣдуетъ, и получилъ отпущеніе грѣховъ своихъ, то конечно и я ѣлъ бы и утѣшался вмѣстѣ съ братьями моими, но какъ я, несчастный, срамными дѣлами своими сдѣлалъ себя ничего нестоящимъ, то праведно воспріемлю по дѣламъ моимъ. И говоря это, обуздывай, сколько можешь, чрево свое.

Никогда не ищи и не желай первосѣданія, но ненавидь его отъ всей души, такъ какъ оно есть причина гордости. И смиреніе твое возвыситъ тебя, и то, что ты ищешь послѣднее занимать мѣсто, сдѣлаетъ тебя первымъ; ибо написано: *всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лук. 18, 14).

Когда наконецъ вставъ изъ-за трапезы вмѣстѣ съ братіями, возблагодаришь Бога, и іерей сдѣлаетъ надлежащій отпустъ, тогда иди молча прямо въ келлію свою, и затворивъ дверь, бери книгу въ руки и почитай немного. Потомъ, если будетъ лѣтнее время, ляжъ на рогожу свою и сосни немного. Если ты бережешься отъ насыщенія и трапезуешь очень скромно, употребляя лишь хлѣбъ съ водою и овощи, и то въ мѣру, то не проспшишь долго, а скоро проснешься. Если же время будетъ зимнее, то почитавши немного, берись за свое рукодѣліе, и сиди за нимъ, пока ударятъ къ вечерни.

Тогда иди въ церковь и стой со страхомъ и великимъ вниманіемъ во все послѣдованіе вечерни, отнюдь ни съ кѣмъ не разговаривая.

По окончаніи вечерни, если можешь воздерживаться и ничего не ѣсть и не пить, положивъ себѣ за правило однажды въ день принимать пищу, будетъ лучше; ибо отъ этого великую получишь пользу и помощь для ночной своей молитвы и бдѣнія. Если же не можешь, то съѣшь только одинъ паксимадъ (хлѣбецъ въ двѣ обычныхъ просфоры, большею частію сухой) и выпей одну чашу воды, исключая развѣ немощи какой.

Затѣмъ, воздавъ Богу молитвы повечерія вмѣстѣ съ прочими, поклонись въ ноги настоятелю, какъбы къ стопамъ Христа Спасителя припадая, и принявъ отъ него благословеніе и къ святымъ иконамъ приложившись, иди молча въ келлію свою, отнюдь ни съ кѣмъ не заводя разговоръ.

Вошедши въ нее, затвори дверь и бери книгу въ руки. Прочитавши листа три, встань на молитву и молись Богу безмолвно, чтобъ никто не слыхалъ тебя. Внимай однакожъ, чтобы стоять съ бодренною душою, заключая помыслы свои въ молитву и не давая имъ уклоняться къ разнымъ дѣламъ и вещамъ. При этомъ руки скрести предъ собою, ноги держи ровно и неподвижно, глаза зажмурь, чтобъ ни на что не смотрѣли и не разсѣивали ума твоего; умъ же свой и все сердце свое вознеси горѣ, на небеса, къ самому Богу, со слезами и воздыханіями испрашивая у Него милости Имѣй опредѣленные духовнымъ отцемъ твоимъ псалмы, которые болѣе сокрушительны, возбуждаютъ слезы покаянія, и подѣ силу тебѣ. Псалмы, коленопреклоненія и время стоянія должны быть у тебя опредѣлены, по мѣрѣ силы твоей, чтобы совѣсть не обличала тебя и не говорила, что у тебя есть сила и еще постоять и прославословить Бога. Имѣй также и другія опредѣленныя молитвы, содержащія благодареніе и славословіе Богу, которыя и прочитывай, такія-то утромъ, а такія-то вечеромъ. Кончивъ молитву, опять почитай немного, потомъ сядь за рукодѣліе, и просиди до третьяго часа ночи (нашего—девятаго). Послѣ сего встань, и прочитай „Нескверная“ ложись на рогожусвою, запечатлѣвъ крестнымъ знаменіемъ все тѣло свое. Проспавъ до полуночи, вставай и дѣлай даіке, какъ я опредѣлилъ тебѣ выше.

Ко всему сему приложи исповѣданіе помысловъ своихъ духовному отцу своему, если можно, каждый часъ; если же это невозможно, не пропускай, по крайней мѣрѣ, ни одного дня безъ исповѣданія ихъ. Тотчасъ послѣ утрени испытай себя добрѣ и открой своему отцу духовному, что съ тобою случилось, имѣя къ нему твердую вѣру, и нисколько не умаляя ее, хотя бы весь

міръ осуждать его и поносить; хотя и тебѣ самому будетъ что-либо въ немъ казаться укорнымъ, не поддавайся соблазну, слыша, что говорить Христосъ Господь: *не судите, и не судитъ вамъ* (Лук. 6, 37).

Если будешь такъ подвизаться каждый день, то будь увѣренъ, что Богъ не уедлитъ посѣтить тебѣ свыше, но послеть тебѣ помощь отъ святаго жилища Своего и къ тебѣ придетъ благодать Всесвятаго Духа. Такъ мало-по-малу преуспѣвая, будешь ты расти возрастаніемъ духовнымъ, пока придеши въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, просвѣщаемъ будучи отъ Духа Святаго свѣтомъ разума, и самъ свѣтя, какъ солнце, свѣтомъ тѣмъ, которые живутъ вмѣстѣ съ тобою, и прославляя словомъ и дѣломъ Бога, давшаго тебѣ благодать святаго и животворящаго Духа своего. Ему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ.

- 1) Объ отреченіи отъ міра и отсѣченіи своей воли.
- 2) Что всякому надо найти себѣ опытнаго руководителя, чтобъ научиться отъ него добродѣтели.
- 3) Что надобно имѣть вѣру къ духовному отцу.
- 4) О зрѣніи свѣта, коимъ просвѣщается всякая душа и преуспѣваетъ въ любви къ Богу.

1. Возлюбленные мои братія! Много разъ изъявляли вы желаніе слышать слово Божіе отъ меня послѣднѣйшаго и худѣйшаго, но я не имѣлъ времени; говорить же любви вашей о достодолжномъ и нужномъ какъбы мимоходомъ я не хотѣлъ. Се нынѣ время благопріятно,—и я съ любовію приступаю къ бесѣдѣ съ вами, не съ тѣмъ однакожъ, чтобъ учить васъ, потому что этого я недостойнъ, но лишь чтобъ напомнить вамъ о

томъ, что полезно для души вашей, что возбуждаетъ къ удаленію отъ міра, къ побѣжденію страстей, къ любви Божіей и къ совершенному безстрастію.

Такъ какъ я имѣю бесѣдовать къ людямъ, воздерживающимъ и жаждущимъ спасенія своего, то мнѣ подумалось, что приличнѣе всего начало слову моему положить словесами самого источника всякой премудрости, Господа нашего Иисуса Христа, Который и для новоначальныхъ есть основаніе вѣры твердое и извѣстное, и для среднихъ—надежда непостыжающая, и для совершенныхъ—любовь ненасытимая и неизсякающая. Каждодневно слышимъ мы святыи гласъ Его говорящій: кто не оставитъ отца, и матери, и братьевъ и всего имѣнія своего, и не возметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ (Мѡ. 10, 37; Лук. 14, 26). Такимъ образомъ Писаніе научаетъ насъ и опытъ подтверждаетъ, что крестъ слѣдуетъ за подвигами самоотверженія и добродѣтели, разумѣя подъ нимъ скорби, искушенія и наконецъ самую произвольную смерть, которую надлежитъ подъять возжелавшему быть послѣдователемъ Христовымъ.—Въ тѣ времена, когда властвовали тиранны и гнали христіанъ, многіе съ радостію претерпѣли смерть съ такими страданіями и съ такими разнообразными мученіями.—Но нынѣ когда, по милости Божіей, христіане наслаждаются совершеннымъ миромъ, крестъ и смерть ничто иное есть, какъ совершенное умерщвленіе и отрѣшеніе своей воли. И тому, кто творитъ свою волю, — пусть будетъ это даже въ маломъ чемъ,—невозможно послѣдовать Господу нашему и соблюсти Его заповѣди. Почему, желая сказать вамъ, какъбы одному брату, слово спасительное, начинаю такъ:

2. Брате! Часто и со всѣмъ усердіемъ моли Бога показать тебѣ человека, могущаго добрѣ поруководить

тебя; и кого укажетъ тебѣ Богъ, тайно ли дѣйствиємъ благодати Своей, или явно чрезъ какого-нибудь раба Своего, иди къ нему и имѣй благоговѣнство предъ нимъ, смотря на него, какъ на Самого Христа. Ибо какъ имѣешь ты долгъ слушаться Бога, такъ надлежитъ тебѣ слушаться и его, чтобъ научиться достождному. И смотри, что онъ ни скажетъ тебѣ, исполняй то безъ колебанія, хотя бы то, что онъ прикажетъ тебѣ, казалось не совсѣмъ умѣстнымъ и полезнымъ. Лучше тебѣ быть и именоваться ученикомъ ученика, нежели проводить жизнь своеобразно и собирать безполезные плоды своей воли.

3. Итакъ, когда услышишь ты отъ него: изыди отъ земли хотѣнія твоего и отъ рода мудрованія своего, не колеблись и не стыдись послѣдовать сему, побѣждаемъ будучи тщеславіемъ. Если же скажетъ тебѣ: иди въ землю послушанія, которую я тебѣ покажу, теки, брате мой, туда изо всей силы, не давая сна очамъ своимъ, и не попускай побѣждать себя лѣности и нерадѣнію. Ибо, можетъ быть, и тебѣ явится тамъ Богъ и содѣлаетъ тебя отцемъ многихъ духовныхъ чадъ и даруетъ тебѣ землю обѣтованія, которую наслѣдуютъ только праведные. Если онъ прикажетъ тебѣ взойти на гору молитвы, восходи съ готовностію. Я увѣренъ, что тамъ узришь ты Христа преобразившимся и возсіявшимъ паче солнца свѣтомъ Божества Своего. И ты, можетъ быть, падешь ницъ, не стерпѣвая смотрѣть на то, чего никогда не видывалъ, услышишь свыше гласъ Отца, увидишь облакъ осѣняющій, и пророковъ предстоящихъ и возвѣщающихъ, что Онъ есть Богъ и Господь живыхъ и мертвыхъ. Если онъ скажетъ тебѣ, чтобъ ты шелъ въ слѣдъ его, обтекай съ нимъ грады съ дерзновеніемъ, и много получишь пользы, если будешь смотрѣть только на него, и ни на что другое. Если увидишь, что онъ будетъ ѣсть съ блудника-

ми, мытарями и грѣшниками, не помышляй, что тутъ есть что страстное и человѣческое, но думай, что въ семь все безстрастно и свято припоминай апостольское слово: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 22). Видя даже собственными глазами, какъ онъ будто снисходитъ до человѣческихъ страстей, не вѣрь тому отнюдь, потому что и они (свои очи) обманываются, какъ я это самъ дѣломъ испыталъ, но послѣдуй ему и вѣрь словамъ его безъ сумнѣнія помышлений.

Не смотри на тѣхъ, которые вхѣстѣ съ тобою, и не берись сказать за кого-либо: Господи, сей же что? Но паче себѣ всегда внимай, имѣя смерть предъ очами своими, и тщательно присматривая, какою бы добродѣтелию прославить Господа. Не гордись учителемъ своимъ, когда за него будутъ слишкомъ чтить тебя, хотя бы много было готовыхъ слушаться тебя ради имени его; во тому наипаче радуйся, если имя твое напишется на небѣ смиренія. Если увидишь, что демоны трепещутъ даже тѣни твоей, не думай, что это бываетъ вслѣдствіе твоей добродѣтели, но относи то къ молитвамъ отца своего, и тогда демоны еще болѣе будутъ бояться тебя ради смиренія твоего.

Если отецъ твой прикажетъ тебѣ сѣсть за трапезу съ собою, прими то съ благодарностію, но храни благоговѣйное уваженіе и почтительность къ нему съ молчаніемъ; не позволяй себѣ начать ѣсть что-либо безъ его благословенія; не дерзай и другому кому подать что безъ позволенія и приказанія его. Если и то прикажетъ онъ тебѣ, чтобъ ты сѣлъ ниже всѣхъ, смотри не подумай сказать ему, что хочу сѣсть одесную, или опуюю тебя,—съ увѣренностію полагая, что эти мѣста уготованы для другихъ,—и прими послѣднѣйшую часть, вѣруя, что симъ способомъ стяжается первѣйшая; ибо слышишь, что говоритъ Христосъ, что кто хочетъ быть первымъ, пусть будетъ послѣднѣйшимъ

всѣхъ? (Мѡ. 20, 27).—И еще паче возлюби учителя своего за то, что даетъ тебѣ способъ, посредствомъ вещей малыхъ и незначительныхъ, стяжать большее и важнѣйшее. Не протягивай также вмѣстѣ съ нимъ руки твоей въ чашу прежде всѣхъ, ибо знаешь хорошо, кто нѣкогда дерзнулъ это сдѣлать (Иуда).

Если онъ захочетъ умытъ ноги твои, постыдись его, какъ Господа и учителя, и не допускай сего. Но когда услышишь отъ него: нѣтъ тебѣ и части со мною, если не умою ногъ твоихъ, дай проворнѣе ему омыть даже и все тѣло твое,—да познаешь изъ того, что дѣлается для тебя, великую высоту боготворнаго смиренія. И тогда, если есть у тебя совѣсть и смыслъ, ты большую получишь пользу, нежели какъ если бы самъ умылъ ноги духовному отцу своему.

Если онъ скажетъ: одинъ изъ васъ предастъ меня, или смутитъ меня, смотри не скрывай лукавства, но если знаешь что подобное за собою, исповѣдуй то. Но если и не знаешь ничего, припади къ стопамъ его со слезами и спроси: не я ли, отецъ мой? Потому что мы много согрѣшаемъ по невѣдѣнію, и не знаемъ того. Не говорю тебѣ: припади къ персямъ отца своего, потому что это бесполезно тебѣ. Хотя Іоаннъ, по великой любви своей къ Христу, имѣя большее къ Нему дерзновеніе, припадалъ къ персямъ Его, однакожъ и онъ вмѣстѣ съ другими получилъ повелѣніе именовать себя непотребнѣйшимъ рабомъ, когда исполнить всѣ заповѣди.

Если видишь, что учитель твой творить чудеса и прославляемъ бываетъ за то,—вѣрь тому и радуйся, и благодари Бога что улучилъ такого учителя. Опять когда увидишь, что его безчестятъ, а иногда даже и удары напосылаютъ ему завистники его, не соблазняйся тѣмъ, но и ножа не поднимай, чтобъ подобно пламенному Петру урѣзать ухо дерзнувшему похулить отца твоего или на-

нестъ ему ударъ. Довольно для тебя не умалить своей къ нему вѣры и любви, и, если можешь, сказать твердое слово въ оправданіе его. Если, убоявшись, какъ чловѣкъ, скажешь при семъ: не вѣмъ чловѣка сего, сознай потомъ вину свою и восплачь о томъ горько,—и я увѣренъ, что онъ первый опять привлечетъ тебя къ себѣ.

Если увидишь, что онъ страждетъ страсти отъ злыхъ людей и пріемлетъ распятіе, яко злодѣй, то, если можешь, умри и ты съ нимъ; если же не можешь умереть съ нимъ, не будь по крайней мѣрѣ едино съ тѣми злыми людьми, какъ предатель, и не принимай участія съ ними въ пролитіи крови неповинной; но, хотя какъ рабъ малодушный, уклонившись немного и оставивъ одного своего пастыря и учителя, соблюди свою къ нему вѣру. Если освободится онъ отъ узъ, иди опять къ нему и имѣй еще большее къ нему благоговѣніе, какъ уже къ мученику. Если же умереть въ искушеніяхъ и мучительствахъ, выступи съ дерзновеніемъ, найди тѣло его и почти его паче, нежели когда оно было живо, помазавъ его мѣромъ и похоронивъ съ великою честію. Ибо хотя не воскреснетъ оно въ третій день, всячески однакожъ воскреснетъ въ день послѣдній вмѣстѣ со всѣми. И вѣруй, что предстоитъ онъ Богу съ дерзновеніемъ, и если будешь усердно испрашивать его ходатайства, онъ поможетъ тебѣ въ сей жизни, избавляя тебя отъ всего противнаго, а когда умрешь, приметъ тебя тамъ и уготовитъ тебѣ обитель вѣчную.

4) Если, послѣ всего сказаннаго нами, онъ позоветъ тебя особо и скажетъ: убезмолвись и сиди здѣсь, отнюдь не выходя внѣ, дондеже облечешься силою свыше, послушай его съ твердымъ упованіемъ и великою радостію. Такой учитель, брате мой, неложень и истиненъ. Воистину и на тебя низойдетъ сила Всесвятаго

Духа, какъ тогда низошла на Апостоловъ. не въ чувственномъ видѣнїи огненномъ, не съ шумомъ великимъ и дыханїемъ бурнымъ (ибо тогда на Апостолахъ это было для невѣрныхъ),—но она явится въ тебѣ мысленно, какъ умный свѣтъ, со всякою тихостїю и обрадованїемъ,—каковъ свѣтъ есть предначатїе свѣта вѣчнаго, возсіяніе и лучъ вѣчнаго блаженства. И тотчасъ исчезнетъ всякій страстный помысль, изгонится всякая душевная страсть и всякая немощь тѣлесная уврачуется. Тогда откроются очи сердца твоего и узрятъ то, что начертано въ блаженствахъ. Тогда, какъ въ зеркалѣ, увидитъ душа твоя и самоалѣйшія твои прегрѣшенїя и придетъ въ величайшее смиренїе; созерцая же безпредѣльную славу Божию, исполнится неизреченной радости и всякаго веселїя и погрузившись въ сію неизреченную дивность, изведетъ источники слезъ. Такъ измѣняется весь человѣкъ и познаетъ Бога, самъ прежде бывъ познавъ отъ Бога. Сїя единая благодать всесвятаго Духа дѣлаетъ то, что человѣкъ презираетъ все земное и небесное, настоящее и будущее, скорбное и радостное, дѣлаетъ его и другомъ Богу, сыномъ Вышняго, богомъ по благодати.

Сїе я написалъ любви твоей, чтобъ ты прочитывалъ то, когда хочешь; и если повѣришь, что сїе промыслительно и на пользу тебѣ возвыщаетъ Духъ Святый чрезъ меня смиреннаго, то сбудется съ тобою все, что мы сказали, и другое многое, что мы опустили. Всему сему непосредственно научить тебя самъ Христосъ. Если же покажется это все тебѣ невѣроятнымъ и не понравится, прости мнѣ. Я совѣтую тебѣ то, чему научился у своихъ отцевъ; ты же послѣдуй тѣмъ, о коихъ знаешь, что они лучше меня. Внимай однакожь, брате! Не случилось бы тебѣ послѣдовать худшимъ, хотя ты и не того желаешь. Потому что умѣющіе добръ пасти

и врачевать разумныя души, поистинѣ очень рѣдки, и особенно въ настоящее время. Бывало немало такихъ, которые дѣлали видъ, будто постятся, совершаютъ бдѣнія, прилежатъ молитвѣ, а это было лицемѣріе одно; много есть и такихъ, которые дѣйствительно такъ поступаютъ: являютъ внѣшню и благоговѣиство, говорятъ долгія проповѣди изустно (безъ книги и тетрадки), и съ легкостію всегда предлагаютъ поученія собранію народному; но очень мало такихъ, которые бы плачемъ и слезами искоренили страсти и стяжали основныя добродѣтели. Основными же добродѣтелями мы называемъ — *смиреніе*, истребляющее страсти и насаждающее небесное и ангельское безстрастіе, — *любовь*, никогда не стоящую (на одномъ) и не падающую, но непрестанно множащуюся и растущую, прилагая стремленіе къ стремленію, и рвеніе къ рвенію, — и совершенное *разсужденіе*, добръ руководящее послѣдующихъ ему, и безбѣдно преводящее ихъ по мысленному морю. Это разсужденіе надлежитъ и тебѣ разыскать у Бога и умоить Его даровать тебѣ оное, и особенно теперь, чтобъ могъ ты вѣрно опредѣлить свое состояніе и соотвѣтственные тому взять на себя подвиги, да обратишь Христа, Который бы и въ настоящее время содѣйствовалъ тебѣ, и впоследствии богато излилъ на тебя полноту осіянія Своего. Сіе разсужденіе избавитъ тебя отъ опасности послѣдовать за волкомъ вмѣсто пастыря, или вступить въ такое стадо, которое больно какою-либо болѣзнію душевною и страстію, или основаться одному въ уединеніи прежде времени, — чтобъ не попасть въ зубы душегубительнаго волка діавола и не быть поглощену имъ, или не заболѣть болѣзнію на болѣзнь и страстію на страсть и не умереть душевно, или, уединясь преждевременно, не пасть и не стяжать — увы и горе; ибо горе единому, когда падеть. Тотъ же, кто обрѣтетъ доб-

раго учителя и всецѣло предасть себя ему, не будетъ уже имѣть заботы ни о чемъ такомъ, но будетъ проводить жизнь свою въ совершенномъ безпопеченіи, — и несомнѣнно улучшить спасеніе во Христѣ Иисусѣ Господѣ, — Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ.

О томъ, что должно охотно повиноваться старшимъ, не забывать данныхъ Богу обѣтовъ и не роптать по причинѣ дерзкихъ службъ.

Вспоминайте, братія мои, заповѣдь Божию, которая говоритъ: *не судите и не судили будете*, — и отнюдь не любопытствуйте, что дѣлаетъ одинъ, и чѣмъ занять другой. Относительно же іереевъ Божиихъ и духовныхъ отцевъ своихъ вы должны поступать такъ, чтобъ то, что они говорятъ вамъ, исполнять, по дѣламъ же ихъ (если они не въ порядкѣ) не поступать, какъ говорилъ Христосъ Господь (объ іудейскихъ священникахъ): *вся, елика аще рекуть вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо и не творятъ* (Мѡ. 23, 3). Посему, какъ рабы Христовы, послушайте и меня недостойнаго; не смотрите на мое малодушіе и нерадѣніе, но попекитесь, прошу васъ, о душахъ своихъ, подвизаясь охотно исполнять Божіи заповѣди, и не ропщите на меня, что должны бываете въ полночь вставать на службу, вспоминая о Давидѣ, который говоритъ: *полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Пс. 118, 62), но паче благодарите Бога и того, кто васъ пробуждаетъ на славословіе Его, радуясь и веселясь, что сподобляетесь славословить Бога вмѣстѣ съ Ангелами. Кто ропщетъ за обыкновенными службами, тяготится ими и не соблюдаетъ радѣнія о нихъ во все продолженіе славословія Божія,

тотъ поистинѣ не позналъ, какъ много сладки въ гортани любящихъ Бога слова Божія, и насколько слаще они паче меда и сота въ устахъ пришедшихъ въ познаніе Его, но совѣмъ плоть есть, и мудрованіе имѣетъ плотское, и чувство плотское, и не можетъ вкусить и духовно возчувствовать блага, какія даровалъ намъ Богъ; всѣ, которые по Богу, дѣла кажутся ему горькими и не знаетъ онъ, какъ слѣдуетъ — что есть: *окусите и видите, яко благъ Господь* (Ис. 33, 8). Кто не знаетъ сего, тотъ чуждъ любви и сладости Христовой. Кто же не испыталъ любви и сладости Божіей (увы мнѣ! мое это собственное горе, потому что заповѣдь имѣю чужое почитать своимъ), тотъ врагъ Божій и чуждъ царствія небеснаго. Ибо на кого другаго можетъ онъ надѣяться? Или чью другую стяжать любовь, чтобъ въ ней находить утѣшеніе, въ настоящей ли, или въ будущей жизни?

Такъ, кто прекословить, ропщетъ и клянеть тѣхъ, которые заставляютъ его воспѣвать и славословить Бога, тотъ какое найдетъ оправданіе въ день суда сдѣлавшись пагубнымъ соблазномъ и для себя и для другихъ? Повѣрьте мнѣ, духовные братіе мои, что когда я слышу это и вижу кого-либо изъ васъ негодующимъ за это, то такъ сильно скорблю и такъ поражаюсь въ сердце, что мнѣ кажется, будто я въ адѣ, — не чувствую уже никакой другой радости въ мірѣ, но тягочусь самою жизнію, плачу и рыдаю, какъбы самъ подвергался окончательному приговору осужденія; а между тѣмъ, когда умоляю васъ, вы меня не слушаете, когда укоряю — отворачиваетесь, когда обличаю — ненавидите, когда наказываю — гоните, какъ врага; и дѣлая это, никакого не могу найти себѣ успокоенія. Думаю иногда, — перестану такъ дѣлать, и стану смотрѣть только за своими собственными грѣхами; но какъ только захочу такъ поступить, возгарается будто огонь въ сердцѣ моемъ, и я

опять нахожу себя въ томъ же скорбномъ состояніи; ваши грѣхи опять печалятъ меня паче, нежели сколько печалятъ cadaго его собственные грѣхи,—и я горю какъ въ огнѣ изъ-за васъ, считая жизнь свою несчастнѣйшею.

Удивляюсь, какъ дошли мы до такого нечувствія, что дѣлаемъ все такіа дѣла, которыа губятъ души: пляшемъ и ликуемъ надъ собственною погибелію и радуемся, что туго-на-туго вяжемъ души свои страшными грѣхами; тѣхъ же, которые стараются разрѣшить насъ отъ этихъ узъ, снѣдаемъ и если кто станетъ препятствовать намъ сдѣлать что-либо во вредъ душѣ своей, на того лаемъ, какъ псы разъяренные, и поносимъ его,—и не успокоиваемся, пока не доведемъ до конца задуманнаго худаго дѣла,—и не сгубимъ души своей.—Потомъ современемъ привыкли къ такимъ худымъ дѣламъ, дѣлаемся нѣкоторымъ образомъ какъ бы естественно злыми и желанія уже не имѣемъ, чтобы развѣянъ былъ покрывшій насъ мракъ и мы пришли въ чувство.

И бываетъ вслѣдствіе сего, что на словахъ мы монахи, а на дѣлѣ стали хуже всѣхъ мірянъ: общались алкать и жаждаъ и другия подвергать себя прискорбнымъ лишеніямъ, а между тѣмъ не стыдимся кричать и браниться изъ-за куска хлѣба, который, можетъ быть, и требуемъ-то не въ определенное для принятія пищи время; вступили въ монастырь, въ видахъ отреченія отъ всего, еже въ мірѣ, отъ родителей, братій и друзей, а между тѣмъ не перестаемъ заботиться о томъ, чтобы питать ихъ, и притомъ монастырскимъ хлѣбомъ; убѣждали отъ міра, какъ отъ врага а между тѣмъ любимъ мірскихъ и мірское паче души своей. Спрашиваю тебя, брате, скажи мнѣ,—когда пришелъ ты въ монастырь, вѣровалъ ли, что есть воскресеніе, судъ и воздаяніе за дѣла cadaго? Исповѣдывалъ ли, что есть Богъ, имѣю-

щій воздать каждому по дѣламъ его? Или ничего этого не держаль въ умѣ своемъ? Скажи мнѣ, когда становился ты монахомъ и стоялъ предъ лицомъ столькихъ свидѣтелей, имѣлъ ты въ намѣреніи исполнять тѣ общанія, которыя тогда давалъ, и тѣ соглашенія, въ которыя вступалъ со Христомъ? Или дѣлалъ это съ лукавствомъ, притворяясь, будто желаешь послужить монастырю, поработать на братію, въ намѣреніи же держа только ѣсть и пить вдоволь, всячески угождать покою плоти и проводить жизнь безпечную и безтрудную? Если пришелъ ты съ тѣмъ, чтобы быть рабомъ Христу и братомъ намъ, то соблюдай, прошу тебя, и заповѣди Христовы, ревнуя работать Ему всеусердно, чтобы дѣлами показать что ты истинный христіанинъ, и намъ будь братомъ боголюбивымъ, стараясь во всемъ подобию намъ и неся всѣ прискорбности и лишенія вмѣстѣ съ прочими братіями, какъ добрый воинъ Христовъ, чтобы вмѣстѣ съ ними и увѣнчану быть, прославлену и обрадовану въ вѣчной славѣ. Если же пришелъ ты съ лукавствомъ, не съ тѣмъ, чтобы быть истиннымъ монахомъ, но чтобы только ѣсть и пить, находя все это готовымъ, то послушай, и я скажу тебѣ, какія будутъ для тебя отъ того послѣдствія. Знай во первыхъ, — и это есть наибольшее и наиважнѣйшее, — что ты не содружился со Христомъ, но врагъ Ему еси и навѣтникъ. Да и какъ не навѣтникъ, когда одно держишь на умѣ, а другое общаешь устами, думая укрыть то отъ Бога, отъ Котораго ничто укрыться не можетъ? Онъ съ такою рѣшительностію заповѣдуетъ всѣмъ: не пеки-тесь о завтрашнемъ днѣ, что ѣсть, что пить, и во что одѣться; а ты за тѣмъ дѣлаешься и монахомъ, чтобы имѣть деньги и прочія вещи, которыхъ, можетъ быть, не имѣлъ ты, когда былъ міряниномъ? Апостоль Павелъ учить: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ*

(1 Тим. 6, 8): а ты не довольствуешься тѣмъ, что необходимо, но желаешь имѣть больше того, для чего крадешь и присвояешь себѣ монастырскія вещи,—работать лѣнишься, а между тѣмъ во всемъ, что касается упокоенія и утѣшенія тѣла, желаешь быть братомъ, равнымъ со всѣми тѣми, кои много потрудились въ дѣлѣ Господнемъ? Если видишь иныхъ братій подвизающимися отъ всей души въ постахъ, бдѣніяхъ и прочихъ лишеніяхъ тѣлесныхъ, или въ плачѣ, въ непрестанныхъ молитвахъ, во всенощныхъ стояніяхъ, въ псалмопѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ; говоришь, что не можешь этого дѣлать, прячешься и не ходишь даже на обычныя церковныя службы, думая однакожъ, что тѣмъ пользу приносишь себѣ самому?

Какое крайнее ослѣпленіе! Какое неразуміе! Какая прелесть въ помыслахъ твоихъ! И еще хуже всего этого то, что если срѣтитъ тебя какое либо самомалѣйшее искушеніе, или если огорчить тебя чѣмъ либо ничтожнымъ игуменъ, желая испытать тебя, то ты готовъ бываешь сбросить даже одежду монашескую, какъ и мнѣ случалось встрѣчать немало такихъ, которые говорили: да развѣ я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобъ быть кому-либо рабомъ, или чтобъ мною тутъ помыкали? О, безмысліе! Но развѣ ты, брате, не пришелъ, чтобъ подвизаться противъ невидимыхъ враговъ нашихъ демоновъ? Развѣ не пришелъ вести брань со страстями своими? Если не хочешь ничего терпѣть и никакихъ не подъемлешь лишеній, то зачѣмъ и стать воиномъ Христовымъ? Зачѣмъ соприсчислится къ братіямъ, кои всѣ суть воины Христовы? За тѣмъ развѣ, чтобъ только получать содержаніе, ѣсть и пить, и потомъ развалившись, будго въ харчевнѣ, бариться? Если думаешь такъ, горе тебѣ въ день суда, когда придетъ праведный Судія, воззвать каждому по дѣламъ его и взыскать съ монаховъ тѣ соглашенія и

обѣщанія, которыя дали Ему въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, предъ святымъ престоломъ и святыми Ангелами. Ибо когда спрашиваетъ насъ іерей: что пришелъ еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святому собратству сему, желая ли иноческаго образа и ангельской жизни? что отвѣчаемъ мы на это? Не говоримъ ли: ей, честный отче? А іерей что опять говоритъ на это?—Вѣдай, брате, что поелику пришелъ ты сопричислиться къ рабамъ Царя Христа, то уготовь себя на искушенія, потому что отнынѣ врагъ нашъ діаволь начнетъ наипаче воздвигать всякія козни противъ тебя. Почему будь готовъ алкать, жажжать, зябнуть, принимать безчестія, оплеванія, осмѣянія, заушенія, и претерпѣвать все скорбное, бывающее въ жизни по Богу. И мы что отвѣчаемъ? Не общаемъ ли все то охотно перестрадать и перетерпѣть? Да и на всякой вопросъ, какой предлагаетъ намъ іерей, не говоримъ ли мы: ей, честный отче? Не исповѣдуемъ ли предъ лицомъ Бога и св. Ангеловъ, что будемъ соблюдать воздержаніе, бдѣніе, молитву, повиновеніе даже до смерти настоятелю и всѣмъ братіямъ? А теперь дошли до такого жалкаго состоянія и проводимъ жизнь свою съ такимъ безстрашіемъ предъ Богомъ и съ такимъ пренебреженіемъ Его заповѣдей, какъ будто никого нѣтъ, кто имѣетъ взыскать съ насъ за такія, данныя нами обѣщанія?! И ни во что ставимъ не только братій но и самыхъ настоятелей нашихъ, и ропщемъ, и прекословимъ, и клянемъ, и дѣлаемъ почти все только такое, что ненавидитъ Богъ, и что сильно ввергнуть души наши въ огонь адскій?

Слыхано ли, чтобъ гдѣ либо было такое лукавство и злоторство? Или какой діаволь можетъ изобрѣсть другой къ гибели душъ нашихъ способъ, вѣрѣйшій этого? Или лучше сказать, что другое худшее сами демоны могутъ придумать и устроить къ гибели нашей?

И демоны, видя, что мы порабощены волѣ плоти, отчуждились отъ благодати Св. Духа и умертвили души свои, — ибо удаленіе души отъ Бога есть смерть для нея,—видя это, для какой еще другой причины станутъ они и съ своей стороны воздвигать брань противъ насъ? Ибо вся брань, какую поднимаютъ противъ насъ демоны, на тотъ конецъ бываетъ, чтобъ удалить отъ насъ благодать Святаго Духа. Но мы, какъ вижу, еще прежде, чѣмъ они стали воевать противъ насъ, уже обнажили себя отъ такой благодати Божіей тѣмъ, что не исполняемъ заповѣдей Божіихъ и не имѣемъ ревности взыскивать Бога отъ всей души нашей. Ибо если бъ мы взыскали Его, то не проводили бы жизни своей въ такомъ нерадѣніи. Если бъ мы имѣли попеченіе о небесномъ, то не заботились бы столь много о земномъ. Если бъ мы помышляли о нетлѣнномъ, то не были бы столько привязаны къ тлѣнному. Если бъ мы возжелали вѣчнаго, то не любили бы такъ привременнаго. Если бъ мы тщательно старались творить добродѣтели, то не чуждались бы учителей добродѣтели. Если бъ мы съ радостію брались за постъ, то никогда не роптали бы, по причинѣ скудости яствъ и питій. Если бъ мы подвизались и воздерживались отъ страстей, то не были бы столько порабощены удовольствіямъ. Если бъ мы имѣли истинную и твердую вѣру, то не дѣлали бы дѣлъ, свойственныхъ невѣрнымъ. Если бъ мы имѣли въ сердцахъ своемъ страхъ Божій, то не противились бы истиннымъ рабамъ Божіимъ, при всякомъ богоугодномъ дѣлѣ. Если бъ мы имѣли смиреніе, то не презирали бы рабовъ Божіихъ. Если бъ мы сподобились стяжать истинную любовь, то познали бы и Бога, и ради любви ко Христу предпочитали бы не только быть безчестимыми, но и наказуемыми, и несправдаваемыми, и оскорбляемыми, и всякое искушеніе и тѣсноту претерпѣвали бы съ охотою.

Но нынѣ мы такъ много порабощены страстями и въ такомъ находимся ослѣпленіи и нечувствіи, что даже не знаемъ, въ какую впали глубину золь, и нисколько не чувствуемъ своего бѣдственнѣйшаго состоянія. Мы доходимъ даже до того, что когда кто стапетъ вразумлять насъ относительно какого-либо грѣха, то отвѣчаемъ ему такъ, какъ бы никогда и не слыхали Божественныхъ Писаній, говоря: неужели и это дѣло—грѣхъ? И почему называется это грѣхомъ? Далъ бы Богъ соблюстись намъ отъ большихъ золь, а за эти малости Онъ не будетъ слишкомъ взыскателенъ! И кто же говорить такія рѣчи? Христіане, чада Христовы, давшіе такіе великіе обѣты Богу, когда крестились, — и особенно монахи, вступившіе во вторыя соглашенія и завѣты съ Богомъ; тѣ, которые облечены ивоческимъ одѣяніемъ вмѣсто добродѣтели и носятъ имя монаха вмѣсто святости, — которые вошли въ соглашеніе со Христомъ, что отвергнутся міра и всего что въ мірѣ, отвергнутся и родителей, и родныхъ, и друзей, обѣщали слушаться своихъ духовныхъ отцевъ, какъ Бога, и соблюдать строжайшее подвижничество и вниманіе, даже до изора очей и празднаго слова, т.-е. что ни смотрѣть не будутъ безчинно, ни празднословить, — а теперь думаютъ, что не грѣхъ и зависть, и осужденіе, и ропотъ, и прекословіе, и лживыя рѣчи, и слѣдованіе своей волѣ, и божба, и скрытное украденіе вещей монастырскихъ, чтобъ имѣть ихъ, какъ свои собственные, или дать другимъ, безъ вѣдома настоятеля, — и при этомъ еще думаютъ, что совсѣмъ не грѣхъ — худо исправлять свои монастырскія послушанія, то-есть когда поручено кому какое либо служеніе братіямъ, исправлять его съ пристрастіемъ, или съ лукавствомъ, или съ завистию, или безсовѣстно, или торгашески.

О, человѣче! Не трепещешь, слыша каждодневно, что говоритъ тебѣ Богъ: *слово гнило да не исходитъ изъ устъ*

вашихъ (Еф. 4, 29); ибо глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ чловѣцы, воздадѣтъ о немъ слово въ день судный (Мѣ. 12, 36), и за чашу студены воды мзду получите? (Мѣ. 16, 42). Не слышишь, что Богъ есть судія помышлений и мыслей сердечныхъ? Не слышишь, что говорить Христосъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожелѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ?* (Мѣ. 5, 28). Видишь, что осуждается. какъ блудникъ, тотъ, кто съ вожелѣніемъ взираетъ на чье либо лицо? Такимъ же образомъ, брате мой, будь увѣренъ, что и тотъ, кто вожелѣваетъ денегъ, осуждается, какъ сребролюбецъ, хотя бы ничего совершенно не имѣлъ,— и тотъ, кто вожелѣваетъ яствъ многихъ и разныхъ, есть чревоугодникъ, хотя бы ѣлъ одинъ хлѣбъ и пилъ лишь воду, по причинѣ бѣдности своей, -- и тотъ, кто принимаетъ срамныя помыслы, удерживаетъ ихъ въ умѣ долгое время и сквернится ими, считается блудникомъ, хотя бы не видалъ никогда лица чловѣческаго. Равнымъ образомъ и тотъ, кто говоритъ въ сердце своемъ: это худо, то глупо,—или для чего сдѣлано то и то, а не сдѣлано это и это? пусть не прельщается, думая, что не грѣшитъ; ибо онъ явный осудитель и, какъ судящій, осужденъ будетъ, хотя бы ни одного осудительнаго слова не испустилъ изъ устъ своихъ и никто не слыхалъ гласа его.

Не прельщайтесь, братія мои. Воистину чловѣколюбивъ Богъ, и милостивъ и благоутробенъ. Исповѣдую сіе и я, и на благоутробіе Его уповаю, имѣю дерзновеііе чаять, что спасенъ буду. Однакомъ вѣдайте, что чловѣколюбіе Его нисколько не послужитъ въ пользу тѣмъ, которые не каются и не соблюдаютъ заповѣдей Его со страхомъ великимъ и во всей точности, а наиротивъ Богъ накажетъ ихъ еще строже нечестивыхъ и невѣрныхъ. Не прельщайтесь, братія мои, и не думайте, что

малыя прегрѣшенія въ самомъ дѣлѣ малы и вамъ можно презирать ихъ, якобы не причиняющія большаго вреда душѣ нашей. Добрые и искренно богоугодливые рабы Божіи не полагаютъ никакого различія между малымъ и большимъ грѣхомъ; но когда погрѣшати даже мановеніемъ очей, или помысломъ, или словомъ, думаютъ, что совѣмъ отпали отъ любви Божіей, — что, вѣрую я, и истинно есть. Кто помыслитъ о чемъ либо, несообразномъ съ волею Божіею, даже сама малѣйшимъ, и не покается, изгоняя тотчасъ прилогъ помысла того, но приметъ его и удержитъ въ себѣ, тому это вмѣняется въ грѣхъ, хотя думается, что это зло бываетъ въ невѣдѣніи. Ибо, когда пришелъ законъ, то-есть ученіе Божественныхъ Писаній, тогда то зло, которое прежде дѣлалъ человѣкъ въ невѣдѣніи, не зная, что оно зло, — ожило, т.-е. онъ узналъ изъ Писаній, что оно зло, — и оказалось, что въ немъ есть грѣхъ (не признаваемый грѣхомъ), отчуждавшій однакожъ и отдалявшій его отъ добра, и тѣмъ мертвившій его. Почему надлежитъ намъ добръ разсматривать и обсуждать помыслы, приходящіе въ умъ нашъ, противопоставляя имъ свидѣтельства Божественныхъ Писаній и ученія духовныхъ и святыхъ отцевъ. Если найдемъ, что они согласны съ святымъ Писаніемъ, то воспріимемъ подвигъ удержать ихъ, сколько можемъ, и произвести въ дѣло. Если же помыслы тѣ несогласны съ словомъ истины, то поспѣшимъ отгнать ихъ отъ себя съ гнѣвомъ и непріязнію, какъ написано: *гнѣвайтесь и не согрѣшайте* (Еф. 4, 26). Отнюдь не должно удерживать привходящихъ въ насъ страстныхъ помысловъ, но тотчасъ надобно отражать ихъ, какъ струю заразного воздуха и жало смерти.

Изъ сего видно, сколь необходимо для насъ изслѣдовать Божественныя Писанія со всею тщаніемъ и вниманіемъ. И Христосъ Господь, давая разумѣть, какая великая

отъ сего происходитъ польза. говорилъ: *испытайте писанія* (Іоан. 5, 29). Испытайте, и удерживайте со всею точностію и вѣрою, что въ нихъ говорится, чтобъ вѣрно знать такимъ образомъ волю Божию, и умѣть различать непогрѣшительно добро отъ зла, а не всякому духу вѣровать и носиться въ вихрѣ вредительныхъ помысловъ. Повѣрьте мнѣ, братія мои, что нѣтъ другаго, болѣе легкаго пути ко спасенію, какъ послѣдовать божественнымъ повелѣніямъ Христовымъ. Впрочемъ потребны намъ и слезы многія, и страхъ великій, терпѣніе большое, и непрестанная молитва, чтобъ открылась намъ сила хотя одного Владычнаго слова, да познаемъ великія таинства, сокрытыя въ малыхъ словесахъ, и предадимъ души свои на смерть и за самую малую заповѣдь Христову. Слово Божіе есть мечъ обоюду острый, который отсѣкаетъ и отдѣляетъ отъ души всякую похоть и всякое плотское стремленіе. При этомъ оно бываетъ и пламенемъ огненнымъ, воспламеняющимъ ревность душевную и дѣлающимъ то, что мы презираемъ всѣ прискорбности настоящей жизни, встрѣчаемъ съ радостію и веселіемъ всякое находящее на насъ искушеніе, и самую смерть, которая такъ страшна для другихъ людей, желательно пріемлемъ, какъ жизнь и источникъ жизни.

Умоляю же васъ, братія мои, пробудимся наконецъ отъ сна, и станемъ побуждать одинъ другаго возбуждательными словами на дѣланіе добра; потечемъ со тщаніемъ; возсподвизаемся съ полнымъ рвеніемъ отрѣшиться отъ всякаго пристрастія къ міру; смиримся, какъ смирялись древніе отцы; потщимся совлечись ветхаго чловѣка чрезъ отсѣченіе плотской воли и умерщвленіе земнаго мудрованія; облечемся въ новаго Адама, т.-е. въ Господа нашего Іисуса Христа чистою и невещественною молитвою; очистимъ себя постоянными слезами и попечемъ обновлять себя покаяніемъ каждый день и

каждый часъ, чтобъ научиться воевать и бороться съ врагами нашими демонами, которые непрестанно злокозньствуютъ противъ насъ.

Кто не стяжалъ еще указаннаго нами всеоружія духовнаго, тотъ не можетъ противостоять во время брани, но каждый часъ терпитъ пораженіе. Будучи обнаженъ отъ такого всеоружія, онъ не можетъ проводить жизни мирно и свободно. Ибо внутренняя брань демонская не похожа на вѣшнія брани, но гораздо страшнѣе ихъ. Въ тѣхъ — люди воюють съ другими людьми, и иногда же прекращаютъ ее, и сбросивъ орудіа, ложатся отдыхать, улучивъ часъ, принимаютъ пищу; иной разъ запираются въ крѣпости и держатъ стражу одни въ одномъ, другіе въ другомъ мѣстѣ; плѣнные на ней, случается убѣгають отъ враговъ и спасаются отъ всякой бѣды, но и оставшіеся въ плѣну не всегда предаются смерти, а обращаются въ рабовъ; бываетъ и то, что плѣнный рабъ прославляется и разбогатѣваетъ больше, нежели сколько былъ богатъ, будучи свободнымъ. Но въ брани съ демонами не такъ бываетъ. Эта брань непрерывна, и воинамъ Христовымъ необходимо всегда носить на себѣ оружія свои. Нѣтъ возможности поимѣть покой отъ этой брани ни днемъ, ни ночью, ни на одну минуту; но и когда ѣдимъ, и когда пьемъ, и когда спимъ, или другое что дѣлаемъ, можемъ находиться въ самомъ жару брани. Враги наши безплотны и всегда стоятъ противъ насъ, хотя мы ихъ не видимъ; стоятъ и со всею зоркостію присматриваются, не окажется ли гдѣ какой либо членъ нашъ обнаженнымъ, чтобъ вонзить въ него свои стрѣлы и умертвить насъ. Тутъ невозможно укрыться въ крѣпости и башнѣ, или иной разъ спрягаться гдѣ либо и отдохнуть немного. Нельзя также убѣжать куда либо и избавиться отъ брани или одному взять на себя борьбу за другаго; но всякому

вообще человѣку самому необходимо вести сію брань, и—или побѣдить и живу быть, или быть побѣждену и умереть безъ всякаго сомнѣнія.

Рана же смертоносная тутъ есть всякой грѣхъ, не оплаканный въ покаяніи и не исповѣданный, и особенно отчаяніе, если кто упадетъ въ него, что однакожь состоитъ въ нашей власти. Ибо если мы не ввергнемъ себя во глубину нерадѣнія и безнадежія, то демоны совсѣмъ не могутъ сдѣлать намъ никакого зла. Но и когда раны приѣмлемъ отъ нихъ, можемъ, если захочемъ, сдѣлаться еще болѣе мужественными и опытными въ сей брани, посредствомъ теплаго покаянія. Быть поражену и умереть, а потомъ опять возстать и вступить въ брань, есть дѣло людей крайне великой души и мужественныхъ,—и оно дивно и достойно великой награды. Ибо сохраненными быть отъ пораженія не въ нашей состоитъ власти, но остаться въ смерти или не остаться состоитъ въ нашей власти; потому что если не откажемся, то не пребудемъ въ смерти и смерть не возгосподствуетъ надъ нами. Мы всегда можемъ избыть отъ нея, прибѣгши съ покаяніемъ ко всемогущему и человѣколюбивому Богу.

Посему-то я и возбуждаю, какъ себя самого, такъ и всѣхъ братій: покажемъ всякое тщаніе и мужество терпѣнія и постоянства въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Господнихъ со всею ревностію души, чтобы dospѣть въ небесныя и вѣчныя обители преисполненными плодовъ Св. Духа и тако сподобиться предстать и поклониться единой и нераздѣльной Троицѣ, во Христѣ, Богѣ нашемъ, — Косму слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

- 1) О привязанности къ роднымъ.
- 2) Объ отчаяніи и видахъ его.
- 3) О необходимости вразумлять таковыхъ словами Писанія.
- 4) Кто не исполняетъ хоть малую какую заповѣдь, о томъ нельзя сказать, что онъ истинно вѣруетъ.
- 5) Приличное изображеніе шествія царскимъ путемъ среди соблазновъ.
- 6) Вредъ для монаха отъ пристрастія къ роднымъ.

1. Лучше бы было для меня молчать и оплакивать грѣхи свои, а не брать на себя дѣло учителя, чтобъ учить любовь вашу и другимъ указывать пути спасенія, не потому, чтобъ дѣло учительства было противно заповѣди Христовой,—напротивъ оно очень Ему пріятно,—но потому, что я недостойнъ такого духовнаго дѣланія. Почему очень боюсь, не идетъ ли ко мнѣ слово Давида, который говоритъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлени завітъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, отвергъ еси словеса Моя вспять* (Пс. 49, 16). Ибо кто не любитъ покоряться законамъ Божиимъ, тотъ не любитъ и уроковъ, исходящихъ изъ словесъ Господа, и затыкаетъ уши свои, чтобъ не слышать словъ, содержащихъ ученіе о будущемъ судѣ и воздаяніи грѣшникамъ, или объ огнѣ ономъ вѣчномъ, или о мучилищахъ адскихъ, или о вѣчномъ ономъ осужденіи, изъ котораго нельзя уже убѣжать тому, кто однажды подписалъ опредѣленію его. А кто не подвизается отъ всей души имѣть всегда предъ очами своими заповѣди Христовы и соблюдать ихъ, но презираетъ ихъ и предпочитаетъ дѣлать все противное симъ заповѣдямъ, тотъ отвергъ словеса Господа вспять (назадъ, за себя). Ибо когда Господь повелѣваетъ, взывая: *покайтесь, приближибоя царствіе небесное* (Мѣ. 4, 17),—и опять:

подвизайтесь внити сквозь тѣсная врата (Лук. 13, 24), — а слышашій это не только не кается и не нудитъ себя внити чрезъ узкія врата, но проводитъ всѣ дни жизни своей въ безпечности и нерадѣніи о душѣ своей, прилагая каждочасно грѣхи ко грѣхамъ, покоя и упитывая тѣло свое паче потребнаго, — что есть признакъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго челоуѣка въ вѣчную пагубу, а не тѣснаго и прискорбнаго, ведущаго въ животъ вѣчный, — таковой завергль словеса Господа назадъ за себя, и творить одни собственныя свои хотѣнія, или лучше сказать діаволы.

Я, бѣдный, первый есмь изъ поступающихъ такъ, и, находясь, какъ во рвѣ тинномъ и чувствуя крайнюю бѣдственность свою, взываю изъ глубины тинной ко всѣмъ, внѣ ходящимъ около рва, говоря: братія мои, бѣгите дальше отъ этого страшнаго рва и теките прямымъ путемъ, который есть Христось; да не уклоняется никто изъ васъ ни на десно, ни на шуе, чтобъ не попасть сюда, подобно мнѣ бѣдному и несчастнѣйшему, и не потерять вмѣстѣ съ земными и небесныхъ благъ. Вѣдайте, что вселукавый діаволь, врагъ душъ нашихъ, всякія козни и ковы строя, чтобъ, какъ можно, большее число насъ собрать въ этотъ страшнѣйшій ровъ, между другими къ тому средствами употребляетъ и нашу привязанность къ роднымъ. Ее какъбы веревочную петлю набрасываетъ онъ на выю каждому, и всѣхъ пріемлющихъ эту узду, тащитъ и низвергнувъ въ тину грѣховъ смертныхъ, погружаетъ въ ровъ нечаянія; когда же низведетъ ихъ въ такія преисподнѣйшія глубины грѣшности, вяжетъ и тамъ оставляетъ.

2. Вѣжимъ же, братія мои, молю васъ, отъ такой пагубы души нашей. Врагъ душъ нашихъ діаволь съ такимъ вселукавствомъ вводитъ таковыхъ въ состояніе нечаянія, и съ такимъ обольщеніемъ прикрываетъ его.

что они и не думаютъ, что впади въ него, не слушаются Божественныхъ Писаній, не даютъ вѣры и словамъ тѣхъ, которые говорятъ имъ объ этомъ, и все ставятъ ниже собственнаго мудрованія, или лучше сказать, невѣжества и нечувствія, такъ какъ не чувствуютъ, что петлюю затянуты по выш, — что хуже всякаго отчаянія. Ибо иное дѣло, когда кто отчаявается въ своемъ спасеніи, по причинѣ множества грѣховъ, въ какіе впадъ. и иное, когда кто зло считаетъ добромъ и, дѣлая его, держитъ убѣжденіе, что дѣлаетъ добро. Кто отчаявается по причинѣ множества грѣховъ своихъ, тотъ, — если преподать ему ученіе о покаяніи и челоуѣколюбіи Божию и дать уразумѣть, что нѣтъ грѣховъ, сколь бы много ихъ ни было, которыхъ не изглаждало бы покаяніе, что идѣже преумножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать, и что великая бываетъ радость на небесахъ о единомъ грѣшникѣ кающемся, — можетъ быть придетъ въ самого себя и умилился, а иной разъ возжелаетъ и избавиться отъ того множества грѣховъ. облегчить совѣсть свою отъ этого неудобноносимаго бремени, и, презрѣвъ всѣ блага міра, прибѣгнетъ къ покаянію съ великимъ рвеніемъ. Но кто зла держится какъ добра, тотъ съ великимъ затрудненіемъ приходитъ въ покаяніе, и совѣтъ не соглашается принимать такіа цѣлительныя врачевства. Ибо какъ возможно, чтобы рѣшился на такое духовное себя-врачеваніе тотъ, кто не вѣруетъ и даже въ мысли не держитъ, что боленъ душою или палъ?

3. Почему намъ надлежитъ собрать, сколько можно, болѣе духовныхъ словесъ изъ святаго Евангелія и прочихъ Божественныхъ Писаній, чтобы убѣдить ихъ и показать имъ, въ чемъ ихъ заблужденіе и какъ уклонились они отъ прямого пути, коимъ начали шествовать, и какъ діаволь, приступивъ къ этимъ монахамъ съ лестію.

набросилъ петлю пристрастія на выю ихъ; потомъ показать, какъ онъ увлекъ ихъ въ стремнины и блага грѣховъ, какъ ввергъ въ глубочайшій ровъ нечестія, какъ довелъ до самой крайней пагубы, и тамъ связавъ, бросилъ и удалился, въ увѣренности, что имъ ужъ не высвободиться. Когда же скажемъ все это тѣмъ, которые вѣрятъ словамъ Божественнаго Писанія, приходятъ въ чувство, сознають грѣхи свои и исповѣдуютъ сами, что воистину находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи; тогда дадимъ имъ и приличныя врачевства на раны ихъ,—все отъ словесъ Божественнаго Писанія. Впрочемъ умоляю всѣхъ васъ, помолитесь Господу Богу обо мнѣ, который, будучи неучемъ, вынужденъ есть воспріять подвигъ слова, для показанія всего сказаннаго, да возсіяетъ во мнѣ благодать Всесвятаго Духа и да просвѣтитъ она сердце мое и умъ мой, и даруетъ мнѣ силу изречь нѣкое полезное для душъ вашихъ слово. И о когда бы сія благодать Святаго Духа не по моему достоинству, но для собственной вашей пользы, сама благоволила внутрь слуха вашего отглашать (давать эхо) словеса истины, и тако просвѣтитъ васъ свѣтомъ своимъ, и показать вамъ таинственно все то, о чемъ я сказалъ выше,—говоря какъбы вамъ: на, вотъ путь, вотъ стремнина, вотъ врагъ, вотъ вервь, вотъ братъ (искушаемый)! И смотри, съ какою радостію принимаетъ онъ петлю, и какъ врагъ увлекаетъ его!—И потомъ послѣдовательно показать все одно за другимъ, безъ всякаго опущенія, наконецъ показать, какъ можемъ избѣжать сѣтей вражескихъ, сдѣлать насъ свободными отъ узъ діавола и возвестъ на небеса.

Итакъ, начнемъ отъ начала и съ самаго верха. Господь нашъ и Богъ, истинный Сынъ Бога и Отца, единосущный, единославный, сопрестольный и однопрестольный со Отцемъ и Святымъ Духомъ, пребывающій во

Отцѣ, который въ Немъ пребываетъ, видя наше бѣдственное и жалкое состояніе, и это рабство, въ коемъ мы столько лѣтъ рабствовали врагу нашему діаволу, прельстившему насъ на грѣхъ, по неизреченному челоувѣколюбію Своему сжалился надъ нами, восхотѣлъ освободить насъ отъ сего рабства и обольщенія діавольскаго, и для того снизшелъ съ небесъ на землю и содѣлавшись челоувѣкомъ, пожилъ съ нами челоувѣками, грѣшниками, и давъ заповѣди святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ, опять возшелъ на небо ко Отцу Своему со славою мною, послѣ того какъ повелѣлъ имъ: *идите въ міръ весь, проповѣдуйте Евангеліе всей твари.... учаще ихъ блюсти* не то и то, но *вся, елика заповѣдалъ вамъ*, — при чемъ говоря: *вся*, не оставилъ Онъ ни одной заповѣди, которой бы не повелѣлъ исполнять намъ. Потому что говоритъ? *Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 15. 16; Мѣ. 28, 20).

4. Что же, брате мой возлюбленный, повялъ ли ты, что значить сказанное: *утровавший и окрестившійся*, и потомъ опять: *возневтрававший* (απιστας)? Или мнѣ сказать тебѣ объ этомъ? Ибо слово это кажется простымъ и удобопонятнымъ для всякаго, но содержитъ глубоко сокровенныя мысли. Здѣсь не о той одной вѣрѣ говорится, что Христосъ есть Богъ, но говорится и о вѣрѣ, объемлющей всѣ св. заповѣди, когда, т.-е., кто съ вѣрою пріемлетъ всѣ заповѣди и держитъ убѣжденіе, что ни одна изъ нихъ не есть праздная, но что всѣ глаголы Божіи до іоты и черты суть жизнь и приносятъ жизнь вѣчную. Кто вѣруетъ такъ всѣмъ заповѣдямъ Христовымъ и, какъ общался во святомъ крещеніи, соблюдаетъ и исполняетъ ихъ всѣ, не опускаая ни одной, тотъ спасется. Напротивъ кто возневтрауетъ какому либо слову Христову, до единой черты или іоты, тотъ осужденъ будетъ,

какъбы отвергся онъ самого Христа Господа. И праведно. Ибо тотъ, кто вѣруетъ Ему въ великомъ, — что Онъ, скажемъ по пунктамъ, будучи Богъ, содѣлался человѣкомъ непременно и неизмѣнно, что былъ распятъ и умеръ, что воскресъ и явился Апостоламъ, вошедши къ нимъ дверемъ затвореннымъ, что вознесся на небеса и сѣдитъ одесную Бога и Отца, что имѣетъ пріити судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его, и что прежде сего имѣетъ воскресить всѣхъ людей, которые родились отъ Адама и родятся еще до скончанія вѣка, — кто всему этому вѣритъ, а не вѣритъ слѣдующимъ словамъ: *глаголю вамъ: яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ чловѣцы, воздають о немъ слово въ день судный* (Мѡ. 12, 36), — какъ возможно, чтобы таковой былъ вѣренъ и сопричислялся къ вѣрнымъ? Равнымъ образомъ, кто вѣритъ Христу въ оныхъ страшныхъ и великихъ таинствахъ, превосходящихъ всякой умъ и всякое помышленіе человѣческое, и во всемъ томъ, что совершено и еще имѣетъ быть совершено Христомъ Господомъ нами, а не вѣритъ Ему въ слѣдующихъ, изреченныхъ Имъ, словахъ: *иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мр. 8, 34), — также: *иже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѡ. 10, 37), — и еще: *аще кто грядетъ по Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лк. 14, 26), — и — *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, ... мнѣ наречется въ царствѣ небесныхъ* (Мѡ. 5, 19), — какъ возможно, чтобъ такой сочтенъ былъ вѣрнымъ, а не паче осужденъ, какъ невѣрный, и даже хуже невѣрнаго, когда онъ относительно важнѣйшаго исповѣдуетъ, что вѣруетъ Христу, а въ маломъ (какъ ему то кажется) презираетъ Его, Бога и Владыку всяческихъ, будто лживаго, — и въ.

отношеніи къ прочему говорить, что вѣруеть Христу, яко Богу истинному, а въ то слово Его, что Онъ говорить: *о всякомъ праздномъ словѣ воздадутъ человѣцы слово въ день суда*, не вѣрить, какъ какому нибудь ничтожному человѣку? Христосъ горе говоритъ смѣющимся, и ублажаетъ плачущихъ, а онъ, смѣясь, срамослова и пусто-слова, думаетъ, что спасется. Даже что?—Не отвергался себя по заповѣди Господа и не неся креста своего, думаетъ, что послѣдуетъ Христу, распитому за него, и любя родныхъ паче Христа, почитаетъ себя достойнымъ Христа.

Такимъ образомъ и тѣ, которые будто приходятъ ко Христу и оставляютъ міръ и мірское, но не отвергаются отъ всѣхъ родныхъ своихъ и при этомъ самой жизни своей, дѣлаютъ все противное сему, любятъ родныхъ паче Христа,—тщетно думаютъ, что они ученики Христовы, и преступая каждочасно не одну какую-либо маленькую заповѣдь, но много и притомъ великихъ, напрасно воображаютъ, что не дѣлаютъ ничего богопротивнаго, —мало этого, мечтаютъ даже быть великими нѣкіими и дивными въ царствіи небесномъ. Большее же всего зло есть то, что они говорятъ, будто, дѣйствуя такъ, они нисколько не нарушаютъ заповѣди, и не только говорятъ такъ, но покушаются, неразумные, убѣдить въ этомъ и насъ, защищающихъ слово истины. Но возвратимся къ нашему предмету.

Итакъ, всѣ заповѣди, которыя Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ, равно заповѣдалъ Онъ и намъ, чтобъ мы соблюдали ихъ всѣ до одной. И мы можемъ ихъ соблюдать, даже находясь въ мірѣ, но не хотимъ, потому что слабоваты въ вѣрѣ и любви ко Христу. Что это, сказанное мною сейчасъ, истинно, подтверждаютъ всѣ, которые, прежде закона, въ законѣ и по воплощеніи Спасителя нашего Христа благоугодили Богу, находясь въ

мірѣ, съ дѣтьми и женами, и при всѣхъ попеченіяхъ мірскихъ. Потому что совсѣмъ не имѣли пристрастія ко всему этому, но были отрѣшены отъ того произволеніемъ своимъ. Иные изъ нихъ по вѣрѣ и дѣламъ были болѣе свѣтлыми лицами, нежели тѣ, которые проводили жизнь въ горахъ и пещерахъ. Для чего и мы, опираясь на заповѣдь Господа, какъбы прямо къ намъ изреченную и къ нашей немощи приспособленную, отрицаемся отъ всего, вступаемъ на тѣсный и прискорбный путь, тѣлесно отдѣляемся отъ міра и того, что въ мірѣ, оставляемъ одно мѣсто и переходимъ въ другое—въ монастырь, и начинаемъ подвигъ добродѣтелей, въ коемъ каждый подвизается, больше или меньше, какъ произволяетъ?—Для чего дѣлаемъ это мы? Для того, чтобы стяжать безпристрастіе къ сказанному и отрѣшиться отъ привязанности къ тому, такъ какъ иначе это помѣшало бы намъ тотчасъ, по удаленіи отъ міра, начать шествовать путемъ, ведущимъ въ царствіе небесное, послѣдуя заповѣдамъ Господа и повинуюсь повелѣніямъ Его.

5. Но, прошу тебя, вникни хорошенько въ силу словъ, которыя сейчасъ хочу предложить тебѣ. Представь въ умѣ своемъ вѣкій царскій путь, весь углаженный стопами тѣхъ, которые прежде добрѣ и богоугодно шествовали по нему; по ту и другую сторону его вообрази горы, лощины, обрывы, высокіе утесы и прорывы, а между ними предположи поля, дуга, увеселительныя мѣста съ тѣнями и деревьями полными разныхъ плодовъ; представь также, что тамъ въ разныхъ мѣстахъ скрываются многіе дикіе звѣри, грабители и убійцы. Вѣдай теперь, что если мы, вступивъ на сей путь, шествовать будемъ по нему, подражая тѣмъ, которые прежде насъ прошли по нему,—святымъ, то ничто изъ этого не можетъ обольстить насъ, привлечь къ себѣ наше чувство или повредить намъ. Когда шествуя путемъ заповѣдей Господнихъ, мы, при

проходѣ между сказанными предметами, не будемъ обращать очей своихъ ни на одинъ изъ нихъ, тогда никто ни изъ грабителей тѣхъ, ни изъ звѣрей не посмѣютъ явно напасть на насъ; не посмѣютъ они даже и подойти къ намъ близко, особенно если послѣдуемъ какому-либо духовному руководителю и имѣемъ добрыхъ спутниковъ.

Бываетъ однакожь, что грабители тѣ иногда стоятъ вдали, иногда подходятъ поближе, и одни изъ нихъ устрашаютъ насъ и звѣрски смотрятъ на насъ, какъ убійцы, другіе напротивъ ласково обращаются къ намъ со льстивыми и будто дружескими словами, показывая пріятность мѣстъ тамъ находящихся, красоты деревъ и плодовъ, и приглашая насъ отдохнуть немножко послѣ путныхъ трудовъ и вкусить отъ плодовъ сладкихъ на вкусъ и прекрасныхъ на видъ,—и другія многія изобрѣтаютъ хитрости и безчисленныя употребляютъ уловки. чтобъ какъ нибудь сманить насъ съ того царскаго пути. Такъ беспокоятъ они насъ непрестанно день и ночь, и когда бодрствуемъ и когда спимъ, и иногда борютъ насъ срамными похотями, иногда пожеланіями яствъ запрещенныхъ, иногда отчаянно нападаютъ на насъ и страшатъ, что убьютъ, думая тѣмъ запугать насъ и сбить съ царскаго пути. Иные изъ нихъ говорятъ, что невозможно вынести всѣхъ трудностей этого пути; другіе, что эти труды совсѣмъ тщетны, и никакой не могутъ принести пользы тѣмъ, кои употребляютъ ихъ; третьи опять говорятъ, что этотъ путь, которымъ мы идемъ, конца не имѣетъ, и намъ показываютъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые ни въ чемъ никакого не достигли успѣха. Это особенно такіе, которые много времени провели въ подвижничествѣ и никакой не получили пользы отъ этого долговременнаго въ немъ пребыванія, потому что не съ разумомъ шествовали путемъ заповѣдей Божіихъ, и не съ правымъ и благочестивымъ помысломъ, но подвизались

своевольно и съ гордостію. Такіе всегда пресѣкаютъ свое по Богу теченіе и, убоявшись, возвращаются вспять, а затѣмъ, опустившись въ нерадѣніи, предають себя діаволу и начинаютъ дѣлать одно угодное ему.

6. Но гдѣ мнѣ пересказать вамъ, духовнымъ братіямъ моимъ, всѣ козни и ковы врага нашего діавола и злыхъ демоновъ его, когда онѣ безчисленны? Почему возбудивъ вниманіе и любовѣдніе подвижниковъ тѣмъ, что сказалъ, прочее оставляю дослѣдовать имъ самимъ. Я же возьмусь изображать вамъ, что обѣщаль, т.-е. узы пристрастія, какое имѣемъ мы къ роднымъ, какъ вяжетъ насъ лукавый діаволъ этимъ пристрастіемъ (и особенно тѣхъ, которые побѣдили уже многія другія страсти и украсились вѣнцами сей побѣды) и посредствомъ его бѣднѣ низвергаетъ насъ злый сей во тму и погибель. — Но внимай тщательнѣе тому, что буду говорить.

Представь, что ты — на сказанномъ выше пути, и или теперь только началъ шествовать, или уже нѣсколько времени шествовалъ по нему, и встрѣтилъ немало нападковъ со стороны означенныхъ грабителей и звѣрей, но, благодатию Христовою, ни ихъ ласканіями не былъ обольщенъ, ни красотою видимыхъ тамъ вещей не увлеченъ къ наслажденію, ни страхомъ и устрашеніями не пораженъ, — и съ царскаго того пути не уклонился, и на немъ не остановился, не двигаясь впередъ, ни вспять не возвратился, но все съ большею и большею живостію и стремленіемъ течешь впередъ. Думаешь ли, что когда ты такъ течешь, діаволъ оставилъ тебя на покоѣ, и отсталъ отъ тебя, отказавшись вести съ тобою брань? Нѣтъ, нѣтъ! Не дастъ онъ тебѣ покоя; но зная, что мы оставили отца и мать, и все вообще родство, и обѣщали Богу, когда принимали монашескую схиму, исполнять и эту заповѣдь вмѣстѣ съ другими, о коихъ сказано, и видя, что не могъ совратить насъ съ царскаго пути никакими

способами,—что дѣлаетъ? Приводить намъ сначала на память родителей нашихъ и родныхъ, потомъ, имѣя въ виду смутить умъ нашъ и довести насъ до несоблюденія заповѣди Христовой, коею повелѣвается намъ отвергнуться родныхъ, предлагаетъ изъ Божественнаго Писанія изреченія, сказанныя людямъ, находящимся въ другихъ положеніяхъ и отношеніяхъ, говоря внутрь насъ: *Чти отца твоего и матерь твою*, заповѣдуетъ Бож. Писаніе, — *и отъ свойственныхъ племени твоего да не презриши* (Ис. 58, 7); потому что, какъ говоритъ Апостоль, *кто о присныхъ не промышляетъ, въры отвергся есть* (1 Тим. 5, 8). Не знаетъ этотъ лукавый, какъ слѣдуетъ, что это сказано не для того, чтобъ мы паче Христа любили родителей и родныхъ, и ихъ предпочитали любви къ Христу, но чтобъ научить насъ покорности Богу; ибо если надлежитъ слушаться и почитать родителей своихъ, не тѣмъ ли паче должно покорствовать Богу Творцу и нашему и самихъ родителей нашихъ? Но, о злокозненный діаволъ, свойственные сѣмене нашего суть не родные наши, но единовѣрные, о каковомъ свойствѣ ты не знаешь, какъ подобаетъ, и предлагаешь намъ родныхъ по плоти, стараясь ввергнуть насъ въ любовь и пристрастіе къ нимъ.

Когда же замѣтишь мы его прельщеніе, и добръ поймемъ его, или сами собою, или съ помощію руководителей нашихъ и собратій, вмѣстѣ съ нами шествующихъ путемъ Христовымъ; то этотъ обольститель что скрытно подшептываетъ внутрь ума нашего? Ты говорить, уже достигъ такой мѣры преспѣянія и совершенства, какой не знаетъ никто изъ собратій твоихъ; ты стяжалъ совершенное безпристрастіе и безстрастіе; потому ты можешь всегда, какъ хочешь, равнодушно смотрѣть на родныхъ своихъ, будто на чужихъ. Это влагаетъ овъ въ умъ, и тутъ же представляя какого либо

родственника, если не тѣлесно, то въ мысли, опять говоритъ скрытно: какъ тебѣ оставить на пагубу это твореніе Божіе, видя, что онъ погрязаетъ въ невѣдѣніи Бога, подобно безсловеснымъ животнымъ? Почему тебѣ не подать ему руки помощи, не просвѣтитъ ума его и не научить познанію Бога, его создавшаго? Какое оправданіе дашь, и что отвѣтишь въ страшный день суда?—Потомъ прекращаетъ такую рѣчь, и только внушаетъ поминать его въ молитвахъ своихъ и проливать о немъ слезы состраданія, повторяя въ сердцѣ его слѣдующія слова Писанія: *изводяи честное отъ недостѣйного, яко уста мои будутъ*,—опять: *елики сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мф. 25, 40),—и еще: *азъ быхъ отецъ немощныхъ* (Іов. 29, 16). И все это явно есть прелесть діавольская. Если братъ тотъ (коему это внушается) не поддастся такимъ внушеніямъ и, собравшись съ силами воспоперечить врагу—діаволу, говоря: что долженъ я дѣлать для родного, тоже долженъ дѣлать и для чужаго, который паче есть родной мнѣ по Богу, чѣмъ тотъ по плоти, то лукавый врагъ отвѣчаетъ ему, говоря: истинно такъ есть, какъ ты говоришь, — и Богъ такимъ именно образомъ печется о всѣхъ, такимъ образомъ, то-есть, чрезъ посредство другихъ всѣ знаютъ Бога и вѣрують въ Него; такимъ же образомъ и ты знаешь Бога и вѣруешь въ Него,—чрезъ посредство или родныхъ своихъ, или другихъ людей чужихъ; и этотъ родственникъ твой чрезъ тебя познаетъ Бога, а другіе потомъ чрезъ него. Но въ настоящія времена, кто какъ ты? И куда пойдетъ онъ, если ты оставишь его? Сгубитъ онъ душу свою,—и ты конечно будешь виновенъ въ его гибели, если оставишь его.—Такою лестію вражью наконецъ прельщается братъ,—и стоитъ, подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ давая діаволу вязать

себя вервю пристрастія,—и когда связанъ станетъ; тогда уже не противорѣчитъ ему, какъ совершенно убѣжденный бѣсовскими доводами.

И смотри, какая злокозненность у этого лукаваго и душерастлительнаго злодѣя? Какъ только успѣетъ онъ связать брата пристрастіемъ тѣмъ, ужь не ходитъ болѣе около него и не докучаетъ ему, чтобъ не открылся какъ либо навѣтъ его; но что дѣлаетъ? Берется за конецъ верви и отдаляется отъ брата, прячась во тму, яко породитель тмы, то-есть, оставляетъ въ братѣ, какъ занозу, заботу и попеченіе о томъ родственникѣ, ибо знаетъ, что тотъ родной, или вѣрнѣе пристрастіе къ нему, лучше его самого, будетъ томить и уязвлять его непрестанно. Когда же братъ войдетъ дѣломъ въ заботы о родномъ своемъ, то, какого бы рода ни были заботы тѣ, вѣстѣ съ тѣмъ сходить съ того царскаго пути, какимъ началъ шествовать, и чѣмъ дальше отступаетъ отъ него, тѣмъ глубже входитъ въ него врагъ, скрываясь однакожъ, и только крѣпче держа въ рукахъ вервь пристрастія и объ одномъ заботясь, какъ бы братъ не распозналъ его козней. Оставивъ уже совѣтъ царскій путь, что, думаешь, говорить въ себѣ братъ тотъ? Спасшій душу бываетъ что создавшій ее,—и такимъ образомъ окончательно слагается думать, что дѣлаетъ дѣло хриstopодражательное. Если есть у него знакомые міряне, то начинаетъ ходить къ нимъ,—и иногда льститъ имъ, хваля ихъ безъ мѣры, иногда обличаетъ строго—престрого, а нерѣдко позволяетъ себѣ вольности въ обращеніи и пищѣ и нарочно выпускаетъ вѣкія слова, чтобъ подвигнуть на смѣхъ, и вообще со всякимъ обращается, по нраву его, чтобъ тотъ охотно принималъ его и давалъ ему деньги. Если видитъ, что ничего не даютъ, начинаетъ самъ просить безъ стыда, всюду выставляя предлогомъ нужды роднаго своего. И

бываетъ, что слышашіе такіа его рѣчи, будучи сами плотяны и обладаемы тѣми же страстями, хвалятъ очень этого несчастнаго монаха и говорятъ, что онъ стяжеваетъ себѣ большую награду. Отъ этого еще болѣе увеличивается и укореняется въ немъ то пристрастіе,—или лучше сказать эта болѣсть пристрастіа (къ роднымъ), подобно тому, какъ вервь вѣдается въ плоть выи (подъяремнаго), глубже и глубже входитъ въ душу его, срастворяется съ нею и дѣлается нераздѣлимою отъ нея. Вслѣдствіе сего, мало-по-малу отдаляется онъ отъ чистой молитвы, и замѣняетъ слезы по Богу слезами противными Ему, самъ не понимая того. Тогда начинается онъ наконецъ завидовать тѣмъ, кои имѣютъ, и ненавидѣть ихъ за то, что не даютъ ему такъ много, какъ бы ему хотѣлось. И не только это страждетъ онъ, но дѣлается сверхъ того лѣнивымъ на всякое послушаніе и непокоривымъ. При этомъ научается говорить ложь, почитая ее мѣрою благоразумія,—думая и увѣряя, что будто Богу даетъ, что расходуетъ на родныхъ своихъ. Сверхъ того и красть начинаетъ понеможку, не думая однакожъ, что это настоящая кража: такъ ослѣпляетъ его страсть! Да и вообще, что бы и какъ бы ни доставалъ онъ для своихъ ближнихъ, совѣсть никогда не обличаетъ его, что сдѣлалъ худо. Почему и врагъ, когда наконецъ ввергнетъ бѣднаго монаха во все то, что я сказалъ, выпускаетъ изъ своихъ рукъ вервь этого пристрастіа, крѣпко и глубоко уже укоренившагося, какъ какой-либо столпъ, проникшій въ преисподняя ада, будучи увѣренъ, что она уже никогда не развяжется.

Это неинное сказать я о тѣхъ, которые начинали подвижъ. Но о тѣхъ, которые и вступаютъ на царскій путь монашеской жизни съ равнодушіемъ и безпечно-стію,—что и сказать? У такихъ пристрастіе къ род-

нымъ бываетъ такъ сильно и широко, что они чрезъ него уловляются всякою сѣтью врага, который ходитъ всюду, яко левъ рыкая, ища кого поглотити; а они между тѣмъ охотнѣе согласятся умереть, чѣмъ освободиться отъ зубъ и выдти изъ страшнѣйшей пасти этого губительнаго дракона.

Мы же, съ вѣрою пріемля все сказанное, помолимся Богу отъ всей души, да не дастъ Онъ намъ прельститься когда либо отъ врага, или преступивъ какую либо заповѣдь, большую или малую, соступить съ царскаго пути, ведущаго въ царство небесное, и попасть въ оковы какой либо страсти. Но шествуя тѣмъ путемъ, не обращая очей своихъ на что либо другое, восподвизаемся теши имъ съ усердіемъ, да постигнемъ Христа, и когда постигнемъ, припадемъ къ Нему и восплачемся предъ Нимъ, тепло моля Его, чтобъ Онъ никогда не отступалъ отъ насъ и не допускалъ насъ соступить съ пути царскаго, который есть самъ Онъ, какъ говорить: *Азъ есмь путь, истина и жизнь* (Іоан. 14, 6). Его убо да взыщемъ, Его потщимся постигнуть и удержать. Если сподобимся сего, то будемъ прочее жить уже съ Нимъ и въ настоящей жизни, по смерти же взыдемъ и вознесемъ съ Нимъ на небеса, и Онъ прославитъ насъ и даруетъ намъ наслажденіе вѣчныхъ благъ,—что улучшить буди всѣмъ намъ благодатию и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа,—Коему слава и держава, со безначальнымъ Его Отцемъ и все-святымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ.

- 1) О покаяніи и умиленіи.
- 2) Какъ можно дойти до умиленія?
- 3) О слезахъ.
- 4) Безъ нихъ нельзя достигнуть чистоты и безстрастія.

1. Однажды, когда читаль я (собравшимся у меня) богомудрыя писанія преподобнаго отца нашего Симеона Студита, то тамъ между другими мудрыми его наставленіями нашлось написаннымъ и слѣдующее: брате, никогда не причащайся Пречистыхъ Таинъ безъ слезъ. (Это самъ онъ соблюдалъ всю свою жизнь, потому и насъ училъ тому же). Услышавъ это, слушатели (а были тутъ не міряне только, но и монахи, именитые по добродѣтелямъ) удивились слову и, смотря другъ на друга, будто улыбнулись и сказали всѣ въ одинъ голосъ: такъ намъ, выходитъ, никогда не слѣдуетъ причащаться, но всегда устраниваться отъ причастія. Запомнилось мнѣ это слово, и я, находясь однажды наединѣ, вспомнилъ о тѣхъ, кои такъ сказали, много скорбѣлъ и горько плакалъ, съ великимъ болѣзнованіемъ сердца говоря въ себѣ: неужели сказавшіе такія слова въ самомъ дѣлѣ такъ утсвуютъ и отъ всей души полагаютъ, что невозможно плакать, приступая къ причащенію? Или они думаютъ, что плачъ вообще дѣло незначительное, и потому презрительно отнеслись къ слову отца нашего? Ибо кто не считаетъ денно-ночного плача предъ лицомъ Христа Господа дѣломъ важнымъ, тотъ, конечно, и когда станетъ приступать къ причащенію божественныхъ Таинъ, не только не восплачетъ, но и не прослезится и капли слезной не испуститъ. И невозможно этому быть; развѣ, можетъ быть, иной разъ, случится это съ кѣмъ-либо или по особому Божию устроенію, не-

изъяснимому, или по другой какой случайной причинѣ, сторонней, по причинѣ воспоминаія, наприм., о чемъ-либо плачевномъ.

Которые думаютъ, что невозможно причащаться Пречистыхъ Таинъ со слезами,—горе нечувствію и жестоко-сердію тѣхъ! Горе безпечности и ослѣплѣнію тѣхъ, которые говорятъ это! Если бы они испытывали и разсуждали себя самихъ, то не были бы осуждены отъ собственныхъ словъ своихъ; если бы позаботились покаяться, то никогда не сказали бы, что это невозможно; если бы они дѣломъ приносили плоды (покаянія), то не оставались бы непричастными благу сему, сему великому дару Божію; если бы они стяжали въ сердцахъ своихъ страхъ Божій, то исповѣдали бы, что возможно плакать и рыдать не только во время причащенія, но и во всякое другое время.

Почему желая убѣдить любовь вашу въ возможности сего въ настоящемъ словѣ, я обращаюсь къ сказавшимъ такія слова, какъ бы они были здѣсь, и вопрошаю ихъ: добрые братія мои, говоряшіе это, скажите мнѣ, почему вы говорите, что это невозможно?—Да потому, говорятъ, что иные люди легко приходятъ въ умиленіе и плачъ, а иные столь крѣпки сердцемъ, что не плачутъ и не кричатъ, даже когда ихъ бьютъ. Такъ эти крѣпкосердые какъ могутъ и къ св. причащенію приступать съ плачемъ и слезами? Но и сами іереи, каждый день совершающіе литургію, могутъ ли всегда плакать?—На это я отвѣчаю имъ: вы говорите, что иные крѣпкосерды и вскоре приходятъ въ сокрушеніе; но скажите мнѣ, прошу васъ, по какой причинѣ они таковы? Если же не знаете этого, то не постыдитесь дать слухъ словамъ моимъ, и узнайте это отъ меня; ибо написано: *еще ли иному откроется судящему, первый да молчитъ* (1 Кор. 14 30).

2. Итакъ отъ чего же бываетъ, что иной нескоро и нелегко приходитъ въ сокрушеніе, а иной—скоро и легко? Выслушай!—Нелегко и нескоро приходящій въ сокрушеніе бываетъ такимъ отъ злаго произволенія своего, отъ лукавыхъ помысловъ своихъ и недобрыхъ дѣлъ; а скоро и легко приходящій въ сокрушеніе бываетъ такимъ отъ добраго произволенія своего, отъ добрыхъ помысловъ и дѣлъ благихъ. Если хочешь удостовѣриться въ этомъ, подумай и разсуди все, какъ что бываетъ, и найдешь, что многіе люди, бывшіе добрыми, отъ трехъ этихъ вещей,—произволенія, помысловъ и дѣлъ, сдѣлались худыми; и напротивъ многіе, бывшіе худыми, чрезъ нихъ же сдѣлались добрыми.—Люциферъ отъ чего палъ? Не отъ лукаваго ли произволенія и помысла палъ онъ? Каинъ отъ чего, скажи мнѣ, сдѣлался братоубійцею? Не потому ли, что по злему произволенію своему себя предпочелъ Творцу своему Богу? Не лукавымъ ли помысломъ послѣдовавъ, позавидовалъ онъ брату своему и убилъ его? Сауль, чѣмъ движимъ будучи, искалъ схватить и убить Давида, котораго прежде любилъ какъ самого себя и почиталъ очень, какъ благодѣтеля своего? По естественной какой необходимости было это, или отъ злаго произволенія? Явно, что отъ злаго произволенія; ибо по естеству никто никогда не бывалъ злымъ. Богъ не есть Творецъ тварей злыхъ, но добрыхъ зѣло,—яко по естеству и истинѣ благій. Также, чѣмъ были движимы разбойники, распятыя со Христомъ, что одинъ изъ нихъ говорилъ: *иже ты еси Христосъ, спаси Себе и наю*, а другой, перечая ему, говорилъ: *ни ли ты боишися Бога? И мы убо достойная по дѣломъ наю воспріемлева: сей же ни единого зла сотвори?* Отъ чего, скажи мнѣ, одинъ разбойникъ говорилъ злая, а другой—добрыя и богочестивыя рѣчи, и одинъ спасся, а другой пошелъ въ адъ? Не были ли они оба подвигнуты къ тому одинъ злымъ

произволеніемъ и лукавыми помыслами, а другой благимъ произволеніемъ и добрыми помыслами? Отъ помысловъ, вѣдь, зависѣло, что одинъ не вѣровалъ, а другой увѣровалъ и сказалъ: *помяни мя Господи во царствіи твоёмъ* (Лук. 23, 39—42). Но оставляю другіе примѣры, потому что ихъ очень много,—изъ того, что скажу вамъ сейчасъ, яснѣе всего можете вы увидѣть, что всякій по самовластію произволенія своего бываетъ или сокрушеннымъ и смиреннымъ, или ожестѣлымъ и гордымъ. Бываетъ нерѣдко, что два человѣка одного мастерства, одной вѣры, одинаковаго права, т.-е. злые, немилосердые, жестокосердые, безчеловѣчные, плотолубивые, сребролюбивые, надѣлавшіе много злыхъ дѣлъ, — оба, отрекшись міра, вступаютъ въ монастырь и дѣлаются монахами. Но одинъ изъ нихъ рѣшительно отстаетъ отъ всего худаго и во всякой преуспѣваетъ добродѣтели съ горячею вѣрою и усердіемъ, а другой дѣлается еще хуже, чѣмъ былъ прежде. По какой причинѣ не могли они оба одинаково исправными явиться въ добродѣтели, какъ прежде одинаковы были по худонравію? Не отъ того ли это произошло, что одинъ все прискорбное ради Бога встрѣчаемое претерпѣвалъ охотно съ добрымъ произволеніемъ? Не отъ того ли, что, какъ только вступилъ въ монастырь, сталъ онъ внимать добрымъ Божественнымъ Писаніямъ и самъ отъ себя, отъ своего произволенія предпочиталъ дѣлать всегда доброе,—подражать наиболѣе добродѣтельнымъ и соревновать имъ въ постахъ, въ молитвахъ и моленіяхъ, въ молчаніи, въ сокрушеніи, въ слезахъ, въ воздержаніи отъ сладкихъ яствъ, въ удаленіи отъ суетныхъ и безполезныхъ бесѣдъ, отъ гнѣва, раздраженія и брани, въ охотномъ перенесеніи поношеній, скорбей и лишеній, въ избраніи себѣ низкихъ и послѣднихъ занятій и дѣлъ, въ исповѣденіи и безропотности, когда настоятель

дасть какое послушаніе, и въ исполненіи его со всею охотою, въ заниманіи всегда послѣднѣйшаго мѣста и въ почитаніи себя худшимъ всѣхъ? Или, короче сказать, не отъ того ли, что онъ съ самаго начала положилъ неотступно исполнять все, чему учатъ Божественныя Писанія, чтобъ улучшить милость и прощеніе содѣянныхъ прежде злыхъ и обрѣсти дерзновеніе предъ Богомъ? А другой дѣлалъ все противное тому, по злему нраву своему, оставшись лукавымъ, какъ былъ прежде монашества, чтобъ не сказать, худшимъ чѣмъ былъ прежде?

Такъ и всякій человѣкъ бываетъ смиреннымъ и удобо-сокрушительнымъ или жестокосерднымъ и безчувственнымъ, не по естеству, но отъ добраго или злаго произволенія своего. Ибо, скажи мнѣ, какъ можетъ умилиться душою, или испустить каплю слезную изъ очей своихъ тотъ, кто кружится тамъ и здѣсь, почти каждый день, и заботы никакой не имѣя ни о молитвѣ, ни о чтеніи, ни о молчаніи и уединеніи, но иной разъ, во время службы, вседеть бесѣду съ тѣми, которые стоятъ подлѣ него, и чрезъ то лишаетъ добраго плода отъ быванія на церковномъ послѣдованіи не только себя, но и тѣхъ, съ коими разговариваетъ,—въ другой разъ пересмѣиваетъ и пересуждаетъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ братій, а то и самого игумена? Какъ можетъ придти въ сокрушеніе тотъ, кто любопытно раз-
узнаетъ о всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ, равно какъ о дѣлахъ и жизни каждаго изъ братій, и при встрѣчахъ одному говорить: вчера я слышалъ то и то, другаго спрашиваетъ: слышалъ, что случилось съ тѣмъ бѣднымъ братомъ,—или знаешь, какаѣ бѣды съ такимъ-то? Такой когда найдетъ свободное время вспомнить о своихъ собственныхъ грѣхахъ, чтобъ поскорбѣть о нихъ и поплакать о себѣ самомъ? Опять и тотъ, кто выходитъ

изъ церкви во время чтенія, садится около ея или вдали отъ нея и начинаетъ разговаривать съ другими, причеъ то онъ говоритъ что нибудь, то другіе, и ведутъ рѣчи безполезныя, говоря одинъ: слышали, что сдѣлалъ игумень съ такимъ то братомъ? другой: а если я вамъ скажу, что сдѣлалъ игумень съ такимъ-то бѣднымъ, то что вы тогда скажете?—Итакъ, ведя такія и еще худшія этихъ бесѣды, и занимаясь такими пустяками, будетъ ли онъ имѣть время придти въ чувства, подумать о своихъ согрѣшеніяхъ и поплакать объ нихъ?

Кто не внимаеъ божественнымъ словесамъ, не кладетъ на уста свои печати молчанія, не закрываетъ ушей своихъ отъ слушанія суетныхъ и безполезныхъ рѣчей, не помнитъ страшнаго дня суда и страшнаго судилища Христова, на которомъ имѣютъ предстать предъ Него всѣ обнаженными, чтобъ дать отчетъ во всемъ, что дѣлали въ продолженіи жизни своей, тому какъ можно стяжать слезы и сокрушеніе, чтобъ горько оплакивать себя, хотя бы онъ прожилъ въ монашествѣ болѣе ста лѣтъ? Какъ можно, чтобъ возскорбѣлъ когда нибудь и поплакалъ предъ Богомъ о душѣ своей тотъ, кто ищетъ первенства и домогается впереди всѣхъ стоять въ церкви и выше всѣхъ возсѣдать на трапезѣ, и изъ-за этого всегда воюетъ и печалится? Равно и тотъ, кто, придумывая извиненія себѣ во грѣхахъ, увѣрлетъ, что онъ слабъ и немощенъ, тогда какъ здоровъ и крѣпокъ и молодъ, и, сравнивая себя въ церкви съ тѣми, которые много потрудились и много лѣтъ провели въ подвижничествѣ, говоритъ: чѣмъ я ниже такого-то и такого-то, что тотъ опирается (на посохъ), или присѣдаетъ (на стасидіи), или идетъ на клиросъ и становится на ряду съ клиросными, не будучи достоинъ занять и послѣднѣйшаго мѣста: какъ можетъ таковой

познать немоу души своей, чтобъ возстенать о томъ изъ глубины сердца, придти въ умиленіе и пролить изъ очей своихъ слезы?

Тщеславіе предастъ такого нерадѣнію и не даетъ уже ему болѣе ни за какимъ дѣломъ пребывать съ терпѣніемъ: безопасно и лѣниво стоитъ онъ на церковной службѣ, и часто заводитъ пустыя бесѣды съ тѣми, кои стоятъ подлѣ него и находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы слушать его. Такимъ образомъ безчувственно, безъ печали и сокрушенія сердечнаго, приходитъ онъ въ церковь, простаиваетъ все послѣдованіе службы, съ духовными и благоговѣйными отцами,—и выходитъ изъ нея безъ всякой пользы, не чувствуя въ душѣ нисколько измѣненія на лучшее,—того измѣненія, какое дается Богомъ ради сокрушенія подвижающимся должно. Думаетъ онъ, что для него достаточно того одного, чтобъ не пропускать опредѣленныхъ службъ, т.-е. утрени, вечерни и часовъ, и что этимъ способомъ онъ можетъ преуспѣть во всякой добродѣтели и придти въ мѣру совершенныхъ духовныхъ во Христѣ возрастомъ. Я зналъ немало такихъ, коими обладаетъ такое самообольщеніе. Они всячески заботятся о томъ, чтобъ не впасть въ какой либо видимый, плотской грѣхъ, но о томъ, какъ избѣжать грѣховъ мысленныхъ и сердечныхъ, никакой совершенно не имѣютъ заботы, и думаютъ, что улучать спасеніе чрезъ то одно, что ходятъ на всѣ службы, не прилагая къ сему ничего другаго, то-есть, ни непрестанной молитвы, ни молчанія устъ, ни бдѣнія, ни строгаго воздержанія, ни духовной нищеты, ни смиренія, ни любви. Но не такъ это, братія мои, не такъ. Богъ не смотритъ на лице, ни на внѣшнее благочиніе, ни на взыванія наши, а смотритъ на сердце сокрушенное и смиренное, безмолвное и богобоязненное. Такъ Онъ самъ говоритъ чрезъ пророка: *на кого воззрю,*

только на кроткаго и молчаливаго и тренеющаго словеса Моихъ? (Ис. 66, 2).

Но что сказать о тѣхъ, которые пристають къ настоятелямъ — дать имъ служеніе, котораго они недостойны?—Одни изъ такихъ,—тѣ именно, которые заботятся выдерживать лишь вѣншній порядокъ благочестной жизни, или, лучше сказать, которые имѣютъ въ виду лишь выгоды и славу и вообще настоящія привременныя блага,—такъ говорятъ: честный отче! Ужели не достоинъ и я послужить монастырю и братіямъ? Или такой то и такой-то монахъ достоинѣе меня къ такому-то и такому-то послушанію, и лучше умѣетъ вести дѣла такого рода, чѣмъ я? Если хочешь, испытай и меня, и увидишь, что я гораздо лучше ихъ поведу эти дѣла. Другіе же,—тѣ, которые безпечны и лѣнивы и притворяются немощными тѣлесно, которые лишь вчера и позавчера пришли изъ міра и исполнены тмами грѣховъ, и которые, никакихъ еще не понесши послушаній и нисколько не потрудившись и не попотѣвши надъ дѣлами обительскими, идутъ, какъ я сказалъ, становятся вмѣстѣ съ тѣми, которые уже много потрудились,—и присѣдають и себѣ на ряду съ ними. Если кто изъ сихъ послѣднихъ, стоя подлѣ, скажетъ кому-либо изъ таковыхъ: поди, брате, на определенное тебѣ мѣсто и стой тамъ, поя вмѣстѣ съ другими братіями, какъ можешь; то онъ отвѣчаетъ: отсюда ближе и слышнѣе, и лучше итѣ, чѣмъ съ определеннаго мѣста. Если тотъ вторично скажетъ ему: нельзя тебѣ, брате, стоять здѣсь безъ благословенія настоятеля нашего, то онъ, услышавъ такое слово, идетъ и выпрашиваетъ у настоятеля позволеніе стоять тамъ, выставляя предлогомъ свою слабость и немощность и вские употребляя способы, чтобъ получить желаемое, и докучая неотступно настоятелю: снизойди и позволь мнѣ стоять въ первой

или второй стасидіи, подлѣ такого-то, чтобъ мнѣ слышать и канонарха. Когда же удастся ему получить это желаемое, тогда уже не довольствуется онъ однимъ тѣмъ, чтобъ стоять въ хорѣ, но мало-по-малу протѣсняется въ среду первѣйшихъ братій и во всякомъ другомъ случаѣ, притворяя себѣ нѣкое внѣшнее благочиніе и благоговѣніе, — бѣжить, напимѣръ, даже впереди другихъ — встрѣтить мѣстныхъ начальниковъ и благопріятелей обители, когда они приходятъ помолиться, почасту заглядываетъ въ комнату, для нихъ отводимую, чтобъ сдѣлаться имъ знакомымъ, выставяи однакожъ побужденіемъ къ тому то, что будто большію получаетъ пользу отъ бесѣды съ ними.

Послѣ сего начинаетъ уже онъ кружить по монастырю и ходить изъ кельи въ келью, говоря каждому: повѣрь мнѣ, брате мой, что я столь много тебя люблю, что въ какой день не вижу тебя, въ тотъ почитай что и жить не живу. Если изъ тѣхъ, куда онъ ходитъ, найдется кто богобоязненный, то отвѣтитъ ему на такія слова: Богъ да помянетъ тебя, брате мой, за любовь твою! Что добраго видишь ты во мнѣ? Тотъ скажетъ ему въ отвѣтъ: а чего добраго нѣтъ въ тебѣ? Кто другой столько кротокъ, благоговѣенъ, мудръ, свѣдущъ, безлукавенъ, и что больше всего милостивъ и братолюбивъ, какъ ты? Это говоритъ онъ потому, что имѣетъ въ виду поѣсть у него чего нибудь. Но этотъ духовный братъ, по данной ему отъ Бога благодати, ведетъ съ нимъ бесѣду все о томъ, что полезно для душевнаго спасенія, отклоняя отъ себя похвалы, и тѣмъ вразумляетъ брата. Если же случится не такой, а напротивъ плотской и славолубивый, то завлаდება тщеславіемъ отъ такихъ похвалъ, и говоритъ: что же другое, отче и брате мой, благопотребнѣе любви? Истинно ничего нѣтъ благопотребнѣе, — и блаженъ

тотъ, кто успѣетъ стяжать ее, и другое подобное говоритъ, что, какъ замѣчаетъ, непротивно пришедшему, и тѣмъ еще болѣе подвигаетъ его хвалить себя. Когда наконецъ этотъ, по легкотѣ ума своего, совсѣмъ отуманится прелестію, повѣривъ льщеніямъ и ложнымъ похваламъ того и принявъ ихъ съ удовольствіемъ, тогда, если у него есть, чѣмъ угостить его, то ни за что уже не отпустить его, не уговоривъ принять угощеніе,—и угощаетъ его всѣмъ, что окажется подъ рукою съѣстнаго, получая въ воздаяніе за то безполезныя похвалы, разливающіяся въ воздухъ, успѣвающія однакожь причинить большой вредъ душѣ. Если же у него не окажется на ту пору ничего, чѣмъ бы угостить, то послѣ многихъ безполезныхъ разговоровъ, говоритъ ему: не осуди меня, брате мой; увѣряю тебя нашею любовію, что у меня теперь нѣтъ ничего съѣстнаго, чѣмъ бы могъ достойно угостить тебя; но какъ ты имѣешь ко мнѣ такую любовь, то отнынѣ, что ни пошлетъ мнѣ Богъ, будемъ вкушать то съ тобою вмѣстѣ. Съ этихъ поръ оба они вплетаются во всяческія заботы и тѣмъ только и заняты бываютъ, какъ бы достать побольше съѣстнаго на взаимное угощеніе, и тѣмъ болѣе и болѣе скрѣпляютъ свою лживую и кажущуюся любовь.

Такимъ же образомъ этотъ братъ, подъ предлогомъ любви, лучше же сказать, прелести, сдружается со всѣми подобными,—и иногда онъ призываетъ другаго на угощеніе, иногда другой призываетъ его, такъ что въ доброй трапезѣ, въ многоястїи, сладкоястїи никогда у него не бываетъ недостатка. И дѣлается онъ наконецъ рабомъ чувственныхъ удовольствій, пространно питая чрево свое. Насыщаясь такъ каждодневно яствами, добрыми приготовленными, вечеромъ, послѣ вечера, приходитъ онъ въ келью свою и говоритъ послушнику своему: большая томитъ меня жажда; подогрѣй

немного вина; я выпью, чтобъ утолить сколько нибудь эту жажду. Тотъ, какъ привыкшій уже, является готовымъ и скоропослушнымъ слугою (потому что и самъ утѣшается вмѣстѣ со старцемъ своимъ, и попиваетъ стаканчикъ за стаканчикомъ, скрытно, въ чемъ ему благопріятствуетъ тма), тотчасъ подогрѣваетъ вина и подаетъ. Этотъ же, выпивъ одинъ стаканъ, раздражаетъ аппетитъ свой и начинаетъ ѣсть, что случится, мало-помалу, будто не замѣчая того, пока набѣтся до-сыта и полно набьетъ чрево свое, такъ что тѣло его дѣлается неповоротливымъ и непослушнымъ велѣніямъ души. Тогда помысль говоритъ ему: отпусти послушника, и стань—соверши келейное правило свое. Когда же отпуститъ его, другой помысль опять говоритъ ему: куда тебѣ стоять на молитвѣ съ набитымъ чревомъ и столь отяготившемуся?—Лучше сосни немного, чтобъ переварилась пища; тогда встанешь прежде утрени и помолишься удобнѣе съ облегченнымъ тѣломъ. Покоряется онъ этому помыслу, падаетъ на постель и засыпаетъ. Но ночью, хотъ и бываетъ, что проснется, не встаетъ, говоря въ себѣ: еще много ночи, посплю еще немного. Между тѣмъ подходит и время утрени,—и заставляеть его встать и идти въ церковь, неся въ совѣсти обличеніе своей лѣности.

Такъ братъ такой ходитъ, какъ мы сказали, по привычкѣ, часто въ кельи друзей своихъ и возлюбленныхъ ему отцевъ, сидитъ у нихъ до вечера, ѣстъ и пьетъ съ ними и болтаетъ, потомъ, возвратясь въ келью, бываетъ уже негожъ не только на исполненіе келейнаго правила, но нерѣдко и на то, чтобъ явиться къ утрени. Но и когда другой братъ приходитъ въ келью его, время проходитъ у нихъ такимъ же образомъ, утѣшаются въ ястіи и питіи, прибавляя нерѣдко строгое осужденіе братій, которые не держатся такихъ же правилъ.

Такъ губить онъ все время жизни своей въ ястіи и питіи и въ недобрыхъ хлопотахъ. О духовномъ же какомъ либо дѣлѣ ему и подумать не приходитъ въ голову, а не только приступить къ нему и сдѣлать.

3. Но для чего, думаете вы, братія мои, я все это рассказать вамъ? Для того, чтобы раскрыть предъ вами, что тотъ, кто такъ проводитъ жизнь, не можетъ источать слезы изъ очей своихъ. Ибо какъ можетъ воспріять плачь тотъ, кто всегда пространно питаетъ чрево свое и о томъ только заботится, что поѣсть, да что попить, раболѣпствуя предъ плотію своею, какъ предъ госпожею? Впрочемъ положимъ, что иной удаляется отъ всего сказаннаго и ни самъ не ходитъ въ келліи другихъ, ни другихъ не принимаетъ въ свою келлію, равно какъ не вдается въ ястія и питія и въ пустое празднословіе, но запираетъ дверь свою и одиноко пребываетъ въ келліи своей; что пользы для него отъ этого, если дѣланіе его не духовно, не ведется съ разумомъ, какъ подобаетъ, но за чтеніемъ, напрамѣръ, сидитъ онъ, чтобы, вычитавъ что-либо, сказать то во время собесѣдованія съ кѣмъ либо, и показаться знающимъ и разумнымъ? Предположимъ впрочемъ, что не для этого дѣлаетъ онъ сіе, а для пользы душевной, т.-е. читаетъ Писанія, чтобы напитаться Словомъ Божиимъ, что, почитавши, встаетъ онъ на молитву и пропѣваетъ, положимъ, псалма два, или три, или пять, или десять, или сто, и при этомъ кладетъ столько-то и столько-то поклоновъ и, совершивъ все сіе такимъ образомъ, ложится на постель и ничего болѣе не дѣлаетъ. Скажи мнѣ, что пользы для него отъ одного такого дѣланія, если при этомъ не породится въ душѣ его плодъ молитвы и чтенія—слезы и покаянное сокрушеніе, безстрастіе и смиренномудріе, съ кротостію? Ибо всякій человѣкъ, проходящій духовное дѣланіе, по духовному дѣланію своему стяжеваетъ и плоды, какіе я

указать, безъ всякаго сомнѣнія. Если же кто дѣлаетъ и трудится видимо, но не стяжаваетъ сказанныхъ плодовъ, то не по Богу дѣланіе его, а для того лишь, чтобъ поправиться людямъ; почему праведно и не улучшаетъ онъ лучшаго.

Итакъ, если каждый изъ показанныхъ нами братій все такъ будетъ проводить жизнь, то возможно ли, чтобы ктонибудь изъ нихъ стяжалъ когданибудь слезы и сокрушеніе, или отбросилъ лукавство и жестокосердіе. какія принесъ съ собою изъ міра, наравнѣ съ тѣмъ, кто, какъ только сдѣлался монахомъ, всецѣло предать себя на то, чтобы по Богу, благодушно и смиренно переносить и претерпѣвать все прискорбное? Никакъ невозможно. И кто иначе думаетъ и законополагаетъ, тотъ прельщаетъ самъ себя. Ибо какъ невозможно, чтобы сіяло нераскаленное желѣзо, или чтобъ оно размягчилось какимиъ либо другимиъ способомъ, кромѣ огня, для выдѣлки изъ него чего-либо потребнаго по хозяйству, такъ невозможно, чтобы тотъ, кто предается нерадѣнію и лѣности и проводитъ такую душевредную и суетную жизнь, какъ та, какую изобразило наше слово, получилъ такія же дарованія Святаго Духа и явился такимъ же, какъ и тотъ, кто съ самаго начала отъ всей души подчинилъ себя добрымъ правиламъ, по послушанію духовнымъ отцамъ, и началъ проводить добродѣтельную жизнь. Одинъ изъ нихъ,—т.-е., ведущій подвижническую жизнь, будучи смиренъ сердцемъ, имѣя смиренныя помышленія и сокрушенныя чувства, желательно послѣдуя во всемъ Божественному Писанію съ крайнимъ усердіемъ, благодушно перенося всякую скорбь, тѣсноту и искушеніе, почитая себя послѣднѣйшимъ и непотребнѣйшимъ всѣхъ, смотря на себя, по воспоминанію прежнихъ грѣховъ, какъ на великаго грѣшника и непрестанно осуждая себя, скоро преуспѣваетъ въ добро-

дѣтели; и если не имѣеть онъ человѣка, который бы научилъ его тому, чтѣ пригодно ему во спасеніе, тогда научается онъ тому благодатію Св. Духа, и мало-по-малу изгоняетъ изъ души своей все недоброе, чего набрался въ мірѣ, а на мѣсто того поселяетъ добродѣтели. А другой, т.-е. нерадивый, будучи исполненъ нечистоты и гордыни, не хотя смириться предъ державною рукою Бога, открыть сокровенности сердца своего духовному отцу своему и подчиниться ему, не желая также ничего ни дѣлать, ни переносить, чтѣ ведетъ человѣка къ добродѣтели и дѣлаетъ его совершеннымъ по Богу,—становится худшимъ, нежели какимъ былъ въ мірѣ; потому что возвращается къ нему оставившій его на время духъ злый, и вселяется въ него опять съ семью другими духами злобы и лукавства. Такимъ образомъ ревностный братъ столько превосходитъ въ добродѣтели другаго, съ которымъ пришелъ вмѣстѣ въ обитель, сколько бѣгушій свободно безъ всякаго препятствія перегоняетъ того, кто связанъ путами и цѣпями. Но нерадивый отстаетъ и остается съ прежними худостями, или еще и съ большими, не по чему другому, какъ потому, что самъ по себѣ, по своему произволенію не хочетъ избрать и дѣлать доброе.

4. Итакъ, плодъ дѣланія заповѣдей, какъ я сказалъ, есть умиленное сокрушеніе,—а оно приноситъ плоды добродѣтелей, или лучше сказать, творить всѣ добродѣтели, какъ открываетъ все богодухновенное Писаніе. Посему, кто хочетъ отсѣчь страсти, или стяжать добродѣли, тому подобаетъ паче всякаго другаго добра и подвига, со всѣмъ усердіемъ взыскать умиленнаго сокрушенія, потому что безъ него никогда не увидать ему души своей чистою. Ибо какъ невозможно безъ воды вымыть загрязненное платье, такъ невозможно и душу омыть и очистить отъ сквернъ грѣховныхъ, безъ слезъ. Не бу-

демъ же, братіе, придумывать душевредныхъ и пустыхъ отговорокъ, всегда лживыхъ и ведущихъ прямо въ пагубу, но отъ всей души взыщемъ это умиленное сокрушеніе, царину добродѣтелей. Кто взыскиваетъ его отъ всей души и отъ всего сердца, тотъ и находитъ. И лучше скажу,—оно само идетъ и находитъ того, кто ищетъ его съ такимъ усердіемъ; и пусть имѣетъ кто сердце жесточайшее мѣди или желѣза, или даже адаманта, какъ только придетъ оно, тотчасъ дѣлаетъ его мягчайшимъ воска. Ибо умиленное сокрушеніе есть нѣкій огонь божественный, растапливающий горы и камни и превращающій ихъ въ луга и сады; оно измѣняетъ души, его пріемлюція, и бываетъ внутри ихъ источникомъ, источающимъ живую воду, которая непрестанно бьетъ ключемъ, течетъ какъ изъ какого родника, и напояетъ души, пріемлюція Слово Божіе съ теплою вѣрою.

Перво-на-перво оно оmyваетъ скверну грѣховъ у тѣхъ, которые дѣлаются причастными его, потомъ вслѣдъ за омытіемъ скверны грѣховъ, оно отмываетъ и страсти, и отбрасываетъ ихъ, срывая будто струны съ ранъ, разумію,—лукавство, зависть, тщеславіе и всѣ порожденія ихъ. И не только это дѣлаетъ, но какъ нѣкій пламень огня, пробѣгаетъ (по всему составу нашему), мало-по-малу жжетъ и опаляетъ эти страсти, какъ тернія, и наконецъ совсѣмъ уничтожаетъ ихъ. Это умиленное сокрушеніе сначала дѣлаетъ то, что стяжавшій его горитъ сильнымъ желаніемъ совершенно избавиться и очиститься отъ страстей, потомъ возбуждаетъ желаніе тѣхъ благъ, которыя уготованы отъ Бога любящимъ Его. И все это дѣлаетъ божественный оный огонь сокрушенія посредствомъ слезъ. А безъ слезъ, какъ я сказать, ни въ насъ, ни въ другихъ какихъ, никогда не бывало ничего такого, и не будетъ. Да и доказать никто не можетъ отъ Божественныхъ Писаній, чтобы безъ слезъ

и всегдашняго сокрушенія очистился когда нибудь какой человѣкъ отъ грѣховъ своихъ, или сдѣлался святымъ, или пріять Духа Святаго, или узрѣть (умно) Бога, или позналъ, что Богъ вселился въ него, или чтобы кто нибудь имѣлъ Его обитателемъ въ сердцѣ своемъ, не стяжавши прежде покаянія и умиленнаго сокрушенія, такъ, чтобы всегда безъ перерыва текли у него слезы, какъ изъ родника какого, вымывали жилище души, оропали и освѣжали ее, обладаемую и жегомую неприступнымъ огнемъ.

Итакъ тѣ, которые говорятъ, что невозможно плакать и слезить каждую ночь и день, обличаютъ этимъ, что они обнажены отъ всякой добродѣтели. Ибо если св. отцы наши рѣшительно говорятъ, что кто хочетъ отсѣчь страсти, только плачемъ и слезами можетъ отсѣчь ихъ, и что кто хочетъ стяжать добродѣтели, только плачемъ можетъ стяжать ихъ, то явно, что, кто не плачетъ каждодневно, тотъ ни страстей не отсѣкъ, ни добродѣтелей не стяжалъ, хотя кажется и проявляетъ ихъ. Ибо, скажи мнѣ, къ чему послужать инструменты какого либо мастерства, когда нѣтъ на лицо мастера, который бы, пользуясь ими, могъ изъ какого либо подходящаго матеріала сдѣлать какой либо сосудъ пригодный или вещь полезную? Или что пользы, если садовникъ вскопаетъ добрѣ весь свой садъ, насадетъ въ немъ всякаго рода зелень и насадить разныхъ растений, а дождь не спадетъ на нихъ свыше, чтобъ оросить ихъ, и у самого его не будетъ воды, чтобъ полить ихъ? Поистинѣ никакой нѣтъ отъ того пользы. Такъ и тотъ, кто проходитъ нѣкоторыя добродѣтели и трудится въ нихъ, не получить никакой отъ того пользы безъ этого святаго и блаженнаго сокрушенія,—госпожи и творительницы всѣхъ добродѣтелей. Ибо какъ иной царь безъ войска предъ всѣмъ врагомъ безсиленъ и удобободѣдимъ для него,—даже не кажется и царемъ, а однимъ изъ обык-

новенныхъ людей; равно какъ опять и войска безъ царя или военачальника легко разсѣяваемы бываютъ и уничтожаемы, такъ есть и плачь въ отношеніи къ другимъ добродѣтелямъ.

Посему воображай, что всѣ добродѣтели новоначальныхъ суть какъбы войско, собранное на одномъ мѣстѣ. а царь добродѣтелей, или военачальникъ есть блаженный плачь и слезы сокрушенія. Онъ ставитъ въ бранный строй все воинство добродѣтелей, воодушевляеть, наставляетъ и опредѣляетъ добръ, какъ надлежитъ воевать, гдѣ, когда и какія употреблять оружія и противъ какихъ враговъ, какихъ разсылать развѣдчиковъ и какихъ поставлять вокругъ стражей, что надлежитъ говорить съ тѣми, которыхъ присылаютъ враги, сколько и какъ; ибо иной разъ можно однимъ этимъ переговоромъ всякъ обратитъ ихъ всѣхъ и побѣдить, иной же разъ возможно ихъ обратитъ всякъ и побѣдитъ со всѣмъ не принявъ ихъ къ переговору. Кромѣ того, военачальникъ нашъ опредѣляетъ еще, кого изъ воинства посылать дѣлать засады и ложныя нападенія для введенія въ заблужденіе враговъ, какъ это дѣлать, гдѣ и въ какое время. Все это распредѣляетъ и устанавливаетъ плачь, такъ что, воистину, безъ него все воинство добродѣтелей бываетъ удобопобѣдимо для враговъ. Сего ради, братья мои, паче всѣхъ другихъ дѣлъ, или вмѣстѣ со всѣми ими, да будетъ у насъ всѣхъ дѣломъ существеннѣйшимъ покаяніе, и плачь неразлучный съ нимъ, и слезы—порожденіе плача. Ибо ни плачь не бываетъ безъ покаянія, ни слезы безъ плача, но три сія соединены неразлучно между собою, и одному чему либо изъ сего невозможно явиться безъ другихъ. Итакъ пусть никто не говоритъ, что невозможно плакать ежедневно, потому что кто говоритъ, что это невозможно, тотъ говоритъ, что невозможно и каяться каждый день.

Но такъ говорить значить извращать все Божественное Писаніе, и ближе всего, —извращать заповѣдь самого Господа нашего, Который говоритъ: *покайтесь, приблизитесь царствіе небесное. И еще: просите, и дастся вамъ; ищите и обряцете; толцуйте, и отверзется вамъ.*

Итакъ, желаешь ли никогда не причащаться безъ слезъ—дѣлай то, что поешь и читаешь самъ каждодневно,—и дойдешь до того, что всегда будешь причащаться со слезами. Чтò же это такое, поемое и читаемое тобою каждодневно? Если не знаешь этого, слушай того, кто говоритъ: *не слышателие закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сии оправдаются* (Рим. 2, 13). Но чтобы не удлинять слова, напояню тебѣ слѣдующія слова Давида: *ище възду на одръ постели моея, ище дамъ сонъ очима моима, и въждома моима дреманіе, и покой скранияма моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю* (Пс. 131, 4. 5). И опять: *нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ, яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. Возмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего: пострадахъ и слякохся до конца, весь день спящу хождахъ. Озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла: рыкахъ отъ въздыханія сердца моего* (Пс. 37, 4—9). *Быхъ яко птица особающаяся на кровь. Уподобихся неяснѣнныи пустынный. Пепелъ яко хлѣбъ ядыхъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Пс. 101, 7—10). *Утрудихся въздыханіемъ моимъ. измыю на всяку ноцъ ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). И писатель Лѣствицы, св. Іоаннь говоритъ: жажда и бдѣніе сокрушили сердце, сердцу же сокрушенну исторглись воды. И сколько другаго говорить намъ объ этомъ сей св. Іоаннь!—Желающій пусть читаетъ со вниманіемъ книгу Лѣствицы,—и узнаетъ (Степ. 7).

Итакъ, если и ты отъ всей души, со смиреніемъ и

вѣрою, будешь неопустительно дѣлать то, что ежедневно поешь и читаешь, или слышишь другихъ читающихъ, то истинно благовѣствую тебѣ радость велию, что,—если будешь непрерывно съ терпѣніемъ исполнять это, то-есть жаждаъ, совершать бдѣнія, повиноваться настоятелю и слушаться его до положенія живота, безъ раздумыванія и лицемѣрія, переносить всякую скорбь, обиду, осужденіе, клевету, терпѣть побои и раны отъ меньшихъ тебя братьевъ, не имѣя на нихъ злопамятства, но благодаря ихъ искренно и усердно молясь о нихъ Богу:—радуясь и веселись неизреченною радостію, что не только вечеромъ, и утромъ, и въ полдень, но и когда ѣшь и пьешь, нерѣдко когда бесѣдуешь, когда поешь, читаешь и молишься и когда лежишь въ постели,—будетъ находить на тебя эта божественная и неизреченная благодать слезъ, и будетъ сопровождать тебя всѣ дни жизни твоей,—сшествовать тебѣ, когда идешь, останавливаться съ тобою на отдыхъ или ночлегъ, когда ты остановишься; когда послушничествуешь, будетъ послушничествовать съ тобою и она, и будетъ утѣшать тебя въ скорбяхъ, которыми возскорбишь по причинѣ трудовъ. Тогда и познаешь, что добръ и очень добръ сказалъ св. Симеонъ, чтобъ никто не причащался безъ слезъ, и что это возможно и истинно удобно для всякаго. Или лучше, не онъ это сказалъ, но Духъ Святый сказалъ и написалъ это чрезъ него. Потому что, если истинно, что *никтоже безгрѣшенъ, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 5), и что никто не можетъ *похвалиться чисто имѣти сердце* (Прит. 20, 9), то явно, что человѣкъ долгъ имѣть ни единого дня въ продолженіи всей своей жизни не пропускать безъ слезъ, на сколько это зависитъ отъ него самого; и если не имѣть ихъ, долгъ имѣть, пока живъ, искать ихъ отъ всей

души; ибо никакимъ другимъ способомъ невозможно очиститься отъ грѣховъ и стать чисту сердцемъ.

А кто не хочетъ спать на голой землѣ и совершать бдѣнія, воспоминаая множество грѣховъ своихъ и тяжесть прегрѣшеній своихъ, и не заботится отъ сердца врачевать загнившія и возмердѣвшія отъ нерадѣнія и безпечности раны острадившейся воли своей и своихъ наклонностей, дѣлающія его безчувственнымъ (это и есть истинное безуміе, о коемъ говоритъ Давидъ: *возмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего*), тотъ какъ можетъ придти въ чувство будущаго суда и осужденія грѣшниковъ, и плакать съ печалію и болѣзнію сердца своего? Кто не хочетъ злострадать, терпѣть лишенія и всѣмъ уступать, не хочетъ весь день ходить съ поникшею главою, самого себя озлоблять и смирять, т.-е. наказывать себя алчбою, жаждою, бдѣніемъ, суходеніемъ и другимъ подобнымъ, не хочетъ рыкать отъ воздыханія сердца своего, быть какъ птица, одиноко сидящая на кровлѣ дома, и уподобляться неясати пустынной, то-есть по расположенію души своей быть чуждымъ въ отношеніи ко всѣмъ вещамъ, и монастырскимъ и мірскимъ, не хочетъ быть безразвовеннымъ предъ большимъ и меньшими, утруждать себя воздыханіемъ, снѣдать хлѣбъ свой съ пепломъ, и съ плачемъ растворять питіе свое, тому какъ возможно, братія мои, измывать на всяку ночь ложе свое и слезами постелю свою омывать? Поистинѣ совсѣмъ невозможно ему не только постель свою каждую ночь омочать слезами, но даже и во время молитвы невозможно ему найти ихъ. И не возможетъ онъ такимъ образомъ уготовать мѣсто Господу и селеніе достойное Бога Іаковля, Который есть Христосъ Господь, Спаситель и Богъ нашъ.

Если же не приготовить онъ сего добрѣ, явно, что не возможетъ онъ и причаститься св. пречистыхъ таинъ

не только со слезами, но и достойно, какъ подобаетъ, ни принять внутрь себя Царя и Бога. Святая преподаются святымъ, какъ говорятъ и проповѣдуютъ это каждодневно всѣмъ іереи, вызывая велимъ гласомъ (о, когда бы они говорили это и себѣ самимъ!), а прочіе слышатъ то отъ іереевъ возглашающихъ: святая святымъ. Итакъ что же? Кто не святъ, тотъ уже и недостойнъ? Нѣтъ, не такъ. Но кто не исповѣдуетъ сокровенностей своего сердца, кто не показываетъ достойнаго покаянія въ этомъ и въ томъ, въ чемъ согрѣшалъ въ невѣдѣніи, кто не бываетъ всегда въ слезахъ и печали и не подѣмлетъ тѣхъ подвиговъ, о коихъ мы сказали выше, вотъ кто недостойнъ. Тотъ же, кто дѣлаетъ все сіе и проводить жизнь въ стenanіяхъ и слезахъ, достоинъ и предостойнъ, не только каждый праздникъ причащаться пречистыхъ таинъ, но и каждый день съ самаго (если не слишкомъ дерзновенно такъ сказать) начала покаянія и обращенія его къ Богу. Такому позволительно такъ причащаться, поколику онъ имѣетъ въ намѣреніи до конца жизни своей съ терпѣніемъ пребывать въ оныхъ дѣлахъ и въ подобныхъ имъ, и жизнь свою проводить въ смиреніи съ сердцемъ сокрушеннымъ.—И если онъ будетъ поступать такимъ образомъ и всегда будетъ держать себя въ такомъ состояніи, то день отъ дня будетъ просвѣщаться въ душѣ своей, спомоществуемъ будучи въ томъ причащеніемъ св. таинъ, и скоро придетъ въ совершенное очищеніе и святость. Другимъ же способомъ невозможно быть вымыту и очищену нечистому сосуду нашему (душѣ) и оскверненному жилищу нашему (сердцу). Я не могъ ни изъ Божественныхъ Писаній вычитать, ни самъ собою познать ничего лучшаго. Слышимъ Апостола, который говоритъ: *да искушаетъ чловѣкъ себе и тѣло отъ глѣба да ястъ и отъ чаши да пїетъ: ядый бо и пїйй недостойнъ, судъ себѣ ястъ и пїетъ.*

не разсуждая тѣла Господня (1 Кор. 11, 28. 29). Такимъ образомъ недостойно вкушающій тѣло и кровь Господа, повиненъ бываетъ тѣлу и крови Господа (— — 27). Если теперь тотъ, кто не показалъ достойныхъ плодовъ покаянія, свидѣтельствуется отъ всего Божественнаго Писанія, яко недостойный (св. причастія), то скажи мнѣ, какъ же возможно безъ слезъ достойно причаститься, когда слезы суть первый плодъ покаянія? Кому же, какъ мерзостныя пожеланія плоти и смѣшеніе сердца съ каждою страстію, бывающее со сластію, есть нѣкоторымъ образомъ жертва, приносимая нами діаволу: такъ слезы, отъ сердца источаемыя, суть благопріятная жертва, Богу приносимая, въ очищеніе скверноты и срамоты оной страстной сласти. Это явно показываетъ и Псалмопѣвецъ Давидъ тамъ, гдѣ говоритъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*. И праведно. Ибо когда душа придетъ въ такое доброе состояніе и навыкновеніе, и такъ будетъ каждодневно смиряться и сокрушаться, тогда она ни одного дня не пропуститъ безъ слезъ, подражая Давиду, который говоритъ о себѣ: *измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*.

Посему, умоляю васъ, братія мои, да упражняетъ всеусердно всякій изъ васъ душу свою въ такихъ и подобныхъ симъ дѣлахъ,—и она, пришедши въ умиленное сокрушеніе и мало-по-малу измѣнившись, сдѣлается обильнымъ родникомъ, испускающимъ рѣки слезъ. Если же не постараемся мы такимъ образомъ сдѣлаться чистыми, но избережъ лучше жизнь свою проводить въ нерадѣніи и лѣности, то я не скажу на это никакого тяжелаго слова, чтобъ не опечалить любви вашей; прибавлю только, что если иной разъ случится кому либо причаститься со слезами, т.-е. если случится кому поплакать или прежде божественной литургіи, или во время принятія св.

причастія, а послѣ, въ прочіе дни и ночи, онъ не усердствуетъ тоже дѣлать, т.-е. плакать не переставая, то не будетъ для него никакой пользы отъ того, что поплакалъ однажды, потому что такое поплаканіе не можетъ тотчасъ очистить насъ и сдѣлать достойными; дѣлаетъ же насъ достойными то, если будемъ плакать каждый день не переставая, до конца жизни нашей, какъ повелѣлъ намъ дѣлать Господь, говоря: кайтесь, просите, ищите, толцуйте—доколь! пока, говорить, получите, обрящете, и отверзется вамъ. Что же отверзется? Явно, что царствіе небесное.

Такое покаяніе, бывающее, какъ мы сказали, всегда до самой смерти, съ болѣзнованіемъ и скорбніемъ сердечнымъ, дѣлаетъ мало-по-малу то, что мы начинаемъ проливать горькія слезы, которыми отмывается и очищается сквернота души нашей. Изъ этого (болѣзненного) покаянія рождается потомъ покаяніе чистое (отрадное), превращающее горькія слезы въ сладкія, вселяющія въ сердце наше непрестанное нѣкое радованіе и дѣлающія насъ достойными и способными узрѣть неприступный оный свѣтъ, который если не восподвигаемся со всею усердіемъ узрѣть, то не можемъ ни освободиться отъ страстей, ни стяжать добродѣтели, ни сподобиться достойно, со слезами по Богу, причащаться божественныхъ таинъ, ни возымѣть чистое сердце, ни достигнуть того, чтобы вселился въ насъ Духъ Святый, осязательно для чувства нашего, ни удостоиться узрѣть Бога, какъ Его узрѣвали святые, ни въ сей жизни, ни въ будущей.

Намъ же съ вами даруй, Господи, паче и паче очищаться покаяніемъ, и когда очистимся, сподоби узрѣть Бога. Ибо, которые отходятъ изъ сей жизни безъ сихъ двухъ—безъ очищенія сердца и узрѣнія Бога, для тѣхъ сомнительно конечное рѣшеніе, имѣющее быть произ-

несено надъ ними; сомнительное же невѣрно и ненадежно. Кто не удостовѣряется въ семъ въ сердцѣ своемъ благодатию Св. Духа, тотъ, мнѣ кажется, ничѣмъ другимъ не стяжетъ уже никогда непростыдной и непоколебляющейся надежды. А кто не имѣетъ такой надежды, тотъ чѣмъ другимъ можетъ быть восхищенъ вмѣстѣ съ святыми на воздухъ въ срѣтеніе Господа? И чѣмъ другимъ возжеть онъ тогда свѣтильникъ свой, погасшій еще здѣсь, скажи мнѣ? Скажи мнѣ, откуда тогда достать елей? И какимъ свѣтомъ зажечь свѣтильники свои? Откуда и какъ добыть тогда то и другое, чтобъ приготовиться, и сами сіяя, съ свѣтлыми свѣтильниками, срѣтить жениха Христа? Тотчасъ, какъ только возстанемъ мы, какъбы отъ сна, какъ слышимъ отъ Божественныхъ Писаній, имѣемъ мы теппи въ срѣтеніе Господа. Итакъ, когда вострубитъ послѣдняя труба и возставитъ насъ изъ гробовъ, тогда, если души наши не окажутся отъ настоящей еще жизни возженными, подобно свѣтильникамъ, а явятся или совсѣмъ погасшими, или чуть-чуть горящими и тотчасъ имѣющими погаснуть, по слову Евангелія, гдѣ можемъ мы тогда найти елей, чтобъ возжечь свѣтильники свои совсѣмъ погашенные, или прибавить елей въ тѣ свѣтильники, которые скоро готовы погаснуть, потому что мало имѣютъ елей? Тогда нигдѣ ничего уже не возможемъ найти. Почему позаботимся отселѣ свѣтло возжечь свѣтильники свои, посредствомъ покаянія и слезъ, чтобъ, по воскресеніи, свѣтло сіяя, свѣтло срѣтить намъ жениха Христа и вмѣстѣ съ Нимъ внити въ царство небесное и получить вѣчныя блага,—каковыя когда бы сподобились получить всѣ мы, силою Христа Бога нашего,—Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ.

Надлежитъ соблюдать и держать спасительный постъ не въ первую только недѣлю св. Четырдесятницы, но и во всѣ прочія.

Что имѣю я сказать любви вашей нынѣ, то слѣдовало бы сказать въ прошедшее воскресенье. Но какъ я зналъ, что въ первую седмицу Четырдесятницы всѣ почти христіане съ радостію и великимъ усердіемъ держать добрый и спасительный постъ, всякій охотно возлагаетъ на выю свою иго его, и ни одного не найдешь даже изъ такихъ, которые, не чая себѣ спасенія, проводятъ жизнь свою въ безстрашіи и нерадѣніи о богоугожденіи, который бы не соблюдалъ закона поста въ эту недѣлю и не хранилъ воздержанія вмѣстѣ съ другими христіанами, сколько это ему подѣ силу, то и рѣшилъ до-нынѣ отложить бесѣду мою съ вами о пощеніи въ прочія недѣли Великаго поста.

Всѣ христіане, какъ я сказалъ, подвижаются въ первую великопостную седмицу. Но, какъ въ субботу празднуемъ мы преславное избавленіе отъ оскверненія, бывшее христіанскому народу чрезъ посредство св. великомученика Θεодора Тирона, а въ воскресенье творимъ праздникъ въ воспоминаніе православія и благодаримъ всеблагаго Бога славословіями и пѣснями, то въ это время лукавый діаволь, завидующій всякому нашему добру, подходитъ тайкомъ къ каждому христіанину и, связавъ его нерадѣніемъ и лѣнностію, внушаетъ отвратиться отъ св. поста, столь для насъ спасительнаго и опять вдаться въ прежніе свои злые обычаи. По сей причинѣ, я и напоминаю вамъ нынѣ и прошу любовь вашу, отнюдь не слушайте врага нашего діавола, не начинайте слѣдовать опять злomu на-

сытнаго чревонеистовства и не возвращайтесь болѣе къ удовлетворенію недобрыхъ пожеланій, коимъ удовлетворяли прежде столь долгое время; но какъ почтили мы первую недѣлю Великаго поста сего, такъ да почтимъ и вторую, а потомъ послѣдовательно и всѣ прочія.

Да, братія мои возлюбленные, пожалѣемъ себя самихъ и не попустимъ себѣ сгубить въ наступающую седмицу, что собрали въ прошедшую. Напротивъ надлежитъ намъ паче поревновать о томъ, чтобъ къ стяжанному прежде приложить и другое что, а не разбрасывать злѣ, что прежде уэкономили добрѣ. Для того воспоминай каждый, сколь великую доставилъ ему пользу постъ, и сколь великую благодать получилъ онъ отъ Бога въ эти немногіе дни первой недѣли, и възгрѣвай тѣмъ ревность на дальнѣйшій подвигъ поста. Постъ, какъ врачъ душъ нашихъ, у одного христіанина смиряетъ плоть, у другаго укрощаетъ гнѣвъ,—отъ одного отгоняетъ сонъ, другаго возбуждаетъ на большее добродѣланіе,—у одного очищаетъ умъ и дѣлаетъ его свободнымъ отъ злыхъ помысловъ,—у другаго вяжетъ неудержимый языкъ и страхомъ Божиимъ, какъ уздою, удерживаетъ его, не позволяя ему говорить праздныя и гнилыя слова,—а у иного не даетъ глазамъ смотрѣть туда и сюда и любопытствовать, что дѣлаетъ тотъ или другой, но всякаго располагаетъ внимать себѣ самому и свои собственные разсматривать грѣхи и недостатки. Постъ мало-по-малу утончаетъ грѣховный покровъ, лежащій на душѣ и разсѣиваетъ мысленный мракъ ея, какъ солнце разсѣиваетъ туманъ. Постъ дѣлаетъ васъ способными зрѣть умно духовный воздухъ, въ коемъ всегда сіяетъ умное солнце правды, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Постъ, взявъ въ помощники себѣ бдѣніе, отгоняетъ ожесточеніе сердца, и изъ того, кто

прежде былъ ядца и пѣйца, извлекаетъ потоки слезъ сокрушенія,—что позаботимся, прошу васъ братія, возимѣть и всѣ мы. Ибо если придемъ въ сокрушеніе, то, съ помощію благодати Божіей, легко избавимся отъ всякаго мятежа страстей и отъ бури вражескихъ искушеній,—и достигнемъ безмятежной пристани безстрастія.

Это, братія мои, не достигается въ одинъ день или въ одну недѣлю, но исправляется, съ помощію благодати Божіей, болѣе или менѣе продолжительное время, трудомъ и потомъ, смотря по ревности и усердію каждаго, также смотря по мѣрѣ его отрѣшенія отъ всего видимаго и мысленнаго, и еще смотря по горячности его покаянія и непрестаннаго умнаго дѣланія, т.-е. умной молитвы, непрестанно движущейся во глубинѣ сердца его. Вотъ какъ исправляется сіе, — у одного скорѣе, у другаго медленнѣе.

Безъ поста никто никогда не можетъ исправить ничего изъ того, о чемъ я сказалъ,—не можетъ преуспѣть и ни въ какой другой добродѣтели; ибо постъ есть начало и основаніе всякаго духовнаго дѣланія. Какія добродѣтели ни наздашь ты на основаніи поста, всѣ онѣ будутъ непоколебимы и непотрясаемы, какъ назданныя на твердомъ камнѣ. А когда примешь это основаніе, т.-е. постъ, и на мѣсто его положишь насыщеніе чрева и другія неумѣстныя пожеланія, тогда всѣ добродѣтели будутъ потрясены и разнесены отъ худыхъ помысловъ и отъ потока страстей, какъ песокъ разносится вѣтромъ, — и все зданіе добродѣтели рушится. Итакъ, чтобъ не случилось этого и съ нами, будемъ съ радостию стоять на твердомъ основаніи поста, будемъ стоять, добрые братія мои, будемъ стоять со всѣмъ нашимъ желаніемъ. Ибо кто принужденно отъ другихъ взойдетъ на камень поста безъ собственнаго желанія, тотъ не устоитъ, но будетъ сдвигнутъ съ сего основанія по-

хотѣніемъ и низринется въ тайнояденіе, начавъ ѣсть скрытно; начавшій же ѣсть скрытно пожреть будетъ злымъ діаволомъ.

Постъ есть законъ и повелѣніе Бога, и тѣхъ, которые преступаютъ сей законъ Божій, беретъ въ свою власть первый преступникъ воли Божіей діаволъ и мучить ихъ, какъ тиранъ. Хотя это не тотчасъ случается, потому что Богъ долготерпитъ на насъ, ожидая покаянія нашего, однакоже всячески не убѣжимъ отъ рукъ сего врага нашего, въ сей ли жизни или въ будущей, если пребудемъ во грѣхѣхъ и не покаемся. Ибо если пребудемъ въ такомъ состояніи (тайнояденіи), то осуждены будемъ праведнымъ судомъ Божиимъ на вѣчныя мученія вмѣстѣ съ діаволомъ; потому что отъ людей хоть и укроемся и можемъ дѣлать это скрытно, но отъ Владыки нашего и Бога никакъ не укроемся: Онъ и воздастъ намъ по дѣламъ нашимъ. Будемъ же, братія мои, всевозможно блюстись не только отъ тайнояденія, но и отъ насыщенія яствами, предлагаемыми на трапезѣ. Ей,—такъ творите, прошу васъ.

Вспомните прошедшую святую недѣлю, посмотрите на пользу, принесенную постомъ, въ союзѣ съ бдѣніемъ, молитвою, псалмопѣніемъ. Какое у всѣхъ было сокрушеніе, какое благоговѣніе и безмолвіе! Въ ту недѣлю всѣ христіане мнѣ казались не человѣками, а Ангелами; потому что я не слыхать тогда никакого другаго слова, кромѣ славословія, которое возсылали всѣ вы къ Богу,—что есть дѣло Ангеловъ. Вѣрую, что какъ вы творили дѣло Ангеловъ, такъ и Ангелы вращались среди васъ невидимо и пѣли вмѣстѣ съ вами. Не отдѣляйтесь же отъ соображенія Ангеловъ чрезъ свое многословіе и празднословіе, и своими безчинными гласами и безмѣрными криками не отгоняйте отъ себя Ангеловъ и не приближайте къ себѣ демоновъ. но всякій да

внимаетъ себѣ самому, занимаясь своимъ рукодѣліемъ и исполняя свое послушаніе, какъ бы находился предъ лицемъ Бога. Не оставляйте, братія мои, церковныхъ службъ и чтенія Божественныхъ Писаній,—и одинъ другаго побуждайте на это. Ибо какъ за обычною трапезою вещественною мы побуждаемъ ѣсть сидящихъ близъ насъ и любимыхъ нами, такъ и на этой духовной трапезѣ, питающей души наши, долгъ имѣемъ мы, внимая сами, и братій нашихъ побуждать внимать, чтобъ не быть осужденными отъ Бога, какъ не любящіе другъ друга, и не потерять полученной нами чести быть учениками Христа, Который такъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ін. 13, 35). Кто не понуждаетъ друга своего ѣсть на вещественной трапезѣ, тотъ нерѣдко большую ему доставляетъ пользу; но кто не побуждаетъ друга своего къ духовной трапезѣ, т.-е. къ слушанію божественныхъ словесъ, тотъ причиняетъ ему большой вредъ. Ибо насыщеніе вещественными яствами растлитъ и повредить можетъ и душу и тѣло, а то, что говорится святыми на чтеніяхъ, просвѣщаетъ умъ, освящаетъ душу, а чрезъ нее передаетъ освященіе и тѣлу, дѣлая его болѣе здоровымъ и крѣпкимъ.

Внимай же всякій чтенію, потому что слова святыхъ суть слова Божіи, а не человѣческія; влагай ихъ въ сердце и блюди добръ, потому что слова Божіи суть слова жизни, и тотъ, кто имѣетъ ихъ въ себѣ и хранить, имѣетъ животъ вѣчный. Когда сидимъ за трапезою, на которой предлежатъ разныя яства, думая, никто не зѣваетъ и не дремлетъ, но всякій заботится не только поѣсть достаточно, но и съ собою взять на завтрашній день, или чтобъ дать что друзьямъ или бѣднымъ; а когда читаются слова Божіи, жизнь

дающія и дѣлающія безсмертными тѣхъ, кои питаются ими, скажи мнѣ, прощу тебя, прилично ли кому-либо дремать и даже засыпать, уподобляясь живому мертвецу? О нерадѣніе! о нечувствіе! о потеря! Тотъ, кто, сидя за обыкновенною трапезою, не имѣетъ желанія ѣсть предлежащія на ней яства, очевидно, нездоровъ.—Такъ и тотъ, кто, слушая божественное чтеніе, не принимаетъ въ душу свою божественныхъ оныхъ словесъ съ услажденіемъ и полнымъ удовольствіемъ, и не насыщаетъ мысленно всѣхъ своихъ чувствъ сладостію ихъ, болѣе есть вѣрою, голоденъ духовными дарованіями, и умираетъ отъ духовной алчбы и жажды, при всемъ томъ, что окруженъ всякими благами. Какъ мертвый, когда его омывають водою, ничего не чувствуетъ, такъ и духовно мертвый, будучи орошаемъ живодосными и божественными токами слова, не чувствуетъ того духомъ своимъ.

Итакъ, вы, которые имѣете въ себѣ слова жизни, которые достигли до вкушенія сего хлѣба слова животнаго, которые не мертвы, но возстали изъ мертвыхъ, вкусили истинной жизни и стяжали утробы щедротъ къ ближнимъ своимъ, не переставайте понуждать, умолять и убѣждать братій своихъ, если возможно, всѣхъ, чтобъ внимали чтенію; нерадивыхъ же обличайте и укоряйте, какъ собственные свои члены, или лучше сказать члены Христовы, не да скорбь имъ причините, но да избавите отъ гнѣва негодованія отеческаго,—не да вредъ какой имъ причините, но да пользуете ихъ премного, располагая ихъ исполнять волю и повелѣніе Бога и Отца ихъ. Если будете такъ поступать, если каждый изъ васъ будетъ побуждать брата своего къ любви и добрымъ дѣламъ, то всѣ мы скоро востечемъ на высоту добродѣтелей и исполнимъ всѣ заповѣди Христовы,—за что сподобимся всѣ вмѣстѣ получить и царствіе не-

бесное во Христѣ, Богѣ нашемъ, Коему подобаеѣ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ.

О воздержаніи и терпѣніи въ дѣланіи добродѣтелей, требуемомъ временемъ поста, и о молчаніи; и о томъ, какъ истинно подвижающимся должно проводить все время поста.

Будучи немощенъ и душею и тѣломъ отъ злаго моего и нерадиваго произволенія, желалъ бы я молчать и внимать только себѣ самому, помышляя о собственномъ своемъ состояніи, пока побѣжду волю плоти и подчиню ее душѣ, и получу совершенный миръ въ Духѣ Святомъ, бывъ освобожденъ Имъ отъ тяготы земнаго и вещественнаго мудрованія и введенъ въ пристань блаженнаго упокоенія. Но поелику избранъ я вами быть главою святаго тѣла вашего, т.-е. настоятелемъ вашимъ, то нужда мнѣ належитъ подвигать васъ на всякое добро, утѣшаясь надеждою, что вы, содѣвая собственное свое спасеніе, молитвами своими и молитвами моего духовнаго отца, и отца вашего, сохраните и спасете и меня, немощнаго душею. Почему, не имѣя силъ отверзть уста мои, черезъ силу написалъ я настоящее слово мое въ нѣкое напоминаніе братству вашему, прося и умоляя васъ, какъ истинныхъ рабовъ Христовыхъ и искреннихъ братолюбцевъ, молиться о мнѣ бѣдномъ, да буду спасенъ и я вмѣстѣ съ вами и, шествуя путемъ заповѣдей Божіихъ, да спребуду выну съ вами, возлюбленными моими братіями.

Итакъ умоляю васъ во Христѣ Іисусѣ, внимайте себѣ самимъ, и каждый изъ васъ да *мудрствуетъ во црѣ-*

ломудріи и да не мудрствуетъ паче, еже подобаетъ мудрствовать (Рим. 12, 3). Не смотрите на мою нерадивую жизнь, но соблюдайте заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, Коему, яко праведному и неложному Судіи, имѣемъ мы отдать отчетъ во всемъ, что ни дѣлаемъ. Дайте мнѣ, прошу, такое похваленіе, да хвалюся, что я одинъ падши по нерадѣнію моему во глубины ада, воззвалъ велимъ гласомъ и освободилъ васъ отъ сѣтей діавола. Хотя мнѣ надлежитъ оплакивать собственное свое нерадѣніе, но я ищу удовольствіе видѣть васъ парящими высоко, выше всѣхъ сѣтей вражескихъ. Соблюдайте же, возлюбленные, неопустительно всѣ заповѣди Христовы, да *спасетесь, аки серна отъ тенетъ, и яко птица отъ сѣти* (Прит. 5, 5).

Первая заповѣдь есть, да любимъ отъ всей души Бога и другъ друга, какъ Богъ возлюбилъ міръ. Истинная же любовь къ Богу и ближнему познается, когда кто имѣетъ слѣдующія качества: не гордится, не завидуетъ брату своему, но подражаетъ добру, которое видить въ другомъ, дѣлая и самъ тоже; не ищетъ одеждъ красивыхъ, а только потребныхъ; не ропщетъ, не шутить и не смѣется, и не спорить ни о чемъ, ни о большемъ ни о маломъ; не насыщается не только яствами и сластями, но даже и водою, особенно въ настоящіе святыя дни поста, въ которые искренно и съ болѣзнію сердечною кающійся получаетъ отъ Бога прощеніе грѣховъ, надѣланныхъ въ продолженіе всего года. Извѣстно вамъ, какъ теплота покаянія и горячесть слезъ оныхъ, исходящихъ изъ самой глубины сердца, испаряють и сожигаютъ, какъ огонь, всю грѣховную скверну и душу оскверненную ею дѣлають совершенно чистою; и не только это, но душа при семъ получаетъ еще богатое осіаніе божественнаго свѣта, богатію

Духа Святаго, преисполняется милостию Божіею и благими плодами.

Сей постъ постараемся держать, возлюбленные братія мои, и въ настоящую пятую недѣлю св. Четырехдесятницы и въ слѣдующіе дни великой седмицы, предлагая каждадневно усердіе къ усердію, тѣніе къ тѣнію, пока достигнемъ Господня дня св. Пасхи, освященные душею и тѣломъ. Почти уже протекли мы и эту пятую седмицу благодушно и съ теплымъ усердіемъ; ибо я увѣренъ, что вами не было забываемо ни одно свойственное посту доброе дѣло, но что вы и всеоцныя пѣснопѣнія совершали со всемъ вниманіемъ, и воздержаніе соблюдали всестороннее держа его съ великимъ терпѣніемъ и благодушіемъ и довольствуясь одними овощами и зеліями, предлагаемыми на трапезѣ. Знаю, что нѣкоторые изъ васъ сидятъ между нами за трапезою съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, и не вкушаютъ даже этихъ скудныхъ яствъ трапезы, но осуждаютъ себя, яко недостойныхъ и такой пищи, а потомъ непрестанно внимаютъ себѣ и рукодѣлію своему, являя несмѣлую бездерзновенность съ молчаніемъ, въ дупѣ же бывъ преисполнены умиленія, слезъ, молитвъ, моленій и трудовъ духовныхъ, вслѣдствіе чего, при частыхъ колѣнопреклоненіяхъ, они измѣнились добрымъ измѣненіемъ и стяжали подвижническій прекрасный зракъ.

Теперь, поелику мы скоро имѣемъ оставить подвигъ поста въ приближающіеся дни Пасхи, то потщимся, прошу, и въ остающіеся до того дни, особенно же въ святую страстную недѣлю, строжайше блюсти законъ добрейшаго поста, держа и въ это время такой же подвигъ, какъ и въ пропѣдшіе дни. Намъ потребно великое вниманіе и великое тѣніе, чтобъ не проводить дни жизни нашей, какъ проводятъ ихъ нѣкоторые

нерадивцы. И сами вы знаете, что иные, какъ только пройдетъ первая недѣля, думаютъ, что уже и вся четыредесятница прошла,—и объ этомъ они кричатъ явно и между собою и предъ другими. Но и въ отношеніи къ намъ есть страхъ и страхъ великій, не подумалось бы и намъ тоже, не начали бы и мы говорить между собою тоже, что говорятъ и они, и не явиться бы намъ такимъ образомъ презрителями и нарушителями обѣта своего. Ибо намъ, отрекшимся отъ міра и умершимъ ему, и посвятившимъ себя всецѣло Христу, данъ законъ строгаго воздержанія не на настоящее только время поста, но и на все время жизни нашей, въ которое все неотложно должны мы хранить воздержаніе. И какъ не сознавать намъ, что на насъ лежитъ долгъ воздержанія во все время жизни нашей, когда мы обѣщались и алкать, и жажжать, и наготствовать, и всячески злострадать,—и все это терпѣть съ великою радостію,—особенно теперь, во время святой четыредесятницы? Если не хотимъ такимъ образомъ проводить все время жизни своей, а хотимъ всегда ѣсть и пить вдоволь, смѣяться, шутить, празднословить, спорить, то какое будемъ имѣть различіе отъ невѣрныхъ и язычниковъ? Поистинѣ никакого: даже мы явились худшими ихъ. Язычникамъ мы бываемъ подобны, когда заботливо ищемъ хлѣба, вина, одежду; кому же дѣлаемся мы подобными, когда дѣлаемъ сказанныя дѣла, которыя гораздо срамнѣе и хуже этого? Всеконечно на насъ исполнится тогда то, что говорить пророкъ Давидъ: *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). *Послушаемъ, братія мои, Бога, Который учитъ насъ во святомъ Евангеліи: не пецѣйтесь глаголюще: что амы, или что тѣмъ, или чимъ одеждемся. Ищите же прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 31. 33). И чтобы кто не сказалъ: а если

Богъ запоздаетъ дать потребное, и мнѣ нечего будетъ поѣсть, что тогда дѣлать? Онъ присовокупилъ, *воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ*. И затѣмъ сказать: *не вы ли ниче лучше ихъ естѣ* (Мѡ. 6, 26). И опять, чтобъ мы не малодушествовали и не роптали изъ-за пищи и питія, Онъ всѣмъ возвѣщаетъ: *блаженнѣ алчущіи нынѣ, яко насытитесь* (Лк. 6, 21). Итакъ, если ты вѣруешь во Христа и исповѣдуешь, что Онъ истиненъ есть и неложенъ, то никогда не будешь алкать или жаждать. Если нечего тебѣ ѣсть и пить, и ты попросишь у келаря хлѣба, или вина, или другаго чего съѣстнаго, а онъ не дастъ тебѣ, будучи, можетъ быть, занятъ какимъ дѣломъ, вспомни тогда слова Господа и скажи: алчу я и жажду, но терпя потерплю Господа, и Онъ сотворитъ по немощи моей и не оставитъ меня,—и потерпи, брате мой,—и великую будешь имѣть награду у Бога. И во всѣхъ другихъ искушеніяхъ, случающихся съ тобою, поступай такимъ же образомъ,—и будешь ты великъ въ настоящей жизни и въ будущей соприсчислишься къ святымъ мученикамъ. Сколько есть бѣдныхъ христіанъ, братія мои, которые лежатъ въ какомъ нибудь углу, и желаютъ иной разъ немного холодной воды, и той не имѣютъ,—и между тѣмъ благодарятъ Бога, а не негодуютъ и не произносятъ никакого хуленія! А мы, по милости Божіей, имѣемъ все потребное для тѣла неоскудно, и даже съ излишкомъ. Если теперь тотъ, кто, ничего не имѣя, ропщетъ, осуждается, что не имѣетъ терпѣнія; то,—когда при имѣніи всего вдоволь, иной, чтобъ не потерпѣть малаго въ чемъ либо лишенія, спорить, бранится и говоритъ слова хульныя,—будетъ ли достоинъ какого либо прощенія такой? Знаю, что, говоря сіе, я осуждаю себя самого и слова мои будутъ мнѣ въ обли-

ченіе; впрочемъ прошу, да будетъ сіе и для васъ нѣкимъ напоминаніемъ.

Итакъ. какъ провели вы прошедшіе дни поста со всякимъ усердіемъ и тщаніемъ, такъ, прошу, постарайтесь провести и всю святую Четырдесятницу, воспоминаая добрый образъ жизни своей, и доброе свое поведеніе, и благоговѣнство, и смиреніе, и молчаніе, и усердіе къ богослуженію и къ рукодѣлію. Ей, прошу васъ, не забудьте страсте - истребительнаго поста, и очистительнаго воздержанія, и не допустите себя, братія мои, до вознерадѣнія о нихъ даже малѣйшаго. Но хотя и случится, что въ иной день перемѣнять яства и вамъ представится случай получить нѣкое утѣшеніе, вы не измѣняйте своего намѣренія и держите свое правило воздержанія непоколебимымъ и непреложнымъ. Когда же поѣдите больше обыкновеннаго, то постарайтесь и въ дѣлѣ Божіемъ побольше потрудиться, чтобъ не была для васъ эта пища, вмѣсто благодаренія и пользы, причиною вознерадѣнія и великаго вреда. Внимайте же и поститесь, братія мои, какъ я сказалъ вамъ, и слѣдующую недѣлю, какъ прошедшія, ведите себя со страхомъ Божіимъ, не оставляйте послушанія и рукодѣлія своего, и не блуждайте туда и сюда, подчиняясь демону унынія. Если кто изъ васъ, проходя откуда-нибудь, найдетъ другаго брата стоящимъ, или сидящимъ праздно, пусть поскорѣе пройдетъ мимо, сдѣлавъ ему обычный поклонъ. Можетъ быть, отъ этого праздный тотъ придетъ въ чувство, раскается, устыдится и самъ собою пойдетъ на дѣло свое. Поступая такъ, вы и сами избѣжите осужденія въ праздности и празднословіи.

Не слышали развѣ, что блаж. Зосима, написавшій повѣствованіе о жизни преподобной Маріи Египетской, говоритъ о св. отцахъ того монастыря, въ который привело его особенное указаніе Промысла Божія? Какъ они

выходили изъ монастыря и всю Четырдесятницу проводили въ пустынѣ, никогда не встрѣчаясь другъ съ другомъ, а когда случайно замѣчалъ кто кого издали, тотчасъ убѣгая отъ него? Они и желанія не имѣли встрѣтиться съ кѣмъ либо изъ своихъ въ пустынѣ, и возвратясь въ монастырь, не спрашивали другъ друга, что кто видѣлъ, или что дѣлалъ въ пустынѣ, и вообще такъ держали себя въ отношеніи другъ къ другу, какъ бы были странныи и пришельцы и иного языка люди. И я думаю, что они такъ поступали не по чему другому, какъ потому, что тщательно внимали, какъ бы не изошло праздное слово изъ устъ ихъ. Итакъ, если отцы тѣ столько дней и столько лѣтъ проводили, не заводя бесѣдъ между собою, то что сказать объ насъ, которые и въ немногіе дни св. Четырдесятницы не можемъ уберечься отъ собесѣдованій и празднословія? И что я говорю,—дни? мы не можемъ удержать себя отъ этого даже на одинъ часъ. И что будетъ намъ, добрые мои братія, если, когда мы находимся въ такомъ жалкомъ состояніи, внезапно явится Судія всѣхъ Богъ, Который въ день суда взыщетъ отчета въ каждомъ праздномъ словѣ?—Если мы и языка своего не умѣемъ удержать, то какъ возможемъ преодолѣть прочія страсти? Какая другая страсть, скажи мнѣ, легче этой? Плоть имѣетъ естественное похотѣніе и жженіе, и часто поднимаетъ возстаніе противъ души и бореть ее очень сильно. Чрево естественно желаетъ насыщеннымъ быть яствами, потому что для того и создано. О языкѣ же ничего такого сказать нельзя. Итакъ, если мы не можемъ пресѣчь злаго навыка языкоболія, что для насъ очень удобно и легко, то какъ возможемъ одолѣть другія страсти болѣе сильныя и упорныя, которыя опираются на естество наше и состоятъ въ союзѣ съ похотію и сластію грѣховною?

Положимъ же, братія мои, отнынѣ съ общаго согласія

закономъ для себя, чтобъ, коль скоро найдутся двое стоящими праздно безъ дѣла и ведущими бесполезные и суетные разговоры, то имъ въ тотъ день не давать ѣсть ничего кромѣ сухаго хлѣба съ солью и водою, которые они и пусть сѣдають, стоя на послѣднемъ мѣстѣ въ трапезѣ. Имѣя такой законъ,—неотложный,—вы убережетесь отъ празднословія и шутокъ, а чрезъ это и угодите Богу, ради Его положивъ храненіе устамъ своимъ и дверь огражденія о устнахъ своихъ, —и мнѣ недостойному отцу вашему доставите великое утѣшеніе, радости исполнивъ душу мою, и своимъ собственнымъ душамъ доставите великую пользу, приучая себя, любви ради Божіей, къ такому доброму образу жизни и такому дивному обычаю, потомъ будете достойно прославлены и восхвалены всѣми людьми, и Богъ чрезъ васъ славимъ будетъ, что вы въ такомъ нынѣшнемъ родѣ оказались подражателями древнихъ св. отцевъ; что, какъ думаю, не легко найти въ наши времена, и въ этихъ мѣстахъ, гдѣ мы теперь находимся, и среди монаховъ, и въ монастыряхъ, какіе видимъ и о коихъ слышимъ.

Почему умоляю васъ, отцы мои святые и рабы Христовы, не преслушайте словъ отца вашего недостойнаго, почетши ихъ словами пустыми; ибо хотя я немощенъ и исполненъ безчисленныхъ грѣховъ, однакожь сами вы видите, что я не совѣтую вамъ ничего такого, чего не требовали бы заповѣди Божіи и что не предписывалось бы Божественнымъ Писаніемъ. Положите же доброе начало, — чѣмъ и мнѣ придадите нѣкое оживленіе, когда святыми вашими молитвами и я пробуждусь отъ сна, протру очи свои, умою лице свое и прогоню глубокой сонъ лѣности. А я вмѣсто этого добра, которое вы сдѣлаете для меня, ничтожнаго слуги вашего, воздамъ вамъ воздаяніе, хотя не какъ подобаетъ, но насколько силъ достанетъ, душеспасительными словами, которыя вложить благодать

Божія въ отверстіе нечистыхъ устъ моихъ. Ей, братія мои, умоляю васъ, не презрите прошенія моего, но какъ дали вы мнѣ позволеніе держать предъ вами слово,— мнѣ полумертвому и почти безгласному, такъ отдайте мнѣ и волю вашу, чтобъ чрезъ отсѣченіе воли вашей вы явили подвигъ мучениковъ и страстотерпцевъ Христовыхъ, а я отънынѣ большую воспріялъ готовность предать и душу мою и тѣло на вольную за васъ смерть. Что да сбудется надо мною, да сподоблюсь я пострадать и умереть за братій моихъ и съ такимъ напутствіемъ да отыду въ другую жизнь, но Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, со безначальнымъ Отцемъ, и всесвятымъ животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ.

- 1) Кто таковъ тотъ, кто кается, и какое дѣланіе его?
- 2) Если не стижемъ добродѣтелей, то никакой не принесетъ намъ пользы свобода отъ страстей.
- 3) Кто таковы тѣ, которые работаютъ Богу, каковы дѣла ихъ, и почему можно распознать ихъ?

1) Поелику мы думаемъ, что христіане ссмы, по тому одному, что приняли божественное крещеніе, хотя не дѣлаемъ дѣлъ христіанскихъ; поелику думаемъ такъ, что мы—вѣрные, такъ какъ вѣруемъ во Отца, Сына и Св. Духа и въ воплощенное домостроительство Господа нашего Іисуса Христа, и такимъ образомъ просто по привычкѣ говоримъ, что мы рабы Божіи и, пиша къ другимъ письма, помѣщаемъ это въ подписи: рабъ Божій такой-то, не зная, можетъ быть, что такое рабъ Божій, и кто есть, и кто достоинъ именоваться рабомъ Божиимъ: то я рѣшился растолковать это слово и показать: кто таковы рабы Божіи и изъ чего познаются, и каковы дѣла,

дѣлаемыя ими для Бога, чтобы всякій по дѣламъ своимъ могъ опредѣлительно познать, кому угождаетъ онъ дѣлами своими и кому работаетъ, и уразумѣть, кому угождалъ и кому служилъ доселѣ, дабы не случилось иному почитать себя рабомъ Господа, тогда какъ онъ работаетъ себѣ самому.

И слово мое — не къ мірянамъ, которые живутъ въ мірѣ и имѣютъ женъ, — ибо Апостолъ явно говоритъ: *неоженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господу, а женивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ* (и міру) (1 Кор. 7, 32. 33), но къ тѣмъ, которые удалились изъ міра и отъ мірскихъ дѣлъ самоохотно, и вступивъ на поприще покаянія, подвизаются въ монашескомъ житіи, т.-е. къ новоначальнымъ монахамъ и къ пребывающимъ долгое уже время въ монашествѣ, которые думаютъ, что Господу работаютъ и надѣются оправдаться дѣлами своими. Ибо нѣкоторые изъ нихъ не внимаютъ свѣту Божественныхъ Писаній, но всегда ходя внѣ онаго и находясь во тьмѣ своихъ лукавыхъ помышлений, не знаютъ, что есть многое и великое различіе между тѣми, кои каются, и тѣми, кои подвизаются въ добродѣтели, и тѣми, кои работаютъ Господу. Тѣ, которые каются въ злыхъ дѣлахъ своихъ, ищутъ получить прощеніе въ грѣхахъ своихъ, каковы — мытарь, блудница, Ап. Петръ, который, отъ страха трижды отрекшись Христа, потомъ горько плакалъ, и другой кто-либо, какъ блудный сынъ, злѣ иждившій отцовское наслѣдіе съ блудницами и мытарями. Такіе и подобные имъ не называются работающими Господу; но они, бывъ врагами Богу, виновными предъ Нимъ, только еще примиряются теперь съ Нимъ, посредствомъ покаянія и исповѣди. Опять тѣ, которые удражняются въ дѣланіи добродѣтелей, всеусердно подвизаются въ томъ чтобы, послѣ покаянія, побѣдить

страсти,—т.-е., показавъ съ великимъ тѣпаніемъ и ревностію покаяніе въ прежнихъ своихъ грѣхахъ, подвижутся еще стяжать утвержденіе въ себѣ добродѣтелей вмѣсто страстей, какія имѣли прежде. Тотъ, кто кается, тому свойственны слѣдующія дѣланія: онъ сокрушается, плачетъ, постится, лишаетъ себя сна, спитъ на голой землѣ, охотно всѣмъ служить и переноситъ всякія непріятности и скорби, помышляя всегда о грѣхахъ своихъ,—и какъ почитаетъ себя достойнымъ великаго наказанія, безъ смущенія претерпѣваетъ все, случающееся съ нимъ, чтобъ получить прощеніе грѣховъ такимъ терпѣніемъ своимъ.

2) Тотъ опять, который подвизается не о томъ (только еще), чтобъ получить прощеніе грѣховъ своихъ, но уже о томъ, чтобъ побѣдить страсти, также дѣлаетъ все сказанное и гораздо еще большее того, и съ радостію пріемлетъ всякую находящую скорбь, и если не приходитъ ничто скорбное, самъ себя оскорбляетъ, но при этомъ еще всеусильно старается проходить всякое доброе дѣланіе, о которомъ слышитъ, что его проходили древніе отцы, или видитъ, что его проходятъ отцы, живущіе съ нимъ, чтобъ разными добродѣтелями и добрыми дѣяніями изгладить многія и разныя страсти, чрезъ кои пріобрѣтають власть надъ нами демоны, и совсѣмъ изгнать ихъ изъ души, а вмѣсто этихъ страстей усокровиществовать внутри себя добродѣтели со всею ревностію души своей. Ибо если не восподвизается онъ стяжать добродѣтели, то не будетъ имѣть полнаго успѣха въ искорененіи страстей, хотя и можетъ успѣть утомить ихъ до значительной степени. Не тотъ достоинъ похвалы, кто не лихоимничаетъ, но кто еще и милуетъ; не тотъ уже и спасенъ, кто цѣлымъ сохранилъ данный талантъ. т.-е. данный ему даръ благодати, но тотъ, кто и умножилъ его; не тотъ ублажается, кто удаляется отъ зла, но тотъ, кто

и добро дѣлаеть; не тотъ любовь свою къ царю являетъ, кто не входитъ въ согласіе съ врагами его, но тотъ, кто и вооружается противъ нихъ и противовоюеть имъ по любви къ царю. Объ этомъ свидѣтельствуеть самъ Владыка нашъ Христосъ, когда говоритъ: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть; и иже не собираеть со Мною; расточаетъ* (Мѡ. 12, 30). Этиимъ словомъ Онъ ясно показываеть, что кто всякимъ образомъ и со всѣмъ усердіемъ не соблюдаетъ заповѣдей Его, не стяжаваетъ добродѣтелей посредствомъ исполненія сихъ заповѣдей, и не преуспѣваетъ чрезъ то паче и паче въ исправленіи сердца, а только воздерживаетъ, какъ ему кажется, отъ злыхъ дѣлъ, въ добродѣтеляхъ же не пребываетъ долгое время, но, предаваясь нерадѣнію въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, пресѣкаетъ нѣкоторымъ образомъ собираніе сихъ добродѣтелей; тотъ не можетъ сохранить даже того добра, которое, какъ ему думается, имѣеть, но чрезъ недѣланіе заповѣдей теряеть и его. Это именно и показываеть слово Господа: *иже не собираеть со Мною, расточаетъ*.

Въ житейскихъ дѣлахъ не всегда бываетъ такъ, чтобы кто не собираеть, а сидитъ бездѣйственно, уже и расточалъ; но въ дѣлахъ духовныхъ всегда такъ бываетъ. Ибо Писаніе Божественное того, кто не дѣлаеть добра, почитаетъ грѣшникомъ и объявляетъ, что онъ осужденъ будетъ, когда говоритъ: *въдущему добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть*. И опять: *проклятъ человекъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ*,—чего одного достаточно къ тому, чтобы подвергнуть осужденію меня, нерадиваго и лѣниваго. Если же тотъ, кто заповѣди Господни творить съ небреженіемъ, проклятъ есть, не тѣмъ ли паче тотъ, кто совсѣмъ никакой не творить, или изъ тѣхъ, какія можетъ творить, творить только нѣкоторые? Стань разсматривать сіе и

найдешь, что тоже самое бываетъ и въ мірскихъ дѣлахъ и по гражданскимъ законамъ. Ибо рабъ, который видя, какъ воры пролѣзли въ домъ господина его и окрадываютъ его, не препятствовалъ имъ и не кричалъ, а допустилъ имъ забрать все и убѣжать, осуждается господиномъ своимъ, какъ наводникъ и воръ, наравнѣ съ тѣми, покрывшими его добро, хотя онъ и не содѣйствовать имъ. Да и вы сами не осудите ли такого лукаваго раба? Также самое всеконечно будетъ и со мною,—удерживаюсь сказать: и со всѣми вами,—если мы удерживаемся только отъ худыхъ дѣлъ, а не подвизаемся всеусильно стяжать и добродѣтели вмѣсто худыхъ навыковъ, и стяжать въ такой полнотѣ, чтобы явиться мужами совершенными достигшими въ мѣру возраста исполненія Христова, какъ заповѣдуетъ намъ св. Павелъ. И совершенно справедливо. Ибо если мы не сдѣлаемся такими, то какъ можемъ именоваться и быть рабами Господа, воинами Христовыми? Какъ можемъ стать облеченными во всеоружіе духовное, достойными зачисленія въ войнство Бога живаго и способными явиться страшными врагамъ? Нѣтъ, нѣтъ; не можемъ мы сподобиться этого.

3) Почему, когда кто постится, или бдѣнія совершаетъ, или томить себя алчбою и жаждою, или спать на голой землѣ, или слезы проливаетъ, или переносить поношенія и другія искушенія находящія, пусть не думаетъ, что онъ (потому самому) уже служить Богу, или пользуется такими подвигами другаго кого, но только себя самого, если терпѣливо проходитъ ихъ и особенно, если при томъ блюдетъ смиреніе и дѣйствуетъ съ духовнымъ разумомъ; ибо если не такимъ образомъ онъ проходитъ ихъ, то и себѣ самому не пріобрѣтетъ чрезъ то никакой пользы. То дѣло, которое дѣлается не съ смиренномудріемъ и духовнымъ разумомъ, каково бы оно ни было, никакой не приносить пользы тому, кто его дѣ-

лаеть.—Какъ же это такъ,—спросить кто?—Кому угодно, тотъ можетъ найти объясненіе сему въ Божественныхъ Писаніяхъ. Я же имѣю въ намѣреніи показать только то, что ни тѣ, которые проходятъ еще покаяніе, ни тѣ, которые долгое уже время подвизались въ добродѣтеляхъ, не Господу еще служатъ, а только самихъ себя пользуют. И, если находите то благословнымъ, подтвердимъ слово наше примѣрами. Кто настоящіе слуги царя земнаго? Тѣ ли, которые сидятъ въ домахъ своихъ, или тѣ, которые всюду слѣдуютъ за царемъ? Тѣ ли, которые занимаются своими дѣлами, или тѣ, которые составляютъ его воинство? Тѣ ли, которые покойно въ свое удовольствіе проводятъ время въ домахъ своихъ, или тѣ, которые геройствуютъ на войнѣ. и то наносятъ раны, то сами получаютъ ихъ, убиваютъ многихъ изъ враговъ, освобождаютъ изъ плѣна братій своихъ и посрамляютъ враговъ? Золотари ли, мѣдники и каменщики, каждодневно трудящіеся и съ трудомъ добывающіе потребное для себя и товарищей своихъ,—или военачальники, и тысяченачальники съ прочими чинами и съ многочисленнымъ воинствомъ, состоящимъ у нихъ подъ командою? Явно, что послѣдніе служатъ царю, а не первые. Золотарь, мѣдникъ и каменщикъ, что бы ни сработали для царя, берутъ за то у царскихъ приставликовъ условленную плату и, какъ чужіе и незнакомые тамъ, опять возвращаются въ дома свои, даже не выдавши царя, а не только не спознавшись и не подружившись съ нимъ. Но военачальники и прочіе чины суть слуги царя знаемые, а нѣкоторые даже и друзья ему, чрезъ которыхъ дѣлается знаемымъ и любимымъ царю и все множество воиновъ, состоящихъ подъ ними. Подобное бываетъ и между Царемъ небеснымъ и тѣми, которые служатъ Ему. Всѣ люди,—вѣрные, и невѣрные, рабы и свобод-

ные, богатые и бѣдные, іереи и архіереи, цари и начальники, — всѣ мы рабы Богу, какъ твореніе Его. Но изъ всѣхъ насъ тѣ, которые соблюдаютъ заповѣди Его съ доброю цѣлію и всеусильно, и при соблюденіи заповѣдей Его вѣру къ Нему являютъ твердую, суть благіе и вѣрные рабы Его; тѣ же, которые не отказываются служить Ему и исполнять заповѣди Его, но дѣлаютъ это съ нерадѣніемъ и лѣнностію, называются рабами лукавыми и лѣнливыми; а тѣ, которые дѣлаютъ или говорятъ противное повелѣніямъ Божиимъ, суть враги Его, хотя ничтожны суть и никакой не имѣютъ предъ Богомъ силы.

Итакъ, мы, которые, послушавъ Господа, рекшаго: *уже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Мр. 8, 34), — и Апостола, сказавшаго: *не любите міра ни яже въ мирѣ* (1 Ів. 2, 15); *ибо любви міра сего вражда Богу есть; и: уже восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4, 4), — оставили, повидимому, все и послѣдовали за Спасителемъ нашимъ Богомъ, или прямо сказать, оставили міръ, такъ какъ онъ препятствуетъ добродѣтели, и вступили въ монашество, — оставили нѣкоторымъ образомъ мѣсто враговъ Божіихъ, въ коемъ проживали доселѣ и рабствовали имъ добровольно, — и перенли въ область Господа нашего и Царя Христа. Но да вѣдаемъ, что мы только надѣли одежду воиновъ Христовыхъ, воинствующихъ подъ Нимъ, а еще не сдѣлались настоящими воинами; мы слуги Его еще только по одеждѣ, а не настояще. Какъ надѣвающіе одежду воиновъ не дѣлаются чрезъ то воинами царя; такъ и мы, говоря теперь, что сдѣлались подданными царства Христова, потому что облеклись въ монашеское одѣяніе, не говоримъ однакожъ, что чрезъ то мы сдѣлались уже и настоящими воинами Его. Ибо *оружіа воинства нашего*

не плотская (2 Кор. 10, 4), но духовная, яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы овѣи сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ Еф. 6, 12). Итакъ, когда облекаемся во оружія свѣта, въ броню, говорю, въ шлемъ, и въ прочее, о чемъ говорить св. Павелъ, и возьмемъ въ руки свои изощренный мечъ Духа, тогда можемъ говорить, что сдѣлались настоящими воинами, добръ снарядившимися къ брани.

Но разсудимъ, что дѣлаемъ мы, облекшіеся уже въ монашеское одѣяніе и вступившіе въ поприще покаянія и подвижничества.—Плачемъ? но для чего? Для того, чтобы получить отпущеніе грѣховъ нашихъ и очиститься отъ сквернъ, причиненныхъ намъ грѣхами. Постимся?—для того, чтобы укротить буйство и стремленія плоти нашей и сердце свое сдѣлать болѣе мягкимъ и удобо-сокрушительнымъ. Совершаемъ бдѣнія и поемъ псалмы?—для того, чтобы не распложились злые помыслы, и умъ нашъ не блуждалъ туда и сюда. Молимся?—для того, чтобы не уводилъ насъ врагъ въ мысленный плѣнь, и мы могли со временемъ помышлять объ одномъ добромъ и полезномъ и молиться всегда и непрерывно въ сердцѣ своемъ. Въ сердцѣ сокрушаемся?—для того, чтобы пріять радость и утѣшеніе, которыя порождаетъ сей плачь сердечный. Одѣваемся въ смиренныя, власыя одежды? Спимъ на голой землѣ, и большая часть изъ насъ носить вериги? Для чего? Для того конечно, чтобы обуздать и укротить это тѣло буйное, чтобы оно, не бывъ удерживаемо уздою, не бросилось подобно необузданному мулу въ стремнины, и не низвергло и себя и сѣдока своего, умъ, въ ровъ пагубы и огня вѣчнаго. Дѣлая же все сказанное, какое благо доставляемъ мы тѣмъ, которые насъ видятъ? Конечно никакого. Но если мы никакого не дѣлаемъ блага для тѣхъ, кои насъ ви-

дять, то тѣмъ паче ничего не дѣлаемъ мы для Бога, давшего намъ и мудрость, и силу къ самосохраненію. Но, скажешь, мы съ благодарностію переносимъ поношенія, осужденія, скорби находящія, не позволяя оставаться въ сердцѣ и слѣду страсти, тѣмъ возбуждаемой! — Но и этижъ опять мы себѣ самимъ дѣлаемъ добро, а не другому кому. Слушай, что говоритъ Господь: *еще не отпускаете человекомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѡ. 6, 15). Удостоверься же, что если, когда насъ поносятъ и насмѣхаются надъ нами, или когда быють по лавитамъ и оплевываютъ, или другое что оскорбительное причиняють намъ, мы переносимъ то съ благодарностію, отъ всей души сожалѣя о тѣхъ, которые подвергаютъ насъ такимъ искушеніямъ; то мы чрезъ то самимъ только себѣ благодѣтельствуемъ, удостоиваясь за то получить отпущеніе нашихъ предъ Богомъ согрѣшеній. Если же удержимъ при себѣ въ сердцѣ страсть непріязни къ нимъ и будемъ разные употреблять способы къ отмщенію имъ, то и самимъ себѣ не стяжемъ добра, а напротивъ повредимъ, ставъ сами для себя причиной того, что грѣхи наши останутся непростѣнными намъ. — Безмолвствуемъ въ келліи? Убѣгаемъ въ горы? Поселяемся въ пещерахъ? Восходимъ на столбы? — Для чего все это? конечно для того, чтобы удобнѣе убѣгать отъ того, кто какъ левъ ходить, страшно рыкая противъ насъ и ища кого поглотити. Но если Богъ поможетъ (ибо куда бы мы ни убѣгали, безъ Божіей помощи не можемъ избѣжать зубовъ его и его многообразныхъ сѣтей) избавится намъ отъ этого страшнаго звѣря, и не быть пожранными отъ него, все же какъ можно будетъ намъ сказать, что мы такими дѣяніями работаемъ Господу? Для меня кажется это неблагословнымъ; полагаю, что и для васъ. Ибо гонимый врагомъ своимъ и убѣгающій

отъ него,—какъ можетъ сказать, что послужилъ тому, кто принялъ его въ домъ свой, потомъ сталъ у воротъ своихъ, чтобъ не пропустить до него врага его, и такимъ образомъ избавилъ его отъ преслѣдователя. Не можетъ онъ этого сказать, никакъ не можетъ, но паче долженъ всегда благодарить его, что столько облагодѣтельствованъ имъ, бывъ избавленъ имъ отъ врага своего. Или бѣдные, милостыню просящіе и трудиться не хотящіе, или по немощи тѣла, или по привычкѣ ничего не дѣлать по лѣности, какъ могутъ сказать, что они дѣлаютъ что либо для тѣхъ, которые подаютъ имъ милостыню, или служатъ имъ, тогда какъ очевидно бѣдные получаютъ отъ милостивыхъ благодѣлія и подачи? Такъ и мы, бѣдные и во всемъ недостаточные по причинѣ прежнихъ грѣховъ своихъ, не можемъ никогда сказать, что работаемъ Богу, милующему насъ и благоутробствующему къ намъ въ бѣдномъ состояніи нашемъ. Ибо, какъ я сказалъ, всѣ мы бѣдны,—иные по причинѣ прежнихъ грѣховъ своихъ, иные по дурнымъ привычкамъ, иные по лѣности и нерадѣнію о заповѣдяхъ Божіихъ, иные по злему произволенію, иные по падкости на удовольствія, иные по невѣдѣнію Божественныхъ Писаній и невѣрію имъ, иные по гордости и потому, что имъ думается, будто имъ ничего болѣе не нужно ко спасенію души ихъ,—и вообще сказать—всѣ мы бѣдны, голы, изранены и немощны разными немощами,—и сидя въ келліяхъ своихъ (уединенно), или живя въ монастыряхъ, будто лежимъ въ разныхъ больницахъ и страннопріимницахъ, и вопіемъ, плачемъ и рыдаемъ, призывая самого Врача душъ и тѣлесъ нашихъ (которые, то-есть, пришли въ чувство и ощутили боль отъ ранъ и страстей своихъ; ибо иные столь несмысленны, что не сознаютъ и не чувствуютъ немощей своихъ и страстей, кои надъ ними господствуютъ), да прійдетъ и уврачуетъ сокру-

шенныя сердца наши и подастъ здравіе душамъ нашимъ, лежащимъ на одрѣ грѣха и смерти. Такъ и божественный Апостоль говоритъ, что всѣ мы согрѣшили и имѣемъ потому нужду въ милости и благодати Божіей.

Находясь убо въ такомъ бѣдномъ состояніи, можемъ ли мы дерзнуть когда либо сказать, что сколько нибудь работаемъ Тому, Кто насъ такъ милуетъ, такъ къ намъ благоутробствуетъ, такъ врачуетъ души наши, такъ научаеъ насъ спасенію и подаетъ исцѣленіе ранъ нашихъ и уврачеваніе болѣзней нашихъ? Нѣтъ, — конечно не можемъ мы такъ сказать. Какъ о томъ, кто, израненный по всему тѣлу разбойниками, лежалъ при пути полумертвымъ, не говорится, что онъ послужилъ тому, кто поднималъ его на свой скотъ, привезъ въ странно-пріимницу и ходилъ за нимъ, возливая елей на раны его, но паче говорится, что ему оказана милость, что онъ вылѣченъ тѣмъ благодѣтелемъ и приведенъ въ прежнее здоровое состояніе, такъ и мы, парализованные, прокаженные, ранами покрытые и притомъ нерадящіе о томъ, что пригодно къ уврачеванію нашему, и не подвижизающіеся нисколько исполнять то, о чемъ я сказалъ, — какъ мы такіе — можемъ дерзнуть сказать, или хоть подумать, что работаемъ Господу? Нѣтъ, не работаемъ мы Господу, но (если возчувствуемъ: въ какую глубину золь ниспали) просимъ, какъ я сказалъ, и молимся, да уврачуетъ насъ Врачъ душъ и тѣлесъ отъ всѣхъ немощей нашихъ. Потомъ, когда получимъ уврачеваніе и сбросимъ съ себя мало-по-малу всякую немощь, какъ какую либо ветхую одежду, изодранную и испачканную, и облечемъ въ здравіе, какъ въ нѣкое царское одѣяніе, свѣтлое по всему тѣлу, отъ головы до ногъ; тогда и мы, если послужимъ другимъ и поврачуемъ ихъ, возлагая елей на раны ихъ и другія употребляя врачевства и пластыри,—тогда, говорю, и мы можемъ быть причис-

ляемы къ тѣмъ, кои работаютъ Господу рекшему: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѡ. 25, 40). Если же не будемъ мы прежде уврачеваны, но, будучи еще немощны и страстны, покусимся врачевать другихъ немощныхъ, то Господь скажетъ намъ: *врачу, исцѣлился самъ* (Лк. 4, 23).

А ты, слыша слова мои, что здравіе душевное есть царское нѣкое одѣяніе свѣтлое, смотри не истолкуй криво сего реченія по непониманію дѣла и не подумай, будто я говорю о здравіи тѣлесномъ. Нѣтъ, не о тѣлесномъ говорю здравіи, а объ иномъ нѣкоемъ, безтѣлесномъ, духовномъ, божественномъ, которое обыкновенно не врачебными травами доставляется и не собственными нашими трудами достигается, чтобъ кто не вздумалъ хвастаться имъ. Какъ подбирающій и прикрѣпляющій мертвыя кости къ костямъ и суставъ къ суставу (костями и суставами я называю добрыя дѣла и добродѣтели) не дѣлаетъ никакой пользы, если не сможетъ облечь ихъ мясомъ (мускулами) и нервами; но если и это сдѣлаетъ, если свяжетъ суставы жилами и мертвыя тѣ кости покроетъ мясомъ и кожею и изъ всего сдѣлаетъ цѣлое тѣло, то и при семъ опять все онъ трудится, безъ всякой пользы, если тѣло это останется безъ души, которая оживляла бы его и двигала; такъ это же самое представляй себѣ бывающимъ и съ душею, которая была умерщвлена грѣхами. Пусть въ ней всѣ уже члены возставлены, т.-е. имѣются всѣ добродѣтельные дѣянія, какъ-то: постъ, бдѣніе, долугеганіе, нестяжательность, непощадѣніе тѣла и подобное,—которыя набираются, какъ мертвыя кости, послѣдуя одно за другимъ, подлаживаются между собою и связуясь составляютъ нѣкоторымъ образомъ цѣльное тѣло души. Но что пользы отъ нихъ, если это тѣло души лежитъ бездушно и бездыханно, по той причинѣ, что еще не вселился въ нее

Духъ Святый? Ибо только когда Онъ войдетъ и вселится въ насъ,—сочетаваешь и связуешь нервами духовной силы добродѣтельныя дѣянiя, которыя сами по себѣ остаются мертвыми, отдѣленными одно отъ другаго, какъ бездушные члены,—связуешь любовію къ Богу и такимъ образомъ содѣловаетъ насъ новыми и живыми изъ ветхихъ и мертвыхъ, каковы мы сами по себѣ. Другимъ способомъ невозможно ожить и жить душѣ. Какъ тѣло наше, здорово ли оно, или болѣзнуетъ, не можетъ безъ души не только движеніе имѣть, но и совсѣмъ жить, такъ и душа наша, грѣшить ли она или не грѣшить, безъ Духа Святаго мертва есть и совсѣмъ не можетъ жить жизнію вѣчною. Если грѣхъ есть жало смерти, то, когда кто грѣшить, всеконечно ужаленъ бываетъ имъ и умираетъ. Какъ нѣтъ никого безгрѣшнаго,—потому что, какъ говоритъ Апостоль, *вси согрѣшиша и лишени суть славы Божіа* (Рим. 3, 23); то явно, что всѣ мы, яко грѣшныя, умерли и мертвы есмы.

Помышляя такимъ образомъ, что ты мертвъ душею, скажи, какъ можешь ты стать воистину живымъ, если не соединишься съ истинною жизнію, т.-е. съ Духомъ Святымъ, Коимъ возраждается всякій христiанинъ и возоживляется во Христѣ, рекшемъ: *Азъ есмь истины и воскресеніе и животъ* (Іоан. 14, 16), и еще: *пріемляй Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя* (Іоан. 13, 20). Итакъ, поелику мы мертвы и только Онъ есть вѣчная жизнь, то прежде чѣмъ соединимся съ Нимъ и жить станемъ Имъ, да не глаголемъ, что работаемъ Господу. Ибо какъ возможно, чтобъ мертвые когда либо работали кому? Пока знательно не облечемся во Христа, какъ въ царское одѣяніе, да не думаемъ, что освободились совершенно отъ душевныхъ нашихъ болѣзней, или отъ страстей, тяготящихъ насъ. Ибо какъ не отходить тма, если не приходитъ свѣтъ, такъ не изгоняется болѣзнь души,

если не придетъ Тотъ, Кто болѣзни наши носить, и не соединится съ нами. Когда же придетъ Онъ, то прогоняетъ всякую немощь и всякую болѣзнь душевную, и даруетъ здравіе душѣ нашей, почему называется здравіемъ. Также, поелику Онъ просвѣщаетъ насъ, называется свѣтомъ, будучи выше всякаго свѣта,—поелику животворитъ насъ, называется жизнію, будучи выше всякой жизни,—поелику облиставаетъ насъ всѣхъ, объемлетъ и покрываетъ божественною своею славою, называется одѣяніемъ, и мы говоримъ посему, что облакаемъ въ Него, неприкосновеннаго и неуловимаго,—поелику соединяется несмѣсно съ душею нашею и всю ее дѣлаетъ, какъ свѣтъ, говорится, что Онъ обитаетъ въ насъ, и какъ-бы описуется неописанный. О, чудо! Богъ, сущій выше всего, бываетъ въ насъ все,—хлѣбъ, покровъ, вода, отъ которой если кто испіетъ, какъ сказалъ Господь Самарянкѣ, не возжаждетъ уже никогда; такъ что если ты жаждешь еще, то знай, что ты еще не пилъ доселѣ отъ воды той: ибо неложно. Тотъ, Кто сказалъ это. И я слышалъ отъ одного, который говорилъ: съ тѣхъ поръ какъ челоувѣколюбивый Владыка далъ мнѣ досыта напиться отъ воды оной, если случалось мнѣ забыть, что я пилъ отъ нея, и опять искать да дано будетъ мнѣ пить отъ нея, какъ бы я совсѣмъ не пилъ ея, тотчасъ сама вода сія, которой я напился прежде, воскипала внутри сердца моего и начинала бить ключемъ, какъ нѣкій потокъ свѣтовый;—и я видѣлъ это ясно. Она же самымъ симъ воскипѣніемъ внутри меня говорила какъ бы мнѣ: не видишь, что я здѣсь съ тобою? Откуда же ищешь, чтобъ я дана была тебѣ, или пришла къ тебѣ? Не знаешь развѣ, что я всегда нахожусь съ тѣми и въ тѣхъ, которымъ дамъ напиться отъ меня и бываю для нихъ источникомъ безсмертнымъ?

Итакъ. брате мой, если и съ тобою было то, о чемъ

и теперь говорю, то счастливъ ты и блаженъ. Если же не видѣлъ еще ты Христа, и Онъ не далъ еще тебѣ напиться отъ питія того,—припади и умолай, плачь и рыдай, бей себя въ грудь и лицо, какъ Адамъ, когда изгнанъ былъ изъ рая, не ложись уже на кровать или постель, но земля да будетъ для тебя кроватію, гдѣ придется, не давай сна очамъ своимъ и вѣждамъ своимъ дреманія, не обращай очей своихъ посмотреть что либо земное или небесное,—потому что, если имѣешь предъ очами своими Творца всяческихъ, Бога, то какая тебѣ нужда сморѣть на что либо другое?—Не наполняй никогда чрева своего яствами, не услаждай гортани своей сладкимъ ястіемъ и питіемъ вдоволь, не любопытствуй о томъ, что дѣлается во кругъ, и не смотри на тѣхъ, кои живутъ безразлично и съ небреженіемъ, чтобъ не возгордиться надъ ними и не осудить ихъ, но и не садись съ ними, чтобъ не дойти до бесполезныхъ рѣчей,—не ходитуда и сюда, ища именитыхъ и славныхъ монаховъ, и не любопытствуй о жизни ихъ; но если, по милости Божіей, нашелъ ты добраго духовнаго отца, то ему одному открывай дѣянія свои и помыслы свои; если же еще не нашелъ, то видя Христа, къ Нему единому взирай, Его единаго имѣй зрителемъ своимъ, да видитъ Онъ печаль и сокрушеніе души твоей. Покажи Ему, или лучше сказать, пусть самъ Онъ увидитъ нищету твою и нестяжательность, и несребролюбивый нравъ твой, такъ что хоть бы, какъ рѣка, текло къ тебѣ откуда либо богатство всего міра, или попало тебѣ брошеннымъ безмѣрное множество золота (ибо и это бываетъ по кознямъ діавола и клеветовъ его), ты не восхотѣлъ бы даже однимъ глазомъ взглянуть на то, при всемъ томъ, что взять не представлялось бы грѣхомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ раздать бѣднымъ. Онъ пусть видитъ, какъ бьютъ тебя, а ты не противишься, поносятъ тебя, а ты не повесишь поносителей своихъ, осуждаютъ тебя.

а ты хвалишь осуждателей своихъ,—пусть Онъ видить что ты не ищешь славы, или чести, или покоя; и вообще скажу, пусть Онъ видить, что, дѣлая все сіе, ты положилъ не отступать и не возвращаться вспять, пока Онъ не умилосердится къ тебѣ и не дастъ тебѣ испить отъ онаго страшнаго, неизреченнаго и неопредѣлимаго питія. Когда удостоишься испить его, тогда уразумѣешь, что говорю тебѣ. Ибо мы, какъ говорить божеств. Павелъ, *премудрость глаголемъ не въка сего*, престающую, *но глаголемъ премудрость Божію, въ тайны сокровенную* (1 Кор. 2, 6. 7). Если же ты не сподобился видѣть самого Христа, то что тебѣ кажется, ужъ живъ ли ты? И какъ можно тебѣ думать, что ты работаешь Господу, когда еще не видалъ Его? Если не сподобишься увидѣть Его и услышать гласъ Его, то отъ кого узнаешь волю Его, святую, угодную и совершенную? Если скажешь, что ты обучаешься познанію ея изъ Божественныхъ Писаній, то я замѣчу тебѣ, что читаемое въ Писаніи настоящимъ образомъ познается, когда дѣломъ исполняется. Тебѣ же, который весь мертвъ еси и лежишь во тмѣ, какъ возможно даже услышать (отъ Писанія) волю Божію, а не только сотворить ее, и живу быть? Никакъ невозможно.

Итакъ, поелику мы съ тобою мертвы и находимся во тмѣ, то какал же есть возможность ожить намъ, или узрѣть Христа, истинный свѣтъ, сошедшій на землю? Слушай со вниманіемъ, и не оправдывая себя, смиришь предъ Богомъ, и скажи:

Господи! Ты, Который не хочешь смерти грѣшника, но хочешь, чтобъ онъ покался и началъ жить духомъ опять.—Ты, Который того ради и на землю сошелъ, чтобы воскресить умерщвленныхъ грѣхомъ и сподобить ихъ увидѣть Тебя, свѣтъ истинный, сколько возможно чело­вѣку видѣть Тебя, пошли мнѣ, молюся Тебѣ, чело-

нѣка, знающаго Тебя, чтобы я со всею силою подчинился ему ради Тебя и, служа Ему, служилъ Тебѣ, и его волю исполняя, исполнялъ Твою волю, и такимъ образомъ благоугодилъ Тебѣ, единому Богу, я грѣшный, и сподобился царствія небеснаго.

Если ты пребудешь въ молитвѣ сей долгое время, всеусильно и отъ всей души умоляя Господа и толкая неустанно въ двери милосердія Его, то будь увѣренъ, что Онъ не оставитъ тебѣ, но научитъ тебя, — или Самъ, или чрезъ какого-либо раба Своего, — тому, что тебѣ подобаетъ творить; и по благодати Своей и молитвѣ ради того раба Своего, подастъ тебѣ силу и совершитъ все то. Ибо безъ Божіей помощи не можешь ты ничего сдѣлать, но, какъ я сказалъ Богъ будетъ для тебя все. При такомъ порядкѣ, пусть Христосъ еще не все для тебя и ты не все еще совершаешь во Христѣ, по крайней мѣрѣ ты подчиняешься друзьямъ Его и приставникамъ, и чрезъ посредство сихъ друзей Его являешься рабомъ Ему, — по крайней мѣрѣ творишь волю рабовъ Божіихъ, а не свою (воля же рабовъ Божіихъ есть воля Божія), — по крайней мѣрѣ дѣлаешь нѣчто Бога ради и не остаешься празднымъ, и находишься въ состояніи смиренія, а не превозношенія. Вспомни, что я сказалъ прежде, что изъ военачальниковъ и начальниковъ всѣхъ, иные суть рабы царя, иные друзья, чрезъ посредство коихъ дѣлаются друзьями царя и тѣ, кои состоятъ подъ властію каждаго изъ нихъ, — которые, хотя не видятъ царя и не бесѣдуютъ съ нимъ, но служа вѣрно военачальнику или начальникамъ своимъ какъ самому царю, надѣются, что чрезъ посредство тѣхъ, кому служатъ, получаютъ отъ царя дары и чины. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь ходатайствомъ начальниковъ своихъ, получаютъ отъ царя дары, какихъ ожидали; нѣкоторые же сами дѣлаются именитыми чрезъ свое мужество и пре-

успѣяніе, за что царь беретъ ихъ къ себѣ, чтить ихъ и дѣлаеть начальниками и ходатаями о другихъ. Тогда они удостоиваются лицемъ къ лицу служить царю своему, бесѣдовать съ нимъ и слышать гласъ его.

Если ты не хочешь искать лучшаго, какъ я указалъ, а хочешь лучше причислиться къ наименьшимъ и быть въ подчиненіи у простыхъ воиновъ, не именитыхъ, хочешь быть кое-какимъ послушникомъ между другими кое-какими, подобными тебѣ, а не желаешь быть въ служеніи духовнымъ начальникамъ, то чего ради осуждаешь меня, когда я называю тебя мертвымъ, или слѣпымъ, или больнымъ, или параличнымъ, устранившимся отъ служенія Царю Христу?—Но се слышу рѣчь твою ко мнѣ, что ты сидишь въ келліи и въ уединеніи внимаешь себѣ самому, и никому никакой не причиняешь обиды. Спрошу тебя и я,—скажи мнѣ, былъ ли бы ты доволенъ, если бъ то, что ты теперь дѣлаешь, дѣлалъ слуга твой или послушникъ: если бы и онъ, вознебрегши о тебѣ, оставилъ служеніе тебѣ, пошелъ и сѣлъ въ келліи своей, думая, что не дѣлаеть обиды ни тебѣ, ни другому кому? Какой человекъ даже слышать это можетъ равнодушно? Какъ же ты, сидящій въ келліи своей и отъ другихъ только принимающій услуженіе, дерзаешь говорить, что служишь Богу?—Скажи мнѣ, какими это дѣлами ты служишь Ему?—ты, который даже и въ томъ случаѣ, если бъ самъ себѣ во всемъ служилъ и руководѣніемъ своимъ добывалъ все потребное для тѣла твоего, даже и въ такомъ случаѣ не долженъ бы былъ говорить, что служишь Богу? Слугу не хвалятъ, если онъ питается и одѣвается самъ отъ себя, а между тѣмъ господину своему не отдаетъ должнаго отъ труда рукъ своихъ, — что обычно называется оброкомъ или урокомъ. Напротивъ, за это его не только осуждаютъ, но и наказываютъ. Какъ же мы съ тобою,—которые живемъ,

какъ вельможи, предаемъ покою, безпечности и бездѣйствию, и не только ничего не дѣлаемъ и не служимъ другимъ, но, когда не видимъ услуженія себѣ отъ другихъ, негодуемъ, бранимся и ропщемъ,—какъ, говорю, мы дерзаемъ говорить, что служимъ Богу и никого не обижаемъ? Ибо кто можетъ кому послужить чѣмъ, и не хочетъ имъ послужить чѣмъ, тотъ обижаетъ ихъ и дѣлаетъ себя повиннымъ страшному суду Господа, Который речетъ имъ: *идите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его. Взалкихъ бо и не дасте Ми ясти* и проч. (Мѡ. 25, 41 и д.). Былъ Я въ болѣзни, и вы не послужили Мнѣ. Какъ же и какимъ лицомъ будемъ мы смотрѣть на сего страшнаго Судію, когда Онъ придетъ испытать дѣло каждаго изъ насъ?

Не прельщайтесь. Богъ есть огонь, и когда пришелъ на землю и сдѣлался человѣкомъ, ввергъ огонь на землю, какъ Самъ говоритъ (Лк. 12, 49). Огонь сей всюду обходитъ, ища себѣ вещества, т.-е. добраго сердца и произволенія, чтобы пасть внутрь его и возжечься. Въ комъ возжигается онъ, въ томъ восходитъ въ пламя великое, достигающее до небесъ, и не дастъ уже ему быть въ бездѣствіи, или предаваться покою. Онъ не опаляетъ души, въ которой возгарается, хотя возгараніе сіе бываетъ не безъ возчувствованія его душою, какъ думаютъ нѣкоторые изъ мертвыхъ (душою). Душа не есть безчувственное вещество, но есть существо чувствующее и разумное. Почему она въ самомъ началѣ чувствуетъ и сознаетъ возгорѣніе огня того,—и сіе тѣмъ паче, что оно сопровождается чрезмѣрнымъ и нестерпимымъ болѣзнованіемъ (сердечнымъ). Потомъ, когда огонь сей очиститъ насъ совершенно отъ всякой скверны страстей, тогда навсегда уже дѣлается внутрь насъ и пищею, и питіемъ, и свѣтомъ, и радостію,—и насъ самихъ дѣлаетъ свѣтомъ по причастію,—въ той

мѣръ, въ какой дѣлаемся мы сами причастными свѣта его. Какъ печь возжженная сначала только коптитъ отъ дыма, исходящаго изъ дровъ, а когда разгорится посильнѣе, тогда вся дѣлается свѣтлою подобно огню и не омрачается уже никакою копотью отъ дыма; такъ и душа, начавшая горѣть божественнымъ желаніемъ, сначала видитъ вмѣстѣ съ огнемъ Духа внутри себя и тму страстей, исходящую на подобіе дыма, и сознавая, что эта, сущая въ ней, мрачность отъ тмы страстей есть ея собственное дѣло, плачетъ и сокрушается,—чувствуя же, какъ лукавые помыслы и злыя пожеланія попадаютъ тѣмъ огнемъ, какъ терны и волчцы, и превращаются въ прахъ, радуется. Когда же все сіе сгоритъ и естество души останется одно безъ страстей, тогда существенно съ нею соединяется и божественный оный огонь и начинаетъ горѣть и свѣтитъ въ ней, тогда и она дѣлается причастною сего мысленнаго огня, какъ печь причастною огня вещественнаго,—равно и тѣло причащается тогда сего божественнаго и неизреченнаго свѣта и бываетъ огонь по причастію. Да вѣдаемъ однакожъ, что этому всему невозможно совершиться въ насъ, если мы не возненавидимъ міра и всего, что въ мірѣ, съ готовностію даже и животъ свой положить за сіе дѣло Божіе, какъ говоритъ Господь (Лук. 14, 26). И инымъ образомъ огонь сей въ насъ не возгарается.

Которые сподобились пріять въ себя сей огонь, тѣ не только сами освободились совершенно отъ всѣхъ болѣзней душевныхъ, но и другихъ многихъ, которые были немощны и больны душевно, извлекли изъ сѣтей діавола и уврачевали,—и принесли ихъ, какъ даръ Владыкѣ Христу. Божественный огонь оный научалъ ихъ всякому вѣдѣнію и искусству духовному и всякой премудрости,—и они всю жизнь свою благоугождали

Богу. Таковъ былъ Петръ, божественный Апостолъ, пріявшій ключи царствія небснаго; таковъ былъ Павелъ, восхищенный до третьяго небесе, и прочіе Апостолы. Таковы были св. богоносные отцы наши и учителя, которые силою сего божественнаго огня пожгли, такъ тернія, и уничтожили всѣ ереси,—которые повелѣвали демонамъ, какъ непотребнымъ рабамъ, и тѣ со страхомъ повиновались имъ. Таковыми были и бывають всегда тѣ, которые такъ возлюбили Бога, что не жалѣли ради угожденія Ему самой жизни своей.

Вотъ эти и другіе подобные имъ справедливо называются рабами, всегда работающими Богу, а не тѣ, которые еще въ грѣхахъ суть и которые подобны рабамъ лукавымъ, погрѣшающимъ противъ господина своего,—не тѣ также, которыхъ еще борють страсти и которые походятъ на боримыхъ и противоборствующихъ, и такимъ образомъ всегда воюющихъ съ врагами своими,—и не тѣ, которые не стяжали еще добродѣтелей, но подвизаются о стяжаніи ихъ, и которые походятъ на увѣчныхъ, у которыхъ недостаетъ или рукъ, или ногъ, или носа, или ушей, или другихъ какихъ частей тѣла. По заповѣди Апостола, намъ во-первыхъ надобно преуспѣть во всякой добродѣтели и содѣлать своего по Богу чловѣка совершеннымъ и всецѣлымъ, такъ чтобы въ немъ не было недостающимъ ни одного члена, т.-е. ни одной добродѣтели. И не иначе, какъ уже пришедши въ мѣру сію, получимъ мы отъ небснаго Царя благодать Духа, какъ воины получаютъ оброкъ отъ царя земнаго. Тогда-то, наконецъ, какъ сдѣлавшіеся уже мужами совершенными, достигшими въ мѣру возраста исполненія Христова, и сопричислившіеся къ воинамъ и рабамъ Господа, тогда-то, говорю, какъ воины Христовы, поднимаемъ мы рѣшительную брань противъ враговъ. *Это*, какъ говоритъ бож. Апостолъ, *воинствуетъ*

своими оброки когда? (1 Кор. 9, 7).—И что называетъ онъ оброкомъ? Царскій кошъ. Если такимъ образомъ и мы не получимъ отъ Бога хлѣбъ оный, который сходитъ съ неба и даетъ животъ міру, т.-е. благодать Св. Духа (ибо это есть духовный кошъ, коимъ питаются сдѣлавшіеся воинами Христовыми, и въ это облакаются они духовно вмѣсто всякаго оружія), то, скажи мнѣ, какимъ образомъ можемъ войти въ строй воинства Божія и сопричислиться къ рабамъ Его?

Но прїидите, умоляю васъ, проснемся отъ тяжкаго сна безпечности, всѣ желающіе освободиться отъ рабства страстей. Притечемъ ко Христу, истинному Владыкѣ, съ готовностію содѣлаться рабами Его. Восподизаемся и мы явиться дѣломъ такими, какими слово наше изобразило истинныхъ рабовъ Божіихъ. Перестанемъ съ небрежностію относиться къ дѣлу спасенія своего и обманывать себя самихъ, придумывая извиненія себѣ во грѣхахъ своихъ и говоря, что никакъ невозможно быть сему, т.-е. достигнуть показаннаго совершенства въ настоящемъ родѣ,—и философствуя такимъ образомъ въ ущербъ спасенію нашему и на пагу бу душъ нашихъ. Ибо, если захочемъ, возможно, и такъ удобовозможно, что одного произволенія нашего достаточно къ тому, чтобы воззвать насъ на такую высоту. Гдѣ готово произволеніе, тамъ нѣтъ уже никакого препятствія.—И что говоришь ты, человѣче? Богъ хочетъ содѣлать насъ изъ людей богами (произвольно однакожъ, а не принудительно),—а мы время выставляемъ въ предлогъ,—и отвергаемъ благодѣяніе. Не безуміе ли это и не крайнее ли невѣжество?—Богъ такъ сильно сего желаетъ, что сошелъ на землю и воплотился именно для этого только. Почему, если только восхощемъ и мы, то совершенно ничто не можетъ уже воспрепятствовать сему,—только прибѣгнемъ къ Нему

съ теплымъ поканіемъ. Когда же и Онъ приблизится къ намъ и коснется сердець нашихъ хоть лишь краемъ пречистаго перста Своего, тогда возжеть свѣтильники душъ нашихъ и не дастъ уже имъ погаснуть до скончанія вѣка,—и во вѣки,—и еще. Ему подобаеъ слава, честь и поклоненіе, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ.

1) О животворномъ умертвіи, которое подаеъ Духъ Святый подвизающимся о спасеніи своемъ.

2) О томъ, что освободившіеся отъ работы закону сознательно пріемлютъ благодать божественнаго свѣта.

3) Какоеъ долженъ быть іерей, пріявшій свыше власть рѣшить и вязать?

4) Тому, кто истинно священнодѣйствуетъ и осілавается божественнымъ свѣтомъ, явны все люди.

1) Братія мои возлюбленные, внимайте добрѣ Божественнымъ Писаніямъ, которыя слушаете. Ибо Господь нашъ повелѣваетъ намъ изслѣдовать Писанія для того, чтобы вѣрно узнать путь, ведущій ко спасенію и чтобы, шествуя потомъ симъ путемъ посредствомъ исполненія заповѣдей Христовыхъ, не возвращаясь вспять, достигнуть вѣрно сего спасенія душъ нашихъ, которое есть Іисусъ Христосъ, какъ въ часъ рожденія Его возвѣстилъ пастырямъ Ангелъ: *се благовѣстую вамъ радость велию, яже будетъ всемъ людямъ, яко родися вамъ днесь Спасъ, яже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ* (Лк. 2, 10. 11). Воспріимеъ же все мы, возлюбленные братія мои, ревность и скоро со всемъ усердіемъ потечемъ путемъ симъ, не обременяя себя никакою ношею, или никакою вещію мірскою, обычно неудобносною. чтобы она не помѣшала намъ тещи скоро и во время dospѣть и внити внутрь града Давидова, и узрѣть

тамъ Спасителя нашего Христа. Умоляю васъ, воспріимите усердное попеченіе о спасеніи своемъ дѣйствующею въ васъ благодатію и не допускайте себя хоть и мало понерадѣть о немъ. Но какъ только пробудимся, какъбы отъ сна вставъ, отъ лукаваго мнѣнія (что у насъ все исправно) и нерадѣнія, не позволимъ себѣ ни постоять, ни присѣсть, пока не выбѣжимъ за предѣлы міра и внѣ его не обрѣтемъ и не узримъ Спасителя и Бога нашего, и падше не поклонимся Ему; но и здѣсь не дадимъ себѣ остановиться, а потечемъ далѣе и далѣе пока самъ Спаситель не скажетъ вамъ: *вы не отъ міра, но Азъ избрахъ вы отъ міра* (Іо. 15, 19).

Какъ же достигается то, чтобы не быть уже отъ міра? Когда кто распнетъ себя міру и міръ себѣ, какъ говоритъ и Апостоль Павелъ: *мнѣ міръ распялся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). Но какое сходство, спросишь, имѣють эти слова Апостола съ тѣми словами Христа Спасителя?— Слова различны, но мысль у обоихъ одна и таже. Ибо какъ находящійся внѣ дома не видитъ запершихся внутри, такъ распявшійся, или умершій міру никакого не имѣетъ чувства къ мірскимъ вещамъ; и еще какъ мертвое тѣло не имѣетъ никакого чувства ни къ живымъ, ни къ мертвымъ тѣламъ, лежащимъ подлѣ него, такъ и тотъ, кто благодатію Духа Святаго выйдетъ изъ міра и станетъ быть съ Богомъ, не можетъ имѣть никакого чувства къ міру или къ вещамъ міра.

Такъ-то, братія, бываетъ смерть, или умертвіе прежде смерти тѣла и прежде воскресенія тѣла бываетъ воскресеніе душъ, — дѣйствительное, опытно сознаваемое, истинное. Ибо когда смертное мудрованіе уничтожено бываетъ безсмертнымъ умомъ, и мертвость изгоняется жизнію, тогда душа ясно видитъ себя воскресшею, какъ пробудившіеся отъ сна видятъ себя бодрствующими, — съ сознаниемъ, что это Богъ воскресилъ ее, — познавъ

Коего и возблагодаривъ, поклоненіе Ему приносить и славословить безпредѣльную Его благодать. Тѣло же послѣ того не имѣетъ уже болѣе никакого движенія или воспоминанія о своихъ похотѣніяхъ и стремленіяхъ, но бываетъ для нихъ совершенно мертво и бездыханно. Бываетъ даже нерѣдко, что человѣкъ забываетъ самыя естественныя потребности, потому что душа его всегда мысленно привѣтаетъ въ томъ, чтѣ выше естества, какъ и подобаешь ей; ибо Писаніе говоритъ: *духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте* (Гал. 5, 16). Когда такимъ образомъ плоть сдѣлается мертвою, какъ мы сказали, благодатию Всесвятаго Духа, тогда она оставляетъ насъ жить прочее безъ всякаго съ своей стороны осажденія насъ и препятствія намъ. Тогда исполняется сказанное Апостоломъ Павломъ: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9), такъ какъ онъ живетъ уже жизнью, которая выше закона (т.-е. благодатною); ибо *идиже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17),—свобода конечно отъ рабства закону. Законъ пѣстунъ есть, руководитель и учитель правды, ибо говоритъ: это дѣлай, а того не дѣлай. Благодать же и истина не говоритъ такъ, а какъ?—Ты будешь дѣлать и говорить все по благодати данной тебѣ и говорящей въ тебѣ, какъ написано: *и будутъ вси научени Богомъ* (Ин. 6, 45).

Таковые не изъ писмени познають, чтѣ добро, но научаются сему благодатию Святаго Духа; и не научаются они божественному словомъ только, но свѣтомъ слова и словомъ свѣта таинственно. Достигнувъ сего, бываютъ они учителями и себѣ самимъ и ближнимъ, свѣтомъ міра и солю земли.

2) Тѣ, которые, прежде благодати Евангельской, состояли подъ закономъ, праведно сидѣли и подъ сѣнію закона. Но тѣ, которые, по явленіи благодати, вступили въ свѣтъ и день, освободились отъ сѣни, т.-е. отъ раб-

ства закону и стали выше закона, такъ какъ они высоко поднялись посредствомъ Евангельскаго житія, и живутъ съ законоположителемъ Богомъ, будучи и сами законоположители паче, нежели соблюдатели закона.

Но есть ли кто нынѣ имѣющій уши слышати, да слышитъ и постигаетъ силу того, чтѣ глаголется отъ Духа Святаго? Есть ли кто и теперь имѣющій умъ Христовъ да разумѣтъ добрѣ и боголѣпно то, чтѣ пишется Имъ? Есть ли кто и нынѣ имѣющій глаголющаго въ себѣ Христа, да возможетъ добрѣ изъяснить таинства, сокровенныя внутри словесъ Его? Ибо, говоритъ Апостоль, *премудрость глаголемъ не вънка сего* престающую, *но премудрость въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 6—7) отъ многихъ, намъ же щедро открываемую и уразумѣваемую добрѣ водичимися страхомъ Божіимъ и всегда къ Нему взирающими. Ибо мы не то, чего не знаемъ, говоримъ, но чтѣ знаемъ, о томъ свидѣтельствуемъ. Свѣтъ уже во тмѣ свѣтитъ, и въ вощи, и во дни, и въ сердцахъ нашихъ, и въ умѣ нашемъ, и осіяваетъ насъ невечерне, непреложно, неизмѣнно, неприкровенно, — глаголетъ, дѣйствуетъ, живетъ и животворитъ, и дѣлаетъ свѣтомъ тѣхъ, которые осіяваются Имъ. Богъ свѣтъ есть, и тѣ, которые сподобляются узрѣть Его, всѣ видятъ Его, какъ свѣтъ, и тѣ, которые пріяли Его, пріяли, какъ свѣтъ. Ибо свѣтъ славы Его предъидеть предъ лицомъ Его, и безъ свѣта Ему невозможно явить Себя. Тѣ, которые не видѣли свѣта Его, не видѣли и Его потому что Богъ свѣтъ есть; и тѣ которые не пріяли свѣта Его, не пріяли еще благодати, потому что приѣмлющіе благодать приѣмлютъ свѣтъ Божій и Бога, какъ сказалъ самъ Свѣтъ Христосъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16).

Но тѣ, которые не сподобились еще пріять, или вкусить сего, — всѣ находятся еще подъ игомъ закона, еще состоятъ подъ сѣнію и образами, еще суть чада рабы-

нины. Пусть это будутъ цари, пусть патріархи, пусть архіереи или іереи, пусть начальники или подначальные, пусть міряне или монахи. Всѣ они еще во тмѣ сидятъ и во тмѣ ходятъ,—и не хотятъ, какъ должно, покаяться. Покаяніе есть дверь, которая выводитъ человѣка изъ тмы и вводитъ въ свѣтъ. Почему, кто не вошелъ еще въ свѣтъ, тотъ очевидно не добрѣ и не какъ слѣдуетъ прошесть чрезъ дверь покаянія. Ибо если бѣ онъ прошесть чрезъ нее добрѣ, то непремѣнно вступилъ бы въ свѣтъ. Кѣто не кается, согрѣшаетъ, что не кается. *Видущему бо добро творити и не творящему грѣхъ ему есть.* Творящій же грѣхъ рабъ есть грѣха и ненавидитъ свѣтъ, чтобъ не обнаружились дѣла его. Но всяко они обличатся. Есть два обличенія: одно здѣсь во спасеніе, а другое — тамъ въ осужденіе. Нынѣ, въ настоящей жизни, входя въ свѣтъ чрезъ покаяніе, самоохотно и самопроизвольно, мы хотя обличаемся и осуждаемся, но, по благи и человѣколюбію Божию, обличаемся и осуждаемся тайно и сокровенно, во глубинѣ дупи нашей, во очищеніе и прощеніе грѣховъ нашихъ. И только одинъ Богъ вмѣстѣ съ нами знаетъ и видитъ сокровенности сердець нашихъ. И кто здѣсь, въ настоящей жизни, бываетъ судимъ такимъ судомъ, тому нечего бояться другаго какого истязанія. Но тогда, во второе пришествіе Господне, на тѣхъ, которые нынѣ не хотятъ вни въ свѣтъ и быть ихъ судимы и осуждаемы, но ненавидятъ его, откроется свѣтъ, сокрытый нынѣ, и сдѣлаетъ явными всѣ ихъ сокровенности. И всѣ мы, нынѣ укрывающіе себя и не хотящіе объявить сокровенности сердець нашихъ чрезъ покаяніе, раскрыты будемъ тогда дѣйствомъ свѣта предъ лицемъ Бога и предъ всѣмъ прочимъ,—что такое есмь мы нынѣ.

И помысли, какой великій стыдъ покроетъ тогда насъ? Какъ тотъ, кто, кроясь въ домѣ за запертыми дверьми

и не будучи никѣмъ видимъ совнѣ, грѣшить безъ всякой опаски и зазрѣнія, блудствуетъ и другія творить срамоты и мерзости, потомъ внезапно будучи открытъ за такими злыми дѣлами, покрывается превеликимъ стыдомъ и срамомъ; или, по другому сравненію, какъ тотъ, кто задумалъ возстаніе противъ царя, пока укрывается въ домѣ, небоязненно строить ковы свои, а потомъ, когда царь, узнавъ о томъ, придетъ со всѣмъ синклитомъ своимъ, окружить домъ воинствомъ и велитъ разнести его до основанія, такъ что наѣтникъ тотъ явится открытымъ предъ всѣми и со всѣми ковами своими,—поражается и страхомъ и стыдомъ, и предается заслуженнымъ казнямъ; такъ тогда подобное случится со всѣми, сущими нынѣ на землѣ, тогда все откроется, и ночь какъ день просвѣтится. Тогда всѣ тѣ, которые не облеклись здѣсь во Христа, т. е. не вошли въ свѣтъ, не пріяли свѣта и не стали сами свѣтомъ, какъ мы сказали, — всѣ такіе окажутся обнаженными, придутъ въ великій страхъ и трепетъ, въ великую отвсюду тѣсноту. И не это только, но и каждое дѣло доброе и худое, каждое слово и каждый помыселъ нашъ, со времени рожденія до смерти, всѣ собравшись, явны будутъ тогда во всякомъ человѣкѣ. И тотъ одинъ стыдъ, какой испытывать тогда будетъ всякій, съ какимъ сравнить можно мученіемъ? Какое другое мученіе можетъ быть большее того стыда и страха, какимъ будутъ поражены тогда находящіеся нынѣ во тмѣ и не просвѣщенные Духомъ Святымъ? Сего ради, восподвизаемся, братія мои, нынѣ, въ востоящей жизни, пройти тѣсными вратами покаянія и узрѣть свѣтъ, иже есть внутри его. Ей, молю васъ, не отступимъ, толкая и ища, пока не услышитъ насъ Господь нашъ и не отверзетъ намъ двери и мы не увидимъ внутри, и не воспримемъ свѣта, чтобъ хранили его въ сердцахъ своихъ неугасимымъ.

3) Не будемъ прельщать самихъ себя, и, послѣдуя волѣ плоти своей, не будемъ удаляться отъ Бога и уклоняться отъ прямого пути благочестія, который должны вѣдать все мы, особенно же іереи, духовники, учителя, игумены, если дорого цѣнимъ и высоко чтимъ волю Божию и собственное свое спасеніе. Если Христосъ, когда послѣ того, какъ Онъ сказалъ Никодиму: *аще кто не родился свыше, не можетъ видѣти царствій Божіихъ*, Никодимъ изумился, говоря: *како можетъ человекъ родитися старъ сый? Еда можетъ второе внити въ утробу матери своея и родитися*,—если, говорю, его укорилъ Христосъ, сказавъ: *ты еси учитель израилевъ и сихъ ли не въси* (Іоан. 3, 3. 4. 10),—при всемъ томъ, что онъ еще былъ невѣрующій и не зналъ, что есть благодать, то какого осужденія достойны мы, которые бываемъ учителями по явленіи благодати, получаемъ такое богатое наученіе, и каждодневно еще учимъ бываемъ Апостолами, Пророками, Отцами церкви и самимъ Господомъ нашимъ,—и не знаемъ таинства благодати? Если мы не знаемъ, какъ надлежитъ проводить настоящую жизнь, какъ должно обогащаться добрыми дѣлами и являть себя рабами правды Божіей, какъ обѣщавшимся безукоризненно работать живому Богу,—ни того не знаемъ, какими надлежитъ намъ прежде сдѣлаться самимъ, чтобы потомъ руководствовать и другихъ: то скажи мнѣ, какъ можемъ мы быть достойны принять на себя попеченіе о Господнемъ стадѣ и охраненіи его? Какъ въ такомъ случаѣ возможно намъ пасти его по волѣ Пастыреначальника Христа и уиѣть изводить его на присноживотныя пажити? Но—о, ослѣпленіе! о, невниманіе къ Богу и божественнымъ вещамъ! Заткнули мы уши свои, какъ аспиды, и стали какъ мертвые, глухіе, слѣпые, безгласные, не понимаемъ, что говорятъ Божественныя Писанія, и не знаемъ, что такое христіанство. Но при всемъ томъ, что не знаемъ таинства воплощен-

наго домостроительства, не знаемъ точно и другихъ христіанскихъ тайнъ, безъ стыда однакожь беремъ учить другихъ о свѣтѣ вѣдѣнія. Вѣдѣніе не есть свѣтъ, но свѣтъ есть вѣдѣніе, ибо въ этомъ Свѣтѣ, и чрезъ Него и изъ Него все бысть. Если мы незнакомы съ зрѣніемъ сего свѣта, то обнаруживаемъ чрезъ то, что мы еще не родились и не выпли на Божій свѣтъ, но находимся еще во чревѣ или лучше сказать, мы — мертворожденные выкидыши. А между тѣмъ безъ стыда восходимъ на священные степени; и, что хуже всего, большая часть изъ насъ, въ крайнемъ безстрашіи Божиємъ, покупаемъ священство за деньги и ищемъ предстоятельства въ Господнемъ стадѣ, не сдѣлавшись еще и агнцами. И все такое дѣлаемъ мы не по чему другому, какъ потому, что намъ такъ хочется.

Таковы ли были, братія, Апостолы? Таковы ли были преемники Апостоловъ? Таковы ли были богоносные отцы наши и учителя? Горе таковымъ по причинѣ ихъ страшной дерзости! Ибо тѣ, которые употребляютъ при семъ деньги и имѣютъ въ виду только деньги, не только предатели суть и святотатцы церковныхъ вещей, но они дерзаютъ торговать даже божественнымъ богатствомъ, т. е. покупать и продавать даже самую благодать Святаго Духа. Почему не стыдятся говорить: наше есть вязать и рѣшитель, — и это пріяли мы на сію жизнь свыше отъ Бога. О безстыдство, чтобъ не сказать, о крайнее безразсудство! Скажи мнѣ, прошу тебя, ты, говорящій такія слова, за какія добродѣтели пріялъ такую благодать свыше? За то ли, что оставилъ все и послѣдовалъ Христу? Что презрѣлъ славу міра сего? Что сталъ нищъ духомъ? Что продалъ все, что имѣлъ, и раздалъ то бѣднымъ? Что погубилъ душу свою, т. е. умертвилъ ее для міра, и не давалъ ей оживать ни для какого пожеланія плоти? Но, говорятъ, вѣдь такова власть іереевъ. Знаю это и я, что

она есть достояніе іереевъ, но не просто всѣхъ іереевъ, а тѣхъ, которые священнодѣйствуютъ евангельски съ духомъ смиренія и живутъ безукоризненною и добродѣтельною жизнію, — тѣхъ, которые прежде предали себя самихъ Господу и духовно представили Ему въ храмѣ тѣла своего чистое сердце, жертву совершенную, святую и благоугодную Господу, — были приняты къ вышнему жертвеннику и были принесены великимъ Архіереемъ Христомъ Богу и Отцу, какъ совершенное приношеніе, предложились и измѣнились силою Духа Святаго и преобразились во Христа, умершаго за насъ и воскресшаго во славу Божества, — тѣхъ, говорю, іереевъ, которые каются, плачутъ день и ночь съ совершеннымъ смиреніемъ и молятъ Бога со слезами не о себѣ только самихъ, но и о братіяхъ, коихъ имѣютъ въ своемъ попеченіи, и о всѣхъ сущихъ въ мірѣ св. церквахъ Божіихъ, и много плачутъ о чужихъ грѣхахъ, — тѣхъ, которые не употребляютъ ничего кромѣ необходимой пищи и ничего не дѣлаютъ въ угожденіе и покой тѣла, но ходятъ, какъ написано, Духомъ и никакой похоти плотской не совершаютъ, — и тѣхъ еще, которые, ради правды и заповѣди Божіей, не предпочитаютъ ни бѣднаго, ни богатаго, ни власть имѣющаго, ни подвластнаго, ни даже самого царя, равно какъ не презираютъ и не преступаютъ заповѣди Божіей, ни подъ предлогомъ милостыни, ни изъ-за даровъ, ни изъ страха или любви, ни изъ-за какой либо другой вещи видимой или невидимой. Такихъ достояніе есть вязать и рѣшить, священнодѣйствовать и учить, а не тѣхъ, которые принимаютъ только отъ людей избраніе и рукоположеніе. *Никтоже, говоритъ Писаніе, самъ себя пріемлетъ честь, но званный отъ Бога* (Евр. 5, 4). Не сказалъ: тотъ, кому люди подаютъ голодъ, и кто отъ людей пріемлетъ хиротонію, но кто на это предопредѣленъ и проручествованъ Богомъ. — Тѣ, которые бываютъ

отъ людей и чрезъ посредство людей, такіе суть татіе и разбойницы, какъ сказалъ Господь: *Азъ есмь дверь. Все, елико ихъ прииде* и приходятъ не чрезъ Меня, а *прелазятъ инудъ, татіе суть и разбойницы* (Іоан. 10, 8. 1).

4) Не прельщайтесь же, братія мои: кто во тмѣ, тотъ за дверью; кто, кажется, вошелъ, но не чрезъ свѣтъ вошелъ, внѣ есть внутренняго двора и этотъ. Ибо если Христосъ есть дверь и свѣтъ міра, то всячески дверь свѣтовидна, а не просто только дверь есть. И тотъ, кто вошелъ въ нее, вступилъ въ свѣтъ міра. Свѣтъ же міра есть Христосъ, — не чувственно видимый, но мысленно созерцаемый. Чувственное сіе солнце просвѣщаетъ тѣлесныя очи не только людей, но и безсловесныхъ животныхъ. А Христосъ, умное солнце, явившееся въ міръ, просвѣщаетъ только разумныя души но и ихъ не всѣхъ безъ разбора и не по достоинству. Онъ не есть тварь, или рабъ, опредѣленный на служеніе другимъ, какъ это чувственное солнце, сіяющее на праведныхъ и неправедныхъ, на злыхъ и благихъ. Христосъ хотя называется свѣтомъ и солнцемъ, но есть выше свѣта и солнца, какъ Творецъ и Владыка свѣта и солнца. Онъ есть жизнь и животворецъ, есть истина, правда и освященіе, простъ, несложенъ, благо, — есть всякое благо и превыше всякаго блага. Какъ истина, коею Онъ есть и именуется, бываетъ Онъ истиною для кающихся и обращающихся къ Нему истинно; какъ правда, бываетъ Онъ праведностію для возненавидѣвшихъ всякое зло и неправду; какъ освященіе, освящаетъ Онъ омывшихъ и очистившихъ себя слезами; какъ простой, простымъ обрѣтается Онъ въ тѣхъ, кои не кроютъ въ себѣ никакого лукавства, или злобы; какъ несложный, несложнымъ является Онъ въ тѣхъ, которые не имѣютъ никакого злоупотребленія, или двоеумія или двосдушія, или безвѣрія душевнаго; какъ благій, бла-

гимъ открывається Онъ въ тѣхъ, которые духовныхъ дѣлъ покаянія не стѣсняють дѣлами тѣлесными, или мірскими заботами и хлопотами, и не мѣшаютъ мірскаго съ духовнымъ, но приступаютъ къ Нему въ незлобіи, обнаженными и простыми въ настроеніи сердца и произволеніи души, коихъ простоту и непытливость пріемлетъ Богъ и въ короткое время наполняетъ ихъ всякимъ добромъ, и какъ только откроется и явится въ нихъ, тотчасъ дѣлаетъ ихъ причастниками такихъ благъ, которыя превосходятъ всякой умъ и всякое помышленіе.

Кто же можетъ узнать таковыхъ, если и есть они во времена сіи? Ихъ узнаетъ тотъ, кто просвѣщенъ свыше благодатию Святаго Духа. Но кто говоритъ: я не знаю таковыхъ, а принимаю свидѣтельство другихъ, и на основаніи ихъ рукополагаю; таковой да вѣдаетъ, что если при такомъ порядкѣ впуститъ онъ волка въ стадо Христово, то, хотя это будетъ учинено неосознательно, во все-же онъ виновенъ во вредѣ, причиненномъ стаду Христову. Скажетъ иной: кто жъ его знаетъ, что онъ волкъ? И я, вѣдь, человѣкъ и не могу знать, что кроется въ сердцѣ каждаго. Но если кто не слѣпъ самъ, то нѣтъ ему возможности не узнать такого человѣка. Ибо кто, имѣя глаза, не различитъ овцы отъ волка, и татя отъ пастыря? Если же кто въ самомъ дѣлѣ слѣпъ для этого, то пусть поищетъ руководителя, а лучше пусть совѣмъ отстанетъ отъ такого дѣла, чтобъ ни самому не быть руководителемъ другихъ, ни другаго не поставлять руководителемъ ихъ, хотя бы цѣлый міръ свидѣтельствовалъ, что онъ достоинъ. Кто смотритъ и слушаетъ духовно, тотъ, увидавъ человѣка и погорѣвъ съ нимъ нѣсколько разъ, усматриваетъ самую душу его, т.-е. познаетъ, какова она и въ какомъ состояніи находится; даже по виду лица его узнаетъ, сподобился ли онъ пріять Духа Святаго. Если же онъ, хотя пріялъ благодать, но не

совершенъ еще въ благодати и не сдѣлался боговиднымъ, то тотъ, духовный, смотрящій на него и бесѣдующій съ нимъ, узнаетъ это по словамъ его; какъ сказалъ и Владыка нашъ Христосъ: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѡ. 7, 16). Какъ древо познается по плоду его такъ и человѣкъ, что онъ за человѣкъ, познается изъ словъ его.

Познается впрочемъ это отъ тѣхъ, у которыхъ самихъ здравы умъ и чувства душевныя. Ибо не таковыя не имѣютъ чувствъ и разсужденія для различенія даже дѣлъ человѣческихъ. Почему, видя постыжагося по тщеславію, хвалятъ его, а того, кто принимаетъ цинцу, какъ обычно, по со смиреніемъ, осуждаютъ; того опять, который воздерживается со смиреніемъ, почитаютъ лицемѣромъ, а того, который ѣстъ по чрепоугодію, почитаютъ простымъ и недугавымъ, любя и сами часто съ нимъ ѣсть, чтобы поблажать страстямъ своимъ. Также о тѣхъ, которые притворяются дурачками, говорятъ безвременно смѣшныя слова, принимаютъ нелѣпыя положенія и подвигаютъ другихъ на смѣхъ, думаютъ, что они такими видами шутивыми и словами несумѣстными скрываютъ свою добродѣтель и безстрастіе, и почитаютъ какъ безстрастныхъ и святыхъ; а тѣхъ, которые ведутъ себя благоговѣнно и добродѣтельно въ простотѣ сердца, пропускаютъ безъ вниманія, почитая ихъ за людей заурядныхъ. Есть и такіе, которые человѣка говорливаго и показливаго почитаютъ учительнымъ и духовнымъ, а отъ человѣка молчаливаго, блюдущагося отъ празднословія, отвращаются, какъ отъ высокоумнаго и горделиваго, и болѣе соблазняются его малословіемъ, чѣмъ назидаются, тогда какъ того, кто изворотливъ на словахъ отъ начитанности или многаго ученія, хотя онъ говоритъ иное лживо во вредъ спасенію ихъ, хвалятъ и любятъ много. И нѣтъ между такими никого, кто бы могъ добръ видѣть и различать вещи, какъ они есть воистину.

Ибо кто слѣпъ на одно, тотъ слѣпъ и на все, равно какъ кто глухъ на одно, глухъ и на все. Не бываетъ такъ, чтобы слѣпой одно видѣлъ, а другаго не видѣлъ, или чтобы глухой голосъ одного слышалъ, а другаго не слышалъ. Но какъ у слѣпаго, такъ и у глухаго обыкновенно зрѣніе и слухъ бываютъ вполне повреждены. Тоже бываетъ и въ отношеніи къ духовной жизни, что человекъ, не имѣющій чувства въ отношеніи къ одному, не имѣетъ его и въ отношеніи ко всему того же рода; и наоборотъ кто имѣетъ чувство къ одному, т.-е. къ Богу, тотъ имѣетъ чувство и ко всему божескому, и чувствуетъ, кто каковъ есть въ семъ отношеніи. Будучи въ Богѣ, онъ въ Немъ видитъ и все.—видитъ себя самого, другихъ и все прочее. У кого открылись духовныя чувства, такъ что онъ умѣетъ и видѣть и слышать и чувствовать духовно, тотъ разумѣетъ, о чемъ здѣсь говорится; а кто не разумѣетъ, у того, явно, не здравы, а повреждены чувства душевныя. Находясь въ такомъ состояніи, онъ и не разумѣетъ, но приложился скотомъ несмысленнымъ и уподобился имъ. Уподобившійся же безсловеснымъ животнымъ, если не обратится, не покается и не придетъ опять въ прежнее достоинство,—по благодати, стяжанной намъ Владыкою и Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ чрезъ воплощенное Его домостроительство,—такимъ и пребудетъ. Ибо престать ему быть таковымъ иначе нельзя, какъ облекшись въ образъ Христа Господа. Кто есть яко скоть несмысленный, тотъ еще не облекся во образъ Господа нашего Иисуса Христа, небснаго человека и Бога; и поелику не облекся еще въ Него, съ чувствомъ и вѣдѣніемъ духовнымъ, то онъ есть еще кровь и плоть и не можетъ пріять чувства духовной славы посредствомъ слова, какъ и тѣ, которые слѣпы отъ рожденія, не могутъ мысленно представить свѣта солнечнаго по однимъ словамъ о немъ.

Посему будемъ умолять Бога, да откроетъ Онъ очи души нашей, чтобъ увидѣть намъ умный оный свѣтъ въ себѣ самихъ, и тако прославлять Отца и Сына и Св. Духа, но вѣки. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМДЕСЯТОЕ.

1) О томъ, какое вѣдѣніе есть истинное вѣдѣніе, и о томъ, что вѣдѣніе Бога въ добродѣтельныхъ не отъ ученія происходитъ, но отъ чистоты души и отъ божественной благодати.

2) Что осужденіе есть худое дѣло.

3) Обличеніе тѣхъ, которые думаютъ, что знаютъ тайны Духа, не имѣя благодати Духа.

4) О святости Духа.

5) Какъ блага вѣра, какой плодъ ея ижекакъ онъ множителенъ.

6) Которые имѣютъ сокровище Духа въ себѣ, узнаютъ, когда оно есть и въ другихъ, и знаютъ, какіе отличительные признаки святыхъ.

7) Кто не родился свыше, тотъ не можетъ видѣть Бога и узнать того, кто достигъ сего благодатию Духа Святаго.

1) Нынѣ такое время, въ которое прилично сказать съ Пророкомъ Давидомъ: *Господь съ небесе приниче на сыны человеческія, видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскай Бога. Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единого* (Пс. 13. 2—3). *Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совѣтникъ вѣка сего? Не обучи ли Богъ премудрость вѣка сего* (1 Кор. 1, 20), чтобы никто не могъ посредствомъ ея познавать истинную премудрость, Бога единого истинно сущаго?— Ибо если бѣ, братія, могло намъ подаваться познаніе истинной премудрости и Боговѣдѣнія посредствомъ письмени, обученія и внѣшней премудрости, то для чего бы требовалась вѣра? или божественное крещеніе? или причастіе св. таинъ? Конечно, не требовались бы. Но *потомъ же не разумѣ миръ премудростію Бога, благоизволивъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (1 Кор. 1, 21). И это говоритъ божественный Павелъ. Я же справед-

ливо могу плакать и рыдать о сокрушеніи собственныхъ моихъ членовъ, т.-е. плотскихъ и духовныхъ братій моихъ,—о томъ, что мы, облекшіеся во Христа въ божественномъ крещеніи, ни во что вѣняя тайны Христовы, думаемъ, что можемъ получить познаніе истины Божіей посредствомъ внѣшней премудрости и посредствомъ одного чтенія премудрыхъ Писаній святыхъ мужей, въ которомъ упражняемся и, довольствуясь этими одними средствами, почитаемъ себя постигшими православіе и имѣющими точное и твердое познаніе Пресвятыя Троицы, — и не только объ этомъ, но что и болѣе почтенные предъ другими люди неразумно полагаютъ, будто тѣ мысли, какія они слагаютъ въ умѣ своемъ, суть созерцанія такого же достоинства, какъ и тѣ, которыя подаются достойнымъ только чрезъ озареніе Духа Святаго. Увы! какое безуміе и какое ослѣпленіе! Другіе, опять безъ чистоты сердечной углубляясь умомъ своимъ въ тайны Бога и богословствуя, когда услышатъ о Богѣ, что какъ въ трехъ солнцахъ единое есть сіяніе свѣта, такъ и въ Пресвятой Троицѣ—едино сіяніе единого Божества, тотчасъ воображаютъ въ умѣ своемъ три солнца соединенныя по свѣту, т.-е. по существу, и раздѣленные по вѣпостасіямъ, и полагаютъ несмысленно, что они видятъ такъ самое Божество, и что святая, единосущная и нераздѣльная Троица полно выражается симъ уподобленіемъ.

Но не такъ есть, братія, не такъ. Никто не можетъ добръ и полно постигнуть умомъ и выразить словомъ догматъ о Пресвятой Троицѣ, сколько ни читай онъ Божественныя Писанія. Истинно вѣрующій и не берется за это; но пріемля съ вѣрою написанное, въ томъ одномъ пребываетъ, ничего болѣе не пытая, и кромѣ написаннаго и того, чему наученъ, совершенно ничего другаго не можетъ онъ сказать пытливымъ и самонадѣнно держащимъ изслѣдовать божественное. Что такое слово

мое истинно, послушай, что говоритъ Христосъ Господь: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и емуже еще волитъ Сынъ открыти* (Мѡ. 11, 27). Этими словами и другими подобными заграждаются безстыжія и бездверныя уста тѣхъ, которые говорятъ и думаютъ, что знаютъ сущую истину, самого, говорю, Бога, изъ внѣшней мудрости и изъ писменъ изучаемыхъ, и что сими средствами они стяжаютъ познаніе сокровенныхъ тайнъ Божіихъ, которыя открываются только Духомъ. Ибо если *никтоже знаетъ Сына токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ, и емуже еще волитъ Сынъ открыти* глубины сіи и сія тайны (ибо, говорить, тайны мои мнѣ и моимъ); то кто изъ мудрыхъ, или риторовъ, или ученыхъ (кромя тѣхъ, которые при семъ очистили умъ свой высшею философіею и подвижничествомъ, и имѣютъ душевныя чувства свои истинно обученными) можетъ безъ откровенія свыше отъ Господа одною человѣческою мудростію познать сокровенныя тайны Божіи? Онѣ открываются посредствомъ умнаго созерцанія, дѣйствуемаго Божественнымъ Духомъ, въ тѣхъ, коимъ дано и всегда дается познавать ихъ божественною благодатію. Званіе сихъ тайнъ есть достояніе тѣхъ людей, которыхъ умъ каждодневно просвѣщается Духомъ Святымъ ради чистоты душъ ихъ,—тѣхъ, коихъ умныя очи добръ открыты дѣйствіемъ лучей Солнца правды,—тѣхъ, коимъ дано Духомъ Святымъ слово разума и слово премудрости,—тѣхъ, кои сохраняютъ совѣсть и страхъ Божій, посредствомъ любви, мира, благодати, милосердія, воздержанія и вѣры. Вотъ чье достояніе есть вѣдѣніе божественнаго!

Тѣмъ, кои таковы, говоритъ Христосъ, какъ сказали и Апостоламъ: *вамъ дано есть видати тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ* (Лк. 8, 15). Они, движимы будучи Божественнымъ Духомъ знаютъ равночестіе и

единеніе, которое имѣетъ Сынъ со Отцемъ, такъ какъ видятъ во Отцѣ Сына и въ Сынѣ Отца чрезъ Духа, какъ написано въ Евангеліи: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Ін. 14, 10),—при чемъ подразумѣвается, что и Духъ Святой равно есть во Отцѣ. Ибо такъ какъ Духъ Святой исходитъ отъ Отца, Отецъ же весь есть во всемъ Сынѣ, то и Духъ Святой есть во Отцѣ и Сынѣ. Отецъ и Сынъ и Духъ Святой есть единъ Богъ, покланяемый отъ всякаго дыханія.—Какъ же можно тебѣ говорить, что едино три солнца? Ибо если ты ихъ соединишь и скажешь, что три одно, то три объединятся, и будутъ въ одно солнце. Если же не соединишь ихъ, а скажешь, что ихъ три, то потеряешь единство трехъ. Отца безъ Сына и Духа невозможно тебѣ найти никоимъ образомъ, ни Сына безъ Отца и Духа, ни Духа безъ Отца и Сына. Почему вѣруй, что въ Духѣ Отецъ и Сынъ, въ Сынѣ Отецъ и Духъ, во Отцѣ Сынъ, соприсносущно всегда сущій и пребывающій и имѣющій сіяющимъ вмѣстѣ съ Собою Духа Святаго. Эти три лица не суть три Бога, но единъ Богъ, въ трехъ ипостасяхъ воспѣваемый безчисленными Ангелами, сый и присносый и такожде сый, въ единомъ сосущій, и царствіи, и Божествѣ. Ибо хотя въ каждомъ изъ трехъ лицъ помыслиются срашенные имъ личныя особы (нерожденность, рожденность и исходность), однакоже три лица единъ Богъ, и едино, т.-е. единъ Богъ—три: чему невозможно быть въ трехъ солнцахъ.

2) Хотѣлъ бы я представить какой нибудь примѣръ, чтобъ нѣсколько прояснить мысль сказаннаго тѣмъ, кои съ самоувѣренностію хвалятся, что знаютъ божественное, посредствомъ одного лжеименнаго разума, и безъ благодати Святаго Духа, испытующаго глубины и тайны Бога; но боюсь Бога, Который повелѣлъ не давать Святаго безстыднымъ и дерзкимъ, и не бросать бисера предъ

тѣми, которые божественное ставятъ наравнѣ съ заурядными и нечестивыми вещами, и нѣкоторымъ образомъ попираютъ и безчестятъ его своими низкими и земными помышленіями о немъ, и своими пытливыми душами,—каковыхъ умъ ослѣпилъ Богъ, какъ говорить Пророкъ: „и охрачи сердце ихъ, да видяще не видятъ и слышаще не разумѣютъ“ (Ис. 6, 9. 10).—И праведно. Такъ какъ они сдѣлали себя недостойными (Божія водительства), своею гордостію и своими злыми дѣлами, то и оставлены Богомъ ходить во тмѣ невѣрія и собственной худости своей, какъ говорить Онъ чрезъ Пророка Давида: *и отпустихъ я по начинаніемъ сердецъ ихъ, пойдутъ въ начинаніихъ своихъ* (Пс. 80, 13). Имѣя предъ собою столь много примѣровъ исполненія заповѣдей Божіихъ (которыя совершивъ дѣлами, св. отцы предложили намъ вѣрнымъ въ подражаніе ихъ добродѣтели), они не хотѣли подумать о нихъ, и подражать св. отцамъ, но дѣлаютъ все противное имъ и осуждаютъ ихъ и жизнь ихъ, кою подвижались они по Богу, говоря, что жизнь ихъ не по Богу. Таковыя, говорю, не только недостойны божественнаго вѣдѣнія, какъ сыны противленія и погибели, но повинны всякому осужденію и наказанію. Потому что, забывъ себя искушать, еще суть въ вѣрѣ, пытаются стороннее и изслѣдуютъ необдуманно то, что выше силъ ихъ, не боясь Бога, Который повелѣваетъ: *не судите, да не судими будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѡ. 7, 1),—и не уважая наставленій ученика Христова Павла, который говоритъ: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ* (Рим. 14, 3). Какъ же можно признать таковыхъ вѣрными и христіанами, когда они преслушаютъ и оставляютъ словеса Христа Господа и св. Его Апостоловъ, не соблюдаютъ законоположеній, которыя постановилъ Онъ и ученики Его, и не идутъ по стопамъ учителя наше

го Христа и не послѣдуютъ Ему? Какъ возможно увидѣть свѣтъ заповѣдей тѣмъ, которые явно преступаютъ сіи божественныя заповѣди? Нѣтъ, это невозможно.

Да не прельщаетъ васъ, братія, никто суетнымъ ученіемъ, говоритъ Апостоль (Кол 3, 8, 18). Братіями васъ называетъ божественный Апостоль по причинѣ возрожденія и духовнаго родства, которое имѣемъ мы съ нимъ въ силу божественнаго крещенія. Но по дѣламъ нашимъ, какъ вижу, мы далеко отчуждились отъ братства святымъ. И это я хочу представить самыми примѣрами, или, лучше сказать, самыя дѣла наши и слова обличаютъ насъ въ этомъ. Съ сею цѣлію, обращая вопросы мои какъбы къ одному лицу, говорю: отвергся ли ты міра и всего мірскаго, брате? Сдѣлался ли нестяжательнымъ, послушнымъ, чуждымъ своей воли? Стяжалъ ли кротость и смиреніе? Преуспѣлъ ли въ постѣ, молитвѣ и бдѣніи? Достигъ ли совершенной любви къ Богу, и ближняго имѣешь ли какъ самого себя? Молишься ли со слезами и отъ всей души о тѣхъ, которые тебя ненавидятъ, неправдиваютъ и вражески относятся къ тебѣ, да будутъ прощены имъ такія согрѣшенія ихъ?—Взошелъ ли ты на такую высоту добродѣтелей, или еще нѣтъ? скажи мнѣ. Если стыдишься сказать: нѣтъ, и опять по смиренномудрію не хочешь сказать: да; то я напояну еще тебѣ, брате, о подобающемъ и покажу, какими дѣлами и исправностями восходить на такую высоту добродѣтелей всякій истинный подвижникъ, подвижающійся съ истиннымъ знаніемъ дѣла и съ сильною ревностію о святости. Итакъ говорю: если изъ всего сказаннаго ты достигъ того, что возлюбилъ враговъ своихъ и многократно плакалъ о нихъ отъ сердца, молясь Богу объ обращеніи ихъ и покаяніи; то явно, что ты преуспѣлъ прежде и во всемъ прочемъ,—то есть, подвигами, тобою подъятыми, сдѣлался безстрастнымъ, стяжалъ сердце, чистое

отъ страстей, и въ немъ и имъ узрѣлъ Бога безстрастнаго. Ибо инымъ путемъ нельзя дойти до того, чтобы молиться за враговъ своихъ съ расположеніемъ къ нимъ сердца и любовію, какъ очистившись напередъ отъ всякой скверны плоти и духа, чрезъ соединеніе съ Богомъ содѣйствіемъ всеблагаго Духа.

Итакъ, если благодатію Спасителя Бога достигъ ты, брате, до сего, вмѣстѣ съ благодію и смиреніемъ, то для чего не вѣришь, что и сподвижники твои достигли того же, или, вѣря, завидуешь имъ, осуждаешь ихъ и оклеветываешь, чтобы развѣять доброе о нихъ мнѣніе? Не знаешь развѣ, что дѣлатели, вступившіе въ виноградникъ на работу съ перваго часа дня, за то, что позавидовали пришедшимъ въ одиннадцатый часъ и получившимъ одинаковую съ ними награду, ввержены въ огонь кромѣшній? Какъ же ты, дѣлая и говоря тоже или и хуже того противъ святыхъ, коихъ добродѣтельная жизнь и вѣдѣніе сіяютъ, какъ солнце, думаешь, что не будешь осужденъ на такое же, или еще худшее наказаніе и мученіе? Или не знаешь, что святые никогда не завидуютъ святымъ? Ибо гдѣ зависть, тамъ жегеть и отецъ зависти, діаволь, а не Богъ любви. Почеку, если имѣешь въ себѣ зависть, то какъ думаешь, что ты святъ, — ты, котораго не признаетъ даже вѣрныхъ или христіаниномъ любовь Бога и брата твоего? А что такъ есть воистину, что тотъ, кто имѣетъ зависть, имѣетъ діавола и не можетъ быть Христовымъ, потому что не имѣетъ любви къ брату, это явно для всякаго, слушающаго Божественныя Писанія.

3) Если же ты не удостоился еще пріять такіе дары и не достигъ въ такую мѣру боготворныхъ добродѣтелей, то какъ дерзаешь отверзать уста свои и говорить? Какъ берешься учить, самъ имѣя нужду въ оглашеніи и наученіи отъ другихъ? Какъ покушаешься совопросни-

чать о томъ, чего не знаешь и о чемъ не слыхалъ? И какъ дерзаешь вступать въ бесѣду о такихъ высокихъ предметахъ, будто человекъ, знающій божественное? Или не знаешь, что тебѣ слѣдуетъ стоять за дверьми церкви, какъ оглашенному, а ты по дерзости своей стоишь вмѣстѣ съ другими вѣрными, чистыми, молящимися внутри церкви, преступая Апостольскія правила? Ибо оглашеннымъ слѣдуетъ называть не только невѣрпаго, но и всякаго, кто не зрѣтъ славы Господа откровеннымъ лицомъ ума своего. Я впрочемъ плачу о твоёмъ невѣжествѣ, что ты совсѣмъ не вѣришь, чтобъ нынѣ былъ кто нибудь такой святой, какъ древніе; между тѣмъ, сопричисляя себя къ массѣ людей, какъ заурядный къ зауряднымъ, въ тоже время, какъбы нѣкій святой и богоносный мужъ, говорящій Духомъ Святымъ, берешься изъяснять то, къ чему понужденъ словами моими, хотя сознался, что совсѣмъ не знаешь того. Теперь спрошу тебя,—то, о чемъ сказалъ ты, что не видѣлъ того, не слыхалъ и не удостоился пріять въ душу свою,—это, говорю, какъ не стыдишься ты изъяснять и истолковывать, какъбы познавшій то отъ Духа Святаго?

4) Ибо если ты не сдѣлался безстрастнымъ, если не удостоился пріять Духа Святаго, если ты еще не святой, то какъ говоришь, что знаешь тайны Духа, какъбы былъ святой,—тайны, о коихъ написано, что око не видало, ухо не слыхало и на сердце человека перстнаго не всходило, что за блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его? Ибо они открываются Богомъ благодатию Святаго Духа тѣмъ, кои сдѣлались причастны святости Духа, да вѣдаютъ, какіе божественные дары подаются достойнымъ. какъ говоритъ божественный Павелъ: *мы не духа мира сего пріяхомъ, но духа, иже отъ Бога, да омы яже отъ Бога дарованная намъ. Духъ бо ося испытуетъ, и глубины Божіи* (1 Кор. 2. 12. 10).

Через Него открылся и познался намъ, грѣшникамъ сущимъ и смиреннымъ, Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя и Бога великаго, въ самомъ Христѣ Богъ,—Богъ, *егоже никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16). Богъ, *рекшій изъ тмы свѣту возсіяти*, Онъ же самый *возсіа и въ сердцахъ нашихъ* (2 Кор. 4, 6). То есть, совершенно неописанный и необъемлемый пріемлется какъ сокровище въ скудельные сосуды тѣлъ нашихъ; и не имѣющій образа и вида образуется въ насъ, исполняя все неописанно, яко сый превыше всякаго величія и всякой полноты. То, что Богъ образуется въ насъ, что другое есть, какъ не то, что Онъ перетворяетъ, возсоздаетъ и преображаетъ насъ по образу Божества своего?

5) Таковъ былъ и Симеонъ благоговѣйный, подвизавшійся въ Студійской обители, какъ мы знаемъ и какъ удостовѣрились въ этомъ опытно. Ибо мы на проявленіяхъ Духа, бывшаго въ немъ, основали вѣру свою въ него, хранимую неизмѣнно и доселѣ или лучше сказать, возжгли отъ свѣта его, какъ нѣкую лампаду, свѣтильникъ души нашей, который и блюдемъ неугасимымъ, сами хранимы будучи его молитвами и ходатайствами о насъ, которыми напаяема будучи, душа наша умножаетъ вѣру въ него и еще (дерзая о Господѣ говорю) будетъ умножать, Богу содѣйствующу, да приносить стократный плодъ отъ сего божественнаго свѣта. Плодъ вѣры есть святой и невечерній свѣтъ; свѣтъ же святой въ свою очередь прилагаетъ и умножаетъ вѣру. Насколько сильнѣе возсіиваетъ свѣтъ, настолько возрастаетъ вѣра и восходитъ на высоту. И опять насколько возрастаетъ вѣра, настолько множится явно плодъ Духа; плодъ же Духа есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Имѣющій такіе

плоды знаетъ ихъ добрѣ. Ибо какъ тотъ, кто имѣетъ маргариты и камни драгоценные, сапфиры, говорю, аметисты и другіе подобные, знаетъ (если приобрѣлъ опытность въ томъ) видъ и величину каждаго, такъ и тотъ, кто насадилъ въ себѣ добродѣтели и возрастилъ плоды Духа, знаетъ и видъ и силу каждаго изъ нихъ, и наслаждается сладостію всѣхъ ихъ.

6) И, что всего дивнѣе, вѣрно узнаетъ, когда тотъ плодъ, который въ немъ есть, есть и въ другихъ. Ибо какъ народы распознаются по одеждамъ ихъ, особенно же по голосу и языку, такъ и святые познаются по тому, какъ благочестиво и благообразно они себя держатъ, и по другимъ виѣшнимъ признакамъ; но особенный и рѣшительно вѣрный признакъ ихъ есть слово, исходящее изъ устъ ихъ. Ибо чего нѣтъ въ сердцѣ, того не могутъ изнести уста; если же и берется кто изнести то, тотчасъ обличается собственными своими словами, что говорить недобрѣ. *Благій человекъ, говоритъ Господь, отъ благаго сокровища сердца своего износитъ блага; и лукавый человекъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая* (Мѣ. 12. 35). И смотри, какія глубины Духа!—Не сказалъ Господь только, что отъ благаго сердца износить, но сказалъ: *отъ благаго сокровища сердца*, чтобъ ты позналъ изъ сего, что никто изъ насъ не можетъ имѣть сердца пустымъ, но что всякій имѣетъ въ сердцѣ своемъ одно изъ двухъ: или благодать Духа Святаго посредствомъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, или лукаваго діавола за невѣріе, нерадѣніе о заповѣдяхъ Божіихъ и дѣланіе злыхъ дѣлъ. Чтобъ ты не подумалъ, будто Господь говоритъ, что имѣютъ сокровище Святаго Духа и тѣ, которые исполняютъ нѣкоторыя только заповѣди Божіи, а не всѣ со всею точностію, Онъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ: *имѣй заповѣди Моя* (разумѣется, всѣ) *и соблюдай ихъ, той есть*

любай Мя: а любай Мя, возлюбленъ будетъ Отецъ Мой: и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ,—и прибавить: аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему придетъ, и обитель у него сотворитъ (Ин. 14, 21. 23).

Видишь, какъ тотъ, кто стяжалъ благое сердце трудами и дѣланіемъ заповѣдей, имѣетъ въ себѣ все Божество, которое есть благое сокровище? А что сокровище сіе не обитаетъ въ томъ, кто преступаетъ или нерадитъ хоть объ одной какой заповѣди, даже малѣйшей, и не исполняетъ ея, — слушай, что еще говорить Онъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако чловѣки, мній наречется въ царствѣи небесныхъ* (Мѣ. 5, 19). Меньшими или малѣйшими называть Господь заповѣди не потому, чтобъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были таковы, но потому, что мы почитаемъ ихъ такими. Попритомъ, напимѣръ, или пожелать елика сущъ брата нашего, или посмотрѣть страстно, или презрѣть и осудить кого,—все это и подобное сему почитаемъ мы за ничто, имѣемъ малѣйшимъ и послѣднѣйшимъ, почему нерадимъ, и относимся къ тому безразлично, не остерегаемся того и никакого о томъ понятія не имѣемъ; потому что забыли, какой строгій судъ произноситъ Господь о такихъ дѣлахъ, говоря: *всяко слово пражное, еже аще рекуть чловѣцы, воздадѣтъ о немъ слово въ день судный* (Мѣ. 12, 36); еще: *не пожелаи, елика сущъ ближняго твоего* (Втор. 5, 21); еще: *иже воззритъ... ко еже возжелати... уже любодѣйствова* (Мѣ. 5, 28); и еще: *иже речетъ брату своему: рака, повиненъ естъ сонмищу; а иже речетъ: уроде, повиненъ естъ гееннѣ огненной* (Мѣ. 5, 22).—И Апостоль, желая показать, что діаволь дѣйствуетъ въ тѣхъ, кои дѣлають такіа дѣла, говорить: *жало смерти грѣхъ* (1 Кор. 15, 56) Ибо если грѣхъ есть не что иное какъ преступленіе запо-

вѣди Божіей, а — не пожелай, не лги, не празднословь и не осуждай брата своего, есть заповѣдь Божія, то явно, что всякій, творящій такіа дѣла, уязвляется жаломъ смерти, т.-е. грѣхомъ; сквозь же эту язвину и ужаленіе грѣха, тотчасъ, какъ червь, входитъ діаволь и живетъ тамъ внутри. Видишь ли, какъ тѣ, которые не сдѣлали сердецъ своихъ чистыми посредствомъ слезъ и покаянія, имѣють живущимъ внутри себя діавола, который есть злое сокровище?

Такъ — то благой человѣкъ изъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое, а злой — злое. Но истинное покаяніе съ исповѣдію и слезами, какъ нѣкими пластырями и лѣкарствами, оmyваетъ и очищаетъ рану сердца, и самую язвину, какую до сердца открыло жало мысленной смерти, — потомъ извлекаетъ вонъ червя, который сдѣлалъ себѣ внутри нору и жилъ тамъ, и убиваетъ его, — наконецъ залѣчиваетъ рану и мѣсто ея дѣлаетъ совершенно здоровымъ, такъ что даже и слѣда ея не остается. Это, сказанное мною, знаютъ, какъ происходитъ въ нихъ, только тѣ, которые имѣють сердце, ищущее здравія притрудно, со слезами и покаяніемъ. А прочіе чувствуютъ даже удовольствіе отъ такихъ язвъ и нарочно ихъ растрavляютъ, стараясь прибавлять къ нимъ и другія раны. Они то только и считаютъ здоровьемъ, когда удовлетворяють всякую страсть и всякую похоть свою, — даже величаются, когда дѣлають какой грѣхъ срамный, срамоту такую вмѣняя себя въ славу. Почему же они такъ превратно дѣйствуютъ? Потому что не знаютъ духовнаго утѣшенія и радости, какія приносятъ совершенное очищеніе сердца, — или, лучше сказать, потому что совершенно не вѣрятъ сему и держатъ убѣжденіе, что невозможно человѣку совершенно очиститься отъ страстей и пріять въ себя полное дѣйство Духа Святаго. Вслѣдствіе сего они и говорятъ и дѣлають

всегда то, что противно спасенію ихъ, а чрезъ это и сами себя затворяютъ двери въ царство небесное, и другимъ желающимъ препятствуютъ войти въ него. Если случится имъ услышать гдѣ о комъ либо, что онъ, подвизаясь, какъ слѣдуетъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ, сталъ смиренъ въ сердцѣ и въ мудрованіи своемъ, очистился отъ страстей и всѣмъ проповѣдуетъ дивныя милости Божія, какія явилъ надъ нимъ Богъ, по неложнымъ обѣтованіямъ Своимъ, — или его самого услышать говорящимъ на пользу слушающихъ, какъ удостоился онъ увидѣть свѣтъ Божій и самого Бога во свѣтѣ славы, и какъ разумно позналъ въ себѣ присутствіе и дѣйствіе Духа Святаго и сталъ одѣянъ благодатію Духа Святаго, — если, говорю, услышать они сіе, тотчасъ, какъ псы разъяренные, начинаютъ лаять противъ него, покушались, если возможно, и совсѣмъ пожрать его, говоря ему: перестань, прельщенне и горделиве! Кто въ теперешнее время можетъ сдѣлаться такимъ, каковы были древніе отцы? Или кто можетъ видѣть Бога, хотя мало нѣкако? Кто можетъ получить благодать Св. Духа въ такомъ обиліи, чтобъ ради ея сподобился увидѣть Отца и Сына? — Перестань, чтобъ не быть тебѣ побиту камнями.

Таковымъ, мнѣ кажется, я долженъ достойно отвѣтить, какъ того требуетъ невѣжество ихъ, слѣдуя наставленію Соломона: *Не отвѣчай безумному по (прос) безумію его, да не подобенъ ему будешь: но отвѣщай безумному по (хата) безумію его, да не явится мудръ у себе* (Притч. 26, 4. 5). О братія! Изъ васъ дѣйствительно никто, какъ говорите, не видѣлъ Бога; но изъ тѣхъ, которые самоохотно взяли на себя крестъ Господень и потекли тѣснымъ путемъ, готовы будучи и душу свою погубить за животъ вѣчный, изъ этихъ многіе видѣли Бога. и прежде и теперь, какъ думаю, многіе видятъ

Его, и великій можетъ увидѣть Его, если возжелаетъ сего и устремится къ сему какъ должно; только вы, по развращенію сердца вашего и по зависти, не можете видѣть такихъ людей. Слушай, что говорятъ Евангелистъ Іоаннъ: *слицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескιά, но отъ Бога родилися* (Іоан. 1, 12. 13).

7. Итакъ, если ты не родился отъ Бога, то явно, что ты и не чадо Его. Ты не пріялъ еще Его и не имѣешь внутри себя. Почему Онъ не далъ тебѣ области, и ты не можешь быть чадомъ Божиимъ. Если же ты не сдѣлался еще чадомъ Божиимъ, то какъ возможно тебѣ видѣть небеснаго Бога, яко отца своего? Никто никогда не видѣлъ отца своего прежде, чѣмъ родился отъ него; и никто изъ людей не увидитъ Бога, если прежде не родится отъ Него. Посему-то Господь и говорилъ: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (Іоан. 3, 3). И еще: *рожденное отъ плоти плоть есть: и рожденное отъ Духа духъ есть* (— —6). Но ты, поелику родился только отъ плоти и не позналъ еще духовнаго рожденія, которое бываетъ отъ Святаго Духа, то не родился отъ Него, не сдѣлался и самъ духомъ. Итакъ, какъ же можешь ты испытывать глубины Божіи, или, лучше сказать, видѣть Бога? Всконечно не можешь. Ты самъ, и не хотя, признаешь это истиннымъ. Ибо видишь, что говорятъ Господь?—Но ты таковъ ли? И почему узнать намъ, что ты таковъ?—Я не могу сказать, что я таковъ, безъ благодати Божіей. Но полагаю, что ни самъ Апостоль Павелъ, ни Іоаннъ не могутъ сказать это, и я болѣзную о душевномъ ослѣпленіи тѣхъ, которые говорятъ это, и тутъ же ищутъ узнать, какъ познается тотъ, кто достигъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.

Впрочемъ, если хочешь узнать, я скажу тебѣ—какъ: такъ, какъ слѣпые узнають другихъ людей,—какъ Исаакъ признавалъ сына своего Іакова, хотя онъ былъ наряженъ такъ, чтобъ походилъ на брата своего Исава. Всѣ вы знаете, что Исаакъ былъ въ недоумѣніи и говорилъ: руки—руки Исава, а голосъ—голосъ Іакова. Хитрости подраженія онъ не могъ узнать, потому что былъ слѣпъ, а обычный голосъ сына своего Іакова узналъ. Если бъ онъ былъ глухъ, то не могъ бы и голоса его узнать. Такъ и вы,—кто бы вы ни были изумляющіеся подобнымъ образомъ, какъ можете узнать мужа духовнаго, если вы не только слѣпы, но и глухи? Невозможно это для васъ. А что это истинно, что тѣ, которые не видятъ духовно, не могутъ и слышать духовно, послушай, что говоритъ Господь невѣрнымъ Іудеямъ: *почто бесѣды моя не разумѣете? Яко не можете слышати словесе моего.* И еще немного ниже: *уже есть отъ Бога, глаголювъ Божіихъ послушаетъ: сего ради вы не послушаете, яко нѣсте отъ Бога. Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8. 43. 47. 44). Итакъ, если и вы, по причинѣ невѣрія и лукавства своего, по причинѣ нерадѣнія и преступленія заповѣдей Божіихъ, плоть есте, — разумѣю, если одебѣлѣли сердцемъ и имѣете слухъ и око душевныя заключенными, и умъ покрытымъ страстями, то какъ можете познать духовнаго и святаго мужа?

Но, о, братія мои и отцы! Умоляю, да восподвизается каждый изъ насъ сначала познать себя самого, дабы потомъ имѣть возможность иной разъ отъ того, что въ мѣру нашу, познать и то, что выше насъ. Ибо кто не позналъ прежде себя самого такъ, чтобъ могъ съ Давидомъ говорить: *азъ есмь червь, а не человекъ* (Пс. 21, 7), и съ Авраамомъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. 18, 27), тотъ никакъ не можетъ познать что либо изъ духовнаго

и божественнаго духовно и достойно, и какъ подобаетъ вышеестественному и премудрому Духу. Никто да не прельщаетъ васъ суетными и обманчивыми словами, говоря, что можно познать божественныя тайны вѣры нашей, безъ наученія и просвѣщенія Святаго Духа. Пріятелищемъ же даровъ Духа никто не можетъ быть безъ кротости и смиренія. Почему надлежитъ всѣмъ намъ все-непремѣнно прежде всего положить твердое и непоколебимое основаніе вѣры во глубинахъ души нашей; потомъ на семъ основаніи создать домъ внутренняго благочестія души, устроивъ стѣны его высоко и крѣпко изъ разныхъ видовъ добродѣтелей. Когда такимъ образомъ ограждена будетъ душа со всѣхъ сторонъ, какъ стѣнами, и когда въ ней водрузится и укоренится всякая добродѣтель, тогда возложимъ на сіе зданіе и кровлю, которая есть вѣдѣніе Бога, — и домъ Духа будетъ у насъ всецѣло и совершенно готовъ. Ибо когда душа очистится слезами соотвѣтственно являемому ею покаянію и исполненію заповѣдей, тогда человѣкъ, во первыхъ, удостоивается благодатию Духа познать свое состояніе и всего себя; потомъ послѣ тщательнаго и долговременнаго очищенія сердца и укорененія глубокаго смиренія, начинается онъ мало-по-малу, и нѣкоторымъ образомъ примрачно, постигать яже о Богѣ и божественныхъ вещахъ; и чѣмъ больше постигаетъ, тѣмъ паче дивится и стяжаетъ вѣщающее смиреніе, думая о себѣ, что совсѣмъ недостоинъ познания и откровенія такихъ тайнъ. Почему, блюдомый такимъ смиреніемъ, какъ-бы находясь за крѣпкими стѣнами, пребываетъ онъ неуязвимымъ отъ помысловъ тщеславія, хотя каждодневно растетъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу, и ясно видитъ преспѣваніе свое, являющееся въ приложеніи вѣдѣнія къ вѣдѣнію и добродѣтели къ добродѣтели. Когда же достигнетъ наконецъ въ мѣру возраста исполненія Христова, и истинно стяжетъ умъ Христовъ

и самого Христа, тогда приходитъ въ такое доброе состояніе смиренія, въ коемъ увѣренъ бываетъ, что не знаетъ, имѣть ли что либо въ себѣ доброе, и почитаетъ себя рабомъ неключимымъ и ничтожнымъ. И то наипаче дивно и вышеестественно, что онъ держитъ на сердцѣ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы ниже и грѣшнѣе его. Какъ доходитъ онъ до такого убѣжденія и какъ удерживаетъ его, не могу сказать. Одно только могу я понять въ этомъ, что есть прехвальная добродѣтель смиренія. Когда душа придетъ въ такое доброе состояніе и умъ ея силою Духа о Христѣ Богѣ погрузится во глубину смиренія и забудетъ міръ и все, что въ мірѣ, помышляя только о себѣ и своемъ, такъ что это обратится въ постоянный навыкъ и настроеніе неизмѣнное; тогда она видитъ себя крайне уничиженною и бѣдною, и убѣждается, что между всѣми людьми міра нѣтъ никого другаго столь ничтожнаго, какъ она. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе кто имѣетъ себя въ чувствѣ души бѣднѣйшимъ и низайшимъ всѣхъ людей, тѣмъ онъ бываетъ первѣе и выше всѣхъ людей, какъ опредѣляетъ Господь и Богъ нашъ: *уже хочетъ въ васъ являющій быти, да будетъ вамъ слуга* (Матѣ. 20, 25). Станемъ же и мы, братія, подвизаться, чтобы придти въ такой чинъ и состояніе;—тогда и мы будемъ въ состояніи легко узнавать святыхъ, достигшихъ сей мѣры,—и улучимъ и настоящія и будущія блага, благодатию Господа нашего Иисуса Христа,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ.

1) О духовномъ дѣланіи.

2) Какое было это дѣланіе у древнихъ святыхъ?

3) Какъ можно и намъ иреусуѣвать въ немъ?

1. Поелику иные люди высокое имѣютъ о себѣ мнѣніе (котораго куда бы лучше было имъ не имѣть) и по-

читаютъ себя подобными древнимъ святымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ, по вѣдѣнію, дѣламъ и совершенству, будто стяжавшіе такую же благодать Св. Духа, какой сподобились и тѣ,—между тѣмъ какъ выставляютъ себя такими только на словахъ безъ дѣлъ, прельщены будучи духомъ самомнѣнія и тщеславія, то я счелъ благословнымъ сказать въ простотѣ нѣсколько словъ объ этомъ, по заповѣди Божіей, которая гласитъ: *и ты обращаешся, утверди братію твою* (Лук. 22, 32), и по любви, какую Христосъ повелѣлъ намъ имѣть къ ближнимъ своимъ. Хочешь, брате, слышать, что дѣлали святые и богоносные отцы наши, сидя въ келліяхъ своихъ? Читай житія ихъ и изучи прежде самъ ты ихъ тѣлесное дѣланіе, а потомъ и я открою тебѣ, какое духовное проходили они дѣланіе. Ибо писавшіе житія ихъ, описывали болѣе тѣлесныя (видимыя) ихъ дѣла, какъ-то: ничего-неимѣніе, постъ, воздержаніе, терпѣніе и прочее, чтобъ не пересказывать все и не удлиннить тѣмъ слова; духовное же ихъ дѣланіе они лишь нѣсколько давали видѣть посредствомъ тѣлесныхъ дѣлъ ихъ какъ въ зеркалѣ; такъ что познать и уразумѣть, какихъ сподобились они дарованій духовныхъ, могутъ только тѣ, которые, подобно имъ, поднимаютъ труды и подвиги, и такими дѣлами являя вѣру подобную ихъ вѣрѣ, чають сдѣлаться причастниками и дарованій ихъ. Тѣ же, которые не подражаютъ подвигамъ ихъ, ничего не уразумѣютъ о духовныхъ ихъ дѣлахъ. Впрочемъ, поелику мы въ такое пришли неразуміе, что почитаемъ себя имѣющими такую же благодать Духа, какую имѣли древніе, не дѣлая однакожъ дѣлъ, которыя они дѣлали, то изслѣдуемъ этотъ предметъ, и удостовѣрся въ томъ, какъ все бываетъ изъ духовныхъ дѣлъ отцевъ, восподвизаемся подражать имъ, хотя и не можемъ надѣяться достигнуть вѣмѣру ихъ.

2. Итакъ, что дѣлать Антоній великій, когда уединенно жилъ въ гробницѣ, — и притомъ тогда, какъ не зналъ еще въ совершенствѣ духовнаго дѣланія? Не заключился ли онъ въ гробницѣ такъ, какъ мертвый? Имѣлъ ли съ собою хоть что либо изъ вещей міра, и заботился ли самъ о себѣ хоть сколько нибудь? Не умеръ ли онъ весь и всецѣло для міра, и не искалъ ли единого Бога, могущаго даровать ему жизнь и воскресеніе? Не довольствовался ли онъ однимъ хлѣбомъ и водою? Не выносилъ ли онъ мужественно всякое зло отъ демоновъ, хотя они такъ сильно нападали на него, что однажды онъ остался полумертвымъ отъ побоевъ ихъ? Когда же принесли его по сему случаю въ церковь, какъ мертваго и пошевелиться не могшаго, то онъ, пришедши въ себя, не возвратился ли назадъ и не выступилъ ли о ять небоязненно противъ враговъ своихъ одинъ? — Простое будто это дѣйствіе, а между тѣмъ сколь оно было важно! Ибо если бъ онъ не возвратился къ врагамъ своимъ, а остался въ мірѣ, и если бъ онъ, рѣшась такимъ образомъ терпѣть до конца, не предалъ себя произвольно на смерть со всею готовностію, то не удостоился бы увидѣть превоздѣлѣнное лице Христа Господа и услышать сладчайшій гласъ Его. Но какъ онъ взыскалъ вседушно, толкалъ всеусердно, претерпѣлъ до конца, то и получилъ достойную терпѣнія своего награду. Ибо, какъ я сказалъ, онъ умеръ произволеніемъ для всего, любве ради Христовы, и сидѣлъ на уединеніи, какъ мертвый, пока не пришелъ Христосъ, животворящій мертвыхъ, не извелъ его изъ ада, т.-е. изъ душевной тмы, и не ввелъ въ чудный свѣтъ лица своего, который узрѣвъ, Антоній освободился отъ всякой скорбности и, преисполнясь радости, воззвалъ: Господи! Гдѣ же былъ Ты доселѣ?! Словами: гдѣ былъ Ты, Господи? онъ показалъ, что не зналъ, гдѣ былъ Господь; тѣмъ же, что сказалъ: доселѣ показалъ онъ,

что теперь увидѣлъ, возчувствовалъ и позналъ присутствіе Христа Господа. Итакъ, если мы не хотимъ отрещися міра такимъ же образомъ и не произволимъ терпѣть подобно св. Антонію, то какъ возможно намъ удостоиться увидѣть Бога благодатію Духа Святаго и преисполниться радости духовной, подобно ему? Нѣтъ, никакъ это невозможно.

Вотъ и Арсеній великій, тотчасъ какъ возненавидѣлъ міръ, что сдѣлалъ? Не оставилъ ли царскихъ палатъ, и царей, и слугъ, и всего богатства своего, и не пошелъ ли въ монастырь одинъ, какъ какой либо бѣдный и нищій, всячески стараясь, чтобъ не узнали, чѣмъ онъ былъ, во избѣжаніе славы и хваленій человѣческихъ и въ стяжаніе славы предъ Богомъ?—Что же? Удовольствовался ли онъ этимъ однимъ? Нѣтъ; но что сдѣлалъ? Не потерпѣлъ, чтобъ его ставили наравнѣ съ бѣдными оными подвижниками, какъ нищаго и презрѣннаго, во смотрѣлъ на себя, какъ на пса. Ибо когда игумень, для испытанія его бросилъ ему кусокъ хлѣба и хлѣбъ упалъ на земь, то благословенный сей и самъ бросился на земь и пошелъ къ хлѣбу, подобно четвероногому на рукахъ и ногахъ, но и дошедши до него, не руками взялъ его, а зубами, какъ дѣлаютъ псы, и съѣлъ. Потомъ, когда сидѣлъ въ келліи, не только терпѣливо трудился надъ рукодѣліемъ, къ которому совсѣмъ не имѣлъ привычки, но и такъ велъ дѣло, что на нужды свои истрачивалъ гораздо менѣе, нежели сколько получалъ отъ рукодѣлья,—и пилъ воду уже попортившуюся. Къ тому же, и когда работалъ рукодѣлье и когда молился, всегда плакалъ и обливался слезами, на молитвѣ простаивалъ съ вечера до разсвѣта, и до конца жизни терпѣлъ бѣдность и нищету. Для чего? Для того, чтобы увидѣть и испытать самому тоже, что сподобился увидѣть и испытать великій Антоній. Но какъ же, спросишь, о немъ не написано, что

онъ видѣлъ Христа? Ужъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ не подъялъ такихъ подвиговъ, какіе подъялъ св. Антоній; или хотъ подъялъ такіе подвиги. однакожь Бога увидѣть не сподобился? Нѣтъ, не такъ. И онъ сподобился увидѣть Бога, такъ же, какъ и великій Антоній; но тотъ, кто писалъ его житіе, не сказалъ этого явно. Если желаешь въ этомъ удостовѣриться, прочитай главы, написанныя Арсеніемъ великимъ, — и узнаешь изъ нихъ, что и онъ видѣлъ Бога.

3. Итакъ, кто подражаетъ святымъ дѣлами своими и подвигами, тотъ навѣрное сподобится получить и равную благодать. И сіе такъже вѣрно, какъ вѣрно то, что никто изъ святыхъ отцевъ, ни прежде пріятія благодати Св. Духа, ни по пріятіи оной, не могъ выдти изъ омраченія душевнаго и увидѣть свѣтъ Святаго Духа, безъ трудовъ, подвиговъ и потовъ, безъ самопринужденія, самоутѣсненія и прискорбности. Ибо нудно есть царствіе небесное и нудницы восхищаютъ его, — такъ какъ многими скорбми подобаетъ внити въ него (Мѣ. 11, 12; Дѣян. 14, 12). Царствіе сіе есть благодать Святаго Духа, какъ показываетъ сказанное Господомъ слово: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21), чтобъ мы восподвизались пріять и имѣть въ себѣ Духа Святаго. Итакъ, которые чуждаются всегдашняго самопринужденія, самоозлобленія и самостѣсненія, произвольной нищеты и самоохотныхъ лишеній, такіе пусть не говорятъ, что имѣютъ въ себѣ Духа Святаго. Ибо безъ трудовъ, потовъ и болѣзненныхъ подвиговъ въ добродѣтеляхъ, ни кому не дается сей небесный даръ. Почему истину выражаетъ общее присловіе, которое гласитъ: покажи дѣла и ищи награду.

Я знаю человѣка, который, почитавши Божественныхъ Писаній въ правотѣ помысленій и простотѣ души и бдѣнно помолившись нѣсколько дней и ночей безъ осо-

быхъ какихъ либо трудовъ и подвиговъ, такого сильнаго сподобился просвѣщенія отъ благодати Св. Духа, что ему показалось, будто онъ находится внѣ тѣла, внѣ дома, внѣ сего міра. Была ночь, когда онъ увидѣлъ этотъ свѣтъ,—и вдругъ стало свѣтло, какъ въ полный день. Но какъ онъ получилъ такое богатство безъ труда то скоро сталъ и небрежъ о немъ, впалъ въ нерадѣніе и лишился всего онаго богатства.—и до такой степени, что совсѣмъ даже изъ памяти у него выпало, что нѣкогда видѣлъ таковую славу.

Какъ же послѣ сего тѣ, которые никогда не сподоблялись получить, или видѣть такую славу, говорятъ, что имѣютъ ее въ себѣ? Недоумѣваю. Но о, ослѣпленіе и омраченіе таковыхъ! О, нечувствіе и суетное ихъ самохвѣніе! Откуда это они узнали? И отъ какихъ писаній слышали? Поистинѣ осустились они помышленіями своими и омрачилось неразумное ихъ сердце,—и они все еще пребываютъ въ Египтѣ, т.е. во мракѣ страстей и похотей своихъ. Ибо тѣ, которые возжелали увидѣть землю обѣтованія, которую видѣть сподобляются кроткіе, смиренные и нищие (духомъ), съ удовольствіемъ подъемяютъ всякую тѣсноту, скорбь, скудость, нищету,—и всеусильно воздерживаются отъ всякой тѣлесной сласти, покоя и чести, отдаляются отъ всякаго человѣка, и малаго и великаго, и бѣгаютъ ихъ безъ ненависти, чтобъ сподобиться внити въ землю обѣтованія, прежде чѣмъ пресѣчется теченіе настоящей жизни, т.е. прежде чѣмъ умрутъ. Таковые много смиряются, и почитая себя истинно злонравными, многогрѣшными, врагами Бога и преступниками заповѣдей Его, проводятъ жизнь въ скорбѣни, печалованіи и покаяніи, и всячески стараются узнать, что бы еще слѣдовало имъ сдѣлать, чтобъ примириться и содружиться со Христомъ Господомъ. За это и Господь даруетъ имъ наконецъ не только познать.

что надлежитъ имъ дѣлать, чтобы примириться съ Нимъ, но даетъ имъ силу и терпѣніе и дѣломъ совершить все, потребное для того, чтобы увидѣть и стяжать надъ всѣмъ и во всемъ сущаго Бога, и послѣ того жить уже какъ на небѣ и тамъ имѣть свое обиталище, хотя находятся въ горахъ, въ пещерахъ, въ келліяхъ, въ городахъ, и такимъ образомъ служить Ему съ удовольствіемъ и отрадностію, съ радостію и веселіемъ неизглаголанными.

Таково дѣланіе святыхъ! Таково дѣйствованіе тѣхъ, въ коихъ дѣйствуетъ Духъ Божій! Такимъ и въ наши дни былъ святой и блаженнѣйшій Симеонъ благоговѣйникъ, который, какъ солнце, сіялъ въ славномъ монастырѣ Студійскомъ. Онъ сначала жилъ въ мірѣ, среди дѣлъ мірскихъ, среди друзей и родныхъ, заботъ, попеченій и утѣшеній мірскихъ, но потомъ такъ отъ всего этого отрѣшился, что совсѣмъ и не вспоминалъ о томъ никогда. Онъ, живя среди множества монаховъ, такое блаженное сказалъ слово: долгъ имѣетъ монахъ быть въ монастырѣ, — какъ существующій, и несуществующій, и неявляемый, наипаче же незнаемый. Изъясняя сіе слово, онъ говорилъ: „какъ существующій и несуществующій, — какъ бы онъ существовалъ по тѣлу, а не существовать по духу, и неявентъ былъ въ семъ отношеніи другимъ, исключая тѣхъ, кои содѣлались чистыми, благодатію Всесвятаго Духа, — и знаемъ не былъ, т.-е. ни съ кѣмъ ничего не имѣлъ (не имѣлъ особой знаемости и дружбы)“. О, блаженные словеса, коими проповѣдуется выпечеловѣческое, ангельское его житіе! О, словеса досточудныя, въ коихъ онъ самъ исповѣдалъ, что благодатію Святаго Духа стяжалъ жительство на небесахъ, и при этомъ открылъ, что былъ едино съ Богомъ, именно словами, чтобы ни съ кѣмъ ничего не имѣлъ монахъ: чего никто не можетъ истинно проявить на дѣлѣ, чего и сказать даже никто не можетъ, если не соединился всецѣло

съ Богомъ. Если же и скажетъ кто, то обольщаетъ себя. Кто не соединенъ съ Богомъ и говоритъ, что не грѣшнѣть, тотъ слышь, совѣтъ невидущъ и безчувственъ. Кто же имѣетъ въ себѣ Бога, тотъ *не можетъ согрѣшати, яко стѣмя Его въ немъ пребываетъ*, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 3, 9). Что благоговѣйный Симеонъ имѣлъ въ себѣ всего Бога, объ этомъ онъ, и когда живъ былъ, говорилъ, и по смерти велегласно свидѣтельствуеетъ въ писаніяхъ своихъ, говоря: „стяжи Бога другомъ себѣ, и не будешь имѣть нужды въ чело-вѣческой помощи“, и въ другомъ мѣстѣ опять: „стяжи Бога и не будешь имѣть нужды въ книгахъ“. Это послѣднее онъ и дѣломъ показалъ: ибо цѣлую книгу составилъ своими трудами, или, лучше скажу, благодатію Св. Духа, обитавшею въ немъ, не смотря на то, что не проходилъ наукъ. Все сіе, вмѣстѣ съ св. Симеономъ, духовнымъ отцемъ моимъ, и я подтверждаю своимъ свидѣтельствомъ и исповѣдую. Блаженный и преподобный отецъ сей столь много подвизался, что превзошелъ въ этомъ даже древнихъ святыхъ, и такъ много терпѣлъ искушеній и скорбей, что уподобился многимъ великимъ и славнымъ мученикамъ. За то прославленъ Богомъ и сдѣлался безстрастнымъ и святымъ и удостоился пріять въ себя благодать Св. Духа. Потомъ, какъ систерна даетъ изъ себя жаждущему воду, которая натекаетъ въ нее отъ дождей изъ небесныхъ облаковъ, такъ и отецъ нашъ преподобный пріять отъ полноты Владыки нашего Христа и источалъ изъ себя воду живую отъ благодати Св. Духа. И опять, — какъ иной досыта напивается водою, которая исходитъ изъ систерны и изливается изъ ней внѣ, такъ и ученикъ его пріять благодать Святаго Духа, которая всегда источалась и изливалась отъ сего святаго отца нашего духовнаго, напоился ею, и умылъ лице свое, руки и ноги, потомъ

омылся весь и по душѣ и по тѣлу этою безсмертною водою. О, таинство страшное и преславное!

И не позволяйте себѣ, братія мои, не вѣровать этому; потому что такое слово не собственное мое есть,—и то, что я сказать, случилось не съ одними нами (т.-е. имъ и духовнымъ отцемъ его). Но послушай Евангелиста Іоанна, что говорить онъ о водѣ сей, или, лучше сказать, о семъ Сынѣ, живомъ Словѣ Бога, отъ Котораго обогатился словомъ и Іоаннъ. *Всякъ піяій отъ воды сей, говорить Господь, вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущій въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 13. 14). Изъясняя, что значить сія вода живая, Іоаннъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *сіе же рече (Господь) о Дусѣ, еюже хотѣху приимати вѣрующіи во имя Его* (Іоан. 7, 39). И Апостолъ Павелъ говоритъ: *мы же не духа міра сего прияхомъ, но Духа иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ, яже и глаголемъ* (1 Кор. 2, 12). Этою-то водою отмывается и выводится изъ души всякое зло, всякая сквернота, и безъ нея, сколько ни трудись и не подвизайся, не получишь никакой пользы. Посему и мы, не могши никоимъ образомъ скрыть талантъ, т.-е. даръ Владыки нашего Христа, и не возвѣщать о благодати Божіей, данной старцу Симеону, исповѣдуемъ съ дерзновеніемъ милость Божию, явленную намъ чрезъ сего преподобнаго отца нашего, который и насъ насытилъ ненасытно отъ воды, полученной имъ отъ Бога, во славу св. имени Его. И се, по силѣ нашей, мы, послѣднѣйшіе и непотребные, славили и славимъ Бога, прославившаго преподобнаго отца нашего Симеона благоговѣйнаго, а чрезъ сіе и его (старца). Не думай же никто: будто я лгу и говорю на пагубу душъ своей, хваля духовнаго отца моего, ибо я знаю, что Богъ погубить

всѣхъ глаголющихъ лжу (Пс. 5, 7). Тому и другому (и хвалить и не лгать) учить меня божественный Павелъ, говоря: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, — сый благословенъ; — истину глаголю, не лжу. Въмъ чловѣка прежде чотыренадцати лтъ, — и проч.* (Еф. 1, 3; Рим. 9, 1). И опять: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да въмы яже отъ Бога дированная намъ, яже и глаголемъ* (1 Кор. 2, 12). — Ктому же что пользы мѣ или духовному отцу моему отъ похвалъ? Всеконечно нѣтъ намъ пользы никакой совершенно. Но какъ, говоря о древнихъ святыхъ, имъ самимъ никакой совершенно не доставилъ я пользы, слушателей же подвигъ къ подражанію имъ: такъ въ томъ-же смыслѣ говорилъ я, и не перестану говорить и о преподобномъ Симеонѣ, а когда бываетъ потребно и нужно, прибавляю не хотя и объ ученикѣ его. Невѣріе тѣхъ, которые во вредъ слушающимъ говорятъ, будто въ нынѣшнія времена невозможно, чтобъ кто либо сталъ такимъ, каковы были древніе отцы, чтобъ достигнулъ кто мѣры добродѣтелей, какія проявили они, и чтобъ сподобился даровъ, какіе они получили, — это невѣріе заставляеть меня говорить то, чего я, безъ сего, никогда не сказалъ бы, и представлять всѣмъ въ настоящемъ свѣтѣ чловѣколюбіе Божіе, всѣмъ обличить нерадѣніе и лѣность говорящихъ такіа рѣчи.

Блаженный Симеонъ такъ много трудился и подвижался, что превзошелъ своими трудами и подвигами даже многихъ древнихъ святыхъ, и такіа претерпѣлъ искушенія и скорби, что является подобнымъ многимъ именитымъ и великимъ мученикамъ. За это прославленъ онъ Богомъ, сталъ безстрастенъ и святъ, и сподобился пріять въ себя всю, такъ сказать, благодать Святаго Духа. Потомъ, какъ отецъ даетъ наслѣдіе сыну своему даромъ, такъ и мой духовный отецъ далъ ученику своему бла-

годать Святаго Духа, безъ собственнаго его труда и подвига, а даромъ. И кто изъ насъ можетъ, не говорю, дѣлать дѣла, какія онъ дѣлалъ, даже хорошо понять то, что онъ сказалъ?—Вотъ что прежде всего другаго, какъ наставленіе, написалъ святой намъ: „брате! совершеннымъ удаленіемъ отъ міра называется совершенное умерщвленіе и отрѣченіе своей воли“. О, блаженный гласъ, или лучше сказать, о, блаженная душа, сподобившаяся сдѣлаться такою и отрѣшиться отъ всего міра! Къ таковымъ говорятъ Владыка Христосъ: *отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра сего* (Іоан. 15, 19). *Приидите ко Мнѣ, и Азъ упокою вы* (Мѣ. 11, 28). Тѣмъ же, которые инымъ шествуютъ образомъ и творятъ волю свою хотя мало нѣкакъ, или въ нѣкоторыхъ только, повидимому добрыхъ дѣлахъ, невозможно увидѣть ту жизнь, какую видятъ совсѣмъ удалившіеся отъ міра и совершенно умершіе волей своей.

Итакъ, брате мой, если и ты не хочешь смириться и слушаться во всемъ, не хочешь охотно переносить скорби, безчестія, униженія и поношенія, не хочешь быть какъ какой несмысленный, незнаемый, нищій и заброшенный, не хочешь также быть презираемымъ отъ всякаго человѣка и почитаемымъ за какого либо помѣшаннаго; то скажи мнѣ, какимъ же другимъ образомъ возможно тебѣ сдѣлаться чуждымъ собственной своей воли? Если Богъ заповѣдалъ намъ всѣмъ терпѣть все такое, какъ бывающее съ нами для испытанія, или, лучше сказать, для очищенія душъ нашихъ, мы же не хотимъ того терпѣть, но живетъ въ насъ земное мудрованіе плоти, заставляющее насъ не желать никакого лишенія и злостраданія; то какъ можно намъ быть мертвыми къ міру и къ вещамъ мірскимъ? Нѣтъ, это невозможно. Если же умертвимся мы міру и всему мірскому, то какъ можемъ познать сокровенною во Христѣ жизнью? Какъ можемъ узрѣть Бога обитающимъ въ насъ.

какъ свѣтъ,—какъ сказалъ и святой Симеонъ? Нѣтъ, братія мои, невозможно намъ получить такой даръ,—и пусть не прельщаетъ насъ никто.

Если ты, почитая блаж. Симеона буимъ, стыдишься подражать дѣламъ его, то подражай Христу, и страдай охотно для собственнаго своего спасенія, какъ Онъ страдалъ для тебя. И Его, какъ слышишь, называли бѣсноватымъ, лстецомъ, ядцею и пйцею, говоря Ему: *бѣса имаша* (Іоан. 8, 48), и опять: *сей человекъ ядца и пйца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ* (Лук. 7, 34). Тоже самое слышалъ и преподобный отецъ нашъ Симеонъ, за меня, или и за всѣхъ насъ. Слышишь опять, какъ Господь нашъ взятъ былъ и связанъ, будто убійца и злодѣй, и представленъ Пилату, какъ какой нибудь нищій и ничтожный человекъ, какъ заупенъ былъ рабомъ и брошенъ въ темницу, какъ влachimъ былъ воинами и какъ преданъ отъ Пилата еврейскому народу съ словами: возмите его вы и распните. Помысли же, какъ былъ среди ихъ Христосъ, сый превыше всѣхъ небесъ и содержай вся рукою своею? Какъ былъ толкаемъ то съ одной, то съ другой стороны? Какъ былъ ударемъ и заушаемъ, и влекомъ въ судилище Тотъ, на Кого не смѣетъ взирать всякая тварь, даже самые серафимы? Какъ обнажаемъ былъ, привязываемъ къ колоннѣ и принималъ сорокъ ударовъ,—въ показаніе, что Онъ осужденъ на смерть? Потомъ помысли, какъ Онъ одѣтъ былъ въ насмѣшку хламидою червленою, какъ ударяемъ во главу и вопрошаемъ воинами: кто есть ударей ты? Какъ увѣнчанъ вѣнцемъ терновымъ и принималъ насмѣшливое поклоненіе, какъ поругаемъ и оплевываемъ и слышалъ издѣвательныя слова: се царь іудейскій? Какъ опять былъ одѣтъ въ собственныя свои одежды, какъ связанъ и влекомъ на смерть, какъ, неся крестъ свой, шелъ на мѣсто казни, какъ смотрѣлъ на водруженіе кре-

ста въ землю, оставленъ будучи одинъ друзьями и учениками своими? Послѣ сего опять подумай, какъ Онъ былъ обнажаемъ и возносимъ на крестъ, какъ пригвождаемъ воинами по рукамъ и ногамъ, какъ напалемъ желчію, какъ поносимъ разбойникомъ, какъ поругаемъ толпою и слышалъ: *разоряй церковь и трети дни созидай ю, спасися самъ и снуди со креста, и еще: аще Сынъ есть Божій, да снудетъ нынѣ со креста и вѣруемъ въ Него*. Наконецъ подумай, какъ послѣ того, какъ претерпѣлъ все сіе, благодарилъ Онъ Отца своего и молился Ему за тѣхъ самихъ, которые предали Его на такія страданія и смерть, и какъ предать душу свою въ руки Отца своего. Не довольно ли для тебя всего сего, брате мой, къ подражанію? Стыдишься переносить сіе и подобное сему?—Но какими же другими дѣлами, или какими другимъ образомъ можешь ты прославиться вмѣстѣ съ Нимъ? Слушай, что самъ Онъ говоритъ: *иже аще постыдится Мене и словеса Мои, сего и Азъ постыжуся предъ Отцемъ Моимъ, Иже есть на небесѣхъ* (Лук. 9, 26; Мѡ. 10, 32). И св. Павелъ говоритъ: *аще съ Нимъ терпимъ, съ Нимъ и прославимся* (Рим. 8, 17; 2 Тим. 2, 12). Почему, если стыдимся подражать страстямъ Христовымъ, которыя претерпѣлъ Онъ нашего ради спасенія, и страдать, какъ страдалъ Онъ,—явно, что невозможно намъ быть сопричастниками и сонаслѣдниками славы Его. Ибо въ такомъ случаѣ мы вѣрны только словами, а не и дѣлами; когда же нѣтъ дѣлъ, вѣра наша мертва. Но если вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертва, то явно, что когда вѣра съ худыми дѣлами, тогда она не называется и не есть болѣе вѣра. Мертвое тѣло, если оно умерло недавно, называется мертвымъ; но если оно долго пролежитъ такъ, то не называется уже тѣломъ мертвымъ, а трупомъ тлѣющимъ, разлагающимся, попортившимся. Такъ и здѣсь: поелику два есть рода дѣлъ,—одни угод-

ныя Богу, а другія ненавистныя; то, если вѣра, какъ говорить Апостолъ Іаковъ, безъ угодныхъ Богу дѣлъ мертва есть,—очевидно, что той вѣрѣ, которая не только есть безъ угодныхъ Богу дѣлъ, но имѣетъ еще и дѣла ненавистныя Богу, нельзя уже называться мертвою, а надлежитъ ей называться попортившеюся и затлѣвшею, или, истиннѣе сказать, безвѣріемъ и нечестіемъ. Кажется, что Исаія пророкъ такихъ разумѣетъ, когда говоритъ, что *нечестивые не узрятъ славы Господни*.

Потому и я говорю и не перестану говорить, что тѣ, которые не возподражаютъ страстямъ Христовымъ чрезъ покаяніе и послушаніе и которые не сдѣлаются причастниками смерти Его, какъ частно показали мы выше,—такіе не удостоятся быть причастными и духовнаго о Немъ воскресенія, не сподобятся пріять Духа Святаго, чрезъ Котораго бываетъ духовное воскресеніе всякаго. Я говорю не о воскресеніи тѣлъ, имѣющемъ быть въ концѣ міра (тогда вострубитъ ангель,—и мертвыя тѣла востанутъ), но говорю о духовномъ возрожденіи и воскресеніи мертвыхъ душъ, которое каждодневно бываетъ духовно, и которое даетъ, благодатію Духа Святаго, Тотъ, Кто нѣкогда умеръ и воскресъ для всѣхъ, и паки воскресаетъ во всѣхъ тѣхъ, кои достойно и какъ подобаетъ жительствоуютъ, и съ Собою совоскрешаетъ души умершія съ Нимъ произволеніемъ и вѣрою, и, еще отъ сей начиная жизни, даруетъ имъ чрезъ Духа Святаго царство небесное,—которое улучшить буди и всѣхъ намъ,—благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Емуже подобаетъ всякая слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ.

- 1) О животворномъ умертвіи.
- 2) О томъ, что стяжаніе добродѣтелей покупается кровію.
- 3) Какія обиталища добродѣтелей?
- 4) Кто не восходитъ въ царствіе небесное должнымъ порядкомъ, тотъ не войдетъ въ него.
- 5) Въ совершенныхъ качествуютъ радость и веселіе, а не слезы.
- 6) И внутри нихъ текутъ рѣки благословія.
- 7) Не слѣдуетъ принимать предстательство надъ народами, безъ удостоенія благодати Божіей.
- 8) Въ чемъ главное дѣло тѣхъ, кои имѣютъ предстоианіе надъ народами, и какъ разумныя овцы должны быть пасомы пастырями?

1. Не всякій, слышавшій о животворномъ умертвіи о Христѣ Иисусѣ, Богѣ нашемъ, и о дивномъ дѣйствіи, какое бываетъ отъ него всегда въ совершенныхъ добродѣтеляхъ и вѣдѣніемъ,—уже и знаетъ, что оно такое, хотя и кажется ему, что онъ то знаетъ. Знаютъ его только тѣ, которые самымъ дѣломъ ясно поняли сказанное св. Апостоломъ Павломъ слово: *время прекращено есть прочее, да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ: и плачущіися, якоже не плачущіи: и радующіися, якоже не радующіися: и купующіи, якоже не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе. Преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 29—31). И еще: *яко умирающе, и се живи есмы: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9, 10). Не пробѣгай этихъ словъ просто, какъ ви попало, думая, что сразу понялъ уже сокровище въ нихъ силу, но представь, возлюбленне, поточнѣе внутреннее состояніе души твоей и я отъ видимыхъ вещей введу тебя въ узнаніе значенія сказаннаго; только внимай добръ тому, что буду говорить. Кто умеръ и лежитъ мертвый, тотъ не чувствуетъ ничего изъ видимыхъ вещей. Кто ничего не имѣетъ, тотъ всего лишенъ во всемъ имѣетъ нужду и всего желаетъ. И опять, кто всею обладаетъ тотъ

чего еще другаго изъ вещей міра могъ бы пожелать? Ибо онъ имѣеть уже все и не осталось ничего, что пожелать бы онъ пріобрѣсть.—Но блаженъ, кто взыскалъ сего дѣломъ, и понялъ, и увидѣлъ и изучилъ то опытомъ: ибо эти слова—не пустыя слова. Ибо какъ на дорогахъ и поляхъ находятся по мѣстамъ дома, города, парскія палаты, такъ и на пути, ведущемъ въ царствіе небесное, находятся, въ своихъ имъ мѣстахъ, заповѣди Вожи и добродѣтели.

2. И вотъ я хочу раскрыть, сколько могу, что говорится о заповѣдяхъ Вожиныхъ и о добродѣтеляхъ,—объ этихъ, видимыхъ (на пути въ царствіе) зданіяхъ,—какъ они велики и какъ прекрасны. Впрочемъ читающій о семъ какъ можетъ по однимъ словамъ уразумѣть и представить эти вещи? Никакъ не можетъ. Если же и представить не можетъ, то какъ можетъ стяжать какія либо изъ нихъ, тѣмъ паче, когда онъ стяжываются цокупкою за извѣстную плату? То же, что дать надобно, чтобъ купить ихъ, не золото есть и не серебро, а кровь. Каждый, желающій изъ насъ, покупаетъ ихъ, одну за другою, кровію своею. И воистину, если кто не предастъ себя на закланіе, какъ овча, за каждую даже малѣйшую добродѣтель, и не прольетъ крови своей за нее, тотъ не стяжетъ ея никогда. Такъ Богъ въ экономіи своей, положилъ, чтобы мы покупали вѣчную жизнь произвольною смертію.—Не хочешь умереть произвольною смертію и жить вѣчною жизнію?—И вотъ ты мертвъ.

3) Но посмотримъ, какія и каковы суть обиталища добродѣтелей, за которыя всякой долженъ пролить кровь свою, чтобъ стяжать ихъ?—Первое такое обиталище есть блаженное смиреніе, какъ сказалъ Христосъ Господь: *блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное*. Желающій войти въ сіе обиталище смире-

ніа, а чрезъ него и въ царство небесное, — если не предасть себя прежде на закланіе, какъ овча, связанное по рукамъ и ногамъ, и на принесеніе себя въ жертву руками всякаго, кто захотѣлъ бы заклать его, и если не умереть совершенною смертію, чрезъ умерщвленіе воли своей, — никогда не войдетъ въ него и не стяжетъ его. Если же этого не стяжетъ, не стяжетъ и никакого другаго. Ибо тому, кто оставить эту добродѣтель, невозможно будетъ успѣть ни въ какой другой. Господь положилъ, чтобы добродѣтели слѣдовали одна за другою въ своемъ порядкѣ и постепенно. Представъ въ умѣ своемъ, что добродѣтели въ жизни людей являются, какъ нѣкіе острова посредѣ моря, отдѣленные одинъ отъ другаго водою, но соединенные посредствомъ мостовъ и состоящіе такимъ образомъ во взаимной связи. Первая изъ этихъ добродѣтелей есть блаженное смиреніе, въ которое вошедшій западную дверью посредствомъ покаянія и пробывшій въ немъ довольно времени, выходитъ восточною дверью и, перешедши затѣмъ чрезъ мостъ, вступаетъ въ обиталище плача, а послѣ того, какъ пробудетъ и тамъ довольно времени, омоется, очистится и облечется въ благообразіе плача, перебѣгаетъ и оттуда въ жаждалище и алкалище правды, т.-е. въ алчбу и жажду всякой добродѣтели. Потомъ идетъ онъ въ палату милостивости и благоутробія и, перешедши чрезъ нее или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обрѣтаетъ царскую сокровищницу чистоты, въ которую вступивъ, узрѣваетъ невидимаго Царя славы, сѣдѣщаго внутрь его. Палата эта есть тѣло, царская сокровищница — душа, съ которою когда соединится Богъ ради исполненія заповѣдей Его, дѣлаетъ ее всю божественнымъ свѣтомъ и богомъ чрезъ единеніе съ Собою и благодать свою. И только всякій, проходящій означеннымъ путемъ добродѣтелей, прихо-

дѣть въ сіе боголѣпное состояніе. Вступить въ это шествіе съ другой стороны, или, минуя то или другое обиталище, искусственнымъ нѣкимъ способомъ перебраться въ дальнѣйшее, совершенно невозможно. Именно такъ, какъ сказано, опредѣлилъ входить въ царство небесное Владыка-Христосъ,—и быть сему иначе никакъ невозможно. Если предѣлы моря пребываютъ неподвижными, и морю нѣтъ возможности выступить изъ нихъ: не тѣмъ ли паче сохранится неподвижнымъ и неизмѣннымъ то, чему быть такъ, а не иначе, опредѣлилъ Господь въ дѣлѣ нашего спасенія?

4) По другому сравненію,—восхожденіе тѣхъ, которые подвизаются взойти на небо, подобно восхожденію по лѣствицѣ, имѣющей обычно ступени. Здѣсь, то—чтобъ одинъ возревновалъ о восхожденіи паче другихъ и скорѣе взойдетъ по лѣствицѣ, перегнавъ ихъ, есть наше дѣло, дѣло произволенія каждаго. Но то, чтобы начинать не съ первой ступени, и потомъ восходить съ одной на другую, по порядку, въ какомъ онѣ положены, а минуя первую, прямо ступить на вторую или третью, совсѣмъ невозможно для людей. И тѣ, которые покушаются отступать отъ такого порядка восхожденія, трудятся напрасно. И еще: какъ невозможно взойти въ верхнія жилища безъ лѣствицы, или войти въ царскій внутреннѣйшій покой, туда, гдѣ занимается и принимаетъ своихъ царь, не пропедши прежде передней, такъ невозможно войти и въ царствіе небесное тому, кто не идетъ путемъ добродѣтелей, по порядку нами указанному. Такіе шествуютъ внѣ царскаго пути,—и находятся въ прелести. сами того не замѣчая.

(Молитва). Но, о Господи! Ты Путеуказатель заблудшимъ, и незаблудный Путь грядущимъ къ Тебѣ, возврати (съ распутій) всѣхъ насъ, приведи къ лѣствицѣ, возводящей къ Тебѣ, и всеильною рукою Твоею пору-

ководи насъ начать восхожденіе по ней. Даруй намъ силу подняться съ земли и ступить на первую ступень. такъ чтобъ мы сознали, что положили начало восхожденію и поднялись немножко отъ земли. Ибо прежде намъ подобаетъ взойти пемного къ Тебѣ, чтобъ Ты много низшелъ къ намъ благій, Владыко нашъ, и соединился съ нами. Покажи намъ, Господи, внѣшнюю дверь въ царствіе Твое, чтобы намъ толкать въ нее съ терпѣніемъ, пока не отверзется она, ради произвольной смерти нашей,—чтобы когда вошедши въ сѣни, станемъ мы толкать въ каждую внутреннюю дверь и отверзать ихъ одну за другою, и Ты, многоблагодарный и многомилостивый Боже, слыша наши стенательныя воззванія и наши въ грудь ударенія, скорѣе снишелъ къ намъ съ верхнихъ покоевъ Твоихъ, такъ чтобы мы слышали ступанія всепречистыхъ ногъ Твоихъ и уразумѣли, что Ты отверзаешь двери, сущія между нами и Тобою, которыя заключены для насъ грѣшныхъ, и, пришедши къ намъ, спросилъ: кто ударяетъ здѣсь въ двери? мы же, отвѣчая съ плачемъ и рыданіемъ, сказали со страхомъ и радостію: это мы, Владыко, мы недостойные, бѣдные, отверженные и непотребные рабы Твоя,—мы, ходившіе доселѣ по распутіямъ и блуждавшіе по горамъ, дебрямъ и пропастямъ, мы по глупости своей осквернившіе святое крещеніе, мы, не соблюдавшіе данныхъ нами обѣщаній, мы, убѣгшіе отъ Тебя и самовольно перешедшіе ко врагу Твоему и навѣтнику душъ нашихъ. Теперь же, вспомнивъ о Твоемъ человеколюбіи и Твоей благодати, убѣжали мы отъ него съ большимъ трудомъ и къ Тебѣ притекли съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Прости убо насъ, Владыко всяческихъ, и не прогнѣвайся на насъ, но умилосердись и сжался надъ нами грѣшными. Отверзи намъ, Господи, и не помяни беззаконій нашихъ и нашей неблагодарности.

Услыши насъ рабовъ Твоихъ, чтобы, возмалодушествовавъ, не возвратились мы вспять: ибо много уже времени мы стоимъ здѣсь и толчемъ, и прежде много потрудились, толкая во внѣшнія двери царства Твоего. Сжался убо надъ нами и отверзи намъ, Господи, естествомъ челоуѣколюбивый. Если, отверзая мало-по-малу, Ты отверзешь намъ наковецъ совѣсъ двери милости Твоея, кто, увидѣвъ Тебя, не вострепещеть? Кто не падеть предъ Тобою со страхомъ и трепетомъ, и не възыщеть милости Твоея? Кто, видя, какъ Ты, имѣющій окрестъ себя міріады міріады Ангеловъ, и тысячи тысячъ Архангеловъ, Троновъ и Властей, оставилъ всѣхъ ихъ тамъ, горѣ, и снисшелъ къ намъ, отворилъ намъ двери, срѣтилъ насъ и принялъ съ радушіемъ, падши на выи наши и облобызавъ насъ. — Кто, говоря, видя сіе, не станетъ внѣ себя отъ изумленія, не сдѣлается будто мертвымъ, не истаетъ и не разольется какъ вода и съ костями своими? Кто не будетъ день и ночь плакать, помышляя о безднѣ челоуѣколюбія Твоего и Твоей благодати и видя славу и свѣтлоблистаніе лица Твоего? Буди слава Тебѣ, уюмоустроительствовавшему сіе тако! Буди честь и слава Тебѣ, благоволившему быть видимымъ нами и вступить въ живое общеніе съ нами! Буди слава Тебѣ, по великому благоутробію своему, открывающемуся и являющемуся намъ, тогда какъ по естеству Ты невидимъ для самыхъ Ангеловъ! Буди слава Тебѣ за неизглаголанную милость, по коей благоволишь Ты вселяться и ходить въ насъ ради нашего покаянія! О величіе славы неизъяснимое! О преизобиліе любви! Содержащій всяческая вселяется въ челоуѣка тлѣннаго и смертнаго, такъ что все въ немъ тогда соблюдается силою Бога, въ немъ обитающаго! О чудо изумительное, — и дѣла и тайны недомыслимыя Бога непостижимаго! Челоуѣкъ смертный сознательно носить въ себѣ, какъ

свѣтъ, Бога создавшаго всяческая и самого сего чело-
вѣка, который носить Его, — носить внутри себя какъ
сокровище невыразимое, неизглаголанное, безкачествен-
ное, безколичественное, безвидное, безвещественное, без-
формное, оформлевное лишь красотой неизреченною, пре-
дивною и всепростою, какъ свѣтъ, — такой, который
выше всякаго свѣта!—И такой челоуѣкъ, сосредоточи-
ваясь весь въ себѣ, вращается однакожь среди насъ,
не будучи никѣмъ познаваемъ изъ тѣхъ, которые имѣ-
ють съ нимъ сношеніе!

5. И кто въ состояніи описать радость, исполняющую
такого челоуѣка? И есть ли что другое, что возможно
бы было пожелать такому? Какого царя не блаженіе
и не славнѣе онъ? Какого міра, или сколькихъ міровъ
не богаче? И въ чемъ бы могъ онъ иногда недостато-
чествовать? Поистинѣ невозможно ему недостаточество-
вать въ какомъ либо благѣ, которое отъ Бога.

Но ты, брате, сподобившійся содѣлаться таковымъ,—
ты, имѣющій обитающимъ внутри себя всего Бога, добрѣ
внимай, чтобы не сдѣлать и не сказать чего либо не-
достойнаго святой воли Его; иначе Онъ тотчасъ уда-
лится отъ тебя, и ты потеряешь сокровище, сокрытое
внутри тебя. Почти Его, сколько можешь, и не вноси
внутри обиталища Его ничего, Ему неблагоугоднаго и
чуждаго естеству Его, чтобы Онъ не прогнѣвался на
тебя и не убѣжалъ, оставя тебя пустымъ. Не многословь
предъ Нимъ, и не обращай къ Нему прошеній безъ
благоговѣйной собранности. Не помышляй въ себѣ и
не говори: дай-ка покажу я Ему преобильную теплоту
и превеликую ревность любви, да пріиметъ Онъ доброе
мое произволеніе, и да познаетъ, какъ люблю я Его и
чту; потому что, прежде чѣмъ подумаешь ты такъ, Онъ
уже знаетъ помышленія твои, и ничего нѣтъ сокрытаго
отъ Него. Не покусь еще удержатъ Его мысленными

руками: ибо Онъ неухватимъ, и какъ только ты дерзнешь ухватить Его или подумаешь только удержать Его,—уже не найдешь внутри себя ничего. Онъ тотчасъ удалится отъ тебя и станетъ неощутимъ для тебя.

Тогда, если, сокрушаясь, томя и бѣя себя, станешь ты каяться и плакать много, то не получишь никакой пользы. Истинно такъ: ибо Онъ есть радость и несогласенъ входить въ домъ, гдѣ печалются и скорбятъ, какъ и люботрудная пчела не терпитъ мѣста, наполненнаго дымомъ. Но если благоустроишь себя безпеченіемъ и преданностію въ волю Его, то Онъ опять обрѣтется внутри тебя. Оставь тогда Владыку своего безмятежно почитать въ душѣ твоей, какъ на одрѣ нѣкоемъ,—и не начинай говорить въ себѣ, что если не стану плакать, то Онъ отвернется отъ меня, какъ отъ нерадивца и презрителя. Если бы Богъ хотѣлъ, чтобъ ты, достигшій совершенства, плакалъ, какъ плачетъ тотъ, кто еще находится на степени покаянія, то Онъ видѣлся бы тебѣ издали, или совсѣмъ скрывался бы отъ тебя, или освѣщалъ тебя издали. и такимъ образомъ давалъ тебѣ и раздражалъ въ тебѣ плачь къ очищенію и благоустройенію дома твоего. Но теперь послѣ покаянія и очищенія, какое получилъ ты посредствомъ слезъ, Онъ пришелъ въ тебя, чтобъ даровать тебѣ упокоеніе отъ трудовъ и воздыханій и исполнить тебя радостію и веселіемъ вмѣсто печали. Стой же прямо, не тѣломъ, но движеніями и устремленіями души твоей. Водвори въ себѣ тихое безмолвіе, такъ какъ въ домъ твой идетъ Царь царствующихъ. Скажи со строгостію всѣмъ придверникамъ дома твоего, то-есть, чувствамъ своимъ: Царь грядетъ; стойте же добръ при дверяхъ, стойте смирно и со страхомъ великимъ наблюдайте, чтобъ не припелъ кто къ дверямъ и не сталъ стучать, и чтобъ ничей голосъ не проходилъ внутрь, ни изблизи, ни издали. Внимайте

добрѣ, чтобъ кто не обмануть васъ и не прокрался внутрь тайкомъ, — и Царь тотчасъ опять не оставилъ насъ и спѣшно не удалился. — Такъ скажи, и стой въ веселіи и радованіи души своей, смотря внутрь себя на неописуемаго Владыку своего, благоволившаго неописанно описатися въ тебѣ, и созерцай красоту Его ни съ чѣмъ несравнимую. Созерцай же недомыслимо пресвятое лице Его, неприступное для Ангеловъ, и для Архангеловъ, и для всѣхъ чиновъ небесныхъ, възумляйся, радуйся и духовно скача веселись, внимая однакожъ Ему съ благоговѣніемъ, чтобъ услышать, что повелитъ Онъ тебѣ сказать, или сдѣлать. Внимай убо тому, что Онъ говоритъ Тебѣ. Онъ не имѣетъ нужды требовать что либо отъ рабовъ Своихъ для своего собственнаго упокоенія, какъ имѣютъ ее земные цари, потому что ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, — и если не обогатитъ напередъ рабовъ своихъ, то и не входитъ въ домъ ихъ.

6. Итакъ, поелику Онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, какъ я сказалъ, но обогатилъ тебя и своимъ къ тебѣ пришествіемъ сдѣлалъ безнедостаточнымъ, то внимай, да вѣдаешь, что говоритъ внутрь тебя Тотъ, Кто неотлучно изшедъ изъ лона благословеннаго Отца своего снизшелъ съ небесъ даже до твоего ничтожества. Ибо нельзя же тебѣ найти и подумать, чтобъ Онъ дѣлалъ это когда либо какъбы мимоходомъ. Нѣтъ; благій и человеколюбивый Владыка нашъ дѣлаетъ это обыкновенно для спасенія и другихъ многихъ. Итакъ, если ты почтишь Его, примешь Его и дашь Ему мѣсто и упокоеніе въ себѣ, то вѣдай добрѣ, что услышишь изъ сокровищъ Духа Его неизреченныя тайны. Не припадая къ персямъ Владыки Христа, какъ припалъ нѣкогда возлюбленный ученикъ Его Іоаннъ, но имѣя внутри персей своихъ все слово Божіе, будешь ты богословствовать богословіе новое и ветхое и добрѣ поймешь всѣ

богословія, какія изречены и написаны были доселѣ, и содѣлаешься органомъ Духа доброголаснымъ, издающимъ мелодіи, пріятнѣйшія паче всякой музыки.

Но если ты попустишь придти откуда либо печали и войти въ домъ твой, тотчасъ отбѣжить радость. Если попустишь войти гнѣву или раздраженію, тотчасъ удалится Тихій и Кроткій. Если попустишь войти ненависти и враждѣ къ кому либо, тотчасъ убѣжитъ Тотъ, Кто наименовался и есть самосушая и вѣстасная Любовь. Если попустишь приблизиться любопренію или зависти, тотчасъ незлобивый и благій Богъ станетъ невидимъ, ибо Онъ этого терпѣть не можетъ. Если Онъ замѣтитъ, что около дома твоего ходятъ лукавство, или многохлопотливостъ съ любопытствомъ, а ты не отгоняешь ихъ наискорѣйше съ гнѣвомъ, а кротко принимаешь эти худости, которыя Онъ ненавидитъ, ты же позволяешь имъ приближаться къ Нему, то не станетъ напередъ извѣщать тебя, когда удалится отъ тебя, Простый, Незлобивый и Непытливый, но тотчасъ оставитъ тебя, не давъ тебѣ того замѣтить.

Если также ты, сподобившійся пріискреннѣ соединиться съ такимъ Владыкою, увидѣть такую славу и стяжать такое богатство, разумѣю, царствіе небесное (которое есть самъ Богъ), будешь берещись, чтобъ въ домъ души твоей не вошла ни одна изъ сказанныхъ страстей, и всячески стараться доставить Царю великій покой отъ нихъ; но лице свое, т.-е. умъ свой, ставешь обращать въ другую сторону и бесѣдовать съ другимъ, спиною обращаясь къ неприступному Богу, на Кого со страхомъ и трепетомъ взираютъ всѣ чины ангельскіе, то не по всей ли справедливости Онъ тотчасъ оставитъ тебя, какъ презритель и недостойнаго?

Но Онъ человеколюбивъ есть, говоришь ты. И я тоже говорю. Но Онъ человеколюбивъ къ тѣмъ, кото-

рые чувствуют Его человеколюбіе, чтутъ Его и благодарятъ, какъ подобаетъ. Если же ты, ни во что ставя любовь Его, всеулаждающую, полюбишь что либо другое и съ тѣмъ свяжешь всецѣло все стремленіе души своей, и станешь улаждаться другою какою сластію, или яствомъ, или питіемъ, или одеждою, или лицемъ какимъ красивымъ, или золотомъ, или серебромъ или другимъ чѣмъ, и душа твоя воспохотѣствуетъ того и побѣждена будетъ любовію къ тому, то возможно ли, чтобы Богъ, естественно чистый и тебя содѣлавшій таковыхъ благодатію Духа Святаго, продолжалъ быть въ общеніи и обращаться съ тобою, когда ты уклонился сердцемъ на другое, а не тотчасъ оставилъ тебя?—Само собою явно, что Онъ всеконечно оставитъ тебя.

7. Положимъ теперь, что ты не будешь дѣлать ничего изъ того, что я сказалъ, но будешь гнать отъ себя всякую страсть, всякую похоть злую, всякое пристрастіе и естественную любовь къ роднымъ и всякому человеку, и дѣйствуя такъ, достигнешь наконецъ совершенной безгрѣшности и чистоты, какъ представили мы выше. и воспріимешь въ себя Бога, сущаго превыше всѣхъ небесъ; вслѣдствіе чего не будешь тревожимъ никакою страстію и ни къ чему уже совершенно не будешь имѣть никакой склонности и любви, но всегда станешь пребывать съ Богомъ, имѣя уиъ свой постоянно горѣ въ пренебесномъ царствіи Его. Положимъ далѣе, что въ то время, какъ ты находишься въ такомъ состояніи, кто нибудь внезапно позоветъ тебя и введетъ въ какой либо городъ, гдѣ множество народа, домовъ, палатъ убранныхъ и просторныхъ, гдѣ церкви большія и прекрасныя, архіереи, іереи, царь со всѣмъ синклитомъ вельможъ и тѣлохранителей. Потомъ (пропускаю всякіе другіе способы, какіе можешь самъ ты употребить для полученія архіерейства и попеченія о народѣ),

потомъ, говорю, всѣ эти, т.-е. и царь, и вельможи, и все множество народа, начнутъ со многими слезами приглашать и просить тебя принять на себя понеченіе о душахъ ихъ. чтобъ ты пасъ ихъ и пользовалъ ученіемъ своимъ,—и ты, не получивъ мановенія на то отъ Бога, презришь Его, сподобившаго тебя благодати соцарствовать съ Нимъ, и оставя небесныя и вѣчныя блага, дарованныя Имъ тебѣ, спустишься къ этимъ непостояннымъ и привременнымъ и свяжешься съ тѣми, которые пригласили тебя пасти ихъ. Какъ думаешь? Ужели не праведно будетъ, если Богъ, когда ты поступишь такимъ образомъ, оставить тебя пользоваться только этими привременными благами, которыхъ ты возжелалъ, лишивъ благъ духовныхъ, какъ въ настоящей жизни, такъ и въ другой? Конечно нѣтъ.

Даже если бъ самъ Богъ повелѣвалъ тебѣ принять на себя пасеніе душъ человѣческихъ, тебѣ слѣдовало бы, падши предъ Нимъ, восплакать, и съ великимъ страхомъ и скорбію сказать: Владыко Господи! Какъ мнѣ оставить сладость пребыванія съ Тобою единымъ, и пойти въ ту суетливую и многотрудную жизнь? Ей, Господи! Не прогнѣвайся на меня, раба Твоего, и съ такой высоты славы Твоей не свергай меня въ тотъ хаосъ бѣдственный. Нѣтъ, Господи мой, не лишай меня такого свѣта Твоего и не низводи меня бѣднаго въ такую тму. Или я согрѣшилъ въ чемъ либо предъ Тобою, Господи, не зная того, и Ты за это опять возвращаешь меня въ тотъ хаосъ, изъ котораго Самъ, по великому благоутробію Своему, человѣколюбно извлекъ меня и вывелъ? Не разстроивай меня такъ сильно Ты, подъявшій на рамо Свое столь многіе мои грѣхи и беззаконія; но если я согрѣшилъ въ чемъ предъ Тобою, накажи меня здѣсь, гдѣ нахожусь. Если находишь благословнымъ.

отсѣки лучше всѣ члены мои, только не посылай меня туда, въ тотъ хаосъ.

Если бы Богъ и опять сталъ говорить тебѣ: иди, паси овецъ Моихъ, иди, обращай ко Мнѣ братій своихъ словомъ ученія твоего, слѣдовало бы и тебѣ опять отвѣтить: увѣ мнѣ, Господи! И какъ отдѣлиться отъ Тебя мнѣ недостойному? Если бы опять и въ третій разъ сказали Онъ тебѣ: нѣтъ, ты не отдѣлишься отъ Меня; Я и тамъ буду съ тобою неразлучно, то и тебѣ слѣдовало бы опять, надши, восплакать и, омочая мысленно слезами пречистыя ноги Его, сказать: какъ возможно Тебѣ пребывать со мною, Господи, если я низойду туда и омрачусь? Какъ возможно Тебѣ быть со мною, если сердце мое, поплзновенное на всякое зло, склонится къ лести и похваламъ человѣческимъ? Какъ возможно, чтобы Тебѣ благоугодно было пребывать со мною, если я вознесусь въ гордыни? Возможно ли, чтобы Ты не удалился отъ меня, если я не стану съ дерзновеніемъ праведно обличать царей и другія власти въ ихъ беззаконіяхъ и неправдахъ? Мнѣ же гдѣ возмочь исполнить это и все прочее, лежащее на пастырѣ, такъ какъ Тебѣ благоугодно, чтобы Ты былъ со мною и укрѣплялъ меня, а не обвинилъ, какъ погрѣшителя, и за то не удалился отъ меня, какъ отъ недостойнаго, оставя меня одного поверженнымъ тамъ,—долу? Боюсь, Господи, чтобы не побѣдило меня сребролюбіе; боюсь, чтобы не овладѣла мною воля плоти, чтобы не обольстила меня сласть грѣховная, чтобы не омрачила ума моего забота о паствѣ, чтобы не возгордила меня честь царей и властей, чтобы не надмила меня великость власти. и не наустила презирать братій моихъ; боюсь, чтобы не выступить мнѣ изъ подобающаго моему званію чина отъ пиршествъ и винопитія, чтобы не стала опять упитанною отъ сластей плоть моя, утонченная воздержаніемъ, чтобы не устра-

шили меня угрозы людскія, и не сдѣлали преступникомъ заповѣдей Твоихъ; боюсь, чтобы просьбы собратій моихъ епископовъ и друзей не склонили меня стать участникомъ грѣховъ ихъ, и когда онеправдываютъ они другихъ, или другое что недоброе дѣлають, молчатъ, или даже содѣйствовать имъ, не обличал ихъ съ дерзновениемъ и не показывая за заповѣди Твои сопротивленія имъ, какъ подобаетъ. И гдѣ мнѣ, Господи мой, изложить всѣ опасности званія сего, которыя безчисленны, и которыя Ты, Боже, знаешь лучше меня? Умоляю убо Тебя, непусти мнѣ впасть въ нихъ. Самъ бо вѣдаешь, Человѣколюбче, какъ трудно угодить людямъ, какъ они бываютъ тяжелы, насмѣшливы, пересудливы и клеветливы, особенно изъ грамотныхъ и ученыхъ, умудрившихся вѣншею мудростію. Пошледи же меня, Человѣколюбче, и не посылай меня туда—долу, на это предстоятельство надъ народомъ, въ среду такихъ и толикихъ бѣдъ и золь.

Все сіе и другое многое слѣдовало бы тебѣ понять въ мысли и, убоявшись имѣющихъ встрѣтиться тебѣ трудностей и бѣдъ, умолять Бога дозволить тебѣ не нисходить съ неба твоего на землю, опять въ мірскія дѣла. Если бы даже Богъ, похвалиая любовь твою и твое смиреніе, сказалъ тебѣ: не бойся,—не будешь преодолевать ничѣмъ противнымъ, ибо Я обещаю тебѣ всегда быть съ тобою, и ты будешь имѣть Меня помощникомъ себѣ во всякомъ дѣлѣ,—Я и тамъ—долу прославлю тебя съ преизбыткомъ и сюда опять возвратишься ты еще съ большею славою и въ большей свѣтлости и будешь соцарствовать со Мною въ безконечные вѣки;—если бы даже, говорю, тебѣ далъ такое обѣщаніе человѣколюбивый и всеблагій Царь, то и тогда не слѣдовало бы тебѣ дерзать и быть совершенно безпечительнымъ, но надлежало находиться въ страхѣ и трепетѣ великомъ, по-

мысля, что ты какъбы нисходишь съ великой высоты въ глубь глубочайшаго кладезя, полного разными звѣрками и пресмыкающимися,—и въ такомъ настроеніи, съ великимъ страхомъ, взойти на престолъ патріарха, или митрополита, или епископа, или другаго какого предстоятельства надъ народомъ.

Если же ты сознаешь, что ты не таковъ, какъ мы сказали выше. но тебѣ напротивъ кажется, что, принимая настоятельство надъ народомъ, ты восходишь съ низу и отъ долу въ высь великую, то горе тебѣ за такую дерзость, горе тебѣ по причинѣ ослѣпленія ума твоего, горе тебѣ по причинѣ великаго невѣжества твоего! Ибо такія мысли и помышленія несвойственны людямъ мыслящимъ и разумнымъ, но безмысленнымъ язычникамъ или, лучше сказать, мертвымъ, которые не видятъ, не чувствуютъ, не живутъ и совѣтъ не знаютъ, что есть Богъ и что есть судъ Божій, имѣющій срѣгнѣть насъ.

8. Что пасти народъ и пещись о спасеніи братій есть дѣло многоспасительное, какъ завершеніе любви, которая есть глава закона и пророковъ, этого никто не можетъ отвергать. Ибо когда Господь до трехъ разъ спрашивать Петра, любить ли онъ Его, и сей отвѣтилъ: *ей, Господи! Ты вѣси, яко люблю Тя*; тогда Господь, въ отвѣтъ на это, вотъ что сказалъ ему: если любишь ты Меня, Петре, *паси овцы Моя*. Опять, что не слѣдуетъ всякому челоѣку, просто и какъ ни случилось, необдуманно брать на себя настоятельство надъ другими,—явно и это для всякаго, у кого умъ не омраченъ совершенно. Впрочемъ многіе не знаютъ ни того, что означаетъ приведенное слово Господа, ни того, какимъ образомъ пасти овецъ Своихъ повелѣлъ Господь Петру. Но восходятъ дерзостно (увы!). на эту степень достоинства, и не стыдятся самочинно пасти паству Христову, почему, если вамъ кажется благословнымъ, обсудимъ.

что означает это слово Господне, и какой заключается въ немъ смыслъ.

Когда Господь сказалъ Петру: *паси овцы Моя*, то этимъ не на другое что указалъ, какъ на предстояніе и попеченіе, коимъ подобаетъ быть о стадѣ Христовомъ, посредствомъ слова и ученія. Это подтверждается другими словами, сказанными тому же Петру: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ вась, дабы съялъ, яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскуднѣтъ въра твоя: и ты нѣкогда обращаешся утверди братію твою* (Лук. 22, 31. 32). Ибо что значать слова: *утверди братію твою*? Вотъ что: собственнымъ своимъ примѣромъ удостовѣрь ихъ, что не должно отчаяваться, въ какое бы кто прегрѣшеніе ни впалъ: ибо какое другое прегрѣшеніе хуже твоего, когда ты отвергся Меня, Владыки всяческихъ? Однакожь Я простилъ тебя тотчасъ, какъ только ты горько раскаялся, и, несмотря на то, что ты не имѣлъ дерзновенія по причинѣ отреченія, Я по имени призвалъ тебя чрезъ Ангела придти ко Мнѣ вмѣстѣ съ другими Апостолами на гору Галилейскую, ни однимъ словомъ не укоряя тебя въ отреченіи твоёмъ. Въ семъ-то, *обращаешся, ты и утверди братію твою*.

Паси овцы Моя. Но вѣдай, что ты будешь истинно пасти ихъ, не тогда когда станешь переводить ихъ съ пажити на пажить, чтобъ онѣ утучнѣли тѣлесно, какъ то дѣлаютъ пастыри безсловесныхъ овецъ, не тогда также, когда будешь запираеть ихъ въ стѣнахъ и огражденіяхъ овчарныхъ, но когда будешь научать ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ. Это потомъ заповѣдалъ Господь особо и всѣмъ Апостоламъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 19. 20), — прибавивъ и еще: *иже*

вѣру имѣть и крестится, спасенъ будетъ: а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ (Мар. 16, 16).

Паси, говорить, *овцы Моя*. Пастырь безсловесныхъ овецъ не заботится о земледѣліи, ни о торговлѣ, ни о домахъ, ни о яствахъ различныхъ и многоцѣнныхъ, ни о славѣ и почести; нѣтъ ему дѣла и ни до чего другаго мірскаго, и охоты не имѣть онъ пользоваться тѣмъ; но оставя все,—и домъ, и жену, и дѣтей,—все свое попеченіе обращаетъ на одну лишь паству свою, ради ея ночи проводя безъ сна и проходя съ нею въ отдаленныя мѣста, не имѣя ни крова ни постели, перенося зной дня и холодъ ночи и борясь съ воздушными перемѣнами: однѣхъ овецъ блюдетъ онъ, и объ нихъ всестороннее имѣетъ попеченіе. Но для тебя, пастыря словесныхъ овецъ, возможно находиться подъ кровомъ дома, имѣть одръ, постель, трапезу, — и вмѣстѣ съ тѣмъ пасти и овецъ Моихъ. Какъ же пасти?— Уча ихъ имѣть ко Мнѣ (говоритъ Господь) вѣру свѣтлую, частую, не колеблющуюся, и любить Меня отъ всей души и отъ всего сердца, какъ и Я возлюбилъ ихъ, по любви къ нимъ предавъ Себя на смерть и умерши за нихъ. Доставляя же имъ, вмѣсто пажити, животворную пищу Моихъ заповѣдей, объясняй имъ, что онѣ тогда только будутъ вкушать животворность сей пищи, когда самымъ дѣломъ исполнять станутъ заповѣди Мои, и побуждай ихъ вкушать отъ сей пищи каждочасно, чтобъ онѣ были всегда насыщенными отъ Моихъ благъ. А какія это Мои блага и какими дѣлами они стяжаются, сіе познать научи ихъ изъ слѣдующихъ Моихъ словъ: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища неветишающа, сокровище неоскудѣваемо на небесныхъ* (Лук. 12, 33). *Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть* (Матѣ. 5, 44). *Да никтоже (изъ васъ) зла за зло кому воздастъ*

(1 Сол. 5, 15). *Отпущайте, и отпустятъ вамъ* (Лук. 6. 37). *Аще ли же вы не отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ, Иже есть на небесахъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мар. 11, 26; Матв. 6. 15). Станьте бѣдны деньгами, да будете богаты благодатию Святаго Духа; презрите земную славу, чтобъ получить небесную.

Еще говори имъ и слѣдующее: предъ нами находятся два противоположныхъ предѣла, — животъ и смерть, и два міра, настоящій, видимый и привременный, и будущій, невидимый и вѣчный, — и два противоположныхъ между собою дѣйствателя въ сихъ мірахъ, — Богъ и діаволь, противостоящій Ему, изъ которыхъ Богъ всегда печется о спасеніи нашемъ, призывая насъ къ жизни и царству вѣчному, а діаволь желаетъ погибели и смерти души нашей, и день и ночь рыщетъ, ища кого привлечь приманкою временныхъ сластей и поглотить, сдѣлавъ его повиннымъ вѣчному мученію. Поелику такимъ образомъ предъ нами Богъ и діаволь, то намъ, какъ мыслящимъ и разумнымъ, надлежитъ бѣжать отъ врага нашего и прибѣгать подъ кровъ Владыки нашего, прося помощи у Него, да не возгосподствуетъ надъ нами князь тмъ, уловивъ насъ въ сѣти и тенета свои, и да не сдѣлаемся мы чрезъ то рабами ему и грѣху.

Что діаволь есть князь міра и вѣчной тмы, послушай самого Христа, Который говоритъ: *грядетъ сего міра князь, и во мнѣ не имать ничего* (Іоан. 14, 30). Княземъ міра называется онъ не какъ властитель и господинъ міра. Да идетъ отъ насъ такая богохульная мысль! — И какъ возможно, чтобъ властвовалъ надъ міромъ тотъ, кто не имѣетъ власти даже надъ свиньями? Но называется онъ княземъ міра потому, что раздражая пожеланіе богатства и другихъ вещей міра сего, онъ порабощаетъ себѣ прилѣпляющихся къ нимъ и беретъ надъ ними

власть. Княземъ же тмы называется онъ потому, что низпалъ отъ свѣта божественной славы, по причинѣ гордости своей, и сдѣлался наслѣдникомъ вѣчной тмы. Но Богъ и Владыка нашъ, яко Творецъ и Устроитель всего міра, естественно и властно есть князь всѣхъ — небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, будучи свѣтомъ невечернимъ и неприступнымъ и Господомъ всего, и настоящаго и будущаго.

Итакъ, которые покорствуютъ Богу и соблюдаютъ неуклонно заповѣди Его, тѣ и временныхъ благъ причащаются въ мѣру и съ воздержаніемъ, благодаря за нихъ Бога, и отъ этихъ видимыхъ и временныхъ благъ возводятся къ онымъ невидимымъ и вѣчнымъ за то, что повинились царю всѣхъ Богу и соблюди повелѣнія Его. — Тѣ же, которые поступаютъ противно заповѣдямъ Божиимъ, тѣ находятся на противной Богу сторонѣ, вмѣстѣ съ діаволомъ, поелику сдѣлались врагами Его, какъ самъ Онъ говоритъ: *уже нѣсть со Мною, на Мя есть; и уже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. 11, 23). Посему, возлюбленные, пусть никто изъ васъ не слушаетъ князя тмы и міродержителя діавола; пусть никто не водится съ нимъ; никто пусть не дѣлается воиномъ діавола, и не воюетъ противъ Бога и Спасителя нашего; пусть никто не становится врагомъ души своей и не подвизается, чтобъ наслѣдовать огнь вѣчный. Умоляю васъ, отцы мои и братія, и чада, не дѣлайте этого. Страшное дѣло и для одного даже слуха то, чтобъ сдѣлаться намъ врагами и противниками Богу.

А какъ дѣлается кто противникомъ Христу и подвизается о собственной своей гибели, я это сейчасъ вамъ скажу. Если, напримѣръ, кто побранить тебя, праведно или неправедно, или осудить, или оклеветать, — и ты не переносишь такого безчестія съ кротостію, но, оскорбившись тѣмъ въ сердцѣ своемъ, не удержишь

раздраженія своего, а бранишь и самъ того. кто побранилъ тебя, или осуждаешь его или другое что непріятное ему дѣлаешь, или не дѣлая ничего такого, держишь страсть непріязни противъ него въ сердцѣ своемъ, а не прощаешь ему отъ всей души, и не молишься о немъ Богу, то вотъ и сталъ ты врагомъ Христу, потому что поступаешь противно заповѣдямъ Его; сталъ ты врагомъ и себѣ самому и губишь душу свою тѣмъ, что сдѣлалъ (въ силу такого непростенія брату) всѣ прежніе свои грѣхи неизгладимыми и непростительными. Еще,—если кто ударилъ тебя въ правую ланиту, а ты не только не обращаешь къ нему лѣвой, но самъ ударяешь его, то се — опять сдѣлался ты воинъ и рабомъ діавола. Ты ударилъ не брата только, но чрезъ брата, котораго ударилъ, ударилъ и самого Христа, Который повелѣлъ не ударять его, но обращать къ нему другую ланиту. Опять, если кто, тайно или явно, возьметъ у тебя золотую, или другую какую вещь, или ты дашь кому въ займы, или похититъ кто что нибудь у тебя,—и не захочетъ потомъ отдать, или потому что ничего уже не имѣетъ, или по корыстолюбію и аловравію, — и ты не сносишь благодушно и незлобиво такого похищенія, но тащишь виновнаго въ суды, ввергаешь въ темницу и дѣлаешь все возможное, чтобъ обратно получить свое, то скажи мнѣ, не явный ли ты врагъ Богу и душѣ своей, дѣлая все такое? Ибо, если тебѣ повелѣно поспѣвать заключенныхъ въ темницу и служить имъ по силѣ своей, — не требовать своего отъ того, кто его взялъ, отдавать и срачицу тому, кто хочетъ судиться съ тобою и ризу твою взять, предавать тѣло свое на смерть за заповѣдь Божию, — если, говорю, ты, коему даны такіа повелѣнія, идешь въ суды изъ-за вешей тлѣнныхъ, преступая повелѣніе Божіе, если скорбишь, гнѣваешься и ввергаешь брата въ темницу; не явно ли,

что ты выходишь изъ ума (христіанскаго здравоумія), прогнѣвляешь Бога, противяся Ему, и себя самого лишаешь вѣчной жизни?

Итакъ (возвращаясь опять къ пастырству), кто хочетъ пасти стадо Христово и питать разумныхъ овецъ, научая ихъ всему тому, о чемъ мы сказали, чтобъ сдѣлать ихъ тучными отъ добрыхъ дѣлъ и многогородныхъ добродѣтелей: тотъ какъ можетъ въ тоже время заботиться о поляхъ и виноградникахъ и пещись о прочихъ стяжаніяхъ своихъ, чтобъ сохранить отъ похищенія и ущерба, прогоняя покушающихся на это? Когда ему ходить въ суды и заводить состязанія, бывая при семъ иной разъ для другихъ причиною клятвъ и клятвъ ложныхъ? Ибо если онъ правъ, то противникамъ его нужда бываетъ прибѣгать къ явной лжи и ложнымъ клятвамъ, что какъ можетъ снести боголюбивая душа? И какъ можетъ быть пріятно Богу, Который сказалъ: *Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко. Будь же слово ваше, ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ неприязни есть* (Матѳ. 5, 33. 34). И еще: *глаголю же вамъ: яко всяко слово пражное, еже аще рекуть чловѣцы, воздадѣтъ о немъ слово въ день суда* (Матѳ. 12, 36).

Итакъ, по причинѣ всѣхъ такихъ пагубныхъ для души случайностей, умоляю васъ, братія и отцы мои, если вѣрите самоистинѣ Христу и сказаннымъ мною словамъ, не ищите престоловъ и епархій, игуменствъ и предстояній надъ другими славы ради чловѣческой и для тѣлеснаго покоя, боясь суда Божія и страшнаго оного приговора, который устами пророка Іезекіиля изрекъ Онъ противъ не какъ слѣдуетъ пасущихъ овецъ Его: *сія глаголетъ Адонаі Господь: оле пастыри Израилевы, еда пасутъ пастыри самихъ себе, не овецъ ли пасутъ пастыри; се млеко ядите, и волною одѣваетея, и тучное закалаете, а овецъ моихъ не пасете: Изнемогшаго не подѣ-*

ясте, и болящаго не у врачеваете, и сокрушеннаго не сязаете, и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскаете, и крѣпкое оскорбисте трудомъ, и властію наказаете я и наруганіемъ. И разсыпашася овцы моя, понеже не имѣяху пастырей. И немного ниже опять говоритъ Овъ: се Азъ на пастыри, и възыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ, и оставлю я отъ паствы овецъ моихъ (Іезек. 34. 3—5. 10). И еще: и стражъ, аще увидитъ мечъ грядущъ, и не вострубитъ трубою, и нашедъ мечъ возметъ отъ нѣхъ душу, та убо беззаконіа ради своего възятся, а крове ея отъ руки стража възыщу (Іез. 33. 6).—Страшины, братія мои, эти слова, изреченныя Богомъ на пастырей. Посему станемъ лучше заботиться о томъ, чтобъ добръ пасти самихъ себя, яко стадо Христово, яко царское священіе, подчиняя плоть духу, да не побѣждается лучшее худшимъ, т.-е., душа тѣломъ. Когда же внидемъ во глубину смиренномудрія, омоемъ скверны грѣховъ напихъ слезами своими, стяжемъ кротость сокрушеніемъ сердца и смиренномудріемъ, великою жаждою правды Божіей привлечемъ утоленіе ея неизреченными благами царства небеснаго чрезъ утѣшенія Духа Святаго; потомъ когда воспріимемъ утробы щедротъ и состраданія, стяжемъ сердце чистое совершеннымъ безстрастіемъ и узримъ свѣтъ Божій, т.-е. самого Духа Святаго дѣйствующимъ въ насъ и глаголющимъ о сокровенныхъ тайнахъ царствія Божія, какъ липа, посредствомъ глубокаго мира сочетавшія въ единое мудрованіе душу и тѣло,—когда умиротворимъ себя и сдѣлаемъ по душѣ и тѣлу согласнымъ орудіемъ Богу во единомъ духѣ,—когда къ тому претерпимъ еще ради Христа множество искушеній, скорбей и бѣдъ и навыкнемъ укоряеми благословлять, гоними терпѣть, хулыми молить (1 Кор. 4. 12. 13), не помня зла никакого, но все то благодушно принимая и претерпѣвая и всячески стараясь сохранно пройти искусь сей, безъ малѣйшаго колебанія

въ терпѣніи, которое есть основаніе добродѣтелей, — когда такимъ образомъ посредствомъ всѣхъ сказанныхъ добродѣтелей возрастемъ возрастомъ по Христу и востечемъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, со стяжаніемъ совершеннаго Боговѣдѣнія и мудрости словесъ и таинъ оныхъ, кои подаеть Духъ Святыи, — когда, говорю, совершится въ насъ все сіе, и мы достигнемъ полнаго во всемъ совершенства, тогда, пожалуй, предадимъ себя и на пользу братій нашихъ. Впрочемъ и тогда не слѣдуетъ намъ самимъ искать этого, но уступать, если Богомъ будемъ призваны къ тому, не превозношенія ради, но чтобъ быть рабами всѣхъ, какъ говоритъ Господь: кто хочетъ быть большій въ васъ, будь всѣмъ рабъ и всѣмъ слуга (Мар. 10, 43. 44). Но пока не достигнемъ мы совершенства и безстрастія, до тѣхъ поръ да минуетъ насъ начальствованіе надъ другими, прошу васъ. Будемъ лучше въ послушаніи духовнымъ отцамъ нашимъ и Богу, все держащему во власти своей, будемъ каяться каждодневно и очищать себя слезами по Богу, да возможемъ познать Бога, что Онъ неложень во всемъ, что обѣтоваль даровать любящимъ Его и исполняющимъ божественныя Его повелѣнія. Онъ исполнитъ всякаго по дѣламъ Его въ царствіи Своемъ. Ему подобаеть всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ.

- 1) О безстрастіи и добродѣтельной жизни.
- 2) Какъ отсѣчь волю свою и востечь на высоту совершенства?
- 3) О соединеніи Бога съ душою и души съ тѣломъ.
- 4) О преславлѣніи соединеніи трехъ сихъ — Бога, души и тѣла.
- 5) О духовномъ врачевствѣ, и какъ надлежитъ врачевать немоществующихъ душею?

1. Многократно бесѣдуя съ братіями, находящимися въ мірѣ, я почти отъ всѣхъ ихъ слышаль, что невоз-

можно человѣку взойти на такую высоту безстрастія, чтобы онъ, бесѣдуя и вкушая пищу вмѣстѣ съ женщинами, нимало не повреждался отъ того въ душѣ своей, и не подвергался тайному пѣкому движенію нечистому. Слыша это, я много скорбѣлъ, плакалъ и проливалъ слезъ о тѣхъ, которые говорятъ такъ. Ибо очень хорошо знаю, что они говорятъ это по великому невѣдѣнію дѣла, т.-е. что совсѣмъ не знаютъ опытно силы благодатныхъ даровъ Божіихъ. Если бы они не были лишены истиннаго безстрастія, ослѣплены мракомъ страстей и поработены сластями и похотямъ плоти, то конечно знали бы и они о животворной мертвости, какую Христосъ Іисусъ, Богъ нашъ, даруетъ святымъ членамъ Своимъ и не невѣровали бы о ней. Тѣмъ, кои таковы, какъ возможно повѣрить, что бываютъ люди мертвые міру и живущіе только жизни, которая въ Духѣ Святомъ, — тогда какъ они всю жизнь свою о томъ только и заботятся, какъ бы понравиться людямъ и заслужить у нихъ названіе боголюбивыхъ и святыхъ, и слѣдовательно все дѣла свои дѣлаютъ лицемерно? Какъ они думаютъ, будто исправляютъ дѣло безстрастія, оставаясь страстными, будучи т.-е. и бывая всецѣло грѣхъ, и какъ увѣряютъ себя самихъ, что одни похвалы людскія достаточны для добродѣтели и святости; такъ опять, когда отрицаютъ безстрастіе и говорятъ, что во святыхъ нѣтъ его, то хотятъ быть и именоваться святыми безъ безстрастія, какъбы стяжавая святость одними людскими похвалами. Того, кого не хвалить толпа просто и какъ пришлось, они почитаютъ за недостойнаго и презираемаго, не зная несчастные, что лучше одинъ знающій Бога и знаемый Богомъ, чѣмъ міриады невѣрныхъ, незнающихъ Бога, хотя ихъ хвалить и ублажаетъ весь міръ; какъ и тотъ, кто видитъ, лучше безчисленнаго множества слѣпыхъ.

Но что возможно достигнуть свободы отъ страстей.

или безстрастія тому, кто истинно подвизается,—*что* тому, кто получить благодать Божію, возможно возвыситься до состоянія безстрастія душевнаго и тѣлеснаго и не только не быть тревожимымъ страстями, тогда, когда бесѣдуетъ или вкушаетъ пищу вмѣстѣ съ женщинами, но даже когда находится среди города, слышитъ тамъ пѣніе и музыку, и видитъ смѣющихся, забавляющихся и пляшущихъ, не терпитъ никакого совершенно вреда, и *что* такіе люди дѣйствительно есть и бываютъ, о семъ свидѣлствуетъ всякое писаніе святыхъ; немало пишется о семъ свидѣлствъ также въ исторіи и жизнеописаніяхъ святыхъ. Для сего то безстрастія бываетъ у богочестивыхъ всякое дѣланіе подвижническое, всякое дѣленіе произвольное и всесторонняя къ себѣ строгость. Первое дѣло подвизающихся по Богу есть убѣжать отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ. Міромъ я называю настоящую жизнь, т.-е. сей временный вѣкъ. Подъ тѣмъ же, что въ мірѣ, я разумѣю все, окружающее насъ, чтѣ повелѣваетъ намъ Господь оставить и убѣжать отъ того всего, т.-е. оставить отца, мать, братьевъ, сестръ, сродниковъ, друзей, имѣнія, деньги и вообще всякое богатство. Не потому такъ требуется, чтобъ это были вещи запрещенныя и вредныя, но потому, что, находясь среди ихъ, не можемъ мы избавиться отъ пристрастія къ нимъ. Одолѣваемый похотными сластями, если не отсѣчетъ причинъ, возбуждающихъ сласти грѣховныя, и не удалится отъ нихъ, не можетъ никакъ освободиться отъ похотѣнія ихъ.

2. Когда же обнажится онъ отъ всего того, что составляетъ его собственность, тогда долгъ имѣть онъ отрещись и отъ самой жизни своей, если искренно ревнуетъ о добродѣтели, а это совершается умерщвленіемъ и совершеннымъ отсѣченіемъ своей воли. Волю же разумѣю я не внѣшнюю только касающуюся, т.-е. чтобъ

не ѣсть, не пить, не дѣлать никакого дѣла по своей волѣ. не спать, и вообще ничего, сколько бы иное ни казалось хорошимъ, не дѣлать безъ позволенія настоятеля своего,—по и внутреннихъ движеній сердца, именно, чтобъ не смотрѣть страстно ни на что, не осуждать никого внутренно. не радоваться ничьему паденію. не гнѣваться въ сердцѣ своемъ, никому не завидовать, не ревновать злою ревностію. И гдѣ мнѣ перечислить всѣ свойства и всѣ признаки благочестиваго настроенія сердца, чтобы показать тебѣ поточнѣе, каковъ долженъ быть истинный христіанскій подвижникъ. Послушай впрочемъ и еще о нѣкоторыхъ требованіяхъ животворнаго самоумерщвленія, именно: никогда не скрывай отъ духовнаго отца своего никакого даже малѣйшаго помысла,—сколько можешь, ни одного дня не пропускай безъ слезъ,—не убѣдй чрезмѣрно лица своего, какъ есть обычай нѣкимъ,—не убирай, какъ покрасивѣе, волосъ головы твоей и твоей бороды.—не отрѣзывай пояса своего когда ложишься спать, чтобъ не разнѣжилось тѣло твое и ты не проспалъ болѣе должнаго,—на влагай рукъ своихъ за пазуху, или подъ мышку по тѣлу,—не хватай другаго за голое тѣло, не жми и не три его нѣжно,—не смотри, просто и какъ ни повало, на лице даже старческое, потому что лукавый, который при всякомъ случаѣ встрѣиваетъ съ своимъ худомъ, вездѣ вертится,—не кивай одному насчетъ другаго,—не говори никакого слова неподобающаго,—не ухваливай ни о чемъ, что должно быть сказано,—не оставляй никогда обычнаго своего правила, до самой смерти —не заводи особенной дружбы ни съ кѣмъ, хотя бы кто казался святымъ,—нисколько ни много, ни мало, не заботься о красивой одеждѣ и обуви, кромѣ необходимыхъ. и эти пусть будутъ степенныя и смиренныя,—не вкушай никакой нищи на услажденіе, и не касайся такой, которая тебѣ нравится. Подвизаю-

щійся воздерживается отъ всего этого и отъ многого другаго большаго. И опять кто нерадитъ и не воздерживается отъ всего этого, тотъ каждочасно творить волю свою, хотя ублажается всѣми людьми, какъ отрекшійся отъ міра. Кто воздерживается во внѣшнемъ, въ томъ, что всѣмъ видно, тотъ оглашается и похваляется, какъ подвижникъ, тѣми, кои не умѣютъ добръ видѣть внутреннее. Но если такой тайно творить волю сердца своего, то онъ нелюбъ Богу, какъ нечистый,—и хотя бы тысячи лѣтъ провель, такъ подвизаясь, никогда не найдетъ пользы отъ однихъ внѣшнихъ подвиговъ.

3. Кто же воздерживается отъ всего и обучаетъ душу свою не кружиться въ безпорядкѣ тамъ и сямъ и не творить ни въ чемъ воли своей, наипаче же въ томъ, что неугодно Богу, но понуждаетъ ее неотступно ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ, съ теплою любовію и со столь великимъ вниманіемъ, какъ если бы шествовалъ на высотѣ воздушной, по какой нибудь веревкѣ; таковой въ короткое время обрѣтетъ Бога, сокрытаго въ тѣхъ божественныхъ заповѣдяхъ,—Котораго, какъ только обрѣтетъ, такъ забудетъ все, и станетъ внѣ себя, и припадши къ Нему, вседушно возжелеетъ зрѣть Его и только Его единого. Когда послѣ сего Богъ промыслительно скроется отъ очей его умныхъ, тогда объемлетъ его скорбное недоумѣніе, и онъ начинаетъ опять проходить съ начала путь заповѣдей Божіихъ и теши имъ спѣшнѣе, сильнѣе, и опасливѣе, смотря подъ ноги, ступая обдуманно, жегомъ бывая воспоминаніемъ, горя любительнымъ желаніемъ, и воспламеняясь надеждою опять увидѣть Его. Когда же такимъ образомъ долгое время теча и преутрудившись, не возможетъ достигнуть желаемаго и въ изнеможеніи совсѣмъ упадетъ духомъ, такъ что и теши далѣе уже не станетъ у него силъ, тогда внезапно узрѣть онъ Того, Кого искалъ, достиг-

петъ Того, Кто бѣжалъ отъ него, обиметь Того, Кого вожделѣлъ,—и станетъ опять весь въ міра и забудетъ весь этотъ міръ,—соединится съ ангелами, обольется свѣтомъ, вкуситъ отъ жизни, срѣтитъ безсмертіе, исполнится утѣшительной сладости, взыдетъ на третье небо, восхитится въ рай, услышитъ неизреченные глаголы, увидетъ въ Жениховъ чертогъ, пройдетъ до мѣста, гдѣ покоится Женихъ, увидитъ Его Самого, сдѣлается общникомъ духовнаго брака, насытится пїя отъ таинственной чаши и вкушая отъ тельца упитаннаго, отъ хлѣба животнаго и отъ питія жизни, отъ агнца непорочнаго, и отъ манны мысленной, и получить всѣ оныя блага, на которыя не дерзаютъ воззрѣвать и самые ангелы. Находясь въ такомъ состояніи, онъ горитъ какъ огонь и просвѣщается Духомъ Святымъ, и еще отселѣ, изъ настоящей жизни, провидитъ таинство обоженія своего. Ставъ весь огнемъ по душѣ, онъ и тѣлу передаетъ отъ стяжаннаго внутри свѣтлоблистанія, подобно тому, какъ и чувственный огонь передаетъ свое дѣйство желѣзу,—и бываетъ тогда душа для тѣла тѣмъ, чѣмъ Богъ сталъ для души, какъ говоритъ богословскій гласъ. Ибо какъ душѣ невозможно жить, если не бываетъ она просвѣщаема Творцемъ своимъ, такъ и тѣлу невозможно жить, если не получаетъ на то силъ отъ души.

4. Вникни повнимательнѣе въ смыслъ сказаннаго,—Богъ, душа, тѣло. Богъ безначальный, безконечный, неприступный, неизслѣдимый, невидимый, неизреченный, неприкосновенный, неосязаемый, безстрастный, неизглаголанный, Который въ послѣдніе дни явился намъ во плоти чрезъ Сына, и познался чрезъ Духа Святаго, какъ вѣруемъ, подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха — сочетается съ душею мысленною ради моей души. чтобъ и духъ спасти и тѣло сдѣлать безсмертнымъ, какъ сказалъ Григорій Богословъ (въ сл. на Рождество Хри-

стово),—и при этомъ изрекаетъ такое обѣтованіе: *все-
люся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16). *Азъ и Отецъ
придемъ и обитель въ нихъ сотворимъ* (Іоан. 14, 23),—
въ тѣхъ, т.-е., которые вѣрують и вѣру свою показы-
ваютъ дѣлами вышесказанными.—Но внимай! —Поелику
Богъ обитаетъ въ насъ, истинныхъ рабахъ Своихъ и
ходитъ въ душахъ нашихъ чрезъ дѣйства и осіянія Духа
Святаго, то вѣруемъ несомнѣнно, что души сего достой-
ныя неотлучны отъ Бога. Поелику опять душа нахо-
дится во всемъ тѣлѣ и не оставляетъ безъ себя ни од-
ной части, то необходимо слѣдуетъ, что волею души и
управляется вся сія плоть, нераздѣльная съ душою и
не могущая жить безъ души: ибо какъ невозможно тѣлу
жить безъ души, такъ невозможно, чтобъ оно имѣло
волю особо отъ души.

Итакъ, явно, что какъ во Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ
поклоняется единый Богъ, безъ сліянія трехъ лицъ и
безъ раздѣленія единаго существа и естества, такъ опять
и человѣкъ бываетъ по благодати богомъ въ Богѣ, и
по душѣ и по тѣлу, безъ сліянія и раздѣленія; и ни
тѣло не прелагается въ душу, ни душа не измѣняется
въ плоть, — и опять, ни Богъ не сливается съ душою,
ни душа не претворяется въ Божество. Но Богъ пре-
бываетъ, какъ есть Богъ, и душа опять пребываетъ
такъ, какъ есть естество ея, и тѣло, какъ создано, персть;
и самъ Богъ, Который дивно связалъ сіи два,—душу и
тѣло, и срастворилъ мысленное и невещественное съ
перстію, соединяется съ сими двумя безъ сліянія,—и я
человѣкъ бываю по образу и подобію Божию, какъ по-
казало слово.—Впрочемъ если вамъ кажется благословно,
скажемъ опять тоже. Движимый духовнымъ удоволь-
ствіемъ и радостію, я желаю сказать вамъ опять тоже,
чтобъ яснѣе представить вамъ такія мысли: Отецъ, Сынъ
и Духъ Святой—Богъ единъ, Коему мы служимъ и по-

клавяемся. Богъ, душа и тѣло человѣкъ, созданный по образу и подобію Божию, и удостоивающійся быть богомъ по благодати.

Но для чего распространилъ я слово мое объ этомъ, и по какой причинѣ сказалъ болѣе подробно, какъ человѣкъ бываетъ богомъ по благодати? Для того, чтобъ устыдились или, лучше сказать, познали самихъ себя тѣ, которые не имѣютъ въ себѣ чертъ образа и подобія Божія и отдалены отъ Бога, да плачутъ о себѣ самихъ, познавъ, какихъ благъ они лишены, и слушая слово мое, да узрять, какія страсти обладаютъ ими, и да уразумѣютъ, какая глубочайшая тма покрываетъ ихъ,—въ слѣдствіе же сего, да убоятся проливорѣчить тѣмъ, кои имѣютъ въ себѣ благодать Божию, ея всему научаются и съ нею вся могутъ,—и далѣе да престанутъ говорить, будто никому изъ тѣхъ, кои живутъ по Богу, невозможно, находясь среди міра, и принимая пищу или бесѣдуя съ женщинами, пребыть неоскверненнымъ душевно и тѣлесно.—Есть Богъ безстрастный, никакого не имѣющій пристрастія къ видимому.--Впрочемъ я знаю, что тѣ, которые не могутъ зрѣть душевными очами (потому что они не отверсты) и даже не чувствуютъ, что есть свои въ душѣ чувства (для духовныхъ вещей), не понимая смысла сказаннаго мною слова, возражать мнѣ, говоря: знаемъ и мы, что Богъ безстрастенъ, и не въ отношеніи къ Богу сомнѣваемся въ этомъ, но въ отношеніи къ человѣку.—Но для того, чтобъ заградить таковыми уста, а и сказалъ выше, что и человѣкъ бываетъ богомъ по благодати, чрезъ дарованіе ему Духа Святаго. Отъ чего и бываетъ, что какъ солнце, освѣщая нечистыя мѣста, не оскверняетъ нимало лучей своихъ, такъ не оскверняется душа, или умъ благодатствованнаго человѣка, носящаго въ себѣ Бога, если случится чистѣйшему тѣлу его придти въ соприкосновеніе съ нечис-

тыми тѣлами человѣческими. И не только это, но если бѣ случилось ему быть заключену въ темницу вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ невѣрныхъ и нечестивыхъ, преисполненныхъ всякою скверною, и голому тѣломъ тереться съ ними голыми, и тогда невозможно, чтобъ онъ или въ вѣрѣ повредился, или отдалился умомъ отъ Владыки своего Бога, и забыть дивную оную красоту Его. Многое такое бывало съ мучениками и другими святыми; и однакожъ, эта кознь діавола не причинила имъ никакого вреда, потому что они имѣли Бога, обитавшаго и пребывавшаго въ нихъ. Кто или отъ начала сохранилъ въ себѣ черты образа и подобія Божія, или, потерявъ ихъ, потомъ опять возвратилъ себѣ, таковой вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ способность смотрѣть на вещи, какъ онѣ есть по природѣ своей,—и послѣ того, яко во дни благообразно ходящій, такъ и смотритъ уже на всѣ вещи, какъ онѣ есть по ихъ природѣ, не смотритъ на цвѣтъ, красоту и блистательность ихъ, но, помышляя о существѣ и свойствахъ ихъ, пребываетъ невозмутимъ никакою по поводу ихъ страстностію, внималъ лишь тому, что въ нихъ есть существеннаго, и тѣмъ онѣ всегда пребываютъ. Схотритъ на золото, но не приковываетъ ума своего къ его блеску, а помышляетъ лишь о матеріи, изъ коей оно, то-есть что оно земля, персть или камень, и не можетъ никогда измѣниться во что либо другое. Схотритъ на серебро, маргариты и всякіе драгоценные камни, и чувство его не обольщается пріятностію привлекательной цвѣтности ихъ, но смотритъ на всѣ эти камни, какъ на всякій другой простой камень, считая всѣ ихъ пылью и прахомъ. Схотритъ на шелковыя красивые одежды, и не дивится ихъ многообразію и разноцвѣтности, помышляя, что онѣ всѣ суть испражненіе червей, и скорбя о тѣхъ, которые радуются изъ-за нихъ и блюдутъ ихъ, какъ

драгоценности. Смотрить на человека, славимаго, шествующаго по улицамъ въ сопровожденіи множества народа и гордящагося такою славой, и, почитая видимое свидѣніемъ, дивится невѣжеству людскому и посмѣвается ему. Видитъ міръ, шествуя среди какого либо большаго города (свидѣтель истины словъ моихъ—Господь, совершающій въ насъ сіе), и однакожь находится въ такомъ блаженномъ состояніи, какъбы былъ одинъ во всемъ мірѣ и находился въ мѣстѣ пустынномъ, непроходимомъ людьми, какъбы ни съ кѣмъ не имѣлъ никакого дѣла и не зналъ никого изъ людей живущихъ на землѣ.

Таковъ человѣкъ, если увидитъ и женщину, хоть бы самую красивую, не смотритъ на красоту лица ея, но видитъ ее тлѣющею и разлагающеюся, какъбы она не задолго умерла и сдѣлалась вся пищею червей и комомъ вонючей грязи,—какъ сіе и въ самомъ дѣлѣ бываетъ. Умъ его никогда не станетъ заниматься красотою женщины, но представляетъ вещество, изъ коего она, и тлѣніе, для коего она готовится. Но если пожелаетъ онъ и о внѣшней ея красотѣ подумать, то умѣетъ отъ твореній возвышаться къ Творцу и удивляться Ему, а не служить твари паче Творца. Такимъ путемъ, отъ величія и красоты тварей познаетъ онъ Создателя; умъ его восходитъ къ созерцанію Его и воспламеняетъ душу стремиться къ Сотворшему ее; вмѣстѣ съ чѣмъ возрождаются въ немъ божественная любовь и слезы, и бываетъ онъ весь внѣ видимаго, отрѣшаясь совершенно отъ всѣхъ тварей. Вѣдай же, что какъ свѣтъ чувственныхъ очей нашихъ плетется нами инуды, и зрительною своею силою обходить все, сущее предъ нимъ, не оскверняясь ничѣмъ изъ того, что видитъ, хотя многое въ томъ бываетъ и срамное,—и мы опять этотъ свѣтъ очей своихъ переносимъ на другое неоскверненнымъ; такъ и умъ святыхъ, если случится ему обратить вниманіе на нечистыя и мерзкія

страсти, не оскверняется; потому что онъ у нихъ нагъ есть и отдаленъ отъ всякаго страстнаго похотѣнія. Если и захочетъ кто изъ нихъ разсмотрѣть ихъ, то дѣлаетъ это не для чего другаго, какъ для того, чтобъ обсудить и познать добрыя страстныя движенія и дѣйствія страстей,—отъ чего онѣ рождаются и какими врачевствами умиряются. Такъ, какъ слышно, дѣлаютъ и врачи, которые разсѣкаютъ мертвыя тѣла, чтобъ разсмотрѣть устройство тѣла и познать по мертвымъ онимъ тѣламъ, что находится въ тѣлахъ живыхъ людей, и этимъ знаніемъ пользоваться потомъ при врачеваніи болѣзней, невидныхъ наружно. Такъ дѣлаетъ и духовный врачъ, желающій искусно врачевать страсти души. Чтобъ тебѣ показать въ словѣ врачевательное искусство его, я представлю тебѣ это въ примѣрѣ.

5. Предположи, что кто нибудь изъ больныхъ душевно идетъ къ духовному врачу, омраченный страстію, смятенный весь умомъ, и вмѣсто врачевства проситъ у него того, что вредить, т.-е. что или увеличить его болѣзнь, или причинить ему даже смерть. Смотритъ челоуѣколюбивый и сострадательный врачъ на сего болящаго брата, вникаетъ въ болѣзнь его, жженіе и рѣзь отъ ней, и находитъ, что она и безъ того къ смерти, если не принять мѣръ. И что дѣлаетъ? Не кричитъ на него за его неразумное прошеніе, не отказываетъ ему тотчасъ во врачевствѣ желаемомъ, не говоритъ, что оно худо и смертоносно,—не дамъ тебѣ его,—чтобы тотъ не убѣжалъ отъ него, не пошелъ къ другому врачу, неопытному во врачеваніи душевныхъ болѣзней, и получивъ отъ него желаемое, не умеръ тотчасъ; но показываетъ ему всякую снисходительность и искренность, чтобъ убѣдить его, что готовъ лѣчить его тѣмъ лѣкарствомъ, котораго онъ проситъ, и удовлетворить его желаніе. Слыша это, больной ожидаетъ врачевства съ радостію. Врачъ между тѣмъ,

какъ опытный и мудрый врачеватель, представляетъ ему другія врачевства, которыя по виду сходны съ желаемыми больнымъ, но существенно разны по составу, и инаковы по вкусу и дивны по силѣ дѣйствія. Ибо только что приметъ больной эти врачевства, какъ уже ощутитъ врачевательную ихъ силу, — тотчасъ прекращается или умалится жженіе страсти, и начинается закрываться рава душевная, что и располагаетъ его къ нимъ; о тѣхъ же врачевствахъ, которыхъ онъ прѣжде желалъ съ такимъ жаромъ и неудержимостію, и вспоминать ему нежелательно. И видѣть можно чудо нѣкое, въ немъ и въ подобныхъ ему совершающееся, — какъ эти врачевства, обыкновенно не такъ пріятныя, дѣлаютъ больныхъ здоровыми, закрываютъ раны, погашаютъ жженіе, — и тѣхъ, которые прежде алкали вредныхъ и смертоносныхъ яствъ, располагаютъ желать однихъ полезныхъ и всѣмъ рассказывать о дивномъ искусствѣ врача и мудромъ его методѣ врачеванія.

Да слышатъ сіе здравствующіе и да поймутъ, что сказано мною прикровенно, если пріяли благодать духовнаго разумѣнія, потому что больные не могутъ этого понять. тѣмъ болѣе, когда они даже не знаютъ, что больны. И такихъ кто въ силахъ убѣдить, что они больны? Ибо они самую эту болѣзнь свою почитаютъ здоровьемъ, и желаютъ всегда творить волю плоти и все, чего требуетъ ихъ похоть и естество. Какъ невозможно убѣдить тѣхъ, кои вышли изъ ума, сознать, что они дѣйствительно вышли изъ ума, такъ и тѣхъ, кои валяются въ страстяхъ и, состоя въ рабствѣ у нихъ, не чувствуютъ своего имъ рабства, никто не можетъ довести до сознанія, что они находятся въ такомъ худомъ состояніи, или убѣдить ихъ переимѣниться на лучшее. Они слѣпы и не вѣрятъ, чтобъ кто нибудь былъ видущъ; какъ же ихъ убѣдить, что и для нихъ возможно, чтобъ они открыли

очи свои? Если бѣ убѣдились въ этомъ, то, можетъ быть, и они взыскали бы открытія очей своихъ; обрѣтши же его, увидѣли бы ясно и познали тѣхъ, кои распялись міру. Но какъ они не хотятъ освободиться отъ страстей, то тѣмъ самымъ затыкаютъ уши свои и не могутъ внятно слышать Апостола Павла, который говоритъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). *Живу же не потому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). И еще: *умертвите убо уды ваши, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоиманіе* (Кол. 3, 5).

Кто такимъ образомъ умеръ міру (что и есть крестъ), кто не самъ живетъ, но въ комъ живетъ Христосъ, кто умертвилъ уды, яже на земли, т.-е. страстныя движенія тѣла, сдѣлавъ его непричастнымъ никакой страсти, или никакой похоти злой, тому какъ возможно, скажи мнѣ, воспріять хотя малое какое чувство страстное или попустить себѣ испытать движеніе сласти грѣховной, или наклониться къ ней хоть сколько нибудь въ сердцѣ? Если же не вѣришь еще сему и отвергаешь сказанное мною, то подумай, кого ты осуждаешь и кого полагаешь соучастникомъ въ грѣхѣ? Увы твоей продерзости! Ибо о тѣхъ, которые имѣютъ въ себѣ пребывающимъ и живущимъ Христа, о тѣхъ говоришь ты, что они обольщаются въ сердцѣ своемъ сластію грѣховною. По такимъ словамъ твоимъ выходитъ, что Христосъ, Который грѣха не сотвори, ниже обрѣтется лествицею во устѣхъ Его,—Онъ, взявшаи грѣхи міра и избавляющій души, съ Нимъ соединившіяся, отъ всякой страсти, сдѣлался соучастникомъ въ грѣхѣ.—Вижу, человѣче, что ты не понимаешь что я говорю тебѣ, и сколь велика хула, тобою произносимая. Не трепещешь? Не заграждаешь себѣ устъ рукою своею? Не учишь языка своего,—не говорить того, чего не испыталъ еще ты на дѣлѣ, чего не позналъ умомъ своимъ, чего не видѣли очи твои, и величія чего не

принимало ухо твое? Не знаешь развѣ, что тѣ, которые испытали это и дѣломъ и словомъ, смѣются надъ тобою, какъ надъ несмысленнымъ, когда ты берешься говорить объ этомъ, потому что говоришь все наизусть? Итакъ, если ты сподобился получить божественную благодать, то учи свободно о томъ, что касается благодати, и богословствуй безпрепятственно о Богѣ по естеству, и о сынахъ Божіихъ по благодати, говори и ты не запинаясь, что святые человеки суть рабы славы Божіей. Если же исповѣдуешь,—и хорошо то дѣлаешь,—что не получилъ ты такого дарованія, не чувствуешь, чтобъ умеръ ты міру, не сознаешь, чтобъ возшелъ ты на небо и тамъ укрывался одинъ, не показываясь вѣѣ, если не изшелъ ты вовнѣ міра, подобно Павлу, въ тѣлѣ ли, или кромѣ тѣла, если не знаешь, что измѣнился весь и сталъ, какъ духъ чрезъ отложеніе и отверженіе плоти, духовная духовными сразсуждая,—если, говорю, не сдѣлался ты таковымъ, то почему не молчишь и не ищешь въ покаяніи и слезахъ получить и испытать сіе, но охочь горорить попусту о томъ, чего не знаешь, любишь, чтобъ тебя называли и безъ того святымъ, не поперечишь молвѣ, будто ты болѣе, чѣмъ другіе, спасень, не трепещешь принимать чужіе помыслы, учить другихъ и руководить ихъ къ свѣту, будучи самъ лишенъ божественнаго свѣта не боишься пасти братій, сидя самъ еще во тмѣ и не стяжавъ еще того ока, которое видитъ истинный свѣтъ, не стыдишься врачевать другихъ, будучи самъ весь въ болѣзни и не чувствуя собственныхъ своихъ ранъ? Скажи мнѣ, прошу тебя, если ты не сознаешь, чтобъ былъ безстрастенъ и не чувствуешь, чтобъ обиталъ въ тебѣ безстрастный Богъ, то на что дерзая и полагаясь взялъ ты на себя дѣла, свойственныя безстрастнымъ, и служенія, принадлежащія однимъ святымъ рабамъ Божіимъ? Внимай добрѣ, чтобъ забывшись, не взойти на чу-

жія степени и служенія, и послѣ не быть изгнану во тму кромѣшнюю, какъ презрителю воли Божіей, и какъ дерзкому и непотребному рабу. Смотри, какъ бы не оказаться тебѣ не имѣющимъ брачной одежды (которая не другое что есть, какъ благодать Святаго Духа) и какъ обнаженному отъ нея не быть связану по рукамъ и ногамъ и ввержену въ огонь геенскій. Поостерегись братья пасти другихъ, прежде чѣмъ стяжешь вѣрнымъ другомъ пастыря Христа; ибо вѣдай, что имѣешь дать отвѣтъ не только за свое недостоинство, но и за разумныхъ овецъ, которыхъ погубишь по своей необученности и своей страстной жизни. Смотри, прошу тебя, не бери на себя чужихъ долговъ, будучи самъ должникомъ, хотя бы то и небольшимъ долгомъ. Не дерзай давать кому-либо разрѣшеніе грѣховъ его, если самъ не стяжалъ еще внутри сердца своего Вземлющаго грѣхъ міра. Внимай, брате, чтобъ не восхотѣть судить другаго, прежде чѣмъ сдѣлаешься вѣрнымъ судіею себя самого и изслѣдователемъ собственныхъ своихъ паденій, и прежде чѣмъ самъ надъ собою произнесешь праведный приговоръ и воздашь должное правдѣ слезами и плачемъ. И тогда уже, какъ освободишься отъ закона плоти и отъ смерти грѣховной и исполнишься Духа Святаго, тогда соглашайся на поставленіе себя благодатию Божію въ праведные судьи для суда надъ другими, яко рукоположенный на то отъ Бога благодатию Духа. Смотри, какъ никто изъ мірскихъ начальниковъ не дерзаетъ восходить на степень судей, прежде чѣмъ будетъ опредѣленъ на то царемъ. Если теперь въ отношеніи къ человѣческимъ достоинствамъ соблюдается такой порядокъ и держится такой страхъ, чтобъ какъ нибудь не погрѣшить предъ земнымъ царемъ, то какое благоговѣніе и какой страхъ должны мы держать въ отношеніи къ божественному, чтобъ не восходить саморукоположенно на достоинства Божіи са-

мимъ отъ себя, и по человѣческому суду, прежде чѣмъ призваны будемъ къ тому отъ Бога, и чтобъ не впасть за то въ руки Бога живаго? Вострепещи, человѣче, убойся долготерпѣнія Божія и не покажись такимъ, что имѣешь предъ небеснымъ Царемъ и Богомъ меньшій страхъ, чѣмъ какой мірскіе начальники имѣютъ предъ царемъ земнымъ, или что нерадишь о богатствѣ благодати и долготерпѣнія Божія, по славолюбію и властолюбію. Онъ есть Властитель всяческихъ и страшный Судія всѣхъ, воздающій каждому по дѣламъ его и по помышленіямъ сердца его. Почему, какъ мірскія власти приносятъ земному царю честь и страхъ, такъ и ты принеси небесному Царю и Богу, хотя такіе же честь и страхъ, чтобъ почитая Его и боясь такимъ образомъ, могъ ты соблюсти заповѣди Его, а чрезъ такое соблюденіе заповѣдей Его предуготовить себя самого къ тому, чтобы сподобиться содѣлаться жилищемъ трисіявнаго свѣта Его, какъ вложно обѣтовать самъ Онъ, говоря: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдая ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ.* И еще: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему приидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14. 21. 23). Коль же скоро сдѣлаешься ты такимъ, то не будешь уже болѣе жить для себя самого, но увидишь, что ты жертвъ для міра, какъ имѣющій плоть свою мертвою и неподвижною на грѣхъ, живъ же Богови, яко отъ Него дѣйствуемый и движимый. Увидѣвъ себя въ такой славѣ, начнешь ты велегласно въ радости душевной вопіять съ божественнымъ Павломъ: благодарю Бога моего, что законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣхознаго и смерти. Съ этого момента и далѣе не будешь ты уже полагать различія мужескаго лица и женскаго и не бу-

дешь подвергаться вреду отъ нихъ, яко пріавшій то, что по естеству (введенный опять въ состояніе, собственное человѣку по естеству его), и не смотрящій болѣе на творенія Божіи по естеству ихъ; но, будешь ли находиться и бесѣдовать съ мужами или съ женами, останешься невредимымъ и несдвигаемымъ съ стоянія твоего по естеству, смотря на нихъ, какъ на члены Христовы и храмы Божіи. Но прежде чѣмъ достигнешь ты въ такую мѣру и прежде чѣмъ увидишь въ членахъ своихъ животворную мертвость Іисусъ-Христову, очень хорошо сдѣлаешь, если будешь избѣгать лицъ, причиняющихъ тебѣ вредъ, которыя сами по себѣ конечно не имѣютъ ничего худого и соблазнительнаго, но мы прельщаемся ими и по поводу ихъ влекомы бываемъ къ неумѣстнымъ пожеланіямъ, по причинѣ живущаго въ насъ первороднаго грѣха. Если будешь такъ поступать, то вся жизнь твоя будетъ безбѣдственна, и ты не поткнешься никогда ногою твоею о камень грѣха,—если, разумію, ты будешь имѣть Бога въ себѣ, или будешь подвигаться стяжать Его съ помощію Христа, Бога нашего, — Коему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О безстрастіи и о дарованіяхъ, какихъ мало-по-малу сподобляются преуспѣвающіе въ немъ.

2) Въ чемъ состоитъ совершенство духовнаго о Христѣ возраста?

1. Какъ тому, кто хочетъ чисто видѣть свѣтъ солнца, надо имѣть чистыми очи тѣла своего; такъ и тому, кто берется бесѣдовать о безстрастіи, надо имѣть очи души своей освобожденными отъ всякой злой похоти и вся-

каго помысла страстнаго, чтобъ, не будучи тревожимъ и возмущаемъ въ умѣ никакою страстію, могъ онъ чисто взирать на высоту и на глубину его, или понять, какъ слѣдуетъ, многія и великія его дарованія и дѣйствія, и ясно изложить ихъ въ словѣ. Ибо если станетъ онъ говорить о его проявленіяхъ и свойствахъ съ умомъ возмущеннымъ и сердцемъ нечистымъ, то, не смогши словомъ свободнымъ раскрыть его дѣйствія, лишень будетъ и тѣхъ немногихъ благъ его, какія, можетъ быть, получилъ отъ него, за то, что дѣйствуя такъ, онъ нѣкоторымъ образомъ презираетъ и безчеститъ его и затѣвуетъ свѣтлость его. Ибо написано: *имущему дано будетъ, и преизбудетъ: отъ не имущаго же, и еже мнѣтся имѣя, взято будетъ отъ него* (Мѡ. 25, 29). Которые имѣютъ безстрастіе, тѣ очевидно любятъ его и любимы суть отъ него преизбыточно, и когда ненасытно говорить о немъ, дѣлаются еще болѣе безстрастными, воспаменяясь любовію, какую имѣютъ къ нему. Но которые привязаны и нѣкоторымъ образомъ связаны еще хотя малѣйшею какою похотію міра и вещей мірскихъ, или какою либо душевною или тѣлесною страстію, эти далеки отъ него и много отдалены отъ пристани его. Почему когда начнутъ говорить о безстрастіи и покусятся возвести умъ свой на высоту его, теряютъ и тотъ миръ, который, какъ имъ думалось, имѣли они прежде, по той причинѣ, что емяются, какъ рабы, и бываютъ влачимаы туда и сюда похотію той страсти, къ какой они прилѣпились. И это страдаютъ они праведно: ибо, какъ говоритъ Апостоль, *имже кто побѣждается, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19).

Они однакожъ, будучи омрачаемы въ умѣ своемъ тою страстію, коей поработены, вину омраченія не на себя самихъ возлагаютъ, но дерзаютъ слагать ее на безсиліе всесильнаго безстрастія, и это бываетъ съ ними по-

тому, что они совсѣмъ не познали опытно, каково умное чувство, созерцаніе и вседѣйственное дѣйство сего безстрастія, но обдумывая относящееся къ нему по своимъ мыслямъ и соображеніямъ, при высокомъ мнѣніи о своей внѣшней учености философствуютъ о немъ иногда такъ, иногда иначе, и истощаются въ усиліяхъ надъ тѣмъ, чего не знаютъ. При всемъ томъ они никогда не соглашались исповѣдать или возчувствовать свою немощность, причиненную имъ невѣріемъ, нерадѣніемъ и долговременною привычкою къ страстной жизни; но утверждаютъ, что и другіе люди всѣ подобны имъ и обладаютъ тѣми-же страстями. Ибо тщеславіе и зависть не позволяютъ имъ признать, что кто либо другой выше ихъ по добродѣтели и здравоумію.

Но богومудрые и духовные отцы не поступаютъ такимъ образомъ и не идутъ противъ истины,—не буди тебѣ сказать такую хулу на святыхъ; а чѣмъ просвѣтились въ умѣ своимъ отъ блаженнаго безстрастія и что познали прежде изъ опыта, то говорятъ и утверждаютъ. Я же говорю дерзновенно то, чему сподобился научиться у сихъ отцевъ, чтобы не быть осуждену, подобно рабу скрывшему талантъ. И такъ, какъ даютъ разумѣть сказанныя Христомъ Господомъ слова: *много званыхъ, мало же избранныхъ*,—и: *въ дому Отца моего обители мнози суть*,—такъ и знайте всѣ вы, что святыхъ много, а безстрастныхъ немного, и что въ средѣ тѣхъ и другихъ имѣетъ мѣсто великое различіе. Но внимайте добрѣ въ точный смыслъ того, что я буду говорить.

Иное есть безстрастіе души, иное—безстрастіе тѣла. Безстрастіе души освящаетъ и тѣло; но безстрастіе тѣла, одно само по себѣ, не можетъ полную доставить пользу тому, кто стяжалъ его. Иное есть недвиженіе (на худое) тѣлесныхъ (яже на земли) удовъ и самыхъ страстей душевныхъ, и иное есть стяжаніе добродѣтелей. Недви-

женіе тѣлесныхъ (яже на земли) удовъ бываетъ отъ естества, а стяжаніе добродѣтелей отъ произволенія (при помощи благодати), и оно обыкновенно совсѣмъ пресекаетъ всѣ естественныя движенія. Иное есть непохотѣніе ничего изъ того, что есть пріятнаго и радостотворнаго въ мірѣ, и иное—возжеланіе небесныхъ и вѣчныхъ благъ; ибо мірское пріятное и радостное презирали и другіе люди (не ревнующіе о спасеніи) и большая изъ нихъ часть по другимъ причинамъ (не въ видахъ спасенія), а о благахъ вѣчныхъ весьма немногіе воспринимали попеченіе. Иное есть неисканіе славы отъ людей, и иное есть возлюбіеніе славы отъ Бога и всегдашнее ея исканіе; ибо человѣческую славу очень многіе ненавидѣли, потому что были обладаемы другими страстями, а славу, яже отъ Бога, очень немногіе сподобились получить со многимъ трудомъ и потомъ. Иное есть довольствоваться бѣдною одеждою и не желать богатой, и иное—искать того, чтобъ быть одѣяну свѣтомъ Божиимъ; ибо богатое одѣяніе презирали многіе, потому что были влачimy многимъ множествомъ другихъ пожеланій, а божественнымъ свѣтомъ одѣялись только тѣ, кои сподобились содѣлаться сынами свѣта и дня.

Иное есть говорить смиренныя слова, и иное—имѣть смиренное мудрованіе. Иное опять есть смиреніе, а иное—цвѣтъ смиренія, и иное—плодъ его. Иное есть красота плода его, а иное—сладость его, и иное—дѣйствія, бывающія отъ плода сего. Изъ этого, сказаннаго мною о смиреніи, иное есть въ нашей, а иное—не въ нашей власти. Въ нашей власти—помышлять о томъ, что располагаетъ насъ къ смиренію, мудрствовать о томъ, рассуждать, говорить и то дѣлать; но само святое смиреніе, съ его существенными свойствами, дарами и дѣйствами, не въ нашей власти, но есть даръ Божій, чтобъ не вздумалъ кто хвалиться даже и этимъ.

Иное есть не печалиться и не гнѣваться при безчестіяхъ, поношеніяхъ, искушеніяхъ и встрѣчающихся прискорбностяхъ, и иное—желать этого съ благодареніемъ, когда случится что такое. Иное опять есть—молить Бога о тѣхъ, кои причиняють это, иное—прощать имъ, иное любить ихъ отъ всей души, какъ благодѣтелей, и иное—напечатлѣвать въ умѣ лица каждаго изъ нихъ и цѣловать ихъ безстрастно, какъ искреннихъ друзей своихъ, со слезами чистой любви,—такъ, чтобы на душѣ не было совершенно никакого знака оскорбленія, или страсти. Большее изъ всего сказаннаго есть, когда кто въ самое время искушенія таковое же имѣетъ расположеніе и къ тѣмъ, которые поносятъ его въ лице, или клеветуютъ на него, и ко всѣмъ другимъ, кои или осуждаютъ его, или презираютъ и ставятъ ни во что, или плюютъ въ лице, еще и къ тѣмъ, кои по видимости притворяются друзьями, а тайно также дѣйствуютъ противъ него, какъ и сказанные предъ симъ,—и это не утаевается отъ него, но онъ то знаетъ. И изъ этого опять высшее и совершеннѣйшее безъ сравненія есть мнѣ кажется, то, если кто совсѣмъ забываетъ претерпѣнныя искушенія и никогда не вспоминаетъ тѣхъ, кои его опечалили или какънибудь обезчестили, ни когда они бывають на лицо, ни когда отсутствуютъ, но имѣетъ и ихъ наравнѣ съ друзьями своими безъ всякаго различенія, сколько когда бесѣдуетъ съ ними, столько же и тогда, когда вкушаетъ вѣстѣ съ ними пищу. Все это суть дѣла и совершенства мужей, ходящихъ во свѣтѣ. Которые же чувствуютъ, что они далеки отъ такихъ порядковъ и правилъ жизни, тѣ пусть не обольщаются и не обманываютъ себя, но да вѣдаютъ наивѣрнѣйше, что они ходятъ во тмѣ.

Иное опять есть бояться Бога, и иное и исполнять заповѣди Его, какъ написано: *бойтесь Господа вси сати Ею* (Пс. 33, 10),—и еще: *уклонися отъ зла и со-*

твори благо (— — 15). Иное есть бездѣйствіе (упраздненіе отъ дѣлъ), а иное—безмолвіе, и иное опять молчаніе. Иное есть удаленіе и преселеніе съ одного мѣста на другое, и иное — странничество. Иное есть негрѣшеніе, и иное—дѣланіе заповѣдей. Иное есть противиться врагамъ и бороться съ ними, и иное—побѣдить ихъ окончательно, покорить и умертвить: первое есть дѣло подвизающихся и святыхъ, ревностно идущихъ къ совершенству, а второе есть дѣло безстрастныхъ и совершенныхъ, которые многими трудами и потами побѣдили враговъ своихъ въ конецъ, и украсились, какъ какою блестящею одеждою, живоносною мертвостію Христовою.

Къ достиженію показанныхъ совершенствъ многіе устремлялись, одни для одной, другіе для другой цѣли. Но весьма немногіе приступали къ сему съ истиннымъ страхомъ Божиимъ, съ любовію искреннею и вѣрою несомнѣнною,—которые одни, спомоществуемы будучи благодатію Божіею, скоро навикаютъ дѣланію заповѣдей и преуспѣваютъ во всѣхъ сказанныхъ выше отличіяхъ, каждочасно возрастая въ добродѣтеляхъ. Другіе же остаются блуждать, какъ въ непроходной (бездорожной, судя по слову Псалма 106, 40: *по непроходный, а не по пути*) пустынѣ,—о каковыхъ написано: *отпустихъ я по начинаніямъ сердецъ ихъ, пойдутъ въ начинаніяхъ своихъ* (Псал. 8, 13). *И якоже не искусиши имъни Бога въ разумъ, (сего ради) предиде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. 1, 28). Итакъ, тѣ, которые на камнѣ послушанія святымъ отцамъ положили доброе основаніе вѣры и надежды, со страхомъ и трепетомъ, и на семъ основаніи устрояютъ вѣрность заповѣдямъ, какія даютъ имъ духовные отцы, соблюдая ихъ, какъ бы ихъ налагалъ на нихъ самъ Богъ,—такіе тотчасъ преуспѣваютъ въ отверженіи себя. Творить не собственную свою волю, но волю духовнаго отца своего, по запо-

вѣди Божіей, и такимъ образомъ упражняться въ добродѣтели, — сіе пораждаетъ не только отверженіе себя самого, но и умертвіе всему міру. Потомъ, когда выйдетъ таковой всѣмъ чувствомъ души изъ міра и станетъ быть внѣ его, какъ въ пустынѣ, тогда овладѣвается страхомъ и трепетомъ неизъяснимымъ, и начинаетъ вопіять къ Богу изъ сердца, какъ вопіалъ Іона изъ утробы кита морскаго, Даніиль—изъ рва львичаго, три отрока—изъ печи пламенной, Манассія—изъ среды мѣднаго быка. Сіи болѣзненныя и скорбныя степенія его и гласъ молитвы его тотчасъ услышавъ Господь всеблагій, животь Свой давший на смерть за насъ грѣшныхъ, извлекаетъ его, какъ извнутри кита, изъ бездны невѣдѣнія и омраченія, наводимаго міролюбіемъ, чтобъ онъ не возвращался болѣе туда, ни даже помысломъ,—освобождаетъ его, какъ изъ рва львинаго, отъ злыхъ похотей, кои похищаютъ и снѣдаютъ души человѣческія, и какъ изъ печи огненной, отъ страстныхъ влеченій, кои господствуютъ во всѣхъ людяхъ, жгутъ насъ, какъ огонь, растлѣваютъ насъ, съ насиліемъ тапуть къ неумѣстнымъ дѣланіямъ и возжигаютъ пламень страстей ввнутри насъ. Отъ всего этого, говорю, Господь освобождаетъ его, орошая его благодатію Святаго Духа и дѣлая его чрезъ то неопалимымъ,—освобождаетъ, какъ извнутри мѣднаго вола, отъ этой плоти, земляной, тяжелой и страстной, въ которой живущая душа наша бываетъ совсѣмъ неподвижна и неохоча ни на какую добродѣтель и дѣланіе заповѣдей Божіихъ, будучи крѣпко держама, туго вяжема и тяготима сею плотію, какъ естественно соединенная съ нею. Когда такимъ образомъ душа освободится отъ тиранства плоти (не говорю,—отдѣлится отъ тѣла чрезъ смерть его), тогда и она начинаетъ взывать съ Пророкомъ говоря: *растерзалъ еси вретнище мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ: яко да воспоешь Тебѣ слава моя* (Псал. 29, 12),—

а также и благодарить вмѣстѣ съ Павломъ, говоря: *благодарю Бога Иисусъ-Христомъ Господомъ нашимъ, что законъ духа жизни о Христѣ Иисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 7, 25; 8, 2).

Когда благодатию Христовою совершится все сіе въ немъ, какъ я сказалъ, и когда освободится онъ отъ невѣдѣнія и омраченія, наводимаго міролюбіемъ, когда избавится отъ лукавыхъ и скверныхъ пожеланій и отъ похотей смертной плоти сей, порабоощающей насъ закону грѣховному, тогда что станетъ онъ дѣлать съ сего момента и далѣе? Употребить ли онъ эту свободу на покое ніе себя и беззаботность?—Перестань ты говорить такія рѣчи и держать такія предположенія.—Такія предположенія могутъ идти только къ людямъ, кои поистинѣ суть рабы, а не свободные. Тотъ же, кто сподобился получить сказанную свободу, знаетъ, что освобожденъ отъ закона грѣховнаго съ тѣмъ, чтобъ не работать болѣе грѣху, а работать правдѣ, которая есть Христосъ Господь,—солнце правды, какъ Онъ именуется и есть.—Чтобы показать вамъ, какую любовь къ Богу являетъ таковой съ того момента и далѣе, представлю вамъ это примѣрами изъ человѣческихъ дѣлъ, которыя бывають у насъ каждадневно.

Представьте себѣ, что какой либо царь, сострадательный и человѣколюбивый, увидѣвъ раба, поработившагося самоохотно тирану, обольстившему его, безжалостно обременяемаго работами въ дѣланіи кирпичей, обдѣлываніи камней и рытіи канавъ и служащаго нечистымъ похотямъ того злаго тирана,—идетъ самъ своимъ лицомъ и исхищаетъ его и освобождаетъ отъ такого срамнаго и тяжелаго служенія, и опять беретъ его въ царскія палаты на услуженіе безъ всякаго укора за прежнее его паденіе. Рабъ этотъ, освобожденный отъ такихъ и толикихъ прискорбностей, естественно цотомъ всячески усиливается

явить себя болѣе ревностнымъ и скорымъ исполнителемъ велѣній царя, нежели другіе его сослужители, не испытавшіе плѣна, чтобъ засвидѣтельствовать величайшую и теплѣйшую свою къ нему любовь, всегда нося въ памяти, отъ какихъ золь онъ освободилъ его. Тоже самое помышляй бывающимъ и въ томъ, кто получилъ помощь отъ Бога, какъ я сказалъ. И какъ царь оный видя, что рабъ тотъ исполняетъ всякое его хотѣніе съ великою готовностію и со всякимъ смиреніемъ, хотя совѣмъ не нуждается въ услуженіи его, имѣя множество другихъ слугъ, однакожь за добрыя чувства раба того, являетъ къ нему особенную любовь, такъ тоже самое бываетъ и съ тѣмъ, о комъ мы сказали. Ибо какъ тотъ, получившій отъ Бога свободу духа, никогда не утомится и не перестанетъ отъ того, чтобъ паки и паки, и всегда исполнять волю Божию, съ наиболѣе теплѣйшею готовностію, такъ и вѣчный Царь и Богъ никогда не лишитъ его благъ вѣчной жизни, но будетъ снабжать его ими пребогато,—и сколько увидить, что тотъ каждодневно умножаетъ свою къ Нему любовь и услуженіе, столько будетъ умножать и Свои ему дары.

Благодѣянія и дары, какіе Богъ даетъ рабамъ Своимъ, безчисленны, и никто не можетъ исполнѣ постигнуть ихъ. Одни дастъ Онъ имъ въ настоящей жизни, а другіе дастъ въ жизни будущей. Объ этихъ дарахъ, какіе благоутробный Богъ подаетъ любящимъ Его въ сей жизни, скажу и я любви вашей немногое нѣчто, иное отъ Божественнаго Писанія, а иное изъ того, что я и самъ позналъ опытно.

Поелику люди къ тремъ вещамъ показываютъ особое усердіе и заботу, или къ богатству, или къ славѣ, или къ свободѣ и радости,—и наслажденію, доставляемому сими двумя, то и Владыка нашъ и Богъ тѣмъ, кои, оставя все, взяли крестъ свой и послѣдовали за Нимъ. не

позвращаясь вспять, перво-на-перво богато даруетъ эти же три. вмѣсто тлѣннаго богатства Онъ даетъ имъ всего Себя Самого. Понялъ ты мысль слова сего? Слышалъ страшное чудо? Какъ богатые міра сего изживаютъ свое богатство на свои нужды, привычки и желаемыя наслажденія, такъ и благій Владыка напѣ даруетъ Себя Самого истиннымъ и вѣрнымъ рабамъ Своимъ, исполняетъ всякое ихъ желаніе и потребу, какъ они того желаютъ, и даже больше того, чѣмъ желаютъ, снабжаетъ ихъ богато всякимъ благомъ и подаетъ имъ всегда нетлѣнное и вѣчное услажденіе. Вопервыхъ они полны бываютъ неизреченной радости, что стяжали и имѣютъ въ себѣ не міръ и не блага міра сего, но самого Творца и Господа и Владыку всѣхъ. Послѣ сего они одѣваются свѣтомъ, Самимъ, говорю, Христомъ и Богомъ, всѣмъ всецѣло во всѣхъ себѣ, видятъ самихъ себя украшенными неизреченною славою, какъ свѣтлымъ какимъ и божественнымъ убранствомъ, и закрываютъ лице свое, не снося смотрѣть на непостижимое и чрезмѣрное сіяніе сего убранства своего, такъ что ищутъ какого нибудь сокровеннаго мѣста, чтобъ, укрывшись въ немъ, какъ бы сложить съ себя великую тяготу славы сей и сего сіянія. Потомъ самъ Владыка Христосъ бываетъ для нихъ и пищею и питіемъ всегдашнимъ и безсмертнымъ: для тѣхъ, которые суть еще младенцы о Христѣ, несовершенны и не могутъ вкушать твердой пищи, Господь является какъбы нѣкимъ свѣтовымъ и блестящимъ сосцемъ, который влагается въ уста ихъ и даетъ имъ сосать изъ себя, для каковыхъ Христосъ бываетъ вмѣстѣ и ястіемъ и питіемъ, и доставляетъ имъ столь великую сладость и удовольствіе, что они не хотятъ, или лучше сказать не могутъ оторваться отъ него; для тѣхъ опять, которые уже одоены. Христосъ является чадолюбивымъ отцемъ, дѣтководитъ ихъ, учитъ и исправляетъ: ибо какъ любящій отецъ по-

саждаетъ дѣтей своихъ за трапезу свою и вкушаетъ вмѣстѣ съ ними, а когда увидитъ, что они нерадятъ о своихъ урокахъ и занимаются другими бесполезными вещами, тогда лишаетъ ихъ своей трапезы и слугамъ приказываетъ не давать имъ пищи, научая ихъ симъ способомъ не нерадѣть объ урокахъ своихъ, такъ и благій Владыка нашъ и Богъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ рабамъ Своимъ,—чадамъ Его по человѣколюбію и благодати; ибо имъ даетъ себя Христосъ,—хлѣбъ, сходящій съ неба и дающій животъ міру, и они питаются Имъ и вмѣстѣ съ Нимъ всегда вдоволь, и чрезъ причащеніе сего хлѣба шествуютъ къ вѣчному животу, освящаясь душою и тѣломъ. А когда вознерадятъ они о заповѣдяхъ Его и самовольно предавшись лѣности, презрять ихъ и впадутся въ дѣла міра сего, бесполезныя и не согласующіяся съ благочестіемъ, тогда Онъ, Питатель всего, лишаетъ ихъ Себя Самого, а чрезъ то и всего того, о чемъ мы говорили, и еще большаго того. Таковые, когда, пришедши въ чувство и помысливъ, какого блага лишились, обратятся опять къ Нему и взыщутъ Его, какъ обычно бывало, но не обрящутъ, тогда начинаютъ проливать слезы и плакать неутѣшно, подвергать себя всякимъ чувственнымъ лишеніямъ, желая и изъявляя готовность на всякую скорбь, искушеніе и безчестіе, чтобы только человѣколюбивый Отецъ, увидѣвъ скорбь ихъ и произвольныя злостраданія, сжалятся надъ ними и возвратившись къ нимъ, опять далъ имъ Себя. Что и бываетъ: стяжаютъ они паки Христа, возстановляются въ прежнюю близость и славу еще съ большимъ дерзновеніемъ, вводятся опять во вкушеніе благъ оныхъ, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не въздоша, и паче прежняго начинаютъ благоговѣнствовать предъ Отцемъ своимъ и трецетать, какъ предъ грознымъ Владыкою, боясь, какъ бы не впасть опять въ тѣже грѣхи по не-

вниманію и не быть отогнанными отъ благъ Отца своего. Такъ поступаютъ тѣ, которые, искренно съ болѣзнію сердца каются, и за это улучаютъ опять блага, о коихъ мы говоримъ. Но которые боятся трудовъ покаянія, малодушествуютъ въ скорбяхъ и стѣсненіяхъ по требованію его, предаются лѣности и безпечному покою, — такіе, какъ недостойные и не настоящіе сыны, или, лучше сказать, какъ презрители, предпочитающіе удовольствія тѣлесныя вѣчнымъ благамъ и даже Самому Богу, не сподобляются болѣе вкушенія оной духовной сладости, ни облеченія одеждою божественной славы, не праведно лишенными остаются богатства благости Божіей, и походятъ на псовъ, у которыхъ нѣтъ хозяина. Ибо какъ эти псы блуждаютъ по улицамъ и стогнамъ града, чтобъ найти гдѣ либо кость какую нибудь, или клочъ старой кожи, и погрызть ихъ. или чтобъ напасть на мѣсто, гдѣ заклано животное, илизать крови, а если встрѣтятъ падалище, то бросаются на него и ѣдятъ ненасытно, и отойти отъ него не хотятъ, но грызутся съ другими псами и отгоняютъ ихъ, пока не съѣдятъ и самыхъ внутренностей и не оставятъ одни голыя кости, такъ и эти обходятъ врага богатыхъ и бѣдныхъ, чтобъ набрать въ лоно свое, если случится кому дать имъ что, золото, серебро или другое что. Такъ какъ они потеряли истинное и нетлѣнное оное богатство, то, когда случится имъ понабрать кое-чего, имъ кажется на короткое время, что они сыты, удовлетворены и не требуется для нихъ ничего болѣе. Впрочемъ когда овладѣетъ ими, какъ голодъ, невѣріе съ безнадѣіемъ, тогда они опять обращаются къ прежнему попрошайству, полны будучи попеченія объ одномъ настоящемъ, несчастные и достойные слезъ, потому особенно, что ради временнаго и ничтожнаго небрегутъ о вѣчной всеблаженной жизни.

И они безотвѣтны. Богъ явилъ имъ богатство благодости Своея, сподобилъ ихъ вкусить небесной благодати и содѣлалъ ихъ причастниками Духа Святаго, какъ говорить божественный Павелъ. Но они не прославили Его, какъ Бога, не возлюбили, не возблаговѣли предъ безпредѣльною Его благодѣтельною и не возблагодарили Его, но осуетились въ помышленіяхъ своихъ и омрачилось неразумное ихъ сердце, и они, глаголющія быти мудры, объюродѣша. Но тѣ, которые боятся Бога, не поступаютъ такъ, но съ радостію терпятъ обучительныя наказанія Отца своего Владыки, какъ рабы благодарныя и какъ сыны истинныя, говоря: *гнѣвъ Господень стерплю, яко согрѣшихъ Ему* (Мих. 7, 9). И еще: *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8, 18). Говорятъ такъ и смиренно постоянствуютъ въ терпѣніи обучительнаго наказанія Господня и во всегдашнемъ покаяніи, не малодушествуютъ и не тяготеютъ имъ, но пользуются имъ, какъ руководствомъ, по сказанному нами способу, и находятся всегда въ отеческомъ своемъ домѣ, украшенные свѣтлымъ уборомъ, вкушаютъ пищу вмѣстѣ съ Отцемъ своимъ, видятъ славу Его и богатство, кои имѣютъ наследовать. Когда такимъ образомъ воспитаются они и обучатся, и достигнутъ въ мѣру возраста мужа совершеннаго, тогда и всеблагій Отецъ отдаетъ въ руки ихъ всѣ блага Своя.

2) Но скажемъ прежде, что есть мѣра духовнаго возраста и высота исполненія Христова, а потомъ опишемъ блага Отца небеснаго и покажемъ, какія изъ нихъ даетъ Онъ въ руки тѣхъ, кои вѣруютъ въ Него. Слушай же внимательно.

Мѣру возраста исполненія Христова составляютъ такія черты жизни духовной, кои созерцаются духовно. Начинаю изображеніе чертъ сего возраста снизу: ноги

его—вѣра, а святое смиреніе—основаніе его твердое и непоколебимое. Голени, колѣна, бедра—нестыжательность, обнаженіе отъ всего, странничество, подчиненіе, бывающее съ разумомъ по любви Христовой, послушаніе и благоохотное служеніе. Внутреннѣйшія и сокровеннѣйшія части (надо полагать—первы)—непрестанная умная молитва, сладость, поражаемая изліяніемъ слезъ, радость сердца и непрестанное его утѣшеніе и покой. Жилы и мускулы (съ костями)—постоянство и терпѣніе въ молитвахъ (домашнихъ) и на церковныхъ службахъ, и горѣніе желанія созерцать Бога и бесѣдовать съ Нимъ, порождаемое молитвами и богослуженіемъ церковнымъ, какъ поетъ Божественный Давидъ: *разжзи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2); и св. Павелъ говоритъ: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Еф. 6. 14); и Апостоль Петръ: *препоясавше чресла помысленія вашего, трезвящися, совершенны уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ-Христовымъ* (1 Петръ. 1, 13). Благодатію здѣсь называетъ онъ даръ Святаго Духа, дѣлающій насъ сопричастниками и сообщниками Бога. Животъ, желудокъ и весь снарядъ внутренностей—рабочія силы души, въ срединѣ которыхъ, какъ бы сердце, стоитъ разумная сила, имѣющая подъ собою и выѣстъ съ собою силы желательную и раздражительную. Впрочемъ не они собственно разумѣются подъ сказанными частями, а наипаче то, что направляетъ сіи силы къ единому и связуетъ между собою, именно: кротость, простота, незлобіе, состраданіе, благоговѣнство и страхъ Божій, которыя, подобно ребрамъ, перепонкамъ, покровамъ и связкамъ, сжимаютъ тѣ силы, покрываютъ и не даютъ имъ обращаться къ видимымъ вещамъ міра сего, или желать что либо изъ нихъ, равно какъ не отпускаютъ завидовать имѣющимъ ихъ, серчать изъ-за нихъ и злопамятствовать.

Когда не бывает никакого страстного устремленія этихъ трехъ силъ вовнѣ, т.-е. къ видимымъ вещамъ, тогда онѣ сохраняются внутри, сокрытыми. А когда онѣ пребываютъ внутри одни сами съ собою и блюдятся со вниманіемъ сказанными добрыми расположеніями, тогда разумная сила здраво рассуждаетъ и вѣрно отличаетъ добро отъ зла, и показываетъ опредѣленно и властно силѣ желательной, къ какимъ вещамъ подобаетъ ей склоняться желаніемъ, какія любить, отъ какихъ отвращаться; раздражительная сила стоитъ между сими двумя, какъ благопокорливый рабъ, готовый усердно служить желаніямъ ихъ, и всегда спомоществуетъ имъ, пробуждаетъ и подвигаетъ къ мужеству и содѣйствію добрымъ и противодѣйствію злымъ людямъ. Но поелику Богъ, создавшій всяческая, несравненно лучше всего созданнаго, то совершенно благословно человѣку, почтенному разумною силою и стяжавшему умъ нематушійся, какъ мы сказали, и не увлекающійся страстными замыслами, вмѣсто всего другаго или паче всего другаго почитать и возлюбить Творца всего и Владыку, и къ Нему единому обратить все свое желаніе, показывая Его ему нѣкоторымъ образомъ и говоря: послушай меня и воззри (на Бога), осяжи со страхомъ и трепетомъ, — вкуси безсмертныя сладости, обоняй духовное муро и познай, что нѣтъ никого другаго столь прекраснаго, какъ Богъ, или столь пріятнаго, или столь сладкаго, или столь могущественнаго, или столь премудраго, или столь славнаго, или такого, который могъ бы животворить, дѣлать нетлѣвнымъ и безсмертнымъ. Когда желаніе человѣка вкусить всего сего и насытится, тогда и раздражительная его сила вся соединится съ разумною и желательною, и бываютъ три едино въ созерцаніи тройческой единости Трїипостаснаго Божества и въ этомъ радостотворномъ блистаніи собственнаго ихъ Владыки.

Тогда и слѣда не остается раздѣленія сихъ трехъ, но бывають онѣ едино. Когда же эти три силы души,—разумная, раздражительная и желательная, отъ простоты единого и единственного блага обратятся къ разсмотрѣнію и различенію злыхъ и добрыхъ вещей, сущихъ здѣсь въ мірѣ, тогда и желаніе, и мысль, и чувство нераздѣльно устремляются къ тому, что противно волѣ Божіей. Ибо тогда раздражительная сила движется только къ этимъ и среди этихъ вещей.

Имѣлъ бы я и еще многое другое сказать о томъ, что соотвѣтствуетъ въ духовной жизни желудку, о духовномъ ястіи и питіи, о духовной алчбѣ и жаждѣ; но чтобъ не удлинить крайне моего слова, и чтобъ, дѣлая таинственное и сокровенное общеизвѣстнымъ и явнымъ, не дать повода тѣмъ, кои любятъ собирать чужія слова и богатиться чужими трудами и сокровищами, воспользоваться тѣмъ не какъ слѣдуетъ, умалчиваю о томъ, оставляя то прикровеннымъ, чтобъ желающіе доискивались до того дѣятельнымъ вѣдѣніемъ.

Но возвратимся опять къ своему предмету. До живота и желудка мы уже составили тѣло возраста духовнаго о Христѣ Іисусѣ. Теперь слѣдуетъ намъ восходить до головы, чтобъ представить тѣло духовное въ его полнотѣ и всецѣлости. Итакъ, что есть въ тѣлѣ духовнаго возраста о Христѣ — грудь, спина, плечи, мышцы, руки, шея?—Подъ грудью его разумѣй благоутробіе, въ которомъ есть сосцы челоуѣколюбія, источающія и богато дающія млеко милостыни сиротамъ, вдовицамъ и всѣмъ другимъ нуждающимся,—какъ говорить Апостолъ: *облецытеся во утробы щедротъ* (Кол. 3, 12). Но откуда набирается сіе млеко въ сосцы, и какъ готовится, сіе оставляю изыскать вамъ самимъ. Подъ спиною разумѣй то, что истинно духовные охотно берутъ на себя и поднимають тяготы другихъ, и съ радостію несутъ

язвы и страсти Христовы, какъ говорить Апостолъ: *должны есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити* (Рим. 13, 1). И еще: *прочее труды да никтоже ми дасть: изъ бо язвы Господа Исуса на тѣлѣ моемъ ношу* (Гал. 6, 17), и Господь говоритъ чрезъ Пророка: *плещи моя вдахъ на раны, ланитѣ мои на заушеніе* (Ис. 50, 6),—чего хотѣ и не случится намъ потерпѣть, но ждать того надлежитъ намъ всегда и каждый часъ быть къ тому готовыми. Подъ плечами и мышцами разумѣй терпѣніе и сносливость въ искушеніяхъ и скорбяхъ. Ими и съ ними, т.-е. терпѣніемъ и сносливостію, направляется и идетъ дѣятельность и рукъ; руками же я называю дѣятельную силу и готовность всячески слушаться заповѣдей Божіихъ и исполнять ихъ. Эти, т.-е. дѣятельная сила (энергичность) и готовность на всякое послушаніе, безъ терпѣнія и сносливости не могутъ установиться и окрѣпнуть, или не могутъ быть приобрѣтены. Подлѣ такихъ рукъ духовное тѣло имѣетъ еще другія духовныя руки, коими оно утѣшаетъ малодушныхъ и нетерпѣливыхъ, поднимаетъ падающихъ, обвязываетъ сокрушенныхъ, возливая на раны ихъ елей и вино; этими же руками и оно каждодневно дѣлаетъ и другое многое для братій, словомъ и дѣломъ; или же оно касается края ризы Владычней, привоситъ хлѣбъ Господу своему и даетъ чашу въ руки Его, и такимъ образомъ питаетъ Его, питающаго всякое дыханіе единымъ мановеніемъ своимъ,—питаетъ, говорю, тою пищею, о которой самъ Онъ сказалъ, что желаетъ ея, и желаетъ крѣпкимъ желаніемъ. И блаженъ тотъ, кто знаетъ сіе, и имѣетъ, и приноситъ Владыкѣ своему; потому что и Христосъ Господь, сѣдѣющій на Херувимахъ, пріиметъ его въ царство небесное, посадить и упокоитъ, и преподсавшись послужить Ему, по неложному обѣтованію Своему. Шея этого духовнаго тѣла есть несомнѣнная надежда.

Се благодатию и помощію Божіею изобразили мы все духовное тѣло, со всѣми почти членами мужа совершеннаго. Остается еще неуказанною одна голова его. Но можетъ быть вамъ подумается, что уже всѣ члены показаны,—и ни одинъ не забыть, т.-е., можетъ быть, подумаете, что достаточно и того, что сказано, для полноты добродѣтели и спасенія души. Однакожь не такъ есть, братія мои,—нѣтъ, не такъ. Ибо какъ тѣло, имѣющее всѣ члены, а головы не имѣющее, мертво бываетъ и бездѣйственно; и опять голова, сама одна безъ всего прочаго тѣла, хотя все же есть голова, но будучи отдѣлена отъ тѣла, не можетъ показать своей дѣйственности (энергій), такъ бываетъ и съ духовнымъ тѣломъ, котораго составъ мы изобразили выше, содѣйствіемъ Святаго Духа,—что все, что мы сказали о немъ, безъ головы тщетно и бесполезно, хотя многіе думаютъ необдуманно, что дѣланіемъ сихъ безглавыхъ членовъ и частнымъ ихъ стяжаніемъ, они исправили все сполна и всецѣло. Будучи мертвы, они не чувствуютъ, какого лишены блага, разумъ, головы. Тѣ члены, о которыхъ мы сказали, и которые разсматривали отдѣльно одинъ отъ другаго, для удобнѣйшаго понятія ихъ значенія и дѣйствія, безъ головы и безъ естественнаго соединенія одного съ другимъ, не могутъ совсѣмъ составиться и установиться (образоваться и прочно стоять въ душѣ). Ибо какъ тѣло малаго младенца никоимъ образомъ не можетъ вырасть, если не имѣетъ головы; когда же эти оба соединены, и другъ другу помогаютъ (пищу, наприм. тѣло принимаетъ устами, потомъ изъ тѣла она уже возпосылается и въ голову въ видѣ питательной жидкости—крови),—тогда этимъ способомъ питается и растетъ весь человѣкъ, такъ тоже самое бываетъ и въ духовномъ тѣлѣ (т.-е. что оно питается, живетъ и растетъ), когда поверхъ его утвердится

и гласа. Слушай внимательно, припомнивъ и сказанное мною прежде,—и роскрою тебѣ это пояснѣе.

Итакъ, имѣешь вѣру и смиреніе—основы добродѣтелей, и поверхъ сихъ двухъ имѣешь назданными всѣ прочія добродѣтели, указанныя мною прежде, изъ которыхъ построено все тѣло (духовнаго человѣка) и возведено до шеи,—надежды, которая стоитъ надъ всѣмъ прочимъ тѣломъ добродѣтелей. Впрочемъ она одна безъ соединенія съ главою, умираетъ на ряду съ другими членами сего тѣла; ибо тогда неоткуда ей принимать дыханіе, или воздыханія Духа, животворящаго и движущаго все тѣло то и всѣ члены его, неоткуда получать нетлѣнную пищу. Итакъ, чтобъ не оставить недоконченную мѣру возраста Христова. поверхъ надежды положимъ святую любовь,—воистину главу добродѣтелей, какъ говорятъ уста Христовы—божественный Павелъ: *нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сія: больши же сихъ любви* (Рим. 13, 13). И еще: *аще имамъ вѣру, яко и горы престаавляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще продамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никакая польза ми есть* (— —2, 3). Всѣ показанныя мною прежде добродѣтели совершаетъ вѣра, бывая воодушевляема въ усердіи къ нимъ, учима имъ и укрѣпляема на нихъ надеждою,—посредницею между ними и любовію. Сіе, сказываемое мною теперь, бываетъ невидимо и нечувствуемо тѣми, кои еще несовершенны; ибо несовершенные въ добродѣтели не чувствуютъ этого и не понимаютъ. Но когда вѣра, воодушевляясь надеждою, совершаетъ всѣ добродѣтели, тогда питаетъ ими и грѣетъ главу, т.-е. любовь, и дѣлаетъ то, что она возрастаетъ посредствомъ ихъ. Опять е глава чѣмъ болѣе бываетъ питаема и растетъ, тѣмъ болѣе и прочему тѣлу добродѣтелей сообщаетъ силы и дѣлаетъ его ревностнѣйшимъ къ большому и большому преспѣванію. Такъ растутъ мало

по малу всѣ члены всего тѣла духовнаго, состоя въ живой, тѣсной и неразрывной связи съ св. любовію.

Сія любовь,—глава всѣхъ добродѣтелей, есть Христосъ и Богъ нашъ. Который для того сошелъ на землю, содѣлался человѣкомъ, воспріявъ на Себя и нашу земную плоть, чтобъ сдѣлать насъ причастными своего Божества существенно, или чтобъ преподать намъ всѣ дары Святаго Духа, сдѣлать насъ духовными и нетлѣнными и возвестъ на небеса. Сія любовь, какъ говоритъ божественный Павелъ, изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ (Рим. 5, 5) и есть потому причастіе благодати Христовой, посредствомъ коей соединяемся съ Богомъ. О сей любви говоритъ и Іоаннъ Богословъ: *совершенно любви вои изгоняетъ страхъ: боялся же не совершися въ любви* (1 Ів. 4, 18). И еще: *видите, какову любовь далъ есть Отецъ нашъ, да чада Божія наречемъ* (—3, 1). Любовію здѣсь называетъ онъ благодать Св. Духа, чрезъ которую мы получаемъ сыноположеніе и содѣловаемся чадами Божиими. Сей любви никто изъ людей не можетъ ни видѣть, ни получить, ни сочетаться съ нею, ни стяжать ее, зачѣдомо какъ духовную главу свою, если не сохранять твердой и непоколебимой вѣры во Христа и если со всею ревностію не наздастъ на ней сказанныхъ мною добродѣтелей. Тотъ же, кто не видѣлъ ея, не соединился съ нею и не вкусилъ сладости ея, не можетъ и возлюбить ее какъ слѣдуетъ; ибо кого кто не видалъ, того какъ можетъ онъ возлюбить,—какъ говоритъ Апостолъ: *не любяи брата, евоже видѣ, Бога, евоже не видѣ, како можеть любити?* (1 Ів. 4, 20). И опять, если онъ не возлюбитъ Его отъ всей души и отъ всего сердца, прежде по естественнымъ помышленіямъ и по сущему въ насъ любленію Его, то не сподобится видѣть Его. Ибо Онъ самъ сказалъ: *любяи Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ; тогда, говорить, и Азъ возлюблю его, и*

явлюся ему самъ (Ин. 14, 21). Изъ этого явно, что если кто не возлюбитъ Бога отъ всей души и не покажетъ любви сей отверженіемъ себя самого и всего міра, то не сподобится увидѣть Его таинственно чрезъ откровеніе Духа Святаго,—не имѣть Его и главою своею, но есть тѣло умершее и неподвижное на духовныя дѣла и лишенное жизни всѣхъ—Христа.

Тѣ же, которые сподобились соединиться съ Нимъ и стяжать Его главою себѣ (прошу обратить вниманіе на слово сіе), бывають и сами богами по благодати, подобными Сыну Божію. О, дивное чудо! Отецъ одѣваетъ ихъ въ первую одежду, т.-е. въ одѣяніе Господа, которое носилъ Онъ прежде сложенія міра. Ибо, какъ говоритъ божественный Павелъ, *елицы во Христа крестятся во Христа облекостся* (Гал. 3, 27), и вмѣстѣ въ Духа Святаго, Который и измѣняетъ боголѣпно всѣхъ ихъ нѣкімъ дивнымъ, неизреченнымъ и божественнымъ измѣненіемъ,—о каковомъ говоритъ Давидъ: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). — и наперсникъ Христовъ, св. Іоаннъ: *возлюбленный, нымъ чада Божія есмы, и не у явися* сущимъ въ мірѣ, *что будемъ: вмѣстѣ же* отъ Духа, Коего далъ Онъ намъ, *яко егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Ин. 3, 2). Даетъ имъ еще Отецъ и умъ Христовъ, да сіяетъ онъ надъ главою ихъ и открываетъ имъ тайны, которыхъ не можетъ выразить въ словѣ языкъ человѣческій. Даетъ Онъ имъ при этомъ и новыя очи, и новый слухъ.—И что говорить много о томъ, чего невозможно высказать всего?—Весь Онъ самъ, Сынъ и Слово Божіе вмѣстѣ со Отцемъ и Духомъ Святымъ обитаетъ въ нихъ. Каждый изъ таковыхъ бываетъ сознательно, съ свидѣтельствомъ умнаго чувства, храмомъ Божіимъ; и тогда онъ вопіетъ съ дерзновеніемъ, говоря: *живу не тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). И еще: *егда бѣхъ младенецъ, яко младен-*

нецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовашъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая (1 Кор. 13, 11). Сего ради вся терплю (2 Тим. 2, 10), все покрывая (1 Кор. 13, 7), укоряемый благословляю, гонимый сношу, хулимый молю (1 Кор. 3, 12. 13), да обитаетъ во мнѣ сила Христова (2 Кор. 12, 9).

Таковъ совершенный, не имѣющій однакожь завершенія, возрастъ мужей духовныхъ. Совершенство онъ бываетъ, поколику сіе возможно для насъ; незавершимъ же, потому что совершенство его сокровенно въ Богѣ. Полнота его есть смерть за Христа и заповѣди Его; такъ что какъ Христосъ исполнилъ весь законъ и предалъ Себя самого за спасеніе всего міра, претерпѣвъ крестъ и смерть и моляся въ тоже время Отцу своему о тѣхъ, которые распяли Его, говоря: *Отче, отпусти имъ грѣхъ ихъ, не видятъ бо что творятъ*: такъ должны и мы имѣть рѣшимость умереть за Христа и заповѣди Его и за спасеніе братій нашихъ, чтобъ не имѣть намъ надежды на себя самихъ, но на единого Бога, воскрешающаго мертвыхъ. Если и не случится намъ умереть на сильственной и мученическою смертію, но человѣколюбивый Богъ нашъ вмѣнитъ намъ то, что мы умерли произволеніемъ (т.-е. имѣли рѣшимость и держали готовность умереть за Него) въ дѣйствительное постраданіе смерти, какъ говорить и Апостолъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31), — не потому, чтобъ онъ многократно умиралъ самымъ дѣломъ, но произволеніемъ. Кромѣ того должны мы еще молить Бога за тѣхъ, которые печаливаютъ насъ по какой либо причинѣ, или осуждаютъ насъ, и за тѣхъ, которые непрестанно враждуютъ противъ насъ по злобѣ своей, — и за всѣхъ людей, вѣрныхъ и невѣрныхъ, да просвѣтитъ ихъ Богъ, чтобъ вѣрные достигли совершенства добродѣтелей, а невѣрные избавились отъ заблужденія и вступили въ истинную вѣру.

До этого сказаннаго мною невозможно никакъ додуматься когда либо человѣку самому собою или дѣломъ совершить то, если не изліется прежде богато въ душу его любовь Божія, и если ради сей любви не вселится въ него Христосъ, Который сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). Но такой благодати никто не можетъ получить, если прежде не отвергнется себя, какъ повелѣлъ Спаситель, если, т.-е., не станетъ работать Господу съ полнымъ усердіемъ и не возлюбитъ Его отъ всей души. А кто не получилъ такой благодати, тотъ пусть не обольщаетъ себя, но да вѣдаетъ, что онъ не сподоблялся еще, и не сподобится когда либо — быть соединеннымъ съ Богомъ, съ умнымъ чувствомъ, сознаниемъ и созерцаниемъ. Ибо тѣ, которые получили благодать Божию и сдѣлались мужами совершенными, и стяжали совершенный духовный возрастъ, въ сказанной нами мѣрѣ, — всѣ соединяются съ Богомъ, и видятъ Его столько, сколько и сами видимы бываютъ отъ Него. Богъ пребываетъ въ нихъ сознательно, опять и они сознательно пребываютъ съ Богомъ неразлучно.

Когда наконецъ предутъ они въ такое состояніе и сдѣлаются истинно совершенными, тогда и Отецъ ихъ небесный дастъ имъ въ руки и сущее Его (*опархота тоо* — *имѣніе, достояніе*). Подъ руками разумѣй здѣсь несомнѣнное удостовѣреніе, т.-е. что Онъ дастъ имъ сущее Его съ вѣрнымъ удостовѣреніемъ; а сущее Божіе есть безсмертная, нетлѣнная, непреложная, неизмѣнная, вѣчная, неизъяснимая красота славы, какую имѣлъ Сынъ у Бога и Отца своего прежде бытія міра, какъ говорить о семъ само Слово и Сынъ Отца: *прослави мя Ты, Отче, у Тебе самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5). И еще: *и Азъ славу, юже дахъ еси мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и мы едино ес-*

мы,—якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ во Тебѣ (Іоан. 17, 22. 21). Отъ Бога Отца нашего изливается свѣтъ, непреступный для всѣхъ грѣшниковъ, но приступный для праведныхъ, который возсіяваетъ въ нихъ и бываетъ для нихъ радостію неизъяснимою, миромъ, всякой умъ превосходящимъ, сладостію, наслажденіемъ и веселіемъ въ ненасытимомъ насыщеніи. нынѣ и въ безконечныя вѣка. Скажу кратко (удивляясь и самъ всему тому, и не имѣя силъ сказать что либо большее),—неложный и вѣрный Богъ еще отъ настоящей жизни даетъ вѣрнымъ Своимъ, какъ залогъ, начатки всѣхъ тѣхъ благъ, коихъ красоты око, омрачаемое страстьми, не видѣло, о коей и ухо, заткнутое невѣдѣніемъ, не слыхало,—и на сердце челоуѣка не всходило, что уготовалъ Богъ любящимъ Его.

Такъ вотъ что есть сущее (достояніе, благо) Отца, о которомъ я обѣщалъ вамъ сказать, и такимъ способомъ, какъ вы слышали, даетъ Онъ его любящимъ Его и проводящимъ жизнь на землѣ такъ, какъ бы жили на небесахъ, и несмотря на то, что имѣютъ умереть, такъ суть, какъ бы были теперь уже прославлены безсмертіемъ, ходятъ во мракѣ міра, какъ бы ходили во дни и въ невечернемъ свѣтѣ, дышатъ, какъ бы вдыхая въ себя воздухъ рая сладости, имѣя въ себѣ древо жизни и пищу ангеловъ, хлѣбъ небесный, которымъ питаюсь, всѣ невещественныя ангельскіе чины оживотворяются къ безсмертію. Такіе небесные челоуѣки, и находясь среди міра и дѣлѣ мірскихъ, вызываютъ вмѣстѣ съ Павломъ воистину: *наше житіе на небесехъ есть* (Фил. 3, 20),—тамъ, гдѣ святая любовь, которая соединяется съ любителями своими, осіяваетъ ихъ обильно и дѣлаетъ безстрастными—ангелами воистину.

Кго, прежде чѣмъ всецѣло соединится съ любовію, называетъ себя безстрастнымъ, или учитъ другихъ без-

страстію, или берется за дѣла безстрастныхъ, или опять не вѣрить дѣламъ, которыя творять безстрастные,—таковой походить на малое дѣтище, которое прежде времени возраста надѣваетъ на себя оружія мужей, обѣщаетъ учить другихъ воинскому искусству, говорить, что и онъ мужъ, ставитъ себя наравнѣ съ военачальниками и берется идти на войну вмѣстѣ съ ними,—что не только невозможно, но и достойно всякаго смѣха. Запутается онъ конечно въ самыя оружія, кои надѣлъ, упадетъ и ушибется, и можетъ быть такъ, что не сможетъ уже и подняться. И по дѣламъ ему это. Ибо если Богъ опредѣлилъ Моисею, какъ человѣку робкому, не выходить на войну, не тѣмъ ли паче тому, кто еще дитя, едва могущее ходить и одѣваться, прилично подождать, пока придетъ въ возрастъ мужа, а прежде того не браться за невозможное. Подобное покушеніе въ отношеніи къ духовной брани еще болѣе ни съ тѣмъ несообразно. Брань сія *нѣсть къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ миродержителямъ тмы въка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12),—*оружія воинства нашего суть не плотскія* (2 Кор. 10, 4) и видимыя, но духовныя и невидимыя, — и самая брань сія невидима, и ведется съ невидимыми врагами. Почему всѣ тѣ, которые, думая о себѣ, что суть нѣчто, показываютъ предъ людьми, будто они неробки, мужественны и многоопытны въ такой брани, преуспѣли въ наукѣ о ней, мудры и учительны и въ томъ, какъ побѣждать злыхъ духовъ, и въ томъ, какъ быть, если они побѣдятъ, и всячески усиливаются посредствомъ пустословія и сплетенія умствованій увѣрить всѣхъ о себѣ, что суть нѣкіе единоборцы и побѣдители враговъ,—всѣ такіе весьма худо поступаютъ, если ничего не знаютъ о сей брани изъ собственного опыта. И это тѣмъ хуже, что, однажды выступивъ на среду въ такомъ ка-

чествѣ, имъ ужь трудно бываетъ отказаться отъ того. Такіе обыкновенно, при всемъ томъ, что бываютъ обличаемы и осуждаемы своею совѣстію, что неопытны суть и необученны въ сей брани, никакъ не могутъ согласиться исповѣдать свое въ ссѣмъ дѣлѣ безсиліе и невѣжество; потому что сильно овладѣваютъ ими тщеславіе и челоукоугодіе, и они боятся, какъ бы не случилось имъ потерять славу челоуческую. Почему, чтобъ не явиться предъ ближними, что такое они суть по душѣ, и чтобъ люди не поняли, что они обнажены отъ духовныхъ оружій, что еще немощны и несовершенны, они прикрываютъ себя рубищемъ лицемерія и кожею овечьею,—и лицемерными словами стараются показать всѣмъ, что суть мужи совершенные, достигли въ мѣру возраста исполненія Христова и сдѣлались безстрастными,—что другіе стяжали потами и трудами великими. При всемъ однакожъ такомъ укрываніи себя, дѣла нерѣдко обличаютъ таковыхъ. Ибо какъ они не утвердили основаній вѣры и надежды на камнѣ и не возвели зданія добродѣтелей на семъ основаніи, подъ коимъ разумѣю Христа: то, будучи нетверды и неискусны, при встрѣчѣ возстанія искушеній и бури помысловъ, спотыкаются и бѣднѣ падаютъ. И вообще,—если бъ всѣ видѣли, что такое они по душѣ, то эти, носящіе, какъ маску, личину только благочестія, а не самое благочестіе, не посмѣли бы, какъ думаю, показаться на глаза людей или стать предъ лицемъ челоука,—особенно тѣ изъ нихъ, которые кажутся себѣ самимъ болѣе другихъ мудрыми и словесными и думаютъ, что носятъ нѣкій царскій ликъ. предъ каковыми благоговѣнствуетъ простой народъ, и какихъ почитаютъ многіе и изъ непростыхъ, какъ мудрыхъ, благочестивыхъ и цѣломудренныхъ, хотя они совсѣмъ не походятъ на таковыхъ, по тайнымъ расположеніямъ души, которыя исполнены всякой худости.

Но время уже намъ обратиться и на другое. Благоволите теперь поучиться и славѣ истинно святыхъ и безстрастныхъ мужей, вы, которые хотите, которые то есть желаете и ищете отъ всей души и сами стяжать такую славу. Представлю вамъ картину, на которой вы увидите все убранство ихъ оружій и ихъ блистательность, и затѣмъ каждый изъ насъ, сличая себя съ тѣми святыми, узнаеть, въ какой находится мѣрѣ совершенства, и сколько всѣ мы стоимъ ниже ихъ, по мужеству, достоинству и силѣ.

Итакъ, смотри на небо въ какую либо ночь безоблачную, каково оно, —потомъ взгляни на дискъ луны, полный блестящаго и чистѣйшаго свѣта, и вокругъ этой всесвѣтлой луны—на кругъ, который многократно бываетъ около ея. Разсмотрѣвши добрѣ все это, обратись умомъ своимъ къ святымъ, находящимся еще въ мірѣ семъ съ тѣломъ. Святые сіи подобны небу, сердце ихъ подобно диску луны, и святая любовь есть всемогущий и вседѣйственный свѣтъ, несравненно блистательнѣйшій свѣта солнечнаго. Любовь сія возжигаетъ и освѣщаетъ сердце ихъ и, возрастая каждодневно паче и паче, преисполняетъ ихъ свѣтомъ всецѣло; ибо любовь не умаляется и не прекращается, какъ свѣтъ луны, но сохраняется всегда всесвѣтлымъ посредствомъ ревности и добродѣланія святыхъ. Святое же безстрастіе есть какъ вѣнецъ нѣкій круглый, который окружаетъ святыхъ, заключая ихъ среди себя, отовсюду покрываетъ ихъ, какъ шатромъ, сохраняетъ ихъ невредимыми не только отъ всякаго грѣха, но и отъ всякаго злаго помысла, дѣлаетъ ихъ неискусимыми и свободными отъ всѣхъ враговъ, и даже непреступными для нихъ.

Видите, какова слава святыхъ, вы, истинно ея желающіе? Поняли величіе образа, какой я вамъ представилъ, и то, сколько каждый изъ насъ ниже славы и

блистанія святыхъ? Этотъ образъ представляетъ то, что бываетъ въ насъ. Я указалъ его, но не я его изобрѣлъ. Онъ устроенъ Творцемъ всяческихъ Богомъ. Художное Слово Бога живописало въ твореніи, какъ на нѣкоей дщицѣ, то, что имѣло быть послѣ въ дѣлѣ спасенія, или возсозданія нашего, чтобъ, взирая на образъ, представляемый чувственными вещами, мы не невѣровали, что и въ наше время бываетъ и совершается духовно истина, являемая ими. Но, зная, что каждый изъ насъ создается Богомъ какъ второй міръ, большой внутри малаго сего видимаго міра, какъ свидѣтельствуешь вмѣстѣ со мною и Григорій Богословъ, не попустимъ окзаться въ чемъ либо худшими безсловесныхъ или даже и бездушныхъ тварей, созданныхъ человѣколюбивымъ Богомъ въ наученіе наше, но будемъ подражать всему доброму и избѣгать, сколько можемъ, подражанія злему.— Оставлю впрочемъ все другое, потому что его много, и, изложивъ одно это въ напominаніе вамъ, окончу мое слово.

Да вѣдаетъ всякій изъ слушающихъ меня, что какъ видимъ, что день бываетъ послѣ ночи и ночь опять послѣ дня, такъ надлежитъ намъ вѣровать и быть убѣжденными, что мы, находящіеся во тмѣ грѣха отъ рожденія своего, можемъ посредствомъ вѣры и исполненія заповѣдей выйти изъ нея и вступить въ день божественный и въ просвѣщеніе духовное, какъ опять изъ свѣта сего и дня перейти во тму и ночь грѣха, когда по причинѣ нерадѣнія и презрѣнія заповѣдей, начнемъ впадать въ прежніе грѣхи наши. Такъ будемъ подражать, по крайней мѣрѣ, въ этомъ служителю нашему солнцу. Какъ оно не перестаетъ никогда возсіявать и освѣщать тварь, но всегда исполняетъ повелѣнное ему Богомъ, такъ да не попустимъ и мы себѣ сидѣть по нерадѣнію во тмѣ чувственныхъ удовольствій и страстей,

но позаботимся паче, исполняя повелѣніе Того, Кто сказалъ: *покайтесь, приблизитѣся царство небесное*, очистить себя каждодневнымъ и непрестаннымъ покаяніемъ, и слезами, изливаемыми по причинѣ его и ради его, и всякимъ другимъ добродѣланіемъ, и восподвижаемся опять войти въ не вечерній свѣтъ Божій, такъ какъ мы есмь сыны свѣта. Такимъ образомъ мы и сами собственнымъ примѣромъ нашимъ сдѣлаемся для ближнихъ нашихъ днемъ не вечернимъ, и землю новою, и небесами новыми, имѣя въ себѣ солнце правды, сіяющее на нихъ, т.-е., возвѣщая имъ повелѣнія Бога и славу Его, не пустыми и тщетными словами, а самыми дѣлами, и бывая чрезъ то для нерадивѣйшихъ братій дѣятельными учителями всему должному, и дѣлая ихъ безотвѣтными. Итакъ, не будемъ подвигать братій на нерадѣніе, говоря имъ: какъ возможно людямъ исполнить то или то?—и дѣлая ихъ чрезъ то нерадивѣйшими на исполненіе заповѣдей. Ибо что многое невозможно для многихъ, это признаю и я; но для какихъ?—Для такихъ, которые такъ же, какъ и я, нерадивы и не хотятъ презрѣть міръ и вмѣнить въ уметы всѣ блага его; для тѣхъ, которые всецѣло преданы суетной славѣ, алчутъ богатства и радуются похваламъ и почестямъ человѣческимъ; для тѣхъ, которые сверхъ того овладѣны, бѣдныя, гордостію и тщеславіемъ; для тѣхъ, которые самоохотно, подобно нечистымъ животнымъ, валяются въ блатѣ грѣховныхъ страстей и дѣлъ скверныхъ, которые, имѣя жилище души своей упраздненнымъ отъ Христа, Который обитаетъ въ вѣрныхъ, вопія къ нимъ ежедневно: *въ міръ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ*,—даютъ согласіе діаволу, чтобъ обитать въ нихъ. Для тѣхъ же, которые силою вѣры отвергли себя и послѣдовали за Христомъ, съ надеждою, любовію и смиреніемъ, и стяжали Его обитателемъ въ себѣ,

со Отцемъ и Святымъ Духомъ,—для такихъ все бывастъ возможно и удобоисполнимо, какъ говорить Апостолъ: *вся могу о украшяющемъ мя Исусъ Христъ* (Фил. 4, 13).

Которые усокровиществовали въ себѣ сего Христа, тѣ незримо созерцаютъ неизъяснимую красоту Его, недержимо держать Его, непостижно постигаютъ безвидный образъ Его, необразный видъ Его и неначертаемый ликъ Его, который неукрашенно преукрашенъ невиднымъ видѣніемъ и нехудожною красотою. Что же такое они постигаютъ и созерцаютъ? Это—простый свѣтъ божества Его. Вотъ что богато созерцаютъ они умными очами своими. Его осязая невещественными руками своими, съ неужержимою и преизобильною любовію невкушенно вкушаютъ Его духовными устами ума и души своей. Но Его видѣніемъ, красотою и сладостію насытиться вполнѣ не могутъ они никогда. Ибо Онъ, являясь всегда болѣе и болѣе новымъ, все большую и большую доставляетъ имъ сладость и тѣмъ все сильнѣйшее и сильнѣйшее возжигаетъ въ нихъ желаніе Себя. Если иной разъ Онъ не такъ явственно является или видится имъ, то это причиняетъ имъ такую болѣзнь и такое томленіе, какъ бы они совсѣмъ Его лишились. Если же иногда восхощетъ Онъ на короткое время совсѣмъ сокрыться отъ нихъ, то въ это время томленіе ихъ бываетъ какъ бы предсмертное и болѣзнь сердца невыносимая и неизъяснимая.

Чтобы лучше понять намъ въ примѣрѣ нудность и жженіе такой любви, представьте себѣ, что какойнибудь бѣдный человѣкъ полюбитъ дѣвушку, происходящую отъ царскаго рода, украшенную царскимъ вѣнцемъ и обладающую красотою выше всѣхъ женъ, находящихся въ мірѣ. Она сидитъ въ палатахъ своихъ, а онъ, любитель ея, часто приходитъ къ ней и становится вѣфъ, будто презираемый и отвергаемый по причинѣ бѣдности и

великаго своего ничтожества. Если эта дѣвушка сквозь какое нибудь маленькое и узенькое оконце протянетъ руку свою, всю разукрашенную золотомъ, и дастъ ее бѣдному любителю своему, а онъ, схвативъ ее тотчасъ и видя неизъяснимую ея красоту, начнетъ цѣловать ее, надѣясь, что наконецъ сочетается бракомъ съ этою царевною и будетъ вмѣстѣ съ нею царствовать, что она общала ему прежде съ клятвою; потомъ послѣ такой надежды и радости, если эта царевна вырветъ руку свою изъ рукъ его, обратно втянетъ внутрь къ себѣ и совсѣмъ спрячетъ отъ него, то не причинитъ ли она тѣмъ этому бѣдному и несчастному невыносимой скорби? И не возжжетъ ли въ немъ еще болѣе пламенѣющую печь любви? Полагаю, что и вы подтвердите слово мое. Но если это такъ бываетъ обыкновенно въ видимыхъ и чувственныхъ тѣлахъ и вещахъ тѣнныхъ и скоропреходящихъ; то не тѣмъ ли паче, не въ несравненно ли большей силѣ тоже должно произойти въ области мысленной и невидимой, и въ отношеніи къ тому, что нетлѣнно и вѣчно? Ибо чѣмъ превосходитъ вѣчныя блага временныхъ, тѣмъ сильнѣйшую къ себѣ любовь поражаютъ въ душахъ любителей своихъ. И по сей-то причинѣ любовь къ Богу не попускаетъ имъ быть овладѣнными, хотя мало нѣжко, похотѣніемъ или пристрастіемъ къ какой либо вещи. Такіе и не желаютъ ничего, ни славы, ни утѣхъ, ни денегъ,—даже помышлять объ этомъ они не имѣютъ ни охоты, ни позволенія. Но какъ женихъ, хотя смотря на изображеніе невѣсты своей, нарисованное красками, и крѣпко прилѣпляется къ нему и все на него смотритъ, и глазъ отъ него отвести не хочетъ, питая тѣмъ пламень любви къ невѣстѣ, но когда увидитъ потомъ самую невѣсту и то, что она непохожа на изображеніе, на которое онъ такъ любовительно смотрѣлъ, а несравненно прекраснѣе, и

когда притомъ обниметь и поцѣлуетъ ее, тогда не хочется уже ему совсѣмъ и взглянуть на портретъ ея, на который прежде такъ неотступно смотрѣлъ, переносясь отъ него мыслями къ невѣстѣ своей; такъ тоже самое, и еще въ высшей степени, испытываютъ тѣ, которые созерцаютъ и печатлѣютъ въ умѣ своемъ силу и премудрость Творца своего, отъ величія и красоты видимыхъ твореній и отъ нихъ, какъ отъ нѣкоей иконы, мало-по-мало преусиѣвая, приходятъ въ любовь и вѣру, и чистый страхъ, какія надлежитъ имѣть къ Нему; но когда потомъ соединятся существенно съ самимъ Богомъ и сподобятся узрѣть Его самого и сдѣлаться причастными Его, тогда уже не обращаютъ такого тщательнаго вниманія на то, какъ изображаютъ Его твари, — на эту тѣнь Его въ видимомъ, потому что они перестаютъ уже тогда имѣть чувство къ видимому, какъ прежде, и умъ ихъ постоянно пребываетъ въ томъ, что выше чувствъ, и нѣкоторымъ образомъ сорастворяется съ тѣмъ и облекается въ свѣтлость божественнаго естества во Христѣ Исусѣ, — Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ.

О безмолвіи, и какого рода дѣланіе долженъ проходить тотъ, кто желаетъ мужественно пребывать въ немъ.

Имѣя намѣреніе сказать вамъ малое нѣчто о безмолвіи, которое есть совершеннѣйшая изъ подвижническихъ добродѣтелей, прошу васъ, дайте мнѣ внимательное слушаніе, вы, которые желаете совершенства ея и приготавливаетесь взойти на высоту ея посредствомъ преусиѣнія и усовершенствованія себя на пути прочихъ добродѣтелей, — прошу вниманія къ словамъ моимъ, чтобъ

изъ настоящаго слова моего научиться, въ чемъ состоятъ дѣланіе безмолвія, и затѣмъ употребить усиліе сдѣлаться достойными того, чтобъ воспріять сей подвигъ (безмолвія) и проходить его какъ должно, если желаете стать на высотѣ его и обогатиться богатствомъ его.

Кто безмолвился и одинъ живетъ въ келліи своей, тотъ пусть будетъ, какъ первомученица Фекла. Она, оставя все мірское, забывъ и самыя потребности тѣлесныя, сидѣла у окна и внимала ученію св. Павла. Повѣствованіе о ней говоритъ, что она не выходила изъ своей комнаты и, будто прикованная къ окну, не отходила отъ него даже для того, чтобъ принять пищи или утолить жажду, но лишь слушала Павла, который поучалъ, и только когда уже онъ удалился изъ того мѣста, побѣждала и она, одна, въ слѣдъ его, и стала искать его,—оставила и родителей и жениха, обрученника своего, и искала только св. Павла съ великою любовію,—о другомъ комъ и думать не хотѣла, а думала только о св. Павлѣ; и такая сильная овладѣла ею любовь къ св. Павлу, что она чтила, какъ священное, то мѣсто, гдѣ сидѣлъ св. Павелъ и училъ, и цѣловала землю, на которую ступала нога его. Не подумай, что я сказалъ это не къ дѣлу, и что ничто такое неприложимо къ безмолвнику. Нѣтъ, таково именно должно быть и дѣланіе безмолвника. Если ты этого не видишь, пойми и найдешь.

Безмолвникъ, если желаетъ быть такимъ какъ слѣдуетъ, пусть будетъ и какъ блудница, о коей упоминаетъ Евангеліе,—пусть емлется и онъ за ноги Господа нашего, цѣлуетъ ихъ и оmyваетъ слезами своими, и ни на кого другаго не смотритъ, кромѣ Его единого, могущаго отпустить грѣхи его. Пусть будетъ и какъ невѣста,—пусть и засыпаетъ съ женихомъ Христомъ, чтобъ и просыпаться съ Нимъ, чтобъ потомъ возбудиться съ Нимъ и къ вѣчной жизни,—или лучше сказать, пусть

всегда пребываетъ въ Немъ, и Его всегда имѣютъ пребывающимъ въ себѣ. Пусть будетъ, если можетъ, и какъ одинъ изъ тѣхъ вельможъ, которые предстоятъ земному царю и дружески бесѣдуютъ съ нимъ втайнѣ, въ его внутреннѣйшемъ покоѣ царскомъ,—и пусть бесѣдуетъ съ Владыкою Христомъ лицомъ къ лицу.

Кто убезмолвился, тотъ пусть будетъ и какъ три Апостола, которые восходили со Христомъ на гору Фаворъ и видѣли сіяніе облиставшее Его, и измѣненіе одеждъ Его и просвѣщеніе лица Его, и которые, увидѣвъ свѣтлое облако и услышавъ гласъ Бога и Отца, свидѣтельствовавшій свыше и говорившій: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*, стали внѣ себя и пали ницъ на землю,—чтобъ и онъ могъ сказать подобно Петру: *добро есть намъ здѣ быти, сотворимъ три стѣны*,—для Тебя и для Отца Твоего, и для Духа Святаго,—единое Начало и единое Царство, т.-е. сотворимъ три новыя обиталища—умъ, душу и тѣло, очистивъ ихъ сокрушеніемъ, слезами, покаяніемъ, молитвою и исповѣдію, возведемъ строеніе ихъ повыше и украсимъ всякимъ убранствомъ добродѣтелей да обитаете въ нихъ вѣчно.

Кто безмолвствуетъ, тотъ пусть сидитъ въ келліи, какъ сидѣли Апостолы въ Іерусалимской горницѣ, ожидая свыше силы всевышняго Духа, чтобъ воспріять и благодать Святаго Духа, какъ воспріали ее Апостолы, и потомъ быть почитаему плотскими людьми за пьянаго, за возносливаго и самохвала, по той причинѣ, что онъ станетъ тогда предлагать новыя догматы, иначе нѣкакo излагать древнее ученіе, говорить инымъ языкомъ и опровергать слова тѣхъ, которые имѣютъ противное понятіе о духовномъ ученіи.

Пусть будетъ онъ еще и какъ Моисей, да взыдетъ на верхъ горы, да ввидетъ и онъ внутри облака и скроется тамъ отъ очей другихъ. Если онъ содѣлается таковымъ.

то не только задняя Божія узрѣть, но сознательно предстанетъ предъ самое лице Божіе, и, видя самого Бога, и видимъ будучи отъ Него, и слыша гласъ Его, сначала самъ научится тайнамъ царствія небеснаго, потомъ преподастъ законы его и другимъ, — сначала самъ просвѣтится, потомъ просвѣтитъ и другихъ свѣтомъ вѣдѣнія, — сначала помилованъ будетъ Богомъ, потомъ и самъ станетъ миловать другихъ, — прежде онъ взыщетъ у Бога и получитъ, а когда получитъ, станетъ и самъ сообщать другимъ, которые взыщутъ у него, — прежде онъ разрѣшится отъ узъ грѣховъ его, потомъ и самъ станетъ разрѣшать другихъ.

Добрый безмолвникъ пусть будетъ и какъ Апостолы, которые, по воскресеніи Господа, сидѣли въ горницѣ *дверемъ заключеннымъ страха ради Иудейска*, — чтобъ сподобиться и себѣ увидѣть Христа вошедшимъ, или, лучше сказать, видѣть Его непрестанно присушимъ, видѣть, что Онъ внутри вмѣстѣ съ нимъ, и даетъ миръ, который и да взыщетъ, и да приметъ отъ Него. Если при семъ Господь дунетъ и на него, какъ дунулъ на Апостоловъ, съ словомъ: *прими Духъ Святъ*; да приметъ то со страхомъ и трепетомъ. Да углубляется также въ точнѣйшее созерцаніе Господа и да осязаетъ Его руками ума своего и чувствами души своей, чтобъ увидѣть и познать, что Онъ есть истинный Богъ всяческихъ. Если и къ самому Господу обратится онъ при семъ съ вопросами, Онъ не вознегодуетъ на него, но похваливъ похвальную его боязнь (впасть въ ошибку), скажетъ ему такіа слова: „что смущаешься и почто помышленія входятъ въ сердце твое? Миръ тебѣ! Азъ есмь, не бойся. Виждь славу Божества Моего. Осижи Меня и познай, что это Я самый. Вкуси и виждь. Діаволь, который есть тма и преобразуется въ ангела свѣта призрачно, а не истинно, не имѣетъ самъ и тебѣ не можетъ сообщить ни благо-

настроенія и сладости, ни радости и свободы, ни мирнаго состоянія или чувства умнаго и просвѣщенія души,—которыя Я, какъ видишь, имѣю Самъ, и тебѣ даю.“

Безмолвникъ долѣ имѣеть всячески смотрѣть, чтобъ все, сказанное нами выше, не говоримо было только о немъ по роду его жизни; но чтобъ самымъ дѣломъ все то происходило въ немъ каждодневно. Если же онъ сидитъ въ келліи своей, но не въ такомъ устройствѣ держать жизнь свою; то что пользы отъ того, что онъ тѣло свое заключилъ въ стѣнахъ? Умъ невещественъ и безтѣлесенъ, и не удерживается стѣнами, но удерживается благодатию Духа Святаго, и стоитъ неподвижно въ естественномъ своемъ чинѣ, и бесѣдуетъ съ Богомъ. Если сидящій въ келліи уединенно не знаетъ точно того, что мы сказали, и не имѣеть того постояннымъ своимъ духовнымъ дѣланіемъ; то какое же другое дѣло имѣеть онъ дѣлать? Кто оставилъ трудъ дѣланія по заповѣдямъ и прекратилъ дѣла по заповѣдямъ и прекратилъ дѣла тѣломъ, по сему совершаемыя, тотъ если не знаетъ, какъ дѣлать дѣланія духовныя, тотъ конечно пребываетъ въ бездѣйствіи, оставя оба рода дѣлъ,—и тѣлесныхъ и духовныхъ. Если теперь бездѣйствіе худо, то несомнѣнно, что тотъ, кто сидитъ въ бездѣйствіи, грѣшитъ. Тотъ, кто умѣеть дѣлать дѣланія духовныя, тому это не мѣшаетъ, при дѣланіи духовномъ, совершать и дѣла по заповѣдямъ, тѣлесно дѣлаемыя. На нихъ онъ получаетъ отъ духовнаго дѣланія великую помощь и дѣлаетъ ихъ съ большею легкостію. Но кто упражняется только въ тѣлесныхъ дѣлахъ подвижничества, тотъ когда упразднится отъ нихъ, не можетъ еще, по тому одному, дѣлать и духовныя дѣланія. Онъ носитъ еще въ рукахъ своихъ орудіе видимаго дѣйствованія и вещество для работанія ими,—т.-е. заповѣди и добродѣтели, тѣломъ совершаемыя. Но онъ еще неопытенъ и необученъ ху-

дожеству духовному, и не может сего вещества обладать въ дѣло духовное и явить его совершеннымъ, но дѣланіе его является слабымъ и безплоднымъ.

Чтобъ тебѣ лучше понять, что я сказать, объясню тебѣ это другими примѣрами. Сколько людей плакали, какъ блудница, но не получили прощенія грѣховъ своихъ, какъ она? Сколькіе восходили на гору Фаворъ, но не видѣли тамъ преобразившагося Христа, не потому чтобъ тамъ не былъ присущъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ (ибо конечно Онъ и тамъ есть, яко вездѣсый), но потому, что сами были недостойны того, чтобъ увидѣть Божество Его? Сколько евреевъ перебывало въ томъ домѣ и въ той горницѣ, гдѣ сидѣли Апостолы, но никто изъ нихъ не получилъ благодати Святаго Духа? Сколькіе изъясняли Божественныя Писанія, но не познали Того, Кто есть глаголай въ нихъ? Сколькіе померли на горахъ и въ пропастяхъ, но не были достойны паче всего міра, такъ чтобъ міръ весь не былъ ихъ достоинъ, но и они (дивны суды Твои, Господи!) поставлены наравнѣ со всѣмъ міромъ и сопричислены къ нему? Сколькіе безмолвствовали и безмолвствуютъ доселѣ, и не знаютъ даже и того, что значить самое имя безмолвія. а не только того тайнства, которое совершается въ безмолвіи? Ибо познаніе Бога (спознаніе съ Богомъ) не поражается внѣшнимъ безмолвіемъ, какъ иные думаютъ, ошибочно толкуя изреченіе Пророка Давида, которое гласитъ: *упразднитесь и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Пс. 45, 11); но напротивъ безмолвіе поражается познаніемъ Бога (спознаніемъ съ Богомъ), въ томъ, кто добрѣ и законно подвизается. Если назовемъ симъ упраздненіемъ устраненіе отъ дѣлъ и скажемъ, что безмолвіе есть бездѣйствіе, и предпочтемъ устраненіе отъ дѣлъ и бездѣйствіе дѣланію заповѣдей, то какъ можемъ явиться исполнителями закона

Христовъ, который говорить: *якоже хотите, да творятъ вамъ человецы, и вы творите имъ такожде* (Лк. 6, 31); и въ другомъ мѣстѣ: *еще Азъ умыхъ ваши нозъ, Господь и учитель, и вы должны есте другъ другу умывати нозъ* (Ин. 13, 14); и опять: *хотящій въ васъ быти первымъ, буди изъ всѣхъ послѣднѣйшій, всѣмъ рабъ и служитель* (Мѣ. 20, 26. 27; Мр. 10, 43, 44); также заповѣди Апостола Павла, который говорить: *еще не хочетъ кто дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10); и въ другомъ мѣстѣ: *вся сказахъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ заступати немощныя* (Дѣян. 20, 35); и еще: *требованію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ мои си* (— 34)?—Св. Апостолы и богоносные отцы, послѣ нихъ бывшіе, не предпочитали безмолвія богоугожденію, которое бываетъ чрезъ добрыя дѣла; но, показавъ вѣру свою чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ, они сподобились познать Бога и возлюбить Его; и такъ какъ посемъ возжелали пребывать съ единымъ Богомъ, то вышли изъ поприща мірскаго и отъ безпокойствъ, причиняемыхъ тамошними бранями,—и убезмолвились. И теперь еще подвизающіеся законно уходятъ изъ міра и шума его, и убезмолвливаются, чтобъ вкусить отъ плода трудовъ своихъ, не будучи смущаемы ничѣмъ земнымъ, ни пріятнымъ, ни скорбнымъ. Когда же наслаждаются они ненасытно, вкусивъ всѣхъ благъ безмолвія, и получаютъ удостовѣреніе въ чувствѣ, что, какъ говорить Апостоль, *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8, 18; тогда не довольствуются уже они тѣми подвигами какіе подъяли прежде, но, по отдохновеніи отъ нихъ въ такомъ утѣшеніи и услажденіи, подаемомъ въ безмолвіи, выходятъ опять на подвиги въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ и въ добродѣтеляхъ, тѣлесно являемыхъ, не съ тою цѣлію, чтобъ сдѣлать добро для самихъ себя, не спа-

сенія ради своего, — хотя это конечно будетъ во спасеніе, — но съ тою цѣлю входятъ они опять въ такіе подвиги и начинаютъ подвизаться въ нихъ, чтобъ дѣлать угодное Богу, Коего любятъ и Коимъ любимы (дѣйствовать по волѣ Его, бывая въ рукахъ Его благопокорливымъ орудіемъ). Они уже болѣе не борются съ діаволомъ, какъ боролись прежде, — терпѣли отъ него удары и сами наносили ихъ, — но враги, какъ только увидятъ ихъ, приходятъ въ страхъ и убѣгаютъ. Еще и тѣхъ, которые бывають изранены врагами, они тотчасъ берутъ на свое попеченіе, помазываютъ елеемъ раны ихъ, обвязываютъ и вылечиваютъ; вылечивъ же, научаютъ, какъ надобно вести брань съ этими врагами, какими орудіями и машинами.

Всего, сказаннаго нами, если не знаетъ добрѣ тотъ, кто убезмолвился, или тотъ, кто сталъ настоятелемъ надъ другими, или кто взялся быть учителемъ другихъ, — въ такомъ случаѣ, ни убезмолвившійся не есть безмолвникъ, хотя думаетъ, что безмолвствуетъ, но сидитъ только въ келліи одинъ, запертый тѣломъ, не зная цѣли безмолвія; ни тотъ, кто взялъ на себя настоятельство, не есть воистину настоятель, но идетъ путемъ, самъ не зная какимъ, или лучше сказать, блуждаетъ внѣ пути настоящаго и находится въ опасности ввергнуть въ бездну вѣчнаго мученія и себя и тѣхъ, которые послѣдуютъ ему; ни тотъ, кто взялся учить другихъ, не есть истинный учитель, но лживый и заблудный, потому что не имѣетъ въ себѣ истинной премудрости, Господа нашего Іисуса Христа. — Но что сказать о власти вязать и рѣшать, какою пользуются и таковыя, когда даже тѣ, которые имѣютъ въ себѣ Духа Святаго, разрѣшающаго грѣхи, или суть духоносны, страшатся и трепещутъ, какъ бы не сдѣлать чего либо несообразнаго съ волею Св. Духа, Который обитаетъ въ нихъ и изрекаетъ чрезъ

нихъ волю Свою? И какъ можно доходить до такого умоизступленія и такой дерзости, чтобъ, не получивъ благодати Св. Духа, говорить или дѣлать дѣла Святаго Духа, — дѣлать дѣла Божіи безъ воли на то Божіей? Увы и горе тѣмъ, которые дерзають поступать такъ, потому что они будутъ осуждены на вѣчное мученіе въ день суда, въ который Господь нашъ Іисусъ Христосъ, непогрѣшимый и нелицепріятный Судія, воздастъ каждому по дѣламъ его, по его помышленіямъ и словамъ. Ему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ.

1) Душеполезная повѣсть объ одномъ послушникѣ, получившемъ Святаго Духа молитвами отца своего духовнаго.

2) О дѣйствіяхъ Святаго Духа и созерцаніи таинъ Его.

1) Одинъ юный рассказывалъ мнѣ, что былъ онъ послушникомъ у одного старца благоговѣйнаго, равнаго по добродѣтелямъ великимъ святымъ, и слыша, какъ онъ часто говаривалъ, что на тѣхъ, которые подвизаются, свыше приходятъ божественныя озаренія и множество свѣта, въ каковомъ состоявіи бываетъ и собесѣдованіе Бога съ человѣками, удивлялся сему, и такое, говорилъ онъ мнѣ, возымѣлъ я желаніе получить и себѣ такое благо, что отъ жажданія того, забывалъ все и земное и небесное, — забывалъ пищу и питіе, и всякой тѣлесный покой. Старецъ же мой, будучи великимъ святымъ, имѣлъ и даръ прозорливости, и видя, что я безъ размышленія исполнялъ всѣ его повелѣнія, между тѣмъ не ѣлъ и не пилъ, а былъ весь погруженъ въ свои мысли, прика-

заль мнѣ ѣсть, потому что имѣлъ великое и безмѣрное ко мнѣ состраданіе и благоутробіе. Я ѣлъ, и нехотя, ибо боялся грѣха преслушанія. Но сколько ѣлъ, столь паче разгоралось во мнѣ пламя внутри. Невыносимо было мнѣ насиліе, какое дѣлаетъ мнѣ старецъ; слезы текли у меня какъ рѣка, и плача такъ, вскакивать я часто изъ-за трапезы, думая, по малосмыслию, что онъ полагаетъ препоны доброму моему стремленію, не зная, какую чрезмѣрную боль и тяготу ношу я въ сердцѣ своемъ. Въ одинъ день пошли мы въ городъ, близъ котораго онъ жилъ, для посѣщенія духовныхъ дѣтей его, и пробыли тамъ весь день. Вечеромъ возвратились мы въ келлію, отъ большаго труда и жара алчные и жаждущіе: ибо старецъ не имѣлъ обычая гдѣ либо ѣсть или отдыхать;—было же тогда лѣто, и старцу—годовъ съ шестьдесятъ. Когда сѣли мы за столъ, я не ѣлъ, потому что очень утомился и думалъ, что если поѣмъ и попью, то совсѣмъ не смогу стать на молитву, и съ обычнымъ жаромъ испрашивать желаемого. Такъ думалъ я и сидѣлъ, какъбы находясь внѣ себя. Тогда святой мой, смотря на меня и, по дару прозорливости, зная причину, по которой я не ѣлъ, и какими мыслями занята голова моя, возымѣлъ жалость ко мнѣ и сказалъ: ѣшь, чадо, и пей, и отнынѣ оставь всякую печаль; потому что если бы Богъ не хотѣлъ явить тебѣ милость, то не благоволилъ бы Онъ привести тебя ко мнѣ. Итакъ, поѣли мы и напились, паче нежели вдоволь; ѣлъ и онъ, снисходя къ моему изнеможенію. Когда потомъ убрали мы трапезу, говоритъ мнѣ онъ: вѣдай, чадо, что Богъ не благоволилъ много ни къ посту, ни къ бдѣнію, ни къ другому какому тѣлесному труду, ни какому другому доброму дѣлу, и не являетъ Себя никому другому, кромѣ только смиренной, непытливой и благой души и сердца.

Слыша это, я удивился слову и наставленію святаго, и горя сильнымъ внутреннимъ огнемъ, и всѣ грѣхи свои во мгновеніи ока приведши на мысль, облился весь слезами, текшими изъ очей моихъ, и падши къ ногамъ святаго и обнявъ ихъ, сказалъ: молись о мнѣ, святче Божій, да обрѣту милость по твоему ходатайству, такъ какъ изъ тѣхъ добрыхъ расположеній, о коихъ сказалъ ты, я не имѣю ни одного, да и ничего добраго, кромѣ только грѣховъ моихъ многихъ, которые знаешь и ты. На это святой мой показалъ мнѣ такое сильное соболюзнованіе, что самъ заплакалъ, и велѣвъ мнѣ подняться съ земли, сказалъ: „имѣю вѣру, что Богъ, такія богатія явившій ко мнѣ Своей милости, даруетъ и тебѣ сугубую благодать, ради одной вѣры твоей, какую имѣешь ты къ Нему—Богу, и ко мнѣ послѣднѣйшему и худѣйшему.“ Это слово я принялъ такъ, какъбы слышалъ его отъ самого Бога,—и помышляя о сугубой благодати, какую получилъ Елисей чрезъ пророка Ілію, увѣровалъ, что, хотя я и недостойнъ, но человеколюбивый Богъ скоро очень творить волю боящихся Его, и съ поклономъ испросивъ молитвы, пошелъ въ келлію свою. Отпуская меня, старецъ далъ мнѣ заповѣдь—прочитать на ночь лишь Трисвятое,—и лечь.

2) Вошедши туда, гдѣ имѣлъ я обыкновеніе молиться, и начавъ: *Святый Боже*,—и вспомнивъ слово святаго старца, я вдругъ заплакалъ, и въ такія пришелъ слезы, и въ такой пламень къ Богу, что не могу выразить того словомъ, ни той радости и сладостнаго утѣшенія, какія были тогда во мнѣ. Падши затѣмъ лицемъ на-земь, я увидѣлъ нѣчто дивное, ибо се — возсіалъ мысленно во мнѣ великій свѣтъ и взялъ къ себѣ весь мой умъ и всю душу. Изумился я такому чуду внезапному и сталъ какъ внѣ себя, забывъ и мѣсто, въ которомъ стоялъ, и что такое я, и гдѣ я,—вопіялъ только: *Господи помилуй*,

какъ догадался, когда пришелъ въ себя. Впрочемъ, отче мой, кто былъ тотъ, кто говорилъ во мнѣ и приводилъ въ движеніе языкъ мой, не вѣдаю, Богъ то вѣсть, — не вѣдаю и того, какъ соединился я съ тѣмъ свѣтомъ, въ тѣлѣ ли бывъ, или внѣ тѣла. Вѣдаетъ сіе тотъ самый свѣтъ, который изгналъ и изъ души моей всю тму и всякое земное мудрованіе, отъялъ отъ меня всю вещественность и тяжесть тѣла и произвелъ въ членахъ моихъ великое расслабленіе и изнеможеніе. Это изнеможеніе и расслабленіе членовъ моихъ и нервовъ было такъ сильно отъ крайняго напряженія, что мнѣ казалось, будто я слагаю съ себя бремя тлѣнія. Въ душѣ же моей онъ произвелъ радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной. Сверхъ того онъ даровалъ мнѣ дивно свободу и забвеніе всѣхъ помысловъ, кои въ мірѣ, и открылъ самый способъ исхожденія изъ настоящей жизни; потому что всѣ чувства ума и души моей прилѣплены были тогда къ единому неизреченному веселію и радости отъ того свѣта. — Но когда безмѣрный тотъ, явившійся мнѣ, свѣтъ мало-по-малу умалился, и наконецъ совсѣмъ сталъ невидимъ, тогда я пришелъ въ чувство и позналъ, какія дивности внезапно произвела во мнѣ сила того свѣта. Почему, испытавъ удаленіе его и видя, что онъ опять оставилъ меня одного въ этой жизни, я столь много опечалился и душа моя такъ сильно возболѣзновала о томъ, что не могу выразить тебѣ, какъ слѣдуетъ, великой скорби, которая какъ огонь возгорѣлась тогда въ душѣ моей. Если можешь, отче мой, самъ вообрази и болѣзнь разлученія того, и высоту великаго онаго благодѣянія, и безмѣрную любовь, явленную мнѣ и возгорѣвшуюся во мнѣ; а я не могу ни языкомъ сказать, ни умомъ понять безмѣрность онаго видѣнія.

Я сказалъ ему: вѣтъ, всечестный отче и брате! Ты изобрази мнѣ дѣйствія того свѣта, который явился тебѣ.

И онъ, сладкій, исполненный Духа Святаго и сподобившійся такого видѣнія, отвѣтилъ мнѣ кротчайшимъ и медорѣчивымъ гласомъ: о, отче! Свѣтъ оный, когда является, веселить, а когда скрывается, оставляетъ рану и болѣзнь въ сердцѣ. Приходя, или нисходя на меня, онъ возводитъ меня на небеса, одѣвая и меня свѣтомъ. Онъ является мнѣ какъ нѣкая звѣзда, и есть невѣстимъ для всей твари; сіяетъ какъ солнце, — и мнѣ понятно, какъ вся тварь держится силою его. Онъ показываетъ мнѣ все, что есть въ твореніи, — и повелѣваетъ мнѣ не заходить за предѣлы человѣческаго естества. Меня объемлютъ кровля и стѣны, а онъ отверзаетъ мнѣ небеса. Поднимаю чувственные очи мои, чтобъ посмотреть, что есть на небѣ, и вижу, что тамъ все такъ же есть, какъ было прежде. Удивляюсь этому, — и слышу свыше гласъ, таинственно говорящій мнѣ: „то, что видишь теперь, есть таинственное предъизображеніе будущихъ благъ, которыхъ, совершенно какъ они есть, не увидишь, пока носишь плоть. — Но возвратись въ себя самого, и смотри, чтобъ не сдѣлать чего либо такого, что можетъ лишить тебя благъ, которыя сподобился ты получить. Если же и погрѣшишь когда, въ наученіе смиренію, позаботься не бѣгать покаянія; потому что покаяніе вмѣстѣ съ моимъ человѣколюбіемъ, изглаждаетъ и прежніе, и настоящіе грѣхи.“

Слыша такія слова юнаго онаго, я едва не сталъ внѣ себя, и вострепеталъ весь, помышляя, на какую высоту созерцанія и вѣдѣнія востекъ онъ, отъ одной любви и вѣры, какую имѣлъ къ духовному отцу своему, — и сколь великія блага сподобился увидѣть и получить въ самомъ началѣ, какъбы отложивши всякую немощь человѣческую и ставши изъ человѣка ангеломъ. Почему прошу васъ, братіе мои, отринемъ и мы далеко отъ себя всякое пристрастіе и заботу относительно того что касает-

ся жизни настоящей; возненавидимъ плотскія удовольствія, удобрънїе тѣла, его покой и бездѣйственную нѣгу, по причинѣ коихъ обыкновенно тѣло возстаетъ на душу,—возымѣмъ чистую вѣру въ Бога и въ отцевъ и учителей нашихъ, кои по Богу,—стяжемъ сердце сокрушенное и смиренное мудрованіе души,—очистимъ сердце свое отъ всякой нечистоты и отъ всякаго оскверненія грѣховнаго слезами покаянія,—да сподобимся и мы достигнуть нѣкогда въ полную мѣру совершенства христіанскаго, да увидимъ и воспримѣмъ еще въ настоящей жизни неизреченныя оныя блага божественнаго свѣта, хотя не вполнѣ, но сколько можемъ вмѣстить, по степени очищенія нашего. Ибо симъ образомъ мы соединимся съ Богомъ, и Богъ съ нами,—и содѣлаемся мы свѣтомъ и солюю для ближнихъ нашихъ, на всякую имъ пользу духовную,—во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ.

О тѣхъ, которые сами собою дѣлаются учителями, отцами духовными и руководителями другихъ, и не имѣя божественной благодати, руководятъ и учатъ другихъ,—и о томъ, что не должно никому, прежде чѣмъ рожденъ онъ будетъ и просвѣщенъ отъ отца духовнаго, руководить или учить другихъ.

Желалъ бы я, возлюбленный брате, такъ умертвить-ся міру сему, чтобъ меня не зналъ ни одинъ человѣкъ, но чтобъ мнѣ проводить жизнь какъ истинно мертвому, и жить неявно, сокровенною во Христѣ жизнію, коею други—любители Божіи знаютъ Бога и знаемы бываютъ отъ Бога только, держа себя неразлучно въ живомъ единеніи съ Нимъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

Къ такой жизни горѣлъ я желаніемъ сначала,—къ такой горю имъ и нынѣ. Но такъ какъ мы, по слову св. Павла, не сами собою управляемъ, куплены бо есмы пречистою кровію Христовою, и такъ какъ должны искать не своей только пользы и угождать не самимъ только себѣ, но и ближнимъ нашимъ во благое, то всячески необходимо и мнѣ со всѣмъ усердіемъ творить повелѣнія Владыки моего Иисуса Христа, искупившаго меня. Ибо если рабы, купленные людьми, имѣютъ неотложный долгъ творить повелѣнія господъ своихъ, и когда преслушаютъ ихъ, наказываютъ; не тѣмъ ли паче мы должны, даже до смерти, творить велѣнія Господа и Бога нашего Иисуса Христа, искупившаго насъ собственною Своею кровію? Ктому же, за то, что дѣлать получаютъ повелѣніе отъ господъ своихъ рабы и что дѣлаютъ, они или совсѣмъ никакой не получаютъ платы, какъ бываетъ большею частію, или если получаютъ иногда, то она бываетъ крайне невелика и ничтожна,—и опять наказанія, какія даются рабамъ за ослушаніе господъ своихъ, какъ бы ни были велики, все суть временныя. Но заповѣди Господа нашего имѣютъ воздаяніе безконечное и вѣчное, такъ какъ въ тѣхъ, кои исполняютъ ихъ, вселяютъ жизнь безсмертную и такія подаютъ имъ блага, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце челоуку не озыдоша*; и напротивъ наказанія, какія ожидаютъ преступающихъ ихъ, суть вѣчны и нескончаемы, и потому болѣе страшны, нежели всякое другое наказаніе, какому подвергаются рабы, преступающіе волю господъ своихъ.—И что я говорю о рабахъ,—тогда какъ и тѣ, которые богаты и почтены достоинствами,—и они не всегда бываютъ тамъ, гдѣ имъ желательно, и не то одно дѣлаютъ, что имъ угодно, но гдѣ и что повелѣваетъ имъ царь, такъ и то дѣлаютъ они съ полною покорностію велѣніямъ его?

Итакъ, что же? Рабы господамъ своимъ и начальники царю своему имѣютъ долгъ оказывать всякаго рода покорность и послушаніе, а мы, ставшіе воинами Царя царей и Бога боговъ и обѣщавшіеся во св. Крещеніи быть рабами Его, не имѣемъ долга слушаться повелѣній Его и исполнять заповѣди Его?—И какое извиненіе можемъ мы получить, когда вознерадимъ объ этомъ?—Но горе мнѣ, что, говоря сіе и указуя другимъ путь спасенія, ведущій въ царство Божіе, самъ судимъ бываю всѣми людьми, не только мірянами, но осуждаюсь, приговариваюсь къ наказанію и ненавиждимъ бываю, какъ нечистый, даже монахами, и іереями, и архіереями. И о, когда бы это было безъ причины, по одному подозрѣнію и дѣйству діавольскому, дѣйствующему въ сынахъ противленія, на пагубу имъ!

Но се говорю то, что узналъ изъ опыта, что если бы демоны не имѣли людей содѣйственниками злѣбъ своей, то, навѣрное, совсѣмъ (дерзаю такъ сказать) не могли бы они отдалить отъ заповѣдей Божіихъ тѣхъ, которые таинственно возродились чрезъ св. Крещеніе и содѣлались сынами Божіими по благодати. Я вѣрую, что младенцы, окрещенные, освящаются и соблюдаются подъ кровомъ всесвятаго Духа, что они суть овцы стада Христова и агнцы избранные, поколику запечатлѣны знаменіемъ животворящаго креста и освобождены совсѣмъ отъ тиранства діавола. И если бы діаволь не находилъ пригодныхъ орудій злости своей, къ совершенію того, что желаетъ, или въ родителяхъ дѣтей, или въ кормилицахъ, или въ тѣхъ, которые съ ними обращаются (какъ вначалѣ—въ змѣ и женѣ); то навѣрное не могъ бы онъ похитить и себѣ присвоить ни одного изъ нихъ. Ибо, какъ свидѣтельствуешь дѣйствительность, эти сказанныя нами лица учатъ ихъ съ дѣтства всякому злу и лукавству, срамословію, чревоугодію, плясанію,

щегольству, и всякимъ другимъ худостямъ,—сребролюбію, тщеславію, славолюбію, гордости,—и къ этимъ худостямъ они приучаютъ ихъ съ дѣтства, и воспитываютъ въ нихъ. Почему прежде еще, чѣмъ дѣти придутъ въ познаніе себя и начнутъ сами разсуждать, они чрезъ наученіе ихъ означеннымъ худымъ навыкамъ и расположеніямъ, предають ихъ діаволу въ рабы, лишая ихъ несчастныхъ благодати сыноположенія и полученнаго ими освященія,—сами не зная, что дѣлають, какъ немысленныя.

Изъ отцевъ нынѣшняго вѣка никто почти не воспитываетъ дѣтей по христіански и не обучаетъ ихъ правиламъ и заповѣдямъ Христовымъ; но все почти воспитываютъ ихъ въ обычаяхъ мірскихъ и нравахъ еллинскихъ. О чемъ либо христіанскомъ и заботы имъ нѣтъ. и не говорятъ они съ Іовомъ: *негли когда сынове мои сортииши, и въ мысли своей злая помыслиши противу Бога* (Іов. 1, 5). Не страшатся они и не трепещутъ при мысли, не сдѣлали бы дѣти ихъ что либо неумѣстное, и не отпали бы чрезъ то отъ рабства и сыноположенія Христа, заклавшагося для спасенія нашего,—и не сдѣлались опять рабами врага нашего. тирана—сатаны, и не были осуждены на смерть и вѣчное мученіе въ огнѣ. Одинъ страхъ обдержитъ ихъ всѣхъ за дѣтей своихъ, и одна у нихъ забота относительно ихъ, какъ бы сдѣлать ихъ показными предъ людьми, славными и блестящими, не добродѣтелию и цѣломудріемъ, и не равнодушіемъ къ пышностямъ и утѣхамъ мірскимъ, но раззолоченными сбруями лошадей, щегольскими одеждами и рабами, предшествующими и послѣдующими имъ. Отъ этого и дѣти ихъ привыкають къ славолюбію, къ пышности, къ богатству и возношенію. Такъ родителями своими дѣти вводятся во всякій видъ страстей и безъ искушенія бѣсовъ; а верѣдко, по ихъ же (родителей)

вліянію, впадають они въ срамныя дѣла,—и даютъ входъ въ себя діаволу, отцу зла, чрезъ нарушеніе обѣтовъ, данныхъ во св. Крещеніи. Будучи такимъ образомъ воспитаны и выросши среди такихъ худыхъ вліяній, они вѣдряютъ въ душу трудно изгладимую привычку къ худому, которая современемъ превращается въ природу и дѣлается уже неисправимою. По сей причинѣ иные изъ нихъ (дѣтей) остаются въ злыхъ навыкахъ своихъ до смерти. не имѣя силъ оторваться отъ похотей, страстей и удовольствій плотскихъ, съ коими такъ и умираютъ; другіе же приходятъ нѣсколько въ чувство, познаютъ возгосподствовавшее надъ ними зло и стараются освободиться отъ него. Но если они не отдѣлятся совѣмъ отъ злыхъ учителей своихъ (такъ слѣдуетъ ихъ называть, а не родителями); то невозможно имъ будетъ освободиться отъ укоренившихся въ нихъ злыхъ привычекъ.—И сіе-то провидя, Богъ взываетъ ко всѣмъ намъ: *аще кто грядетъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего и мать и братію, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26). Ибо по другой какой причинѣ несправедливо ненавидѣть родителей, какъ сознавши душевный вредъ, причиняемый ими. Кто возчувствуетъ этотъ вредъ, тотъ уже не смотритъ болѣе на родителей и родныхъ, какъ на друзей, но естественно ненавидитъ ихъ, какъ навѣтниковъ души своей, и бѣгаетъ соображенія съ ними, стараясь всячески прежде совѣмъ отдѣлиться отъ тѣхъ, которые сдѣлались причиною для него толикихъ золъ, чтобъ потомъ свободнѣе подвизаться и объ освобожденіи души своей отъ оныхъ устарѣлыхъ злыхъ привычекъ, и отъ самыхъ похотей и страстей. Прежде же всего этого ему надлежитъ облегчить совѣсть свою отъ бремени грѣховъ, чрезъ покаяніе и исповѣдь.

Теперь послушай, честный отецъ, что я имѣю намѣреніе сказать тебѣ. Которые изъ таковыхъ отрекаются

отъ міра и не имѣють духовныхъ себѣ отцевъ и старцевъ, тѣ конечно не сдѣлались и чѣими-либо духовными чадами. Но которые не сдѣлались чадами, тѣ и не родились; которые не родились, тѣ не пришли въ бытіе; которые не пришли въ бытіе (духовное), тѣхъ совсѣмъ нѣтъ въ духовномъ мірѣ. Какъ тѣ, которые не родились тѣлесно, не находятся въ видимомъ мірѣ; такъ и тѣ, которые не родились духовно, не находятся въ ономъ умномъ мірѣ и не входятъ въ оный дивный свѣтъ, въ который вводитъ Богъ вѣрующихъ въ Него. Еще, какъ тѣ, которые не родились тѣлесно, совсѣмъ не существуютъ; такъ и тѣ, которые не родились духовно, не существуютъ духовно. Но о, когда бы были они совсѣмъ не сущими, а не существующими. Но дѣло не такъ есть; ибо родившихся тѣлесно, но неродившихся духовно, ожидаютъ тма, огонь и мука вѣчная, по опредѣленію Господа и Бога, и Спаса нашего Іисуса Христа, рекшаго: *еще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (Іоан. 3, 3). Рожденіемъ называетъ здѣсь Господь нашъ благодать Святаго Духа, какъ Самъ сказалъ Апостоламъ: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). Такъ вотъ что есть духовное крещеніе и духовное рожденіе, и невозможно сему быть иначе.

Надобно намъ теперь узнать причину, по которой иные не знаютъ, что они родились духовно. Какая же этому причина? Невѣжество и слѣпота очей души ихъ.— И внимай поусерднѣй.—Какъ дѣтямъ раждаемымъ невозможно засѣмениться и родиться безъ отца, такъ невозможно родиться свыше, т.-е. принять благодать Святаго Духа, и тому, кто не имѣетъ духовнаго отца, рожденнаго свыше. И какъ плотской отецъ раждаетъ и дѣтей плотскихъ, такъ и отецъ духовный тѣхъ, которые желаютъ быть чадами его, дѣлаетъ чадами духовными.—

Но тотъ, кто самъ еще не родился, или родился, но еще дитя есть, т.-е. не достигъ еще совершенства, тому какъ возможно быть отцемъ другихъ? Нѣтъ, невозможно. И тому, кто не содѣлался сыномъ Свѣта, съ чувствомъ и сознаніемъ того, съ опытнымъ удостовѣреніемъ и духовнымъ созерцаніемъ, тому какъ возможно знать и видѣть Отца свѣтовъ? И какъ возможно ему руководить другихъ къ Свѣту, или научить ихъ, что есть Свѣтъ, который пришелъ въ міръ, чтобъ просвѣщать сидящихъ во тьмѣ? Самъ онъ слѣпъ и не видитъ, какъ же можетъ онъ показать путь другимъ? Кто не видитъ свѣта, тотъ всеконечно ходитъ во тьмѣ, спотыкается непрестанно и имѣетъ нужду въ путеводителѣ: какъ же путеводить ему другихъ? И если станетъ онъ путеводить ихъ, то навѣрное будетъ для нихъ виновникомъ пагубы. Ибо Господь говоритъ: *слѣпецъ слѣпца еще водитъ, оба въ яму упадутъ* (Мѡ. 15, 14),—въ ровъ невѣдѣнія или пагубы.

Итакъ, всѣ тѣ, которые видятъ только тѣлесными очами и только этотъ чувственный свѣтъ, слѣпы суть; и имъ ни о чемъ другомъ не должно заботиться, кромѣ какъ о томъ, чтобъ отверзть умныя очи души своей, и увидѣть невечерній Божественный свѣтъ. Ибо какъ слѣпой не можетъ видѣть никакихъ вещей міра сего, ни различать золота, напримѣръ, отъ серебра или мѣди; хоть они предъ нимъ находятся, онъ не видитъ, и многоцѣнные камни и маргариты, если они брошены на полъ, попираетъ, какъ прахъ; и самого себя не видитъ, и не знаетъ, какая на немъ одежда, бѣлая или черная, чистая или измаранная; такъ и тотъ, кто слѣпъ умными очами, не можетъ знать самого себя, ни состоянія своего; тѣмъ паче невозможно ему увидѣть и познать Бога. Открываются же умныя очи и проговяется духовная слѣпота благодатию Святаго Духа. И никто

изъ святыхъ отъ вѣка бывшихъ не дѣлался святымъ, не познавалъ Бога, не становился рабомъ и другомъ Его, если прежде умъ его не бывалъ просвѣщенъ отъ Святаго Духа, если не получалъ отъ Него вѣдѣнія, слова и силы и не былъ Имъ доведенъ до познанія хотѣній и велѣній Божіихъ. Кто не просвѣщенъ Духомъ Святымъ, тотъ не только не знаетъ себя самого и ближнихъ своихъ, но и заповѣди Божіи, кои суть какъ маргариты, и велѣнія Божіи, кои суть какъ камни многоцѣнные, и живодательные словеса Его, кои суть какъ монеты, имѣющія на себѣ пречистый образъ Его,—все это попираетъ ногами, какъ ненужный прахъ,—нимало не чувствуя ни ихъ, ни того, какъ относится къ нимъ. потому что не можетъ чувствовать. Никто убо, братія мои да не прельщаетъ васъ, говоря, что видитъ то, о чемъ я сказалъ,—тогда какъ очи души его не просвѣщены божественнымъ свѣтомъ.

Итакъ, если всякой ученикъ есть духовное чадо учителя своего, то всячески тому, кто ищетъ духовнаго отца, должно искать человѣка, который родился духовно и сознательно знаетъ Бога и Отца своего, чтобъ онъ родилъ духовно и его. и сдѣлалъ воистину сыномъ Божіимъ. Если теперь ученикъ оный нуждается и ищетъ такого духовнаго отца (ибо, какъ говоритъ Писаніе, добрыхъ учителей—добры и ученія, отъ злыхъ же сѣмянъ злыя бываютъ и порожденія); то съ другой стороны есть въ настоящей жизни и добрые учителя и отцы истинно духовные, такіе, какъ мы сказали выше. Но подлѣ нихъ есть и такіе, которые еще не родились свыше и еще не познали себя самихъ, а не только Бога; которые однакожъ сами себя выставили учителями и отцами другихъ, и всякими способами стараются привлечь къ себѣ всякаго, отрекшагося отъ міра и, какъ мы сказали, ищущаго духовнаго себѣ отца; и если замѣтять,

что онъ хвалить кого-либо изъ истинно-духовныхъ отцевъ, тотчасъ спѣшатъ эти несчастные представить нехорошимъ того духовнаго, чтобъ соблазнить душу юноши и помѣшать ему пойти къ нему. Спрашивается теперь: если юный сей, обманувшись, пойдетъ къ тѣмъ, которые его обманули, и лишится такимъ образомъ пользы, какую имѣлъ бы получить отъ того духовнаго отца, то кто виновенъ въ потерѣ его, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, которые такимъ же образомъ лишаются пользы отъ духовныхъ отцевъ и учителей, будучи соблазняемы словами оныхъ самозванцевъ? Не виновны ли въ этомъ эти соблазнитель, которые сами себя поставили въ руководители и отцы, и всѣхъ отдаляютъ отъ добрыхъ учителей, не допуская ихъ дойти до нихъ, чтобы получить отъ нихъ настоящее руководство и войти по нему въ царствіе небесное? Всеконечно они виновны въ этомъ, и отъ рукъ ихъ взыщется кровь соблазненныхъ ими, какъ сказалъ Господь. Они, будучи обладаемы тщеславіемъ и гордостію и думая о себѣ, что суть великіе нѣкіе, хотя ничто суть, дѣлаются отцами, учителями и апостолами, сами себя рукоположивъ; между тѣмъ какъ ни благодати Святаго Духа не получили, какъ Апостолы, ни свѣтомъ вѣдѣнія не просвѣтились, ни Бога, Коего проповѣдуютъ, не видѣли, чтобъ Онъ открылся имъ, какъ обѣтовалъ: *имѣй заповѣди Моя и соблюдай ихъ, той естъ любяй Мя: и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ; и опять: Азъ и Отецъ Мой къ нему придемъ и обителъ у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23); и еще: *ядый Мою плоть и пій Мойю кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56); также: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ: вѣруй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 37. 38); опять: *всякъ пій отъ воды сѣя* (естественной) *вжаждется паки: а иже пьетъ отъ воды, юже*

Азъ дамъ ему, не вжаждется во въки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникомъ воды текущія въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 13. 14). Итакъ, кто явно не видитъ, чтобъ все такое было въ немъ дѣйствительно и совершилось самымъ дѣломъ, тотъ еще слѣпъ. Ибо кто не соблюлъ божественныхъ заповѣдей, кто не видѣлъ Сына Божія явившимся ему, кто не возлюбилъ Его какъ подобаетъ, кто не позналъ въ чувствѣ души своей, что Отецъ и Сынъ во Святомъ Духѣ обитель у него сотворили, тотъ пострадалъ одно изъ двухъ слѣдующихъ: или Богъ оставилъ его и душа его пуста, или діаволь, изгнанный изъ него во время крещенія, опять возвратился къ нему по причинѣ грѣха; и это или прежде чѣмъ онъ сталъ монахомъ, или послѣ того, — *и быша послѣдняя человеку тому горша первыхъ* (Матѹ. 12, 45). Кто изгналъ лукаваго изъ души своей, великими подвигами, смиренномудріемъ, многими болѣзненными трудами, плачемъ и слезами, а потомъ опять попустилъ себѣ обольститься его внушеніями, и это прежде, чѣмъ завѣдомо ему возобиталъ въ немъ Христосъ, и прежде чѣмъ стяжалъ онъ истинное, всушествленное, смиреніе; тотъ опять принимаетъ къ себѣ самого діавола, который входитъ въ него безъ вѣдома его, по причинѣ самомнѣнія и гордости. Такой не можетъ придти въ чувство и познать грѣхи свои и зло, которому подвергся. Ибо діаволь закрываетъ очи души его и не даетъ ему познать гордости, которая властвуетъ надъ нимъ. Тогда діаволь не нудитъ его на плотскія сласти, ни на чревоугодіе, или сребролюбіе и многостяжаніе (ибо эти страсти нѣкоторымъ образомъ смирительны, наводятъ стыдъ и отнимаютъ у совѣсти побѣжденнаго ими всякое дерзновеніе, хотя бы его хвалилъ и величалъ весь міръ, яко святаго), но побуждаетъ его держать посты, бдѣнія, всеощныя стоянія, нестяжаніе, спаніе на голой

землѣ, немытость и все другое, что, какъ знаетъ онѣ, можетъ возвращать страсть гордыни. Ибо такія дѣла, если не бывають построеваемы на основаніи Христо-подражательнаго смиренія, высятъ душу до небесъ и тѣмъ низвергають ее въ бездну. Она думаетъ, что выпшнется; на дѣлѣ же бываетъ, что насколько она вышится, настолько падаетъ и низвергается долу, сама того не замѣчая. Какъ невозможно стоять дому безъ основанія, такъ невозможно сказаннымъ добродѣтелямъ быть твердыми, если онѣ не имѣють въ основаніи своемъ смиренія. Если оно не будетъ прежде положено въ основаніе, или бывъ положено, будетъ потомъ похищено духами злобы; тотчасъ все зданіе добродѣтелей, назданное съ такими потоми и трудами, падаетъ долу и уничтожается. Ибо *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4. 6); и—*нечистъ предъ Господомъ всякъ высокосердый* (Прит. 16, 5). Между тѣмъ, кто имѣетъ въ себѣ сей источникъ и корень всѣхъ страстей душевныхъ, тотъ почитаетъ себя вышшимъ и безстрастнѣйшимъ всѣхъ людей, и повѣрить не можетъ, чтобы былъ кто либо дѣятельнѣе и созерцательнѣе его; почему презираетъ всѣхъ и не вѣритъ дарамъ благодати, какіе даются имъ отъ Бога, завидуетъ имъ и осуждаетъ ихъ, и всячески усиливается доказать, что одни изъ нихъ (даровъ) ложны, а другіе—невозможны. Этимъ способомъ онѣ увлекаетъ въ слѣдъ себя и другихъ, ввергая и ихъ въ свой собственный ровъ зависти, невѣрія и пагубы.

Кто зкушаетъ тѣло Сына Божія и пиетъ кровь Его, тотъ, если не знаетъ чувствомъ и опытомъ душевнымъ, что въ Богѣ пребываетъ, а Богъ въ немъ, поистинѣ еще не причащался достойно пречистыхъ таинъ. Ибо какъ возможно тому, кто соединился съ Богомъ, не знать о томъ, хотя бы былъ онѣ и не совсѣмъ чувстви-

тельнаго сердца? Также, если вкушающій тѣло и піющій кровь Христовы имѣть животъ вѣчный и на судъ не идти, но прешель отъ смерти въ животъ: то явно, что кто не сознаеть, что имѣть въ себѣ животъ вѣчный и прешель отъ смерти въ животъ,—такъ же, какъ иной знаетъ, что изъ темнаго дома перешель въ свѣтлый и блестящій.—таковой не позналъ еще таинства домостроительства Божія и не вкусилъ жизни вѣчной. И еще, если Господь нашъ обѣтовалъ, что вѣрующимъ въ Него будетъ подавать Духа Святаго, чтобы Онъ былъ для нихъ источникомъ воды текущія въ животъ вѣчный, и рѣками, истекающими изъ чрева ихъ: то кто не видитъ, чтобъ въ немъ совершалось это каждодневно, не видитъ и всего другаго, что обѣщаль Господь давать вѣрующимъ въ Него или совершать въ нихъ, тотъ какъ можетъ называть себя совершеннымъ вѣрующимъ? Но съ другой стороны, если кто думаетъ, что такое совершенство прилично только Апостоламъ и древнимъ святымъ,—и говорить, что мы, сколько бы ни подвизались, не можемъ уподобиться древнимъ святымъ, и надежды даже не имѣемъ сдѣлаться подобными имъ; то кто изъ знающихъ Бога и сострадающихъ братіямъ своимъ не восплачетъ о такомъ отъ всей души своей? Ибо если Богъ велегласно взываетъ: *святѣ будите, якоже Азъ святъ есмь* (1 Петр. 1, 16),—и въ другомъ мѣстѣ: *подобны будите Отцу вашему, иже есть на небесахъ* (Матѣ. 5, 48; Лук. 6, 36)—и Павелъ: *подобны мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. 4, 16),—а этотъ противный сему пишетъ законоположенія: то наивѣрнѣйше онъ явный есть антихристъ и богоборецъ. Ибо говорить, что иные были тѣ, и иные мы,—иначе тѣхъ любилъ Богъ, сподобившій ихъ великихъ даровъ Св. Духа, и иначе относится Онъ къ намъ; насъ, говоритъ, Онъ едва милуетъ,—прощаетъ только намъ грѣхи наши и

спасаетъ насъ, если покаемся, понесемъ какія-либо произвольныя лишенія и поплачемъ; быть же намъ какъ Апостолы или какъ древніе святые никакъ невозможно. И тѣхъ, которые почитаютъ сіе возможнымъ, называетъ онъ гордыми и хульниками, которыхъ, говоритъ, не надо совсѣмъ слушать,—и повелѣваетъ бѣгать отъ нихъ. Какое пагубное заблужденіе, чтобъ не сказать, какое нечувствіе и невѣріе! Говорящіе и мудрствующіе такъ надѣются быть спасенными безъ пріятія благодати Святаго Духа—и думаютъ быть сынами Божиими, не имѣя сознательно Духа Святаго, Который единъ творитъ вѣрующихъ сынами Божиими. Они называютъ Бога Отцемъ своимъ, но говорятъ, что никогда не видѣли Его, и думаютъ, что любятъ Его, не выдавши Его.—Даже слушая Апостола Іоанна, который говоритъ: *не любяй брата своего, егже видѣтъ, Бога, егже не видѣтъ, како можетъ любить* (1 Іоан. 4, 20)?—не приходятъ они въ чувство и не понимаютъ, въ какомъ худомъ находятся состояніи; но завидуютъ, и ненавидятъ братій своихъ, и такія употребляютъ противъ нихъ препрѣтельныя словеса, которыхъ не могъ бы никогда изобрѣсть самъ діаволь, отецъ лжи и зависти. А предъ иными они рисуются, будто говорятъ все сіе съ богоугодною и братолюбною цѣлію; хотя между тѣмъ у всѣхъ людей посѣвають худое мнѣніе объ истинно святыхъ мужахъ, и не подозрѣвая, что, дѣйствуя такъ, они дѣйствуютъ противъ себя, или тѣмъ самымъ себя обличаютъ; ибо если кто безстрастенъ, тотъ несвятъ, то конечно и ты, говорящій такъ, таковъ, такъ какъ злое износится обыкновенно изъ злаго сокровища сердца.

Страстные думаютъ, что и всѣ другіе также страстны, и судятъ всѣхъ по себѣ, забывая, что есть Богъ, рекшій: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. 7, 1),—есть Судія, имѣющій воздать каждому по дѣламъ его. Съ

такимъ тщеславіемъ и дерзостію оговариваютъ и судятъ они братій; а не знаютъ, что таковымъ не позволено даже читать божественныя Писанія, какъ говоритъ самъ Богъ устами Давида: *вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлещи заветъ мой усты твоими*, — и потомъ, указывая причину такого приговора, прибавляетъ: *судя на брата своего клеветалъ еси* (Пс. 49, 16. 20). Если же таковому запрещается читать даже божественное Писаніе; тѣмъ паче не должно бы ему было входить въ храмъ Божій и стоять съ вѣрными. А онъ, не смотря на это, дѣлается учителемъ съ великою гордостію и дерзко восходитъ на престолъ апостоловъ (ибо достоинство и власть Апостоловъ есть всеконечно ученіе, бывающее въ Духѣ Святомъ). Какого постѣ сего наказанія и какой казни не заслуживаетъ таковой? Кто не сдѣлался еще ученикомъ, какъ должно, а между тѣмъ восхищаетъ достоинство учителей, тому слѣдуетъ наказаніе въ тысячу разъ большее, чѣмъ разбойникамъ и убійцамъ. Эти тѣло только убиваютъ, а онъ убиваетъ души. Какъ тотъ, кто взялъ бы у царя какой вибудь многоцѣнный камень или маргаритъ, чтобъ на камнѣ выдѣлать изображеніе царя, и при этомъ обточить его и обдѣлать прилично, а на маргаритѣ подѣлать отверстія и вдѣлать его въ корону или въ одежду царскую, — если бъ на камнѣ не выдѣлалъ сходнаго съ царемъ изображенія, обточилъ его неискусно и сдѣлалъ ни къ чему негодимъ, а на маргаритѣ не сдѣлалъ ровныхъ отверстій, или бы раскололъ его и совсѣмъ испортилъ, — не только не получить награды отъ царя, но еще подвергнется великому наказанію: въ такомъ же точно положеніи находятся и учителя, взявшіеся учить другихъ истинному христіанствованію. Если, по нерадѣнію кого-либо изъ нихъ, или по неспособности, или по необдуманности, или по невѣдѣнію и невѣжеству, повредятся

мысли какого-либо брата или развратятся дѣла и мудрованія,—если не сдѣлаетъ онъ cadaго изъ слушателей своихъ разсудительнымъ, мудрымъ и совершеннымъ, съ великимъ искусствомъ, знаніемъ дѣла, мудростію и разсудительностію воображая въ немъ, сколько возможно, Христа, такъ чтобъ Онъ видѣлся въ немъ воображеннымъ и блисталъ,—и не возведетъ его такимъ образомъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова,—если, напротивъ, душу cadaго изъ такихъ учениковъ сдѣлаетъ непотребною, и искуснаго превратитъ въ неискуснаго, честнаго въ безчестнаго, тогда какъ его не бѣ достоинъ весь міръ: то таковой явно не награду получить за трудъ свой, но муку и наказаніе за тѣхъ, которыхъ сдѣлалъ непотребными ученіемъ своимъ. Тоже заслужитъ онъ, если кто-либо чрезъ ученіе его лишится чего такого, что способствовало бы спасенію его, или не возможетъ, по причинѣ его, достигнуть совершенства, могши достигнуть его подѣ руководствомъ другихъ учителей.

Итакъ, отче духовный, надлежитъ тебѣ прежде сдѣлаться ученикомъ Христовымъ и добрѣ научиться заповѣдямъ Его и таинствамъ,—и тогда уже браться учить другихъ; надлежитъ тебѣ прежде подчиниться и послѣдовать духовному отцу, который проведетъ бы тебя путемъ, ведущимъ ко Христу, такъ чтобъ ты достигъ Христа, или лучше сказать, чтобъ тебя обрѣлъ Христосъ; при чемъ надлежитъ тебѣ замѣтить всѣ повороты и всѣ знаки пути, которымъ незаблудно проведетъ онъ тебя туда, гдѣ увидишь ты Христа благодатію Святаго Духа,—и тогда уже руководи и другихъ ко Христу; надлежитъ тебѣ прежде самому просвѣтиться истиннымъ свѣтомъ, а послѣ того вводить и другихъ въ сей свѣтъ; надлежитъ тебѣ прежде самому получить христіанскую свободу, а потомъ берись руководить къ ней и другихъ;

ибо совершенно безмысленъ и буй есть тотъ, кто, будучи самъ рабомъ, берется освобождать сорабовъ своихъ, восхищая власть господина своего.

Какимъ же образомъ можемъ мы сдѣлаться учениками Христовыми? Послушаемъ самого Христа, который говорить *еще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грѣдетъ* (Матѣ. 16, 24). Идти въ слѣдъ Христа есть подражать Ему въ дѣлахъ Его, и жить такъ, какъ жилъ на землѣ и Онъ, Господь нашъ, терпя съ радостію искушенія и поношенія, чтобы получить благодать Святаго Духа. Ибо ни бдѣніе, ни уединеніе, ни постъ, ни ничего неимѣніе, ни трудъ тѣлесный, ни другая какая добродѣтель не могутъ безъ Святаго Духа доставить намъ слова премудрости, или знанія, или разсужденія; потому что все это есть путь, ведущій къ свѣту, а не самый свѣтъ. Почему если я и тысячу лѣтъ буду идти путемъ симъ и не достигну свѣта (который есть Духъ Святый, отъ Отца исходящій и просвѣщающій въ Сынѣ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ), но и въ концѣ жизни моей окажусь еще сущимъ во тмѣ, то что пользы для меня отъ этого? И Апостоль Павелъ, сказавъ, что иному дается слово премудрости, иному слово разума, иному дарованія исцѣленій, и прочее, потомъ прибавилъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ* (1 Кор. 12, 11). Видишь, что безъ Духа никто не можетъ ни самъ научиться, ни другихъ научить? Почему, если кто прежде полученія Духа истины, *егоже міръ не можетъ прияти, яко не видитъ его, ниже знаетъ Его* (Ин. 14 17), дерзнетъ и покусится, еще будучи отъ міра, въ міръ взять на себя степень и достоинство учителя и стать духовнымъ отцемъ и ходатаемъ за другихъ предъ Богомъ, то не достоинъ ли онъ несмѣтнаго числа молніиныхъ ударовъ и мукъ? Чтобы тебѣ видно было, что я ничего не говорю не паходя-

шагося въ Писаніи, слушай, что говорить Апостоль Павелъ: *аще ли кто Духа Христова не имать, сей нысть Еговъ* (Рим. 8, 9). Видишь, что тому, кто не имѣеть Духа Святаго, не только непозволительно учить другихъ, но что ему невозможно даже быть отъ части Христовой? Ибо со Христомъ соединяетъ благодать Святаго Духа; и кто не имѣеть Духа Святаго обитающимъ въ себѣ завѣдомо тому невозможно имѣть общенія со Христомъ, или видѣть славу Христа сознательно. Онъ не можетъ и божественныхъ тайнъ умно созерцать, такъ, какъ бы видѣлъ самого Христа и Бога, но видитъ только чувственно хлѣбъ и вино, которые стоятъ на трапезѣ и видимы чувственно. И сіе праведно страждутъ таковыя, потому что не получившіе благодати Святаго Духа не могутъ видѣть, ни познать Христа — Бога. Которые не испытали и не удостоились сего, тѣ не суть и родъ Божій, или свои Богу, и не знаютъ Его. Ибо Того. Кто есть выше всякаго ума и помышленія, какъ возможно познать уму нашему, созданному Имъ, если онъ не будетъ просвѣщенъ отъ Него и не соединится съ Нимъ? Какъ отъ Него получилъ онъ бытіе, такъ опять отъ Него же долженъ онъ сподобленъ быть — увидѣть и познать Его знаніемъ невѣдомымъ и созерцаніемъ незримымъ. Тѣ же, которые не сподобились стать такими, ни Духа Святаго не имѣютъ и не суть Христовы, — и пусть они не обольщаютъ себя. Когда получаютъ они Духа Святаго и станутъ Христовыми, — вѣрнымъ и несбивчивымъ признакомъ того будетъ для нихъ то, что сказалъ божественный Апостоль: *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17), гдѣ подъ свободою разумѣть онъ совершенное освобожденіе отъ всѣхъ страстей и отъ похотей мірскихъ и плотскихъ. Почему въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *а иже Христовы*, то-есть рабы Христовы, *суть, плоть распяши со страстьми и по-*

хотѣми (Гал. 5, 23),—и еще нѣгдѣ: *еще же Христосъ въ васъ, плоть убо жертва грѣха ради, духъ же живетъ природы ради* (Рим. 8, 10). Итакъ кто не сознаетъ, что сіе и то, что сказано выше, бываетъ въ немъ явно, тотъ пусть сидитъ одинъ и плачетъ о себѣ, что еще не сдѣлался рабомъ Христовымъ, еще не сталъ причастенъ славы и божества Христова, и что состояніе его еще неявно. Почему пусть наипаче печется о себѣ самомъ, до другихъ же да не будетъ ему дѣла; потому что страстный не можетъ разсуждать дѣлъ братій безстрастно, какъ слѣпой не можетъ видѣть чувственныхъ вещей, хотя бы держалъ ихъ въ рукахъ своихъ.

Но моли, прошу тебя, отче, Бога о мнѣ бѣдномъ, если не по чему другому, то ради любви къ Тому, Кто сказалъ: *возлюбиши Господа Бога твоего. . и ближняго твоего яко самъ себе*. Помолись о мнѣ грѣшномъ, ненавидимомъ за любовь ко Христу, гонимомъ за то, что хочу жить благочестно о Христѣ, осуждаемомъ всѣми за то, что чту отца моего духовнаго и учителя, оглашаемомъ всюду, яко еретикъ, за то, что учу всѣхъ искать свыше благодати и завѣдомаго присутствія Духа Святаго; потому что безъ сего не бываетъ отпущенія грѣховъ, что безъ благодати Святаго Духа, невозможно ни освободиться отъ страстей и безсловесныхъ похотей, ни содѣлаться сыномъ Божиимъ, ни освятиться,—и что тѣ, которые сподобляются такихъ даровъ Духа, не только освобождаются отъ всѣхъ похотей, страстей и непотребныхъ помысловъ, но бываютъ и богами по благодати, пребываютъ близъ Бога, и бываютъ внѣ плоти и міра;—и не только они сами святы бываютъ и какъбы безтѣлесны въ мірѣ, но и всѣхъ другихъ вѣрныхъ видятъ какъ святыхъ; и не только какъ святыхъ, но и какъ во Христа облеченныхъ и содѣлавшихся христами;—и что кто не стяжалъ еще такихъ душевныхъ очей, тотъ

явно не достигъ еще свѣта Христова и не просвѣтился отъ него: ибо свѣтъ Христовъ даруется, да видимъ бываетъ тѣмъ, кои сподобились покаяніемъ внити въ него.

Кто достигнетъ въ мѣру сію, тотъ всѣхъ любить и почитаетъ ихъ, какъ Христа, не презираетъ никого изъ тѣхъ, кои кажутся намъ низкими и ничтожными, но и другаго никого не ненавидитъ, не поноситъ, не осуждаетъ и не терпитъ слышать, какъ другіе осуждаютъ кого. Такими да будемъ и мы съ вами (говорю къ этимъ осуждающимъ), братія. Ибо если не сдѣлаемся такими, то невозможно намъ будетъ внити въ царство небесное.

Такъ вотъ, поелику я говорю все такое и проповѣдую, что отецъ мой духовный сдѣлался таковымъ, то всѣ осуждаютъ меня за то, какъ гордаго и хульника,—и діаволъ поднялъ противъ меня служителей своихъ и ведетъ войну, чтобъ заставить меня перестать проповѣдывать словомъ и исполнять дѣломъ евангельскія заповѣди и апостольскія постановленія, перестать стараться обновить евангельскую жизнь, которая нѣкоторымъ образомъ одряхлѣла и забыта,—чтобъ люди въ самовольной дерзости не помышляли, что могутъ спастись, безъ полученія благодати Святаго Духа и безъ безстрастія,—не прельщались тѣмъ и не погибали, сами того не понимая. За это вмѣсто того, чтобъ благодарить меня, что говорю имъ и побуждаю ихъ стремиться къ совершенной добродѣтели, они паче осуждаютъ меня, и ненавидятъ, отвращаются отъ меня, и предали меня на алчбу, жажду и смерть,—за то, что я не оболъщаю ихъ и не говорю: дерзайте, всѣ имѣемъ спастись безъ трудовъ и болѣзновачій, безъ покаянія и точнаго исполненія заповѣдей Божіихъ,—каковыми рѣчами тѣ, которые говорятъ ихъ, извращаютъ все ученіе Христа и Апостоловъ Его.

Намъ же не буди мудрствовать и говорить такъ, но

да глаголемъ всѣмъ съ дерзновеніемъ,—что, поелику вѣруемъ во Христа, яко Бога истиннаго, и приедемъ Апостоловъ, яко учениковъ Его; то долгъ имѣемъ всячески соблюдать и заповѣданное ими, каяться и плакать съ болѣзнію сердца о всякомъ преслушаніи и преступленіи заповѣдей Господнихъ, если желаемъ получить блага, обѣтованныя намъ отъ Бога,—каковыя когда бы сподобились получить и мы, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Коемъ Отцу и вмѣстѣ Духу Святому подобаетъ всякая слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ.

О томъ, что желающій пасти словесное стадо Христово прежде долженъ разсмотрѣть и съ точностію изслѣдовать себя самого и свое состояніе, и тогда уже браться учить другихъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ ублажаетъ не того, кто учитъ только добрымъ дѣламъ, но того, кто прежде творить ихъ, и потомъ научаетъ имъ и другихъ. Ибо говоритъ въ св. Евангеліи: *иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небесныхъ* (Мѣ. 5, 19). Почему и божественные отцы Церкви нашей ни словомъ, ни писаніемъ не учили никакому добру, котораго не дѣлали бы сами прежде, чѣмъ учить о немъ. И тѣ, которые слушаютъ такихъ учителей, бывають болѣе готовы на то, чтобъ подражать имъ въ добромъ: потому что не столько пользуют ихъ слова, сколько пользуют дѣла, которыя побуждаютъ ихъ дѣлать и себѣ подобное же. Но горе намъ, братія мои, что до такой великой дошли дерзости мы, монахи, что беремъ пасти словесныхъ овецъ Христовыхъ, не имѣя благодати Хри-

стовой, и всячески домогаемся получить степень апостольскую (увы мнѣ, треокаянному!), для довольства и упокоенія тѣла, для выгоды и чести человѣческой, и даже за деньги покупаемъ сіе достоинство апостольское, ни Бога не боясь, ни человѣковъ не срамляясь. Хотя ни одинъ человѣкъ не дерзнетъ приблизиться къ царскому престолу безъ воли царя, хотя никто изъ неученыхъ не посмѣетъ взять на себя чинъ грамматика, или ритора, хотя никто изъ неграмотныхъ не согласится быть чтецомъ; но мы не таковы, и не смотря на такіе примѣры, ищемъ и беремъ на себя достоинство Апостольское, не имѣя благодати Апостоловъ и не видя въ себѣ плодовъ благодати Святаго Духа. И какъ допускаемъ мы себя даже подумать только о такой великой дерзости? Скажите мнѣ, возлюбленные, — если бы этотъ великій многолюдный городъ, Константинополь разумѣю, встрѣтивъ какого-либо человѣка страннаго, который никогда не входилъ въ царскія палаты и котораго не знаетъ ни царь, ни царскіе люди, сталъ просить его, говоря: мы дѣлаемъ тебя меченосцемъ царевымъ, входи ты одинъ въ царскія палаты и говори царю о нашемъ благѣ и проси его сдѣлать для насъ то и то; то странній тотъ человѣкъ захотѣлъ ли бы принять предлагаемое ему достоинство, и пришло ли бы ему даже на умъ, что онъ сможетъ дѣлать такіа дѣла? Всѣ мы навѣрно въ одинъ голосъ скажемъ, что онъ никогда не поступилъ бы такъ, даже тѣхъ, которые предложили бъ ему это, осудилъ бы, обозвавъ ихъ бессмысленными и сумасшедшими, и никакъ не согласился бы принять сказанное достоинство, видя, что оно доставило бы ему не честь, а скорѣе безчестіе и царское наказаніе. Итакъ, если въ человѣческихъ дѣлахъ не можемъ мы поступать такъ; то какъ же не страшимся мы и не трепещемъ брать на себя Апостольское достоинство съ такою дерзостію, приближаться

къ неприступному свѣту Царя царствующихъ, Бога, и становиться посредниками между Богомъ и человѣками? Или считаемъ такое покушеніе малымъ и ни во что ставимъ какъ ничтожное? Увы мнѣ, братія мои! Страшно подумать, до какого крайняго дошли мы ослѣпленія и нечувствія, что даже не знаемъ, сколь великія и страшныя дѣла соглашаемся брать на себя. Ибо если бы знали, то никогда не могли бы дойти до такой дерзости, чтобъ шутить божественнымъ и являть большій страхъ и большую честь земному, чѣмъ небесному Царю Христу.

Будемъ же непрестанно себя самихъ разсуждать и постараемся, сколько можемъ, и другихъ отклонять отъ покушенія—искать и брать недостойно такую власть, чтобъ и ихъ избавить отъ осужденія и самихъ пожить прочее безопасно. Кто впрочемъ, изслѣдуя себя съ точностію, находитъ, что онъ свободенъ отъ всякаго славолубія и даже слѣда не имѣетъ сластолюбія и плотской похотливости, чистъ также совершенно отъ сребролюбія и злопамятства, имѣетъ безгнѣвіе и совершенную кротость, стяжалъ такую любовь къ Богу, что лишь только услышитъ одно имя Христа, тотчасъ начинается горѣть пламенемъ къ Нему и проливать слезы, плакать при этомъ и о братіяхъ своихъ, почитая грѣхи другихъ собственными своими и отъ всей души имѣя себя самого грѣшнѣйшимъ паче всѣхъ,—и наконецъ видитъ въ себѣ благодать Святаго Духа, просвѣщающую его богато и дѣлающую сердце его солнцемъ,—видитъ, что въ немъ явно совершается чудо купины, такъ что онъ говоритъ, поелику душа его соединена съ неприступнымъ огнемъ Божества, и не стараетъ, поелику она свободна отъ всякой страсти,—еще смиряется такъ, что почитаетъ себя недостойнымъ и недовольнымъ для такой степени, зная немоцъ человѣческаго естества, но пытается дерзновенное упованіе на божественную благодать и силу, ею подаемую, и если съ готовностію рѣ-

пашется на такой шагъ, то дѣлаетъ это, понуждаемый теплымъ вѣянiемъ и мановенiемъ благодати, и съ отверженiемъ при семъ всякаго человѣческаго помысла и съ желанiемъ животъ свой положить за братiй, во исполненiе заповѣди Божией и любви къ ближнему,—при всемъ же сказанномъ имѣетъ еще умъ обнаженный отъ всякаго мерзкаго воспоминанiя, и одѣянъ въ свѣтлую одежду смиренiя, такъ что ни къ тѣмъ, которые содѣйствуютъ ему по такому предмету, не имѣетъ особеннаго расположенiя и любви, ни на тѣхъ, которые противятся тому, не держитъ ни малаго зла въ сердцѣ и не ненавидитъ ихъ, но равно относится ко всѣмъ съ благорасположенiемъ, простотою и незлобiемъ сердца,—кто все такое имѣетъ, тотъ пусть рѣшается принять предлагаемое ему достоинство. Однакожь и при этомъ всемъ, да не дерзаетъ онъ приступить къ сему безъ воли и разрѣшенiя отца своего духовнаго. Пусть смирится предъ нимъ и рѣшается на такое дѣло, какъ бы по приказанiю его и съ молитвою его, прiемля такой санъ единственно для спасенiя братiй. Впрочемъ такъ слѣдуетъ поступать ему, если знаетъ, что духовный отецъ его имѣетъ явно благодать Святаго Духа и сподобился прiять свыше вѣдѣнiе и премудрость, чтобъ не сказалъ ему при семъ того, что противно волѣ Божией, но по сущему въ немъ дару, сказалъ то, что Богу угодно и для души его полезно,—дабы не оказалось, что онъ слушается человѣка, а не Бога. Если найдетъ онъ добраго содѣйственника и совѣтника въ духовномъ мужѣ, то принятiе имъ сана будетъ болѣе безопасно и мудрованiе болѣе смиренно.

Если теперь таковой смотря посмотреть на дѣло, то найдетъ истиннымъ все, мною сказанное, гораздо же больше этого узнаетъ онъ самъ собою, или лучше сказать, наученъ будетъ отъ самаго Солнца правды, если

сподобился когда-нибудь видѣть сіе' Солнце. Если же начало сего дѣла таково, что такъ трудно познать, по Богу ли оно; тѣмъ паче трудно должно быть веденіе его и исполненіе. Сколько потребно терпѣнія въ перенесеніи искушеній, какія имѣютъ сопровождать его! Какое надлежитъ имѣть тонкое разсужденіе во время браней, какія вѣчно встрѣтитъ онъ! Почему внимай добрѣ, отче духовный, и тщательно смотри за сердцемъ своимъ, особенно же очисти око ума своего и храни его чистымъ и не запорошеннымъ, потому что при помощи его ты можешь и за сердцемъ своимъ смотрѣть добрѣ и право обсуждать порученныя тебѣ дѣла, по настоятельству твоему, и особенно потребности отцевъ и братій, чтобъ все устроить, какъ подобаетъ. Ибо, какъ слышишь, собраніе братій есть тѣло, а настоятель ихъ голова. Какъ въ тѣлѣ прочія части каждая имѣетъ свое одно дѣло, ноги, напримѣръ, ходить, руки—братъ и работать, а голова—есть союженіе всего тѣла, такъ какъ въ ней находятся всѣ чувства, умъ и самое слово: такъ въ монастырѣ братія не всѣ во всѣхъ добродѣтеляхъ упражняются, но одинъ въ одной, другой въ другой; почему ты съ трудомъ найдешь въ братѣ двѣ или три добродѣтели въ одно и то же время; и въ этомъ ничего нѣтъ дивнаго, потому что братія суть *уды отъ части* (1 Кор. 12, 27); но настоятель долженъ имѣть всѣ добродѣтели, не душевныя только, но и тѣлесныя, и вмѣстѣ съ сими добродѣтелями особенно надлежитъ ему имѣть великіе сокровенные дары благодати. Ибо какъ голова снаружи красивая и хорошо убранная, если не имѣетъ въ себѣ ума и всѣхъ чувствъ цѣлыми и здоровыми, всѣми считается ни къ чему негожею и недостойною почета: такъ и настоятелю мало быть убрану и краситься только тѣлесными и душевными добродѣтелями, но надлежитъ при семъ наипаче сіять духовными

дарованіями. Ибо добродѣтели исправляются собственнымъ стараніемъ и усердіемъ, и приобрѣтаются собственными нашими подвигами и трудами, а духовныя дарованія суть свободные дары милости, отъ Христа подаемые тѣмъ, кои подвизаются. Такъ, напримѣръ, постъ и воздержаніе есть добродѣтель, отъ которой увядають грѣховныя сласти и похоти и замираетъ огонь плоти,—и это есть дѣло собственнаго нашего произволенія; но чтобы кто держалъ постъ и воздержаніе безъ всякаго чувства прискорбности и приболѣзненности сего подвига, и еще болѣе, чтобы кто достигъ чистоты и совершеннаго безстрастія, сіе есть даръ Божій, весьма высокій. Опять удерживать гнѣвъ и серчаніе есть собственное наше дѣло и требуетъ подвига великаго и труда немалаго; но чтобы совѣмъ не смущаться и стяжать невозмутимость сердца и совершенную кротость, это есть дѣло въ насъ единаго Бога и измѣна десницы Вышняго. И еще, раздать все имущество свое бѣднымъ и, ставъ нищимъ, просить милостыню, въ нашей состоятъ волѣ; но совѣмъ ничего не желать и съ радостию переносить горѣніе въ печи бѣдности, это есть таинственное дѣйствіе въ насъ Божіе. Такъ и всякое доброе дѣло, бывающее по заповѣди Божіей, называется добродѣтелію. Но какъ въ житейскомъ быту, земледѣлецъ, обрабатывающій землю и сѣющій сѣмена, трудится только, а чтобы сѣмена проросли и дали плодъ, сіе есть даръ Божій: такъ бываетъ и въ духовномъ порядкѣ,—дѣлать добрыя дѣла и сѣять сѣмена добродѣтелей съ трудомъ и подвигомъ многимъ есть наше дѣло, но чтобы Богъ оросилъ сіе дождемъ благодати своей и своего человѣколюбія, и сдѣлалъ безплодную землю сердца нашего плодоносною, сіе есть даръ и милость единаго Бога. Онъ божественною благодатию орошаетъ сѣмя слова, посѣяннаго въ сердцахъ нашихъ, прора-

щаетъ его и возвращаетъ, да будетъ въ древо великое, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.

Итакъ, надлежитъ тебѣ, пастырю овецъ Христовыхъ, стяжанною имѣть всякую добродѣтель и тѣлесную, и духовную, такъ какъ ты—глава прочаго тѣла братій,—чтобъ братія смотрѣли на тебя, какъ на первообразъ добра и отпечатлѣвали въ себѣ самихъ добрыя и богоподобныя черты твои. При этомъ и труба твоя да не знаетъ никогда покоя, но непрестанно да издаетъ гласъ: однимъ братіямъ предсказывай мечъ, т.-е. гнѣвъ Божій, грядущій на упорныхъ сыновъ противленія, чтобъ ихъ исправить, или, если не послушаются, свою душу избавить отъ страшнаго гнѣва Божія; другихъ вразумляй. учи и подвигай на всякое добро; но и тѣхъ, которые требуютъ обличенія и укора, не оставляй безъ вниманія, но обличай ихъ благовременно и безвременно, запрещай имъ и всячески старайся отклонить ихъ отъ недобрыхъ поступковъ, какъ заповѣдуетъ тебѣ божественный Павелъ. Милостивость свою являй равно ко всѣмъ братіямъ, и любовь тоже одинаковую имѣй ко всѣмъ, но честь воздавай каждому по добродѣтели его, какъ подобаетъ, и мужу добродѣтельному и духовному не предпочитай даже и того, кого первымъ имѣешь по устроению монастыря. Эти строители дѣлъ монастырскихъ состоятъ въ чинѣ седми діаконѣвъ, о коихъ говоритъ книга дѣяній апостольскихъ; они же суть и какъ служебные духи, посылаемые въ служеніе (Евр. 1, 14);—и если исправляютъ свое служеніе вѣрно, безъ всякаго лукавства, какъ и оныя семь діаконѣвъ; то получаютъ отъ Бога великое воздаяніе и въ сей жизни и въ будущей. Но которые подвизаются въ молитвѣ и безмолвіи, и въ ученіи словомъ, и упражняются съ терпѣніемъ въ добродѣтеляхъ и добрыхъ дѣлахъ, тѣ вмѣстѣ съ тобою

состоять въ чинѣ апостоловъ. Этихъ братій тебѣ слѣдуетъ имѣть помощниками въ благовѣстїи духовнаго ученія своего и въ воспрїятїи на себя тяготъ братнихъ, чтобъ они облегчали труды твои, такъ какъ они среди братій суть какъ каменіе многоцѣнное. Не ищи покоя тѣлеснаго или какого либо утѣшенія. И ночи и дни иждивай на попеченіе о ввѣренныхъ тебѣ отъ Бога душахъ, да не попадетъ какая либо изъ нихъ въ зубы врага, бывъ побѣждена или злою похотїю, или неразумнымъ гнѣвомъ, или помыслами тщеславія, но соблюдай все свое стадо цѣлымъ и безущербнымъ, стараясь представить его Пастыреначальнику, Христу Богу, все плодоноснымъ, исполненнымъ добродѣтелей и просвѣщеннымъ божественнымъ вѣдѣніемъ, чтобъ ни одной овцы не было, которал имѣла бы струпы и раны, или была лишена какого члена, или казалась захирѣлою. Если будешь всегда держать такое попеченіе о братіяхъ, то спасешь многихъ, дѣлая ихъ совершенными, не имѣющими недостатка ни въ чемъ добромъ, и принося ихъ Христу своему всѣхъ непорочными, всѣхъ чистыми отъ нечистыхъ дѣлъ. За это сподобишься ты получить отъ Бога великое воздаяніе, будешь вселенъ въ скиніи Апостоловъ и пастырей Христовыхъ и вѣчно царствовать съ самимъ Сыномъ Божиимъ. Посему жизнь твоя должна быть предъ липемъ братій и отцевъ, какъ нѣкій образецъ, чтобъ братія брали съ него примѣръ. Не люби вещей, ни славы, ни удовольствій и утѣхъ, ни трапезъ съ яствами многими и винами, ни щеголеватыхъ одеждъ. Не будь тщеславенъ, гнѣвливъ, бранчивъ, злопамятливъ, и не воздавай зломъ за зло. Но будь нестяжателенъ, ненавидь показливость, почетъ и всякое удобреніе плоти. Будь смиренъ, нищъ духомъ, сокрушенъ, тихъ, кротокъ, безгнѣвенъ, несребролюбивъ, умѣренъ, покоенъ, благочиненъ, терпѣливъ, воздерженъ, немного-

попечителень, неусыпевъ, усерденъ, ревностенъ. Пекись о душахъ, кои имѣешь подъ своимъ смотрѣніемъ, какъ о собственныхъ членахъ, и будь каждый день готовъ животъ свой положить за нихъ, если потребуется, и никакого дѣла міра сего не предпочитай любви къ братьямъ. Такъ какъ ты всѣмъ другимъ предпочтенъ и поставленъ пасти словесныхъ овецъ Христовыхъ, то надлежитъ тебѣ, по слову Господа, быть ниже всѣхъ мудрованіемъ и смиреніемъ, еже по Богу, какъ сильному—носить немощи немощныхъ, какъ врачу—врачевать болѣзни братій, которые заболѣваютъ душею, какъ пастырю—возвращать опять въ стадо овца отбившееся и заблудшее,—то, которое хорошо, старайся сдѣлать преуспѣвающимъ въ добродѣтеляхъ, а которое паршиво и не подаетъ надежды на уврачеваніе, то отдѣли отъ стада, чтобъ не запаршивили и другія овцы. Подвизайся, чадо мое о Господѣ, со всѣмъ усердіемъ умножать стадо Христово. Да не искуситъ тебя желаніе покоя и удобренія тѣла, сокровиществовать монастырскія вещи въ собственное употребленіе, а не для братій. Не люби часто выходить изъ монастыря; довольно для тебя видти однажды въ мѣсяцъ по крайне нужнымъ потребамъ монастырскимъ, прочія же пусть исправляютъ помощники твои, чтобъ не имѣть тебѣ развлеченій, но безпрепятственно заниматься составленіемъ поученій и наставленій братіямъ, въ попеченіи о душахъ ихъ. Не готовъ для себя разныя избранныя яства, а для братій какія похуже, ничтожныя и безъ приправы; не дѣлай также такъ, чтобъ самому пить хорошее вино, а братіямъ подавать закислое; но пусть будетъ у васъ трапеза общая, и для тебя и для братій, или растительная, или рыбная, по воскресеніямъ и праздникамъ, кромѣ развѣ когда случатся у тебя друзья, или болѣзнь. Твоимъ послушаніемъ да будетъ попеченіе о душахъ братій; прочія же по-

слушанія монастырскія раздай благочестивымъ и богобоязненнымъ братіямъ, испытывая ихъ на всѣхъ послуженіяхъ, по преданію преподобнаго отца нашего Теодора Студита. Не гнѣвайся на братій безъ какого либо повода, причиняющаго вредъ душѣ; лучше кроткимъ словомъ учи ихъ, какъ надлежитъ имъ держать себя въ средѣ братства. Юнымъ и новоначальнымъ повелѣвай наипаче быть скромными, чтобъ они не причинили вреда смотрящимъ на ихъ продержость и безпорядочныя ребяческія дѣла. Тѣмъ, которые уже долгое время живутъ въ подвигѣ, внушай терпѣливо сносить искушенія. смиренномудрствовать, плакать, прилежать молитвѣ и служить добрымъ примѣромъ для другихъ въ исполненіи заповѣдей. Иеромонаховъ учи благоговѣнству, безмолвію, размышленію о божественныхъ писаніяхъ, изученію Апостольскихъ правилъ и преданій, точному познанію догматовъ вѣры, чистотѣ сердца, непрестанной молитвѣ и сокрушенію, и тому, чтобъ они съ великимъ страхомъ стояли предъ святымъ престоломъ. были для всѣхъ братій, словомъ и дѣломъ, божественною солю и свѣтомъ и имѣли въ себѣ слово жизни. Если иной разъ нужно будетъ по благословной причинѣ явить гнѣвъ противъ безпорядочныхъ братій и вразумить ихъ жезломъ наказанія, чтобъ они отстали отъ худаго какого либо навыка, нехудо и это, и не необычно въ церкви Христовой. Свидѣтель слова сего самъ Господь Іисусъ, который, сотворивъ бичъ отъ вервей, билъ имъ непокоривыхъ Іудеевъ за то, что домъ молитвы превратили въ торжище, трапезы мѣняльщиковъ опровергъ и пенязи разсыпалъ (Ин. 2, 14. 15). Ибо всякое дѣло, которое дѣлается для того, чтобъ или помѣшати злу и уничтожить его, или помочь добру и добродѣтели и запитить ихъ, похвально и богоугодно. Монастырскія вещи храни добрѣ, какъ посвященныя Богу, почему за самую малую имѣешь дать

отчетъ Богу. Родителямъ своимъ и родственникамъ помогай такъ же, какъ и другимъ бѣднымъ, доставляя имъ только потребное для жизни. Не пропускай безъ вниманія и исправленія ничего, даже малаго, что бываетъ не по заповѣди Божіей и служить къ извращенію Апостольскихъ и соборныхъ правилъ и постановленій, къ осужденію и безчестію Евангельской жизни, и къ униженію монашескаго чина, для того одного, чтобъ показать себя кроткимъ, и чтобъ люди похвалили за то; но подражая Христу и Богу своему, ревностно, съ жаромъ, но безъ страсти гнѣва, возставай противъ всего такого и защищай, сколько можешь, заповѣди Божіи и священные каноны. При этомъ старайся благоустроить и помыслы каждаго и заповѣдуй, чтобъ благоговѣйствовали и держали себя почтительно предъ святымъ престоломъ и священными сосудами храма. Только іереямъ, освященнымъ и благоговѣйнѣйшимъ монахамъ, которые причащаются пречистыхъ таинъ, позволено отцами церкви нашей входить во святилище и касаться священныхъ сосудовъ. Но прочимъ братіямъ, особенно безчинно ходящимъ, надлежитъ запрещать входить въ олтарь и касаться святыхъ сосудовъ. Вѣдай добрѣ, что правосудный Богъ нерѣдко пресѣкаетъ жизнь тѣхъ, кои презираютъ сіи вещи, крови же ихъ всеконечно взыщетъ Онъ отъ рукъ твоихъ; потому что ты понебрегъ о нихъ, допустилъ ихъ оказать презрѣніе къ божественному.

Все, сказанное мною, и многое другое больше сего, надлежитъ тебѣ знать до точности, какъ пастырю стада Христова, и исполнять то со всѣмъ усердіемъ, во спасеніе овецъ своихъ. Почему если сознаешь, что ты достигъ въ такую мѣру и получилъ такіа дарованія, что всѣ, приближающіеся къ тебѣ, просвѣщаются свѣтомъ добрыхъ дѣлъ твоихъ и божественной премудрости и разума, сіяющихъ въ тебѣ, паси съ дерзновеніемъ овецъ

Христовыхъ мудрымъ словомъ благодати, дарованной тебѣ Богомъ, какъ я заповѣдать тебѣ прежде, и изводи агнцевъ Христовыхъ питаться на пажитяхъ спасительныхъ Его заповѣдей, пока вырастутъ и достигнутъ въ мѣру возраста исполненія Христова, — и получишь отъ Него великую награду, сдѣлавъ будучи сопредстольникомъ и сожителемъ святыхъ Апостоловъ. Если же ты не таковъ, то удержишься отъ такого дѣла и всю заботу обрати на себя самого. Послушай въ этомъ меня, отъ души желающаго спасенія тебѣ. Ибо Богъ нашъ есть огонь поядающій и истребляющій. Ему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ.

О томъ, что опасно для души скрывать талантъ, или данную отъ Бога благодать, но слѣдуетъ всемъ проповѣдывать о благодѣяніяхъ Божиихъ на пользу слушающимъ, хотя инымъ это и непріятно бываетъ.

Возлюбленные слушатели мои и братія во Христѣ! Что думаете вы о томъ, что я такъ часто говорю вамъ разные слова? Что положили вы съ самими собою обо мнѣ, такъ дерзновенно говорящемъ къ вамъ? Не подумали-ль вы, что я сказалъ вамъ что либо не по божественнымъ писаніямъ? Не осудили-ль меня тайно, что я держалъ рѣчь къ вамъ гордостно? Не осуждаете ли такъ же, что я хвалюсь тѣмъ и величаюсь?—Если вы дѣйствительно дѣлали и дѣлаете такъ, то да будетъ милостивъ къ вамъ Господь нашъ,—и я прошу любовь вашу, не оставаться болѣе въ такой виѣ. Я ничего не писалъ съ тѣмъ, чтобъ себя показать. Не дай Богъ, явившій милость свою ко мнѣ и поставившій меня на это дѣло. Но помня дарованія, какія даровать Богъ мнѣ недостойному, благодарю и славлю Его, какъ благо-

утробнаго Владыку и благодѣтеля нашего Господа, и чтобы не скрывать таланта, который Онъ мнѣ далъ, подобно худому и неключимому рабу, проповѣдую милость Его, исповѣдую благодать, всѣмъ показываю сдѣланное Имъ мнѣ добро, чтобъ подвигнуть тѣмъ и васъ словомъ учения—восподвизаться получить и себѣ то, что получить я. Ибо человѣкъ, когда даетъ бѣдному какую монету, а тотъ бѣдный покажетъ ее другимъ, чтобъ и тѣ просили себѣ тогоже, гнѣвается за это, ожесточается и не даетъ болѣе. Но Богъ не поступаетъ такъ, а совсѣмъ напротивъ, именно, гнѣвается, когда даетъ кому либо какое дарованіе духовное, а тотъ не воспроповѣдуетъ о немъ и не станетъ показывать его всѣмъ, говоря: теките къ Богу, который всѣмъ даетъ щедро и никого не оставляетъ возвратиться отъ Него тощимъ. Если же кто, получивъ отъ Бога талантъ, совсѣмъ скроетъ его, тогда Онъ наиболѣе гнѣвается на этого взявшаго и скрывшаго: ибо явно, что онъ завистливъ и не желаетъ, чтобъ и братія его получили такъ же, какъ и онъ получилъ. Сего-то ради я и не терплю молчать о дивныхъ дарахъ Божіихъ, но проповѣдую о нихъ всѣмъ прочимъ и велиимъ гласомъ зываю: теките всѣ, прежде чѣмъ заключитея для васъ дверь покаянія вапшею смертію; теките, да постигнете, прежде чѣмъ умрете; ищите, да обрящете; толцуйте, да отверзетъ вамъ двери рая Владыка нашъ Христосъ, и явить вамъ Себя самого, прежде чѣмъ придетъ смерть ваша; подвизайтесь стяжать сознательно внутрь васъ царствіе небесное, т.-е. благодать Святаго Духа, чтобъ не отойти изъ жизни сей пустыми отъ нея,—особенно тѣ, которые думаютъ, что имѣютъ ее въ себѣ, не созная того, тогда какъ ничего не знаютъ по причинѣ тщеславія своего.

Скажи мнѣ, какъ возможно увидѣть Отца Христова тому, кто не стяжалъ ума Христова? И тому, кто не

видить, что внутри его говорит Христось, скажи мнѣ, какъ и какимъ способомъ возможно сказать: Авва Отче? Кто не стяжалъ сознательно внутри себя царства небеснаго, тому есть ли способъ внити въ него по смерти? Тому, кто не увидѣлъ, что въ немъ пребываетъ Сынъ со Отцемъ Его во Святомъ Духѣ, какъ возможно быть съ Нимъ въ будущей жизни? Ибо Христось Господь такъ сказалъ: *Отче, ихже далъ еси мнѣ, хочу, да иждѣ есмь Азъ, и ти будутъ со Мною* (Ін. 17, 24),—и опять: *не о тѣхъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже Ты Отче во Мнѣ, и Азъ во Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ. И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже мы едино есмы. Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино, и да разумѣтъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси, и возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси* (Ін. 17, 20—23).

Вотъ, братіе, чѣмъ я, какъ думаютъ нѣкоторые, хваплюсь! Вотъ чѣмъ любовь Божія подвигаетъ меня раскрывать предъ вами, братіями моими неизреченную благодать и любовь, какую имѣетъ къ намъ Богъ и по которой Онъ богато прославляетъ такими великими дарами тѣхъ, кои возуповали на Него! Теперь отвѣтѣте мнѣ, прошу: Отецъ не завѣдомо любить Сына, и Сынъ не завѣдомо и невидимо, т.-е. не зная того и не видя, есть со Отцемъ?—Конечно, вы не скажете этого. Ибо если предположимъ это и станемъ догматствовать, что Отецъ не знаетъ Сына, и Сынъ не знаетъ Отца, то отъ этого сгибнетъ и уничтожится вся вѣра наша. Если Отецъ и Сынъ не знаютъ одинъ другаго, то слѣдуетъ, что и мы не знаемъ ихъ совсѣмъ. Если же мы не знаемъ ихъ, то мы безбожники, такъ какъ не познали Бога. Если же (какъ говоритъ Христось) Отецъ знаетъ Сына и Сынъ знаетъ Отца, и какъ Богъ, есть съ Богомъ и Отцемъ,

и Отецъ есть такъ же съ Сыномъ, какъ самъ Онъ говорить: *якоже Ты Отче во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, такъ и сіи да будутъ во Мнѣ и Азъ въ нихъ*: то явно, что какъ соединены между собою—Сынъ съ Отцемъ, и Отецъ съ Сыномъ, такъ соединены и мы съ Сыномъ и Сынъ съ нами. Только единеніе Сына съ Отцемъ есть, естественное и безначальное, а наше единеніе съ Сыномъ есть, по особенному состоянію нашего естества. или по благодати,—хотя мы истинно во едино соединены бываемъ съ Богомъ и нераздѣльны бываемъ съ Нимъ, какъ опять самъ Христосъ говорить: *Азъ въ нихъ и Ты во мнѣ, да будутъ совершени во едино*. Для чего? *Да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси и возлюбилъ еси ихъ, якоже и Мене возлюбилъ еси* и св. Павелъ: *идѣже нѣсть еллинъ, ни іудей, варваръ и скивъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11).

Послушайте же этого вы, почитающіе себя духовными, и повѣрьте Духу Святому, говорящему сіе, какъ свидѣтельствуетъ Господь нашъ: *не вы будете глаголющии, но Духъ Отца вашего глаголай въ васъ* (Мѡ. 10, 20). И не браните меня, говорящаго вамъ, словомъ благодати, о дарахъ, которые получаютъ отъ Бога прибѣгающіе къ Нему съ теплою вѣрою и исполняющіе заповѣди Его. Ибо я, говорящій сіе, слуга есмь и говорю вамъ слова Божіи, проявляю даръ ученія, данный мнѣ, и открываю вамъ сокровенныя тайны Божіи силою сего дара, полученнаго мною чрезъ возложеніе рукъ архіерея, рукоположившаго меня во іерея, какъ заповѣдуетъ нашъ верховный Апостоль Петръ: *кѣждо якоже пріятъ дарованіе, между себе симъ служаще, яко добріи строители различныя благодати Божія. Аще кто глаголетъ, яко слова Божія: аще кто служитъ, яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ* (1 Петр. 4, 10. 11). Итакъ, братія мои, Духъ есть говорящій сіе, а не я. Если же я гово-

рю ложь, то куда убѣгу отъ страшнаго суда Божія, по коему въ пагубу посылаются глаголющіе ложь, какъ говоритъ Давидъ: *погубиши вся глаголющїи лжу?* (Пс. 5, 7) — Ибо какъ невѣрующій тому, кто говоритъ Духомъ, согрѣшаетъ и проявляетъ хулу на Духа Святаго, который говоритъ чрезъ него; такъ опять и лишенный благодати Духа, если дерзнетъ сказать: я говорю благодатию Святаго Духа, есть богоборецъ и противникъ Божій, какъ, напримѣръ, Симонъ магъ и единомысленные ему. Кто противится словесамъ Духа, тотъ конечно есть противникъ Божій, такъ какъ Богъ нераздѣленъ, и Духъ Святой не отдѣленъ отъ присносущія и царства Отца и Сына.

Не будьте же, братія мои, богоборцами и противниками Божіими, но приидите, поклонитесь и припадите къ Богу вмѣстѣ со мною, и не вставайте, пока не получите благодати Божіей. Я не говорю вамъ ничего противнаго, но показываю великую любовь, какую имѣю ко всѣмъ вамъ. Если бъ я говорилъ вамъ, что получилъ благодать отъ Отца свѣтовъ, коимъ подается всякъ даръ совершенный, но не желалъ, чтобъ и вы получили ее, тогда конечно я былъ бы несправедливъ въ отношеніи къ вамъ. Но теперь, когда я представляю вамъ истину отъ божественнаго Писанія и показываю вамъ царскій путь, чѣмъ онеправдываю васъ? Если вы не хотите быть учимыми мною, почитая меня неименитымъ, безвѣстнымъ и ничтожнымъ; то припомните и вразумитесь, что *буля міра избра Богъ, да премудрая посрамитъ*, и немощныхъ и униженныхъ избралъ, чтобъ посрамить крѣпкихъ и славныхъ (1 Кор. 1, 27. 28). — Но, можетъ быть, иной скажетъ, что то, что я говорю, чрезмѣрно велико и превышаетъ силы человѣческія. И я говорю, что это воистину велико и выше естества,—такъ какъ то суть слова Божїи, какъ я сказалъ.—Но какъ же, приба-

вить другой, никто изъ великихъ отцевъ не говорилъ такъ явно о себѣ и такими словами, какъ ты говоришь?—Ошибаешься, человѣче. И Апостолы и отцы древніе говорили сходно и подобно моимъ словамъ, и еще выше. Но какъ они достойны всякой вѣры, то и сказанное ими признается вѣрнымъ и удобопріемлемъ; а мое ничтожество дѣлаетъ, что и то, что явно для всѣхъ и всѣми исповѣдуются, кажется ложнымъ и отвергается. Укажу впрочемъ и другую причину, по которой я объявить вамъ то,—и не хотя. Какая же это причина!—Ложное, несмысленное и невѣжественное предположеніе тѣхъ, которые говорятъ, что въ нынѣшнія времена и между нами, такими христіанами, нѣтъ такого человѣка. И смотри, прошу, какъ многокозвенна злоба и какіе измѣнчивые употребляетъ она способы. Если я не говорю явно истины, но всячески стараюсь скрывать даръ Святаго Духа, они полагаютъ, что я говорю истину; напротивъ, когда я объявляю такую истину, они тотчасъ обвиняютъ меня, какъ гордаго, не знающаго словъ, какія сказали божественные Апостолы. Какія слова? Слѣдующія: *мы же умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16). Это какъ вы полагаете, что есть,—хотѣлъ бы ихъ спросить? Преизбыточество гордости? А слѣдующія слова: *о семъ разумѣемъ, яко пребываетъ въ насъ, отъ Духа, егоже далъ есть намъ* (1 Ин. 3, 24),—какъ объясните вы,—тоже въ укоръ тому, кто ихъ сказалъ?—Но вотъ и объ этомъ еще какъ вы думаете: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа?* (2 Кор. 13, 3). И вотъ объ этомъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 40). Еще о семъ: *не пріясте Духа работы паки въ боязнь, но Духа сыноположенія, о немъ же вопиемъ: Авва Отче!* (Римл. 8, 15). И вотъ еще о чемъ: *Богъ рекъ изъ тмы свѣту возсіати, иже и возсія въ сердцахъ нашихъ* (2 Кор. 4, 6). Всѣ эти слова Апостольскія вы словами гордости

почитаете?—О безсмысліе!—Если еще желаешь знать и образъ возсіянія сего свѣта, какъ это бываетъ въ тѣхъ, кои любятъ Господа, послушай что говоритъ Павелъ: *имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ* (2 Кор. 4, 7),—т.-е. въ тѣлахъ.—Если скажешь, что такъ было тогда, но въ настоящее время нѣтъ такого человѣка. который такъ одаренъ былъ, то скажи мнѣ, прошу, почему нынѣ нѣтъ такого? Полагаю, говоришь ты, что какъ вообще никогда невозможно быть такимъ человѣкомъ тому, кто сего не хочетъ, такъ въ нынѣшнія времена невозможно быть такимъ даже и тому, кто хочетъ сего. Но если ты такъ думаешь, что нынѣ невозможно быть такимъ даже и тому, кто сего хочетъ, то гдѣ же ты положишь то, что говоритъ Евангелистъ Іоаннъ въ св. Евангеліи: *лицы же пріяша Его, даде имъ область чадими Божиими быти* (Іоан. 1, 12), и сіе: *святѣ будете якоже Азъ святъ есмь?* (1 Петр. 1, 16). Но посмотри-ка: говоря, что тому, кто не хочетъ, невозможно быть такимъ,—ты вѣдь самъ себя обличаешь, что не хочешь и не произволяешь быть имъ; ибо если захочешь быть имъ, можешь. Пусть впрочемъ ты не таковъ; но Богу хотящу, есть другіе многіе, которыхъ ты не знаешь. Если во время пророка Іліи Богъ имѣлъ семь тысячъ человѣкъ, не преклонявшихъ колѣнъ предъ Вааломъ, т.-е. не идолопоклонствовавшихъ; то гораздо больше найдется истинно Богу поклоняющихся во времена сіи (новозавѣтныя), когда Богъ богато излилъ на насъ Духа Святаго. Впрочемъ, если кто не совлечется всего препятствующаго сему и не притечетъ къ Богу нагимъ и не взыщетъ получить то, виновать въ этомъ тотъ, кто не хочетъ, а не Богъ. Ибо какъ огонь, какъ только найдетъ дрова, зажигаетъ ихъ естественно, такъ и благодать Святаго и поклоняемаго Духа ищетъ возгорѣться въ душахъ нашихъ, чтобъ сіять и просвѣщать сущихъ

въ міръ, и чтобъ посредствомъ тѣхъ, коихъ просвѣщаетъ, направлять стопы многихъ или чтобъ приводить въ должный чинъ жизнь всего народа христіанскаго, да живутъ богоугодно всѣ христіане, да приближаются къ огню божества и возгораются отъ Него, или каждый особо, или всѣ вмѣстѣ, если возможно, и сіяютъ посреѣдѣ какъ боги, во благословеніе и умноженіе сѣмени Бога Іаковля, чтобы человѣкъ благовидный никогда не преста- вать сіять на землѣ какъ свѣтъ.

Я думаю, что сіе такъ есть воистинну, и что такова о насъ воля Бога, создавшаго насъ, и насъ почтившаго и прославившаго славою образа своего, создавшаго т.-е. насъ по образу и подобию своему. — Теперь обдумайте вы слова мои и разсудите, истинны ли они. Я же съ дерзновеніемъ возглашаю,—что если я не мудрствую и не говорю, что говорятъ и мудрствуютъ апостолы и св. отцы, если не повторяю только Божіихъ словесъ, сказанныхъ во св. Евангеліи,—если не возжигаю явно во всѣхъ животворное дѣйство и благодать, сущую въ сихъ словесахъ Евангельскихъ, которая злѣ погашается со стороны противниковъ умствованіями необдуманнми и несмысленными,—если не показываю, что свѣтъ благодати сіяетъ и въ нынѣшнія времена,—доказывая все сіе и подтверждая изъ божественнаго писанія: да будетъ на мнѣ анаѣма отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа чрезъ Духа Святаго, какъ на человѣкѣ, учащемъ инаково отъ того, чему учили божественные Апостолы,—и вы не заткните только уши свои, чтобъ не слышать словъ моихъ, но побейте меня камнями и убейте, какъ нечестиваго и безбожнаго. Если же я защищаю и восстанавливаю Господніе и апостольскіе догматы, которые извратить и растлить покушаются нѣкоторые зломудрствующіе, и выбирая изъ божественныхъ писаній такіа слова, которыя сильны исправить и утвердить въ

истинѣ умъ таковыхъ и тѣхъ, кои вѣрятъ имъ, внушая имъ, чтобъ они не думали, что только въ одной будущей жизни имѣють получить всѣ блага о Христѣ, какъ-то: воскресеніе, нетлѣніе, жизнь новую, царство небесное и самыя вѣчныя блага, но учу ихъ, что еще отселѣ, отъ настоящей жизни, блага оныя даются, какъ залогъ, избраннымъ и тѣмъ, кои ревнують быть спасенными, и что они открываются, явны бываютъ и видимы въ нихъ еще здѣсь,—и при этомъ доказываю имъ и утверждаю ихъ въ томъ убѣжденіи, что въ окончательной полнотѣ блага сіи даются избраннымъ послѣ смерти и общаго воскресенія: то за это всѣ вообще долгъ имѣють принимать меня и любить, какъ человѣка, показывающаго имъ дѣло совершенной любви. Ибо какъ тотъ, кто, нашедши сокровище, спрячетъ его для одного себя, достоинъ осужденія и осуждается какъ сребролюбивый,—напротивъ же кто не спрячетъ его для себя одного, но объявляетъ о немъ всѣмъ и даетъ позволеніе всякому брать, сколько хочетъ, достоинъ всякой похвалы и возлюбленъ Богу и людямъ: такъ и я открывалъ и буду открывать всѣмъ духовное сокровище богатію Божію. *Несмысленно глаголю* (2 Кор. 12 22).

Когда одинъ духовосный человѣкъ извѣстилъ меня писаніемъ, что въ одномъ мѣстѣ находится сокровенное сокровище божественныхъ писаній, то я не побѣдился подняться и пойти испытать и увидѣть, что тамъ такое, прося и онаго святаго мужа быть мнѣ помощникомъ и содѣйствователемъ. Для лучшаго успѣха я оставилъ всякое другое занятіе и дѣло относительно настоящей жизни, и пошелъ на то мѣсто, гдѣ, какъ показалъ мнѣ писаніемъ тотъ добрый человѣкъ, находится сокровище.—и пришедши, началъ рыть землю, не переставая день и ночь и не жалѣя никакихъ трудовъ и потовъ. Такъ рылъ я и выбрасывалъ вонъ землю, все болѣе и болѣе

углубляясь, пока наконецъ начало показываться сокровище и издавать свѣтъ вмѣстѣ съ землею. Наконецъ послѣ того, какъ потрудился много времени, рою и выбирающая землю, увидѣлъ я все сокровище простертымъ. какъ полагаю, чрезъ всю землю, непримѣсное и чистое отъ всякаго засоренія и запятнанія. Съ тѣхъ поръ смотря на сіе сокровище, я непрестанно кричу тѣмъ, которые, не видѣвши, не вѣрують и потому не хотятъ копать и трудиться, и говорю имъ такъ: идите, смотрите всѣ, которые просто и прямо не вѣруете писанію божественному. И дѣлаю такъ, подражая премудрому Соломону, который говоритъ: *нелестно научишься, безъ зависти преподаю* (Прем. Сол. 7, 13). Слыша это, и я кричу: идите научитесь, что не только въ будущей жизни, но и теперь въ настоящей лежитъ предъ очами нашими, и предъ руками, и предъ ногами, неизреченное сокровище, которое выше есть всякаго начала и власти; идите, увѣрьтесь и убѣдитесь, что это сокровище, о коемъ говорю вамъ, есть свѣтъ міра. И не самъ отъ себя я это говорю, но само сокровище сіе т. е. Христосъ сказалъ и говорить: „Я есмь воскресеніе и животъ; Я есмь сѣмя горчичное, скрываемое подъ землею; Я есмь камень драгоценный, который покупають вѣрные; Я есмь царство небесное, сокрытое внутри васъ. Какъ бываю я видимъ теперь въ настоящей жизни тѣмъ, кои взыскали и обрѣли меня, такъ и въ будущей жизни возсіяю въ нихъ и поверхъ ихъ всѣхъ, какъ сію теперь въ нихъ, будучи сокровенъ превыше всѣхъ небесъ. Я, будучи невидимъ по естеству, бываю видимъ въ васъ въ настоящей жизни по благодати. Я невидимый бываю видимъ, являюсь не каковъ есмь, хотя и весь пребываю зримъ, но сколько вмѣщаетъ естество и сила тѣхъ, кои видятъ Меня. Я есмь закваска,—и душа, которая пріемлетъ Меня и влагаетъ

въ три части свои, т.-е. въ силы разумную, раздражительную и желательную,—вскисаетъ и дѣлается вся подобною Мнѣ; ибо что есть закваска, тѣмъ дѣлается и мука, которая смѣшивается съ нею вмѣстѣ съ водою и солию; вмѣстѣ со Мною Сыномъ есть и единокупный Мнѣ Отецъ и Его Утѣшитель, всесвятый Духъ,—и Они бывають для души, что вода и соль для муки. Я есмь для рабовъ моихъ мысленный рай, вмѣсто чувственного, и въ сей мысленный рай Я вселю всѣхъ, которые вѣрують въ Меня и возраждаются благодатию Святаго Духа,—каковыя не могутъ болѣе грѣшить, и князь міра сего діаволь не имѣетъ надъ ними никакой власти и силы; ибо Я въ нихъ, и они во Мнѣ и побѣждаютъ міръ, такъ какъ суть внѣ міра и имѣють съ собою Меня, сильнѣйшаго всяческихъ. Я есмь свѣтовидный источникъ безсмертнаго потока и рѣки, въ каковомъ источникѣ моются водою, текущею изъ Меня, и очищаются душевно и тѣлесно отъ всякаго оскверненія, и начинаютъ сіять какъ свѣтила и какъ лучи солнца всѣ тѣ, которые любятъ Меня отъ всей души. Я есмь солнце, мысленно зримое, и каждочасно восхожу, какъ солнце чувственное восходитъ утромъ являя себя достойнымъ, какъ прежде являлъ пророкамъ, которые, видя меня, всегда славили и призывали, какъ говорить Давидъ: *завтра услыши гласъ мой, завтра предстану Ти и узриши мя* (Пс. 5, 4),—и другой: *тогда разверзетъ рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ* (Ис. 58, 8),—когда, т.-е., исполнишь и ты заповѣди Мои”.

Но для чего я пишу себя сказать любви вашей все, что говорить къ намъ Богъ, жаждущій спасенія нашего? Не для чего другаго, кромѣ какъ для того, чтобъ вы всѣ познали и убѣдились, что сидящіе во тмѣ должны видѣть (если только смотрять) великій свѣтъ, всюду сіяющій,—и чтобъ не думали нѣкоторые изъ васъ, что

хотя свѣтъ возсіялъ, но невозможно видѣть его людямъ, которые находятся еще въ настоящей жизни съ тѣломъ. Ибо еслибы невозможно было его видѣть, то для чего же онъ возсіялъ и сіяетъ, если не видится ими? Свѣтъ всегда былъ, всегда сіялъ и сілетъ въ тѣхъ, которые очистились; и во тмѣ онъ свѣтится, и тма не объемлетъ его, т.-е. не затемняетъ! Что говорится, что онъ нынѣ возсіялъ людямъ, сидящимъ во тмѣ, означаетъ, что нынѣ онъ благоволилъ открыться въ тѣхъ, которымъ и является. Другіе, находящіеся во тмѣ, не понимаютъ свѣта. Что говорится, что невидимый сталъ видимъ, показываетъ, что невидимый Сынъ и Богъ-Слово явевъ былъ посредствомъ тѣла всѣмъ тѣмъ, которые видѣли Его тѣлесными очами, вѣрнымъ и невѣрнымъ; но свѣтъ Божества Его далъ себя познать и открылся только тѣмъ, кои и дѣлами были вѣрны, и говорили къ Нему: *се, мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идехомъ* (Мѡ. 19, 27),—этихъ однимъ словомъ: *вся*, объемля и имущество, и деньги, и свои склонности, и презрѣніе сей временной жизни, и даже отвращеніе къ ней, потому что вкусили сладости вѣстасной и вѣчной жизни. То же, что слаще, конечно и предпочтительнѣе,—и это есть самъ Богъ.

Но прошу всѣхъ васъ, братія мои возлюбленные, восподвизайтесь получить сію вѣчную жизнь, которая есть свѣтъ Божій, самый, говорю, Духъ Святой, освящающій приѣмлющихъ Его, и дѣлающій ихъ богами по благодати,—и не забывайте сказанныхъ мною словъ. Научитесь прежде сами дѣлать добро, и тогда беритесь научить и другихъ дѣлать тоже, чтобъ слово ученія вашего было соединено съ дѣломъ, и чрезъ то становилось болѣе удобопріемлемымъ для тѣхъ, кои будутъ слушать его. Если же не станете такъ поступать, я чистъ отъ всѣхъ васъ, потому что ничего не скрылъ отъ васъ, но передать вамъ все, что во мнѣ было возлагано, что дано

было мнѣ познать и что повелѣно Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, чрезъ покланяемаго и Святаго Духа Его, о высокихъ дарахъ собезначальнаго Бога и Отца Его, каковыя подаетъ всегда даже доселѣ всѣмъ взыскающимъ ихъ усердно и съ вѣрою самъ благій и благодѣтельный Богъ нашъ. Ему подобаетъ слава и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯНОСТОЕ.

Благодареніе Богу за дары, какіе сподобился получить св. отецъ, и поученіе, въ коемъ онъ показываетъ, какъ и каковымъ является Богъ тѣмъ, кои чисты сердцемъ.

Поклоняюся, припадаю и благодарю Тебя, Господи всяческихъ и всесвятый Царю, что Ты явилъ милость свою мнѣ, недостойному никакой милости. Въ самомъ началѣ бытія міра облекши меня славою и честію, въ образѣ Твоемъ, по коему благоволилъ создать меня, Ты и все прочее устроилъ для меня, человѣка, бывшаго по образу и подобію Твоему, и сдѣлалъ меня царемъ надъ всѣми земными тварями Твоими, во славу величія Твоего и благости. Благодарю Тебя, что всякое мое прошеніе и желаніе Ты совершилъ во благо, какъ обѣщался намъ рабамъ Твоимъ, и мнѣ, недостойному неба и земли, даровалъ паче того, чего я надѣялся и желалъ. Ты сказалъ: *елика аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Просите, и примете* (Іоан. 16, 23. 24). Благодарю Тебя, благій и великодаровитый Господи, что когда я сильно возжелалъ увидѣть одного изъ святыхъ Твоихъ, вѣруя, что посредствомъ его обрѣту милость у Тебя, Ты, многоблагодарный Боже мой, не только сдѣлалъ сіе для меня и мнѣ показалъ искренняго раба своего, блаженнаго, говорю, и святаго Симеона, и благоволилъ быть мнѣ любимымъ отъ него; но даровалъ мнѣ и другія

безчисленные блага, которыхъ я и не чаялъ. Ибо откуда было мнѣ бѣдному узнать, что Ты таковъ, благій Владыка нашъ, чтобъ воспріять желательное стремленіе къ Тебѣ? Откуда бы узнать я, что Ты являешь себя приходящимъ къ Тебѣ, если они находятся и въ мірѣ, чтобъ трудно възыскать, да вижду Тя? Откуда было знать мнѣ, что пріемлющіе въ себя свѣтъ благодати Твоей сподобляются получить такую радость и такое утѣшеніе? Откуда и какъ узналъ бы я, бѣдный, что вѣрующіе въ Тебя получаютъ Святаго Духа Твоего? Я думалъ, что вѣрую въ Тебя совершенно и имѣю все, что даруешь Ты боящимся Тебя, тогда какъ совершенно ничего не имѣлъ, какъ послѣ узналъ я самымъ дѣломъ. Откуда было узнать мнѣ. Владыко, что Ты невидимый и невимѣстимый, видимъ бываешь и вмѣщаешься въ насъ? Какъ могъ я подумать когда либо, что Ты, Владыко, создавшій всѣческая и сотворившій человѣковъ, соединяешься съ ними и дѣлаешь ихъ богоносными и сынами своими — чтобъ придти въ пламенное возжеланіе того, възыскать и получить то и себѣ? Откуда было узнать мнѣ, Господи, такого Бога, такого Владыку, такого заступника, отца, брата и царя, — Тебя, ради меня обвинявшаго и пріявшаго зракъ раба? Воистину Владыка мой, человѣколюбче, совсѣмъ не зналъ я ничего такого. Хотя и случалось мнѣ читать Божественныя Писанія о семъ, но я думалъ, что тамъ говорится о другихъ лицахъ и вещахъ, а не объ этомъ, и былъ безчувственъ ко всему написанному, и не могъ никогда войти въ смыслъ того. Слыша, что взывалъ и говорилъ Апостоль Твоя Павелъ: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9), я думалъ, что въ созерцаніе такихъ благъ невозможно придти человѣку, находящемуся еще въ тѣлѣ, и заключилъ, что Ты ему только показалъ ихъ, по особенной къ нему мило-

сти,—не зная, бѣднѣй, что это дается отъ Тебя всѣмъ любящимъ Тебя. И откуда и какъ могъ я знать, что всякій вѣрующій въ Тебя бываетъ членомъ Твоимъ и сіяетъ божествомъ, по благодати Твоей? И кто бы повѣрилъ сему и стать блаженнымъ, не сдѣлавшись во-истину блаженнымъ членомъ Тебя, блаженного Бога? Откуда было знать мнѣ, что Ты вмѣсто чувственной пищи бываешь безсмертнымъ и вѣчнымъ хлѣбомъ, ненасытно вкушаемымъ тѣми, кои алчутъ и неудержимо желаютъ Тебя, — источникомъ безсмертнымъ для тѣхъ, кои жаждутъ Тебя, и одеждою пресвѣтлою для тѣхъ, кои ради Тебя носятъ смиренныя и нищенскія одѣянія? Слыша же, какъ это говорили проповѣдники Твои, я думалъ, что и это будетъ лишь въ будущемъ вѣкѣ и послѣ общаго воскресенія; но не зналъ, что все сіе бываетъ и теперь для насъ, крайнюю въ томъ имѣющихъ нужду.

Всего такого и не зналъ я, всесвятѣй Царю, и не желалъ никогда, и не искалъ получить отъ Тебя, но вспоминая грѣхи свои, искалъ только отпущенія ихъ, и желалъ, какъ сказалъ впереди, Владыка, найти какого-либо посредника и ходатая, чтобъ чрезъ посредство его и мое собственное рабское ему послушаніе получить прощеніе многихъ моихъ грѣховъ, хотя въ будущемъ. Слыша при семъ, какъ всѣ согласно говорили, что въ нынѣшнія времена нѣтъ такого святаго на землѣ, я впадалъ въ великую печаль. Впрочемъ никогда вполне не вѣрилъ тому, но отвѣчалъ такимъ, Владыка мой, и говорилъ, какъ знаешь: Господи помилуй! Ужели діаволъ настолько сталъ сильнѣе Господа Бога нашего, что всѣхъ увлекъ къ себѣ и перетянулъ на свою сторону, и никого уже не осталось на сторонѣ Божіей? За это, какъ я думаю, человеколюбче Царю, Ты и возсіялъ свѣтъ Твой святѣй во мнѣ, сидѣвшемъ въ тмѣ міра сего и среди столькихъ золь, и показалъ мнѣ единаго отъ свя-

тыхъ Твоихъ, какъ сдѣлалъ Ты съ рабомъ Твоимъ Павломъ, коего божественнымъ своимъ явленіемъ призвалъ Ты къ себѣ, когда онъ гналъ Тебя. Ибо когда онъ увидѣлъ Тебя и спросилъ: кто еси? Ты не сказалъ ему: Я есмь создавшій небо и землю, Я есмь устроившій всѣ твари,—и такъ не сказалъ: Азъ есмь Сый, или — Богъ Саваоѣ, или — Богъ отцевъ твоихъ, не сказалъ и никакого другаго изъ славныхъ наименованій Твоихъ; но сказалъ ему только: *Азъ есмь Иисусъ, егоже ты гониши*, — давая ему ясно разумѣть, что Ты еси Богъ, воплотившійся ради насъ, котораго онъ гналъ. Тоже самое сдѣлалъ Ты и со мною, когда благоволилъ указать мнѣ святаго Твоего Симеона. Ибо когда божественный Твой свѣтъ освѣтилъ все и меня бѣднаго, и сдѣлалъ ночи свѣтлѣйшею паче дня, тогда сподобилъ Ты меня съ трепетомъ увидѣть и его, на оной высотѣ божества Твоего какъ на небѣ, гдѣ стоялъ онъ близъ божественной славы Твоей, не вънцемъ какимъ украшенный, не въ свѣтлую одежду одѣянный, и не въ другомъ какомъ видѣ, но какимъ былъ онъ, когда находился со мною, и какимъ видѣли его каждый день на землѣ, такимъ, Ты показалъ мнѣ его и на небѣ. Чего же ради такимъ? Того ради, чтобъ я не думалъ, что иной есть тотъ, кто бывалъ со мною, и иной тотъ, который явился мнѣ на небѣ, не впалъ чрезъ то въ ошибку и не лишился добраго пастыря, — я, овца погибающее. При всемъ томъ однакожъ и этимъ бывшимъ со мною чудомъ не вразумился я окаянный, и не пришелъ въ чувство, но мало-по-малу увлекся опять міромъ, по нерадѣнію моему и лѣности, и впалъ въ прежнія худости или еще и большія. Ты же, благоутробный и долготерпѣливый Царю, и послѣ сего не отвратился отъ меня, но меня обратилъ въ Себѣ опять посредствомъ сего святаго, сподобивъ меня припасти къ святымъ стопамъ его, когда держав-

ною рукою Твоею и мышцею Твоею высокою исхитить и извлечь меня изъ прельстительнаго міра и отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и утѣхъ, отдалилъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего тѣлеснаго и душевнаго (о чудо, о любовь, о снисхождение, какое являешь Ты къ намъ, человеколюбче Боже!) и ввелъ въ чинъ работающих Тебѣ единому. Послѣ сего Ты даровалъ мнѣ Владыко, молитвами святаго, не только прощеніе безчисленныхъ грѣховъ моихъ, но и всѣ блага, о коихъ я сказалъ выше, или лучше сказать, Ты самъ содѣлался для меня всѣмъ. Ибо такъ какъ Ты прежде обиталъ внутри его и просвѣщалъ его свѣтомъ божественной славы Твоей, то, когда я приблизился къ нему и ухватился за ноги его съ покаяніемъ и вѣрою, тотчасъ почувствовалъ въ себѣ божественную теплоту; потомъ отъ словъ его почувствовалъ нѣкое божественное вѣяніе, послѣ — огонь сердечный, въ силу коего начали источаться непрестанные потоки слезъ; затѣмъ — почувствовалъ внутри ума моего тонкій лучъ, блеснувшій быстрѣе молніи; далѣе — явился мнѣ какъбы свѣтъ ночью, и малое облако пламеневидное, которое сѣло на главѣ моей въ то время, какъ я, павши лицомъ ницъ, творилъ молитву мою; потомъ оно взлетѣло горѣ и спустя немного опять явилось мнѣ на небѣ.

Послѣ сего, когда я разсуждалъ, что бы значило такое явленіе, совершилось нѣчто другое, еще болѣе дивное, чѣмъ это. Ибо будучи однажды искушаемъ во время сна злыми демонами и нѣкими ихъ искусствомъ возбуждаемъ къ страстному истеченію, и по сему случаю сильно противоборствуя имъ и призывая Тебя, Господа свѣта, помочь мнѣ, я проснулся и избѣжалъ отъ рукъ демоновъ неискушеннымъ. Когда за тѣмъ дивился я самъ въ себѣ противоборству своему и мужеству, и особенно неподвижности на страсть, и разсуждалъ, — откуда бы явилась во мнѣ такая необычная побѣда, что даже когда сплю,

противоборствую, и бываю сильнѣе борющихся меня враговъ, и побѣждаю ихъ державно дивною побѣдою, — вдругъ (о чудо!) Того, Кого я воображалъ сущимъ на небѣ, узрѣлъ внутри себя, — Тебя, говорю, Творца моего и Царя, Христа. Тогда уразумѣлъ я, что то была Твоя собственная побѣда, въ коей Ты содѣлалъ меня побѣдителемъ діавола. Впрочемъ я еще не зналъ, Владыко, какъ слѣдуетъ, что въ видѣніяхъ твоихъ Ты еси, создавшій меня и даровавшій мнѣ все сіи блага, — не зналъ еще, что Ты еси въ нихъ, многоснисходительнѣйшій Богъ мой и Господь. Ибо я не сподобился еще слышать гласъ Твой, чтобъ познать, что это Ты. Ты еще не сказалъ мнѣ таинственно: Азъ есмь; потому что и былъ недостойнъ того, и нечистъ, такъ какъ имѣлъ слухъ душевный еще заложенымъ перстію грѣховною и очи мои держимыми (изъ словъ: *очи ея держатся*) невѣріемъ, невѣдѣніемъ и мракомъ страстей. Въ такомъ находясь положеніи, я и видѣлъ Тебя, Бога моего, но какъ не зналъ и не вѣрилъ, что Богъ является человѣку, поколику возможно Ему явленнымъ быть ему, не понималъ, что Богъ, или слава Божія есть то, что мнѣ являлось, иногда однимъ, иногда другимъ образомъ. Необычайное оное чудо привело меня въ изумленіе и исполнило радостію всю душу мою и сердце, до того, что мнѣ подумалось, что даже и тѣло мое стало причастнымъ неизреченной благодати. Впрочемъ я все еще не зналъ ясно, кто есть Тотъ, Кто являлся. Я часто видалъ свѣтъ, и иной разъ онъ являлся внутри меня, когда душа моя имѣла миръ и тишину, а иной разъ являлся онъ внѣ вдали, или даже совѣмъ скрывался, и когда скрывался, причинялъ мнѣ чрезмѣрную скорбь, потому что тогда думалось мнѣ, что вѣрно онъ совѣмъ не хочетъ уже болѣе являться. Но когда я начиналъ плакать и проливать слезы, и показывать всякую отчужденность отъ всего

и всякое послушаніе и смиреніе: тогда онъ являлся опять, какъ солнце, когда оно разгоняетъ густоту облака, и мало-по-малу выказывается радостотворное, блестящее и круговидное. Такъ наконецъ Ты, неизрѣченный, невидимый, неосязаемый, приснодвижный, вездѣ, всегда и во всемъ присутствующій и все исполняющій, видимый и скрывающійся каждый часъ, или скажу, такъ, и днемъ и ночью, удаляющійся и приходящій, исчезающій и внезапно опять являющійся — мало-по-малу прогналъ бывшую во мнѣ тму, разсѣялъ покрывавшій меня облакъ. очистилъ зеницу умныхъ очей моихъ, открылъ душевный слухъ мой, снялъ покрывало нечувствія съ сердца моего, и вмѣстѣ съ симъ усыпилъ плотскую сласть и совѣсть изгналъ изъ меня всякую страсть. Сдѣлавъ меня таковымъ, Ты, очистилъ отъ всякаго облака небо мое, т.-е. душу очищенную, въ которую приходя невидимо, не знаю, какимъ образомъ и откуда, Ты, вездѣсущій, внезапно обрѣтаешься въ ней и являешься какъ другое солнце. О неизреченное снисхожденіе!

Вотъ, братія мои, дивности Божіи, которыя творить Онъ въ насъ!—Когда же приходимъ мы въ совершенную добродѣтель, тогда не приходитъ уже Онъ болѣе, какъ прежде безобразнымъ и безвиднымъ, и не дѣлаетъ присѣщенія и прихода свѣта своего въ насъ безъ шума, но приходитъ въ нѣкоемъ образѣ, впрочемъ въ образѣ Бога; ибо Богъ не является въ какомъ либо очертаніи или впечатлѣніи, но является какъ простой, образуемый свѣтомъ безобразнымъ, непостижимымъ и неизреченнымъ. Больше этого я не могу ничего сказать. Впрочемъ являетъ Онъ себя ясно, узнается весьма хорошо, видится чисто невидимый, говоритъ и слышитъ невидимо, бесѣдуетъ естествомъ Богъ съ тѣми, кои рождены 'отъ Него богами по благодати, какъ бесѣдуютъ другъ съ другомъ, лицомъ къ лицу, любятъ сыновъ своихъ какъ

отецъ, и любимъ бываетъ ими чрезмѣрно, и бываетъ для нихъ дивнымъ вѣкимъ видѣніемъ и страшнымъ слышаніемъ, о которыхъ не могутъ они говорить какъ должно. но опять, и молчать не могутъ. Горя всегда сильною къ Нему любовію и научаемы будучи отъ Него, сыны Его. иногда болѣзнуя и плача о чужихъ страстяхъ, пишутъ о нихъ;—иногда выставляютъ, какъ на зрѣлищѣ, собственные свои паденія,—иногда съ благодарностію повѣствуя о благодѣяніяхъ и дѣйствахъ благодати, бывшихъ въ нихъ, богословски пѣснословять Того, Кто, богодѣйственно измѣнялъ ихъ на лучшее,—иногда слыша. что что-нибудь говорится о душевномъ спасеніи нашемъ противно истинѣ и погрѣшительно, исправляютъ то, по мѣрѣ даннаго имъ вѣдѣнія, пиша и представляя свидѣтельства изъ Божественнаго Писанія. И не могутъ они совсѣмъ имѣть покоя. или насытиться возвышеніемъ истины, потому что, не суть болѣе господа надъ самими собою, но суть органы Духа Святаго, въ нихъ обитающаго, который подвизаетъ ихъ и самъ опять подвижаемъ бываетъ ими,—и бываетъ въ нихъ все, что, какъ слышимъ, въ Божественныхъ Писаніяхъ говорится о царствѣ небесномъ,—именно маргаритъ, сѣмя горчичное, закваска, вода, огонь, хлѣбъ, питіе жизни, одръ, чертогъ брачный, женихъ, другъ, братъ и отецъ. И что, много говорить мнѣ о неизглаголанномъ? Ибо чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало, и что на сердце чловѣку не входило. то какъ можетъ измѣрить языкъ, и какъ можно сказать словомъ? Поистинѣ сіе невозможно. Хотя мы стлжали все сіе и имѣемъ внутри себя отъ Бога. даващаго намъ то, но нисколько не можемъ ни уму то измѣрить, ни словомъ изъяснить.

Все сіе написать я, возлюбленные братія, не съ тѣмъ, чтобъ себя показати. Да не будетъ. Что имѣю я божественнаго, чтобъ показывать то и хвалиться тѣмъ, кромѣ

грѣховъ, нечистотъ и беззаконій многихъ, еще отъ чрева матери моея, которыхъ больше песка морскаго? Но, затѣмъ возвѣщаю вамъ о семъ, чтобъ открыть вамъ чудеса Божіи и представить ихъ въ словѣ хотя столько, сколько достало у меня на то силъ. При этомъ и для того я это сдѣлалъ, чтобъ сказаніемъ симъ попользовать тѣхъ, которые думаютъ, что отъ святаго крещенія имѣютъ Духа Святаго, хотя не сознаютъ того. Ибо настоящее слово поучаетъ насъ, во первыхъ, о полной темнотѣ и мракѣ или о совершенномъ отсутствіи божественнаго свѣта, которое бываетъ въ человѣкѣ, когда онъ явно сказываетъ о невѣдѣніи, какое имѣетъ о Богѣ; потомъ оно поучаетъ насъ объ обличеніи, которое бываетъ отъ совѣсти; далѣе—о страхѣ; затѣмъ—о желаніи человѣка получить отпущеніе грѣховъ, когда онъ ищетъ и какого либо посредника и помощника въ семъ дѣлѣ, такъ какъ онъ одинъ не имѣетъ дерзновенія приступить къ Богу, чувствуя себя обремененнымъ многими грѣхами; послѣ сего слово наше сказываетъ, какъ человѣкъ улучилъ посредника и пастыря, котораго искалъ, и какъ видѣлъ его, при своемъ умномъ осіяніи отъ Святаго Духа, которое показываетъ, что въ немъ положилось начало внутренняго озаренія, о которомъ онъ не зналъ прежде;—сказываетъ еще при семъ, какъ послѣ того, какъ совершилось въ немъ такое откровеніе, опять удалилось видѣніе Духа, и онъ, лишившись его, опять впалъ во тму многихъ согрѣшеній; за этимъ слово объявило о второмъ призваніи, какое сдѣлалъ ему Богъ чрезъ пастыря его; за этимъ—о послушаніи, вѣрѣ, смиреніи и покорности, какія имѣлъ онъ къ сему пастырю; за этимъ—о явномъ измѣненіи, которое совершилось въ немъ мало-по-малу съ сознаніемъ и видѣніемъ дѣла, котораго если кто не сознаетъ совершившимся въ себѣ, о томъ, какъ сказало слово, никакъ нельзя полагать, что въ

немъ обитаетъ Духъ Святый. Все сіе настоящее слово, какъ я сказалъ, излагаетъ пространно и выставляетъ меня не хвалящимся, а повѣствующимъ о дивныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ, какія по любви и благодати дѣлаетъ Онъ взыскивающимъ Его отъ всей души и отъ всего сердца, чтобъ всякое преслушаніе получило праведное воздаяніе въ день онъ, въ который Богъ имѣетъ судить родъ человѣческій. Ему подобаеетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЕ.

Благодареніе Богу за полученныя отъ Него благодѣянія; о духовной молитвѣ и о преслѣщеніи въ ней; о божественномъ озареніи, о необманимомъ созерцаніи, и о любви къ Богу.

Благодарю Тебя Владыко, Господи неба и земли, что отъ сложенія міра предопредѣлилъ Ты произойти мнѣ изъ не-сущаго въ бытіе. Благодарю Тебя, и поклоняюсь Тебѣ, всесвятый Царю, что прежде рожденія моего, Ты единый безсмертный, единый всемогущій, единый благій и человѣколюбивый снишелъ съ высоты святыхъ Твоихъ на землю, воплотился и родился отъ Святыя Дѣвы, чтобъ меня возсоздать, меня оживотворить, меня освободить отъ прародительскаго грѣха и приготовить мнѣ восходъ на небеса. Потомъ, когда я родился и немного подросъ, Ты обновилъ меня возрожденіемъ во св. крещеніи, облечь меня одеждою благодати Святаго Духа, дать мнѣ свѣтлаго ангела хранителя, и пока пришелъ я въ совершенный возрастъ, Ты, хранилъ меня невредимымъ отъ всякаго зла и отъ всѣхъ сѣтей діавола. Но какъ Ты праведно постановилъ, чтобъ мы разумные спасались не по какому либо принужденію и насилію, но по произвольному избранію и рѣшенію, то оставилъ и меня явить въ

себѣ честь самовластія, чтобъ чрезъ исполненіе заповѣдей Твоихъ я показалъ самопроизвольную мою любовь къ Тебѣ. Я же, небрежникъ и неблагодарный, подумалъ, что достоинство самовластія есть разрѣшеніе такое же, какъ разрѣшается неразумное животное отъ путъ; почему, какъ только почувствовать разрѣшеніе, такъ удалился отъ господства власти Твоея и ввергъ себя въ ровъ многихъ золъ. При всемъ томъ однакожь, что находился въ томъ глубочайшемъ рвѣ въ безчувствіи и потерпѣлъ большія поврежденія, Ты, не отвратился отъ меня и не оставилъ меня навсегда валяться въ этой скверногѣ, но по благоутробію милости Твоея извелъ меня оттуда и почтилъ меня еще паче, неисповѣдимыми судьбами Твоими избавивъ меня отъ царей и начальниковъ, которые желали обратить меня на служеніе мірскимъ и житейскимъ пользамъ, не попустивъ мнѣ увлечься дарами злата и серебра, хотя я и сребролюбивъ, и расположивъ меня презрѣть, какъ мерзость, славу и честь настоящей жизни, которыя мнѣ давали, вмѣсто стяжанія святости Твоей. Я же, всѣ такія Твои ко мнѣ благодѣянія выѣнивъ ни во что (исповѣдаюсь Тебѣ въ семь Господи неба и земли), опять ввергъ себя, бѣдный, въ ровъ тинный и нечистоту скверныхъ помысловъ и дѣлъ, — и когда низринулъ я опять въ этотъ ровъ, то попалъ во власть мысленныхъ разбойниковъ, изъ рукъ которыхъ не только я одинъ не могъ бы освободиться, но еслибъ и весь міръ собрался, то и онъ не могъ бы освободить меня. Но Ты, благоутробный и человеколюбивый Владыка, не потерпѣлъ, чтобъ я оставался въ этомъ рвѣ въ жалкомъ состояніи, былъ бѣдственно влachimъ и посмѣваемъ этими врагами, не попомнилъ худостей моихъ, не отвратился отъ непотребнаго права моего, и не допустилъ долгое время быть мнѣ мучиму тѣми душегубцами; и хотя я, держимъ будучи у нихъ въ плѣну,

радъ былъ тому, какъ безчувственный, но Ты, Владыко, не могъ болѣе смотрѣть, чтобъ они составляли изъ меня безобразныя зрѣлища и къ сраму моему влazionali меня туда и сюда, — а сжалился надо мною, и явилъ милость свою ко мнѣ, не Ангела, и не человѣка, пославъ ко мнѣ окаянному и грѣшному, но самъ, движимый утробами благостыни Своея, преклонилъ къ тому глубочайшему рву и простеръ пречистую руку Твою ко мнѣ, который, бывъ погруженъ въ глубину тины той, не видѣлъ Тебя: ибо какъ бы могъ я открыть глаза и видѣть, будучи потопленъ въ ту скверноту и поглощенъ ею? Такъ Ты взялъ меня за волоса головы моей, т.-е., просвѣтилъ помыслы мои, и потянувъ съ великимъ усиліемъ, извлекъ оттуда. Я чувствовалъ влеченіе и понималъ, что поднимаюсь на верхъ, но совсѣмъ не зналъ, кѣмъ влекомъ есмь, или кто есть держащій меня и поднимающій на верхъ. Послѣ же того какъ Ты, извлекъ меня изъ того блата на верхъ и поставивъ на землю, передалъ одному рабу и ученику Своему меня, всего оскверненнаго, у котораго и уста, и уши, и очи завалены сквернотою. Я же несмотря на то, что выпелъ на землю, все еще не видѣлъ Тебя, кто Ты; только одно то узнать я, что Ты — нѣкто благій и челоуѣколюбивый, извлекшій меня изъ глубочайшаго рва всякихъ нечистотъ. Но Ты, сказавъ мнѣ: прилѣпись къ этому челоуѣку и послѣдуй ему, — потому что онъ проведетъ тебя къ источникамъ и омоетъ тамъ, — и даровавъ мнѣ твердую къ нему вѣру, удалися и отошелъ, не знаю куда. Я же, всесвятый Владыко, по повелѣнію Твоему, не озираясь вспять послѣдовалъ за тѣмъ, кого Ты указалъ мнѣ.

Онъ, съ большимъ трудомъ повелъ меня къ источникамъ, т.-е., къ Божественнымъ Писаніямъ и божественнымъ заповѣдямъ Твоимъ: а я какъ слѣпой взявшись за него сзади рукою вѣры въ него, которую Ты, далъ мнѣ ну-

диль себя слѣдовать за нимъ. При этомъ онъ, какъ хорошо видѣвшій, поднималъ ноги свои и переступалъ чрезъ камни, рвы, и всякія преткновенія, попадавшіеся по пути; я же, спотыкался о камни и падалъ во рвы, и много терпѣлъ трудовъ, прискорбностей и бѣдъ. Онъ въ каждомъ источникѣ и ручьѣ мылся, и омывался каждый часъ, а я, не видѣвшій хорошо, большую часть изъ нихъ проходилъ такъ. Ибо когда онъ не бралъ меня за руку, не привлекалъ къ источнику и не направлялъ рукъ ума моего; то я не могъ находить совѣмъ и струи водной, гдѣ она. И опять когда онъ подводилъ меня къ струѣ и оставлялъ одного мыться чистою водою, то я много разъ вмѣстѣ съ водою захватывалъ и соръ, какой случался тамъ подлѣ источника, можетъ быть захватывалъ иногда въ горсти и грязное что и тѣмъ замазывалъ лицо свое. Не разъ бывало, что ища ручья или колодца воды, сталкивалъ внизъ всякой соръ, землю и глину и возмущалъ воду; но какъ совѣмъ не видѣлъ ничего, то мылся безъ опаски, пачкалъ лицо мое грязью, думая, что мою его чистою водою. — Ахъ! Гдѣ мнѣ рассказать всѣ непріятности, какія я испытывалъ опять отъ этого? Гдѣ мнѣ описать также, сколько зла терпѣлъ я отъ тѣхъ, кои совѣтовали мнѣ и говорили каждый день: что трудишься попусту, глупый, и послѣдуешь этому обманщику и прельстителю, и бесполезно и тщетно терпишь, чая прозрѣть? Того, чего ты желаешь, невозможно достигнуть въ настоящія времена. Что же и слѣдовать тебѣ за нимъ, раздирая и кровеня только ноги свои? Почему бы тебѣ не пойти къ милостивцамъ сострадательнымъ, которые просятъ тебя къ себѣ, обѣщая добръ покоить тебя, питать и врачевать? Ибо въ теперешнія времена невозможно тебѣ избавиться отъ душевной проказы и прозрѣть. И откуда явился этотъ обманщикъ-старецъ такимъ чудотворцемъ и обѣщаетъ тебѣ такія вещи, кото-

рыя невозможны для людей нынѣшняго рода? Горе тебѣ, что и покой со всякимъ угодіемъ, какіе общають тебѣ сострадательные люди, Христолюбцы и братолюбцы, потеряешь, и скорби, и лишенія, какія переносишь, протерпишь съ тщетною надеждою, не получивъ ничего изъ того, что общаетъ тебѣ этотъ обманщикъ и обольститель. Что можетъ онъ тебѣ сдѣлать? Ужели и самъ ты не можешь этого разсудить, хотя бы мы и не говорили о томъ? Что же и мы все ужели не видимъ? Или мы слѣпы, какъ говоритъ тебѣ этотъ въ прелести сущій? Поистинѣ мы все видимъ, — не прельщайся. Никакого другаго зрѣнія и нѣтъ, которое было бы лучше того, какое имѣемъ мы.

Но Ты, милостивый и благоутробный Боже, отъ всѣхъ этихъ заблуждшихъ прельстителей которые, по пророку, *напаютъ подруга своего развращеніемъ мутнымъ* (Авв 2, 15), избавилъ меня силою вѣры и надежды, данныхъ Тобою мнѣ. Ими укрѣпилъ Ты меня перетерпѣть все это и другое многое. Итакъ въ то время, какъ я переносилъ все это и не пропускалъ ни одного дня, чтобъ не мыться и не измываться водою, какъ научилъ меня Апостолъ Твой и ученикъ, въ одинъ день, когда я бѣжалъ на источникъ воды, встрѣтилъ меня на пути Ты. опять тотъ же, что и прежде извлекъ меня изъ нечистоты. Тутъ въ первый разъ блеснулъ Ты въ слабыя очи мои пречистымъ сіяніемъ божественнаго лица своего, — и я тотчасъ потерялъ и тотъ малый свѣтъ, который, какъ мнѣ думалось, имѣлъ я, не могши узнать Тебя. И какъ было возможно увидѣть мнѣ Тебя и узнать, кто Ты былъ, когда я и самаго сіянія лица Твоего не могъ видѣть и разумѣть? — Съ тѣхъ поръ благоволилъ Ты, свисходительнѣйшій, чаще приходитъ ко мнѣ, въ то время, когда я стоялъ у источника, бралъ голову мою и погружалъ ее въ воду, и давалъ мнѣ видѣть чаще

свѣтъ лица Твоего,—и тотчасъ отлеталъ, дѣлаясь невидимымъ, и не давая мнѣ понять, кто былъ Ты, дѣлавшій сіе, откуда приходилъ и куда уходилъ, — какъ даже и доселѣ не даешь мнѣ понять сіе.

Приходя такимъ образомъ ко мнѣ и отходя довольно долгое время, Ты, мало-по-малу все яснѣе и яснѣе являлся мнѣ, все больше и больше омывалъ меня водами своими, и даровалъ мнѣ видѣть свѣтъ все болѣе и болѣе чисто, болѣе и болѣе обильно. Дѣлая это для меня многое время, Ты, наконецъ сподобилъ меня увидѣть и нѣкое страшное таинство. Однажды, когда Ты, пришедши, орошалъ и омывалъ меня, какъ мнѣ казалось, водами и многократно погружалъ меня въ нихъ, я видѣлъ молніи, меня облистававшія, и лучи отъ лица Твоего, смѣшивавшіеся съ водами, и видя, какъ омываемъ былъ водами свѣтовиднѣйшими и блестящими, пришелъ въ изступленіе. Какъ же это было и отъ чего, и кто былъ податель сего, не зналъ, — только, омывася будучи, радовался, возрастая въ вѣрѣ, окрыляясь надеждою и воспаря созерцаніемъ даже до небесъ. Обманщиковъ же тѣхъ, которые говорили мнѣ ложныя и обольстительныя слова, я возненавидѣлъ сильно, и хотя жалѣлъ о нихъ, по причинѣ заблужденія ихъ, но не хотѣлъ входить съ ними въ бесѣду и бѣгалъ встрѣчи съ ними, почитая и одно воззрѣніе на нихъ вреднымъ. А предъ содѣйственникомъ и помощникомъ моимъ святымъ, разумію, Твоимъ ученикомъ и Апостоломъ, я благоговѣнствовалъ и почиталъ его, какъ Тебя самого, Создателя моего, любилъ его отъ души, припадалъ къ ногамъ его день и ночь и просилъ его помочь мнѣ восколько можетъ, увѣрять будучи, что онъ все можетъ у Тебя, что захочетъ.

Проведши такъ благодатію Твоею довольно время, я опять увидѣлъ другое страшное таинство. Я видѣлъ, что Ты взявъ меня, возшелъ на небеса, вознесши и ме-

ня съ Собою,—не знаю впрочемъ, въ тѣлѣ ли Ты возвелъ меня туда, или кромѣ тѣла, Ты одинъ то знаешь, сдѣлавшій сіе. Послѣ того, какъ я пробылъ тамъ съ Тобою довольный часъ, удивляясь величію славы (чьа же была та слава, и что она такое, не знаю), я пришелъ въ изступленіе отъ безмѣрной высоты ея и вострепеталъ весь. Но Ты опять оставилъ меня одного на землѣ, на которой я стоялъ прежде. Пришедъ въ себя, я нашелъ себя плачущимъ и дивящимся скорбному обвинянію своему. Потомъ, немного спустя послѣ того, какъ я сталъ долу, Ты благоволилъ показать мнѣ горѣ, на небесахъ, отверзшихся, лице Свое, какъ солнце, безъ образа и вида. Впрочемъ, и тогда Ты не далъ мнѣ познать, кто Ты былъ. Ибо какъ можно было мнѣ познать Тебя, когда Ты не сказалъ мнѣ ничего, но тотчасъ скрылся? Я искалъ Тебя, котораго не зналъ, сильно желая увидѣть образъ Твой и познать точнѣйше, кто Ты. Почему отъ сильнаго желанія Тебя и отъ пламенной любви къ Тебѣ всегда плакалъ, не зная, кто Ты, приведшій меня изъ небытія въ бытіе, извлекшій меня изъ пропасти грѣховной и содѣлавшійся для меня всѣмъ тѣмъ, о чемъ я сказалъ прежде.

Такъ, часто являлся Ты опять мнѣ и опять, ничего не сказавши, скрывался и не показывался уже болѣе. Я же видя въ водахъ, какъ видалъ прежде, молніи и блистанія лица Твоего, которыя меня окружали, которыхъ однакожъ я не могъ ухватить, часто воспоминалъ, какъ видѣлъ Тебя однажды горѣ, и, думая по своему невѣжеству, что тотъ былъ другой, все искалъ, и искалъ со слезами увидѣть Тебя. Когда наконецъ, подавленный печалію и скорбію, я забылъ всецѣло и себя самого, и міръ весь, и все, что въ мірѣ, не держа на умѣ совершенно ничего изъ всего видимаго; тогда опять явился Ты, невидимый, неосязаемый, неувимый. И чувствовалъ тогда, что Ты очишалъ умъ мой, открывалъ простран-

нѣе очи души моей и давалъ мнѣ видѣть славу Твою обильнѣе, и что самъ Ты увеличиваешься паче и паче и блистаніемъ паче и паче расширяешься, и мнѣ казалось, что съ удаленіемъ тмы, Ты приближаешься ближе и ближе, — какъ это часто испытываемъ мы и въ чувственныхъ вещахъ. Ибо когда сіяетъ луна и облака бѣгутъ гонимыя вѣтромъ, тогда кажется, что и луна бѣжитъ скорѣе, хотя на дѣлѣ она нисколько не скорѣе бѣжитъ обыкновеннаго своего теченія.

Такимъ образомъ, о Владыка, мнѣ казалось, что Ты, — недвижимый грядешь, неизмѣняемый увеличиваешься. не имѣющій образа пріемлешь образъ. Ибо какъ бываетъ съ слѣпымъ, что онъ мало-по-малу привыкаетъ видѣть и ясно обнимать весь образъ человѣка, или все очертаніе человѣческаго тѣла, и мало-по-малу живописуетъ его въ себѣ, какъ онъ есть, — какъ, говорю, у слѣпаго не измѣняется и не передѣлывается въ глазахъ образъ человѣка, во глаза слѣпаго, болѣе и болѣе очищаясь, видятъ, наконецъ, образъ человѣка, какъ онъ есть, когда начертывается все подобіе образа человѣка въ сихъ глазахъ, и чрезъ нихъ проходитъ въ умъ и рисуется въ памяти человѣка, какъ на доскѣ: такъ и Ты, когда очистилъ совершенно умъ мой, явился мнѣ ясно во свѣтѣ Духа Святаго, и какъ умъ мой видѣлъ Тебя яснѣе и чище, то мнѣ и казалось, что Ты будто выходишь откуда-то, являешься свѣтлѣйшимъ и даешь мнѣ видѣть черты беззрачнаго зрака Твоего. Тогда Ты сдѣлалъ, что я вышелъ изъ міра сего, мнѣ кажется, скажу такъ и изъ тѣла моего, потому что ты не далъ мнѣ уразумѣть сіе до точности. Но Ты сіялъ чрезмѣрно и, какъ мнѣ казалось, явился весь во мнѣ всемъ, видѣвшемъ добръ. Когда я спросилъ Тебя, говоря: о, Владыко, кто Ты? тогда Ты въ первый разъ сподобилъ меня, блуднаго, услышать и сладчайшій гласъ Твой, и столь сладко и кротко бесѣдовалъ со мною, что я пришелъ

въ изступленіе, изумлялся и трепеталъ, помышляя въ себѣ и говоря: какъ это славно и какъ блистательно? Какъ и за что удостоился я такихъ благъ? Ты сказалъ мнѣ: Я—Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ, по любви къ тебѣ. Такъ какъ ты възыскалъ Меня отъ всей души, то се отнынѣ будешь ты братомъ Моимъ, и другомъ, и сонаслѣдникомъ. Слыша это, я весь вострепеталъ, изсякла вся сила моя и едва не вышла душа моя. Опомнившись немного, я отвѣчалъ: и кто есмь я, Господи, и какое добро сдѣлалъ я окаянный и бѣдный, что Ты удостоиваешь меня толикихъ благъ и дѣлаешь меня соучастникомъ и сонаслѣдникомъ славы Твоея,—держа при семъ на умѣ что эта слава и радость выше всякаго ума?—Ты же, Владыко мой Христе, опять сказалъ мнѣ: Я говорю съ тобою, какъ другъ съ другомъ, чрезъ Духа Святаго, который вмѣстѣ со Мною говоритъ тебѣ. Это даровалъ Я тебѣ за одно твое произволеніе и вѣру,—и дамъ еще больше сего. Ибо ты, созданный Мною нагимъ, кромѣ произволенія своего, что другое имѣешь ты, или имѣлъ когда либо собственно твоего, чтобъ Я принялъ то отъ тебя и вмѣсто того даровалъ тебѣ это? Впрочемъ, если не отрѣшишься ты совершенно отъ тѣла, то не увидишь совершеннаго и не можешь получить его все здѣсь. Когда я сказалъ на это: Господи! И что другое блистательнѣе или выше сего? Для меня довольно въ такой славѣ быть и по смерти. Тогда Ты опять отвѣтилъ мнѣ: чрезмѣрно мала душа твоя, человѣче, когда ты довольствуешься только такимъ благомъ. Ибо оно, въ сравненіи съ будущимъ, похоже на то, какъ еслибъ кто нарисовалъ небо на бумагѣ, и держалъ ее въ рукахъ: сколько разнится нарисованное небо отъ истиннаго, столько, или несравненно болѣе, разнится будущая слава отъ той, какую видишь ты теперь. Сіе сказалъ Ты и умолкъ,—и мало-по-малу скрылся отъ очей

моихъ Ты, сладчайшій и добрый Владыка мой. И не знаю, я ли отдалился отъ Тебя или Ты отошелъ отъ меня. Впрочемъ мнѣ думалось, будто я пришелъ откуда-то и вошелъ въ мое жилище, а тутъ и совсѣмъ пришелъ я въ себя.

Послѣ сего, вспоминая красоту славы Твоея и Твои слова, Владыко, я плакалъ,—и когда шелъ, и когда сидѣлъ, и когда ѣлъ, и когда пилъ, и когда молился,—и имѣлъ неизреченную радость, что познать Тебя, Творца всяческихъ. Да и какъ могъ я не радоваться? — Впрочемъ потомъ пришла и печаль,—печаль о томъ, что давно не видѣлъ Тебя. Но когда, сильно желая Тебя опять видѣть, пошелъ я однажды приложиться къ святой иконѣ Пречистой Матере Твоея и припалъ къ ней, умоляя ее, Ты, прежде чѣмъ я всталъ, явился внутри бѣднаго сердца моего, сдѣлавъ его все свѣтомъ. Тогда я позналъ, что воистину имѣю Тебя въ себѣ. Съ того времени я сталъ любить Тебя, не отъ одной памяти, то-есть, не отъ того только, что вспоминалъ Тебя и славу Твою, но отъ того, что увѣровалъ воистину, что имѣю внутри себя Тебя, вѣстасную Любовь: ибо истинная любовь—Ты Богъ. Когда такимъ образомъ насадилась надежда въ вѣрѣ, воспоилась покаяніемъ и слезами, просвѣтилась собственнымъ Твоимъ свѣтомъ, вкоренилась и возрасла добрѣ,—тогда пришелъ Ты, добрый художникъ и дѣлатель, ножемъ искушеній, то-есть, смиреніемъ, отрѣзалъ излишніе отростки помысловъ, поднявшихся было высоко вверхъ, и привилъ къ единой надеждѣ, какъ къ какому корешку древесному, святую любовь Твою. И я видя, какъ сія любовь растетъ день ото дня и бесѣдуетъ со мною всегда, или лучше сказать видя, какъ Ты чрезъ нее учишь меня, осіяваешь и просвѣщаешь, радуюсь и веселюсь, какъ превзошедшій уже всякую вѣру и надежду, какъ и Павелъ говоритъ: *ибо видитъ кто, что и уповаетъ* (Рим. 8, 24).

Итакъ, если я имѣю Тебя, чего и надѣяться мнѣ болѣе? И Ты опять сказалъ мнѣ, Владыко: слушай, чего надѣяться тебѣ. Какъ, когда видишь солнце въ водѣ, самаго солнца не видишь, потому что тогда смотришь внизъ: такъ разумѣй и то, что бываетъ въ тебѣ; затвори себя самого, и старайся всегда видѣть Меня чисто и ясно ввутьрь себя, какъ солнце въ чистой водѣ. Поступая такъ, ты удостоишься потомъ по смерти увидѣть Меня, какъ Я предсказалъ тебѣ. Если же не станешь такъ дѣлать, то всѣ дѣла твои и труды, и эти слова, не принесутъ тебѣ никакой пользы, а напротивъ, послужатъ къ большому осужденію твоему и причинять тебѣ большую скорбь: ибо, какъ слышишь въ Писаніи, *сильніи сильнѣ истязани будутъ* (Прем. Сол. 6, 6). Бѣдность не причиняетъ такой печали и стыда тому, кто бѣденъ съ самаго начала рожденія своего, какой стыдъ и какую печаль причиняетъ она тому, кто былъ прежде и богатъ, и славенъ, и въ дружбѣ съ царемъ, потомъ испалъ отъ всего этого и пришелъ въ совершенную бѣдность. Такъ бываетъ и въ духовномъ порядкѣ вещей,—хотя земныя и видимыя дѣла текутъ не совсѣмъ такъ, какъ духовныя и невидимыя. Испавшіе, напримѣръ, отъ дружбы царя земнаго по какой либо причинѣ, могутъ удержатъ при себѣ имущество свое, пользоваться имъ и жить. Но кто испадаетъ отъ Моей любви и дружбы, тому невозможно уже жить. Тотчасъ обнажается онъ отъ всѣхъ благъ и предается въ рабы врагамъ Моимъ и его, которые, какъ только примутъ его, устремляются на него съ крайнимъ неистовствомъ и звѣрствомъ, по причинѣ прежней любви его ко Мнѣ.

Такъ, всесвятый Владыко, такъ воистину бываетъ. И я вѣрую Тебѣ, Богу моему, и припадая, умоляю Тебя: сохрани меня грѣшнаго и недостойнаго Ты, явившій милость свою ко мнѣ, и ростокъ любви Твоей, какой

привиль Ты къ древу надежды моей, укрѣпи силою Твоею, да не поколеблуть его вѣтры, не сломить буря, не похитятъ враги, да не опалить огонь нерадѣніи, не иссушатъ паренія ума, не уничтожить совѣмъ тщеславіе. Ты, даровавшій мнѣ его, знаешь, что ради сего ростка любви Твоей, я остался безпомощнымъ отъ всякаго чловѣка. такъ какъ помощника и содѣйствователя моего и Твоего Апостола Ты удалилъ отъ меня тѣлесно, какъ восхотѣлъ. Ты вѣдаешь немощь мою, знаешь бѣдность и совершенное безсиліе. Сего ради умилился ко мнѣ паче отнынѣ, Ты многоблагодѣтельный Господи. Припадаю къ Тебѣ всесердечно и умоляю Тебя, не оставляй меня на волю мою Ты, даровавшій мнѣ столько благъ. Но воспріими въ любовь Твою душу мою, и въ ней укорени любовь къ Тебѣ, да будешь ты во мнѣ, и я—въ Тебѣ по утѣшительному, святому и неложному обѣтованію Твоему,—да любовь Твоя покрываетъ меня и я покрываю и блюду ее въ себѣ,—да Ты зриаешь на меня съ любовію, и я да сподоблюсь возрѣвать съ нею къ Тебѣ въ настоящей жизни, по сказанному, яко зеркаломъ въ гаданіи, тогда же, въ другой жизни да узрю со всею любовію всего Тебя, сущаго любя и благоволившаго именоватьъ любовію. Яко Тебѣ подобаетъ всякое благодареніе, держава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу. нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ВТОРОЕ.

О созерцаніи и откровеніи, и о душѣ просвѣщенной; и какъ дѣйствуетъ благодать Святаго Духа въ томъ, въ коемъ царствуетъ любовь къ Богу, и кто пришелъ въ глубинну смиренія.

Возлюбленные братія мои! Велико и безмѣрно есть снисхожденіе и чловѣколюбіе Божіе къ чловѣкамъ. Почему, удивляясь неизреченной благодати Божіей и трепе-

ца зываю такъ: сколь изумительно дивна сила заповѣдей Божіихъ и въ какое дивное состояніе приводятъ онѣ тѣхъ, которые творятъ и исполняютъ ихъ! И я началъ нѣкогда исполнять заповѣди Божіи, когда немного выступилъ изъ глубины грѣховъ и нѣсколько освободился отъ покрывавшаго меня мрака. При этомъ нерѣдко будучи тѣснимъ злыми навыками своими, боялся я за себя, но любовь и вождельніе добра гораздо чаще направляли меня къ добру. Въ началѣ все, что я дѣлалъ, было одно лишь удаленіе отъ зла, но потомъ оно само начало подвигать меня на добро. Въ это время одво особенно причиняло мнѣ тяготу и непріятность, — это злой навыкъ сластолюбія, который уничтожается чтеніемъ Божественныхъ Писаній и навыкомъ въ добрыхъ дѣланіяхъ. Ибо какъ, когда утромъ восходитъ солнце, мало-по-малу разгоняется тма и исчезаетъ, такъ и когда возсіяваетъ добродѣтель, прогоняется грѣхъ, какъ тма, и, наконецъ, совсѣмъ уничтожается. Тогда мы являемся добрыми и добродѣтельными во всемъ, какъ прежде были злы и порочны. Такъ помощію небольшого терпѣнія и малаго добраго произволенія, или, лучше сказать помощію Бога живаго возсозидаемся мы наконецъ и обповяемся, послѣ того, какъ очистимся душею и тѣломъ и умомъ. Вслѣдствіе сего мы дѣлаемся тѣмъ, о чемъ прежде не знали, будучи омрачены страстями, и получаемъ еще то, чего недостойны.

Изъ этого получилъ нѣчто и я нецотребный и худѣйшій всѣхъ. Ибо добро есть проповѣдывать съ великимъ благодареніемъ благодаренія, полученныя отъ человеколюбиваго Бога благодатию Искупителя нашего Іисуса Христа. Я получилъ благодать на благодать и благодареніе на благодареніе, огонь на огонь и пламень на пламень. Къ моему восхожденію и преуспѣянію даны были и другія восхожденія и преуспѣянія, — а въ концѣ восхожденія

свѣтъ; къ этому свѣту—другой свѣтъ свѣтлѣйшій; среди сего свѣта возсіяло блестящее Солнце, изъ котораго явился лучъ, исполнившій всяческая. Что бы это значило,—было недомыслимо. Въ это время я только проливалъ сладкія слезы, удивляясь неизреченному.

Тогда божественный, первый умъ сталъ бесѣдовать съ моимъ собственнымъ умомъ и такъ поучать его: повялъ ли ты, въ какое дивное состояніе возвело тебя оное челоуѣколюбіе и сила, ради вѣры твоей и малаго терпѣнія твоего, свидѣтельствовавшаго о любви твоей? Се, подлежа смерти, ты сдѣлался безсмертнымъ, и одержимъ будучи тлѣніемъ, сталъ нетлѣнень. Се, живя въ мірѣ, ты пребываешь со Мною. Се, нося тѣло, не бываешь влачимъ сластями тѣлесными. Ты малъ тѣломъ, но умомъ созерцаешь все.—На это, со страхомъ и вмѣстѣ съ радостію, я отвѣчалъ: кто есмь, Господи, я грѣшный и нечистый, что Ты воззрѣлъ на меня и снисшелъ до бесѣды со мною? И Ты, пречистый, невидимый и неприступный для всѣхъ, какъ являешься мнѣ приступнымъ и сладостнѣйшимъ, и видимъ еси краснѣйшимъ во благодати и славѣ, Тебя осіявающей?

Слышанное мною слышалъ я таинственно, и отвѣчалъ нѣкакo необычно. Сверхъестественность созерцанія привела меня въ удивленіе, но пристрашность его будто душу разлучила съ тѣломъ. Неизреченная красота Явившагося поразила сердце мое и подвигла къ безпредѣльной любви; любовь же не дала уже мнѣ обратиться опять долу, но я радовался, какъ совсѣмъ исторгшійся изъ узъ плоти и, однакожь, все же пребывающій цѣлымъ челоуѣкомъ. Мнѣ даваемо было удостовѣреніе, что прощены всѣ грѣхи мои, и опять я видѣлъ себя самого грѣшнѣйшимъ паче всякаго челоуѣка. Не могъ я не вѣрить Тому. Кто говорилъ мнѣ, и опять боялся Ему вѣрить, чтобы не впасть въ превозношеніе. Нерѣдко восхожу я на вы-

соту созерцанія безъ воли моей, и опять схожу съ нею волею моею, чтобъ не забыть мѣры человѣчества и без-опаснѣ соблюсти смиреніе. Я знаю много такого, чего не знаютъ другіе, и опять паче всѣхъ невѣжественъ есмь. Радуюсь, что Христосъ, въ котораго я увѣровала, даровать мнѣ царство вѣчное и непоколебимое, и опять, какъ недостойный благовѣстникъ оныхъ, плачу, и никогда не перестану плакать. Не смѣю отверсть устъ своихъ, чтобъ просить отпущенія грѣховъ моихъ,—и, опять движимый любовію, воодушевляюсь и приѣмлю дерзновеніе молить Бога за другихъ братій и (да реку въ безуміи) слышанъ бываю. Предстою съ дерзновеніемъ предъ Богомъ и молюсь, какъ сынъ а въ чувствахъ сердца моего имѣю себя чуждымъ и бездерзновеннымъ. Слышу: добрѣ, рабе вѣрный и проч., и нахожу себя поистинѣ такимъ, что не только не употребилъ какъ должно, но даже и не сохранилъ ни одного таланта изъ всѣхъ тѣхъ даровъ, какіе мнѣ даны. Мнѣ кажется, что я достигъ самаго крайняго предѣла добродѣтели. и въ то же время чувствую себя погруженнымъ въ бездну грѣховъ моихъ и клонюсь къ отчаянію. Когда бываю въ чувствѣ ниже всѣхъ, тогда возношусь превыше небесъ и любовію опять соединяюсь съ Иисусомъ Христомъ, Богомъ нашимъ, — на Коего и уповаю, что когда освобождусь отъ этой земной и тяжелой плоти, или когда умру, тогда ближе представленъ буду предъ Него и просвѣщенъ Имъ, да познаю яснѣ вѣчную радость и ликованіе тамошней любви.

Это пожелалъ я написать вамъ, братія мои, не для того, чтобъ стяжать славу и быть прославленнымъ отъ людей. Да не будетъ! Ибо такой человекъ безуменъ и чуждъ славы Божіей. Но написалъ для того, чтобъ вы увидѣли и познали безмѣрное челоуѣколюбіе Божіе и то, сколь легко бремя заповѣдей Спасителя нашего Бога. и, напротивъ, сколь велико и несравненно воздаяніе бла-

гости Его; познавъ же это, чтобъ или возжелали улучшить и себѣ любовь Его, или убоились и вострепетали, какъ вѣчной смерти, лишенія оной. При этомъ и для того пожелалъ я написать о всемъ сказанномъ, чтобъ вы познали высоту смиренія и знакъ совершенной любви. Еще и для того, чтобъ вы познали и дѣло снисхожденія Божія и даръ божественной Его благодати, т.-е., эту мѣну, какую сдѣлалъ Онъ съ нами человѣками, пріятье человѣчество и давъ вмѣсто его Божество; чтобъ познали дивный образъ возстановленія нашего и то, какъ живутъ восхотѣвшіе вѣровать въ распяшагося Христа, тѣ, то-есть, которые восподражали Его послушанію и смиренію и рѣшились, отвратясь отъ худшаго, устремиться къ лучшему, отъ грѣха къ добродѣтели, отъ земнаго къ небесному, отъ плотскаго къ духовному, отъ человѣческаго къ божественному; и еще чтобъ увидѣли, какъ измѣняются тѣ, которые оставляютъ все по любви къ возлюбившему насъ Богу, и однакожь не лишаются ничего ни изъ настоящаго, ни изъ будущаго,—т.-е. какъ омраченныя входятъ дивно въ свѣтъ, приближаясь къ великому свѣту, и какъ они соединяясь съ горнимъ, поставляются богами и надъ дольнымъ, какъ это было въ древнее время съ Моисеемъ, — какъ находясь среди всѣхъ, не оскверняются нисколько соображеніемъ съ ними, и благотворя ближнимъ, не терпятъ никакого ущерба въ добрѣ, но оказывая милость другимъ, сами получаютъ больше, чѣмъ даютъ,—особенно когда по челоуѣколюбію дѣлаются подобными челоуѣколюбивому Богу;—какъ они смиряются по мѣрѣ того, какъ возвышаемы бываютъ и какъ возвышаются по мѣрѣ того, какъ смиряются: лишаются всего необходимаго въ жизни по смиренію,—и не терпятъ никакого лишенія, будучи питаемы вѣчною жизнію святой любви.

Се, открылъ я вамъ таинства, которыя были сокрыты

во мнѣ; ибо вижу, что близокъ конецъ жизни моей. Я желалъ дать вамъ увидѣть и познать и образы покаянія, и первыя ступанія новоначальныхъ, и успѣхи среднихъ, и мѣры совершенныхъ, и расположить васъ подражать, если не хотите другому кому, то мнѣ духовному отцу своему, породившему васъ духовно, возлюбившему васъ отъ всей души, воздоившему васъ млекою слова Божія, напитавшему хлѣбомъ животворящимъ всяческой и показавшему, какъ шествовать путемъ спасительныхъ заповѣдей Бога,—Коему подобаетъ всякая слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

Дѣятельныя и Богословскія главы.

1) Вѣра есть (быть готову) умереть Христа ради за заповѣдь Его. въ убѣжденіи, что такая смерть приноситъ жизнь, — нищету вмѣнять въ богатство, худость и ничтожество въ истинную славу и знаменитость, и въ то время какъ ничего не имѣется, быть увѣрену, что всѣмъ обладаешь, — особенно же (она есть) стяжаніе неизслѣдимаго богатства познанія Христа и взираніе на все видимое, какъ на прахъ или дымъ.

2) Вѣра во Христа есть не то только, чтобъ небрежъ о пріятностяхъ жизни, но и то, чтобъ терпѣливо и благодушно переносить всякое находящее искушеніе, въ печаляхъ, скорбяхъ и непріятныхъ случайностяхъ, пока возблаговолитъ Богъ призрѣть на насъ, — подражая Давиду, который говоритъ: *терпя потерпѣхъ Господа и внятъ ми* (Пс. 39, 1). [Т. е., терпя скорби, я уповалъ, что Господь поможетъ мнѣ; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи отъ Него, призрѣлъ на меня и явилъ мнѣ милость свою].

3) Предпочитающіе въ чемъ либо родителей своихъ заповѣди Божіей вѣры во Христа не имѣютъ. Конечно, и собственная совѣсть ихъ обличаетъ ихъ въ такомъ невѣріи, если только совѣсть жива въ нихъ. Ибо истинно вѣрующихъ отличительный знакъ есть ни въ чемъ ни-

когда не преступать заповѣди великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

4) Вѣра во Христа, истиннаго Бога, раждаетъ желаніе вѣчныхъ благъ и страхъ мученій; желаніе же сихъ благъ и страхъ мукъ приводятъ къ строгому исполненію заповѣдей, а строгое исполненіе заповѣдей научаетъ людей глубокому сознанію своей немогущности; это сознаніе истинной немогущности нашей раждаетъ память о смерти; кто же возымѣлъ сію память сожигательницею себѣ, тотъ преболѣзненно взыщетъ узнать, каково будетъ ему по исходѣ и удаленіи изъ сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущемъ, тому прежде всего надлежитъ лишиться себя настоящаго (т.-е. благъ и вещей міра сего). Ибо обладаемый пристрастіемъ къ чему либо изъ сего послѣдствію, даже самому ничтожному, не можетъ стяжать совершеннаго познанія о томъ первомъ. Даже когда бы, по смотрѣнію Божию, вкусилъ онъ сколько нибудь такого познанія, то—если тотчасъ не оставитъ того, пристрастіемъ къ чему одержимъ, и не предастелъ всецѣло стяжанію сего единаго познанія, не позволяя себѣ даже думать о чемъ либо другомъ кромѣ его,—взято будетъ отъ него и это познаніе, какое жнится онъ имѣти.

5) Отреченіе отъ міра и совершенное изъ него удаленіе,—если воспримемъ при семъ и совершенное отрѣшеніе отъ всѣхъ житейскихъ вещей, нравовъ, воззрѣній (принциповъ) и лицъ, съ отверженіемъ тѣла и воли своей въ короткое время великую принесетъ пользу тому, кто съ такимъ жаромъ ревности отрекся отъ міра.

6) Имѣя въ намѣреніи удалиться изъ міра, смотри не вдавай души своей въ плотскія утѣшенія, въ началѣ, пока еще живешь и вращаешься въ мірѣ, хотя бы всѣ сродники и друзья понуждали тебя къ тому. Это имъ демоны внушаютъ, чтобъ погасить теплоту сердца тво-

его, — чрезъ что, если и не воспрепятствуютъ они исполненію твоего намѣренія, то всячески охлаждаютъ и ослабятъ его.

7) Когда ты мужественно будешь отказываться отъ всѣхъ удовольствій житейскихъ и держать себя чуждымъ всякаго утѣшенія, тогда демоны, возбудивъ состраданіе въ родныхъ, заставляютъ ихъ плакать и рыдать о тебѣ предъ лицомъ твоимъ. Что это истинно такъ есть, сіе познаешь изъ того, что, когда ты останешься непоколебимъ и при этомъ искушеніи, то тотчасъ увидишь, какъ родные твои возгорятся яростію и ненавистію противъ тебя, отвратятся отъ тебя какъ отъ врага и смотрѣтъ на тебя хотѣтъ не будутъ.

8) Видя скорбь о себѣ родителей, братьевъ и друзей, посмѣвайся демону, разнообразно сию способомъ противъ тебя вооружающемуся; но поспѣши и удалиться со страхомъ, прилежною докучая Богу молитвою, сподобить тебя поскорѣе достигнуть въ пристанище добраго отца, въ коемъ сей упокоилъ бы душу твою, утружденную и обремененную, ибо житейское море представляетъ много бѣдственнаго и крайне пагубнаго.

9) Желаящій возненавидѣтъ міръ, изъ глубины души долженъ возлюбить Бога, и память о Немъ стяжать непрестанную, ибо ничто другое, какъ сіе, не побуждаетъ съ радостію оставить все и отвращаться отъ того, какъ отъ уметовъ.

10) Ни по благословнымъ, ни по безсловеснымъ причинамъ, не оставайся долго въ мірѣ, но какъ только позванъ будешь, спѣши послушаться. Ибо ничему другому не радуется такъ Богъ, какъ нашей скорости (въ исполненіи воли Его), такъ какъ лучше скорое послушаніе съ бѣдностію, нежели медлительность со множествомъ имѣній.

11) Если міръ и что въ мірѣ преходитъ все, а Богъ

нелѣннень и безсмертенъ; то радуйтесь всѣ, которые ради Его оставили тлѣнное. Тлѣнно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствіе и наслажденіе грѣховное есть тля. Однѣ заповѣди Божіи свѣтъ суть и жизнь, — и такъ всѣми именуются.

12) Если, брате, пламенежъ ревности о спасеніи обрѣтѣнный, бѣгомъ притекъ ты въ киновію, или къ духовному отцу, то, когда будетъ предлагать тебѣ опъ или сподвизающіеся тебѣ братія, бани, или брашна, или другія какія утѣшенія въ упокоеніе плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готовъ (желай, ищи, стремись) къ пощенію, къ злостраданію (произвольнымъ лишеніямъ), къ крайнему воздержанію. Если отецъ твой о Господѣ повелитъ тебѣ дать нѣкое утѣшеніе тѣлу, послушай его, отсѣкая и въ этомъ собственную волю свою; а если нѣтъ, то съ радостію исполняй терпѣливо, что дѣлать произвольно восхотѣлъ ты (т.-е. всячески воздерживаться отъ всего). Соблюдая сіе, будешь всегда во всемъ, какъ постыщійся и воздерживающійся и своей воли по всему отрѣкшійся. И не это только, но и сущій въ сердцѣ твоёмъ пламень, все презирать тебя понуждающій, сохранишь ты неугасимыхъ.

13) Когда демоны, сдѣлавъ все съ своей стороны, не успѣютъ разстроить наше по Богу намѣреніе, или воспрепятствовать исполненію его, тогда привходятъ они въ притворяющихся благочестивыми (братій), и посредствомъ ихъ покушаются воспрепятствовать начавшимъ уже подвизаться, въ добрыхъ подвигахъ ихъ. И въпервыхъ, будто любовію и состраданіемъ подвижныи, совѣтуютъ имъ не чуждаться тѣлесныхъ утѣшеній, чтобъ и тѣло, говорятъ, не изнемогло и самимъ не впасть въ уныніе. Потомъ, вызывая ихъ на бесполезныя бесѣды, цѣлые дни попусту проводить въ нихъ заставляють. Затѣмъ, если кто изъ ревностныхъ послушаетъ ихъ совѣ-

товъ и станетъ подобенъ имъ, то они начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, будто радуясь его гибели; если же не послушаетъ ихъ словъ, но сохранить себя чуждымъ всего, себѣ внимающимъ и бездерзновеннымъ (скромнымъ и робкимъ предъ всѣми), то подвигаются на зависть и вооружаются противъ него, употребляя всѣ способы, чтобъ изгнать его даже изъ монастыря: ибо для безчестнаго тщеславія несносно видѣть, какъ у него предъ глазами хвалятъ истинное смиреніе.

14) Томится болѣзненно тщеславный, видя, какъ смиренный, проливая слезы, и Бога ими умиляетъ и людей подвигаетъ къ невольной похвалѣ.

15) Послѣ того, какъ предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чуждъ всему, что принесъ совнѣ,—вещи ли то какія, или деньги. Почему ничего не дѣлай съ ними безъ его воли и ничего не проси себѣ у него изъ того, ни малаго, ни большаго; развѣ только самъ онъ, по собственному произволенію, или тебѣ велитъ взять что, или собственноручно дать тебѣ то.

16) Безъ воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню изъ принесенныхъ тобою денегъ; но и чрезъ посредника какого не домогайся взять у него что либо изъ нихъ. Ибо лучше быть и именоваться нищимъ и страннымъ, нежели расточать и раздавать бѣднымъ деньги, когда ты еще новоначальный. Все предать въ волю духовнаго отца своего, какъ въ руку Божию, есть дѣло совершенной вѣры.

17) Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебѣ быть палиму жаждою, пока духовный отецъ твой, самъ въ себѣ подвигнуть будучи, не велитъ тебѣ это сдѣлать. Утѣшай себя и нудь во всемъ, угваривая себя такими словами: если хочетъ Богъ и достоинъ будешь напиться, то Онъ откроетъ всеконечно

отцу твоему сказать тебѣ: „напейся“. И тогда напьешься съ чистою совѣстію, хотя бы это было и не во время.

18) Нѣкто, опытомъ познавшій духовную пользу и неложную стяжавшій вѣру, предлагая Бога свидѣтелемъ истины, сказалъ: я положилъ въ себѣ такой помысль, чтобъ никогда не просить у отца моего ни ѣсть ни пить и вообще ничего другаго не принимать, пока Богъ не внушитъ ему приказать мнѣ это. И дѣйствуя такъ, я никогда, говоритъ, не былъ тщетенъ въ надеждѣ моей.

19) Дѣйственную стяжавшій вѣру къ отцу своему по Богу, видя его, мнѣть видѣть самого Христа, и бывая съ нимъ или послѣдуя ему, вѣруетъ несомнѣнно со Христомъ быть и Ему послѣдовать. Таковъ никогда не пожелаетъ бесѣдовать съ кѣмъ либо другимъ, и не предпочтетъ что либо изъ мірскихъ вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше, или что полезнѣе, въ настоящей и въ будущей жизни, того, чтобъ быть со Христомъ? Что прекраснѣе или сладчае созерцанія Его? Если же и бесѣды отъ Него сподобляется кто, то конечно почерпаетъ изъ нея жизнь вѣчную.

20) Благорасположенно любящій тѣхъ, которые его поносятъ и обижаютъ, и причиняютъ ему ущербъ, и молящійся о нихъ въ короткое время достигаетъ великаго преслѣянiя. Ибо когда такъ бываетъ въ чувствѣ сердца, тогда это благонастроеннаго симъ образомъ вводить въ бездну смиренiя и изводитъ изъ него источники слезъ, въ которыхъ погружается вся троечастность души (т.-е., разумная, желательная и раздражительная ея силы),—возводитъ умъ на небо безстрастiя и дѣлаетъ его созерцательнымъ,—вкусенiемъ же тамъшнихъ благъ располагаетъ вмѣнять въ уметы всѣ блага настоящей жизни, и самую пищу и питiе принимать не въ сладость и не такъ часто.

21) Не отъ дѣлъ только злыхъ должно подвижнику

удаляться, но надобно стараться быть свободнымъ и отъ помысловъ и мыслей противныхъ (заповѣдамъ и волѣ Божіей),—и всегда быть заняту въ себѣ душеспасительными и духовными воспоминаніями, пребывая безпопечительнымъ о вещахъ житейскихъ.

22) Какъ тотъ, кто обнажилъ все тѣло свое, если оставить при себѣ глаза свои закрытыми какимъ либо покровомъ и не захочетъ взять свой покровъ и сбросить не можетъ отъ одного этого обнаженія прочаго тѣла видѣть свѣтъ, такъ и тотъ кто оставилъ всѣ свои и вещи и деньги, избавился и отъ самыхъ страстей сихъ, если не освободитъ при себѣ и ока души своей отъ воспоминаній житейскихъ и помышленій худыхъ никогда не увидитъ умнаго свѣта, Господа нашего Іисуса Христа и Бога.

23) Что покровъ, на глаза наложенный, то помыслы мірскіе и воспоминанія житейскія для ума, или ока души. До тѣхъ поръ, пока попустимъ имъ быть, ничего не увидимъ; когда же изгонимъ ихъ памятію о смерти, тогда узримъ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человека, грядущаго въ міръ.

24) Кто слѣпъ отъ рожденія, тотъ не можетъ знать силу пищемага, ни вѣрить тому; но если онъ когда либо сподобится прозрѣть, то станетъ сосвидѣтельствовать, что пишее и читаемое истинно.

25) Видящій чувственными очами знаетъ, когда бываетъ день и когда ночь, а слѣпой не знаетъ ни того, ни другаго. И духовно прозрѣвшій, и зрящій умными очами, если послѣ того, какъ повидитъ истинный и незаходимый свѣтъ, по нерадѣнію и безпечности, опять возвратится къ прежнему ослѣпленію и лишится свѣта, то, находясь въ благочувствіи, добръ чувствуетъ лишеніе сего свѣта, того; и отъ чего случилось съ нимъ такое лишеніе, не невѣдаетъ; но пребывающій отъ рож-

денія слѣпымъ (духовно) ничего такого не знаетъ ни по опыту, ни по дѣйству, — развѣ слухомъ что услышитъ и узнаетъ о томъ, чего никогда не видалъ, и станетъ рассказывать о томъ другимъ, хотя ни онъ, ни слышащіе ничего вѣрно не знаютъ о тѣхъ вещахъ, о коихъ разговариваютъ.

26) Невозможно и плоть наполнять досыта брашнями, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо въ какой мѣрѣ кто работаетъ чреву, въ такой лишаетъ себя вкушенія духовныхъ благъ; напротивъ, въ какой мѣрѣ кто станетъ утончать тѣло свое, соразмѣрно съ тѣмъ будетъ насыщаемъ пищею и утѣшеніемъ духовными.

27) Оставимъ все земное, — не богатство только и золото, и другія вещи житейскія, но и самое похотѣніе къ нимъ совершенно изгонимъ изъ душъ нашихъ. Возненавидимъ не только удовольствія тѣла, но и безсловесныя движенія его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами: ибо чрезъ него возбуждаются похоти и приводятся въ дѣло. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бываетъ мертвою, — труднодвижною, или и совсѣмъ неподвижною на всякую заповѣдь Божию.

28) Какъ пламень огня всегда поднимается вверху, особенно когда станешь ворочать вещество, въ которомъ возгорѣлся и горитъ огонь; такъ и сердце тщеславнаго не можетъ смиряться. Но какъ только скажешь ему что для его пользы, онъ болѣе и болѣе воздымается; если его обличаютъ и врааумляютъ, онъ противорѣчитъ сильно; если хвалятъ и привѣчаютъ, онъ напыщается злѣ.

29) Человѣкъ, научившійся противорѣчить, самъ для себя есть обоюду острый мечъ: онъ убиваетъ душу свою, не сознавая того, и дѣлаетъ ее чуждою жизни вѣчной.

30) Противорѣчивый подобенъ тому, кто произвольно

предается противникамъ царя своего, врагамъ. Противорѣчіе есть удочка, имѣющая затравую правословіе (защиту правды, себя-оправданіе, самозащиту), которымъ будучи прельщаемы, проглатываемъ мы удочку (крючокъ удильный) грѣха. Такъ обыкновенно похищается такая бѣдная душа за языкъ и гортань духами злобы. И то воздымается горѣ, то погружается въ хаотическую бездну грѣха и осуждается вмѣстѣ съ ниспадшими съ неба.

31) Кто, будучи безчестимъ или досаждаемъ, сильно болитъ отъ этого сердцемъ, о томъ вѣдомо да будетъ изъ сего, что онъ носитъ древняго змія въ ядрахъ своихъ. Если онъ станетъ молча переносить наносимое ему, или противоотвѣчать съ великимъ смиреніемъ, то сдѣлаетъ сего змія немощнымъ и разслабленнымъ (и совсѣмъ убьетъ). А если будетъ проговорѣть съ горечью и говорить съ дерзостію, то станетъ придавать силы змію—изливать ядъ въ сердце свое и немилосердо пожирать внутренности свои; такъ что змій тотъ, будучи такимъ образомъ каждодневно усиливаемъ, поглотитъ, наконецъ, самое намѣреніе бѣдной души его исправить себя и держать исправною въ добрыхъ порядкахъ жизни, и силу къ тому отиметь. И станетъ таковъ послѣ сего жить грѣху и совсѣмъ мертвымъ быть правдѣ.

32) Если захочешь отречься отъ міра и научиться евангельскому житію, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтобъ вмѣсто евангельскаго діавольскому не научиться житію. Ибо у добрыхъ учителей и уроки бызаютъ добрые, а у худыхъ—худые; отъ худыхъ же сѣмень и произрастенія бывають всегда худыя.

33) Молитвами и слезами умоли Бога послать тебѣ руководителя безстрастнаго и святаго. Изслѣдуй и самъ Божественныя Писанія, и особенно дѣятельныя писанія св. отцевъ; чтобъ, съ ними сличая то, чему учать тебя

учитель и настоятель, могъ ты, какъ въ зеркалѣ, видѣть. насколько они согласны между собою,—и затѣмъ согласное съ писаніями усвоить и удерживать въ мысли, а несогласное—разсудивъ добрѣ—отлагать, чтобъ не прельститься. Ибо знай, что во дни сіи много явилось прелестниковъ и лжеучителей.

34) Всякій невидящій (слѣпой духовно), если беретсѣ руководить другихъ, есть прелестникъ, и послѣдующихъ ему ввергаетъ въ ровъ пагубы, по слову Господа: *слѣпецъ слѣпцыи аще водить, оба въ яму впадутъ* (Мѡ. 15, 14).

35) Слѣпой въ отношеніи къ одному (Богу), слѣпъ и весь въ отношеніи ко всему; и видящій въ единомъ (Богѣ) въ видѣніи есть всего; между тѣмъ онъ и отстоитъ отъ видѣнія всего, и бываетъ въ видѣніи всего, и есть въѣ всего видимаго. Будучи такъ въ Единомъ, видитъ онъ все, и во всемъ будучи, не видитъ ничего изъ всего. Видя во Единомъ, чрезъ Него видитъ и себя, и все, и всѣхъ; и будучи сокрытъ въ Немъ, ничего изъ всего не видитъ.

36) Кто во внутреннемъ своемъ умномъ или духовномъ челоѣкъ не облеченъ въ образъ Господа нашего Иисуса Христа, небеснаго челоѣка и Бога, съ чувствомъ и сознаниемъ, тотъ кровь только есть и плоть, и не можетъ посредствомъ слова только воспріять чувство духовной славы, подобно тому; какъ и слѣпые отъ рожденія не могутъ познать, что такое есть свѣтъ солнца, изъ словъ только о немъ;

37) Кто слышитъ такъ, и видитъ, и чувствуетъ, тотъ знаетъ силу того, что говорится, какъ уже облекшійся во образъ небеснаго и пришедшій *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). Будучи таковымъ, можетъ онъ добръ руководить на пути заповѣдей Божіихъ и стадо Христово. А кто не знаетъ этого и не таковъ есть, въ томъ, очевидно, чувства души

непросвѣщены и нездравы. И ему гораздо лучше быть руководиму, нежели руководить съ опасностію для другихъ и себя.

38) Напряженно внимающій своему учителю и руководителю, какъ Богу, противорѣчить не можетъ. Кто думаетъ и говоритъ, что имѣетъ то и другое (т.-е., что онъ и внимаетъ отцу своему, какъ Богу, и противорѣчить), тотъ да вѣдаетъ, что находится въ заблужденіи: ибо не знаетъ, какое расположеніе къ Богу имѣютъ люди Божіи.

39) Кто вѣруетъ, что въ рукѣ пастыря его находится его жизнь и смерть, тотъ никогда не воспротиворѣчитъ. Невѣдѣніе же сего раждаетъ прекословіе, причиняющее духовную и вѣчную смерть.

40) Пока не состоится рѣшеніе надъ подсудимымъ, ему дается слово самооправданія,—говорить судѣ о томъ, что надѣлалъ; по раскрытіи же дѣлъ его и произнесеніи надъ нимъ рѣшенія судіи, онъ уже ни мало, ни много не противорѣчитъ тѣмъ, кои наказываютъ его (во исполненіе приговора).

41) Прежде чѣмъ вступить монахъ въ это судилище (покаянія—монастырь) и откроетъ лежащее на сердцѣ его, можетъ быть можно ему говорить что противъ, одно по невѣдѣнію, другое по замышленію скрыть инья свои дѣла. По открытіи же и искренней исповѣди своихъ помысловъ, уже нельзя ему никогда противорѣчить своему по Богу судѣ и владыкѣ, даже до смерти. Ибо монахъ, вступившій въ сіе судилище и въ началѣ обнажившій сокровенности сердца своего, съ самыхъ начатковъ жизни здѣсь восить, если имѣетъ здравый смыслъ, убѣжденіе, что онъ достоинъ безчисленныхъ смертей, но вѣруетъ, что чрезъ свое послушаніе и смиреніе избавится отъ всякаго мученія и наказанія, если, конечно, истинно знаетъ силу таинства сего.

42) Кто неизгладимо сохраняет сіе въ умѣ своемъ, тотъ никогда не подвигнется сердцемъ на недолжное, когда его учать, вразумляютъ и обличаютъ. Ибо впадающій при семъ въ пагубный грѣхъ прекословія и невѣрія духовному отцу своему и учителю, еще живой бѣдственно низводится въ глубину ада, и становится жилищемъ сатаны и всего его нечистаго воинства, какъ непокоривый сынъ погибели.

43) Умоляю тебя, взявшаго на себя иго послушанія, часто обращать сіе въ мысли своей и со всякимъ стараніемъ подвизаться, чтобъ не попасть, какъ сказано, въ адъ на муки вѣчныя; но всякой день такъ молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческихъ, имѣющій власть надъ всякимъ дыханіемъ и всякою душею, Единъ могущій уврачевать меня, услыши моленіе мое, и гнѣздящагося во мнѣ бѣдномъ змія, наитіемъ всесвятаго Духа Твоего, умертвивъ, истреби. Научи и настрой меня нищаго и обнаженнаго отъ всякой добродѣтели, припадать къ стопамъ отца моего, и его святую душу расположи къ состраданію и милостивости ко мнѣ. Даруй, Господи, смиреніе въ сердце мое и помыслы, подобающіе грѣшнику, положившему каяться Тебѣ. Не остави въ конецъ душу, единожды сочетавшуюся Тебѣ, Тебя исповѣдавшую, Тебя вмѣсто всего міра избравшую и всему предпочетшую. Ты вѣдаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злыи обычай мой полагаетъ тому препятствіе. Но Тебѣ, Владыко, возможно все, невозможное для людей.

44) Тѣ, которые во дворѣ благочестія со страхомъ и трепетомъ положили доброе основаніе вѣры и надежды, и ноги свои незыблемо утвердили на камнѣ послушанія духовнымъ отцамъ, слушая заповѣдуемое ими, какъ изъ устъ Божиихъ, и, на семъ основаніи послушанія безъ колебаній въ смиреніи души устрояя исполненіе того—

скоро преуспѣваютъ. И исправляется въ нихъ великое и первое дѣло, состоящее въ томъ, чтобъ отвергнуться себя самихъ. Ибо исполненіе чужой, а не своей воли не только самоотверженіе душевное укореняетъ, но и умертвіе всему міру производить.

45) Тому, кто прекословитъ отцу своему, сорадуются демоны; тому же, кто даже до смерти смиряется предъ нимъ, удивляются Ангелы. Ибо таковой дѣло Божіе совершаетъ, уподобляясь Сыну Божію, который исполнилъ послушаніе Отцу своему даже до смерти, смерти же крестныя.

46) Безмѣрное и безвременное сокрушеніе сердца о чемъ либо чувственномъ омрачаетъ и возмущаетъ умъ. Оно изгоняетъ изъ души чистую молитву и умиленіе, а всаждаетъ въ нее болѣзненное томленіе сердечное. Отсюда жесткость и нечувствіе безмѣрное; а чрезъ это демоны обыкновенно отчаяніе наводятъ на взявшихся жить духовно.

47) Когда случится съ тобою такое, монаше, ты же между тѣмъ находишь въ душѣ своей ревность и великое желаніе совершенства, такъ что сильно стремишься исполнить всякую заповѣдь Божію, не погрѣшить даже въ праздномъ словѣ, и нисколько не отстать отъ древнихъ святыхъ, ни въ дѣяніи, ни въ вѣдѣніи, ни въ созерцаніи, но видишь, что тебѣ препятствуетъ въ этомъ врагъ, всѣвая плевелы малодушія и не попуская тебѣ воспарить на такую высоту святости, тѣмъ, что наводитъ расслабленіе, чрезъ возметаніе помысловъ страшливыхъ такими внушеніями: невозможно тебѣ спастись среди міра и неопустительно исполнять всѣ заповѣди Божіи; тогда ты, сѣдши въ уголь, одиноко, сожмись и собери помыслы свои,—и дай благой совѣтъ душѣ своей, сказавъ ей: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся*

Ему. Спасеніе лица моего не дѣла мои, а Богъ мой есть (Псал. 41, 6). Кто оправдится отъ дѣлъ закона? И Царепророкъ говоритъ: *неоправдится предъ Тобою всякъ живой* (Пс. 142, 2). Но вѣрую, какую имѣю въ Бога моего, надѣюсь спасеннымъ быть по неизреченному благоутробію Его даромъ. Ступай прочь съ глазъ моихъ сатана! Господу Богу моему поклоняюсь и отъ юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же отъ меня. Богъ, создавшій меня по образу и подобию своему, да сокрушитъ тебя.

48) Богъ отъ насъ человѣковъ не требуетъ ничего другаго, кромѣ одного того, чтобъ мы не грѣшили. Но это не есть исполненіе закона, а только ненарушимое храненіе образа и горняго достоинства, въ коихъ стоя по естеству и нося свѣтло-осіянную одежду Духа, мы пребываемъ въ Богѣ и Онъ въ насъ, бываемъ по благодати богами и сынами Божиими, и знаменуемся свѣтомъ познанія Бога (по слову: *знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи.* Пс. 4, 7).

49) Разслабленіе и тягота тѣлесная, прибывающія въ душу отъ лѣности и нерадѣнія, отбиваютъ отъ обычнаго правила и производятъ омраченіе ума и малодушіе. Откуда почасту появляться начинаютъ въ сердцѣ помыслы страхованія и хулы, и искушаемый демономъ разслабленія и унынія нерѣдко отъ робости не можетъ войти въ обычное мѣсто молитвы и предается лѣности, а нерѣдко испытываетъ нападki неумѣстныхъ помышлений о Творцѣ всяческихъ. Итакъ, зная причину, откуда это тебѣ нашло, постѣвши войти въ обычное мѣсто молитвы твоей и падши предъ человѣколюбивымъ Богомъ, молись со стenanіями сердечными, въ сокрушеніи и слезахъ, испрашивая избавленія отъ тяготы разслабленія и унынія, и отъ помысловъ злыхъ. И скорѣ дано бу-

дети тебѣ освобожденіе отъ нихъ, если будешь толкать (въ двери милосердія Божія) притрудно и неотступно.

50) Кто стяжалъ чистое сердце, тотъ побѣдилъ страхованіе. А кто еще очищаетъ его, тотъ иногда побѣждаетъ его, а иногда самъ бываетъ побѣжденъ имъ. Кто же совсѣмъ не подвизается (о сей чистотѣ), тотъ *или* всеконечно, ниспалъ въ состояніе нечувствія и, какъ другъ страстей и бѣсовъ, при тицеславіи болѣзнуя еще и самоуниженіемъ, *мнитъ себе быти что, ничтоже сый* (Гал. 6, 3),—*или* есть рабъ, преданный въ руки страхованія, и, какъ младенчествующій умомъ, трепещетъ и боится страха тамъ, гдѣ для боящихся Бога нѣтъ страха, ни страхованія.

51) Боящійся Бога не боится устремленія противъ него бѣсовъ, ни ихъ немощныхъ нападеній, равно какъ и угрозъ злыхъ людей, но, будучи весь какъ пламень нѣкій и огонь палящій, когда даже проходитъ по скрытымъ и неосвѣщеннымъ мѣстамъ, обращаетъ въ бѣгство демоновъ, которые больше, чѣмъ онъ отъ нихъ, бѣгутъ отъ него, чтобъ не быть опаленными отъ исходящаго изъ него пламеневиднаго луча божественнаго огня.

52) Кто проникнуть страхомъ Божиимъ, тотъ не боится обращаться среди злыхъ людей. Имѣя внутри себя страхъ Божій и нося непобѣдимое оружіе вѣры, онъ силенъ бываетъ на все и можетъ дѣлать даже то, что многимъ кажется труднымъ и невозможнымъ. Онъ ходитъ среди ихъ, какъ гигантъ среди обезьянокъ, или левъ, рыкающій среди псовъ и лисицъ, уповая на Господа, твердостію мудрованія своего изумляетъ ихъ, ужасаетъ смыслы ихъ, поражая ихъ словомъ премудрости, какъ жезломъ желѣзнымъ.

53) Не только безмолвникъ, или послушникъ, но и игумень, настоятель надъ многими,—и онъ, все устроая, долженъ быть безпечаленъ, т.-е. свободенъ отъ печаль-

ной заботы о житейскихъ потребностяхъ. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками заповѣди Божіей, которая говоритъ: *не печетесь душою вашею, что ясте, или что пьете, или во что облечетесь, встѣхъ бо сѣхъ языцы ищутъ* (Мѡ. 6, 25. 32).—И еще: *зрите, да не когда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и пѣнствомъ и нечашами житейскими* (Лук. 21, 34).

54) У кого помысль занять попеченіемъ о житейскихъ вещахъ, тотъ несвободенъ: ибо попеченіе объ нихъ держитъ его въ своихъ рукахъ и дѣлаетъ рабомъ своимъ, для себя ли онъ заботится о нихъ, или для другихъ. Свободный же отъ сего ни для себя, ни для другихъ не печется о житейскомъ, будь онъ епископъ, или діаконъ, или игуменъ. Но и праздный онъ никогда не бываетъ и ни о чемъ, даже самомъ послѣднемъ и ничтожномъ, никакого небреженія не оказываетъ; а богоугодно все дѣлая и устроая, о всемъ безпечаленъ пребываетъ,—и это на всю жизнь.

55) Смотри не разори своего дома, желая построить домъ ближняго. Трудное это дѣло и неудобъ исполнимое; почему поопасись, какъ бы не случилось, что взявшись за это, ты свой домъ разорить разоришь. но и того домъ построить отяудъ не можешь.

56) Если не стяжалъ ты совершеннаго безпристрастія къ житейскимъ вещамъ и деньгамъ: то не желай, чтобъ тебѣ поручена была экономія (смотрѣніе за этими вещами и распоряженіе ими по обители); чтобы не быть плѣннну ими, и вмѣсто воздаянія за трудъ служенія обители, не подпасть осужденію за воровство и святотатство. Если же будешь принужденъ настоятелемъ взять сіе дѣло: то води его такъ, какъ бы ты обращался съ палящимъ огнемъ. Разстроивай и самый первый прилогъ помысла (о чуждоприсвоеніи) исповѣдію и покаяніемъ, и молитвою настоятеля сохраненъ будешь невредимымъ.

57) Не сдѣлавшійся безстрастнымъ не знаетъ даже, что есть безстрастіе, и не вѣрить, чтобъ былъ кто либо такою на землѣ. Ибо тому, кто самъ не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощилъ за эту, воистину блаженную, жизнь,—какъ подумать, что другой кто сдѣлалъ это, чтобъ стяжать безстрастіе? Такимъ же образомъ и тотъ, кто мнится имѣти Духа Святаго, ничего не имѣя, когда слышитъ, что дѣйствія Духа Святаго явно познаваемы бываютъ въ тѣхъ, кои имѣютъ Его, никакъ тому не вѣрить, равно какъ и тому, что есть кто либо и въ настоящемъ родѣ равный Апостоламъ Христовымъ и всѣмъ отъ вѣка святымъ, подобно имъ движимый и воздѣйствуемый Божественнымъ Духомъ, или въ видѣніи Его бывающій, съ сознаніемъ того и чувствомъ. Ибо всякій по собственному своему состоянію судить и о томъ, что касается ближнихъ,—по тому. т. е., каковъ самъ, по добродѣтели ли сказать, или по грѣхамъ.

58) Иное есть безстрастіе души и иное безстрастіе тѣла. То (душевное) и тѣло освящаетъ своимъ собственнымъ сіяніемъ и свѣтоизліаніемъ Духа; а это одно само по себѣ ни на что не полезно для того, кто стяжалъ его.

59) Какъ тотъ, кто изъ послѣдней бѣдности обогащенъ царемъ и возведенъ въ свѣтлый санъ, облеченъ имъ въ блестящее одѣяніе, и опредѣленъ стоять предъ лицемъ его,—и самого царя съ вождѣніемъ видитъ и какъ благодѣтеля чрезмѣрно любить, и на одѣяніе, въ кое облеченъ, весело смотреть, и санъ свой сознаетъ, и данное ему богатство знаетъ: такъ и монахъ, который, истинно, оставивъ міръ и все мірское, приступилъ ко Христу, и влекомъ будучи добрыми чувствами, восшелъ на высоту духовнаго созерцанія чрезъ исполненіе заповѣдей,—и самаго Бога непрелестно созерцаетъ, и совер-

пившееся въ немъ измѣненіе ясно видитъ. Ибо всегда видитъ осіявающую его благодать Св. Духа, именуемую и одѣянiемъ, и царскою багряницею,—чѣмъ наипаче для вѣрующихъ есть самъ Христосъ Господь, такъ какъ вѣрующіе въ Него, облакаются въ Него.

60) Многіе сами читаютъ Божественныя Писанія, другіе слушаютъ читающихъ оныя; но немногіе бываютъ въ силахъ правильно уразумѣть значеніе и смыслъ читаемаго. Иные полагаютъ, что читаемое въ Писаніяхъ Божественныхъ—невозможно; иные, почитая прямой смыслъ пишемаго неудобопріемлемымъ, берутся истолковывать то по своему, и истолковываютъ злѣ. Что сказано о настоящемъ времени, о томъ судятъ, что оно будетъ имѣть мѣсто въ будущемъ; а что сказано о будущемъ, то понимаютъ, какъ бывшее уже, или сбывающееся каждый день. Такимъ образомъ, у нихъ нѣтъ правильного сужденія и истиннаго распознанія отличій въ вещахъ божескихъ и человѣческихъ.

61) На всѣхъ вѣрныхъ должны мы смотрѣть, какъ на одного, и думать, что въ каждомъ изъ нихъ пребываетъ Христосъ, и такое любовное имѣть къ нему расположеніе, чтобъ быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно намъ говорить или думать, что кто-либо золъ, но всѣхъ видѣть добрыми, какъ сказано. Хотя увидишь кого боримымъ страстями, не брата, а страсти ненавидь, борющія его. А когда увидишь такого, надъ которымъ тиранствуютъ похоти и недобрыя привычки, имѣй къ нему еще большее состраданіе, чтобъ иначе и самому не быть искушену подобно ему,—какъ измѣнчивому и состоящему подъ вліяніемъ измѣнчиваго вещества.

62) Если кто фальшивъ отъ лицемерія, или по дѣламъ виновенъ, или немного узвлень какою либо страстію, или нѣсколько неисправенъ въ какомъ либо отно-

шеніи по нерадѣнію: то такой не пріемлется въ число исправныхъ во всемъ, но какъ непотребный и неискusstный на доброе, отметається, чтобы онъ не произвелъ разрыва въ союзѣ, которому должно пребывать неразрывнымъ, и раздѣленія между тѣми, которые должны пребывать нераздѣльными, тѣхъ и другихъ ввергнувъ въ печаль,—такъ какъ тѣ, кои впереди (преуспѣваютъ), станутъ болѣзненно печалиться о тѣхъ, кои позади ихъ, а сіи — о разлученіи съ тѣми, кои упредили ихъ.

Примѣчаніе. Переводъ дѣлается по тексту греческаго Добротолюбія. Мѣсто темно. Новогреческій переводъ дѣлаетъ ему такой перифразъ, со — *чтобы*: „чтобы не сдѣлалъ онъ того, что связь цѣли расторгнется, когда ее натянуть, т.-е., чтобы не причинилъ онъ расторженія единенія братій въ то время, когда они владутся въ большіе подвиги добродѣтелей, не произвелъ раздѣленія между братіями, которые должны пребывать нераздѣльными, и не сталъ причиною печали для обѣихъ частей, такъ какъ тѣ, которые идутъ впереди, т.-е., преуспѣваютъ въ добродѣтели, станутъ печалиться о тѣхъ, кои оказались позади, а оставшіеся назади станутъ печалиться о разлученіи съ первыми“.

63) Какъ тотъ, кто на пламень разженной печи набрасываетъ земли, угашаетъ оный, такъ и житейскія попеченія и всякій видъ пристрастія къ чему либо, даже послѣднему и ничтожному, истребляетъ возжегшуюся въ началѣ теплоту сердца.

64) *) Кто съ радостію и съ совершеннымъ чувствомъ отрекся отъ всего внѣшняго, отъ вещей, разумію и людей, и забылъ все сіе, преходя, какъ стѣну, всякое пристрастіе къ тому (оставляя позади себя): тотъ чуждъ міра и всего, что въ мірѣ, и, въ собранности держа умъ

*) Сего пункта нѣтъ въ Греч. и Слав. Добротолюбіи.

свой, въ одномъ поучается всегда—въ памяти и помысленіи о смерти. Почему и печется всегда о томъ, что касается суда и воздаянія, весь плѣненъ бываетъ симъ и, какъ узами, окованъ, вѣдряя неизреченный страхъ въ сердце свое такими помыслами и углубленіемъ въ нихъ.

65) *) Кто вселитъ во глубинѣ сердца своего страхъ суда, тотъ является на зрѣлищѣ міра, какъ нѣкій осужденникъ, закованный въ цѣпи. Почему пребываетъ объять страхомъ, какъ бы былъ схваченъ палачемъ немилостивымъ и влекомъ на мѣсто казни, не думая ни о чемъ другомъ, кромѣ страданій и терзаній, какія имѣетъ претерпѣть отъ мукъ въ вѣчномъ огнѣ. Это чувство мукъ хранится неизгладимо въ сердцѣ его страхомъ, породившимъ его, и (вмѣстѣ съ нимъ) не даетъ ему заботиться о чемъ либо человѣческомъ; такъ какъ онъ всегда находится въ такомъ состояніи, какъ бы былъ повѣшенъ на крестъ и чувствовалъ во всей силѣ болѣзни и страданія крестной смерти,—что и не попускаетъ ему ни внимать лицу чьему либо, ни думать о чести, или безчестіи человѣческихъ. Отъ всей души почитая себя достойнымъ всякаго презрѣнія и безчестія, и вниманія не обращаетъ онъ на поношенія и униженія, какія ему дѣлаютъ.

66) **) Всякимъ яствомъ и питіемъ и украшеніемъ глушается чреватый страхомъ смерти; и въ удовольствіе ни хлѣба не ѣстъ, ни воды не пьетъ, доставляя тѣлу только потребное, сколько нужно для поддержанія жизни; всякой воли своей отвергается и бываетъ разсудительнымъ рабомъ, исполняя все, что ни приказываютъ ему.

67) Предавшій себя въ рабы своимъ по Богу отцамъ

*) Сего нѣтъ въ Греч. и Слав. Добротолюбіи.

**) Въ Доброт. Гр. и Сл. 64; 67-й здѣшній, тамъ 65... и т. д.

жится въ радость, которая сдѣлается въ немъ живымъ ключемъ или бьющимъ источникомъ, источающимъ всегда чувственно рѣки слезъ, а духовно—тишину, кротость и неизреченное услажденіе, но при этомъ — и мужество съ готовностію свободно и невозбранно теши ко всякому исполненію заповѣдей Божіихъ, что для новоначальныхъ еще невозможно, а свойственно возшедшему къ срединѣ преуспѣянія; для тѣхъ же, кои подходятъ къ совершенству, источникъ сей бываетъ свѣтомъ при внезапномъ измѣненіи и преложеніи сердца.

70) Имѣющій въ себѣ свѣтъ Всесвятаго Духа, не въ силахъ бывая стерпѣть зрѣніе Его, падаетъ на землю ницъ, вызываетъ и вопіетъ въ ужасъ и страхъ великомъ, какъ увидѣвшій и испытавшій нѣчто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бываетъ онъ подобень челоѣку у котораго отъ чего нибудь возгорѣлись внутренности огнемъ, отъ котораго жегомый и жженія пламени не могли терпѣть, становится онъ весь измученнымъ и совсѣмъ неимѣющимъ силы быть въ себѣ. Но, будучи непрестанно орошаемъ слезами и ими прохлаждаемъ, еще сильнѣе воспламеняется онъ огнемъ желанія божественнаго, а отъ этого слезы еще обильнѣе у него текутъ, и онъ, будучи омываемъ изліаніемъ ихъ, еще блистательнѣе сіяетъ. Когда же, весь разжегшись, станетъ онъ, какъ свѣтъ, тогда исполняется на немъ сказанное (Богословомъ): „Богъ съ богами соединяемъ и ими познаваемъ“ (такъ Богъ соединяется съ обожаемыми отъ Него и Его познающими), — и притомъ въ такой, можетъ быть, степени (исполняется сіе на немъ), въ какой соединился онъ уже съ Сочетавшимися съ нимъ и въ какой оказался познавшимъ Его.

71) Прежде плача и слезъ, — никто да не прельщаетъ насъ пустыми словами, и сами себя да не прельщаемъ, — нѣтъ въ насъ покаянія, ни истиннаго намѣренія пере-

мѣняться, ни страха Божія въ сердцахъ нашихъ: не сознали еще мы себя виновными и не осудили и душа наша не была еще въ чувствѣ будущаго суда и вѣчныхъ мукъ. Ибо еслибъ мы осудили себя, еслибъ возымѣли такія движенія сердца, еслибъ были въ такихъ чувствахъ, то тотчасъ извели бы и слезы. Безъ этого же ни жестокосердіе наше никакъ не можетъ умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смиреніе, ни мы не въ силахъ сдѣлаться смиренными. А кто не таковъ, тотъ не можетъ соединиться съ Духомъ Святымъ; не соединившійся же съ Нимъ чрезъ очищеніе себя отъ всего страстнаго, созерцанія Бога и Боговѣднія сподобиться не можетъ, и недостойныя сокровенно научаемымъ быть добродѣтелямъ смиренія.

72) *) Сначала отъ плача по Богу бываетъ смиреніе; отъ него приходятъ потомъ радость и веселіе неизреченныя; окрестъ же смиренія по Богу вырастаетъ надежда спасенія. Ибо чѣмъ кто грѣшнѣйшимъ всѣхъ людей считаетъ себя отъ всей души, тѣмъ болѣе вмѣстѣ съ смиреніемъ разрастается въ немъ надежда, цвѣтетъ внутри сердца его и исполняетъ его удостовѣреніемъ, что онъ несомнѣнно имѣетъ быть спасенъ посредствомъ смиренія.

73) Чѣмъ болѣе кто нисходитъ въ глубину смиренія и осуждаетъ себя самого, какъ недостойнаго спасенія, тѣмъ болѣе плачетъ и изводитъ источники слезъ; по мѣрѣ слезъ и плача источается въ сердцѣ его духовная радость, а вмѣстѣ съ нею соисточается и свозрастаетъ надежда и даетъ вѣрнѣйшее удостовѣреніе во спасеніи.

74) Всякому надлежитъ разсматривать себя и внимать себѣ разумно, чтобъ ни на надежду одну не полагаться безъ плача по Богу и смиренія, ни, опять на смиреніе

*) Сего — цѣтъ въ Греч. Добротолѣбіи и слѣдующихъ до 78.

и слезы не полагаются безъ послѣдованія имъ надежды и радости духовной.

75) Есть мнимое смиреніе, происходящее отъ нерадѣнія и лѣности и отъ сильнаго осужденія совѣсти. Возимѣвшіе его нерѣдко почитаютъ его виною спасенія; но оно не есть таково воистинѣ, потому что не имѣетъ радостотворнаго плача, который бы соединенъ былъ съ нимъ.

76) Бываетъ и плачь безъ духовнаго смиренія, и тѣ, которые плачутъ такимъ образомъ, тоже думаютъ, что такой плачь очищаетъ грѣхи; но они тщетно обманываютъ себя, потому что лишены бываютъ сладости Духа, таинственно поражающей въ мысленномъ сокровищехранищѣ души, и не вкушаютъ благодати Господа. Почему таковыя скоро воспламеняются гнѣвомъ и не могутъ совершенно презрѣть міра и то, что въ мірѣ. А кто не презритъ сего совершенно и не стяжетъ ненависти къ сему отъ всей души, тотъ никогда не возможетъ стяжать твердую и несомнѣнную надежду спасенія, но всегда влается сомнѣніемъ туда и сюда, такъ какъ не основалъ надежды своей на камнѣ.

77) Плачь двоякое имѣетъ дѣйствіе: и, какъ вода, погашаетъ слезами весь пламень страстей и омываетъ душу отъ скверны, причиняемой ей ими; и опять, какъ огонь, присутствіемъ Святаго Духа животворить, согрѣваетъ и обогняетъ сердце и воспламеняетъ въ немъ любовь и вожделѣніе къ Богу.

78) Внимай себѣ и познай дѣйствія, происшедшія въ тебѣ отъ смиренія и плача, и замѣчай, какую пользу приносятъ они тебѣ каждый часъ. Въ новоначальныхъ же и такая еще бываетъ отъ нихъ польза, — отверженіе всякой земной заботы и пристрастія и отреченіе отъ всѣхъ людей, — родителей, родныхъ и друзей, — безпонеченіе и

презрѣніе всѣхъ вещей,—денегъ и всего, не только до послѣдней нитки, но даже и до самого тѣла своего.

79) *) Притворяющихся добродѣтельными и иными являющихся по внѣшнему виду, иными же бывающихъ по внутреннему челоуѣку,—исполненныхъ иной разъ всякой неправды, полныхъ зависти, рвенія и зловонія сластей чувственныхъ,—многіе почитаютъ, какъ безстрастныхъ и святыхъ, имѣя неочищеннымъ око души (чтобъ познать ихъ прямо) и не въ состояніи будучи познать ихъ по плодамъ ихъ; а тѣхъ, которые живутъ въ благоговѣнствѣ, добродѣтели и прѣстотѣ сердца, и суть воистину святы. не отличаютъ отъ прочихъ людей, мимоходятъ ихъ съ небреженіемъ и вѣняють ни во что.

80) Говоруна и показливаго такіе почитаютъ болѣе учительнымъ и духовнымъ; а молчаливаго и блюдущагося отъ празднословія почитаютъ дикаремъ, необразованнымъ и безгласнымъ.

81) Отъ того, кто говоритъ въ Духѣ Святомъ, высокоумные и недугующіе діавольскою гордынею отвращаются, какъ отъ высокоумнаго и горделиваго, будучи словами его паче поражаемы, чѣмъ приводимы въ умиленіе и сокрушеніе; а того, кто мелетъ, какъ жерновъ, и говоритъ отъ чрева своего или по наукѣ, хвалятъ и принимаютъ, хотя онъ о дѣлѣ спасенія все лживо толкуетъ. Такимъ образомъ, между такими нѣтъ никого, кто бы могъ добръ и какъ есть на самомъ дѣлѣ, распознать и видѣть (людей или дѣло спасенія).

82) *Блаженіи*, говоритъ Богъ, *чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрятъ* (Мѣ. 5, 8). Чистымъ же сердце дѣлають не одна, не двѣ, не десять добродѣтелей, а всѣ вмѣстѣ, слившись, такъ сказать, во едину добродѣтельность, достигшую послѣднихъ степеней совершенства.

*) Въ Греч. и Слав. Добротолубіи 70.

Однакожь и въ такомъ случаѣ добродѣтели—однѣ не могутъ сдѣлать сердца чистымъ, безъ воздѣйствія и присѣщенія Духа Святаго. Ибо какъ ковачь, какъ бы искусно ни умѣлъ онъ дѣйствовать орудіями, ничего не можетъ сработать безъ содѣйствія огня, такъ и человѣкъ пусть все дѣлаетъ съ своей стороны (для очищенія сердца), пользуясь для сей цѣли добродѣтелями, какъ орудіями, но безъ присѣщенія огня Духа, все дѣлаемое имъ останется бездѣйственнымъ и бесполезнымъ для его цѣли, такъ какъ это—одно—не имѣетъ силы очищать нечистоту и скверну души.

83) Въ божественномъ крещеніи мы получаемъ отпущеніе прегрѣшеній, освобождаемся отъ прародительской клятвы и освящаемся наитіемъ Святаго Духа; но совершенную благодать, какъ она означается въ словахъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (1 Кор. 6, 16),—не тогда получаемъ. Ибо это есть достояніе совершенно утвержденныхъ въ вѣрѣ и доказавшихъ ее дѣлами. Если же мы по крещеніи уклонимся на скверныя и злыя дѣла, то совершенно теряемъ и самое освященіе. И уже поканіемъ, исповѣдію и слезами, соотвѣтственно дѣламъ, получаемъ опять сначала отпущеніе прегрѣшеній, а потомъ и освященіе вышею благодатію.

84) Чрезъ поканіе совершается отмытіе скверны прежнихъ непотребныхъ дѣлъ, а послѣ такого очищенія бываетъ причастіе Святаго Духа; но не просто, а въ силу вѣры, расположенія (крѣпкой рѣшимости стоять не падая) и смиренія кающихся отъ всей души; и не только послѣ проявленія такихъ расположеній, но и послѣ того, какъ получится разрѣшеніе грѣховъ отъ духовнаго отца и восприемника. Почему хорошо каждодневно каяться, какъ повелѣваетъ заповѣдь. Ибо слова: *покайтесь, приблизися бо царствіе небесное* (Мѡ. 3, 2), возла-

гаютъ на насъ дѣланіе, неограничиваемое опредѣленнымъ временемъ, а всегдашнее.

85) Благодать Всесвятаго Духа дается увѣдѣвшимъ Христу душамъ, какъ обрученіе или залогъ. И какъ жена безъ обрученія не имѣетъ твердой увѣренности, что несомнѣнно сочетается вѣкогда съ мужемъ: такъ и душа никогда не воспріиметъ вѣрнаго удостовѣренія, что будетъ вѣчно сопребывать съ Владыкою своимъ и Богомъ, или таинственно и неизреченно сочетаваться съ Нимъ и наслаждаться неприступною красотою Его, если не получитъ обрученія или залога благодати Его, и не возымѣетъ въ себѣ сознательно Его Самого.

86) Какъ обрученіе не бываетъ надежно, пока согласительныя бумаги, въ коихъ пишутся условія брака, не будутъ подписаны достойными вѣры свидѣтелями: такъ не бываетъ твердо возсіяніе благодати, прежде дѣланія заповѣдей и стяжанія добродѣтелей. Ибо что суть при заключеніи условія свидѣтели, тѣмъ при духовномъ обрученіи бываетъ дѣланіе заповѣдей и добродѣтелей: чрезъ нихъ всякій имѣющій спастися получаетъ совершенное обладаніе обрученіемъ (т.-е. благодатію Св. Духа).

87) Сначала какъбы пишутся брачныя условія дѣланіемъ заповѣдей, потомъ добродѣтелями они запечатлѣваются и подписываются; и тогда женихъ — Христосъ невѣстѣ — душѣ — даетъ перстень, т.-е. обрученіе Духа.

88) Какъ невѣста прежде брака получаетъ отъ жениха только залогъ обрученія, условленное же приданое и прочіе обѣщанныя дары ожидаетъ получить послѣ брака: такъ и невѣста Христова — церковь вѣрныхъ и душа каждая изъ насъ сначала получаетъ отъ жениха Христа только обрученіе Духа, вѣчныя же блага и небесное царство чаетъ получить по исходѣ отсюда, будучи удостовѣряема въ томъ залогомъ обрученія, который показываетъ ей все то, какъ въ зеркалѣ и подтверждаетъ не-

сомнѣнность полученія того, на чемъ состоялось соглашеніе ея съ Владыкою своимъ и Богомъ.

89) Какъ если невѣста, разгнѣвавшись по тому случаю, что женихъ замедлил въ отлучкѣ, или, будучи занятъ другими дѣлами, отложилъ на время совершеніе брака, презрѣть любовь его и брачный договоръ или изгладить, или раздереть; то вмѣстѣ съ симъ тотчасъ лишается и всѣхъ надеждъ, столь многое обѣщавшихъ ей отъ жениха: такъ обыкновенно бываетъ и съ душою. Ибо когда кто изъ подвижающихся, сказавъ себѣ: доколѣ же долженъ я злострадать (терпѣть всякія лишенія)?—вознебрежетъ о подвижническихъ трудахъ и подвигахъ, и чрезъ нерадѣніе о заповѣдяхъ и оставленіе всегдашняго покаянія какъбы изгладить и раздереть свои съ Господомъ условія, то вмѣстѣ съ симъ тотчасъ лишается и залога обрученія (благодати) и совершенно теряетъ всякую надежду на Бога.

90) Какъ невѣста, обративъ къ другому любовь, какою обязана къ обрученному съ нею жениху, и начавъ жить съ нимъ явно или тайно, не только не получаетъ ничего изъ обѣщаннаго ей женихомъ, но должна ожидать и достойнаго наказанія и позора по закону: такъ тоже бываетъ и съ нами. Ибо если какая душа явно или тайно предложить любовь къ Жениху-Христу на возлюбленіе какого-либо другаго предмета и сердце ея будетъ завладѣно имъ, то бываетъ ненавистна и омерзительна Жениху и недостойна сочетанія съ Нимъ. Ибо Онъ сказалъ: *Азъ любящія Мя люблю* (Притч 8, 17).

91) По такимъ признакамъ каждому надлежитъ распознавать, получилъ ли онъ обрученіе Духа отъ Жениха и Владыки Христа. Если получилъ, да тщится держать сіе и хранить; а если еще не сподобился получить, да потщится посредствомъ дѣлъ благихъ, благопостребныхъ дѣланій и теплаго покаянія поскорѣ получить его и

потомъ сохранять дѣланіемъ заповѣдей и приумноженіемъ добродѣтелей.

92) *) Обрученіе Святаго Духа неизъяснимо и для того, кто стяжалъ его, такъ какъ оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живетъ, глаголетъ и движетъ того, кто стяжалъ его; отлетаетъ изъ тайнницы, въ коей пребываетъ запечатлѣннымъ, и опять обрѣтается тамъ нежданно, чѣмъ образуетъ убѣжденіе, что оно какъ присѣщенія своего не дѣлаетъ утвержденнымъ однажды навсегда, такъ отшествія своего — невозвратнымъ, послѣ котораго уже не возвратилось бы. Такимъ образомъ стяжавшій его, и когда не имѣетъ его (присущимъ осязательно), есть какъбы имѣлъ его, и когда имѣетъ его, въ такомъ находится расположеніи, какъбы не имѣлъ его.

93) Какъ если, когда стоитъ кто въ домѣ будто ночью при дверяхъ и окнахъ, со всѣхъ сторонъ заключенныхъ, отворить одно какое окно, то свѣтъ внезапно область его блестящимъ сіяніемъ, и онъ, не вынося такого сіянія, тотчасъ закрываетъ очи свои, закутывается и прячется: такъ и когда душа, заключенная отсюду въ чувственное, выглядитъ какъ-нибудь умомъ своимъ, какъ сквозь окно, во внѣ-чувственное и облистается сіяніемъ сушаго внутрь ея обрученія Св. Духа, то, не вынося блистанія божественнаго непокровеннаго свѣта, тотчасъ трепетать начинаетъ умомъ своимъ, вся прячется въ саму себя и убѣгаетъ какъбы въ домъ какой, подъ покровъ чувственного и человѣческаго.

94) *Валжетъ ли кто огнь въ нѣдра, говорятъ премудрый Соломонъ, ризъ же своихъ не сожжетъ ли?* (Притч. 6, 27). А я говорю: кто, пріявъ внутрь сердца своего непокровенный небесный огнь Духа Святаго, не возго-

*) Ибо въ Добротолюбіи 92—94.

рится и не облистается, не возсіяетъ и не возымѣетъ облистаній Божества. въ мѣру своего очищенія и воспріятія огня? Ибо воспріятіе огня идетъ вслѣдъ за очищеніемъ сердца, и опять очищеніе сердца идетъ вслѣдъ за воспріятіемъ огня,—т.-е. сколько очищается сердце, столько пріемлетъ и божественной благодати; и опять, сколько пріемлетъ оно благодати, столько и очищается. Когда же завершится сіе (т.-е. и очищеніе сердца и пріятіе благодати достигнутъ совершенства и полноты), тогда человекъ весь всецѣло бываетъ богъ по благодати.

95) *) Какъ въ домѣ кровля держится на основаніи съ прочимъ зданіемъ, а основаніе (съ прочимъ зданіемъ) кладется для держанія кровли,—поселику то и другое необходимо и благопотребно,—и ни кровля обыкновенно не устрояется безъ основанія (съ прочимъ зданіемъ), ни основаніе (съ прочимъ зданіемъ) безъ кровли не составляетъ жилища гожаго для жизни; такъ и въ душѣ благодать Святаго Духа блюдетъ исполненіемъ заповѣдей а исполненіе заповѣдей полагается, какъ основаніе для полученія дара благодати Божіей, и ни благодать Святаго Духа обыкновенно не остается въ насъ безъ исполненія заповѣдей, ни исполненіе заповѣдей Божіихъ не бываетъ благопотребно и полезно безъ благодати Божіей.

96) Какъ домъ безкровный, оставленный такимъ по нерадѣнію здателя, не только негожъ ни къ чему, но еще служить въ посмѣшище здателю; такъ и положившій основаніе исполненіемъ заповѣдей и стѣны высокихъ добродѣтелей воздвигшій, если не получитъ и благодати Святаго Духа съ видѣніемъ и оцущеніемъ того душевнымъ, несовершенъ есть и составляетъ предметъ сожалѣнія для совершенныхъ. А лишенъ же благодати бываетъ таковой по слѣдующимъ двумъ причинамъ: или по-

*) Въ Добротолюбіи 83.

тому, что пренебрегъ покаяніемъ, или потому, что, возмалодушествовавъ предъ полнымъ стяжаніемъ добродѣтелей, какъ дѣломъ безмѣрно великимъ, оставилъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыя, однакожъ хотя кажутся намъ маловажными, но существенно необходимы для полного устройства и окончанія дома добродѣтелей, такъ какъ невозможно, чтобъ безъ нихъ домъ сей покровень былъ благодатію Святаго Духа.

97) Если Сынъ Божій и Богъ для того снизшелъ на землю, чтобъ посредничествомъ Своимъ примирить съ Отцемъ Своимъ насъ, сущихъ враговъ Ему, и съ Собою сочетать насъ осязательно, посредствомъ Святаго и Единосущнаго Духа Своего; то лишающійся такой благодати, какую другую получить? Всеконечно таковой ни съ Тѣмъ (Отцемъ) не примирился, ни съ Симъ (Сыномъ) не имѣетъ сочетанія благодатію Св. Духа.

98) Содѣлавшійся причастнымъ Божественнаго Духа отъ страстныхъ похотей и сластей избавляется, а отъ естественныхъ потребностей тѣлесныхъ не освобождается. Почему какъ освободившійся отъ узъ страстнаго похотѣнія, вкусившій безсмертной славы и сладости и сочетавшійся съ нею понуждается непрестанно возноситься горѣ и съ Богомъ пребывать, не позволяя себѣ даже на мгновеніе отступить отъ созерцанія Его и ненасытнаго Имъ наслажденія; а, какъ связанный тѣломъ и тлѣніемъ, отторгается имъ отъ горняго, влечется долу и возвращается къ земному. Тогда такая бываетъ у него печаль о семъ (разлученіи съ горнимъ), какую, полагаю, испытываетъ душа грѣшника, разлучающаяся съ тѣломъ.

99) Какъ для тѣлолюбиваго и жизнелюбиваго, для сластолюбиваго и міролюбиваго разлученіе съ сими предметами его любви есть смерть; такъ для любителя чистоты и Бога, невественнаго и добродѣтели воистину смерть есть даже малое отступленіе отъ нихъ сердцемъ.

Ибо если видящій чувственный свѣтъ, когда смежить очи свои самъ, или другой кто закроетъ ему ихъ, тяготится, скорбитъ и долго сносить этого не можетъ, особенно если онъ смотрѣлъ на предметы нужные и дивныя,—не тѣмъ ли паче просвѣщаемый Духомъ Святымъ и видящій ясно, въ видѣніи на яву и мысленно, въ бодрственномъ состояніи и во снѣ, тѣ блага, которыхъ око не видало, о которыхъ ухо не слыхало, которыя на сердце человѣку не всходили, и въ которыя сами Ангелы Божіи желаютъ проникнуть, будетъ печалиться и скорбѣть, если чѣмъ нибудь будетъ отторгнуть отъ созерцанія ихъ? Ибо это праведно кажется ему смертію и отчужденіемъ отъ жизни вѣчной.

100) Одни ублажаютъ пустынную жизнь, другіе общительную, третьи начальственную, чтобъ предстоять народу, вразумлять его и учить и устроить церкви, отъ которыхъ обыкновенно многіе питаются и душевно и тѣлесно. Я же не желалъ бы предпочтеніе дать никакой изъ нихъ предъ другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта—порицанія. Во всякомъ образѣ жизни, преблагенна жизнь. во всѣхъ дѣлахъ и дѣяніяхъ ведомая для Бога и по Богу.

101) Какъ обыкновенная жизнь человѣческая строится и течетъ подъ взаимодѣйствіемъ разныхъ житейскихъ предпріятій, мастерствъ и искусствъ,—то-есть, одинъ одно, другой другое дѣлаетъ и приносить другимъ на potreбы, и такимъ образомъ, другъ другу передавая и другъ отъ друга принимая, живутъ люди, удовлетворяя естественныя свои тѣлесныя потребности; такъ то же самое можно видѣть и въ духовной жизни,—одинъ одну добродѣтель проходить, другой другую,—одинъ такой путь жизни избираетъ, а другой—другой, но всѣ вмѣстѣ текутъ къ единой цѣли, другъ другу содѣйствуя.

102) Цѣль всѣхъ по Богу живущихъ есть—благоуго-

дѣть Христу Богу нашему и примириться съ Богомъ Отцемъ чрезъ пріятіе Святаго Духа,—и такимъ образомъ устроить свое спасеніе; ибо въ этомъ состоитъ спасеніе всякой души. Если этого вѣтъ у насъ (въ цѣли и дѣйствіи), то тщетенъ всякій другой трудъ и суетно всякое другое дѣланіе наше.—Безполезенъ всякій путь жизни, не ведущій къ сему того, кто течетъ по нему.

103) Оставившій міръ весь и въ гору удалившійся на безмолвіе,—и оттуда тщеславно пишущій къ сущимъ въ мірѣ, однихъ ублажая, другимъ ласканія и похвалы расточая, подобенъ тому, кто, разведшись съ женою, блудною, непотребною и всезлобною, и отшедши на страну далеко, чтобъ изгладить и самую память о ней, забылъ потомъ о сей цѣли, для которой удалился на страну—въ гору,—и пишетъ съ вождельбіемъ къ тѣмъ, которые обращаются съ тою женою, или прямо сказать, оскверняются, и ублажаетъ ихъ. Таковой, хотя тѣломъ не оскверняется, но сердцемъ и умомъ всячески оскверняется, какъбы сочувствуя тѣмъ произволеніемъ въ ихъ связи съ тою женою.

104) Сколько живущіе среди міра и очищающіе чувства и сердца свои отъ всякой грѣхонной похоти, достойны похвалы и ублаженія,—столько же живущіе въ горахъ и пещерахъ и вождельвающіе похвалъ и ублаженій отъ людей достойны порицанія и отверженія. Таковыя предъ Богомъ, испытующимъ сердца, равны прелюбы творящимъ. Ибо страстно желающій, чтобъ его жизнь, имя и дѣла слышны были въ мірѣ, любодѣйствуетъ отъ Бога, по образу древняго народа Іудейскаго, какъ говоритъ Давидъ.

105) Съ несомнѣнною къ Богу вѣрою отрекшійся міра и всего, что въ мірѣ, вѣруетъ, что милостивый и щедрый Господь пріемлетъ приходящихъ къ Нему въ покаяніи,—и вѣдая, что Онъ рабовъ Своихъ чрезъ безчестіе

возводитъ къ чести, чрезъ крайнюю нищету обогащаетъ ихъ, чрезъ поношенія и униженія прославляетъ, чрезъ смерть содѣлываетъ наслѣдниками и причастниками жизни вѣчной,—посредствомъ ихъ (т.-е. безчестія, нищеты и проч.) усиливается теши, какъ олень жаждущій, къ безсмертному источнику, и по нимъ восходить къ горнему, какъ по лѣствицѣ,—по коей Ангелы восходятъ и нисходятъ на помощь восходящимъ, а Богъ возсѣдѣтъ вверху ея, ожидая нашихъ посильныхъ трудовъ и усилій, не потому, чтобъ Ему радостно было видѣть насъ трудящимися, но потому, что, человеколюбивъ будучи, желаетъ награду намъ даровать, будто долъ.

106) Богъ не попускаетъ тѣмъ, которые всеусердно текутъ къ Нему, совсѣмъ ниспасть (съ той лѣстницы), но, видя ихъ изнемогающими, содѣйствуетъ имъ и помогаетъ, простирая къ нимъ свыше руку силы Своея и къ Себѣ возводя,—содѣйствуетъ и явно и неявно, и вѣдомо и невѣдомо,—пока они, прошедши всю лѣстницу, къ Нему Самому приближатся, и всецѣло съ Нимъ соединясь, забудутъ все земное, съ Нимъ сопребывая тамъ и сожителствуя,—еще въ тѣлѣ, еще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ,—и неизреченныхъ наслаждаясь благъ.

107) Праведно есть *прежде* игу заповѣдей Христовыхъ поклонить намъ выи свои, ни въ сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не отставая, но право и усердно шествуя въ нихъ даже до смерти, паче и паче обновляя себя и новымъ воистину дѣлая себя Божиимъ раемъ, пока съ Отцемъ Сынъ чрезъ Духа Святаго внидетъ и станетъ обитать въ насъ. И тогда уже, когда такимъ образомъ стяжемъ Его себѣ жителемъ и учителемъ,—тогда кому изъ насъ повелитъ Онъ (взять на себя какое служеніе), и кому какое служеніе ввѣритъ, тому оно и да вручится; и онъ да ведетъ его такъ, какъ сіе благоугодно Богу. Но прежде времени не слѣдуетъ

сего служенія искать, не слѣдуетъ и принимать его, когда даютъ его люди (сами отъ себя), но надлежитъ пребывать въ заповѣдяхъ Владыки нашего и Бога и ожидать повелѣнія Его (взять на себя какое служеніе).

108) Если,—послѣ того, какъ ввѣрено намъ будетъ служеніе въ божественныхъ вещахъ, и мы потрудимся въ немъ достохвально,—направлены мы будемъ Духомъ перейти на другое служеніе, или дѣланіе, или дѣло,—да не сопротивляемся. Ибо Богъ не хочетъ ни того, чтобъ мы были праздно, ни того, чтобъ оставались на одномъ и томъ же дѣланіи, съ котораго начали; но хочетъ, чтобъ преуспѣвая, все болѣе и болѣе подвигались къ достиженію лучшаго, не своею однакожь, но Божіею руководясь въ семъ волею.

109) Старающійся умертвить свою волю, долженъ творить волю Божію,— вмѣсто своей воли вводить въ себя волю Божію, насаждать и вѣдрять ее въ сердце свое. И при этомъ тщательнo смотрѣть, прорастаетъ ли насаждаемое и вѣдряемое, пустивъ въ глубь корни; если проросло и дало стволъ, то стволъ сей, будучи надрѣзанъ для принятія прививки, сросся ли съ симъ прививкомъ и сталъ ли въ одно съ нимъ древо,—затѣмъ выросъ ли прививокъ, разцвѣлъ ли и далъ ли плодъ прекрасный и сладкій, — чтобъ не невѣдомы были ему и земля. прежде пріясшая въ себя сѣмя, и корень, на которомъ глубоко утвердилось сіе непостижимое и неизреченное живоносное растеніе. (Перефразъ; мѣсто очень темно).

110) Кто страха ради Божія отсѣкаетъ свою волю, тому Богъ, невѣдомо для него, такъ что онъ не знаетъ, какъ то бываетъ, даруетъ Свою волю и содѣлываетъ ее неизгладимою въ сердцѣ его, открывая при семъ очи сердца его, чтобъ онъ позналъ ее (т.-е. что это Божія воля), и силу подавая исполнять ее. Творить же сіе благодать Святаго Духа, а безъ нея ничего не бываетъ.

111) Если ты получилъ прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, просто ли только чрезъ таинство покаянія и исповѣди, или съ пріятіемъ при семъ и святой ангельской схимы; то какой любви, какого благодаренія и смиренія должно быть сіе для тебя источникомъ, — что, будучи достоинъ безчисленныхъ мукъ, ты не только избавленъ отъ этого, но еще удостоиваешься сыноположенія, славы и царства небеснаго?

Обращая сіе въ умъ своемъ и всегда помня, будь готовъ и преднастройся къ тому, чтобъ не обезчестить собою Сотворшаго тебя и почтившаго и безчисленныя простившаго тебѣ согрѣшенія, но всѣми дѣлами своими прославить Его и почитать, — чтобъ и Онъ тебѣ, почтеннаго Имъ паче всякой видимой твари (въ твореніи), еще паче почитилъ въ воздаяніе за то (во благодати), — и другомъ Своимъ искреннимъ наименовалъ тебя.

112) Сколько душа честнѣе тѣла, столько разумный человѣкъ лучше и выше всего міра. Не на великость сущихъ въ мірѣ твореній смотри, чтобъ ради того думать, будто они честнѣе тебя, человѣкъ; но на данную тебѣ благодать возрѣвъ и достоинство умной и славной души своей уразумѣвъ, прославляй въ пѣсняхъ Бога, почтившаго тебя паче всего видимаго.

113) Будемъ смотрѣть и умудряться, какъ прославить Бога. Прославляется же Онъ нами не иначе, какъ такъ, какъ прославленъ былъ Сыномъ. Но чѣмъ Сынъ прославилъ Отца Своего, тѣмъ и Самъ прославленъ былъ отъ Отца. Будемъ и мы дѣлать тоже (что Сынъ) со тщаніемъ, чтобъ тѣмъ прославить Отца нашего, *Иже есть на небесахъ*, благоволившаго такъ наименоваться, и отъ Него быть прославленными славою Сына, *которую имѣлъ Онъ у Него прежде міръ не бысть*. Это суть — крестъ, или умертвіе всему міру, скорби, искушенія, и другія страсти Христовы, — которыя перенося съ полнымъ тер-

пѣніемъ, подражаемъ мы Христовымъ страстямъ и прославляемъ тѣмъ Отца нашего и Бога, какъ сыны Его по благодати и сонаслѣдники Христовы.

114) Душа, не освободившаяся совершенно отъ мірскихъ наывковъ и пристрастія къ видимымъ вещамъ, въ самыхъ чувствахъ и расположеніяхъ сердца своего не можетъ безпечально переносить приключающихся ей печалей и находящихся на нее напраслинь и искушеній отъ демоновъ и людей. Но, какъ узами связанная пристрастіемъ къ человѣческимъ вещамъ, уязвляется ущербомъ въ деньгахъ, тяжело поражается скорбію отъ потери вещей и сильно болѣзнуетъ о наносимыхъ тѣлу ея ранахъ.

115) Кто отторгъ душу свою отъ пристрастія и привязанности къ чувственному и тѣснымъ союзомъ сочеталъ ее съ Богомъ, тотъ не только равнодушенъ будетъ къ сущимъ около его деньгамъ и вещамъ, и терпя потерю въ нихъ будетъ безпечаленъ, какъбы онѣ были не его, а чужія, но и самому тѣлу его причиняемыя боли будетъ переносить съ радостію и подобающимъ благодареніемъ, видя всегда, по слову божественнаго Апостола, что когда *внѣшній человекъ тлѣетъ, внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Иначе же съ радостію переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего вѣдѣніе совершенное и мудрость духовная, — которыхъ лишенный всегда ходитъ во тмѣ безнадежія и невѣдѣнія, не имѣя никакой возможности видѣть свѣтъ терпѣнія и утѣшенія (молитвы).

116) Всякій мнящійся быти мудрымъ, потому что прошелъ всѣ науки и свѣдуещъ во внѣшней мудрости, никогда не сподобится проникнуть въ тайны Божіи и увидѣть ихъ, если прежде не смирится и не сдѣлается въ чувствахъ сердца своего буимъ, вмѣстѣ съ самомяніемъ отвергая и приобрѣтенную ученость. Ибо кто такъ поступаетъ и съ колеблющеюся вѣрою послѣдуетъ

мужамъ мудрымъ въ божественныхъ вещахъ; тотъ, будучи ими руководимъ, вмѣстѣ съ ними входитъ въ градъ Бога живаго, и Духомъ Святымъ настаиваемый и просвѣщаемый, видитъ и познаетъ то, чего никто изъ другихъ людей видѣть и познать не можетъ. Такъ дѣлается онъ богонаученнымъ.

117) Богонаученныхъ ученики мудрыхъ вѣка сего людей почитаютъ буими, между тѣмъ какъ сами воистину суть буи и наострились только по внѣшней премудрости обюродѣвшей, которую, по божественному Апостолу, *обуи Богъ* (1 Кор. 1, 20) и богословный гласъ призналъ *земною, душевною, бѣсовскою, исполненною рвенія и зависти* (Іак. 3, 15). Таковыя, будучи внѣ божественнаго свѣта, не могутъ видѣть чудесъ, находящихся въ немъ, и тѣхъ, которые, водворяясь въ семъ свѣтѣ, видятъ что въ немъ и поучаютъ тому, почитаютъ прельщенными, между тѣмъ какъ сами прельщены и никогда не вкушали божественныхъ благъ.

118) И нынѣ есть и среди насъ возвращаются люди безстрастные, святые и исполненные божественнаго свѣта, которые такъ умертвили уды свои, сущіе на земли, отребивъ ихъ отъ всякой нечистоты и всякаго страстнаго похотѣнія, что не только сами отъ себя не помышляютъ дѣлать что-либо худое, но и когда влекутъ ихъ къ тому другіе, не терпятъ никакого измѣненія въ присущемъ имъ безстрастіи. Ихъ узнали бы и тѣ, которые презрительно объ нихъ относятся и не вѣрятъ имъ, когда они поучаютъ о божественныхъ вещахъ въ премудрости Духа, еслибъ добръ разумѣли божественныя словеса, каждодневно ими читаемыя и поемныя. Ибо еслибъ они знали совершенно Божественное Писаніе, то вѣровали бы обѣщаннымъ намъ отъ Бога и дарованнымъ благамъ. Но какъ они непричастны сихъ благъ за свое само-

мнѣніе и нерадѣніе, то оуждають и тѣхъ, которые сподобились причастія ихъ и учать о нихъ, не вѣря имъ.

Примѣч. Такъ въ греч. Добротолубіи. Въ новогреческомъ эта глава перифразирована такъ: „Тѣ, которые говорятъ, что во времена сіи нѣтъ ни одного безстрастнаго, и не вѣрятъ тѣмъ, которые, въ премудрости Духа, ведутъ бесѣды о божественныхъ вещахъ, еслибы понимали божественныя слова какія каждодневно читають и поють, узнали бы, что и нынѣ есть безстрастные, святые и исполненные божественнымъ свѣтомъ, и живутъ среди насъ, отребивъ себя отъ всякой нечистоты и всякаго страстнаго похотѣнія,—такъ что не только сами отъ себя не помышляютъ дѣлать что-либо худое, но и когда другой кто влечетъ ихъ къ тому, не терпятъ никакого измѣненія въ безстрастіи, которое въ нихъ. Но тѣ, не зная Писаній, говорятъ, что нынѣ нѣтъ никого такого. Ибо елибъ разумѣли, какъ должно, Божественное Писаніе, то вѣрили бы тѣмъ благамъ, которыя Богомъ намъ обѣщаны и дарованы. Но какъ они непрічастны такихъ благъ, по причинѣ самомнѣнія и нерадѣнія своего, то не вѣря имъ, оуждають и оклеветываютъ тѣхъ, которые сдѣлались причастными ихъ и учать о нихъ.

119) Исполненные благодати Божіей и совершенные въ вѣдѣніи и премудрости, которая свыше, для того только желаютъ ходить въ міръ и видѣть сущихъ въ немъ, чтобъ напоминаемъ о заповѣдяхъ Божіихъ расположить ихъ къ добродѣланію и чрезъ то дать случай заслужить награду вѣчную,—если конечно послушаютъ ихъ, возьмутъ въ толкъ и убѣдятся. Такъ какъ они, не Божіимъ водимы будучи Духомъ, во тѣ ходятъ и не знаютъ,

куда идти, и преуспѣваютъ ли въ какихъ заповѣдяхъ; то (во благодати живущіе идутъ къ нимъ съ показанными напоминаніями въ желаніи и надеждѣ) не воспримутъ ли они когда-нибудь истиннаго ученія Святаго Духа, воспрянувъ отъ обдержавшаго ихъ самомятніи, и искренно, а не съ притворствомъ и самохвальствомъ. внявъ волю Божію, не покаются ли, чтобъ, исполнивъ ее, содѣлаться причастными какого-либо дарованія духовнаго. Если же не случится имъ быть виновниками такой для посѣщаемыхъ мірянъ пользы, то они, плача объ ожесточеніи и ослѣпленіи сердецъ ихъ, возвращаются въ свои келліи, и начинаютъ день и ночь молиться о спасеніи ихъ. Ибо о другомъ чемъ не печалются съ Богомъ непрестанно пребывающіе и преисполненные всякаго блага.

120) Какая цѣль воплощеннаго домостроительства Бога Слова, которая во всемъ Божественномъ Писаніи проповѣдуется, но которой мы, читая сіе Писаніе, не знаемъ? Не другая какая, какъ та, чтобъ приобщившись тому, что наше, сдѣлать насъ причастными того, что есть Его. Сынъ Божій для того содѣлался сыномъ человѣческимъ, чтобы насъ человѣковъ содѣлать сынами Божіими, возводя родъ нашъ по благодати въ то, что Самъ Онъ есть по естеству, раждая насъ свыше благодатію Святаго Духа, и тотчасъ вводя насъ въ царство небесное, или, лучше сказать, даруя намъ имѣть сіе небесное царствіе внутри насъ (Лук. 17, 21), чтобъ мы, не надеждою только внити въ него. питаеся; но уже въ обладаніе имъ бывъ введены, взывали: *жизнь наша сокровище есть со Христомъ въ Богъ* (Кол. 3, 3).

121) Крещеніе не отъемлетъ самовластиа и самопроизволенія нашего, но даруетъ намъ свободу отъ тиранства діавола, который не можетъ уже болѣе противъ воли нашей властвовать надъ нами. По крещеніи въ нашей уже состоитъ воля, или пребывать самоохотно въ

заповѣдяхъ Того, въ Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путемъ повелѣній Его, или уклонясь отъ праваго пути сего, опять возвратиться къ діаволу, противоборцу и врагу нашему.

122) Тѣ, которые, по святомъ Крещеніи, повинуются хотѣніямъ лукаваго и угодное ему творять, отчуждаютъ себя отъ святыхъ ложеснъ святаго Крещенія, по сказанному Давидомъ: *отчуждишася грѣшницы отъ ложеснъ* (Пс. 57 4). Ибо каждый изъ насъ не измѣняется или не прелагается изъ естества, какъ созданъ, въ другое. Но бывъ созданъ отъ Бога благимъ (ибо Богъ ничего злаго не сотворилъ), и пребывая непреложнымъ по естеству и существу, какъ созданъ, что свободною своею волею производитъ и желаетъ, то и дѣлаетъ, доброе ли то, или злое. Ибо какъ ножъ, на зло ли кто его употребляетъ, или на добро, не прелагается изъ своего естества въ другое, но остается желѣзомъ по естеству, такъ и человѣкъ дѣйствуетъ и содѣваетъ, какъ сказано, что хочетъ, но изъ естества своего не выступаетъ.

123) Не то спасаетъ, если кто однажды и одному кому окажетъ милость, хотя то, если кто и одного презритъ, повиннымъ дѣлаетъ огню вѣчному. Ибо—*взалихся и возжадалъ*—сказано не про одинъ случай, и не про одинъ день, но указываетъ на всю жизнь. Равнымъ образомъ—*напитаете, напоите, одѣяте*, и прочее что слѣдуетъ, не на однократное дѣло указываетъ, но на всегдѣшнее и въ отношеніи ко всѣмъ. Христосъ Господь и Богъ нашъ исповѣдалъ, что Онъ такую милость Самъ пріемлетъ отъ рабовъ Своихъ (въ лицѣ нуждающихся).

124) Кто подастъ милостыню сотнѣ нуждающихся, но, могши дать и другимъ, накормить и напоить многихъ,—отказалъ умолявшимъ его и воцѣпавшимъ къ нему, тотъ будетъ судимъ отъ Христа, какъ не напавшій Его;

потому что и въ этихъ всѣхъ Онъ есть тотъ же самый, котораго питаемъ мы въ каждомъ изъ бѣдныхъ.

125) Кто нынѣ всѣмъ нуждающимся все потребное для тѣла доставилъ, тотъ, если завтра, имѣя возможность тоже сдѣлать, вознерадитъ о нѣкоторыхъ братіяхъ и оставитъ ихъ умирать съ голода, жажды и холода,—того самого оставилъ умирать, того самого презрѣлъ, Кто сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѡ. 25, 40).

126) Того ради Господь благоволилъ воспріять лице cadaго бѣднаго и каждому бѣдному Себя уподобилъ, чтобъ никто изъ вѣрующихъ въ Него не возносился надъ братомъ своимъ, но чтобъ каждый, видя въ братѣ своемъ Бога своего, почиталъ себя меньшимъ и худшимъ брата своего, какъ есть меньше Сотворшаго его, и какъ Сего, принималъ его и чтилъ, и въ помощь ему готовъ былъ истощить все имѣніе свое, какъ Христосъ и Богъ нашъ истощилъ кровь Свою для спасенія нашего.

127) Кому повелѣно имѣть ближняго своего, какъ самого себя, тотъ конечно не одинъ день, но всю жизнь свою долженъ имѣть его таковымъ. Такъ же и тотъ, кому заповѣдано давать всякому просящему, заповѣдь имѣть всю жизнь свою поступать такъ. Равно какъ и отъ желающаго, чтобъ другіе дѣлали ему добро (всегда разумѣется), требуется, чтобъ онъ и самъ тоже дѣлалъ для другихъ.

128) Такъ какъ имѣющій ближняго своего какъ самого себя, не можетъ позволить себѣ имѣть что больше ближняго; то если кто, имѣя, не раздаетъ независтно, пока и самъ не сдѣлается бѣднымъ и не уподобится ближнимъ своимъ, тотъ не оказывается точнымъ исполнителемъ заповѣди Владычней. Равнымъ образомъ (не оказывается) хотящимъ давать всякому просящему тотъ, кто имѣя хоть грошъ или кусокъ хлѣба, отошлетъ ни

съ чѣмъ просящаго у него,—или, не дѣлая самъ для ближняго, чего тотъ желаетъ, (отошлетъ) чтобъ сдѣлать для него это другой кто. Такимъ образомъ, и тотъ, кто всякаго бѣднаго и нищаго кормилъ, поилъ, одѣвалъ и все другое для него дѣлалъ, а презрѣлъ только одного и объ одномъ поверадѣлъ,—и этотъ сочтенъ будетъ презрѣвшимъ Христа Бога, алчущаго и жаждущаго.

129) *) Какъ иные заключаютъ Христа Господа въ одномъ бѣдномъ, тогда какъ Онъ нераздѣльно раздѣляется, и есть весь во всякомъ бѣдномъ? Предположимъ теперь въ умѣ своемъ, что сто бѣдныхъ суть, какъ одинъ Христосъ, ибо Христосъ совершенно нераздѣльно пребываетъ. Кто потому далъ по монетѣ девяносто девяти бѣднымъ, а одного разбранилъ, прибилъ и выгналъ ни съ чѣмъ, кому тотъ, думаешь, сдѣлать это? Конечно Самому Христу, Который сказалъ, говорить и всегда будетъ говорить: *пожеже сотвористе единому снхъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѡ. 25, 40).

130) Изъ сказаннаго видно, что Господь Себѣ усволяетъ и принимаетъ за сдѣланное собственно для Него Самого, что сдѣлано для бѣдныхъ братій нашихъ. И слово Господа: *Мнѣ сотвористе*, не ограничивается только тѣми, къ которымъ мы немилостивы были, ни тѣми, которыхъ онеправдовали, или которыхъ собственностію покорыстовались; или которымъ надѣлали всякаго рода другихъ золъ, но заключаетъ и тѣхъ, которыхъ мы презрѣли. И этого одного достаточно къ нашему осужденію; потому что, презирая ихъ, мы презираемъ Самого Иисуса Христа.

131) **) Можетъ быть это всемъ покажется тяжелымъ, и они потому сочтутъ благословнымъ говорить въ себѣ: кто можетъ до точности все это исполнить, чтобы всѣхъ

*) Сего нѣтъ въ Добролюбіи.

**) Доброт. 117.

удовольствоваться и напитать, и отнюдь никого изъ нихъ не оставить неудовлетвореннымъ? Но да послушаютъ они Павла, который ясными взываетъ словами: *любь Христова обдержитъ насъ суждищихъ сіе* (2 Кор. 5, 14).

132) Какъ главные заповѣди объемлютъ всѣ заключающіяся въ нихъ частныя заповѣди, такъ и главные добродѣтели заключаютъ въ себѣ всѣ частныя объемлемыя ими добродѣтели. Продавшій, напимѣръ, все свое и раздавшій то бѣднымъ, и сдѣлавшійся самъ бѣднымъ; заразъ исполнилъ всѣ частныя, относящіяся сюда, заповѣди. Почему не имѣть уже нужды просящему давать, и отъ хотящаго заяти у него не отвращаться. Такимъ же образомъ и непрестанную стяжавшій молитву въ семь единомъ исполненными имѣть всѣ заповѣди о молитвѣ, и не состоятъ уже подъ необходимостію седмицею въ день хвалить Господа, или въ вечеръ, завтра и полудне, какъ исполненными уже имѣющій въ себѣ всѣ молитвы, какими молимся мы и какія поемъ, по уставу, въ опредѣленные времена и часы. Равно, сознательно имѣющій въ себѣ дающаго вѣдѣніе человѣкамъ Бога, все прошель святое Писаніе,—и какъ плодъ, собралъ всю могущую отъ чтенія его произойти пользу,—и не имѣть уже нужды въ чтеніи книгъ. Ибо какую будетъ имѣть въ семь нужду тотъ, кто стяжавъ собесѣдникомъ себѣ Того, Кто вдохновлялъ писавшихъ Божественныя Писанія, имѣть печатлѣемыми въ себѣ отъ Него неизреченности сокровенныхъ Тайнъ? Напротивъ, онъ самъ будетъ для другихъ вдохновенною книгою, носящею новыя и древнія тайны, написанныя перстомъ Божиимъ въ немъ, какъ совершившемъ все и почившемъ въ Богѣ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, что есть верхъ совершенства.

133) Бывающее во время сна истеченіе отъ многихъ обычно происходитъ причинъ: отъ чревоуистовства, отъ тщеславія и отъ зависти бѣсовъ. Но бываетъ и отъ

долгаго бдѣнія, вслѣдствіе котораго тѣло разнѣживается во снѣ, и отъ страха, когда страшится кто, какъ бы не пострадать сего, или ради божественной литургіи, которую имѣеть совершать, будучи іереемъ, или ради св. причастія (къ коему готовится, будучи простымъ братомъ). Съ занятымъ такими помыслами на одрѣ своемъ, съ боязнію. какъ бы сего не пострадать, бываетъ, что онъ лишь только заснетъ, какъ страждетъ то: что самое также происходитъ по зависти демоновъ.—И вотъ еще что бываетъ: иной увидитъ днемъ красивое лицо и нарисуетъ его въ мысли, потомъ отходитъ ко сну съ блудными помыслами, по разслабленію не отогнавъ ихъ, и подпадаетъ истеченію во снѣ, а иногда и незаснувши еще, лежа на одрѣ. Бываетъ и такъ: сидятъ иные нерадивые, подобно мнѣ, и разговариваютъ о страстныхъ движеніяхъ, страстно или безстрастно; потомъ и, отходя ко сну, вращаютъ такіе образы въ умѣ своемъ и засыпаютъ въ сочетаніи съ ними; во снѣ и подвергаются сказанной непріятности; можетъ же быть, что еще во время бесѣды одинъ изъ нихъ пріять вредъ отъ другаго. Почему внимать должно самимъ себѣ всегда и поучаться въ словѣ Пророка: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да неподвижуся* (Пс. 15, 8),—и слухъ заграждать отъ таковыхъ словесъ. Иные нерѣдко подвергались плотскимъ движеніямъ, когда упразднялись отъ молитвы (оставляли молитву) какъ мы показали и въ главѣ о молитвѣ.

134) *) Ни къ тому, кто богословствуетъ, не идетъ покаяніе, ни къ тому, кто кается, не идетъ богословствованіе. Ибо сколько отстоятъ востокъ отъ запада, столь-

*) Съ сей главы до главы 182 включительно, въ Добротолубіи нѣтъ. Слѣдующія за предыдущею главы Добротолубіи—120—152—заимствованы изъ главъ Симеона, духовнаго отца его, который помѣщаются нѣздѣ за снѣмъ.

ко богословіе выше покаянія. Кто находится въ состояніи покаянія и воистину творить дѣла покаянія; тотъ себя имѣетъ, какъ человѣкъ больной, день за днемъ проживающій среди разнемоганій, или какъ бѣдный, одѣтый въ рубища и просящій милостыню. А кто богословствуетъ; тотъ походитъ на человѣка, который проводитъ время въ царскихъ палатахъ, въ свѣтломъ царскомъ уборѣ, всегда находится близъ царя, бесѣдуетъ съ нимъ и отъ него самого слышитъ ясно повелѣнія его и все, чего онъ хочетъ (разумѣется состояніе созерпанія,—а ненаучное богословствованіе).

135) Умноженіе познанія Бога бываетъ причиною умаленія знанія всего другаго. Т.-е. чѣмъ больше кто познаетъ Бога, тѣмъ больше оскудѣваетъ въ знаніи всего прочаго. И не только это (бываетъ съ нимъ), но онъ все больше и больше приходитъ въ сознаніе, что не знаетъ и самого Бога. Обиліе возсіянія Его въ духѣ бываетъ совершеннымъ Его невидѣніемъ, и выше чувства воспаряющее чувство—нечувствіемъ всего того, что внѣ. И какъ можетъ быть и называться чувствомъ такое чувство, которое не знаетъ, что такое есть, каково и гдѣ есть то, въ чемъ оно пребываетъ, и узнать то, или понять совершенно не можетъ? Да и какъ возможно, чтобъ подлежало чувству то, чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало и что на сердце человѣку не всходило?

136) Дарующій намъ то, что выше чувства, даетъ намъ благодатію Святаго Духа и другое чувство выше чувства, чтобъ мы имъ чувствовали чисто и ясно дары Его и дарованія. кои выше чувства.

137) Кто глухъ къ слову Бога, тотъ глухъ и ко всякому гласу Его; какъ напротивъ кто слышитъ слова Бога, тотъ слышитъ (способенъ слышать) ихъ всѣ (всякія слова Божіи), и никого онъ не слышитъ, кромѣ тѣхъ,

которые говорятъ слова свои (поученія) благодатию Слова, и не ихъ слышитъ онъ, но только слово, которое безгласно говорится голосомъ ихъ.

138) Когда ты долу—въ земномъ, тогда не изслѣдуй того, что горѣ, т.-е. небеснаго; и восходя горѣ, прежде, чѣмъ достигнешь верха, не любопытствуй дольнаго, чтобъ поскользнувшись не упасть, или лучше сказать, чтобъ не оставаться долу (мняся восходить горѣ).

139) Кто обогатился небеснымъ сокровищемъ,—разумью, пришествіемъ и вселеніемъ въ него Христа, Который сказалъ: *Азъ и Отецъ придемъ и обитель у него сотворимъ* (Ин. 14, 23), тотъ знаетъ знаніемъ душевнымъ (опытно, сознаніемъ, чувствомъ), какую получилъ радость, коликое и каковое сокровище имѣетъ въ царскихъ сокровищницахъ сердца своего. Бесѣдуя съ Богомъ, какъ другъ съ другомъ, съ дерзновеніемъ стоитъ онъ предъ лицемъ Того, Кто обитаетъ въ немъ во свѣтъ неприступномъ.

140) Кто вѣруетъ тому, что я сказалъ, тотъ блаженъ. Кто дѣятельно подвизается посредствомъ священныхъ подвиговъ достигнуть вѣдѣнія о томъ (опытно познать то), тотъ треблаженъ. Кто посредствомъ дѣланія и созерцанія достигъ высоты такого состоянія и какъ сынъ дошелъ до Самого Бога, тотъ, чтобъ не сказать нѣчто большее, есть Ангель.

141) Какъ тотъ, кто стоитъ на берегу моря, видитъ безмѣрную пучину водъ, но предѣла ихъ не достигаетъ зрѣніемъ, а видитъ только малую нѣкую часть ихъ: такъ и тотъ, кто сподобился чрезъ созерцаніе узрѣть безмѣрное море славы Божіей и видѣть мысленно Самого Бога, видитъ умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ея есть, но лишь столько, сколько сіе возможно для него.

142) Какъ тотъ, кто находится близъ моря, не только

видитъ его, но и въ самыя воды его входить, сколько хочеть: такъ бываетъ и духовно (съ достижшими совершенства духовнаго), что они, когда хотятъ, входятъ въ свѣтъ Божій и созерцаютъ его и причащаются его сознательно въ мѣру подъятыхъ трудовъ, усилій и желательныхъ стремлений.

143) Какъ тотъ, кто стоитъ на берегу моря, пока находитесь внѣ воды, все видитъ вокругъ и обозрѣваетъ пространство моря; когда же начнетъ входить внутрь воды и погружаться въ нее, тогда чѣмъ больше сходитъ въ нее, тѣмъ больше ничего не видитъ внѣ ея: такъ и тѣ, которые сдѣлались причастными божественнаго свѣта, чѣмъ болѣе преуспѣваютъ въ познаніи Бога, тѣмъ въ большее, соответственно тому, приходятъ невѣдѣніе (всего, что внѣ Бога).

144) Какъ тотъ, кто входить въ воду моря по колѣно или до пояса, ясно видитъ все, находящееся внѣ воды; а когда низойдетъ въ глубь и станетъ весь подъ водою, ничего уже не можетъ видѣть, что внѣ,—и одно только знаетъ то, что онъ весь во глубинѣ моря: тоже бываетъ и съ тѣми, кои возрастаютъ въ духовномъ пресвѣянiи и восходятъ въ совершенствѣ вѣдѣнія и созерцанія.

145) Пресвѣвующіе въ духовномъ совершенствѣ, когда просвѣщаются, или осіяваются въ умѣ, тогда видятъ мысленно славу Господа и научаемы бывають мысленно божественною благодатію вѣдѣнію за вѣдѣніемъ, восходя отъ созерцанія сущаго къ познанію того, что воистину есть выше всего сущаго.

146) Приближающіеся къ совершенству, видя только еще отчасти безпредѣльность (духовныхъ вещей) и познавая неистижимость того, что видятъ, удивляются и приходятъ въ изумленіе; а чѣмъ болѣе входятъ они, невѣдомо какъ, въ свѣтъ вѣдѣнія, тѣмъ болѣе сознають свою немощь. То, что является имъ нѣкоторымъ обра-

зомъ примрачно, показываетъ себя какъбы зеркаломъ въ гаданіи. и отчасти осіявая умъ, мыслящій о томъ, когда благоволить явить себя въ большемъ свѣтѣ и соединиться по причастію съ тѣмъ, кто имъ освѣщается, вовлекая всего его въ себя, такъ что онъ бываетъ весь во глубинѣ Духа, какъбы въ глубинѣ безмѣрныхъ свѣтлыхъ водъ; — тогда онъ восходитъ неизъяснимо въ совершенное повѣдѣніе, какъ вступившій туда, гдѣ все выше вѣдѣнія.

147) Умъ нашъ, будучи простъ, когда обяжется отъ всякаго сторонняго помышленія и увидеть въ простой свѣтъ Божій, тогда, будучи объять и сокрытъ весь симъ свѣтомъ не можетъ уже встрѣтить ничего кромѣ того свѣта, въ коемъ находится, чтобъ подвигнуться къ помышленію о томъ, но пребываетъ внутри божественнаго свѣта, не бывая попускаемъ посмотрѣть вовнѣ. И сіе-то показываетъ изреченіе: Богъ свѣтъ есть и свѣтъ высочайшій; почему когда бываетъ сказанное выше, тогда послѣдуетъ успокоеніе (почитіе) всякаго созерцанія.

148) Тогда приснодвижный умъ становится недвижимымъ и немыслящимъ, — безъ мыслей, — когда весь покроеся божественнымъ облакомъ и свѣтомъ, пребывая однакожъ въ сознательномъ созерцаніи и чувствѣ и вкушая тѣ блага, среди коихъ находится. Глубины Святаго Духа не таковы, какъ глубины воды морской, но онѣ суть живая вода вѣчной жизни. Все, что находится тамъ, въ глубинахъ Святаго Духа, непостижимо и неизъяснимо. Умъ входитъ внутрь того, послѣ того какъ минуетъ все видимое и мысленное, и среди тѣхъ непостижимыхъ вещей недвижно движется и вращается, живя паче жизни въ жизни, будучи свѣтомъ во свѣтѣ, и не свѣтомъ, поколику есть самъ въ себѣ. Тогда онъ видитъ не себя самого, но Того, Кто есть выше его, и, будучи измѣняемъ

мысленно отъ тамошней славы. становится совѣмъ незнающимъ себя самого.

149) Достигшій въ мѣру совершенства бываетъ мертвъ и немертъвъ, а живунъ паче жизни въ Богѣ, съ Коемъ пребываетъ, такъ какъ онъ не живетъ болѣе самъ по себѣ, какъ говоритъ Апостолъ: *живу же не ктому азъ, но живу въ мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Бываетъ онъ такъ-же слѣпъ и не слѣпъ; онъ смотритъ не естественными очами, такъ какъ сталъ выше всякаго естественнаго зрѣнія, получивъ новыя очи, несравненно лучшія естественныхъ очей. коими и смотритъ выше естества. Бываетъ бездѣйственъ и недвижимъ, какъ исполнившій всякое собственное дѣйствіе. Бываетъ немыслящъ, какъ содѣлавшійся едино съ Тѣмъ, Кто выше всякой мысли, и почившій тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста дѣйствию ума, — т.-е. движенію его въ воспоминаніи, или помыслѣ, или размышленіи. Не имѣя возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, онъ нѣкоторымъ образомъ опочиваетъ на семъ совершенномъ почитіи, новымъ недвиженіемъ блаженнаго нечувствія, т.-е. не любощтно наслаждался неизъяснимыми благами, съ чувствомъ однакожъ вѣрнымъ и опредѣленнымъ.

150) Кто не сподобился достигнуть въ такую мѣру совершенства и проникнуть до такихъ благъ, тотъ пусть винитъ себя одного, а не говоритъ въ извиненіе, что это дѣло невозможно, или что бываетъ въ насъ совершенство, такое однакожъ. о которомъ мы и не знаемъ. Удовольствіе будучи Божественнымъ Писаніемъ, да вѣдаетъ онъ, что дѣло сіе возможно, и въ истинный своей силѣ бываетъ въ дѣйствительности, и совершается завѣдомо съ сознаніемъ его; но, по причинѣ неисполненія и нарушенія заповѣдей Божіихъ, всякой собственно самъ себя лишаетъ такихъ благъ, соотвѣтственно своей не-исправности.

151) Богъ отъ начала сотворилъ два міра, видимый и невидимый, и царя надъ видимымъ, который носить въ себѣ характеристическія черты обоихъ міровъ—одного въ своей видимой части, а другаго въ части мысленной,—въ душѣ и тѣлѣ. Въ этихъ мірахъ сіяютъ и два солнца,—это видимое, и другое—мысленное. И что есть для видимаго и чувственнаго солнце, то есть для невидимаго и мысленнаго Богъ, Который есть и именуется солнцемъ правды. Чувственный міръ и все, что въ немъ, освѣщается чувственнымъ сямъ и видимымъ солнцемъ; а міръ мысленный и тѣ, которые находятся въ немъ, освѣщаются и осіяваются мысленнымъ солнцемъ правды. И чувственное освѣщается чувственнымъ солнцемъ, а мысленное—мысленнымъ раздѣльно, особо одно отъ другаго, такъ какъ несмѣшаны и неслияны между собою ни мысленное съ чувственнымъ, ни чувственное съ мысленнымъ.

152) Изъ всего видимаго и мысленнаго только одинъ человѣкъ созданъ отъ Бога двоякимъ. У него есть тѣло составленное изъ четырехъ стихій, чувство и дыханіе,—и душа мысленная, невещественная, нетѣлесная, соединенная неизреченно и неизслѣдованно, срастворенная неслиянно, и сочетанная несмѣсно съ тѣмъ, что есть въ тѣлѣ. И вотъ что есть человѣкъ,—животное смертное и безсмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видѣть видимое твореніе, и познавать мысленное. Какъ два солнца раздѣльно дѣйствуютъ каждое на свой міръ, такъ раздѣльно дѣйствуютъ они и на каждую сторону человѣка: одно освѣщаетъ тѣло, а другое душу, и каждое подаетъ изъ собственнаго своего свѣта соотвѣтствующей себѣ сторонѣ или богато или скудно, сколько можетъ вмѣстить освѣщаемый.

153) Чувственное солнце видимо, но не видитъ; мысленное же солнце и зримо бываетъ достойными, и само зрѣть всѣхъ, паче же тѣхъ, которые на него смотрятъ.

Чувственное солнце не говоритъ и никому не даетъ силы и способности говорить; мысленное же солнце и само говоритъ друзьямъ своимъ, и всѣмъ даетъ способность и силу говорить. Чувственное солнце, свѣтя на чувственный садъ, изсушаетъ только теплотою лучей своихъ сырость земную, а не насыщаетъ и не ботитъ растеній и сѣмянъ, мысленное же солнце когда возсіяетъ въ душѣ, оба сіи оказываютъ дѣйствія: изсушаетъ сырость страстей, очищая вмѣстѣ скверноту и зловоніе, происходящія отъ нихъ и сообщаетъ мысленной землѣ души удобреніе (жирною дѣлаетъ), т.-е. божественную благодать, кою будучи насыщаемы произрастенія добродѣтелей, мало помалу возрастаютъ въ довольствѣ.

154) Чувственное солнце, восходя, освѣщаетъ чувственный міръ, и все что въ немъ, людей, звѣрей и прочее все, надъ которыми одинаково простираетъ свѣтъ свой, царствуетъ въ полдень, затѣмъ опять скрывается, оставляя во тмѣ тѣ мѣста, надъ которыми свѣтило. Солнце мысленное возсіявъ, всегда свѣтитъ, невмѣстно вмѣщаясь все во всемъ, и вмѣстѣ отособляясь отъ тварей своихъ и неотдѣлимо отдѣльно пребывая отъ нихъ,—будучи все во всемъ и не будучи нигдѣ въ тваряхъ своихъ исключительно (такъ чтобы не быть въ другихъ мѣстахъ). Оно—все въ видимомъ и все въ невидимомъ,—все всюду присуще и нигдѣ—все, исключительно.

155) Христосъ есть начало, середина и конецъ. Онъ есть и въ первыхъ и въ среднихъ и въ послѣднихъ,—и какъ сѣть въ первыхъ, такъ и во всѣхъ. Для Него нѣтъ разности между сими, какъ *нѣтъ* у Него *ни варваръ, ни Скивъ, ни Еллинъ, ни Іудей, ни вселенская и во всѣхъ Христосъ* (Гал. 3, 28).

156) Святая любовь, проникая всѣхъ отъ первыхъ до послѣднихъ, отъ головы до ногъ, всѣхъ съ собою сочетаваетъ, сдѣлываетъ, связываетъ и единитъ, и дѣлаетъ

ихъ крѣпкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому изъ нихъ одною и тоюже. Она есть Богъ, съ Коемъ и послѣдніе бывають первыми, и первые, какъ послѣдніе.

157) Какъ мысленные чины небесныхъ Силъ освѣщаются Богомъ по порядку, такъ что божественное свѣтолитіе проникаетъ изъ перваго чиноначалія во второе, изъ этого въ третье и такъ во всѣ: такъ и святые, будучи освѣщаемы святыми ангелами, связуемы и соединяемы союзомъ Святаго Духа, дѣлаются равночестными съ ними и подобными имъ. Затѣмъ святые,—которые являются изъ рода въ родъ, отъ времени до времени, послѣ святыхъ, предшествовавшихъ имъ — посредствомъ исполненія заповѣдей Божіихъ прицѣпляются къ нимъ,—къ тѣмъ прежнимъ и, получая благодать Божію, осіяваются подобно имъ,—всѣ же послѣдовательно составляютъ такимъ образомъ нѣкую златую цѣпь, каждый будучи особымъ звеномъ сей цѣпи, соединяющимся съ предыдущимъ посредствомъ вѣры, добрыхъ дѣлъ и любви,—цѣпь, которая, утверждаясь въ Богѣ, неудоборазрывается есть.

158) Кто не изволяетъ со всюю любовію и желаніемъ въ смиренномудріи соединиться съ самымъ послѣднимъ (по времени) изъ всѣхъ святыхъ, имѣя къ нему нѣкое невѣріе, тотъ никогда не соединится и съ прежними, и не будетъ вчиненъ въ рядъ предшествовавшихъ святыхъ, хотя бы ему казалось, что онъ имѣетъ всю вѣру и всю любовь къ Богу и ко всѣмъ святымъ. Онъ будетъ изверженъ изъ среды ихъ, какъ не изволившій въ смиреніи стать на мѣсто, пржеде вѣкъ опредѣленное ему Богомъ, и соединиться съ тѣмъ послѣднимъ (по времени) святымъ, какъ предопредѣлено сіе ему Богомъ.

159) Сколько хочетъ Богъ быть нами познаннымъ, столько открывается,—и сколько откроется, столько

зримъ бываетъ и познавается достойными. Но сподобиться сего и испытать сіе никто не можетъ, если прежде не соединится съ Духомъ Святымъ, стяжавъ напередъ трудами и потоми сердце чистое, простое и сокрушенное.

160) Какъ тотъ кто станетъ предлагать уроки по реторикѣ и философіи изучающему лишь азбуку, не только никакой не принесетъ ему пользы, но отгратитъ его и отъ того, что онъ проходитъ и сдѣлаетъ, что онъ забудетъ выученное, потому что умъ его не вмѣщаетъ предлагаемыхъ ему учений; такъ и тотъ, кто толкуетъ о послѣднихъ степеняхъ совершенства новоначальнымъ и особенно болѣе лѣнивымъ изъ нихъ, не только не принесетъ имъ пользы, но еще сдѣлаетъ, что они возвратятся вспять; потому что какъ взглянуть они на высоту добродѣтели и увидятъ, какъ далеко отстоятъ отъ вершины ея, то, подумавъ, что имъ никакъ невозможно взойти на верхъ ея, бросятъ и тѣ немногія добрыя дѣла, которыя начали уже дѣлать, какъ безполезныя, и погрузятся въ безнадежіе.

161) Которыхъ держать въ своей власти и надъ которыми господствуютъ страсти, тѣ,—когда услышатъ, что совершенный по Ногу человекъ почитаетъ себя нечистымъ паче всякаго человека, всякаго животнаго и всякаго звѣря,—и что онъ, будучи безчестимъ, радуется, будучи злословимъ, благословляетъ и хвалить. будучи гонимъ, терпитъ, и со слезами и болѣзнію сердечною молить Бога о врагахъ своихъ,—вопервыхъ не вѣрятъ всему этому, почитая и выставляя себя подобными имъ; потомъ, будучи обличаемы Божественнымъ Писаніемъ и опровергаемы святыми, показавшими все сіе на самомъ дѣлѣ, сознаются, что не могутъ достигнуть въ такую мѣру совершенства; а когда услышатъ, что если они не станутъ такъ поступать, то и спастися не могутъ, тогда,

не желалъ отстать отъ грѣховныхъ навыковъ и покаяться, въ чемъ согрѣшили, впадаютъ въ безнадежіе.

162) Гдѣ глубокое смиреніе, тамъ и слезы обильныя; а гдѣ есть сіе, тамъ есть и присѣщеніе Святаго Духа; когда же придетъ благодать поклоняемаго Духа, тогда въ томъ, кто начинаетъ быть подъ дѣйствіемъ Его, является всякая чистота и святость.—тогда онъ зрѣтъ Бога, и Богъ призываетъ на него. Ибо Господь говоритъ: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66, 2).

163) Человѣкъ можетъ побѣждать страсти, но не можетъ ихъ искоренить. Онъ получилъ власть не дѣлать зла, но не и не помышлять о немъ. Благочестіе же настоящее состоятъ не въ томъ только, чтобъ не дѣлать зла, но чтобъ и не помышлять о немъ. Кто помышляетъ о злѣ, въ томъ нѣтъ чистоты. Ибо какъ можетъ быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, какъ зеркало затемняется пылью?

164) Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бываетъ тревожимъ и тяготимъ какою-либо страстію, но и не помышляетъ даже ни о чемъ худомъ, или мірскомъ, хотя бы и хотѣлъ того, и одну память о Богѣ держитъ въ себѣ съ неудержимою любовію. Ибо око души, умъ, когда ничто не мѣшаетъ его созерцанію, чисто въ чистомъ свѣтѣ видитъ Бога.

165) Безстрастіемъ почитаю я то, когда кто не только удалется отъ дѣйствованія по влеченію страстей, но чуждъ бываетъ и самой похоти ихъ; и не это только, но когда умъ его обнаженъ отъ самаго помышленія о нихъ и свободно возносится выше небесъ, какъ ни захочетъ, заходя за предѣлы всего видимаго и чувственнаго, какъбы чувства его были совсѣмъ закрыты и умъ превиталъ въ области выше-чувственной, имѣя однакожъ

съ собою и чувства, какъ орёлъ имѣетъ свои перья (въ выси при себѣ).

166) Ни умъ безъ чувства не проявляетъ своихъ дѣйствій, ни чувство безъ ума.

167) Сердце чисто есть и называется то, которое не находитъ въ себѣ никакого помышленія, или помысла мірскаго, но все прилѣплено къ Богу и сочтано съ Нимъ такъ, что не воспоминаетъ уже ничего мірскаго, ни печальнаго, ни радостнаго, но превитааетъ въ созерцаніи, возносясь до третьяго неба, восторгаясь въ рай и видя наслѣдіе благъ, обѣтованныхъ святымъ,—примѣнительно къ чему представляетъ потомъ, сколько возможно сіе для немощи человѣческой, и блага вѣчныя. Вотъ что служить знаменіемъ чистоты сердечной и вѣрнымъ признакомъ, по которому всякій можетъ опредѣлить мѣру своей чистоты и видѣть себя какъ въ зеркалѣ.

168) Какъ тотъ, кто находится внѣ дома, не видитъ тѣхъ, которые заперты въ домѣ, такъ и тотъ, кто распялся и умеръ міру, не имѣетъ никакого чувства о вещахъ и дѣлахъ міра.

169) Какъ мертвое тѣло не имѣетъ никакого чувства ни къ живымъ тѣламъ, ни къ мертвымъ, лежащимъ внѣстѣ съ нимъ; такъ и изшедшій изъ міра благодатию Святаго Духа и сущій съ Богомъ, не имѣетъ чувства къ міру, ни пристрастія къ вещамъ міра, хотя подлежитъ потребностямъ тѣла.

170) Бываетъ смерть прежде смерти физической, и прежде воскресенія тѣлъ бываетъ воскресеніе душъ,—дѣломъ, опытомъ, силою и истиною. Ибо когда смертное мудрованіе уничтожается безсмертнымъ умомъ и мертвенность изгоняется жизнію, тогда душа, какъбы воскресшая изъ мертвыхъ, узрѣваетъ чисто себя саму, какъ узрѣваютъ себя пробудившіеся отъ сна, и познаетъ истинно Бога, ее воскресившаго о Коемъ помышляя, и

Коего благодаря, выходить она за предѣлы чувствъ и всего міра, преисполненная неизреченной сладости, и тѣмъ заставляеть утихнуть всякое мертвенное движеніе.

171) Иное вносится (въ жизнь спасительную) нами самими, иное подается намъ Богомъ. Чѣмъ больше мы очищаемся посредствомъ собственныхъ нашихъ трудовъ и священныхъ поговъ, тѣмъ болѣе свѣтимся божественнымъ свѣтомъ, тѣмъ болѣе очищаемся собственными слезами нашими, приносимъ отъ себя слезы и вмѣсто ихъ получая отъ Бога свѣтъ сокрушенія.

172) Многіе, принося собственное свое, не получали того, что обыкновенно подается Богомъ. Это явно изъ того, что сдѣлали и что пострадали Каинъ и Исавъ. Ибо если кто не привнесетъ своего съ правымъ помысломъ, съ благочестивымъ расположеніемъ, съ вѣрою и великимъ смиреніемъ, то нельзя чтобы Богъ призрѣлъ на него милостиво и принять приносимое имъ, а не припавши сего, нельзя, чтобы далъ вмѣсто того и то, что обыкновенно Имъ подается въ такомъ случаѣ.

173) Мертвъ для святыхъ міръ и люди міра. Почему, какъ мірскіе, видя, не видятъ добрыхъ дѣлъ святыхъ мужей, и слыша, не могутъ нисколько понять божественныхъ словесъ, предлагаемыхъ или благодатию Святаго Духа, такъ и духовные и святые мужи не могутъ видѣть лукавыхъ дѣлъ лукавыхъ мірскихъ людей, и понять страстныхъ рѣчей ихъ,—т.-е. и они, видя, не видятъ что въ мірѣ и слыша о томъ, что касается мірскихъ людей, находятся въ такомъ божественномъ состояніи и расположеніи, какъ бы не слышали то, по немѣнію къ тому чувства. Такимъ образомъ не бываетъ никакого общенія ни у духовныхъ съ мірскими, ни у мірскихъ съ духовными.

174) Какъ явно раздѣленіе свѣта и тьмы и смѣшеніе ихъ невозможно: *когда бо общеніе свѣту ко тмѣ, или кая*

часть отъру съ нечестивыми (2 Кор. 6, 14. 15), такъ такое же бываетъ раздѣленіе одного съ другимъ и въ тѣхъ, кои имѣютъ Святаго Духа, и въ тѣхъ, кои не имѣютъ Его. Ибо духовосцы имѣютъ житіе свое на небесахъ, сдѣлавшись изъ людей болѣе ангелами, а эти (неимѣющіе Духа) сидятъ еще во тѣхъ прародительской и въ сѣни смерти, прикованные къ землѣ и земному. И тѣ освѣщаются обильно мысленнымъ невечернимъ свѣтомъ, а эти только чувственнымъ; тѣ видятъ и себя самихъ и ближнихъ,—а эти, видя каждый день и себя самихъ и ближнихъ умирающими душевною смертію, не знаютъ и не вѣрятъ, что есть воскресеніе мертвыхъ. судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ его.

175) Имѣешь ли ты Духа Святаго, это можешь ты вѣрно узнать изъ дѣйствій Его въ тебѣ, какъ говорить о семъ св. Павелъ,—что *идѣ Духъ Господень, тамъ свобода* (2 Кор. 3, 17),—и что тамъ *плоть убо мертвы грѣха ради, духъ же живетъ правды ради* (Рим. 8, 10, — что *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Ибо крестившіеся въ Духъ Святой облеклись во всего Христа, стали сынами свѣта и ходятъ въ невечернемъ свѣтѣ, видя міръ не видятъ и слыша мірское не слышатъ. Какъ о плотскихъ людяхъ написано, что они, видя, не видятъ, и слыша о божественныхъ вещахъ, не разумѣютъ того и не могутъ вмѣстить духовнаго, потому что оно кажется имъ буйствомъ: такимъ же образомъ разсуждай и объ имѣющихъ въ себѣ Духа, что они хотя носятъ тѣло, но не плотяны суть, какъ говорить Апостолъ: *вы есте во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ* (Рим. 8, 9). Они мертвы для міра и міръ мертвъ для нихъ, какъ онъ же говоритъ о нихъ въ своемъ лицѣ: *мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14).

176) Какъ человѣкъ двоякъ, состоя изъ души и тѣла,

такъ и міръ, подобно ему, двоякъ—видимый и невидимый, и въ каждомъ изъ нихъ свои особыя идутъ дѣла, по духу каждаго, и свои заботы о дѣлахъ. Тоже нахожу я и въ видѣніяхъ и снахъ. Чѣмъ душа занята и о чемъ разглагольствуетъ наяву, о томъ мечтаетъ или философствуетъ она и во снѣ: или проведши весь день въ заботахъ о дѣлахъ человѣческихъ, объ нихъ же суетится она и въ сновидѣніяхъ, или поучавшись все время въ вещахъ божественныхъ и небесныхъ, въ видѣніе ихъ входитъ и во время сна и умудряется видѣніями, по Пророку: *юноши ваши видѣнія узрятъ* (Іоиль въ Дѣяв. 2, 17). И не прельщается ложными сновидѣніями, но сновидитъ истинное и поучается откровеніями.

177) Когда желательная часть души движется на страсти, утѣхи, наслажденія и удовольствія міра сего, тогда душа видитъ и сны, подобные сему. И опять, когда раздражительная часть души озвѣрится и разсвирѣпѣваетъ противъ однородныхъ себѣ людей, тогда и въ сновидѣніяхъ видятся нападенія звѣрей и пресмыкающихся, войны и брани, споры и бой въ судахъ съ тѣми, съ коими состоятъ въ раздорѣ. Когда же умовая часть души надымается въ тщеславіи и гордости, тогда во снѣ мечтаются воспаренія на воздухъ на крыльяхъ, или воссѣданія на высокихъ креслахъ судей и властителей народныхъ, торжественные выходы и встрѣчи и т. п.

178) У тѣхъ только бываютъ истинныя во снѣ видѣнія (ихъ не слѣдуетъ называть снами, а видѣніями),—которыхъ умъ благодатію Святаго Духа слѣлался простъ и свободенъ отъ всякаго давленія со стороны страстей и отъ рабства имъ,—у которыхъ вся забота и попеченіе о божественномъ и все помышленіе о будущихъ наградахъ и воздаяніяхъ,—которыхъ жизнь выше жизни живущихъ, безпечительна, не развлечена, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небеснаго вѣдѣнія и дру-

гихъ плодовъ благихъ, воздѣлываемыхъ въ нихъ Духомъ Святымъ; у тѣхъ же, кои не таковы, сны ложны и безпорядочны, и все въ нихъ обманъ и прелесть лъвая.

179) Кто дѣлаетъ мертвую волю свою, тотъ всеконечно дѣлается безвольнымъ, не имѣющимъ воли; изъ живыхъ же и самодвижныхъ тварей нѣтъ ни одной безвольной, кромѣ неимѣющихъ чувства и движенія. Растенія движутся нѣкакo внутри и возрастаютъ; но не говорится, что они дѣлаютъ это движеніе и возрастаніе по естественной волѣ своей, потому что они бездушны. Но всякая воодушевленная тварь имѣетъ и естественную волю. Итакъ, кто умертвитъ волю свою подвигомъ и особымъ направленнымъ къ тому вниманіемъ и тщаніемъ, и сдѣлается безвольнымъ, тотъ очевидно вышелъ изъ естества своего и сталъ внѣ его, и ничего уже не хочетъ собственнымъ хотѣніемъ своимъ, и ничего не дѣлаетъ самъ, ни добраго, ни худаго.

180) Изъ тѣхъ, которые сподобились содѣлаться едино съ Богомъ, соединясь съ Нимъ содѣйствіемъ Святаго Духа, и вкусить неизреченныхъ благъ Его, никто не услаждается пустою, скажу—безчестною и ничтожною славою, приносимою ему отъ людей; не вождѣлѣваетъ онъ такъ же ни денегъ, ни одеждъ дорогихъ, ни камней многоцѣнныхъ, какъ называютъ ихъ люди неразумные; не любитъ прилѣплять сердца своего, или пристрастіе имѣть и къ богатству, текучему и непостоянному, переносящемуся отъ одного къ другому;—не любитъ и того, чтобъ знаему быть царямъ и начальствующимъ, которые не суть поистинѣ начальники, властители господственные, будучи обладаемы и господствуемы многими страстями; онъ и не почитаетъ ихъ за что либо великое и высокое и не думаетъ, чтобъ они особою какою облакали славою тѣхъ, кои близкими становятся къ нимъ; не желаетъ быть близкимъ и къ другому кому изъ именитыхъ и

славныхъ въ мірѣ семь, какъ никто не желаетъ изъ богатаго сдѣлаться бѣднымъ, или изъ властнаго начальника, великаго и славнаго сдѣлаться безчестнымъ, безславнымъ, презрѣннымъ, низшимъ всѣхъ.

181) Тому, кто много говоритъ устами въ молитвѣ своей, не удобно сознавать все, что говорить; но кто молится немногословно, тотъ можетъ сознавать, что говорить въ молитвѣ. Тѣмъ, которые не все сознаютъ хорошо, что говорятъ, положено много говорить; тотъ же, кто научился сознавать, что говорить въ молитвѣ, не можетъ говорить много, чтобъ не разсѣиваться умомъ. Нѣтъ нужды много говорить къ Богу, но немного съ разумнымъ сознаниемъ того, т.-е. чтобъ понимаемо было то. Впрочемъ молиться съ разумнымъ сознаниемъ никакъ невозможно, не сдѣлавшись причастникомъ Духа Святаго. Если кто не содружится съ Богомъ чрезъ Господа Иисуса Христа во Святомъ Духѣ, то душа его не можетъ молиться съ разумнымъ сознаниемъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ отцевъ: то, силою чего мы молимся, какъ должно, есть Духъ Святой. Итакъ, кто думаетъ, что молится настоящимъ образомъ безъ Духа Святаго, тотъ и, прославляя Бога пѣснословно, тоже что хулить Его, поколику нечистъ есть и не содружился еще съ Богомъ.

182) Какъ тотъ, кто всегда смотритъ на солнце чувственное, и нехотя претерпѣваетъ измѣненіе въ зрѣніи, т. е. начинаетъ смотрѣть иначе, потому что не можетъ ничего другаго изъ видимаго видѣть, а во всемъ видитъ одно солнце: такъ и тотъ, кто умомъ своимъ и сердцемъ всегда смотритъ на умное солнце правды,--и нехотя претерпѣваетъ измѣненіе въ умномъ зрѣніи, потому что онъ ничего уже изъ земнаго воображать не можетъ, но во всемъ видитъ единаго Бога.

183) *) Спросили однажды святаго и блаженнаго сего Симеона, каковъ долженъ быть іерей, и онъ отвѣтилъ, говоря: я недостойнъ быть іереемъ, но каковъ долженъ быть іерей, вѣрно знаю. Вопервыхъ, онъ долженъ быть чистъ не только тѣломъ, но и душою, и при этомъ непричастенъ никакому грѣху. Во вторыхъ, онъ долженъ быть смиренъ не по внѣшнему только себя-держанію и обычаю дѣйствовать, но и по внутреннему настроенію. Потомъ, когда предстоитъ священной и святой трапезѣ, долженъ всеконечно, видя чувственно святыя дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присуи въ дарахъ, долженъ онъ стяжать и имѣть обитающимъ въ себѣ въ сердцѣ своемъ сознательно, чтобъ такимъ образомъ съ дерзновеніемъ могъ онъ возносить моленія къ Богу и, какъ другъ съ другомъ бесѣдуя, говорить: *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ, да святится имя Твое*: потому что молитва сія показываетъ, что произносящій ее имѣетъ живущимъ въ себѣ сущаго по естеству Сыномъ Божиимъ, со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Такихъ видѣлъ я пресвитеровъ, простите мнѣ отцы и братія.

184) Говорилъ онъ еще и слѣдующее, будто обинномъ комъ себя прикрывая и бѣгая славы человѣческой, понуждаемый однажды объявить то по любви къ ближнему на общую пользу: слышалъ я, говорить, отъ одного монаха іерея, довѣрлявшагося мнѣ, какъ другу своему: никогда (говорилъ онъ) не литургисалъ я, не увидѣвъ Духа Святаго, какъ видѣлъ Его сошедшимъ на меня въ то время, когда меня рукополагали и митрополитъ читалъ надо мною молитву іерейскаго посвященія и Евхологій **) лежалъ на бѣдной главѣ моей. Я спро-

*) Это и слѣд. и въ Добротол. сест.—тоже изъ концѣ.

**) Омофоръ съ возложеніемъ руки; а Евхологій, или служебникъ держать книгодержецъ.

силъ его: какъ онъ Его тогда видѣлъ и въ какого рода образѣ? Онъ сказалъ: простымъ и безвиднымъ, однакожь какъ свѣтъ; и когда я увидѣвъ то, чего никогда не видѣлъ, удивился сначала и самъ въ себѣ разсуждалъ, что бы это было такое,—тогда Онъ таинственно, но внятнымъ гласомъ сказалъ мнѣ: Я такъ нисхожу на всѣхъ Пророковъ и Апостоловъ, и нынѣшнихъ избранниковъ Божіихъ и святыхъ; ибо Я есмь Святый Духъ Божій.—Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛОВО СТАРЦА СИМЕОНА БЛАГОГОВѢЙНАГО.

Предлежащее слово подвижническое и правоучительное, состоящее изъ многихъ главъ, не св. Симеону Новому Богослову принадлежитъ, а Симеону благоговѣйному, старцу св. Симеона Новаго Богослова.

1) *) Брате, въ самомъ началѣ отреченія своего отъ міра потщися насадить въ себѣ благія добродѣтели, чтобъ и братству ты былъ полезенъ, и самого тебя Господь возвеличилъ напоследокъ. Не стяживай себѣ особаго дерзновенія предъ игуменомъ и не ищи себѣ особой отъ него чести. Не стяживай дружбы съ наибольшими въ обители, и не учадай въ келліи ихъ, зная, что чрезъ это не только страсть тщеславія начнетъ пускать въ тебѣ свои корни, но и самому настоятелю сдѣлаешься ненавистенъ; а почему это,—разумѣвая да разумѣть. Сиди въ мирѣ въ келліи своей, какова бы она ни была, во и хотящаго посѣтить тебя и побесѣдовать съ тобою, не отвращайся, ради сохраненія своего благоговѣинства; потому что, съ совѣта отеческаго бесѣдуя съ нимъ. не потерпишь вреда, хотя бы онъ былъ и изъ противныхъ, т.-е., несогласенъ съ тобою ни въ правилахъ, ни въ мысляхъ. Если и не видишь, чтобъ это было полезно

*) Добротол. 120.

для тебя, дѣлай такъ, побуждаясь возможностью доставить пользу другому.

2) Должно всегда имѣть страхъ Божій и каждодневно обстѣдывать и обесуждать, что добраго и что худаго сдѣлано тобою,—и доброе предавать забвенію, чтобъ не впасть въ страсть тщеславія, а о противномъ тому проливать слезы съ исповѣдію и напряженною молитвою. Судь сей надъ собою совершай такъ. Когда кончится день и настанетъ вечеръ, начинай разглагольствовать съ собою и вопрошать себя: какъ, съ помощію Божіею, провелъ я день сей? Не осудилъ ли кого? не досадилъ ли кому словомъ? не соблазнилъ ли кого? не посмотрѣлъ ли страстно на чье-либо лице? Не преслушалъ ли въ чемъ настоятеля по послушанію своему и понерадѣлъ о немъ? не прогнѣвался ли на кого? Стоя въ собраніи (церковномъ), не занималъ ли ума своего чѣмъ бесполезнымъ, или отяготяся отъ лѣности богослуженіемъ, не уходилъ ли изъ церкви и съ правила? Хотя бы ты нашелъ себя во всемъ этомъ неповиннымъ,—что однакожь невозможно,—потому что *никто не бываетъ чистъ отъ скверны, аще и единъ день будетъ житіа его* (Іов. 14, 4), и *никто похвалится чисто имѣти сердце* (Притч. 20, 9); и тогда, помянувъ это, возопій къ Богу со многими слезами: Господи, прости мнѣ, елика согрѣшихъ словомъ и дѣломъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи; ибо мы во многомъ погрѣшаемъ, и не зная того.

3) Каждодневно должно исповѣдывать всякій помыслъ духовному отцу своему, и что онъ будетъ говорить тебѣ, принимать то какъ изъ устъ Божіихъ съ полнымъ убѣжденіемъ (въ истинѣ того непреложной); другому же никому не передавать. что-де спросилъ я отца моего о томъ-то и томъ-то, и онъ отвѣтилъ мнѣ то и то; и тѣмъ паче не переспрашивать, хорошо ли онъ сказалъ мнѣ это, и что мнѣ дѣлать во уврачеваніе себя? Потому что

это суть слова невѣрія отцу своему, и пагубны для души. Это наиболѣе случается обычно съ новоначальными.

4) Всѣхъ, сущихъ въ киновіи, должно видѣть святыми и только себя одного почитать грѣшнымъ и послѣднимъ. прилагая къ сему, что изъ всѣхъ спасаемыхъ ты одинъ осужденъ будешь на вѣчныя муки въ день онъ. Когда стоишь на службѣ, все объ этомъ думай, и не переставай тепло плакать въ сокрушеніи сердечномъ, не обращая вниманія на соблазняющихся, или насмѣхающихся. Только когда увидишь, что начинаешь отъ этого поскользаться на тщеславіе, тогда выходи изъ церкви и дѣлай это втайнѣ, поскорѣе возвращаясь потомъ на свое мѣсто. Это для новоначальныхъ очень полезно, особенно во время шестопсалмія, чтенія Псалтири и поученій, и во время божественной литургіи. Но смотри никого не осуждай, а вотъ что положи въ умъ своемъ: тѣ, которые видятъ меня такъ плачущимъ, почитая меня многогрѣшнымъ усердно молятся о мнѣ. И конечно такъ непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу,— и Божію привлеченіе благодать, и божественнаго блаженства причастникомъ сдѣлаешься.

5) Не ходи ни къ кому въ келлію, кромѣ игумена, и это какъ можно рѣже. Но если желаешь спросить его о какомъ-либо помыслѣ, дѣлай это въ церкви; отъ службы же церковной прямо уходи къ себѣ въ келлію и потомъ на дѣло послушанія своего; а послѣ повечерія, положивъ поклонъ игумену и испросивъ молитвъ, опять поникши головой, съ молчаніемъ бѣги въ келлію. Лучше одно Трисвятое прочитать со вниманіемъ и лечь спать, нежели безъ сна провести четыре часа въ бесполезныхъ разговорахъ. Впрочемъ гдѣ сокрушеніе и плачь духовный, тамъ и божественное осіяніе: а когда оно найдетъ, тогда отгоняются и лѣнь, и немощь.

6) Особой любви ни съ какимъ лицомъ не заводи, осо-

бенно изъ новоначальныхъ, хотя и покажется тебѣ жизнь его очень хорошою и нимало не подозрительною. Потому что изъ духовной такая любовь очень часто прелается въ страстную и бываетъ причиною многихъ бесполезныхъ скорбей. И это случается наиболѣе съ тѣми, кои ревностнѣе подвизаются. Впрочемъ смиреніе и частая молитва научать, какъ тутъ поступать; подробно же говорить о семъ здѣсь не нахожу умѣстнымъ. Разумѣй да разумѣть.

7) Въ отношеніи къ каждому брату въ киновіи надо держать себя чужимъ и страннымъ, особенно изъ тѣхъ, кои были знакомы по мірской жизни; но всѣхъ любить, и любить ровно,—на благоговѣйныхъ и подвижниковъ смотрѣть какъ на святыхъ, а о подобно мнѣ нерадивыхъ прилежно молиться. Впрочемъ, какъ и выше показали мы, почитая всѣхъ святыми, потисися плачемъ очиститься отъ страстей, чтобъ, освѣтившись благодатію, на всѣхъ смотрѣть одинаково и сподобиться блаженства чистыхъ сердцемъ.

8) Вотъ что почитай совершеннымъ, имени своего достойнымъ, удаленіемъ отъ міра, — всеконечное воли своей умерщвленіе; потомъ безпристрастіе къ родителямъ, роднымъ и друзьямъ и совершенное отъ нихъ отреченіе.

9) Далѣе еще,—обнаженіе себя отъ всего имущества своего, чрезъ раздаяніе его бѣднымъ, по слову Господа, сказавшаго: *продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ* (Мѡ. 19, 21); и забвеніе дѣйствительное всѣхъ лицъ, какія сердечно любилъ, или плотскою или духовною любовію.

10) Также исповѣданіе всѣхъ сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самаго часа надѣлано тобою. духовному отцу, или игумену, какъ самому Богу, испытующему сердца и утробы, вѣдая какъ Іоаннъ крестилъ крещеніемъ покаянія, и всѣ шли къ нему исповѣдывать грѣхи свои (Мр. 1, 4. 5). Ибо отъ этого бываетъ великая

радость на душѣ и облегченіе совѣсти, по пророческому слову: *глаголи ты пересте грѣхи твоя, да оправдишися* (Ис. 43, 26).

11) Еще и то, чтобъ положить въ помыслѣ такое убѣжденіе, что послѣ твоего поступленія въ обитель, померли твои родители и друзья, и почитать отцемъ и матерію лишь Бога и настоятеля; затѣмъ ничего уже у нихъ не просить ради тѣлесной потребности. Если они по своему о тебѣ попеченію пришлютъ тебѣ что, прими то и помолись о нихъ за ихъ о тебѣ заботу, но присланное отдай въ гостинницу или въ больницу, и сдѣлай это со смиреніемъ, потому что это не есть дѣло совершенныхъ, но послѣднѣйшихъ.

12) Дѣлай всякое дѣло доброе со смиреніемъ, помня слово Господа: *егда сотворите вся повелѣнія вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лк. 17, 10).

13) Всячески блюдись, чтобъ никогда не принимать св. Причастія, имѣя что-либо на кого, даже въ видѣ прилога помысла, пока не устроишь совершеннаго примиренія съ нимъ посредствомъ покаянія. Впрочемъ и этому научишься отъ молитвы.

14) Каждодневно будь готовъ къ подъятію всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавленіе отъ многихъ долговъ, и благодари за нихъ (когда встрѣтятся) Святаго Бога. Сия образъ стяжевается непостыдное упованіе по слову великаго Апостола: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3—5); такъ какъ, по неложному обѣтованію, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 8), есть достояніе тѣхъ, кои, съ помощію благодати, показываютъ полное терпѣніе въ скорбяхъ; безъ благодати же, ничто не можетъ быть сдѣлано какъ слѣдуетъ.

15) Не имѣй въ келліи своей никакихъ вещей, даже до иглы, кромѣ рогожи, овечьей кожи, рясы, и того, во что одѣваешься (или чѣмъ одѣваешься ночью),—если возможно, ни даже подножія. Есть что сказать о всемъ этомъ; но разумѣй да разумѣеть.

16) Опять и у игумена не проси ничего потребнаго, кромѣ положеннаго по уставу; но и это, когда самъ онъ позоветъ тебя и дастъ, никакъ не соглашаясь при семъ съ помысломъ, внушающимъ переимѣнить что-либо изъ даемаго, но каково бы оно ни было, принимай то съ благодарностію, какъ отъ Бога,—и тѣмъ довольствуясь, безъ замысла купить другое отъ себя, потому что это неумѣстно. Такъ какъ платье загрязняется, то его надо мыть дважды въ годъ, выпрашивая на это время подобно нищему и страннику, со всемъ смиреніемъ, у другаго брата, чѣмъ одѣться, пока своя одежда вымытая высохнетъ на солнцѣ, и потомъ опять отдавалъ то съ благодарностію. Такъ и съ рясою поступать надобно и со всемъ другимъ.

17) Трудись по силѣ (не лѣнясь) въ дѣлѣ послушанія, а въ келліи прилежи молитвѣ, со вниманіемъ, сокрушеніемъ и частыми слезами, не слагаясь въ сердцѣ съ помысломъ, что-де, какъ нынѣ я преутрудился, то отниму немного отъ молитвы, труда ради тѣлеснаго: ибо говорю тебѣ, что сколько бы кто ни преутруждалъ себя въ дѣлѣ послушанія, коль скоро чрезъ это отвлекается онъ отъ молитвы, пусть держать въ мысли, что потерялъ нѣчто великое. И это такъ есть воистину.

18) Прежде всѣхъ приходи въ церковь на богослуженіе и послѣ всѣхъ выходи, кромѣ крайней какой нужды,—особенно на утреню и литургію.

19) Всякое повиновеніе имѣй къ своему игумену, отъ коего и постриженъ ты, и безъ раздумыванія исполняй, что ни повелитъ онъ, даже до смерти, хотя бы то каза-

лось тебѣ и невозможнымъ. Дѣйствуя такъ, будешь подражателемъ Того, Кто послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя. Но не только игумена, но и всю братію, и того, кому поручено смотрѣть за послушаніями, ни въ чемъ не должно преслушивать. Если онъ назначить тебѣ что не по силамъ тебѣ, положивъ поклонъ, проси снисхожденія; если не снизоидеть, понудь себя исполнить то, помышляя, что *нудящихся есть царствіе и что его восхощаютъ тѣ, которые нудятъ себя* (Мѡ. 11, 12).

20) Съ сокрушеннымъ сердцемъ припадай къ ногамъ всей братіи, какъ ничтожный, безвѣстный и совсѣмъ будто не сущій. Кто такъ обращается со всѣми и такъ проводитъ жизнь свою, тотъ, дерзаю сказать, бываетъ пророчливымъ, и съ помощію благодати многое предсказываетъ. Таковой молится и о прегрѣшеніяхъ другихъ братій, пребывая неразвлекаемымъ пристрастіемъ къ вещественному, такъ какъ духовная божественная любовь не попускаетъ ему поскользнуться на это. Предсказывать недивное дѣло. Часто бываетъ это и отъ бѣсовъ, — но разумѣй уразумѣть сіе. Впрочемъ, когда кто начнетъ исповѣдывать, или принимать открытія ему помысловъ другими, то бываетъ, что лишается и сего, будучи завнять разсужденіемъ помысловъ другихъ. Но если по великому смиренію перестанетъ это дѣлать, т.-е. выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится въ прежнее устроеніе. Почему такъ бываетъ, знаетъ единый Богъ; я же, страхомъ объемлемъ, не дерзаю говорить объ этомъ.

21) Имѣй умъ всегда въ Богѣ и во время сна и во время бодрствованія, при вкушеніи пищи и бѣсѣдѣ, за рукодѣльемъ и всякимъ другимъ дѣломъ, по слову Пророка: *предрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 9). Почитай себя грѣшнѣйшимъ паче

всякаго чловѣка. Ибо когда такое помышленіе долгое время занимаетъ умъ и сердце, тогда внутри обыкновенно является нѣкое духовное возсіяніе свѣта, на подобіе луча. И чѣмъ болѣе разыскиваешь его, со вниманіемъ крѣпкимъ, мыслию неразвлеченною, трудомъ великимъ и слезами, тѣмъ болѣе оно является яснѣйшимъ и яснѣйшимъ: являясь таковымъ, возлюбляется; любимо бывая, очищаетъ: очищая, дѣлаетъ боговиднымъ, просвѣщая и научая различать доброе отъ худаго. Впрочемъ, брате, много требуется труда и съ Божіею помощію, чтобъ такое сіяніе благодатное совершенно вселилось въ душу твою и се освѣщало, какъ луна мракъ ночи. Потребно также внимательно смотрѣть, не прокрались бы прилоги помысловъ тщеславія и самолюбія, чтобъ не осудить кого, видя, что онъ дѣлаетъ что-нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа чрезъ вселеніе въ нее благодати и установленіе въ пей мирнаго устройства освободилась отъ страсти и искушеній, обыкновенно влагаютъ въ нее такіе помыслы; но помощь отъ Бога (приходятъ и разоряютъ ихъ козни). Да будетъ у тебя и плачь непрестанный, и сытости въ слезахъ не знай. Внимай еще, какъ бы не пострадать чего изъ-за обильной радости духовной и умиленія; а постраждаешь, если подумаешь, что они суть плодъ собственного твоего труда, а не благодати Божіей, потому что за это они взяты будутъ отъ тебя,—и ты много поищешь ихъ въ молитвѣ, и не обрящешь, и узнаешь, какое потерялъ ты дарованіе благодати. Но Господи, никогда не попусти намъ лишиться благодати Твоей. Впрочемъ, брате, если и случится сіе съ тобою, возверзи на Бога немощь свою и возставъ, воздвѣнь руки свои, и такъ говори въ молитвѣ: Господи! помилуй меня грѣшнаго, немощнаго и бѣднаго, и низпосли на меня благодать Твою, не попуская мнѣ искутитися паче, нежели могу. Виждь, Господи, въ ка-

кое бездушіе и въ какіе помыслы ввергли меня грѣхи мои многіе. И, Господи, еслибы и захотѣлъ почестъ, что мое самоиѣніе, бывшее причиною лишенія Твоего благодатнаго утѣшенія, произошло у меня отъ бѣсовъ. не могу тѣмъ извинить себя, ибо знаю, что съ теплымъ усердіемъ творящіе волю Твою легко сопротивляются имъ. Не они, а мои собственныя грѣшныя расположенія, кроющіяся въ сердцѣ, искусили меня. Какое въ семь. Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебѣ и для меня полезно, да увидитъ паки благодать Твоя въ раба Твоего, да видя ее, радуюся со умиленіемъ и плачемъ,—будучи просвѣщаемъ присносвѣтлымъ сіяніемъ ея и сохраняемъ отъ скверныхъ помысловъ, и всякой злой вещи, и отъ всѣхъ недобрыхъ дѣлъ и словъ, коими каждодневно согрѣшаю я въ вѣдѣніи и невѣдѣніи,—укрѣпляясь въ благонадежномъ дерзновеніи предъ Тобою, Господи, скорблями, каждодневно приключающимися рабу Твоему отъ бѣсовъ и людей, и отсѣченіемъ собственной воли своей, помышляя и о благахъ, уготованныхъ любящимъ Тебя. Ибо Ты сказалъ, Господи, что *просяи пріимлетъ, ищай обрѣтаетъ, и толкущему отвержется* (Мѣ. 7, 8). Къ сему, брате, прилагаю и другое, что вложить Богъ въ сердце твое. пребывай терпѣливо въ молитвѣ, не разслабляясь скучаніемъ и уныніемъ,—и благій Богъ не оставитъ тебя.

22) Въ келліи, какую въ началѣ получилъ ты отъ настоятеля, терпѣливо пребудь до конца. Если помысль станетъ смущать тебя по причинѣ ея ветхости, или опасности падевія, то, поклонившись настоятелю, скажи ему объ этомъ со смиреніемъ. Если онъ послушаетъ тебя, радуйся; а если нѣтъ, и въ такомъ случаѣ благодари, вспомянувъ о Владыкѣ своемъ, не имѣвшемъ, гдѣ главу подклонить. (И не повторяй уже прошенія). Ибо если ты два, три или четыре раза пошлѣшаешь объ

этомъ настоятелю (и не получишь удовлетворенія); то отъ этого родится сначала дерзость предъ нимъ, потомъ недовѣріе къ нему и наконецъ презрѣніе (и жизнь твоя разстроится). Почему, если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего. что служить къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребъ. При поступленіи твоёмъ въ монашество, въ началѣ объ этомъ и рѣчи не было. Не общался ли ты напротивъ мужественно сносить по заповѣди Божіей, еслибы тебя всѣ презирали и уничижали? Итакъ, если хочешь сохранить вѣру и любовь къ настоятелю своему и всегда смотрѣть на него какъ на святаго, соблюди слѣдующія три вещи: не проси у настоятеля того, что служить къ упокоенію тѣлесному, не позволяй себѣ особой предъ нимъ смѣлости и не учадай къ нему, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, имѣя въ виду будтобы то, чтобъ пользоваться его наставленіями и руководствомъ,— не иноческое это дѣло, а человѣческое; впрочемъ я этого не осуждаю. Прибавь къ сказанному еще и то, чтобъ не скрывать отъ него никакого помысла, находящаго на тебя. Если будешь соблюдать все сіе. то безъ волненій переплывешь море жизни и отца своего, каковъ бы онъ ни былъ не перестанешь почитать святымъ. Если, подошедши въ церкви къ отцу своему спросить о своемъ какомъ-либо помыслѣ, найдешь, что другой предупредилъ тебя по тому же предмету, или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается вниманія, смотри не оскорбись, и не подумай чего-либо недобраго, но стань особо поодаль и жди, сложивъ руки, пока не кончится рѣчь съ тѣмъ и тебя не позовутъ. Бываетъ, что отцы нарочно такъ дѣлаютъ для испытанія и для заглаженія прежнихъ нашихъ въ семь обстоятельствъ погрѣшностей.

23) Поститься въ посты надлежитъ тебѣ такъ: въ великій постъ по два дня, кромѣ великаго какого празд-

ника, субботы и воскресенья; въ другіе посты черезъ день (вкушать); въ прочіе же дни года ѣсть по одному разу въ день, кромѣ субботы, воскресенья и праздника, — но не досыта.

24) Старайся быть для всего братства назидательнымъ образцомъ во всякой добродѣтели, — въ смиреніи и кротости, въ милостивости и послушаніи даже въ низкихъ вещахъ. въ безгнѣви и безпристрастіи, въ нестяжательности и умиленіи, въ незлобіи и нелюбопытности, въ простотѣ нрава и чуждости ко всякому человѣку, въ посѣщеніи болящихъ, въ утѣшеніи скорбящихъ, — въ томъ, чтобы не отвращаться отъ ищущихъ пользы, подъ предлогомъ бесѣды съ Богомъ: ибо любви лучше молитвы, — въ томъ, чтобы быть сострадательну ко всѣмъ, не тщеславну, недерзостну, необличительну. не требова- тельну ни отъ настоятеля, ни отъ другаго какого распорядителя, соблюдающу почтительность ко всѣмъ іереямъ; — въ томъ, чтобы показывать вниманіе въ молитвѣ, неподдѣльное благонастроеніе и любовь ко всѣмъ, чтобы не славы ради стараться любопытно изслѣдывать Писанія, — чему научить тебя молитва, бывающая со слезами, и просвѣщеніе благодати. Когда спросить кто о чемъ подобающемъ, учи его тому, что касается богодѣйственныхъ и богоугодныхъ дѣланій, какъ подасть тебѣ благодать, со всѣмъ смиреніемъ, изъ опытовъ своей жизни, какъбы другаго кого, не тщеславясь въ помыслѣ, кто бы ни былъ ищущій у тебя пользы. И того не отвращайся, кто ищетъ у тебя врачевства противъ какого-либо помысла, но воспріими его погрѣшенія, какія бы они ни были, и молись о немъ съ плачемъ: ибо это есть знакъ совершеннаго состраданія и любви. И того ради, чтобы не получить вреда отъ слышанія такихъ вещей, не отрѣвай отъ себя приходящаго. Дѣйствуя изъ любви, не потерпишь никакого вреда, при помощи благо-

дати Вожіей. Впрочемъ, чтобъ не произошло отъ этого вреда для другихъ, надобно вести рѣчь о семъ (т.-е. принимать помыслы и давать уроки по поводу ихъ) въ тайножѣ мѣстѣ. Но если и подвергнешься, какъ чело-вѣкъ прираженію какого помысла, — чего однакожѣ не потерпишь, если сподобился дѣйства благодати, — то и при этомъ не переставай такъ дѣйствовать: ибо мы на-учаемся не своей *искать пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. 10, 33). Относительно дѣйства благодати знай, что когда станешь ты воистину имѣть себя грѣш-нѣйшимъ паче всякаго челоуѣка, тогда это будетъ зна-чить, что воспріялъ ты дѣйство благодати. Будь только безпечителенъ (о земномъ) и нестяжателемъ, — и спо-добишься сего. Какъ же все сіе бываетъ, не умѣю сказать: Богъ вѣсть.

25) Часы бдѣнія проводи такъ: два часа читай (оте-ческія книги), два часа молись во умиленіи со слезами; (это отъ себя, не по молитвеннику), затѣмъ приложи канонъ, какой хочешь (или изъ Октоиха дневной, или изъ Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двѣ-надцать псалмовъ, если угодно, — наконецъ молитву: *Нескверная, Неблазная*, и молитву св. Евстратія: *Величая величаю Тя*. Это когда ночи бываютъ велики; когда же онѣ коротки, тогда и послѣдованіе молитвъ пусть будетъ у тебя покороче, по даемой тебѣ отъ Бога силѣ: ибо безъ Него ничто доброе не дѣлается, какъ говоритъ Пророкъ: *отъ Господа стоны челоуѣку исправляются* (Пс. 36, 23), — и какъ сказать Господь: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). — Но причащаться никогда не причащайся безъ слезъ.

26) Ъшь предлагаемое, каково бы оно ни было; по-добнымъ образомъ и вино (пей, какое подадутъ), съ воз-держаніемъ, безъ ропота. Если живешь одинъ, по немо-щи ѣшь сырыя зелія (овощи, салаты), съ маслинами.

Если кто изъ братій пришлетъ тебѣ какое варево, прими съ благодарностію и смиреніемъ, какъ странникъ, и поѣшь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бѣдному и благоговѣйному. Если кто позоветъ тебя на угощеніе, ѣшь все предлагаемое, но всего по малу, по заповѣди, соблюдая воздержаніе. Вставши изъ-за трапезы, сдѣлай поклонъ звавшему по обычаю странниковъ и бѣдныхъ, и поблагодари его, говоря: Богъ да воздастъ тебѣ, отче святой. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

27) Если кто изъ братій, въ скорби или отъ настоятеля, или отъ эконома, или отъ другаго кого, придетъ къ тебѣ, утѣшь его такими словами: „повѣрь, брате, что это случилось тебѣ на испытаніе. Часто и со мною бывало это, и я по малодушію скорбѣлъ отъ того; но когда воспринималъ удостовѣреніе, что это посылалось мнѣ на испытаніе, переносилъ то съ благодарностію. Поступай и ты такимъ же образомъ, и не печалиться, а паче радоваться будешь отъ такихъ скорбей.“ Хотя бы тотъ на брань и поношеніе (оскорбившихъ) попопалъ, ты и при этомъ не отворачивайся отъ него, но какъ подастъ тебѣ благодать, постарайся утѣшить его. Ибо много есть разсужденій (пригодныхъ на это дѣло); и ты, какъ поймешь состояніе брата и его помыслы, сообразно съ тѣмъ подойди съ ними къ нему и помоги ему; неуравновѣшаннымъ же ни за что не отпускай его отъ себя.

28) Если какой братъ боленъ, и тебѣ случится долгое время не посѣтить его, то, желая наконецъ это сдѣлать, пошли напередъ предувѣдомить его и сказать: повѣрь мнѣ, отче святой, что я нынѣ только узналъ о болѣзни твоей, и прошу въ этомъ извиненія. Потомъ самъ иди, и пришедши, положи поклонъ и по молитвѣ скажи: какъ тебѣ, отче святой? Какъ милуетъ тебя

Богъ?—Затѣмъ сядь, сложа руки, и молчи. Если и другіе тамъ будутъ, пришедшіе для посѣщенія, смотри ничего не говори, ни отъ Писанія, ни изъ естествословія, чтобъ послѣ не скорбѣть. Это наибольшую частію случается съ простѣйшими изъ братій.

29) Если случится тебѣ угощаему быть трапезою вмѣстѣ съ другими благоговѣйными братіями, все предлагаемое надобно тебѣ ѣсть безъ раздумыванія, что бы тамъ ни было. Если имѣешь отъ кого-либо заповѣдь не ѣсть, напримѣръ, рыбы или другаго чего, а это предложено, то, когда тутъ же или недалеко давшій тебѣ заповѣдь, поди и умоли его позволить тебѣ ѣсть то; когда же нѣтъ его или знаешь, что онъ не разрѣшитъ тебѣ, а ты не хочешь смутить тѣхъ, съ которыми сидишь за трапезою, ѣшь не колеблясь, и послѣ стола Расскажи ему все, какъ и почему такъ ты поступилъ, прося прощенія. Если не хочешь ни того, ни другаго, то лучше тебѣ не ходить на такое угощеніе. Отъ этого получишь ты два добрыхъ плода: и бѣса тщеславія избѣжишь, и тѣхъ братій избавишь отъ смущенія и непріятности.—Но если то будутъ братія изъ дебелѣйшихъ, то соблюди свою заповѣдь. Впрочемъ лучше и при нихъ ѣсть понемногу отъ всего.—Такимъ же образомъ поступай и при угѣщеніи всей братіи кѣмъ-либо (когда кто для всей братіи предлагаетъ трапезу), по Апостолу, заповѣдавшему намъ *все предлагаемое ѣсть, ничтоже сумняся за совѣсть* (1 Кор. 10, 27).

30) Если кто изъ братій, когда ты творишь молитву въ келліи своей, постучитъ въ дверь, отвори ему, и сѣдши побесѣдуй съ нимъ со смиреніемъ о томъ, что предложить онъ изъ относящагося къ душеполезнымъ предметамъ, и если онъ отягченъ скорбію, постарайся угѣшить его словомъ или дѣломъ. Потомъ когда удалится онъ, затвори опять дверь и докончи свою молит-

ву, начавъ съ того, на чемъ прерванъ былъ. Ибо утѣшеніе и уврачеваніе проходящихъ равнозначительно съ примиреніемъ (враждующихъ). Впрочемъ съ мірскими не такъ должно поступать,—но начинать съ ними бесѣду уже по окончаніи молитвы.

31) Когда молишься, страхъ ли нападетъ на тебя, или стукъ подыметъ, или свѣтъ возсіяетъ, или другое что случится, не смущайся и не робѣй, но пребудь на молитвѣ гораздо долѣе обыкновеннаго. Такое смятеніе, страхованіе и ужасаніе бываетъ отъ демоновъ, чтобъ, растерявшись и разслабѣвши, оставить ты молитву, а когда такія тревожности обратятся у тебя въ навѣкъ, чтобъ совсѣмъ тебя взять въ свои руки и помыкать тобою.—Но если, во время совершенія тобою молитвы своей, иной нѣкій возсіяетъ тебѣ свѣтъ, котораго изобразить въ словѣ я не въ силахъ, отъ котораго душа преисполняется радости, возраждается вождѣленіе лучшаго и начинаютъ тѣни слезы со умиленіемъ; то вѣдай, что это есть божеское приѣщеніе и заступленіе. Если слишкомъ долго будетъ держаться такое состояніе, то, чтобъ по причинѣ обилія слезъ не покажутся тебѣ предъ собою чѣмъ-либо болѣе, нежели каковъ ты на дѣлѣ, обрати умъ свой на что-либо тѣлесное и тѣмъ смири себя.—Изъ-за страха же вражескаго смотри никогда не оставляй молитвы, но, какъ дитя, убоявшись какихъ либо страшилищъ, бѣжить въ объятія отца или матери и тамъ отлагаетъ всякой страхъ, такъ и ты, востекши къ Богу молитвою, избѣжишь страха, наводимаго бѣсами.

32) Если, когда ты сидишь въ келли, какой-нибудь братъ придетъ и спроситъ тебя о плотской брани, не отсылай его ни съ чѣмъ, но со умиленіемъ изъ того, что подастъ тебѣ благодать Божія и что стяжалъ ты собственнымъ опытомъ, попользуй его, и такъ отпусти. Когда же будетъ онъ выходить, поклонись ему и ска-

жи: повѣрь мнѣ, брате,—уповаю на человѣколюбіе Божіе, что отбѣжить отъ тебя эта брань, только не поддавайся и не разслабляйся (не поблажай). А когда выйдетъ, встань и, вообразивъ брань его, воздѣнь руки свои къ Богу и помолись Ему о братѣ со слезами и воздыханіями, говоря: Господи Боже, нехотящій смерти грѣшника, устрой дѣло сіе, какъ знаешь и какъ полезно брату сему. И Богъ, зная вѣру его къ тебѣ и твое къ нему изъ любви состраданіе и искреннюю о немъ молитву, облегчить ему брань его.

33) Все сіе, брате, пригодно къ возбужденію и укрѣпленію умиленія, и должно все то исполнять съ сокрушеннымъ сердцемъ, терпѣніемъ и благодареніемъ; такъ какъ въ этомъ причина слезъ, очищеніе страстей и прямой путь въ царствіе небесное: ибо царствіе небесное есть достояніе нудящихъ себя, и только нудящіе себя восхищаютъ его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь отъ прежнихъ навыковъ и расположеній, а можетъ быть станешь свободенъ и отъ самыхъ прилоговъ помысла: ибо обыкновенно свѣту уступаетъ тьма и солнцу тѣнь. Кто же вознерадитъ о семъ въ началѣ, тотъ, разслабѣвъ въ помыслѣ и сдѣлавшись пытливымъ (занявшись пустыми вещами), лишается благодати и вслѣдствіе того, впадши въ злыя страсти, познаетъ свою немощь (являетъ опыты немощи, или опытомъ изучаетъ ее), полнъ будучи боязни и робости (того не могу, другаго не въ силахъ—говоритъ онъ и чувствуетъ, когда сознаетъ, что слѣдовало бы то и то сдѣлать). Тому, кто исполняетъ это, не должно думать, что исполняетъ то собственными силами, но все приписывать благодати Божіей. Ему прежде надобно себя очистить, а потомъ чисто бесѣдовать съ Чистымъ (Богомъ), какъ сказалъ нѣкто. Когда умъ очистится многими слезами и воспріиметъ осіяніе божественнаго свѣта (которое не умалится,

хотя бы его весь міръ получилъ), тогда съ любовію мысленно пребываетъ весь въ будущемъ *), и созерцаетъ его, какъ то показываетъ ему Богъ, и радуется радостію духовною, по Апостолу, который говоритъ: *плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, кротость* (Гал. 5, 22—23).

34) Кто стѣжалъ сіе, да внимаетъ себѣ и бдительно смотритъ за прилогами помысловъ. Ибо кто живетъ среди множества людей, тому невозможно, думаю, избѣжать ихъ, особенно прилоговъ зависти и тщеславія тому, кого хвалятъ мірскіе люди за славную жизнь его и презрѣніе видимыхъ вещей. Но и то бываетъ, что иной разъ видя или слыша, какъ кто-нибудь поступаетъ неподобающимъ образомъ, невольно осуждаетъ его. Почему таковой пусть остерегается отъ любопытства знать, что говоритъ или что дѣлаетъ игумень, или помощники его; если же, побѣждаемый страстію, подумаетъ или скажетъ что съ любопытствомъ (или то, что узналъ, или чтобъ узнать о нихъ), пусть исправитъ себя въ этомъ покаяніемъ. Пусть смотритъ онъ за собою въ семь отношеніи и во время стоянія въ церкви и во время исправленія дѣла послушанія; потому что помыслы тщеславія и въ это время, обыкновенно, нападаютъ на ревнителей добраго дѣйствованія, когда, или по тому поводу, что они добръ внимаютъ псалмопѣнію, или по тому, что молятся безъ блужданія ума туда и сюда, внушаютъ имъ, будто другіе братія всё мнутъ помыслами и только они одни пребываютъ въ созерцаніяхъ, возбуждаемыхъ духовною мелодіею (пѣніемъ псалмовъ), мысленно подражая чинамъ ангельскимъ, — что однакожъ никому не явно, кромѣ одного Бога и тѣхъ, которые одинаковаго суть съ ними устроенія. — Бываетъ, что инымъ еще образомъ искушаютъ ихъ

*) Отсѣлъ до конца главы въ Добротол. пѣтл.

помыслы, именно или осуждая ихъ, или ублажая.—Впрочемъ всего этого можешь ты избѣгать, если будешь блюсти себя и себѣ внимать со смиреніемъ, любовію, исповѣдію и безпристрастіемъ.

35) Старайся никого не опечалить ни словомъ, ни дѣломъ; напротивъ даже тѣхъ, которые опечалены другими, утѣшай, сколько можешь. Однакожъ никогда не думай, что ты препобѣдилъ козни діавола, и не тщеславься. Ибо все человѣческое естество не можетъ препобѣдить ихъ: одна благодать Божія творить сіе.—Итакъ, живущіе братствомъ въ подчиненіи настоятелю должны поступать, какъ сказано. Что же касается до любителей безмолвія (живущихъ одиноко), тѣмъ я не могу ничего сказать. Впрочемъ судя по тому, что я сказалъ, всякой пусть самъ додумывается и до того, что свойственно безмолвникамъ. Безмолвіе требуетъ болѣе строгой и внимательной жизни.

36) Если стяжалъ ты полную вѣру къ кому-либо изъ братій киновіи, и исповѣдуешь ему свои помыслы, смотри не опускай этого никогда, во всякій день и часъ ходи къ нему и открывай помыслы, находящіе и смущающіе. Слѣдовало бы всѣмъ ходить къ игумену исповѣдываться, но какъ иные не хотятъ открывать помысловъ своихъ игумену, по немощи своей и невѣрію къ нему, то я и говорю такъ по снисхожденію къ сему. Впрочемъ не слѣдуетъ тебѣ переходить отъ одного къ другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушаетъ тайно, что-де ты тяготишь брата того, принимающаго твои помыслы, тѣмъ, что часто ходишь къ нему, или что стыдно тебѣ многократно сказывать ему о себѣ одно и тоже, почему перестань исповѣдываться у него, а ходи къ другому. Ибо если не послушаемъ такихъ внушеній, а все будемъ ходить къ первому, то еще большую возымѣемъ къ нему вѣру, и еще большую

получимъ пользу, и отъ жизни его, и отъ словъ его. За такую жизнь никто не будетъ осуждать насъ, напротивъ всѣ будутъ хвалить, что съ такимъ постоянствомъ хранимъ вѣру къ нему одному. Если вознерадимъ мы часто открывать помыслы свои, то впадемъ въ большія страсти, и затѣмъ стыдясь открывать ихъ, впадемъ въ ровъ печалія.—Если пойдемъ къ другому духовнику (что непозволительно намъ дѣлать), то когда духовникъ этотъ одной съ нами киновіи, всѣ братія осудятъ насъ за то, что оставили вѣру, какую имѣли къ прежнему, и Богъ крѣпко осудитъ насъ за это. Да и самый духовникъ, къ которому перейдемъ, подумаетъ, что и въ отношеніи къ нему мы также поступимъ наконецъ. И навѣрное поступимъ; и такимъ образомъ, привыкнуши переходить отъ одного къ другому, уже никогда не прекратимъ этого; начнемъ пытаться, гдѣ есть какіе столпники, затворники, безмолвники, и ходить къ нимъ исповѣдываться, тоже переходя отъ одного къ другому и теряя вѣру къ каждому. Наконецъ потеряемъ вѣру ко всѣмъ, сдѣлаемся невѣрующими никому и во всемъ безуспѣшными; и, что бѣдственнѣе всего, подпадемъ общему осужденію и клятвѣ. Почему тому духовнику, которому исповѣдался ты въ началѣ, старайся пребыть вѣрующимъ несомнѣнно до самой смерти своей. Ибо, какъ я сказалъ, если ты презришь его и перейдешь къ другому, то подпадешь многимъ искушеніямъ, начнешь такимъ же образомъ осуждать и всѣхъ другихъ, и самъ себѣ уладишь путь въ пагубу. Но Господи, Господи, избави насъ отъ всякаго невѣрія и подозрительности, и покрой божественною Твоею благодатію.

37) Если и ты самъ пріобрѣтешь учениковъ, имѣющихъ вѣру къ тебѣ и исповѣдающихъ тебѣ свои помыслы, и увидишь, что они бесѣдуютъ съ нѣкоторыми братіями изъ болѣе благоговѣйныхъ,—смотри не соблазни-

ся тѣмъ. Демоны и тѣмъ, которые право живутъ и добръ ведутъ дѣла свои внушаютъ тайно, что такіе ученики не шествуютъ въ прямоу и простоту сердца и ходятъ къ намъ исповѣдывать помыслы свои не съ истинною къ намъ вѣрою, но прикрываясь лицемеріемъ, не съ доброю цѣлію соглядають лишь свободу нашу,—и ввущая это, возбуждаютъ въ насъ неудовольствіе и недовѣріе къ такимъ ученикамъ.—Такъ ты не принимай такого помысла, когда бѣсы станутъ влгати его тебѣ, но со всею простотою и любовію, Бога ради и ради самаго добра, старайся исправить таковыхъ и душевно попользовать ихъ, почитая ихъ преуспѣяніе собственною своею славою.

38) Если какой-либо изъ учениковъ твоихъ возмнѣтъ недовѣріе къ тебѣ; ты разсмотри, отъ чего это случилось, такъ какъ это бываетъ по многимъ причинамъ и предлогамъ: или отъ того, что потщеславившись, будто уже достигъ совершенства, впалъ онъ въ гордость и не хочетъ уже называться ученикомъ, а желаетъ быть въ учительскомъ чинѣ; или отъ того, что, утѣвъ и утолстѣвъ (т.-е. предавшись безнечности), возлюбилъ плоть и желаетъ жить въ полномъ довольствѣ тѣлесномъ; или отъ того, что ты прежде любилъ его больше, а потомъ сталъ любить другихъ,—и онъ впалъ въ зависть; или отъ того, что онъ желаетъ рукоположенія, а ты препятствуешь ему, такъ какъ, судя по дѣламъ, имъ исповѣданнымъ, недостойнъ онъ священства; или отъ того, что ты предпочитаешь ему въ этомъ другаго, послѣ него, можетъ быть, къ тебѣ пришедшаго, потому что такого рода дѣйствование сильную причиняетъ скорбь тому, кто сильно желаетъ и не улучшаетъжелаемаго,—особенно если онъ пришелъ къ тебѣ отъ младыхъ ногтей и ты любилъ его по Богу крѣпко; или, можетъ быть, ты когда-нибудь въ побужденіе, чтобъ онъ воздерживался отъ страстей, обѣщаль ему, что дашь ему позволеніе принять рукополо-

жение (ибо духовники часто имѣютъ обычай давать юнымъ такія общанія рукоположенія, чтобъ воодушевить ихъ отсѣчь совершенно наклонность, какую, по злой привычкѣ, имѣютъ они къ извѣстнымъ страстямъ), и онъ, не улучивъ по недостойнству своему того, чего надѣялся по общанію твоему, подвигся на зависть и говоритъ такія обличенія противъ того другаго брата, что ихъ даже выслушать нельзя спокойно, а не только высказать. Кромѣ сказаннаго, бываютъ и другія причины невѣрія,—когда на примѣръ иной по нерадѣнію впадаетъ въ сосложенія (съ худыми пожеланіями), или въ дѣйствительныя грѣхи, и стыдась исповѣдать то по тщеславію, умалчиваетъ, а чрезъ умолчаніе такое мало-помалу приходитъ и въ совершенное невѣріе (отцу своему); или когда кто, увидѣвъ тебя состоящимъ подъ вліяніемъ какой-либо страсти, осудилъ тебя и отвернулся отъ тебя. Признакомъ отвращенія таковыхъ отъ тебя да будетъ тебѣ, если ты опытенъ взоръ лица ихъ или, если это тебѣ неподручно, измѣненіе во вышнемъ видѣ сравнительно съ обыкновеннымъ. Ибо училъ ли ты такого, или обличаешь, или утѣшаешь, онъ держитъ видъ, будто принимаетъ внушенія твои, но видно, что онъ принимаетъ ихъ слухомъ, но сердцемъ не принимаетъ, что они непріятны ему, что онъ пересмѣиваетъ ихъ, или раздражается противъ нихъ. Если иной разъ, желая испытать, чистъ ли онъ отъ страсти, велишь ты ему причаститься, или другое что сдѣлать, онъ тотчасъ соглашается сдѣлать это безъ всякаго раздумыванія, чтобъ ты не обличилъ его.—Врачевство для таковыхъ—молитвы къ Богу усердныя со слезами, умноженіе любви, частое внушеніе, тѣлесное упокоеніе и всегдашнія собесѣдованія, иногда кроткія и уладительныя, а иногда строгія и обличительныя, какъ лучше и пригожѣе къ тому, чтобъ они слушались и умягчались нравомъ.

39) Когда ученикъ твой скажетъ о нѣкоторыхъ братіяхъ, что они благоговѣйны, и похвалить ихъ, ты промолчи. Если онъ спросить тебя о нихъ, отвѣтъ со смиреніемъ: „повѣрь мнѣ, отче,—не знаю; я, будучи мало-смысленъ, долгъ имѣю смотрѣть за своимъ нерадѣніемъ; что касается до другихъ, то они всѣ по благодати Божіей святы и добры; впрочемъ каждый что посѣтъ, то и пожнетъ.“ И ты не хвали и не осуждай никого въ частности, но всѣхъ ихъ хвали,—особенно, когда придетъ ученику твоему помысль, будто ты имѣешь къ кому-либо изъ нихъ особую вѣру. Такимъ способомъ онъ ублагоднастроится и избавится отъ того помысла.

40) Если два юныхъ брата возымѣютъ любовь между собою въ простотѣ сердца, и ты услышавъ отъ иныхъ, что эта любовь ихъ не добрая, а страстная,—чувствуешь понужденіе пресѣчь такое ихъ другъ къ другу пристрастіе, когда случится, что они часто ходятъ къ тебѣ, то добръ обсуди, какъ надлежитъ тебѣ вести къ нимъ бесѣду о томъ, что можетъ ихъ употребить, чтобъ вмѣсто пользы не причинить имъ вреда. Итакъ, если думаешь что что-либо изъ сказаннаго тебѣ похоже на правду, позови одного изъ нихъ и, бесѣдуя съ нимъ съ истинною любовію, съ лицемъ радушнымъ и съ душевною пріятностію, толкуй ему о многихъ и разныхъ предметахъ, но въ эту рѣчь свою внеси малое нѣчто и нѣкоторымъ образомъ прикровенно и касающееся той страсти; за тѣмъ скажи ему: внимать себѣ подобаетъ намъ, брате, потому что ходимъ посредѣ сѣтей, и *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ, къ духовомъ злобы* (Еф. 6, 12), и врагъ нашъ *яко левъ рыкающій ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Уже многихъ онъ изъ великихъ подвижниковъ побѣдилъ въ брани; тѣмъ легче одолѣетъ онъ тѣхъ, кои подобно мнѣ нерадивы. Внимай убо себѣ и блюди отъ сосложенія

со всякими помыслами, и отъ особеннаго съ какимъ-либо братомъ содружества, чтобъ не вплестись тебѣ опять въ прежніе грѣхи, или можетъ быть и худшіе. Прибавивъ послѣ сего еще что полезное о другихъ вещахъ, чтобъ разсѣять всякое подозрѣніе,—отпусти его. Другаго же совсѣмъ не трогай. Если этотъ, съ коимъ говорилъ ты, дѣльный человѣкъ и подвижникъ истинно духовный, то онъ отъ однихъ къ нему твоихъ словъ разойдется съ тѣмъ, если имѣетъ вѣру къ тебѣ, или разорветъ онъ содружество то отъ стыда, или отъ тщеславія, или отъ страха,—такъ какъ иные по этимъ тремъ причинамъ, съ помощію благодати Божіей, отстаютъ отъ страстей, безъ труда и подвига. Если увидишь, что и послѣ этого взаимное пристрастіе сихъ юныхъ остается по прежнему, тогда призови и другаго—одного, можетъ быть болѣе безстрастнаго, и потолкуй ему, подобно какъ и первому, или больше того. Потомъ прибавь и слѣдующее: „слышалъ я что ты имѣешь любовь къ такому-то. Зная васъ обоихъ, я увѣренъ, что эта любовь между вами духовная. Но чтобъ иные не соблазнялись, послушай меня, если хранишь любовь и вѣру ко мнѣ, перестань вести съ тѣмъ братомъ бесѣды и сидѣть наединѣ. И это тѣмъ охотиѣ, что игумень имѣетъ хорошее о тебѣ мнѣніе и намѣренъ представить тебя къ рукоположенію.“ Сказавъ это, начни бранить и укорять другаго, что онъ и страха Божія не имѣетъ, и принадлежитъ къ числу плотяныхъ людей. Этимъ расположишь его отстать отъ того, или по духовному побужденію, или по страсти тщеславія, хиротоніи ради, о коей ты сказалъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ. 1) О любви, и о томъ, какова жизнь и каковы дѣла добродѣтельныхъ мужей. 2) И ублаженіе тѣхъ, кои имѣють сердечную любовь.	Стр. 3
СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О совершенной любви,— какое дѣйствіе ея? 2) И о томъ, что если не пощечемся пріять благодать Святаго Духа здѣсь, въ настоящей жизни, то невозможно намъ быть вѣрными и христіанами; не будемъ мы также чадами Божиими.	9
СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ. 1) О тѣхъ, кои причастны бывають благодати Святаго Духа. 2) И о томъ, что любящій славу человѣческую никакой пользы не получить отъ прочихъ добродѣтелей, хотя бы всѣ ихъ исправилъ.	16
СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ. О вѣрѣ, и къ тѣмъ, которые говорить, что живущему въ мірѣ невозможно достигнуть совершенства въ добродѣтеляхъ. Въ началѣ слова—многополезная повѣсть	21
СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ. 1) О странномъ днѣ Господнемъ и о будущемъ судѣ; какой это день Господень и кому открывается? 2) Опъ дѣйствуетъ въ насъ и прежде смерти, и открывается тѣмъ, въ коихъ дѣйствуетъ въ настоящей жизни. 3) Вѣра во Христа одна не можетъ насъ спасти, если не получимъ созвательно благодати Святаго Духа. 4) Какъ можно познать, что благодать Св. Духа—получена? И толкованіе словъ: въ началѣ бы Слово. 5) Ублаженіе тѣхъ, которые получили благодать Святаго Духа.	33
СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ. 1) О любви и вѣрѣ. Какъ стяжать въ душѣ своей любовь къ Богу? 2) О возсіаніи и созерпаніи свѣта и о таинственной бесѣдѣ Духа.	61
СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ. 1) Всякому христіанину необходимо причастну быть благодати Святаго Духа. 2) Невозможно, чтобы дѣла добродѣтели были тверды и прочны иначе, какъ благодатію Святаго Духа, безъ коей никто не можетъ ни успѣшно шествовать путемъ добродѣтели, ни пользоваться другихъ, ни принимать и разрѣшать чужіе помыслы. 3) Трѣпостасное Божество по всему равно (то-есть всѣ лица по всему равны)	67
СЛОВО ШЕСТИДЕСЯТОЕ. Первое богословское слово противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Отецъ есть прежде Сына.	75
СЛОВО ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ. Богословское второе. Противъ тѣхъ, которые покушаются богословствовать, не имѣя благодати Св. Духа.	91
СЛОВО ШЕСТИДЕСЯТЬ ВТОРОЕ. Богословское третье—о томъ, что чтѣсть Отецъ, тоже есть и Сынъ, и чтѣсть Сынъ, тоже есть	

и Духъ Святый, — и что три сѣи суть единый Духъ, единочестный, еди-
воссущный и единопрестольный 102

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ. 1) О тѣхъ, кои думаютъ, что
имѣютъ Духа Святаго, безъ всякаго совершенно сознанія и чувства
дѣйствія Его, — и о тѣхъ, которые говорятъ, что въ настоящія вре-
мена ни одинъ человекъ не можетъ узрѣть славы Святаго Духа. 2) О
томъ, что у святыхъ нѣтъ ни малой зависти, когда и мы вслѣски
стараемся преуспѣваніемъ въ добродѣтеляхъ сдѣлаться подобными имъ.
3) Какъ можно зрѣть Бога? 4) Кто достигъ такой мѣры, чтобы зрѣть,
по возможности своей, Бога, тотъ еще въ настоящей жизни научает-
ся знать, какое блаженство будетъ даровано святымъ въ будущей
жизни. 5) Что Пророки и Апостолы называли то, что видѣли, бу-
дучи просвѣщаемы Духомъ Святымъ, всегда съ ними пребывавшимъ.
6) Кто преступаетъ, или криво перетолковываетъ слова его, тотъ
погрѣшаетъ противъ Духа Святаго 108

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. О богохульствѣ. Кто го-
воритъ, что въ нынѣшнія времена невозможно получить Духа Святаго,
и кто хулитъ дѣйствія Святаго Духа, говоря, что такіа дѣйствія отъ
дѣавола, тотъ вводитъ новую ересь въ церковь Божию 125

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ. О покаяніи, и о томъ, что когда
кто творитъ всѣ подъ рядъ заповѣди Божіи, то преуспѣваетъ въ добро-
дѣтели и дѣлается совершеннымъ 129

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ. 1) О покаяніи, — и что для
очищенія души недостаточно одного разданія имуществъ, если не стя-
жемъ и плача. 2) Объ изгнаніи Адама изъ рая, — и что если бѣ онъ
покаялся, по преступленіи заповѣди Божіей, то не былъ бы изгнанъ
изъ рая. 3) Какое благо принесло ему покаяніе, и какое принесъ онъ
по изгнаніи? 4) Что надлежитъ каяться тому, кто хочетъ истинно по-
каяться. 5) О второмъ пришествіи Господнемъ. 6) Обличеніе тѣхъ, ко-
торые живутъ не худо, но не съ добрымъ расположеніемъ, а притворно. 136

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ. 1) О покаяніи. Какой под-
вигъ душевный и какую болѣзнь сердечную имѣетъ тотъ, кто кается
съ духомъ сокрушеннымъ и смиреннымъ? 2) Что говорить онъ, и какъ
молится человеколюбивому Богу? 3) О страхѣ Божіемъ. 172

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ. О трехъ образахъ внима-
нія и молитвы. 179

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ. О покаяніи и началѣ добро-
дѣтельной жизни; также о томъ, что должно дѣлать каждодневно
тому, кто кается; еще—о сокрушеніи и слезахъ 191

СЛОВО СЕМИДЕСЯТОЕ. Какъ надлежитъ присматривать за со-
бою и вникать въ свое состояніе, и какъ должно сличать дѣла свои
съ заповѣдями Христа Господа? 203

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ. О новоначальныхъ монахахъ. . 209

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ. 1) Объ отреченіи отъ міра и
отсѣченіи своей воли. 2) Что всякому надо найти себѣ опытнаго ру-
ководителя, чтобы научиться отъ него добродѣтели. 3) Что надобно
имѣть мѣру къ духовному отцу. 4) О зрѣніи свѣта, коимъ просвѣщается
всякая душа и преуспѣваетъ въ любви къ Богу. 219

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ. О томъ, что должно охотно повиноваться старшимъ, не забывать данныхъ Богу обѣтовъ и не роптать по причинѣ церковныхъ службъ. 227

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О привязанности къ роднымъ. 2) Объ отчаяніи и видахъ его. 3) О необходимости вразумлять таковыхъ словами Писанія. 4) Кто не исполняетъ хоть малую какую заповѣдь, о томъ нельзя сказать, что онъ истинно вѣруетъ. 5) Приточное изображеніе шестива царскимъ путемъ среди соблазновъ. 6) Вредъ для монаха отъ пристрастія къ роднымъ. 240

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ. 1) О покаяніи и умиленіи. 2) Какъ можно дойти до умиленія? 3) О слезахъ. 4) Безъ нихъ нельзя достигнуть чистоты и безстрастія. 255

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ. Надлежитъ соблюдать и держать снаспительный постъ не въ первую только пѣдѣлю св. Четырдесятницы, но и во всѣ прочія. 279

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ. О воздержаніи и терпѣніи въ дѣланіи добродѣтелей, требуемомъ временемъ поста, и о молчаніи; и о томъ, какъ истинно подвижающимся должно проводить все время поста. 285

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ. 1) Кто таковъ тотъ, кто кается, и какое дѣланіе его? 2) Если не стяжемъ добродѣтелей, то никакой не принесетъ намъ пользы свобода отъ страстей. 3) Кто таковы тѣ, которые работаютъ Богу, каковы дѣла ихъ, и почему можно распознать ихъ? 293

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ. 1) О животворномъ умертвіи, которое подаетъ Духъ Святый подвижающимся с спасеніи своимъ. 2) О томъ, что освободившіеся отъ работы закону сознательно принимаютъ благодать божественнаго свѣта. 3) Каковъ долженъ быть іерей, пріявшій свыше власть рѣшить и вязать? 4) Тому, кто истинно священнодѣйствуетъ и осплавается божественнымъ свѣтомъ, явны всѣ люди. 315

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТОЕ. 1) О томъ, какое вѣдѣніе есть истинное вѣдѣніе, и о томъ, что вѣдѣніе Бога въ добродѣтельныхъ не отъ ученія происходитъ, а отъ чистоты души и отъ божественной благодати. 2) Что осужденіе есть худое дѣло. 3) Обличеніе тѣхъ, которые думаютъ, что знаютъ тайны Духа, не имѣя благодати Духа. 4) О снѣтости Духа. 5) Коль блага вѣра, какой плодъ ея и какъ онъ множится. 6) Которые имѣютъ сокровище Духа въ себѣ, узнаютъ, когда оно есть и въ другихъ, и знаютъ, какіе отличительные признаки святыхъ. 7) Кто не родился свыше, тотъ не можетъ видѣть Бога и узнать того, кто достигъ сего благодатию Духа Святаго. 323

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ. 1) О духовномъ дѣланіи. 2) Каково было это дѣланіе у древнихъ святыхъ? 3) Какъ можно и намъ преусиловать въ немъ? 344

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ. 1) О животворномъ умертвіи. 2) О томъ, что стяжаніе добродѣтелей покупается кровію. 3) Какія обиталища добродѣтелей? 4) Кто не восходитъ въ царствіе небесное должнымъ порядкомъ, тотъ не войдетъ въ него. 5) Въ совершенныхъ

качествомъ радость и веселіе, а не слезы. 6) И внутрь ихъ текутъ рѣки богословія. 7) Не слѣдуетъ принимать предстоительство надъ народами, боязнь удостовѣренія благодати Божіей. 8) Въ чемъ главное дѣло тѣхъ, кои имѣютъ предстоіаніе надъ народами, и какъ разумныя овцы должны быть пасомы пастырями? 356

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ. 1) О безстрастіи и добродѣтельной жизни. 2) Какъ отсѣчь волю свою и востечь на высоту совершенства? 3) О соединеніи Бога съ душою и души съ тѣломъ. 4) О преславнои соединеніи трехъ сихъ—Бога, души и тѣла. 5) О духовномъ врачевствѣ, и какъ надѣжиться врачевать немощствующихъ душою? 380

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О безстрастіи и о дарованіяхъ, кѣмъ мало-по-малу сподобляются преуслѣвающе въ немъ. 2) Въ чемъ состоитъ совершенство духовнаго о Христѣ возраста? 396

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ. О безмолвіи, и какого рода дѣланіе долженъ проходить тотъ, кто желаетъ мужественно пребывать въ немъ. 427

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ. 1) Душеполезная новѣсть объ одномъ послушникѣ, получившемъ Святаго Духа молитвами отца своего духовнаго. 2) О дѣйствіяхъ Святаго Духа и созерпаніи таинъ Его. 43

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ. О тѣхъ, которые сами собою дѣлаются учителями, отцами духовными и руководителями другихъ, и не имѣя божественной благодати, руководятъ и учатъ другихъ,—и о томъ, что не должно никому, прежде чѣмъ рожденъ онъ будетъ и просвѣщенъ отъ отца духовнаго, руководить или учить другихъ. 440

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЕ. О томъ, что желающій постигнуть словесное слово Христово прежде долженъ разсмотрѣть и съ точностію изслѣдовать себя самого и свое состояніе, и тогда уже браться учить другихъ. 450

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ. О томъ, что опасно для души скрывать талашь, или давшую отъ Бога благодать, но слѣдуетъ всѣмъ проповѣдывать о благодѣяніяхъ Божіихъ на пользу слушающимъ, хотя нѣмъ это и непріятно бываетъ. 470

СЛОВО ДЕВЯНОСТОЕ. Благодареніе Богу за дары, какіе сподобился получить св. отецъ, и поученіе, въ коемъ онъ показываетъ, какъ и каковыми является Богъ тѣмъ, кои чисты сердцемъ. 482

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЕ. Благодареніе Богу за полученныя отъ Него благодѣянія; о духовной молитвѣ и о преслѣваніи въ ней; о божественномъ озареніи, о необманчивомъ созерпаніи, и о любви къ Богу. 491

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ВТОРОЕ. О созерпаніи и откровеніи, и о душѣ просвѣщенной; и какъ дѣйствуетъ благодать Святаго Духа въ томъ, въ коемъ царствуетъ любовь къ Богу, и кто пришелъ въ глубину смиренія. 502

ДѢЯТЕЛЬНЫЯ И БОГОСЛОВСКІЯ ГЛАВЫ 508

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛОВО СТАРЦА СИМЕОНА БЛАГОГОВѢНАГО. 571

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	12	сперху	прениталъ
8	6	—	Самъ
29	5	—	Божіи
39	1	—	есть.
58	12	—	сына и
70	10	сп.	Духа
74	5	—	достоинства
107	10	—	примѣрами: Богъ
125	7	—	вѣковы
136	3	—	и
—	2	—	что
—	14	сп.	путемъ, заповѣдей
44	9	сп.	потому что это
56	3 и 8	сп.	Не говорилъ Я:
166	17	сп.	а
174	2	сп.	безусиѣнность
185	5	сп.	былъ
198	8	сп.	совершать
199	7	сп.	при этомъ
210	15	сп.	исполнять
236	9	—	самомалѣйшия
238	11	—	же
240	14	—	очень
247	18	—	заповѣдавъ.
250	16	сп.	племени
281	9	сп.	болѣе
286	11	сп.	большемъ
289	9	сп.	если
291	4	—	убыгавъ
292	9	сп.	Божія
307	10	сп.	смертѣть
313	6	—	такъ тернія,
325	5	сп.	и поговоривъ
354	3	—	Если же умертвимся
358	13	—	жнующи,
376	14	сп.	и соблюди
383	15	сп.	на влагай
—	6	—	смерти —
404	13	сп.	получившій
431	16	сп.	тотъ
441	2	—	тамъ
462	5	сп.	и
514	2	сп.	того
537	3	—	А лишенъ
539	10	сп.	приникнуть
542	8	сп.	Перифразъ
587	15	—	въ этомъ